

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 424.50 (39)

~~THE SLAVIC COLLECTION~~

Harvard College Library

GIFT OF

By Exchange

16 Apr 1897

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ XXXIX.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1896.

тет.

Российской Историко-Филологической Академии
Императорской Санкт-Петербургской
Университета

к. н. № XXXIX

Prof James Textbook of
Psychology, translated into
Russian by
I. Lapsin.

St. Petersburg 1896

St. Petersburg Univ. - Ist. - filol. fakultet.

ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ XXXIX.

Психологія. Транскрипція зъ М. П. Давидова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1896.

Slaw 20.4.39

~~Phil 5249.2.18~~

~~Slaw 20.4.39~~

PSlaw 424.50 (39)

Harvard College Library
By Exchange,
Apr. 16, 1897.

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета печатать дозволяется. 19 іюня 1896 г.

Деканъ И. Помяловскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Приготовляя къ печати настоящее сокращеніе моего большого труда: «Основанія Психологіи», я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ дать учебникъ психологіи, годный для класснаго употребленія. Для этой цѣли я выпустилъ изъ большого моего труда цѣлыя главы, другія же переработалъ совершенно заново. Я выпустилъ всю историческую и полемическую часть труда, всѣ метафизическія разсужденія, всѣ мѣста чисто философскаго характера, большую часть цитатъ и ссылокъ на другія книги и всѣ не относящіяся прямо къ дѣлу подробности моего болѣе обширнаго труда, предоставляя преподавателю психологіи самому пользоваться всѣмъ этимъ матеріаломъ по мѣрѣ надобности при чтеніи лекцій. Зная, какъ плохо знакома съ физиологіей большая часть учащейся молодежи, я счелъ нужнымъ посвятить нѣсколько главъ описанію органовъ чувствъ и мозга. Я полагаю, что сдѣланныя мною сокращенія въ критической части труда и болѣе упрощенный и догматическій способъ изложенія способствовали большей ясности въ развитіи моей общей точки зрѣнія на психологію, какъ на «естественную науку». Около двухъ пятыхъ книги или написаны вновь, или заново переработаны, остальное скомпилировано изъ моего большого труда. Я жалѣю, что мнѣ не удалось добавить главъ: «*Объ удовольствіи и боли*», «*Объ эстетическомъ чувствѣ*» и «*О нравственномъ чувствѣ*». Можетъ быть, мнѣ удастся заполнить этотъ пробѣлъ въ слѣдующемъ изданіи, если только въ немъ когда-нибудь представится надобность.

Не могу не воспользоваться этимъ предисловіемъ, чтобы сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу способа сочиненія: «Основаній Психологіи». Огромное большинство моихъ критиковъ отнесли ко мнѣ такъ снисходительно, что мнѣ остается только сердечно благодарить ихъ, но всѣ они сходились въ одномъ общемъ упрекѣ, именно, по ихъ мнѣнію, изложеніе мое беспорядочно и расположение главъ слишкомъ искусственно. «Этотъ недостатокъ извинителенъ, прибавляли они, такъ какъ данное сочиненіе состоитъ, по большей части, изъ собранія журнальныхъ статей и потому не можетъ отличаться такою систематичностью, какой можно требовать отъ цѣльнаго, заразъ написаннаго труда». По моему, и упрекъ, дѣлаемый мнѣ, несправедливъ, и оправданіе его неосновательно. Порядокъ изложенія, безъ сомнѣнія, нѣсколько нестроенъ: вѣдь, не даромъ большинству критиковъ этотъ недостатокъ книги бросился въ глаза. Но сказать, что въ книгѣ нѣтъ общаго плана, мнѣ кажется, нельзя, такъ какъ я преднамѣренно держался при изложеніи порядка, наиболѣе удобнаго въ педагогическомъ отношеніи, переходя постепенно отъ наиболѣе конкретныхъ, непосредственно извѣстныхъ всякому человѣку душевныхъ состояній къ такъ называемымъ элементамъ, съ которыми мы знакомимся позднѣе путемъ абстракціи. Обратный порядокъ изложенія, при которомъ постепенно «конструируютъ» сложныя состоянія сознанія изъ «элементарныхъ психическихъ единицъ», даетъ возможность сообщить изложенію болѣе изящную форму и раздѣлить всю книгу на ясно разграниченные другъ отъ друга отдѣлы; но эти преимущества изложенія верѣдко пріобрѣтаются путемъ искаженія дѣйствительныхъ фактовъ. Я готовъ допустить, что мой «синтетическій» порядокъ изложенія устанавливался мною, такъ сказать, на ощупь. Но я поступалъ такъ въ силу соображеній, которыя вынуждали меня признавать подобный образъ дѣйствія педагогически необходимымъ. Вообще, наперекоръ моимъ критикамъ, я склоненъ думать, что упрекъ въ «несистематичности» изложенія въ данномъ случаѣ не есть упрекъ по существу дѣла, такъ какъ мы получаемъ живое пониманіе душевныхъ явленій, удерживая наше вниманіе какъ можно долѣе на конкретныхъ состояніяхъ нашего сознанія во всей ихъ цѣльности, между тѣмъ какъ анализъ психическихъ «элементовъ» есть, такъ сказать, анализъ *post mor-*

tem. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ жизненными явленіями, а съ искусственными абстракціями *).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, правы ли критики мои въ первомъ упрекѣ, сдѣланномъ ими, или нѣтъ, я долженъ сказать, что они неправы во взглядѣ на отношеніе моихъ журнальныхъ статей къ моей книгѣ. За единственнымъ исключеніемъ, всѣ главы моихъ «Основаній Психологіи» были написаны первоначально прямо для книги, и только впоследствии, не предвидя окончанія работы, я напечаталъ нѣкоторые изъ этихъ главъ въ журналахъ. Безъ сомнѣнія, я не сумѣлъ распорядиться, какъ слѣдуетъ, моимъ матеріаломъ, но было бы несправедливо упрекать меня въ томъ, что при составленіи моихъ «Основаній Психологіи» я не приложилъ всѣхъ возможныхъ усилій для наиболѣе добросовѣстнаго выполненія моего труда.

---

*) Въ настоящей книгѣ я удѣлилъ такъ много мѣста подробному описанію «ощущеній», что, слѣдуя установившемуся обычаю, помѣщая эти главы въ началѣ, хотя я вовсе не убѣжденъ, что такой порядокъ изложенія по существу самый лучшій. Теперь (когда уже поздно измѣнять порядокъ главъ) я чувствую, что главы: «*Объ ощущеніяхъ движенія*», «*Объ инстинктѣ*» и: «*Объ эмоціяхъ*» должны ради цѣлей преподаванія немедленно слѣдовать за главой: «*О привычкѣ*», и что глава: «*О мысленіи*» должна быть помѣщена гораздо раньше, пожалуй тотчасъ же вслѣдъ за главою: «*О личности*». Я совѣтую преподавателямъ психологіи придерживаться именно такого порядка, не взирая на то обстоятельство, что глава: «*О мысленіи*» будучи переставлена на новое мѣсто, потребуетъ легкой переработки.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагая русскимъ читателямъ переводъ «Text-book of Psychology» Джэмса, считаю долгомъ выразить мою глубокую благодарность Историко-Филологическому Факультету Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, оказавшему мнѣ матеріальную помощь при изданіи настоящей книги, профессору Александру Ивановичу Введенскому, давшему мнѣ множество цѣнныхъ указаній при переводѣ Джэмса, и Михаилу Николаевичу Римскому-Корсакову, взявшему на себя редактированіе фізіологическаго отдѣла (главы III, IV, V, VI, VII и VIII) книги.

«Психологія» Джэмса, не смотря на небольшой размѣръ, представляетъ довольно полный курсъ опытной психологіи, но, давая *сводъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ привели психологическія изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ*, она не даетъ почти никакой характеристики *тѣхъ методовъ психологическаго экспериментированья*, при помощи которыхъ добывались и добываются многіе изъ этихъ результатовъ. Этотъ пробѣлъ въ «Психологіи Джэмса» можетъ быть восполненъ книгою Бинэ: «Введеніе въ экспериментальную психологію», только-что переведенною на русскій языкъ Е. И. Максимовой.

Философское значеніе психологическихъ воззрѣній Джэмса.

I. Отношеніе философскихъ критиковъ къ Джэмсу.—II. Господствующія идеи въ психологическихъ трудахъ нынѣшняго столѣтія.—III—VI. Отношеніе къ нимъ Джэмса.—Теорія знанія Джэмса.—VII. Отношеніе Джэмса къ психофизику.—VIII—IX. Ученіе Джэмса о личности.—X. Теорія вниманія Джэмса.—XI. Ученіе Джэмса о различіи.—XII. Ученіе Джэмса о воспріятіи пространства.—XIII. Взглядъ Джэмса на природу эмоціи.—XIV. Ученіе Джэмса о волѣ.—XV. Общие результаты, къ которымъ приводитъ въ психологіи примѣненіе естественно-историческаго метода Джэмса.—Джэмсъ и Сталло, какъ представители научно-философскаго критицизма.

I.

Главный трудъ американскаго ученаго Джэмса подъ заглавіемъ: «Основанія психологіи» появился въ 1890-мъ году. Два года спустя вышла въ свѣтъ его «Психологія» («Text Book of Psychology» или «Psychology»), представляющая въ нѣкоторой переработкѣ сокращеніе «Основаній психологіи». Оба сочиненія были привѣтствованы философскими критиками, какъ крупный вкладъ въ современную психологическую литературу. Селли въ журналѣ: «Mind» говоритъ, что Джэмсъ, написавъ «Principles of Psychology», «совершилъ дѣло великой важности» (has done «the big thing»), и характеризуетъ автора этой книги, какъ глубокаго и оригинальнаго мыслителя¹⁾. По словамъ Мариллье, въ «Revue philosophique»²⁾, главнымъ органѣ французскаго позитивизма,

¹⁾ «Mind», т. XVI, 1891. Въ журналѣ: «Mind» Джэмсомъ были помѣщены слѣдующія статьи, часть которыхъ вошла въ его «Основанія психологіи»:

Автоматы ли мы? IV (1879).

Чувство раціональности. V.

О нѣкоторыхъ гегелнамахъ. VII.

О нѣкоторыхъ пробѣлахъ въ психологіи самонаблюденія. IX.

Что такое эмоція? X.

О функціи познаванія. X.

Воспріятіе пространства. XII.

Психологія вѣры (belief). XIV.

Чувство усилія. V.

Абсолютнаму и эмпиризмъ. IX.

Зачѣтка о проф. Штумпфѣ. XII.

«Психологическая теорія протяженія». XIV.

Конгрессъ физиологической психологіи въ Парижѣ. XIV. (1889).

Нѣкоторыя части «Основаній психологіи» въ непереработанномъ видѣ печатались въ американскомъ «Journal of Speculative Philosophy», въ «Popular Science Monthly» и въ «Scribner's Magazine».

²⁾ Revue philosophique, 1892. Мариллье сообщаетъ, что «Text Book» Джэмса переводится на французскій языкъ.

оба труда Джемса взятые вмѣстѣ представляютъ «самое выдающееся произведение психологической литературы за послѣдніе двадцать лѣтъ; это—одновременно, наиболѣе полный и точный инвентарь того, что мы *знаемъ* въ области психологіи, и совокупность теорій, которыя слѣдуетъ признать одними изъ наиболѣе новыхъ и оригинальныхъ за послѣдніе полвѣка». Доріакъ въ «Année philosophique» ¹⁾ (органъ французскаго критицизма) говоритъ, что «Principles of Psychology» «обеспечиваютъ ихъ автору одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ не среди представителей (этого мало было бы сказать), но среди просвѣтителей современной мысли». Такое единодушіе въ одобреніи критиковъ, принадлежащихъ различнымъ философскимъ направленіямъ, показываетъ, что психологическія заслуги Джемса важны сами по себѣ независимо отъ той философской теоріи, съ точки зрѣнія которой мы будемъ оцѣнивать ихъ значеніе. Можно ли, однако, заключить отсюда, что Джемсъ—эмпирикъ-психологъ par excellence, относящійся совершенно безразлично къ сопрягающимся съ психологіей проблемамъ теоріи знанія и ограничивающійся простымъ конкретнымъ описаніемъ душевныхъ явленій и вскрытіемъ закономѣрной связи между ними? Джемсъ, повидимому, устанавливаетъ именно такую точку зрѣнія на психологію. Для него психологія—естественная наука; она принимаетъ на вѣру положенія, заимствуемыя изъ другихъ наукъ (напримѣръ, изъ химіи, изъ біологіи), и сверхъ того принимаетъ, какъ данный, не подлежащій сомнѣнію фактъ, существованіе «состояній сознанія». Задача психолога-натуралиста сводится, такимъ образомъ, къ тому, чтобы установить закономѣрность въ области душевныхъ явленій (путемъ непосредственнаго самонаблюденія) и уяснить связь этихъ явленій съ обуславливающими ихъ физиологическими процессами. Такое стремленіе къ чистой эмпириі замѣчается во всѣхъ сочиненіяхъ Джемса, и въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что Джемсъ—психологъ-эмпирикъ, ограничивающійся простымъ констатированіемъ закономѣрности въ душевныхъ явленіяхъ. Но въ то-же время психологическіе труды Джемса связаны съ извѣстнымъ философскомъ міросозерцаніемъ. Въ виду этого мы должны видѣть во взглядѣ Джемса на психологію, какъ на чисто естественную науку, относящуюся безразлично къ вопросамъ теоріи знанія, просто стремленіе рѣзко отдѣлять изслѣдуемые факты отъ ихъ философскаго истолкованія. Это стремленіе выгодно отличаетъ Джемса отъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе крупныхъ психологовъ нашего вѣка, напримѣръ, отъ Спенсера, Вундта, Гербарта, и другихъ ²⁾. Развивая

¹⁾ Année philosophique, 1891. L. Danriac: Du positivisme en psychologie à propos des «Principes de psychologie» de M. William James. p. 209.

²⁾ Важнѣйшія психологическія сочиненія Спенсера и Вундта давно переведены на русский языкъ. Только-что вышелъ очень точный переводъ психологическихъ сочиненій Гербарта: «Психологія Гербарта» пер. А. П. Нечаева. 1896 г.

свое философское мировоззрѣніе рядомъ съ психологическими изслѣдованіями, Джэмсъ почти никогда не искажаетъ фактовъ во имя своихъ философскихъ взглядовъ. Такое критическое умѣнье отдѣлять метафизическія предпосылки отъ непосредственныхъ данныхъ опыта выработалось въ Джэмсѣ несомнѣнно подъ вліяніемъ изученія критической философіи. Джэмсъ долгое время принималъ участіе во французскомъ органѣ критицизма: «La critique philosophique», издававшемся Ренувье и Пиллономъ, нынѣшнимъ редакторомъ «Аппѣе philosophique». Свой большой трудъ («Основанія психологіи») Джэмсъ посвятилъ Пиллону «въ знакъ благодарности за то, чѣмъ онъ обязанъ органу: «Critique philosophique», и Марилле въ своей рецензии на «Principles of Psychology» замѣчаетъ, что Джэмсъ можетъ быть названъ послѣдователемъ критической философіи, хотя и пользующимся большою независимостью въ своихъ взглядахъ. Посмотримъ же, въ чемъ заключается самобытность психологическихъ воззрѣній Джэмса, и въ какой мѣрѣ эти воззрѣнія связаны съ его философскимъ міросозерцаніемъ.

II.

Если мы постараемся вникнуть въ духъ наиболѣе выдающихся въ нынѣшнемъ столѣтіи *систематическихъ* трудовъ по психологіи, то намъ нетрудно будетъ подмѣтить въ нихъ нѣкоторыя особенности, которыя дадутъ намъ возможность подраздѣлить ихъ на двѣ характерныхъ группы.

Къ одной группѣ относятся системы эволюціонной психологіи, которыя руководствуются слѣдующими предпосылками. *Я* и *Не-Я* суть двѣ стороны одного и того же Непознаваемаго—матеріальнаго міра, изъ котораго они дифференцировались въ силу законовъ эволюціи. Сознаніе есть, по всей вѣроятности, продуктъ матеріальныхъ органическихъ факторовъ. Организмъ отъ абсолютной безсознательности переходитъ постепенно къ опредѣленному раздѣленію на субъектъ и объектъ въ глухомъ ощущеніи сопротивленія, но это простѣйшее ощущеніе не облечено еще ни въ какія опредѣленныя формы интуиціи. Движеніе одушевленнаго (одареннаго способностью къ смутнымъ ощущеніямъ) организма мало-по-малу путемъ развитія порождаетъ интуицію временной смѣны. Позже, при помощи мышечныхъ ощущеній и известной комбинаціи ихъ съ осязательными, изъ идеи смѣны порождается въ животномъ идея сосуществованія и, такимъ образомъ, возникаетъ идея пространства. Такимъ путемъ изъ безразличія субъектъ-объекта образуется постепенно *Я*, сознаніе, противопоставляющее себѣ *Не-Я*, какъ внѣшнюю причину ощущеній, и познающее внѣшній міръ въ формахъ интуиціи—въ пространствѣ и времени. Слѣдовательно, тѣ

всеобщія и необходимыя условия, тѣ формы, въ которыхъ мы познаемъ внѣшній міръ, суть продуктъ органическаго развитія, результатъ постепенной дифференціаціи субъектъ-объекта, единого Непознаваемаго. Онѣ всеобщі и необходимы для насъ, но онѣ не были таковыми для иныхъ живыхъ существъ—нашихъ далекихъ предковъ. Не только формы опыта, но и все чувственное его *содержаніе*, все многообразіе ощущеній, чувствованій и волевыхъ импульсовъ дифференцировалось изъ простѣйшихъ элементарныхъ ощущеній, соответствующихъ возбужденію элементарной физиологической единицы—нервной вѣтви. Послѣдовательный эволюціонистъ-психологъ въ правѣ сказать: «Дайте мнѣ простѣйшее элементарное ощущеніе—атомъ душевной жизни, и я изъ совокупности подобныхъ однородныхъ психическихъ атомовъ построю передъ вами все безконечное качественное разнообразіе человѣческаго сознанія».

Къ другой группѣ относятся системы, руководствующіяся аналогичными предпосылками, но заключающія въ себѣ болѣе рационалистическихъ, чѣмъ эмпирическихъ элементовъ. Съ точки зрѣнія представителей этихъ системъ, *Я* и *Не-Я*, духъ и матерія суть двѣ стороны одного и того же субъектъ-объекта. Но сознаніе не есть продуктъ матеріальныхъ факторовъ: наоборотъ, внѣшній міръ есть внѣ-временной продуктъ духовнаго начала. И формы, и содержаніе душевной жизни человѣка могутъ быть послѣдовательно выведены изъ безразличія субъектъ-объекта рядомъ постепенныхъ незамѣтныхъ переходовъ. Пространство, время, категоріи разсудка, душевныя способности—все это продукты (не во временномъ, а въ логическомъ смыслѣ) комбинацій нѣкоторыхъ простѣйшихъ логическихъ принциповъ. Такимъ образомъ, все многообразіе душевной жизни человѣка можно «конструировать» въ стройную систему, гдѣ каждая низшая ступень логически необходимо обуславливаетъ высшую.

Изъ сказаннаго ясно, что обѣ группы психологическихъ системъ, различаясь во многихъ отношеніяхъ до полной противоположности, сходны: 1-хъ), въ томъ, что выводятъ противоположность духа и матеріи, сознательнаго и безсознательнаго изъ нѣкотораго высшаго начала, понимаемаго одними, какъ нѣчто матеріальное, другими—какъ нѣчто духовное; 2-хъ), въ томъ, что качественно разнообразное *содержаніе* душевной жизни пытаются вывести однѣ—изъ совокупности элементарныхъ однородныхъ психическихъ единицъ—атомовъ душевной жизни, другія—изъ элементарныхъ логическихъ принциповъ; и 3-хъ), въ томъ, что необходимыя и всеобщія формы интуиціи и категоріи разсудка и тѣ, и другія пытаются вывести изъ единого начала: изъ первоначальнаго безразличія субъектъ-объекта. Джэмсъ предпринимаетъ энергичную борьбу противъ первыхъ двухъ положеній и, принимая третье, придаетъ ему совершенно своеобразное толкованіе причѣмъ имѣетъ въ

виду главнымъ образомъ эволюціонную психологію и въ частности «Principles of Psychology» Спенсера, хотя возраженія его распространяются отчасти и на представителей второй группы психологическихъ системъ, напримѣръ, на Гегеля ¹⁾.

III.

А) Прежде всего Джэмсъ указываетъ на полнѣйшую непонятность мысли о происхожденіи сознанія изъ матеріальныхъ факторовъ, мысли, которая владется эволюціонистами-психологами въ основаніе ихъ ученія. «Если органическая эволюція есть непрерывный процессъ—говоритъ онъ—то сознаніе въ той или въ другой формѣ должно было быть на-лицо съ самаго начала эволюціи» ²⁾. Мысль о возможности возникновенія сознательнаго изъ безсознательнаго, одушевленнаго изъ неодушевленнаго, по мнѣнію Джэмса, есть результатъ неясной терминологіи тѣхъ мыслителей, которые до нея договариваются. Джэмсъ указываетъ ³⁾ на то, что Спенсеръ неразъ высказывалъ подобную мысль, пользуясь двусмысленностью термина «нарождающееся сознаніе» («nascent» consciousness), и находитъ, что подобная *скандальная туманность* мысли ничѣмъ не можетъ быть оправдана ⁴⁾. «Слово «нарождающееся» значитъ не *только* народившееся и какъ-бы образуетъ родъ моста между бытіемъ и небытіемъ. Но это—простая игра словъ... Дѣвушка въ «Midshipman Easy» не могла оправдаться въ томъ, что родила ребенка, говоря: «Онъ былъ такъ малъ!». Также и сознаніе, какъ бы ни была мала его степень, есть незаконное дѣтище во всѣхъ тѣхъ философскихъ системахъ, которыя не принимаютъ его за исходный пунктъ и въ то-же время воображаютъ, будто могутъ объяснить всѣ міровыя явленія путемъ непрерывной эволюціи» ⁵⁾.

Не допуская возможности происхожденія сознанія изъ безсознательныхъ факторовъ, Джэмсъ за одно съ Локкомъ и Кантомъ отвергаетъ и существованіе такъ называемыхъ *безсознательныхъ представленій* на-ряду съ сознательными. Мысль Лейбница, что minimum visibile, audabile etc. должно состоять изъ душевныхъ элементовъ, которые, однако, порознь не сознаются нами, Джэмсъ рассматриваетъ, какъ прекрасный образчикъ логической ошибки, извѣстной подъ именемъ «fallacium divisionis»: изъ того, что части минимальнаго раздраженія не сознаются нами, вовсе не слѣдуетъ,

¹⁾ Рѣзкой критикѣ диалектическаго метода Гегеля посвящена статья Джэмса въ «Mind», VII: On some hegelisms.

²⁾ Pr. of Ps., I, 149.

³⁾ Pr. of Ps., I, 149.

⁴⁾ Pr. of Ps., I, 148.

⁵⁾ Pr. of Ps., I, 149.

чтобы имъ соотвѣтствовалъ какой-либо безсознательный душевный процессъ. Превращеніе сознательныхъ цѣлесообразныхъ дѣйствій въ автоматическіе акты, дѣйствія, совершаемые сомнамбулами, загнипнотизированными субъектами и т. п., дѣйствія, о которыхъ, по возвращеніи этихъ субъектовъ въ нормальное состояніе, у нихъ не сохраняется никакихъ воспоминаній, наличность у людей и у животныхъ инстинктовъ, назначеніе которыхъ не всегда соизвѣстна ими, и многія другія душевныя явленія могутъ быть объяснены безъ помощи гипотезы о безсознательныхъ представленіяхъ, да и самая эта гипотеза непонятна ¹⁾).

IV.

Б) Равнымъ образомъ непонятна и ничего не объясняетъ столь излюбленная современными психологами мысль о томъ, что все качественное разнообразіе нашей душевной жизни сводится къ сочетанію однородныхъ психическихъ элементовъ—атомовъ душевной жизни. Джэмсъ настаиваетъ на томъ, что образованіе сложныхъ ощущеній изъ простѣйшихъ есть невозможный психическій процессъ; что всякое душевное состояніе, взятое какъ конкретное цѣлое, есть нѣчто первично-данное, неразложимое ни на какія элементарныя психическія единицы; что самое понятіе подобной единицы есть фикція, которой психологія не имѣетъ права пользоваться. Мысль о томъ, что наши ощущенія представляютъ нѣчто сложное ²⁾, по словамъ Джэмса, была впервые высказана въ очень опредѣленной формѣ Адольфомъ Фикомъ въ 1862-мъ г. «Онъ дѣлалъ опыты, пытаясь опредѣлить способность различенія въ термическихъ и осязательныхъ ощущеніяхъ; для этой цѣли онъ раздражалъ весьма незначительную часть кожи черезъ отверстіе, сдѣланное въ кускѣ картона, который защищалъ остальные части

¹⁾ Fr. of Ps., I, 162.

²⁾ Взглядъ на ощущеніе, какъ на нѣчто составленное изъ безсознательныхъ простѣйшихъ «элементовъ мысли», Джэмсъ называетъ «*mind-stuff theory*». Трудно переводимый терминъ *mind-stuff*, означающій «матеріалы для сознанія», элементы, не сознаваемые непосредственно, но могущіе стать объектами сознанія, былъ, насколько мнѣ извѣстно, впервые употребленъ В. К. Клиффордомъ. Согласно Клиффорду, кромѣ понятій познающаго субъекта и познаваемого объекта, въ психологію нужно ввести промежуточное понятіе Eject'a для такихъ душевныхъ состояній, которыхъ мы не сознаемъ непосредственно, но о существованіи которыхъ мы тѣмъ не менѣе дедуктивно заключаемъ—таковы такъ называемыя безсознательныя представленія, таково для каждаго изъ насъ чужое одушевленіе. Простѣйшіе «объективные» элементы сознанія, изъ совокупности которыхъ слагаются наши ощущенія, Клиффордъ и называетъ *mind-stuff*. См. W. K. Clifford: *Lectures and Essays*, 2 vv, (London. Macmillan, 1879), а также: R. P. Gruber: *Le positivisme depuis Comte jusqu'à nos jours*, переводъ съ нѣмецкаго Макоуер, стр. 270—4.

руки, и нашелъ, что при такихъ условіяхъ испытуемый субъектъ нерѣдко смѣшиваетъ оба вида ощущеній; отсюда онъ заключилъ, что въ данномъ случаѣ число ощущеній, вызываемыхъ въ элементарныхъ нервныхъ волокнахъ, было слишкомъ мало, чтобы слагаясь породить то или другое опредѣленное ощущеніе». Но на самомъ дѣлѣ здѣсь нѣтъ никакой надобности предполагать въ элементарныхъ нервныхъ волокнахъ наличность простѣйшихъ ощущеній, изъ сложения коихъ получаются сложныя ощущенія термическія и болевыя: достаточно предположить, что качественно различнымъ ощущеніямъ соотвѣтствуютъ различныя по интенсивности физиологическіе процессы ¹⁾. Подобнаго рода психической атомизмъ, *теорія психическихъ пылинки*, какъ выражается Джэмсъ, пользуется широкимъ распространеніемъ. Плодотворность атомистической гипотезы въ химіи, гдѣ качественное разнообразіе тѣлъ сводится на количественное различіе атомныхъ вѣсовъ, сдѣлала для многихъ психологовъ соблазнительной мысль разсматривать качественное разнообразіе ощущеній, какъ комплексъ простѣйшихъ однородныхъ ощущеній. Такъ дѣлалъ Льюисъ, предполагая, что простѣйшему биологическому элементу *биоплазма* соотвѣтствуетъ простѣйшій психическій—*психоплазма* ²⁾. Подобныя же мысли высказывали Махъ, Спенсеръ и Тэнъ. По Джэмсу, вмѣсто того, чтобы синтетически построить душевную жизнь изъ воображаемыхъ психическихъ атомовъ, «какъ дома составляютъ изъ склеиванія отдѣльныхъ кирпичей», нужно придерживаться аналитическаго метода непосредственнаго самонаблюденія и изучать душевныя явленія во всей ихъ конкретной цѣльности въ связи съ обуславливающими ихъ физиологическими процессами. Стремленія психологовъ выдумывать мнимыя «простѣйшія» ощущенія для объясненія «сложныхъ» было почти одновременно съ Джэмсомъ прекрасно охарактеризовано Фолькельтомъ (1886. *Philosophische Monatshefte*). Къ числу подобныхъ: «*Erfundene Empfindungen*» Фолькельтъ относитъ: *мысленные знаки* Лотце, *чувство иннервации* Гельмгольца, *нервные толчки* Штриккера etc. И Фолькельтъ, и Джэмсъ указываютъ одинаковыя причины для подобныхъ непозволительныхъ психологическихъ фикцій: 1-хъ), смѣшеніе физиологическихъ элементовъ съ психическими, 2-хъ), пренебреженіе методомъ непосредственнаго самонаблюденія, который долженъ быть основнымъ въ психологіи.

¹⁾ Pr. of Ps., I, 150.

²⁾ Подобныя же идеи положены въ основаніе «клеточной психологіи» Геккеля. «*Клеточная душа*» у Геккеля, «*идея-сила*» у Фуйллье—все это разновидности понятія психическаго атома.

V.

В) Какъ относится Джэмсъ къ эволюціонной теоріи происхожденія всеобщихъ и необходимыхъ *формъ* человѣческаго познанія? Этотъ вопросъ сводится къ другому: какова теорія знанія у Джэмса? Я уже сказалъ, что Джэмсъ предполагаетъ сознаніе въ той или другой *формѣ* даннымъ въ самомъ началѣ эволюціи. Но сознаніе предполагаетъ извѣстный объектъ, въ немъ надо различать двѣ стороны: объективную реальность, о которой намъ дають знать наши ощущенія, и тотъ субъектъ, который воспринимаетъ совокупность ощущеній. По мнѣнію Джэмса, всю психологію долженъ проникать насъвовъ *дуалистическій взглядъ* ¹⁾. Но психологическій дуализмъ Джэмса не есть та мысль, которая характеризуетъ критическую точку зрѣнія, мысль, что познающій субъектъ и познаваемый объектъ суть просто неотдѣлимые другъ отъ друга *формы*, въ которыя облеченъ міръ явленій, формы, не имѣющія никакого значенія внѣ заполняющаго ихъ содержанія. Джэмсъ *ипотетически* принимаетъ на вѣру *существованіе міра матеріи*, независящаго отъ нашего сознанія, и *субстанціалность души*, какъ психическаго начала, независящаго отъ отдѣльныхъ нашихъ душевныхъ состояній, возвышающагося надъ ними. Такимъ образомъ, исходная точка зрѣнія Джэмса въ теоріи знанія есть *ипотетическій дуализмъ*. Этотъ гипотетическій дуализмъ строго выдерживается Джэмсомъ въ его психологіи, за исключеніемъ одного пункта, о которомъ рѣчь будетъ ниже ²⁾. Принимая познающій субъектъ и познаваемый объектъ за нѣчто первично данное въ началѣ эволюціи, Джэмсъ полагаетъ, что всѣ необходимые формы и законы человѣческаго духа (необходимые и въ логическомъ, и въ психологическомъ, и въ этическомъ смыслѣ) выработались постепенно, развились во времени, и въ этомъ отношеніи Джэмсъ нисколько не отступаетъ отъ Спенсера и другихъ эволюціонистовъ, но его теорія отличается отъ общераспространеннаго эволюціонизма въ трехъ пунктахъ: 1-хъ), въ томъ, что ученіе о происхожденіи *формъ* нашей психики онъ рѣзко выдѣляетъ изъ области чисто психологическихъ изслѣдованій, въ которыхъ разсматривается лишь человѣческое сознаніе, какимъ оно является для насъ въ настоящее время: его теорія *психогенезиса* изложена въ заключительной главѣ: «Основаній психологіи» и представляетъ собою гипотезу, истинность или ложность которой не измѣняетъ значенія остальныхъ выводовъ его психологіи; 2-хъ), все-

¹⁾ Pr. of Ps., I, 219.

²⁾ См. стр. 32-ю.

общимъ и необходимымъ формамъ мысли Джэмсъ придаетъ абсолютное значеніе: онѣ для него, какъ и для Локка, *veritates aeternae*, имѣютъ значеніе, даже не будучи нигдѣ осуществлены, онѣ—вѣчныя истины не въ смыслѣ сверхъопытнаго происхожденія, а въ томъ смыслѣ, что, разъ будучи поняты, онѣ необходимо вызываютъ въ насъ согласіе, 3-хъ), всеобщія и необходимыя формы мысли произошли «изъ опыта», но не тѣмъ путемъ, какимъ думаютъ эволюціонисты и въ частности Спенсеръ. Прежде всего постараемся выяснитъ, чтó понимаетъ Джэмсъ подъ *априорными элементами* познанія. Для Канта, утвердившаго въ философіи терминъ «априорный» въ своеобразномъ значеніи, всеобщія и необходимыя формы познанія не означали нѣкоторыхъ рациональныхъ принциповъ, прирожденныхъ уму. Априорныя формы для Канта не суть формы только нашего ума: онѣ суть формы всего міра явленій, такъ какъ весь міръ явленій разсматривался Кантомъ, какъ нѣчто всецѣло субъективное, не отдѣлимое отъ нашего ума; вопросомъ же о происхожденіи априорныхъ формъ Кантъ никогда не задавался и никогда не считалъ ихъ прирожденными, предварающими вѣшній опытъ идеями. Поэтому для Канта вопросъ о приложимости всеобщихъ и необходимыхъ истинъ ко вѣшнему міру рѣшался очень просто: міръ явленій—міръ насковъ субъективный; слѣдовательно, и всеобщія формы нашего сознанія сохраняютъ все свое значеніе для вѣшняго міра, всецѣло распространяются на него, напримѣръ, математическія истины имѣютъ одинаково абсолютно достовѣрное значеніе, примѣняемъ ли мы ихъ къ міру идеальныхъ построеній, или къ міру реальной дѣйствительности. Для Канта не существуетъ дуализма между вѣшнею природою и необходимыми формами нашего духа: ему нечего заботиться о томъ, чтобы между вѣшнею природою и законами нашего духа существовала предустановленная гармонія, такъ какъ для него природа, какъ нѣчто стоящее вѣ формъ нашего познанія, съ теоретической точки зрѣнія какъ-бы не существуетъ. Для Джэмса терминъ «априорная форма» имѣетъ совершенно иное значеніе. «Априорными» истинами Джэмсъ называетъ такія истины, которыя, разъ будучи сознаны нами, необходимо вызываютъ въ насъ согласіе; которыя, возникнувъ въ человѣкѣ опытнымъ путемъ въ теченіе долгой эволюціи человѣческаго существа, въ настоящее время *прирождены* человѣку, составляютъ тѣ логически необходимыя законы, при помощи которыхъ человѣкъ мыслитъ и, *какъ таковыя, имѣютъ для насъ абсолютное значеніе*, но въ примѣненіи ко вѣшнему міру только болѣе или менѣе вѣроятны. Вѣдь, вѣшній міръ для Джэмса существуетъ независимо отъ нашего сознанія, и тотъ фактъ, что въ силу единообразія законовъ природы логически обязательныя истины находятъ себѣ осуществленіе въ опытѣ, еще не исключаетъ возможности такихъ измѣненій въ ходѣ мировыхъ явленій, которыя сдѣлаютъ для

насъ неприложимымъ во внѣшнему опыту теперешній строй логическихъ и математическихъ истинъ. Отсюда ясно, что Джэмсъ понимаетъ *апріорныя формы и законы*, какъ понималъ Локкъ *вѣчныя истины*, которыя имѣютъ абсолютное значеніе для міра идеальнаго, для сферы мысли, и въ то-же время произошли чисто опытнымъ путемъ и приложимы лишь съ большей или меньшей вѣроятностью къ матеріальному міру. Въ то-же время для Джэмса, какъ и для Спенсера, *апріорное* (прирожденное) для сознанія *индивида* есть *апостериорное* (происшедшее опытнымъ путемъ) для *вида*. Но, признавая въ высшей степени остроумнымъ и убѣдительнымъ этотъ принципъ эволюціонизма, Джэмсъ придаетъ ему совершенно своеобразное толкованіе: онъ по своему понимаетъ «опытъ». Обыкновенно подъ «опытомъ» разумѣютъ совокупность внѣшнихъ воздѣйствій на нашъ организмъ; согласно терминологіи, установленной Дарвиномъ, эти воздѣйствія совершенствуютъ организмы въ ихъ послѣдовательномъ развитіи двоякимъ путемъ: 1-хъ), *приспособленіемъ* (adaptation) организма къ окружающимъ условіямъ образованіемъ въ немъ полезныхъ привычекъ, передающихся по наследственности; 2-хъ), *случайнымъ измѣненіемъ* (accidental variation), благодаря которому нѣкоторые индивиды рождаются на свѣтъ со случайными особенностями, сообщающими имъ и ихъ потомству преимущества въ борьбѣ за существованіе ¹⁾). *Первый* видъ воздѣйствія опыта на организмъ—*прямой*: внѣшнія воздѣйствія на нашу психику, проникая *черезъ органы чувствъ*, сознаются и запоминаются нами, какъ таковыя. Второй видъ воздѣйствія—*косвенный*, измѣненія, вызываемыя имъ въ нашей физико-психической организаціи, не сознаются нами, какъ внѣшнія воздѣйствія: эти измѣненія заключаются въ модификаціи молекулярнаго строенія нашего мозга; они не имѣютъ никакой зоологической полезности; имъ не соотвѣтствуетъ никакого объекта въ окружающей насъ обстановкѣ. Такимъ путемъ, по мнѣнію Джэмса, возникли въ насъ, вѣроятно, музыкальность, воспримчивость къ морской болѣзни и т. п. «Повидимому, высшія (эстетическая, нравственная и умственная) стороны нашей жизни возникли изъ воздѣйствій именно такого побочнаго, случайнаго характера, изъ воздѣйствій, проникшихъ въ наше сознаніе не «по парадной лѣстницѣ» (не черезъ органы чувствъ), а «по черной», или, лучше сказать, не проникавшихъ вовсе извнѣ, а тайно зародившихся «внутри дома». Терминъ «опытъ» Джэмсъ предлагаетъ связывать исключительно съ совокупностью воздѣйствій, проникающихъ въ наше сознаніе «по парадной лѣстницѣ» (черезъ органы чувствъ)—путемъ образованія привычекъ и ассоціацій ²⁾). Съ точки зрѣнія правовѣрнаго спенсериста, всѣ

¹⁾ Pr. of Ps., II, 626, 628.

²⁾ Pr. of Ps., II, 630, 631.

«априорныя» формы нашего ума возникли изъ «опыта» въ послѣднемъ смыслѣ этого слова. Однообразіе внѣшнихъ воздѣйствій на наше сознание въ теченіе безконечно-длиннаго ряда поколѣній установило соотвѣтствующее однообразіе въ формахъ воспринимающаго ума. «Эта мысль, будто внѣшній міръ неизбѣжно строить извѣстнаго рода дублировать самого себя въ нашемъ сознаниі, лишь бы мы ему дали время, такъ проста и естественна при всей своей туманности, что просто не знаешь, какъ подступить къ ней съ критикой. Одно только во всякомъ случаѣ очевидно, именно: вовсе нѣтъ надобности предполагать, будто тотъ способъ, при помощи котораго мы познаемъ теперь сложные объекты, долженъ хоть сколько-нибудь напоминать тотъ способъ, при помощи котораго въ насъ возникли первичные элементы нашего познания. Теперь, чтобы въ моемъ умѣ образовалась идея никогда не виданнаго мною животнаго, мнѣ достаточно разъ повидать его, и я при этомъ уже пользуюсь всѣми категоріями ума, при помощи которыхъ я могу познать всѣ отдѣльныя свойства даннаго животнаго (цвѣтъ, форму, размѣры etc.). Я обладаю теперь категоріями для познания всѣхъ возможныхъ объектовъ. Но тотъ процессъ, при помощи котораго въ моемъ умѣ образовались *самыя категоріи*, могъ быть совершенно инымъ»¹⁾. Изъ этихъ соображеній Джэмсъ заключаетъ, что опытъ (въ обыденномъ смыслѣ слова) въ смыслѣ внѣшняго воздѣйствія на органы чувствъ ряда поколѣній можетъ такъ же мало объяснить происхожденіе необходимыхъ формъ мысли, какъ и индивидуальный опытъ. Не лучше ли предположить, что необходимыя формы мысли возникли подъ влияніемъ измѣненій въ молекулярномъ строеніи мозга, измѣненій случайнаго характера и затѣмъ уже *après coup* оказались соотвѣтствующими нѣкоторой реальной дѣйствительности. Почему не могли онѣ быть простыми *идиосинкразіями*, самопроизвольными измѣненіями, оказавшимися по счастливой случайности благоприятными для познания внѣшнихъ объектовъ, но отнюдь не происходящими какимъ бы то ни было понятнымъ для насъ путемъ отъ непосредственнаго вліянія этихъ внѣшнихъ объектовъ?²⁾

VI.

Вьяснивъ вѣрнѣе отношеніе Джэмса къ наиболѣе распространеннымъ въ сферѣ психологіи метафизическимъ ученіямъ и охарактеризовавъ въ нѣсколькихъ словахъ теорію знанія Джэмса, мы должны задаться вопросомъ: каково значеніе только-что изложен-

¹⁾ Pr. of Ps., II, 630

²⁾ Pr. of Ps., II, 631.

ныхъ философскихъ взглядовъ Джэмса для его психологическихъ изслѣдованій? Я уже сказалъ, что Джэмсъ выгодно отличается отъ многихъ другихъ выдающихся психологовъ нашего времени тѣмъ, что рѣзко отдѣляетъ философское истолкованіе душевныхъ явленій отъ ихъ непосредственнаго изученія. Это видно: 1-хъ), изъ его отношенія къ гипотезѣ психологическаго монизма: онъ видитъ въ сведеніи душевныхъ и тѣлесныхъ явленій къ общему началу гипотезу (называемую имъ «mind-stuff theory»), не оправдываемую непосредственнымъ внутреннимъ опытомъ, и потому нигдѣ не руководствуется ею при истолкованіи душевныхъ процессовъ (только однажды, какъ мы увидимъ ниже, онъ сбивается на точку зрѣнія матеріалистическаго монизма); 2-хъ), изъ его отрицательнаго отношенія къ ирраціональной гипотезѣ *безсознательныхъ представлений*; 3-хъ), изъ тѣхъ рѣзкихъ нападовъ, которымъ онъ подвергаетъ теорію фиктивныхъ простѣйшихъ ощущеній («Erfundene Empfindungen» Фолькельта), называемую имъ «mind-dust theory», теорію, рассматривающую различные виды ощущеній, какъ сложные комплексы простѣйшихъ психическихъ элементовъ ¹⁾); 4-хъ), изъ того рѣзкаго обособленія, которое дѣлается имъ между областью психологическихъ изслѣдованій развитога ума съ вполне сложившимися, ставшими апіорными формами мысли и гипотезой *психогенезиса*, которую онъ выставляетъ, лишь какъ гипотезу, не примѣшивая ее въ истолкованію непосредственно данныхъ состояній человѣческой психики въ ея теперешнемъ видѣ. Такимъ образомъ, основная психологическая заслуга Джэмса заключается въ восстановленіи правъ психолога-натуралиста противъ метафизическихъ претензій различныхъ философскихъ школъ, въ томъ числѣ противъ его собственныхъ метафизическихъ стремленій. Джэмсъ-психологъ и Джэмсъ-философъ представляютъ двѣ почти совершенно самостоятельныхъ личности ²⁾. Разумѣется, строго выдержать такую обособленность философской точки зрѣнія отъ естественно-исторической крайне трудно, пожалуй, даже совершенно невозможно, и потому насъ не должно удивлять то обстоятельство, что иногда при истолкованіи душевныхъ явленій Джэмсъ-натуралистъ вдругъ превращается въ Джэмса-метафизика; и, если я го-

¹⁾ Превосходный анализъ вопроса о «сложности» ощущеній можно найти у Штумфа: «Toppsychologie». Для Штумфа, какъ и для Джэмса: «Одно ощущеніе не можетъ состоять изъ совокупности другихъ. Еслибы оно могло, то мы непремѣнно могли бы вычестъ одно изъ другого и ощущать равенство саму по себѣ. Каждое ощущеніе само по себѣ представляетъ неделимое цѣлое», стр. 397—399.

²⁾ «Подъ большинство психологическихъ гипотезъ Джэмса можно *подсунуть* метафизику, рѣзко отличающуюся отъ его метафизики, не вызывая въ нихъ никакой замѣтной перемѣны... Это обстоятельство, по моему, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ прогрессѣ и указываетъ на то, что психологическія науки вступаютъ въ новый фазисъ развитія».—Marillier. Revue philosophique. 1892.

ворю, что метафизическіе взгляды Джэкса рѣзко обособлены отъ чисто психологическихъ, то я хочу этимъ сказать: рѣзко обособлены по сравненіи съ другими выдающимися современными психологами, и въ особенности по сравненіи со Спенсеромъ, главный психологическій трудъ котораго насквозь проиькнутъ метафизическими предпосылками его теоріи знанія и натур-философіи¹⁾.

Посмотримъ теперь, какъ примѣняетъ Джэксъ свой общій взглядъ на изученіе душевныхъ явленій въ разработкѣ отдѣльныхъ психологическихъ вопросовъ. Я послѣдовательно рассмотрю: отношеніе Джэкса къ вопросу объ измѣреніи ощущеній, его ученіе о личности, его ученіе о различеніи, его отношеніе къ вопросу о происхожденіи идеи пространства, его взглядъ на природу эмоціи и его отношеніе къ вопросу о свободѣ воли.

VII.

Мысль объ измѣреніи ощущеній—мысль не новая. Она, какъ показалъ Ительсонъ въ его интересной статьѣ въ «Archiv für Geschichte der Philosophie» по исторіи психофизики (1893), обсуждалась еще въ XVII-мъ и въ XVIII-мъ вѣкахъ Малекраншемъ (Eclaircissement XI въ: «De la recherche de la vérité»), Плуке, Галуппи и французскими идеологами и рѣшалась отрицательно. Такое рѣшеніе естественно должно приходиться въ голову всякому, рассматривающему ощущенія, какъ непосредственно данный психологическій фактъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя въ каждомъ ощущеніи есть количественная сторона (помимо продолжительности)—*интенсивность*, но эта интенсивность не можетъ быть измѣрена непосредственно: 1-хъ), потому что мы не имѣемъ единицы мѣры, при помощи которой мы могли бы измѣрять ее, и 2-хъ), потому что ощущеніе, возрастая въ интенсивности, т. е. *количественно*, въ то-же время отчасти измѣняется и *качественно*. Такимъ образомъ, оставаясь на почвѣ непосредственнаго самонаблюденія, мы навсегда лишены возможности измѣрять наши ощущенія, такъ какъ самая *природа* ощущенія такова, что оно не поддается никакимъ вычисленіямъ. Единственное, что можетъ психологъ сдѣлать,—это опредѣлить, если возможно, тотъ законъ, которому подчинено отношеніе между возрастаніемъ раздраженія (которое можетъ быть точно измѣрено) и возникновеніемъ *едва-замѣтной разницы* въ интенсивности ощущенія. Этотъ законъ, подмѣченный впервые математиками и астрономами (Бернулли, Лапласъ, Буге), былъ впервые ясно выраженъ и подтвержденъ экспериментальнымъ путемъ въ области

¹⁾ Этого не отрицаетъ и Сехли, критикъ Джэкса въ «Mind», близкій по воззрѣніямъ къ Спенсеру: «Спенсеръ не всегда такъ остороженъ, какъ могъ бы быть, въ разграниченіи своихъ психологической и философской точекъ зрѣнія».

зрительныхъ, осязательныхъ и слуховыхъ ощущеній Э. Веберомъ. Согласно закону Вебера, едва-замѣтному приросту въ интенсивности ощущенія соотвѣтствуетъ приростъ въ раздраженіи, находящійся въ постоянномъ отношеніи къ предшествующей величинѣ раздраженія. Легко видѣть, что законъ этотъ, устанавливая косвеннымъ путемъ извѣстную зависимость между возрастаніемъ раздраженія и ощущенія, ровно ничего не говоритъ объ *измѣрени* ощущенія. Чтобы утверждать, что законъ Вебера даетъ возможность измѣрять ощущенія, нужно предположить (какъ это сдѣлалъ Фехнеръ), что *едва-замѣтные приросты* ощущенія *равны между собой*, а такое предположеніе ровно ни на чемъ не основано.

Усматривая въ законѣ Вебера эмпирическое обобщеніе, важное по своему значенію, Джэмсъ предпринимаетъ энергичную борьбу противъ мысли объ измѣримости ощущеній, а въ частности противъ психофизики Фехнера. Свообразность того толкованія, которое Фехнеръ даетъ закону Вебера, заключается, по мнѣнію Джэмса, въ слѣдующемъ: 1-хъ), едва-замѣтный приростъ въ ощущеніи есть *единица ощущенія* (sensation unit) и остается таковой во всѣхъ частяхъ скалы; 2-хъ), всѣ ощущенія представляютъ собою суммы такихъ «единицъ», и, наконецъ, 3-хъ), основаніе, почему едва-замѣтный приростъ ощущенія требуетъ постоянно относительно-равнаго прироста въ раздраженіи, заключается въ верховномъ законѣ, управляющемъ взаимодействіемъ матеріи и духа, въ законѣ, согласно которому величины ощущеній находятся въ логарифмическомъ отношеніи къ величинамъ внѣшнихъ вызывающихъ ихъ раздраженій: логарифмъ раздраженія = ощущенію (Psychophysischer Maasformel).

Всѣ эти положенія Фехнера, по мнѣнію Джэмса, крайне неосновательны. При психологическомъ экспериментированіи «психическій фактъ, соотвѣтствующій *увеличенію раздраженія*, не есть *увеличившееся ощущеніе*, но *сужденіе о томъ, что ощущеніе увеличилось*.... Фехнеръ тайно, если не явно, предполагаетъ, будто такое *сужденіе о приростѣ ощущенія* заключается въ томъ простомъ фактѣ, что передъ нашимъ сознаніемъ находится *большее число единицъ ощущенія*; и что, такимъ образомъ, самое сужденіе есть количественно большее душевное явленіе, когда оно судитъ о большихъ разностяхъ или о разностяхъ между большими промежутками. Но такіа соображенія, въ самомъ дѣлѣ, нелѣпы.... Нѣтъ ровно никакого смысла въ заявленіи, что одно сужденіе больше другого. И даже если мы оставимъ въ сторонѣ сужденія и будемъ толковать объ однихъ только ощущеніяхъ, то, какъ мы уже видѣли, понятіе объ ощущеніяхъ, какъ о совокупностяхъ однородныхъ единицъ, не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго смысла... Для самонаблюденія ощущеніе электрическаго свѣта не заключаетъ въ себѣ ощущенія свѣта сальной свѣчи. Мы измѣряемъ

отношенія между ощущениями, разстоянія, различія, а не составъ самыхъ качествъ. Но и помимо этихъ общихъ соображеній мысль Фехнера, будто едва-замѣтные приросты въ интенсивности ощущеній равны между собой, ровно ни на чемъ не основана. Почему малый приростъ къ слабому ощущенію не могъ бы быть такъ же едва-замѣтнымъ, какъ значительный приростъ къ очень интенсивному ощущенію? Въ этомъ случаѣ законъ Вебера касался бы не величины самихъ *приростовъ*, но только ихъ замѣтности. «Вся надстройка (superstructure), которую Фехнеръ возводитъ надъ фактами, не только произвольна и субъективна, но и въ высшей степени неправдоподобна». «Конечный результатъ вопроса объ измѣреніи ощущеній, какъ онъ разрѣшается съ точки зрѣнія Фехнеровской теории, сводится въ *нулю*». Въ виду этого обстоятельства, мысль Гербарта и Фехнера объ измѣреніи ощущеній и объ ихъ сложности не можетъ быть принята, даже какъ научная фикція, какъ регулятивная гипотеза, въ виду полнѣйшей своей бесплодности. «Maasformel Фехнера въ качествѣ конечнаго психофизическаго закона останется наилучшимъ примѣромъ научнаго заблужденія: *idola specus*». Самъ Фехнеръ представлялъ идеальный типъ нѣмецкаго Gelehrter'a, простого и въ то-же время пронцательнаго ума, скромнаго и въ то-же время смѣлаго человѣка, мистика и экспериментатора, вѣрнаго и фактамъ, и своимъ излюбленнымъ теоріямъ. Но было бы по истинѣ ужасно, еслибы даже такой почтенный старичекъ (dear old-man) вздумалъ осѣдлать науку своими хитрыми выдумками, и если бы будущіе психологи были обречены въ этомъ мірѣ, полномъ предметовъ гораздо болѣе достойныхъ вниманія, ломать голову надъ усвоеніемъ не только его собственныхъ неудобочитаемыхъ произведеній, но и еще болѣе неудобочитаемыхъ произведеній его критиковъ.... Въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ забавно только то, что критики Фехнера, разнесши въ пухъ и прахъ его теоріи, не оставивъ въ нихъ камня на камнѣ, всегда считаютъ долгомъ прибавить, что: «тѣмъ не менѣе Фехнеру принадлежитъ безсмертная заслуга въ формулировкѣ его закона, благодаря которой онъ превратилъ психологію въ точную науку» (!) *).

Итакъ, Джэмсъ всецѣло отвергаетъ психофизику Фехнера, какъ гипотезу, не имѣющую никакой опоры въ непосредственномъ самонаблюденіи: вѣдь, «*sensation unit*», «единица ощущенія», есть несомнѣнно одно изъ *Erfundene Empfindungen*, для котораго не можетъ быть мѣста въ психологіи, какъ естественной наукѣ, да и вся теорія Фехнера представляетъ разновидность психологическаго атомизма, *mind-dust theory*, игнорирующей непосредственныя данныя внутренняго опыта и замѣняющей ихъ надстройкой воображаемыхъ элементовъ сознанія.

*) Pr. of Ps., I, 533—549.

VIII.

Въ ученіи о личности метафизическіе взгляды Джэмса не оказываютъ никакого вліянія на его психологическіе выводы. Эти взгляды заключаются въ слѣдующемъ. Какъ я уже сказалъ, Джэмсъ — *гипотетическій дуалистъ*: онъ принимаетъ на вѣру существованіе независимо отъ сознанія міра матеріи и субстанціальность духа. Подъ субстанціальностью духа Джэмсъ разумѣетъ наличность въ нашемъ сознаніи нематеріальнаго начала, въ силу котораго совокупность ощущеній, порождаемыхъ въ насъ въ данный моментъ совокупностью нервныхъ процессовъ, объединяется, воспринимается, какъ одинъ нераздѣльный психическій актъ. «Сказать, что душевныя явленія принадлежать нѣкоторой субстанціи, значить въ сущности протестовать противъ того, что душевныя явленія суть только феномены. Я настаиваю на томъ, что феноменъ не существовалъ бы, еслибы не было чего-то *большаго*, чѣмъ простой феноменъ. Этому *«ничто большее, чѣмъ простой феноменъ»*, мы и даемъ названіе субстанціи. Я долженъ сознаться, что, становясь на метафизическую точку зрѣнія и пытаюсь далѣе опредѣлить, каково это *ничто*, я склоненъ считать представленіе единой *animae mundi* (мировой души), мыслящей во всѣхъ насъ, болѣе благопріятной гипотезой (несмотря на связанныя съ нею трудности), чѣмъ представленіе множества совершенно обособленныхъ одна отъ другой душъ». ¹⁾ «Но въ качествѣ *психологовъ* намъ нѣтъ никакой надобности вдаваться въ метафизику. Психологія имѣетъ дѣло только съ тѣми или другими состояніями сознанія. Доводить существованіе души—дѣло метафизики или богословія, но для психологіи такая гипотеза субстанціального единства, является излишней» ²⁾. Послѣ анализа спиритуалистической точки зрѣнія, Джэмсъ, примыкая къ ней, какъ метафизикъ, и отвергая ее, какъ психологъ, переходитъ къ анализу взглядовъ ассоціационистовъ на личность и подвергаетъ эти взгляды блестящей критикѣ ³⁾.

Ассоціаціонная теорія личности была подготовлена Локкомъ. Его мысль о томъ, «что та-же субстанція можетъ быть связана съ двумя послѣдовательными личностями, или что та-же единая личность можетъ быть связана съ нѣсколькими субстанціями» была первымъ шагомъ въ этомъ направленіи. Для Юма начало единства и непрерывности сознанія еще въ большей степени терять

¹⁾ Pr. of Ps., I, 346.

²⁾ Text Book, 203.

³⁾ Pr. of Ps., I, 350.

свое значеніе: для него каждая личность человека есть просто «пучекъ или совокупность различныхъ перцепцій». «Какъ спиритуалисты доходятъ до утвержденія, что личность есть лишь отвлеченное и абсолютное единство, такъ Юмъ договаривается до противоположнаго утвержденія, будто она есть лишь отвлеченная и абсолютная множественность. Для него нѣтъ *tertium quid* между чистымъ единствомъ и чистой обособленностью. Онъ совершенно упускаетъ изъ виду роль *обсуждающей мысли* (*judging thought*). Онъ отвергаетъ ту нить сходства, тотъ объединяющій принципъ (*сogе*) сходства, которой проникаетъ собою всѣ ингредиенты личности. Юмъ (теорія котораго такъ же метафизична, по словамъ Джэмса, какъ спиритуализмъ Томы Аквината) основалъ ассоціаціонную теорію личности. Послѣдующіе ассоціаціонисты «пытаются кое-какъ изъ «идей», отдѣльныхъ, не знающихъ ничего другъ о другѣ, склеенныхъ между собою и вызывающихъ одна другую по опредѣленнымъ законамъ, объяснить всѣ высшія формы сознанія и между ними чувство нашего личнаго тождества. Ассоціаціонисты какъ будто даже плохо сознаютъ существованіе въ насъ личности: они крайне неохотно задаются вопросомъ о томъ, какъ отдѣльный рядъ мыслей или чувствованій можетъ сознавать себя. Ни Бэнъ, ни Спенсеръ не касаются прямо этой проблемы. Обыкновенно психологъ-ассоціаціонистъ толкуетъ о «сознаніи», о томъ, что «мы» дѣлаемъ что-нибудь, и, такимъ образомъ, изъ-подтишка предполагаетъ даннымъ то, что онъ долженъ былъ бы постулировать въ видѣ *обсуждающей мысли*» *).

Джонъ Милль, по словамъ Джэмса, развивая далѣе теорію ассоціаціонизма, дѣлаетъ такія уступки сторонникамъ субстанціальности души, которыя можно считать *полнѣйшимъ банкротствомъ ассоціаціонизма*. «Обычная манера философствованія Джона Милля заключается въ томъ, что онъ выступаетъ смѣлымъ защитникомъ основныхъ положеній ученія, заимствованнаго имъ у отца, и затѣмъ дѣлаетъ въ частностяхъ такія уступки противникамъ, которыя на практикѣ сводятся къ отрицанію того, что онъ первоначально защищалъ». Борьба Джэмса противъ ассоціаціонистовъ есть результатъ его стремленія выжить изъ психологіи *психическій атомизмъ*, мысль, будто высшія состоянія сознанія суть комплексъ простѣйшихъ «идей». «Возьмите сотню ощущеній—смѣшайте, соедините ихъ какъ можно тѣснѣе (если это можетъ что-нибудь значить!)—и все-же каждое ощущеніе останется тѣмъ-же, чѣмъ оно было, замѣнутымъ само въ себя, слѣпымъ, чуждымъ по отношенію къ другимъ ощущеніямъ и къ ихъ значенію. Скомбинировавъ подобную группу изъ сотни ощущеній, мы получимъ нѣкоторое 101-е ощущеніе, возникнетъ новый актъ *сознанія*, обнимающій

*) Pr. of Ps., I, 354.

группу, какъ таковую, и представляющій совершенно новый фактъ»¹⁾. Каждое состояніе личности есть цѣльный конкретный фактъ: въ простѣйшихъ «идеяхъ» (*simple ideas*) ассоціационистовъ нетрудно угадать *Erfundene Empfindungen*, и вся ассоціационная теорія личности сводится въ концѣ-концовъ къ столь незамысловатой Джэмсу *mind-dust theory*.

IX.

Сведя счеты съ ассоціационистами, Джэмсъ переходитъ къ критикѣ кантова ученія о личности²⁾. По его мнѣнію, въ кантовомъ ученіи о трансцендентальномъ «Я» замѣтна двойственность. Кантъ даетъ поводъ думать: или 1-хъ), что трансцендентальное «Я» есть простая форма нашихъ ощущеній, простое единство чувственного многообразія нашей личности, принадлежность нашихъ ощущеній нѣ-которому познающему субъекту, причѣмъ самое понятіе познающаго субъекта (я, или онъ, или оно, какъ говоритъ Кантъ), будучи отрѣшено отъ заполняющаго его содержанія, пусто, не имѣетъ никакого смысла; или 2-хъ), что трансцендентальное «Я» есть нѣ-который агентъ, *дѣятель*, который упорядочиваетъ непосредственно данное ему извнѣ хаотическое чувственное многообразіе, подчиняя его *категоріямъ разсудка*. Джэмсъ склоняется въ пользу послѣдняго пониманія Канта (хотя и допускаетъ возможность противнаго толкованія) и подвергаетъ его рѣзкой критикѣ. «Кантъ, какъ и мы, вѣритъ въ существованіе реальности внѣ нашего ума.., хотя эта реальность и не есть нѣчто феноменальное. Она не есть также и «многообразіе». «Многообразіе», комбинируемое интеллектуальными функціями, есть для Канта всецѣло психическое многообразіе, которое *стоитъ*, такимъ образомъ, *между апперципирующимъ «Я» и внѣшней реальностью*, но все-же находится въ нашемъ сознаніи. Функція познаванія заключается въ объединеніе этого многообразія, и Кантъ *вводитъ многообразіе внутрь сознанія*. Реальность превращается въ пустое *locus*. Непознаваемое, такъ называемый ноуменонъ: все многообразіе феноменальнаго міра принадлежитъ сферѣ сознанія. Мы, наоборотъ, *полагаемъ многообразіе съ внѣшней реальностью во-внѣ* и оставляемъ сознаніе простымъ (ничѣмъ многообразнымъ не заполненнымъ?). И я, и Кантъ имѣемъ дѣло съ тѣми же элементами—мысль и ея объектъ—весь вопросъ заключается въ томъ, куда помѣстить «многообразіе». Понимая такимъ образомъ мысль Канта, Джэмсъ называетъ его точку зрѣнія «миеологической», а трансценден-

¹⁾ Text Book.

²⁾ Pr. of Ps., I, 360.

тальное «Я» — дешёвымъ, сквернымъ изданіемъ «души» (cheap and nasty edition of the soul). Не вдаваясь въ подробный анализъ разсужденій Джэмса о трансцендентальномъ «Я» Канта, я однако считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее: I-хъ), говоря: «Кантъ, какъ и мы, вѣрять въ существованіе реальности внѣ нашего ума... хотя эта реальность и не есть ничто феноменальное», Джэмсъ ошибается: его взглядъ на внѣшнюю реальность отнюдь не тождественъ съ кантовскимъ. Кантъ — *трансцендентальный идеалистъ*: его «Критика чистаго разума» имѣетъ дѣло съ феноменальной реальностью, реальностью явленій, существованіе же матеріальной «вещи въ себѣ» въ ней игнорируется. Если Кантъ, считаетъ возможнымъ, не нелѣпымъ допустить существованіе міра ноуменальнаго, то онъ не разсматриваетъ его, какъ *причину* нашихъ ощущеній. Джэмсъ — гипотетическій дуалистъ: онъ принимаетъ на вѣру 1) существованіе *міра матери*, какъ *внѣшней причины* многообразія «ощущеній, находящихся передъ» нашимъ духомъ, 2) существованіе *души*, какъ *простой субстанции*, обособленной отъ матеріальнаго міра съ порождаемымъ имъ многообразіемъ ощущеній и объединяющей это многообразіе въ цѣльный актъ познанія; II-хъ), навязывая Канту мысль, будто трансцендентальное «Я» есть нѣкоторый агентъ, налагающій, такъ сказать, «сѣть» категорій разсудка на «многообразіе» ощущеній и объединяющій ихъ въ трансцендентальномъ синтезѣ апперцепціи, Джэмсъ впадаетъ въ ту-же грубую ошибку, въ которую впадали до сихъ поръ почти всѣ англійскіе философы, критиковавшіе теорію знанія Канта, ошибку, которая была мѣтко охарактеризована американскимъ философомъ Уатсономъ въ его превосходномъ сочиненіи: «Кантъ и его англійскіе критики», и которая заключается въ смѣшеніи *психологическаго генезиса элементовъ познанія во времени съ чисто критическимъ анализомъ этихъ элементовъ*, при которомъ ихъ генезисъ разсматривается не съ *хронологической*, а съ *логической* стороны. Англичане, привыкнувъ анализировать психологическій генезисъ сознанія, принимаютъ методологическіе приемы Канта за описаніе *реальныхъ психологическихъ процессовъ*¹⁾. Отсюда понятно, почему Джэмсъ разсматриваетъ трансцендентальное «Я» Канта, какъ психологическій факторъ, который «объединяетъ»

¹⁾ До какой степени англійскимъ философамъ трудно отрѣшиться отъ ихъ національнаго *психологическаго* способа излагать философскія проблемы, и до какой степени они вслѣдствіе этого нерѣдко бываютъ неспособны стать на чужую точку зрѣнія, можно видѣть изъ откровеннаго саявленія Спенсера о томъ, какъ онъ изучалъ «Критику чистаго разума» Канта: «Въ 1844-мъ году мнѣ попалъ въ руки переводъ Критики чистаго разума, и я прочелъ тѣ первыя страницы, на которыхъ излагается теорія пространства и времени, но такъ какъ я рѣшительно отвергаю ее, то я закрылъ книгу. Съ тѣхъ поръ мнѣ еще случилось дѣлать такъ два два, такъ какъ, будучи мало тарѣйнымъ читателемъ, я совершенно неспособенъ продолжать читать сочиненіе, съ основными положеніями коего я не согласенъ». «Problemes de morale et de sociologie» trad. par H. de Varigny p. 34, note.

«многообразіе» ощущеній въ трансцендентальномъ синтезѣ апперцепціи, «подводитъ» ихъ подъ категоріи разсудка и т. д.; III-хъ), если мы допустимъ (а это необходимо допустить), что Кантъ говоритъ иногда о *внѣшней реальности* въ томъ догматическомъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это выраженіе Джэмсъ (въ смыслѣ внѣшней причины нашихъ ощущеній); если мы признаемъ вмѣстѣ съ Джэмсомъ, что у Канта, какъ это было давнымъ-давно указано Шопенгауэромъ, между ноуменомъ и нашими представленіями иногда выступаетъ какое-то посредствующее понятіе *объекта представленія*, соотвѣтствующее понятію *многообразія внѣшней реальности* у Джэмса, то и эти отдѣльныя догматическія мысли, попадающіяся въ Критикѣ, нисколько не измѣняютъ сущности кантова ученія о личности и его точки зрѣнія трансцендентальнаго идеализма, да еще при этомъ остается недоказаннымъ, представляютъ ли эти догматическія мысли промахи Канта и непослѣдовательности въ развитіи его ученія, или Кантъ въ этихъ случаяхъ является жертвой собственной діалектической манеры держаться при изложеніи обыденной точки зрѣнія—точки зрѣнія гипотетическаго дуализма, манеры, которая имѣетъ за себя огромныя педагогическія преимущества; IV-хъ), Джэмсъ не пытается стать на точку зрѣнія трансцендентальнаго идеализма, предположивъ, что кантово трансцендентальное «Я» есть простая пассивная форма познанія, а не дѣятель, такъ какъ тогда ему пришлось бы отказаться отъ его гипотетическаго дуализма и отвергнуть субстанціальность духа ¹⁾.

Охарактеризовавъ философскую сторону Джэмсова ученія о личности, я не буду пересказывать здѣсь его психологическихъ воззрѣній на личность; прочитаю соотвѣтствующія главы его психологіи, пусть читатель самъ оцѣнитъ тонкость и глубину психологическаго дарованія Джэмса. Представляя сознаніе въ видѣ единаго непрерывнаго «потока» ощущеній, отмѣчая въ этомъ потокѣ «устойчивыя» и «измѣнчивыя» состоянія, едва уловимыя отгѣнки зарождающихся и исчезающихъ состояній сознанія, утверждая, что ни одно состояніе сознанія не можетъ быть абсолютно-тождественнымъ съ другимъ, устанавливая классификаціи различныхъ сторонъ (матеріальной, социальной и духовной) личности, рассматривая каждую изъ этихъ сторонъ въ отношеніи самооцѣнки и самосохраненія, Джэмсъ вездѣ поражаетъ тонко-развитою способностью въ самонаблюденію. Повсюду изгоняя изъ психологіи «выдуманныя ощущенія», Джэмсъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается подмѣтить

¹⁾ Въ заключительной главѣ «Text Book» (Text Book появился двумя годами позже «Principles of Psychology») Джэмсъ, какъ мы увидимъ ниже, приходитъ къ заключенію, что его гипотетическій дуализмъ имѣетъ только временно-условное значеніе, и что основныя проблемы психологіи разрѣшима лишь на почвѣ трансцендентальнаго идеализма. (См. ниже стр. 34-ю)

въ душевнѣй жизни такія стороны, на которыя до сихъ поръ обращали слишкомъ мало вниманія, и которыя въ то-же время доступны непосредственному самонаблюденію всякаго человѣка. Именно таковы едва уловимыя оттѣнки зарождающихся и исчезающихъ состояній сознанія, которыя были такъ мѣтко названы имъ «психическими обертонами».

X.

Въ психологіи вниманія ¹⁾ Джэмсъ пытается объединить и примирить истолкованія этого мало изслѣдованнаго и въ то-же время крайне важнаго душевнаго явленія. Онъ считаетъ несомнѣннымъ существованіе «ограниченности» сознанія—«die Enge des Bewusstseins», но это, по его мнѣнію, не объясненіе, а скорѣе названіе того факта, что область ясно сознаваемого нами составляетъ лишь часть всего воспринимаемаго нами чрезъ органы чувствъ, и этотъ фактъ считается Джэмсомъ далеко не объясненнымъ; объяснена лишь его фізіологическая сторона: «фізіологическая ограниченность сознанія зависитъ, повидимому, отъ того, что дѣятельность полушарій стремится быть всегда объединеннымъ и нераздѣльнымъ атомомъ, связаннымъ то съ однимъ, то съ другимъ токомъ, но всегда представляющимъ одно цѣлое» ²⁾. «Психологическое истолкованіе «ограниченности сознанія», предлагавшееся Гербартомъ, который видѣлъ въ ней результатъ подавленія менѣе интенсивныхъ представленій болѣе интенсивными (Zuwachs des Vorstellens), отвергается Джэмсомъ. Равнымъ образомъ, Джэмсъ считаетъ весьма важнымъ фізіологическимъ условіемъ вниманія приспособленіе мышечнаго аппарата и связанное съ нимъ приворовленіе органа чувствъ къ наиболѣе отчетливому воспріятію внѣшняго впечатлѣнія, но въ то-же время онъ рѣзко протестуетъ противъ *моторной теоріи* (Рибо) вниманія, которая сводитъ весь процессъ вниманія къ усиленію ощущенія путемъ мышечнаго приспособленія органовъ чувствъ къ наиболѣе отчетливому воспріятію впечатлѣнія; Джэмсъ выдвигаетъ значеніе «идеаціоннаго возбужденія центра» и связаннаго съ нимъ психологическаго процесса *преперцепціи*, который усиливаетъ интенсивность представленія, служащаго предметомъ вниманія. Мало того, онъ указываетъ на одинъ опытъ Гельмгольца со стереоскопомъ, свидѣтельствующій о томъ, что зрительное вниманіе можетъ быть «совершенно независимымъ отъ положенія и аккомодациі глазъ или отъ какаго-либо извѣстнаго намъ измѣненія въ этомъ органѣ

¹⁾ Text Book, ch. XIII, Attention,

²⁾ Text Book.

и можетъ свободно направляться сознательнымъ волевымъ усиленіемъ на любую часть темнаго и однороднаго поля зрѣнія». Иначе говоря, возможны акты вниманія, независящіе отъ мышечнаго приспособленія органовъ чувствъ. Протестъ Джэмса противъ *моторной теоріи* вниманія вызвалъ сочувствіе со стороны Мариллье («*Remarques sur le Mecanisme de l'Attention*») ¹⁾ и далъ поводъ къ полемикѣ съ Джэмсомъ нашему проф. Новороссійскаго Университета Н. Ланге, который въ своей монографіи: «О вниманіи» склоненъ придавать большее значеніе моторному элементу въ процессъ вниманія, чѣмъ Джэмсъ. Не думая утверждать, что представленія проникаютъ въ сознание вообще только черезъ мышечныя движенія, проф. Ланге «полагаетъ, что такимъ образомъ происходитъ фиксированіе идей при *процессѣ волевого вниманія*», и что эти мышечныя движенія составляютъ неотдѣлимый элементъ въ процессъ вниманія ²⁾. Наконецъ, отдавая должное той роли, которую играетъ въ процессъ вниманія *эмоціональная интересность* объекта вниманія, Джэмсъ воздерживается отъ одностороннихъ выводовъ представителя *эмоціональной теоріи вниманія*—Джэмса Милля, согласно которой имѣть пріятное или тягостное ощущеніе и быть къ нимъ внимательнымъ—это одно и то-же. Давая «превосходный сводъ результатовъ, какія были достигнуты психологами до него» ³⁾, Джэмсъ усматриваетъ коренную сущность вниманія въ томъ, что оно, хотя и должно разсматриваться въ психологіи, всецѣло какъ *результатъ* физиологическихъ процессовъ, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, есть *душевная сила* «первичная и притомъ неопредѣленная по степени». Такъ какъ «произвольное усиліе вниманія» и сущность воли для Джэмса тождественны, то мы возвратимся къ этому вопросу, когда будемъ излагать ученіе Джэмса о свободѣ воли, а теперь замѣтимъ только, что Джэмсъ, примыкая къ *спиритуалистической* теоріи вниманія, какъ метафизикъ, не пользуется ею при истолкованіи процессовъ вниманія, какъ психологъ. «Я самъ причисляю себя къ сторонникамъ душевной силы, но такъ какъ мои доводы—этического свойства, то они едвали пригодны для психологическаго трактата ⁴⁾».

¹⁾ Revue philosophique, XXVII.

²⁾ Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета: Ланге. Н. И. Психологическія изслѣдованія: 283—592. Здѣсь читатель найдетъ подробный историческій очеркъ теорій вниманія, стр. 366—412.

³⁾ Зап. Имп. Нов. Унив. Ланге: О вниманіи, стр. 408. 1894 г.

⁴⁾ Pt. of Ps., I, 454. Изъ новыхъ англійскихъ статей по психологіи вниманія можно упомянуть: статью *Shand'a* въ *Mind's* (1894), гдѣ вниманіе разсматривается, какъ первичный, неразложимый далѣе психическій факторъ, и статью *Cogswell'a* въ *Philosophical Review*, гдѣ вниманіе признается производнымъ факторомъ, и анализируются теоріи Рибо, Бана и Ланге.

XI.

Въ ученіи Джэмса о воспріятіи особенно замѣчательно описаніе процесса различенія, описаніе, которое онъ предпосылаетъ въ видѣ отдѣльной главы своей теоріи воспріятія.

Вопросу о психологическомъ генезисѣ различенія посвящена психологическая монографія Н. Ланге: «О перцепціи», гдѣ дана слѣдующая точная характеристика Джэмсовой теоріи различенія: «Джэмсъ далъ наиболѣе полную теорію различенія, чѣмъ это-нибудь до него. Онъ показываетъ прежде всего, что одновременныя ощущенія, если они прежде не испытывались въ отдѣльности, сливаются для нашего сознанія въ одно нераздѣльное цѣлое. Таково именно первоначальное сознаніе, и ассоціаціонная психологія особенно погрѣшаетъ здѣсь, принимая за начало развитія множественность раздѣльныхъ идей: психологическое развитіе идетъ въ дѣйствительности отъ слитнаго къ раздѣльному, а не отъ раздѣльнаго—къ соединенному».

«Раздѣленіе или различеніе можетъ касаться или бытія и небытія извѣстной вещи, или ея качествъ (existential and differential discrimination). Одинъ изъ своеобразныхъ фактовъ дифференціального сравненія состоитъ въ томъ: что, если въ извѣстномъ рядѣ A больше чѣмъ B , и B больше чѣмъ C , то A сознается, какъ большее, чѣмъ C . Это посредственное сравненіе обусловлено тѣмъ, что мы, переходя отъ одного члена сравненія къ другому, сознаемъ не только, что каждая ступень различія равна (или больше или меньше) предшествующей ступени, но сознаемъ также и то, что мы подвигаемся въ извѣстномъ одномъ и томъ же направленіи, отличномъ отъ всѣхъ другихъ направленій. — *Различеніе дифференціальное и экзистенціальное составляютъ, по Джэмсу, послѣдніе факты сознанія и не могутъ уже быть сведены къ одному.* Свести дифференціальное сравненіе къ экзистенціальному значило бы, по его мнѣнію, свести всѣ качественныя различія къ количественнымъ, показать, что всѣ состоянія сознанія суть *большія или меньшія суммы того же элемента*, что невозможно и противорѣчить вышеуказанному факту сознанія *разныхъ направленій* количественныхъ различій»¹⁾. Итакъ, Джэмсъ принимаетъ различеніе за такой же первичный, неразложимый далѣе фактъ сознанія, какъ и отождествленіе: «Пока мы стоимъ на почвѣ психологическихъ данныхъ, поддающихся проверкѣ (so long as we stick to verifiable psychology), мы вынуждены согласиться, что различія простого порядка образуютъ неразложимый видъ отношенія между нѣкоторыми элементами нашего опыта, и вынуждены отвергнуть мысль, будто дифференціальное различеніе можетъ повсюду быть сведено къ простому констатированію того факта, что элементы,

¹⁾ Зап. Имп. Нов. Ун. Ланге: О перцепціи, стр. 362.

имѣющіеся на-лицо въ одномъ случаѣ, въ другомъ отсутствуютъ». Въ противоположность Джэмсу, проф. Ланге въ своей диссертациіи пытается экспериментальнымъ путемъ показать, что первичнымъ элементомъ сознанія является сходство; что различіе является позднѣе. Не вдаваясь въ подробный анализъ этого крайне любопытнаго вопроса, я замѣчу только, что даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ позволительными для психологовъ попытки сводить логическія функціи ума (каково, напри- мѣръ, различіе) къ еще болѣе простѣйшимъ «первичнымъ» функціямъ, то лишь подъ условіемъ, если такія попытки дѣйстви- тельно покажутъ, что анализируемыя функціи ума, принимаемыя въ формальной логикѣ или въ критической теоріи знанія за всеобщія и необходимыя, т. е. неустраимыя, не «первичны»; что возможны состоянія сознанія, гдѣ *абсолютно* отсутствуетъ, напри- мѣръ, различіе. При этомъ крайне важно строго различать *отно- сительное отсутствіе* въ умѣ способности различенія и ея абсо- лютное отсутствіе. Возможность *абсолютнаго* отсутствія въ сознаніи способности различенія не была никогда доказана ни однимъ психологомъ въ мірѣ, и самое понятіе «сходства» безъ понятія «различія» не имѣетъ никакого смысла. Попытки сводить различіе на неполное тождество Джэмсъ относить къ числу проявленій mind- dust theory—психологическаго атомизма, и считаетъ ихъ «трансцен- дентальными экстравагантностями умозрѣнія», отъ которыхъ благо- разумнѣе воздержаться и руководствоваться непосредственнымъ психологическимъ самонаблюденіемъ (natural apperances)¹⁾. Я не буду пересказывать тонкаго анализа сложныхъ формъ различенія у Джэмса: при всѣхъ своихъ достоинствахъ, этотъ анализъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Ланге, не представляетъ чего-либо новаго, являясь развитіемъ мыслей, высказывавшихся ранѣе—въ особенности у гербартианцевъ.

ХП.

Вопросъ о происхожденіи идеи пространства представляетъ, по справедливому замѣчанію г. Челпанова, одну изъ самыхъ главныхъ проблемъ въ современной философіи. Въ своей монографіи: «Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и при- рожденности»²⁾, г. Челпановъ подраздѣляетъ всѣ попытки объяснить психологическій генезисъ идеи пространства на *теоріи производно- сти*, согласно которымъ идея пространства есть психологическій про- дуктъ, возникшій изъ непространственныхъ элементовъ ощущенія, и

¹⁾ Pr. of Ps., I, 493,

²⁾ Ч. I. Представленіе пространства съ точки зрѣнія психологіи. Кіевъ, 1896.

теоріи непродукованості, согласно которымъ протяженность есть первичное, абсолютно-неотдѣлимое отъ ощущеній качество. Хотя въ послѣднее время и пытались отдѣлѣть психологическое рѣшеніе проблемы происхожденія идеи пространства отъ гносеологической оцѣнки ея значенія, однако, даже самый поверхностный анализъ вопроса обнаруживаетъ неотдѣлимость его гносеологической стороны отъ психологической. Въ самомъ дѣлѣ, если пространство есть первичная, неразложимая далѣе апіорная форма сознанія, то есть всеобщее и необходимое, неотдѣлимое отъ всѣхъ нашихъ ощущеній безъ исключенія свойство, то всѣ теоріи производности, теоріи, строящія идею пространства изъ непространственныхъ элементовъ ощущенія, теряютъ всякій смыслъ: *психологическая теорія непродукованості и гносеологическій апіоризмъ неотдѣлимы другъ отъ друга*. На это могутъ возразить, что самъ основатель теоріи апіоризма — Кантъ долженъ быть скорѣе отнесенъ къ представителямъ психологической теоріи производности, такъ какъ онъ считалъ мыслимыми пустое неокрашенное пространство, реально отдѣленное отъ ощущеній съ одной стороны, и непротяженное многообразіе ощущеній—съ другой. Такого взгляда на Канта, придерживаются и Штумпфъ, и Джэмсъ ¹⁾, и Челпановъ. Я считаю такой взглядъ на отношеніе Канта къ психологической сторонѣ вопроса о происхожденіи идеи пространства далеко не доказаннымъ ²⁾. При чтеніи Канта легко обмануться, принявъ его манеру логически расчленять элементы познанія (напримѣръ, ощущенія отъ формъ интуиціи—пространства и времени) за мысль о возможности *реального отдѣленія* формъ познанія отъ заполняющаго ихъ чувственнаго многообразія ощущеній. Во всякомъ случаѣ, мысль объ апіорности пространства и психологическая теорія производности, мнѣ кажется, находятся между собою въ вопіющемъ противорѣчій, и, какъ-бы Кантъ ни смотрѣлъ на психологическій генезисъ идеи пространства, для сторонниковъ кантовской апіорности пространства въ теоріи знанія должна быть логически обязательна теорія непродукованості въ психологій, и, наоборотъ, признавая истинной теорію непродукованості въ психологій, мы подтверждаемъ въ психологическихъ терминахъ гносеологическій

¹⁾ Джэмсъ воображаетъ, будто ученіе Шопенгауера о происхожденіи идеи пространства тождественно съ кантовымъ, и характеризуетъ послѣднее длинною выпискою изъ: «Vierfache Wurzel des Satzes vom Zureichenden Grunde. pp. 52—7».

²⁾ Я полагаю, что на самомъ дѣлѣ для Канта: 1-хъ), пустое пространство, абсолютно отрѣшенное отъ чувственнаго содержанія, представляетъ, какъ и всякая апіорная форма, отдѣленная отъ заполняющихъ ее ощущеній, простую логическую фикцію, «вещь въ себѣ»; и 2-хъ), являясь для насъ непредставимой логической фикціей, вродѣ $\sqrt{-1}$, пустое неокрашенное пространство, какъ объектъ мысли, заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчье: «Der leere Raum, говоритъ Кантъ, ist kein Sinnobjekt, kein Ding (non est ens), auch kein Unding (non ens), d. h. ist Etwas sich selbst widersprechendes».

априоризмъ. Это послѣднее обстоятельство указываетъ на огромное философское значеніе того факта, что продолжительная борьба между теоріями производности и непроизводности въ психологій въ настоящее время завершилась въ пользу послѣдней теоріи. Теоріи «психическаго возбужденія», пытавшіяся «конструировать» идею пространства изъ непространственныхъ элементовъ путемъ: «психической химіи» (Милль), «психическаго синтеза» (Вундтъ), «мѣстныхъ знаковъ» (Лотце), «мышечнаго чувства» (Бэнъ) и т. п., теоріи, долгое время пользовавшіяся большою популярностью, потерпѣли полнѣйшее крушеніе, послѣ того какъ экспериментальныя изслѣдованія Штумпфа и Джэмса разоблачили всю «миеологичность» теоріи производности. Ученіе Джэмса о происхожденіи идеи пространства заключается въ слѣдующемъ ¹⁾.

«Протяженіе, различаемое во всякомъ ощущеніи безъ исключенія, хотя въ однихъ болѣе развитое, чѣмъ въ другихъ, есть *первичное ощущеніе протяженности*, изъ котораго все послѣдующее точное познаніе пространственныхъ отношеній складается при помощи процессовъ ассоціаціи, различенія и выбора». Эти послѣдніе процессы заключаются въ слѣдующемъ: 1) цѣльные объекты зрѣнія и осязанія постепенно расчленяются нами на меньшіе объекты; 2) впечатлѣнія, воспринимаемая нами отъ внѣшняго предмета при посредствѣ различныхъ органовъ чувствъ, сливаются въ воспріятіе «той-же» вещи, хотя мы и будемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ познавать ее весьма различными путями; 3) каждый непосредственно познаваемый объемъ пространства опредѣленно локализуется нами внутри окружающихъ объемовъ пространства; 4) всѣ объекты располагаются другъ по отношенію ко другу въ извѣстномъ порядкѣ по тремъ измѣреніямъ; 5) мы научаемся различать относительные размѣры предметовъ, т. е. *измѣрять ихъ* ²⁾. Итакъ, принимая пространство за первично-данное свойство всѣхъ нашихъ ощущеній, Джэмсъ нисколько не умаляетъ значенія опыта въ развитіи точныхъ представленій пространственныхъ отношеній. Третье измѣреніе—глубину—Джэмсъ въ противоположность Беркли и Риду принимаетъ за такое-же первичное свойство, какъ и два первыхъ измѣренія. Согласно Беркли (Theory of Vision, 1700 г.), чувство разстоянія не *ретинальное* ощущеніе, а *осязательное* ощущеніе, съ которымъ у насъ связаны различнаго рода зрительныя знаки, напримѣръ, кажущаяся величина образа, его «блѣдность» или «неясность» и степень аккомодациіи и конвергенціи; иначе говоря, наше понятіе о разстояніи заключается въ представленіи степени мышечнаго напряженія въ рукахъ и ногахъ, необходимаго для того, чтобы мы могли прикоснуться рукою въ данному предмету».

¹⁾ Text Book, Ch. XXI. The perception of space, p. 335.

²⁾ Text Book, p. 273.

Ридъ въ своемъ: «Inquiry into the Human Mind» (1764 г.), въ главѣ: «Of the Geometry of Visibles», развивая далѣе теорію Берели, приходитъ къ заключенію, что «существа, неспособныя приводить въ движеніе глаза и конечности, не имѣли бы никакого понятія о разстояніи или третьемъ измѣреніи». Отсюда Ридъ заключаетъ, что для подобныхъ существъ (онъ называетъ ихъ: Idomenians) аксіомы геометріи были бы иными, сравнительно съ нашими; еслибы мы стали чертить передъ ними линіи на вогнутой поверхности, то для нихъ двѣ прямыя пересѣвшись должны бы были еще разъ пересѣчься и т. п.¹⁾ Джемсъ считаетъ точку зрѣнія Берели и Рида ничѣмъ не обоснованной: «ей противорѣчитъ тотъ неотразимый фактъ, что всѣ наши ощущенія обладаютъ извѣстной *объемностью*, и что первоначальное поле зрѣнія не можетъ представлять собою ничто *плоское*. Мало того: «воспріятіе разстоянія представляетъ собою настоящее *зрительное ощущеніе*, хотя-бы я не былъ въ состояніи указать какой-либо физиологическій процессъ въ органѣ зрѣнія, различныя степени котораго извѣстнымъ закономѣрнымъ путемъ соотвѣтствовали бы измѣненіямъ въ чувствѣ разстоянія». Нетрудно догадаться, что привело Джемса къ мысли о производности идеи пространства. Для этого достаточно обратить вниманіе на его отношеніе къ главнѣйшимъ представителямъ противоположнаго взгляда. Всѣ они—и Гербартъ, и Вундтъ, и Лотце, и Милль, и Спенсеръ допускаютъ существованіе непространственныхъ элементовъ ощущенія. Не находя въ своемъ сознаніи ничего подобнаго этимъ «непространственнымъ элементамъ» и въ то-же время неуклонно слѣдуя своему принципу не допускать въ изученіе душевныхъ явленій никакихъ фикцій, никакихъ *Erfundene Empfindungen*, Джемсъ осуждаетъ одну за другою всѣ теоріи «психическаго возбужденія». Такимъ образомъ, Джемсъ пришелъ къ признанію производности идеи пространства не изъ какихъ-либо гносеологическихъ соображеній: принявъ самонаблюденіе за исходный пунктъ въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ, онъ естественно долженъ былъ придти къ отрицанію всѣхъ «выдуманныхъ ощущеній», въ томъ числѣ и «непротяженныхъ психическихъ элементовъ».

ХП.

Сущность взглядовъ Джемса на эмоцію²⁾ можетъ быть выражена въ слѣдующихъ положеніяхъ. До сихъ поръ въ большинствѣ

¹⁾ Разсужденія Рида представляютъ поразительное сходство съ современными намъ психологическими умовѣреніями метагеометровъ.

²⁾ Text Book. ch. XXIV, p. 373.

сочиненій по психологiи: 1-хъ), каждая эмоція разсматривалась, какъ нѣчто рѣзко обособленное отъ всякой другой эмоціи; 2-хъ), въ эмоціяхъ часто видѣли душевныя явленія, отрѣшенные отъ всякихъ тѣлесныхъ чувствованій, или, по крайней мѣрѣ, въ нихъ видѣли душевныя явленія, не разлагающіяся всецѣло на ощущенія, локализируемыя нами въ нашемъ организмѣ. Видя въ каждой эмоціи нѣкоторый неизмѣнный «типъ» душевныхъ явленій, психологи ограничивались классификаціей этихъ неизмѣнныхъ типовъ, подобно тому какъ въ биологiи до Ламарка и Дарвина натуралисты ограничивались классификаціей «видовъ». По мнѣнію Джэмса, эмоціи не могутъ быть признаны нѣкоторыми обособленными другъ отъ друга «типами» душевныхъ явленій: разнообразіе эмоцій безвѣчно велико, и между любыми двумя эмоціями можно указать безчисленное множество переходныхъ ступеней. Мало того, эмоція вовсе не есть душевное явленіе, отрѣшенное отъ всякихъ тѣлесныхъ чувствованій: *«Если мы представимъ себѣ какую-нибудь сильную эмоцію и попытаемся мысленно вычитать изъ этого состоянія нашего сознанія одно за другимъ всѣ ощущенія связанныя съ нею тѣлесныхъ симптомовъ, то въ концѣ-концовъ отъ данной эмоціи ничего не останется... Человѣческая эмоція, лишенная всякой тѣлесной подкладки, есть одинъ пустой звукъ. Я не утверждаю, что такая эмоція есть нѣчто, противорѣчащее природѣ вещей, или, что чистые духи осуждены на безстрастное интеллектуальное бытіе; я хочу только сказать, что для насъ эмоція, отрѣшенная отъ всякихъ тѣлесныхъ чувствованій, есть нѣчто непредставимое».*

Мысль, что эмоція представляетъ собою душевное явленіе, обусловленное физиологическимъ возбужденіемъ организма, далеко не такъ нова, какъ это думаетъ Джэмсъ. Уже Аристотель указывалъ на то, что τὰ πάθη λόγοι ἐνολοι εἶσιν, и говорилъ, что каждую эмоцію можно разсматривать съ двухъ сторонъ: съ физиологической и съ психологической. Задаваясь вопросомъ: ὄργη τί ἐστι; онъ отвѣчаетъ, что съ физиологической точки зрѣнія это— ζῆσις τοῦ περὶ καρδίας αἵματος ἢ θερμῶ, а съ психологической это— ὀρεξις ἀντιλοπτήσεως¹⁾. Декартъ въ трактатѣ: «De passionibus» и въ особенностяхъ Малевраншъ въ пятой книгѣ: «De la Recherche de la Vérité» развиваютъ далѣе тотъ же взглядъ. Вотъ что говоритъ Малевраншъ: «Я называю страстью всѣ эмоціи, которыя душа естественно испытываетъ вслѣдствіе необычайныхъ движеній *жизненныхъ силъ и крови*». Съ точки зрѣнія большинства рационалистовъ XVIII-го вѣка, эмоція есть смутное сознаніе соответствующаго ей физиологическаго возбужденія. Эта мысль въ настоящее время

¹⁾ Περὶ ψυχῆς. Кн. I-я. Гл. 1 я.

возобновлена датскимъ психологомъ Ланге¹⁾: по его мнѣнію, *эмоція есть только сознание нервно-сосудистыхъ измѣненій*. Теорія Ланге, развитая имъ почти одновременно съ Джэмсомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ большую аналогію со взглядами послѣдняго. Оба психолога сходятся во взглядѣ на *природу отношенія, существующаго между эмоціями и сопровождающими ихъ физиологическими явленіями*; оба они, по мѣткому выраженію одного французскаго вритика: «*mettent la charrue avant les boeufs*». Согласно обыденному способу выраженія: «мы потеряли состояніе—огорчены и плачемъ; мы повстрѣчались съ медвѣдемъ—испуганы и обращены въ бѣгство; мы оскорблены врагомъ—приведены въ ярость и наносимъ ему ударъ». По мнѣнію Джэмса и Ланге: «*тѣлесное возбужденіе слѣдуетъ непосредственно за воспріятіемъ вызвавшего его факта, и сознание нами этого возбужденія въ то время, какъ оно совершается, и есть эмоція*. Поэтому, правильнѣе было бы такъ выразиться: «мы опечалены, потому что плачемъ, приведены въ ярость, потому что бьемъ другого, боимся, потому что дрожимъ». Въ воззрѣніяхъ Джэмса и Ланге на эмоцію, мнѣ кажется, имѣетъ важное философское значеніе не этотъ парадоксъ, которому такъ легко придать матеріалистическое толкованіе, а та плодотворная мысль, что всякая эмоція есть комплексъ чувствованій, локализуемыхъ (хотя и смутно) въ нашемъ организмѣ; что эмоція, какъ внѣ-пространственный душевный процессъ, есть фикція. Къ отрицанію этого ложнаго пониманія природы эмоцій, которое упорно продолжаетъ держаться въ психологіи, Джэмсъ и Ланге, мнѣ кажется, пришли совершенно различными путями. Ланге пришелъ къ мысли о локализациі эмоцій, повидимому, подъ вліяніемъ столь популярнаго въ Даніи и Голландіи спинозизма съ матеріалистической окраской. Для него эмоція и ея физиологическія условія суть: «*una eademque res sed duobus modis expressa*» (Eth. I, prop. II, 7, schol.)²⁾. Джэмсъ, хотя и сбивается иногда въ своихъ разсужденіяхъ на матеріалистическій способъ выраженія, но оговаривается, указывая на то, что онъ отнюдь не отождествляетъ физиологическихъ условій эмоцій съ ними самими, а только отмѣчаетъ ихъ параллелизмъ³⁾.

¹⁾ *Om Sindsbevægelse*, 1885; нѣмецкій переводъ въ 1888 году: С. Lange: *Ueber Gemüthsbewegungen*; позднѣе Дюма перевелъ эту брошюру на французскій языкъ, а въ нынѣшнемъ году она издана Павленковимъ и въ русскомъ переводѣ (съ французскаго): «Душевные движенія» д-ра Ланге, 1896 г.

²⁾ Смѣшеніе эмоцій, какъ душевныхъ явленій и какъ тѣлесныхъ процессовъ, мы находимъ и въ богатой фактическомъ матеріаломъ книгѣ Ферр: *La pathologie des emotions, études physiologiques et cliniques*. 1892.

³⁾ Задача современной психофизиологіи эмоцій задолго до Спенсера, Дарвина и Джэмса очень хорошо была выражена Гегелемъ въ его: «Философіи духа» § 401:... «Es würde die interessanteste Seite einer psychischen Physiologie sein, nicht die blosse Sympathie sondern bestimmte die *Verlieblichkeit* zu betrachten, welche sich geistige Bestimmungen insbesondere als Affecte geben». Кромѣ общей постановки вопроса,

Къ мысли же объ эмоціи, какъ комплексѣ локализируемыхъ (хотя и смутно) въ организмѣ ощущеній, онъ пришелъ, исходя не изъ метафизическихъ, а изъ чисто психологическихъ основаній. Къ этой мысли его долженъ былъ привести его общій методъ изученія душевныхъ явленій, согласно которому онъ дѣлаетъ выводы, опираясь исключительно на данныя непосредственнаго самонаблюденія. Онъ отвергаетъ существованіе эмоціи, какъ *не локализируемаго (хотя бы смутно) въ организмъ душевнаго процесса (disembodied emotion)*, не находя такого процесса въ самомъ себѣ. Такимъ образомъ, для него эмоція въ этомъ послѣднемъ смыслѣ есть одно изъ *Erfundene Empfindungen*, и, какъ таковое, не можетъ быть допущено при истолкованіи душевныхъ явленій ¹⁾.

XIV.

Въ своемъ ученіи о волѣ ²⁾ Джэмсъ рѣзко расходится съ огромнымъ большинствомъ современныхъ психологовъ: въ противоположность современному детерминистическому направленію психологіи, Джэмсъ — сторонникъ свободы воли ³⁾. Современная психологія придерживается намѣченной Лейбницемъ и окончательно установленной Кантомъ «теоріи автоматизма», согласно которой человекъ, какъ *явленіе*, есть *automaton spirituale* — одушевленный автоматъ: «Если бы намъ возможно было, говоритъ Кантъ, проникнуть въ способъ мысли человекъ, насколько онъ обнаруживается во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣйствіяхъ, такъ глубоко, что они и даже малѣйшее побужденіе къ нимъ были бы извѣстны, то можно было бы предсказать поведеніе человекъ въ будущемъ съ точностью солнечнаго или луннаго затмѣнія». Джэмсъ отвергаетъ теорію автоматизма, исходя изъ слѣдующихъ основаній. «Въ качествѣ общей концепціи при анализѣ самыхъ физиологическихъ

мы находимъ у Гегеля нѣкоторыя дѣйныя частныя замѣчанія, напиримѣръ, онъ первый указалъ (раньше Вундта и Пидерита) на то, что Джэмсъ называетъ *принципомъ аналогичнаго реагирования на аналогичные чувственные стимулы*, т. е. на однородную символизацию ощущеній, принадлежащихъ различнымъ органамъ чувствъ (напиримѣръ, веселые, сонливые, мягкіе, холодные и скорбные цвѣта) и на сходную мимику при реагированіи на моральныя и на вкусовыя и обонятельныя впечатлѣнія (кислая мина, сладкая улыбка, отворачиванье носа въ знакъ презрѣнія и т. п.).

¹⁾ П. Доріакъ въ статьѣ: «Nature de l'émotion». (*Année philosophique*, 1892, p. 63) подвергаетъ критикѣ теорію Джэмса. По его мнѣнію, Джэмсъ смѣшиваетъ физиологическіе отголоски душевнаго явленія (эмоціи) съ внутреннею природою самой эмоціи. Мнѣ кажется, Доріаку не удастся доказать возможность эмоціи, какъ чисто психическаго процесса, не разлагающагося безъ остатка на ощущенія, локализируемыя (хотя и смутно) въ организмѣ, а между тѣмъ, чтобы опровергнуть Джэмса, это-то именно и нужно доказать.

²⁾ Text Book, ch. XXVI, p. 415.

³⁾ Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, Джэмсъ не остался безъ влияния со стороны французскихъ нео-критицистовъ и въ особенности Ренувье.

процессовъ въ нервныхъ центрахъ трудно представить себѣ нѣчто болѣе соблазнительное, чѣмъ эта строго механическая теорія ихъ дѣятельности (т. е. теорія автоматизма). Но, вѣдь, у насъ, кромѣ того, *налицо сознание*, которое, по всей вѣроятности, подобно всѣмъ другимъ функціямъ, возникло, какъ нѣкоторый цѣлесообразный продуктъ; поэтому въ высшей степени невѣроятно *a priori*, чтобы оно не играло извѣстной роли въ физиологическихъ процессахъ. *Повидимому*, это—роль избирающаго начала, но, чтобы избирать, оно должно быть активнымъ! Благоприятныя состоянія сознанія должны, такимъ образомъ, задерживаться, неблагоприятныя—устраняться». ¹⁾ Сущность воли, по мнѣнію Джэмса, заключается въ *усилии вниманія*. Выборъ предметовъ вниманія всегда предопредѣленъ. «Ничто не можетъ привлечь наше вниманіе независимо отъ автоматической дѣятельности нервной системы. Другой вопросъ, насколько зависима отъ послѣдней та *интенсивность* нашего вниманія, съ которой мы воспринимаемъ объектъ, уже попавшій, такъ сказать, въ поле нашего духовнаго зрѣнія» ¹⁾. «Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ воли чрезвычайно простъ. Все дѣло здѣсь сводится къ опредѣленію степени усилія вниманія, которымъ мы можемъ располагать въ данную минуту. Находится ли продолжительность и интенсивность усилія въ постоянной зависимости отъ окружающихъ условій или нѣтъ?» Джэмсъ склоненъ думать, что продолжительность и интенсивность волевого усилія представляютъ «независимую переменную» по отношенію къ окружающимъ матеріальнымъ условіямъ, а такъ какъ продолжительность и интенсивность усилія вниманія обуславливаютъ собою преобладаніе тѣхъ или другихъ идей въ нашемъ сознаніи, а преобладаніе извѣстныхъ идей въ сознаніи обуславливаетъ въ свою очередь тѣ или другіе поступки, то и произвольные поступки чловѣка представляютъ, повидимому, «независимую переменную» по отношенію къ окружающимъ условіямъ. Джэмсъ полагаетъ, что вопросъ о свободѣ воли на почвѣ психологической неразрѣшимъ, такъ какъ для его рѣшенія «мы должны бы были выяснитъ, какіе мотивы предшествовали волевому рѣшенію, опредѣлитъ съ математической точностью степень интенсивности каждаго изъ нихъ и показать на основаніи законовъ, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ въ настоящее время на малѣйшаго понятія, что степень сдѣланнаго въ данномъ случаѣ усилія воли *не могла быть* ни большей, ни меньшей». Оставляя вопросъ нерѣшеннымъ съ психологической точки зрѣнія, Джэмсъ сильно склоняется въ пользу его положительнаго рѣшенія, частію исходя изъ *метафизическихъ соображеній*, частію ссылаясь на непосредственно сознаваемое нами *чувство свободы*, частію руководствуясь *нравственными соображе-*

¹⁾ Text Book, p. 237.

ніями. Нетрудно выяснить тѣсную связь метафизическихъ воззрѣній Джэмса съ его ученіемъ о свободѣ воли. Я не разъ указывалъ на то, что Джэмсъ стоитъ на точкѣ зрѣнія *итотетическаго дуализма*, принимая на вѣру реальность назависящаго отъ нашего сознанія *матеріальнаго міра* и самостоятельную активность *духовной субстанции*. При такомъ двоякомъ догматизмѣ легко сбиваться и на чисто матеріалистическую, и на чисто спиритуалистическую точку зрѣнія. Говоря, что сознаніе есть *продуктъ матеріальныхъ факторовъ*, Джэмсъ впадаетъ незамѣтно для себя въ грубый матеріализмъ, въ которомъ онъ же самъ ранѣе упрекалъ Спенсера ¹⁾). Предполагая, что произвольное волевое усиліе есть первичная сила, присущая нашей духовной субстанции и не обусловленная никакими матеріальными факторами, Джэмсъ высказываетъ утвержденіе, сходное со *спиритуалистическимъ воззрѣніемъ* на свободу воли, высказаннымъ нѣкогда Декартомъ. Только, согласно Декарту, душа можетъ *непосредственно* измѣнять *направленіе* жизненныхъ духовъ (мы бы сказали «нервныхъ токовъ»), а, согласно Джэмсу, она можетъ вносить измѣненіе въ дѣятельность нервныхъ токовъ *косвеннымъ образомъ*, измѣняя интенсивность и продолжительность усилія, и, такимъ образомъ, задерживая въ сознаніи или устраняя изъ него извѣстныя идеи, связанныя съ движеніями. Метафизическія соображенія въ пользу свободы воли Джэмсъ подкрѣпляетъ ссылкой на непосредственное свидѣтельство нашего сознанія, почерпаемое нами изъ самонаблюденія: *мы чувствуемъ себя свободными, можетъ быть, мы и на самомъ дѣлѣ свободны*. Этой ссылкой на свидѣтельство сознанія (которую мы также находимъ у Декарта) ²⁾ Джэмсъ, впрочемъ, не придаетъ рѣшающаго значенія. Увѣренія его, будто вопросъ объ эмпирической свободѣ воли неразрѣшимъ на почвѣ чисто психологической, недостаточно обоснованы. По мнѣнію Джэмса, мы никогда не будемъ въ состояніи рѣшить съ математической строгостью, обусловлены ли интенсивность и продолжительность усилія всецѣло окружающими условіями и физиологической дѣятельностью организма или нѣтъ. Изъ того, что продолжительность и интенсивность волевого усилія всегда останутся для психолога *неопредѣленными по величинѣ*, онъ заключаетъ, что мы не вправѣ рѣшить, обусловлены ли эти душевныя явленія предшествующимъ ходомъ нашей жизни или нѣтъ. Между тѣмъ распространеніе господства закона причинности на всю сферу міровыхъ явленій (и психическихъ, и физическихъ) вовсе не зависитъ отъ того, въ состояніи ли мы или нѣтъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ точности опредѣлить количественное соотношеніе между двумя явленіями. Въ метеорологическихъ явленіяхъ, напримѣръ, до

¹⁾ См. стр. 5-ю.

²⁾ Principia, I. 39.

сихъ поръ не удавалось вскрыть закономерныхъ и притомъ точно измѣримыхъ соотношеній, и тѣмъ не менѣ никто не сомнѣвается въ томъ, что эти явленія подчинены закону причинности.

Въ ученіи Джэмса о волѣ слѣдуетъ еще отмѣтить одну частность, которая характерна, какъ выраженіе общаго стремленія Джэмса устранять изъ психологіи *Erfundene Empfindungen*. Онъ указываетъ на то, что «для возникновенія волевыхъ произвольныхъ движеній является прежде всего необходимымъ предварительное накопленіе идей о различныхъ возможныхъ движеніяхъ, идей, которыя остаются въ нашей памяти, послѣ того какъ мы неоднократно произведемъ соотвѣтствующія имъ движенія произвольнымъ образомъ.» Такія идеи о движеніяхъ, по мнѣнію Джэмса, могутъ быть только двухъ родовъ: «непосредственныя (кинѣстетическія), т. е. идеи о движеніи въ самыхъ двигающихся частяхъ нашего тѣла, и опосредствованныя, т. е. идеи о движеніи нашего тѣла, поскольку это движеніе видимо, слышимо нами, или поскольку оно оказываетъ извѣстное дѣйствіе (ударъ, давленіе, царапанье) на какую-нибудь другую часть нашего тѣла». Предполагать существованіе какого-либо третьяго рода моторныхъ идей, по мнѣнію Джэмса, нѣтъ никакихъ основаній. «Нѣкоторые психологи, говоритъ онъ, предполагали, что сверхъ того въ данномъ случаѣ необходима идея о степени иннервации, необходимой для сокращенія мышцъ. По ихъ мнѣнію, нервный токъ, идущій при разрядѣ изъ двигательнаго центра въ двигательный нервъ, порождаетъ ощущение *sui generis*, отличающееся отъ всѣхъ другихъ ощущеній». Джэмсъ полагаетъ, что «нѣтъ никакой надобности сознавать степень иннервации центробѣжнаго тока». «Различныя степени «усилія», дѣйствительно испытываемыя нами, когда мы производимъ то-же движеніе, но по отношенію къ предметамъ, представляющимъ различную силу сопротивленія, *всѣ обусловлены центростремительными токами*, идущими отъ нашей груди, челюстей, брюшной полости и другихъ частей тѣла, въ которыхъ происходятъ симпатическія сокращенія мышцъ, когда прилагаемое нами усиліе велико». Иннервационное чувство (*idea of the amount of innervation*), связанное съ возбужденіемъ *центробѣжныхъ* нервовъ, есть одно изъ «выдуманныхъ ощущеній», на существованіе которыхъ психологическое самонаблюденіе намъ не даетъ ни малѣйшихъ указаній.

XV.

Въ сдѣланномъ мною бѣгломъ обзорѣ психологическихъ воззрѣній Джэмса я пытался показать, что «естественно-историческій методъ», положенный Джэмсомъ въ основаніе его психологическихъ изслѣдованій, за немногими отступленіями выдерживается имъ съ

большую послѣдовательностью. Борьба противъ «психическаго атомизма», противъ «выдуманныхъ ощущеній» и стремленіе повсюду опираться только на данныя непосредственнаго самонаблюденія проникають насевозъ оба психологическихъ труда Джэмса. Въ этомъ, мнѣ кажется, можно съ наглядностью убѣдиться изъ слѣдующаго списка гипотетическихъ психическихъ процессовъ и элементовъ душевной жизни (я назвалъ бы ихъ «*метансихическими*»), которые Джэмсъ пытается устранить изъ области психологіи:

Изъ ученія о сознаниі:

— *mind-stuff, unconscious representations, nascent consciousness* (см. стр. 5-ю).

Изъ психофизики:

— *sensation unit* (см. стр. 15-ю).

Изъ ученія о личности:

— *simple idea* (см. стр. 18-ю).

Изъ теоріи различенія:

— *existential discrimination*, какъ единственный видъ различенія, въ которому сводится и *differential discrimination* (см. стр. 23-ю).

Изъ ученія о пространствѣ:

— *non-spatial sensations, Lokalzeichen* (Лотце) и связанные съ ними воображаемые душевные процессы: *mental chemistry* (Миллей—отца и сына), *psychical synthesis* (Вундта) и т. п. (см. стр. 26-ю).

Изъ ученія объ эмоціи:

— *disembodied emotion* (см. стр. 30-ю).

Изъ ученія о воли:

— *idea of the amount of innervation* (см. стр. 33-ю).

Собственнымъ своимъ метафизическимъ возрѣніямъ (теоріи психогенезиса, гипотетическому дуализму, спиритуалистическому и телеологическому взгляду на личность и индетерминизму) Джэмсъ отнюдь не придаетъ рѣшающаго значенія, и на непосредственное истолкованіе душевныхъ явленій эти взгляды, какъ мы видѣли, не оказываютъ глубокаго вліянія. Джэмсъ отлично сознаетъ тѣ затрудненія, которыя связаны съ занятымъ имъ въ метафизикѣ положеніемъ, и самъ въ заключительной главѣ своей психологіи съ большимъ діалектическимъ искусствомъ отмѣчаетъ ихъ ¹⁾. Гипотетическій дуализмъ, по его мнѣнію, есть лишь временная условная точка зрѣнія на отношеніе духа къ познаваемому міру. Окончательный отвѣтъ на вопросъ о взаимодействіи души и тѣла можетъ быть найденъ только критической философій: «Только съ помощью философскихъ умозрѣній идеалистическаго характера и изслѣдованій въ области такъ называемой «тео-

¹⁾ Text Book., 461.

риі знанія» (*Erkenntnisstheorie*) для насъ станетъ вполне яснымъ принимаемое натуралистами на вѣру утверждение, будто наши мысли «познаютъ» внѣшніе объекты»¹⁾). Возводя въ принципъ строгое отдѣленіе непосредственно-изучаемыхъ данныхъ сознанія отъ метафизическихъ предпосылокъ и видя въ трансцендентальномъ идеализмѣ критической философіи единственный путь къ правильному рѣшенію основныхъ проблемъ психологіи, Джэмсъ является такимъ же (можетъ быть, не вполне сознательнымъ) представителемъ научно-философскаго критицизма въ экспериментальной психологіи, какимъ явился лѣтъ пятнадцать тому назадъ соотечественникъ Джэмса бостонскій философъ Сталло въ области физико-химическихъ наукъ²⁾). Отдѣляя гипотетическія, умопостигаемыя факціи отъ непосредственныхъ данныхъ опыта, борясь, Джэмсъ—противъ психическаго, Сталло—противъ физическаго атомизма, оба американскіе философа выступаютъ съ энергичнымъ протестомъ противъ догматизма, проникающаго самую постановку основныхъ вопросовъ естествознанія у европейскихъ натуралистовъ.

7 Апрѣля 1896 года.

И. Лаппинъ.

¹⁾ Text Book, 466.

²⁾ Stallo: La matière et la physique moderne. Сжатую характеристику этого превосходнаго сочиненія читатель найдетъ въ «Principes de la nature» Шарля Ренувье, изд. 2-ое, 1892-ой г., т. I-й, стр. 165-я.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

В в е д е н и е.

Опредѣлить психологію всего лучше можно словами профессора Лада, какъ науку, занимающуюся *описаніемъ и истолкованіемъ состояній сознания, какъ таковыхъ*. Подъ состояніями сознания здѣсь разумѣются такія явленія, какъ ощущенія, желанія, эмоціи, познавательные процессы, сужденія, рѣшенія, хотѣнія и т. п. Въ составъ истолкованія этихъ явленій должно, конечно, входить изученіе какъ тѣхъ причинъ и условій, при которыхъ они возникаютъ, такъ и изученіе дѣйствій, непосредственно ими вызываемыхъ, поскольку тѣ и другія могутъ быть констатированы.

Въ предлагаемомъ сочиненіи психологія должна излагаться, какъ естественная наука. Это замѣчаніе требуетъ поясненія. Большинство мыслителей полагаетъ, что въ существѣ дѣла есть только одна наука о всѣхъ объектахъ познанія, и что, пока не познано все, ничто не можетъ быть познано вполнѣ. Если бы такая наука когда-нибудь осуществилась, то это была бы философія. На самомъ дѣлѣ она осуществится еще очень не скоро; вмѣсто нея мы имѣемъ теперь въ различныхъ областяхъ массу начатковъ знанія, обособленныхъ другъ отъ друга ради пракческаго удобства до того времени, пока съ дальнѣйшимъ ростомъ знанія они не сольются въ единый кодексъ истины. Эти временные начатки знанія мы обозначаемъ именемъ «наукъ», во множественномъ числѣ. Ради экономіи времени въ работѣ каждая изъ этихъ наукъ ограничивается произвольно избранными проблемами знанія, игнорируя всѣ остальные.

Такимъ путемъ каждая наука принимаетъ на вѣру извѣстныя данныя, предоставляя другимъ отдѣламъ философіи подвергать критикѣ ихъ истинность и значеніе. Такъ, напримѣръ, всѣ естественныя науки, вѣрять въ абсолютно-независящее отъ познающаго ума существованіе міра матеріи, не взирая на то, что болѣе глубокой философскій анализъ этого вопроса ведетъ къ идеализму. Механика приписываетъ этой матеріи обладаніе *массой*,

проявленіе *силы*, опредѣляя эти понятія чисто феноменальнымъ образомъ и не смущаясь тѣми ирраціональностями, которыя можно вскрыть въ этихъ понятіяхъ при дальнѣйшемъ анализѣ. Подобнымъ образомъ, движеніе принимается въ механикѣ за нѣчто абсолютно-независящее отъ познающаго субъекта, не смотря на затрудненія, къ которымъ приводитъ такое утвержденіе. Подобнымъ же не критическимъ путемъ въ физикѣ допускается существованіе атомовъ, дѣйствія на разстояніи etc., химія беретъ на вѣру всѣ данныя физики, а фізіологія—всѣ данныя химіи. Психологія, какъ естественная наука, рассматриваетъ явленія съ такой же односторонней и временно-условной точки зрѣнія. Сверхъ реальности «матеріальнаго міра» со всѣми его свойствами, принимаемой на вѣру другими естественными науками, психологія постулируетъ дополнителныя, по преимуществу ей принадлежащія данныя, представляя другимъ, болѣе разработаннымъ отдѣламъ философіи констатировать ихъ реальность и оцѣнить ихъ конечное значеніе. Эти данныя суть слѣдующія:

1) *мысли и чувства* и рѣшительно все, что можетъ служить названіемъ для *измѣнчивыхъ состояній сознанія*,

2) *познаваніе* другихъ явленій при посредствѣ этихъ состояній сознанія. Къ такимъ явленіямъ относятся матеріальные объекты и событія и другія состоянія познающаго ума. Матеріальные объекты могутъ быть близки или далеки по пространству и по времени, состоянія ума могутъ принадлежать не одному только психологу-ислѣдователю, но и другимъ лицамъ, или самому ислѣдователю, но въ различное время.

Какъ одно *нѣчто* можетъ познавать *другое*—это составляетъ проблему такъ называемой теоріи знанія. Какимъ образомъ такая вещь, какъ «состояніе ума», вообще можетъ существовать—это составляетъ предметъ раціональной (названной такъ въ отличіе отъ эмпирической) психологіи. Полная истина о «состояніяхъ сознанія» станетъ извѣстной только тогда, когда и теорія знанія, и раціональная психологія скажутъ свое послѣднее слово. Тѣмъ временемъ о нихъ можетъ быть собрана масса условныхъ истинъ, которыя неизбѣжно войдутъ въ составъ болѣе широкой истины, когда для этого наступитъ время. Такой временный сводъ положеній о состояніяхъ сознанія и о познаваніи, которымъ эти состоянія сознанія пользуются, и есть то, что я разумѣю подъ психологіей, какъ естественной наукой. Каковы бы ни были конечные выводы теоріи о свойствахъ духа, матеріи и познанія, при моемъ пониманіи психологіи ея факты и законы сохранять все свое значеніе. Если критическіе умы найдутъ такую естественно-историческую точку зрѣнія произвольно сѣуживающей взглядъ на вещи, то они не должны ставить это въ упрекъ книгѣ, рассматривающей явленія именно съ такой точки зрѣнія: скорѣе имъ слѣдуетъ дополнить

односторонніе взгляды болѣе глубокимъ анализомъ мысли. Неполные отчеты часто являются практически необходимыми. Для того, чтобы въ данномъ случаѣ подняться надъ уровнемъ обычныхъ «научныхъ» предпосылокъ, нужно было бы дать не одинъ томъ, а цѣлую полку томовъ, что значительно превышаетъ силы автора.

Прибавимъ къ этому, что предметомъ этой книги будетъ только человѣческій интеллектъ. Несмотря на то, что психическая жизнь низшихъ животныхъ не безъ успѣха изслѣдовалась въ послѣднее время, мы, за недостаткомъ мѣста, не будемъ ее здѣсь анализировать и только иногда будемъ ссылаться на ея проявленія, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда она будетъ проливать свѣтъ на наше изслѣдованіе.

Психическія явленія не могутъ изучаться надлежащимъ образомъ независимо отъ физическихъ условій познаваемого міра. Великая ошибка старинной рациональной психологіи заключалась въ томъ, что душа представлялась абсолютно духовнымъ существомъ, одареннымъ нѣкоторыми, исключительно ему принадлежащими духовными способностями, съ помощью которыхъ объяснялись различные процессы припоминанія, сужденія, воображенія, хотѣнія etc., почти безъ всякаго отношенія къ тому міру, въ которомъ эти способности проявляютъ свою дѣятельность. Но болѣе свѣдущая въ этомъ вопросѣ современная наука рассматриваетъ наши внутреннія способности, какъ-бы заранѣе приноровленными къ свойствамъ того міра, среди котораго мы живемъ; я хочу сказать, такъ приноровленными, чтобы обезпечить намъ безопасность и счастье въ окружающей обстановкѣ. Не только наши способности къ образованію новыхъ привычекъ, къ запоминанію послѣдовательныхъ серій явленій, къ отвлеченію общихъ свойствъ отъ вещей и къ ассоцірованію съ каждымъ явленіемъ его обычныхъ слѣдствій представляются для насъ какъ разъ руководящимъ началомъ въ этомъ мірѣ, и постояннымъ, и измѣнчивомъ въ тоже время,—но и наши эмоціи и инстинкты также приспособлены къ свойствамъ именно даннаго міра; по большей части, если извѣстное явленіе важно для нашего благополучія, оно съ перваго же разу возбуждаетъ въ насъ живой интересъ. Опасныя явленія вызываютъ въ насъ инстинктивный страхъ, ядовитыя вещи отвращеніе, а предметы первой потребности привлекаютъ насъ къ себѣ. Короче сказать, міръ и умъ развивались одновременно и, въ силу этого, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ какъ бы приспособились другъ къ другу. Различные виды взаимодѣйствія между мировымъ порядкомъ и закономѣрностью душевныхъ явленій, въ силу которыхъ могла произойти съ теченіемъ времени эта существующая въ настоящее время гармонія отношеній, служили предметомъ многихъ изслѣдованій съ точки зрѣнія теорій эволюціи, которыя, хотя далеко еще не привели къ какому-нибудь окончательнымъ результатамъ, однако, во всякомъ случаѣ,

обогатили этот вопрос новыми идеями и охватили целый ряд новых проблемъ.

Главнымъ результатомъ этого новаго воззрѣнія было все болѣе и болѣе укрѣпляющееся убѣжденіе, что развитіе душевной жизни есть явленіе по преимуществу телеологическаго характера, то есть, что различные виды нашихъ чувствъ и способы мышленія достигли теперешняго состоянія въ силу своей полезности для регулированія нашихъ воздѣйствій на внѣшній міръ.

Въ концѣ-концовъ, немного формулъ въ новѣйшей психологіи оказало болѣе услугъ, чѣмъ спенсеровское положеніе, что сущность душевной и тѣлесной жизни заключается въ одномъ и томъ же, именно въ «приспособленіи внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ». Низшія животныя и дѣти приспособляются къ находящимся непосредственно передъ ними объектамъ опыта. При болѣе высокой степени умственнаго развитія приспособленіе распространяется на болѣе отдаленные по пространству и по времени объекты опыта и сопровождается болѣе и болѣе сложными и точными процессами мысли.

Первичныя и основныя проявленія душевной жизни суть дѣйствія, влоняющіяся въ самосохраненію. На второмъ планѣ въ душевной жизни играютъ роль многія другія случайныя явленія, которыя при дурномъ приспособленіи, могутъ привести ихъ обладателя къ гибели. Психологія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, должна изучать всѣ проявленія душевной дѣятельности—безполезныя и вредныя, наряду съ благопріятствующими приспособленію. Но изученіе вредоносныхъ явленій душевной жизни, составляющее предметъ психіатріи—науки о душевныхъ болѣзняхъ—и изученіе индифферентныхъ (въ смыслѣ приспособленія) явленій душевной жизни, составляющее содержаніе эстетики, вовсе не входятъ въ составъ предлагаемой книги.

Всѣ душевныя явленія (независимо отъ ихъ полезности) сопровождаются извѣстнаго рода тѣлесными процессами. Они вызываютъ едва замѣтныя перемѣны въ дыханіи, кровообращеніи, общей сокращаемости мускуловъ, въ дѣятельности железъ и сосудовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они не вызываютъ никакихъ замѣтныхъ движеній въ мускулахъ, заведующихъ произвольными движеніями. Не только извѣстныя душевныя состоянія, какъ, напри- мѣръ, волненія, но всѣ вообще психическія явленія, какъ таковыя, даже чисто мыслительные процессы и чувствованія—по вызываемымъ ими результатамъ суть двигатели. При дальнѣйшемъ изложеніи мы выяснимъ это въ подробностяхъ. Пока примемъ это положеніе за одинъ изъ основныхъ фактовъ той науки, въ область которой мы вступаемъ.

Выше мы сказали, что слѣдуетъ изучать «условія», опредѣляющія состоянія сознанія. Непосредственнымъ условіемъ, опредѣляю-

щимъ состояніе сознанія, слушать извѣстные процессы въ мозговыхъ полушаріяхъ. Это положеніе подтверждается такимъ множествомъ патологическихъ фактовъ и до такой степени руководитъ фізіологами въ самомъ основаніи огромнаго большинства ихъ сужденій, что для человѣка, знакомаго съ фізіологіей, является почти аксіомой. Впрочемъ, дать сжатое и неопровержимое доказательство безусловной зависимости психическихъ процессовъ отъ перемѣнъ, происходящихъ въ нервномъ веществѣ, было бы трудно. Что извѣстная степень постоянной общей зависимости душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ существуетъ—этого нельзя отвергать. Достаточно обратить вниманіе на то, какъ быстро можетъ быть уничтожено (по сколько мы можемъ судить) сознаніе—ударомъ по головѣ, быстрымъ кровотеченіемъ, эпилептическимъ припадкомъ, приемомъ большой дозы алкоголя, опиума, ээира или закиси азота (N_2O); или, достаточно указать на то, какъ легко качественно измѣнить состояніе сознанія приемомъ меньшей дозы одного изъ этихъ веществъ или вызовомъ лихорадки, для того, чтобы видѣть, въ какой степени нашъ духъ находится въ зависимости отъ случайныхъ состояній тѣла. Маленькой задержки въ желчномъ протокѣ, приема слабительнаго, чашки вѣрпаго кофе въ извѣстную минуту достаточно, чтобы на время совершенно измѣнить взгляды человѣка на жизнь. Состоянія нашего духа и наши рѣшенія болѣе зависятъ отъ нашего кровообращенія, чѣмъ отъ логическихъ основаній. Будетъ-ли человѣкъ въ извѣстномъ случаѣ трусомъ или героемъ—это зависитъ отъ временнаго состоянія его «нервовъ». Во многихъ случаяхъ помѣшательства (хотя отнюдь не во всѣхъ) были найдены замѣтная измѣненія мозговой ткани. Разрушеніе вполнѣ опредѣленныхъ участковъ мозговыхъ полушарій вызываетъ потери памяти и приобрѣтенной двигательной способности вполнѣ опредѣленныхъ порядковъ (къ этому мы возвратимся въ отдѣлѣ «афазія»). Если принять въ соображеніе всѣ эти факты въ совокупности, мы невольно готовы допустить представляющееся нашему уму простое и радикальное положеніе: всѣ душевные процессы безразлично являются безусловно функціею мозговой дѣятельности, измѣняясь параллельно послѣдней и относясь къ ней, какъ дѣйствіе къ причинѣ.

Это соображеніе служитъ руководящей (регулятивной) гипотезой всей фізіологической психологіи послѣднихъ лѣтъ и будетъ играть роль такой же гипотезы и въ настоящемъ сочиненіи. Взятая въ такой абсолютной формѣ она, быть можетъ, утверждаетъ слишкомъ многое, заключая въ себѣ истину лишь отчасти. Но единственный способъ удостовѣриться въ ея несостоятельности заключается въ ея серьезномъ приложеніи ко всякому случаю, какой только попадется. Разработка гипотезы во всей ея ширинѣ во многихъ случаяхъ является единственнымъ средствомъ доказать ея несостоятельность. Я, впрочемъ, готовъ утверждать безъ малѣйшаго колебанія съ самаго

начала, что единообразіе въ соотношеніяхъ психическихъ и мозговыхъ процессовъ составляетъ законъ природы. Детальное истолкованіе этого закона всего лучше покажетъ, гдѣ трудно и гдѣ легко обнаружить его проявленія. Нѣкоторымъ читателямъ предлагаемая гипотеза можетъ показаться самымъ неосновательнымъ предвзятымъ *материализмомъ*. Въ извѣстномъ смыслѣ это, конечно, материализмъ: гипотеза наша подчиняетъ высшее произволу низшаго. Но, хотя мы и утверждаемъ, что *реализация* мысли есть результатъ механическихъ законовъ (ибо, согласно другой «руководящей гипотезѣ», именно физиологической, законы мозговой дѣятельности въ существѣ дѣла суть механическіе законы), мы ни мало не объясняемъ природы мысли, устанавливая зависимость между физическимъ и психическимъ, и въ послѣднемъ смыслѣ наше предположеніе не есть материализмъ. Тѣ авторы, которые безусловно настаиваютъ на зависимости нашихъ мыслей отъ нашего мозга, какъ на неоспоримомъ фактѣ, нерѣдко являются наиболѣе настойчивыми сторонниками того мнѣнія, что этотъ фактъ необъяснимъ, и что коренная сущность сознанія никогда не можетъ быть раціональнымъ образомъ выведена изъ какихъ-либо материальныхъ причинъ. Безъ сомнѣнія, нужно проработать нѣсколькимъ поколѣніямъ психологовъ, чтобы установить съ надлежащей точностью гипотезу о зависимости душевныхъ явленій отъ тѣлесныхъ. До того времени книги, постулирующія ее, будутъ опираться до нѣкоторой степени на проблематическій принципъ. Но студентъ, изучающій психологію, долженъ помнить, что въ наукахъ постоянно практикуются подобныя рискованныя приемы, и онѣ обыкновенно прогрессируютъ зигзагомъ отъ одной абсолютной формулы въ другой, которая исправляетъ первую чрезмѣрнымъ уклоненіемъ въ противоположную сторону. Въ настоящее время психологія движется въ материалистическомъ направленіи, и, въ интересахъ ея конечныхъ успѣховъ, ей должна быть предоставлена полная свобода двигаться въ этомъ направленіи даже тѣми, которые увѣрены, что она никогда не достигнетъ конечной цѣли, не возвратившись вспять. Въ одномъ только во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться, именно въ томъ, что, слившись съ философіей въ ея цѣломъ, психологическія формулы получаютъ совершенно иное значеніе сравнительно съ тѣмъ, какое онѣ имѣли такъ долго, изучаясь съ точки зрѣнія обособленной и изувѣченной естественной науки, какъ бы ни являлось необходимымъ и неизбѣжнымъ изученіе психическихъ явленій съ такой временно-условной точки зрѣнія.

Подраздѣленія психологіи. Итакъ, намъ предстоитъ изучать, по мѣрѣ возможности, состоянія сознанія въ ихъ соотношеніи съ вѣроятными нервными условіями. Въ настоящее время окончательно выяснено, что нервная система есть не что иное, какъ машина, воспринимающая внѣшнія воздѣйствія, и цѣлесообразно реагирующая на

нихъ, въ видахъ сохраненія индивида и его рода,—это не требуетъ разъясненій для читателя, знакомаго хотя самымъ поверхностнымъ образомъ съ физиологійю.

Итакъ, анатомически нервная система, подраздѣляется на три главныхъ отдѣла:

- 1) Нервы, приносящіе токи, центростремительные,
- 2) Органы центрального распредѣленія токовъ, и
- 3) Нервы, относящіе токи, центробѣжные.

Что касается функций, то мы имѣемъ ощущеніе, центральное дѣйствіе и движеніе. Психологически мы можемъ соответствующимъ образомъ подраздѣлить сферу нашего анализа, согласно аналогичной схемѣ, и послѣдовательно разсматривать три основныхъ сознательныхъ процесса и ихъ условія. Первый классъ составляютъ ощущенія, второй—церебрація или умственные процессы, третій—стремленія въ дѣйствию. При подобномъ дѣленіи неизбѣжно возникаетъ нѣкоторая неясность, но для такой книги, какъ наша, оно представляетъ практическія удобства, и потому мы будемъ придерживаться этого дѣленія, не взирая на возраженія, которыя можно противъ него сдѣлать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ ощущеніи вообще.

Центростремительные нервные токи суть единственные нормальные агенты, дѣйствующіе на мозгъ. Нервные центры человѣка окружены многими плотными оболочками, которыя предохраняютъ ихъ отъ непосредственнаго вліянія силъ внѣшней природы. Волосы, толстая черепная кожа, черепъ и, по крайней мѣрѣ, двѣ мозговыхъ оболочки, изъ которыхъ одна твердая, облекаютъ головной мозгъ; кромѣ того, этотъ органъ, какъ и спинной мозгъ, погруженъ въ серозную жидкость, въ которой онъ какъ бы плаваетъ. При такихъ условіяхъ на мозгъ могутъ вліять только слѣдующіе факторы:

- 1) Крайне слабые, тупые механическіе толчки.
- 2) Измѣненіе притока крови, качественное и количественное.
- 3) Нервные токи, пробѣгающіе по такъ называемымъ приносящимъ или центростремительнымъ путямъ.

Механическіе толчки обыкновенно не производятъ никакого дѣйствія на мозгъ; эффекты, вызываемые переменами въ кровообращеніи, обыкновенно бываютъ преходящи; наоборотъ, нервные токи производятъ результаты органическаго свойства, какъ въ моментъ ихъ прибытія, такъ и позднѣе, оставляя незамѣтные слѣды

въ мозговомъ веществѣ, которые, мы полагаемъ, остаются болѣе или менѣе постоянными свойствами его структуры, видоизмѣняя его дѣятельность на все будущее время.

Каждый приносящій нервъ идетъ отъ опредѣленной части периферіи и раздражается и возбуждается къ внутренней дѣятельности особою внѣшнею силою. Обыкновенно нервъ извѣстной природы нечувствителенъ къ воздѣйствіямъ несоотвѣтствующаго порядка. Такъ, напримѣръ, зрительные нервы невосприимчивы къ колебаніямъ воздушныхъ волнъ, кожные нервы—къ свѣтовымъ волнамъ ээира. Язычный нервъ не возбуждается ароматическими благовопіями, жаръ не оказываетъ никакого дѣйствія на слуховой нервъ. Каждая категория нервовъ выбираетъ изъ вибрацій окружающей среды только тѣ, которыя исключительно ей соотвѣтствуютъ. Въ результатѣ наши ощущенія образуютъ рядъ прерывныхъ серій, отдѣленныхъ другъ отъ друга громадными промежутками. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что порядокъ вибрацій во внѣшнемъ мірѣ представляетъ такую же прерывную серію, какъ и порядокъ нашихъ ощущеній. Между самымъ быстрымъ слышимымъ движеніемъ воздушныхъ волнъ (самое большое = 40,000 колебаній въ секунду) и самымъ медленнымъ движеніемъ тепловыхъ волнъ (быть можетъ, нѣсколько билліоновъ колебаній въ секунду) природа должна была гдѣ-нибудь осуществить безчисленное множество посредствующихъ звеньевъ, для воспріятія которыхъ мы не имѣемъ соотвѣтствующихъ нервовъ. Весьма возможно, что процессъ, происходящій въ нервныхъ волокнахъ самыхъ различныхъ нервовъ, тождественъ, или, по крайней мѣрѣ, сходенъ. Это—такъ называемый «токъ», но въ ретинѣ токъ *пускается въ ходъ* однимъ порядкомъ внѣшнихъ вибрацій—а въ ухѣ, напримѣръ, другимъ порядкомъ. Это обусловлено различіемъ *концевыхъ* аппаратовъ, которыми снабжены многіе центростремительные нервы. Совершенно такъ же, какъ мы вооружаемся ложкою, чтобы взять супа, и вилкою, чтобы взять говядины, нервныя волокна вооружаются однимъ концевымъ аппаратомъ для воспріятія воздушныхъ волнъ, другимъ—для воспріятія волнъ ээира. Концевой аппаратъ всегда состоитъ изъ модифицированныхъ эпителиальныхъ клѣтокъ, представляя съ нервными волокнами одно непрерывное цѣлое. Самое нервное волокно непосредственно возбуждается внѣшнимъ агентомъ, который сначала воздѣйствуетъ на концевой аппаратъ. Волокна зрительнаго нерва не получаютъ впечатлѣнія непосредственно отъ солнечныхъ лучей; можно касаться льдомъ до кожного нервнаго ствола, не вызывая ощущенія холода ¹⁾. Нервы — простые проводники; концевые аппараты — многи-

¹⁾ Пациентъ, впрочемъ, можетъ при этомъ экспериментѣ испытывать боль; необходимо допустить, что всевозможныя нервныя волокна, равно какъ и концевые аппараты, до извѣстной степени способны возбуждаться съ помощью механическаго и электрическаго раздражителя.

сленные несовершенные телефоны, въ которые внѣшній міръ говоритъ; и изъ которыхъ каждый воспринимаетъ только часть сказаннаго; мозговныя клѣтки у центральныхъ концовъ нервныхъ волоконъ представляютъ такое же число телефонныхъ станцій:—черезъ нихъ умъ воспринимаетъ издалека обращенныя къ нему рѣчи.

«Специфическія энергіи» различныхъ частей мозга. Анатомы до известной степени точно прослѣдили пути, по которымъ чувствительныя нервныя волокна направляются послѣ входа въ центральныя части вплоть до ихъ окончанія въ сѣромъ веществѣ мозговыхъ извилинъ ¹⁾. Ниже мы увидимъ, что сознательные процессы, сопровождающіе раздраженіе этого сѣраго вещества, имѣняются въ зависимости отъ того, какой участокъ сѣрой массы мы будемъ раздражать. Они являются зрительными воспріятіями при раздраженіи затылочныхъ долей и слуховыми при раздраженіи верхней части височныхъ долей. Каждый участокъ мозговой коры отвѣчаетъ на раздраженіе, приносимое ему его центростремительными нервами такимъ способомъ, съ которымъ, повидимому, постоянно связанъ известный специфическій родъ ощущеній. Это то, что было названо закономъ *специфическихъ энергій* въ нервной системѣ. Разумѣется, мы не можемъ даже гадательнымъ образомъ объяснить основаніе для этого закона. Психологи (Льюисъ, Вундтъ, Розенталь, Гольдшейдеръ и другіе) много спорили о томъ, зависитъ-ли качественное различіе ощущеній только отъ раздражаемаго *мѣста* въ корѣ, или отъ *свойствъ тока*, проводимаго нервомъ. Безъ сомнѣнія, известныи видъ внѣшней силы, постоянно воздѣйствующей на концевой аппаратъ, постепенно его модифицируетъ; известныи родъ возбужденія, полученный отъ концевого аппарата, модифицируетъ нервное волокно, и известныи родъ тока общается этимъ модифицированнымъ нервнымъ волокномъ въ кортикальный центръ и модифицируетъ этотъ центръ. Въ свою очередь, модификація центра измѣняетъ получающееся въ результатѣ ощущеніе, хотя никто не опредѣляетъ, какъ это дѣлается и почему. Но эти взаимодействующія модификаціи должны происходить крайне медленно, и, по скольку дѣло идетъ о взросломъ индивидуѣ, можно съ увѣренностью сказать, что *мѣсто*, раздражаемое въ корѣ, болѣе чѣмъ что-либо другое опредѣляетъ качества ощущенія, которое онъ будетъ испытывать. Будемъ-ли мы давить на ретину, колоть, рѣзать, щипать или раздражать электричествомъ живой зрительный нервъ, испытываемый субъектъ всегда будетъ ощущать потоки свѣта, такъ какъ конечный результатъ нашихъ экспериментовъ—это раздраженіе заты-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, зрительныя нервныя волокна направляются къ затылочнымъ долямъ, обонятельныя—къ нижней части височныхъ долей, слуховыя прежде всего направляются къ мозжечку, а оттуда, по всей вѣроятности, къ верхней части височной доли. Анатомическіе термины, употребляемые нами въ этой главѣ, будутъ объяснены ниже. Корой называется сѣрая поверхность мозговыхъ извилинъ (cortex).

лочной доли коры. Такимъ образомъ, наши обычные способы ощущать внѣшніе объекты зависятъ отъ того, съ какими частями мозга связаны опредѣленные концевые аппараты, на которые упадетъ внѣшнее раздраженіе. Мы *видимъ* солнечное сіяніе и огонь потому только, что единственный концевой аппаратъ, способный воспринимать колебанія эфирныхъ волнъ, излучаемыхъ этими предметами, возбуждаетъ тѣ именно нервныя волокна, которыя ведутъ къ зрительнымъ центрамъ. Если бы мы могли произвести обмѣнъ во внутреннихъ отношеніяхъ мозговыхъ элементовъ, то внѣшній міръ предсталъ бы передъ нами въ совершенно новомъ свѣтѣ. Если бы можно было, напримѣръ, сростить внѣшній конецъ нашего зрительнаго нерва съ ухомъ, а внѣшній конецъ слуховаго нерва съ глазомъ, то мы бы слышали молнію и видѣли громъ, мы бы видѣли симфонію и слышали движенія палочки дирижера. Подобныя гипотезы могутъ служить хорошей школой для непосвященныхъ въ идеалистическую философію.

Отличіе ощущенія отъ воспріятія. Строго говоря, нельзя *опредѣлить*, что такое ощущеніе; въ обыденной жизни совнанія ощущенія, какъ ихъ обыкновенно называютъ, и воспріятія переходятъ одни въ другія незамѣтнымъ образомъ. Мы можемъ только сказать, что подлѣ ощущеніями мы разумѣемъ *первичные* элементы совнанія, Они суть непосредственныя сознательныя результаты проникновенія нервныхъ токовъ въ мозгъ, прежде чѣмъ послѣдніе успѣли вызвать ассоціаціи или воспоминанія, почерпнутыя изъ болѣе ранняго опыта. Но, очевидно, такія непосредственныя ощущенія можно испытывать лишь въ самыя раннія дни сознательной жизни. Для взрослыхъ же съ развитою памятью и приобрѣтеннымъ запасомъ ассоціацій они совершенно невозможны. До полученія впечатлѣнія черезъ органы чувствъ мозгъ погруженъ въ глубокой сонъ, и совнаніе въ сущности отсутствуетъ. Даже первую недѣлю послѣ рожденія дѣти проводятъ почти въ непрерывномъ снѣ. Нуженъ весьма значительный импульсъ со стороны органовъ чувствъ, чтобы прервать эту дремоту. Въ мозгу новорожденнаго этотъ импульсъ вызываетъ абсолютно чистое ощущеніе. Но опытъ оставляетъ «едва замѣтныя слѣды» въ мозговомъ веществѣ, и послѣдующія впечатлѣнія, пересылаемыя органами чувствъ, вызываютъ въ мозгу реакцію, въ которой пробужденный слѣдъ предшествующаго впечатлѣнія играетъ свою роль. Въ результатѣ получается новый видъ ощущенія и высшая ступень познаванія. «Идеи» о предметѣ смѣшиваются съ простымъ совнаніемъ его наличности для ощущеній; мы называемъ его, классифицируемъ, сравниваемъ съ другими, составляемъ о немъ сужденія, и такимъ путемъ осложненіе возможнаго матеріала совнанія, который можетъ быть доставленъ усиливающимся потокомъ внѣшнихъ впечатлѣній, все болѣе и болѣе возрастаетъ до конца жизни. Вообще, это болѣе вы-

сокаго порядка сознаніе объектовъ и называется воспріятіемъ, нерасчлененное же (неясное) сознаніе ихъ наличности составляетъ ощущеніе, поскольку мы таковое вообще можемъ имѣть. Въ тѣ минуты, когда наше вниманіе совершенно равсѣяно, мы, повидимому, способны до нѣкоторой степени впадать въ потокъ безсвязныхъ ощущеній.

Въ ощущеніяхъ есть способность къ познаванію. Иначе говоря, ощущеніе въ чистомъ видѣ есть абстракція: въ опытѣ само по себѣ оно рѣдко реализуется, и объектъ, воспринимаемый чистымъ ощущеніемъ, есть объектъ абстрактный: онъ не можетъ существовать абсолютно изолированнымъ. «Чувственные качества» суть объекты ощущенія. Ощущенія глаза сознаютъ *цѣта* объектовъ, ощущенія уха—*звуки*, ощущенія кожи—*тяжесть, остроту, тепло и холодъ*. Отъ всѣхъ органовъ нашего тѣла могутъ пробѣгать нервныя токи, сообщающіе намъ о качествахъ *бони* и до нѣкоторой степени о качествахъ *удовольствія*.

Такія качества, какъ *линокость, шероховатость* ест., возникли, какъ полагаютъ, изъ взаимодействія осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній. Съ другой стороны, геометрическія свойства предметовъ— ихъ *размѣры, величина, разстояніе между ними* etc. (поскольку мы ихъ отождествляемъ и различаемъ) большинствомъ психологовъ признаются невозможными безъ помощи припоминанія прежнихъ опытовъ; познаніе этихъ свойствъ, по ихъ мнѣнію, превышаетъ силы чистаго, непосредственнаго ощущенія.

Познаваніе чего-нибудь и познаніе о чемъ-нибудь. Съ такой точки зрѣнія, ощущеніе отличается отъ воспріятія только крайней простотой своего объекта или содержанія. Его объектъ, будучи простымъ качествомъ, чувственно-однороденъ; его функція, такимъ образомъ, сводится къ простому познаванію факта, кажущагося однороднымъ. Функція же воспріятія есть уже нѣкоторое познаніе о фактѣ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы все время должны знать, *что* за фактъ мы имѣемъ въ виду, и разнообразный матеріалъ этихъ «что» намъ доставляютъ ощущенія. Въ самомъ раннемъ періодѣ жизни наши мысли бываютъ почти исключительно конкретнаго характера. Онѣ сообщаютъ намъ массу «что», «то», «это». По словамъ Кондильяка, видя въ первый разъ свѣтъ, мы *сами составляемъ* этотъ свѣтъ скорѣе, чѣмъ *видимъ* его. Но все наше поздвѣйшее зрительное познаніе опирается на этотъ опытъ. Если бы тотчасъ послѣ него мы вдругъ ослѣпли, наши свѣдѣнія объ этомъ не утратили бы существенныхъ чертъ, пока мы сохраняли бы объ этомъ воспоминаніе. Въ школахъ для слѣпыхъ ученикамъ сообщаютъ столько же свѣдѣній о свѣтѣ, какъ и въ другихъ школахъ. Изучаются и отраженіе, и преломленіе, и спектръ, и гипотеза эфира и т. п. Но самый лучшій слѣпорожденный воспитанникъ такого заведенія имѣетъ въ знаніи пробѣлы, которыхъ нѣтъ у самаго невѣжествен-

наго зрячаго ребенка. Зрячій никогда не объяснитъ слѣпому, что такое *світъ* вообще, и потеря извѣстной сферы ощущеній не вознаграждаема никакою школьною выучкой. Все это до того очевидно, что мы видимъ ощущение «постулируемымъ» въ качествѣ опытного элемента даже тѣми филосогами, которые всего менѣе склонны придавать ему большое значеніе и цѣнить доставляемое имъ знаніе.

Отличіе ощущеній отъ воспроизведенныхъ представленій. И ощущение; и воспріятіе, при всемъ различіи между ними, сходны въ томъ, что ихъ объекты воспринимаются *ярко, живо, предстоятъ во-очію*. Наоборотъ, *объекты* только *мыслимы, припоминаемы* или *воображаемы* относительно блѣдны и лишены той колоритности, того свойства *реальной наличности*, которыми обладаютъ объекты ощущенія. Процессы въ мозговой корѣ, съ которыми связаны ощущенія, зависятъ отъ центростремительныхъ токовъ, притекающихъ отъ периферіи; чтобы получилось ощущение, нужно, чтобы внѣшній объектъ подѣйствовалъ въ качествѣ раздражителя на глазъ, на ухо и т. д. Съ другой стороны, тѣ процессы въ мозговой корѣ, съ которыми связаны простыя воспроизведенныя представленія, но всей вѣроятности, зависятъ отъ нервныхъ токовъ, притекающихъ отъ другихъ мозговыхъ извилинъ. Такимъ образомъ, можно думать, что нервные токи, идущіе отъ периферіи, при нормальныхъ условіяхъ вызываютъ родъ дѣятельности мозга, который не могутъ вызвать токи, идущіе отъ другихъ извилинъ мозга.

Съ этимъ родомъ дѣятельности, представляющимъ болѣе глубокую степень дезинтеграціи, повидимому, связаны качества живости и объективной реальности воспринимаемаго сознаніемъ предмета.

Объективность предметовъ ощущенія. Всякая вещь или качество ощущаются во внѣшнемъ пространствѣ. Невозможно представить блескъ или цвѣтъ иначе, какъ протяженнымъ и находящимся внѣ тѣла. Звуки также слышны въ пространствѣ, прикосновеніе происходитъ на поверхности тѣла, боль чувствуется непременно въ какомъ-нибудь органѣ. Въ психологіи было распространено мнѣніе, будто чувственные качества воспринимаются первоначально *въ самомъ умѣ*, а затѣмъ уже проектируются изъ него интеллектуальнымъ или сверхчувственнымъ актомъ ума. Въ пользу этого мнѣнія нельзя привести никакихъ основаній. Единственные факты, которые могли бы, повидимому, свидѣтельствовать въ пользу него, объясняются, какъ мы увидимъ ниже, гораздо лучше инымъ путемъ. Первое ощущение, получаемое ребенкомъ, уже есть для него внѣшній міръ. Вселенная, которую онъ познаетъ въ позднѣйшіе періоды жизни, есть не что иное, какъ развитіе первоначальнаго, такъ сказать, эмбріональнаго впечатлѣнія, которое путемъ постепеннаго роста и заполнения содержаніемъ, выросло въ нѣчто столь большое, сложное и расчлененное, что его первичное состояніе совершенно утра-

тилось для памяти. Въ смутномъ пробужденіи къ сознанію *чего-то тамъ*, «вогъ этого» (или чего-нибудь такого, для чего даже терминъ «это» является слишкомъ опредѣленнымъ, и познание чего лучше охарактеризовать простымъ междометіемъ: «во!»), ребенокъ встрѣчаетъ объектъ, въ которомъ (хотя бы это было простое ощущение) уже заключаются всѣ «категоріи разсудка». Въ воспринимаемомъ предметѣ есть объективный внѣшній характеръ, единство, субстанціальность, причинность рѣшительно въ томъ же смыслѣ слова, въ какомъ эти категоріи заключены въ любомъ объектѣ, или системѣ объектовъ для болѣе взрослого человѣка. Юное существо радостно встрѣчаетъ свой міръ, и чудо познанія возникаетъ разомъ, по словамъ Вольтера, и въ низшемъ ощущеніи ребенка, и въ величайшихъ замыслахъ Ньютонова мозга.

Физиологическимъ условіемъ перваго чувственнаго опыта, вѣроятно, служитъ одновременное стеченіе множества нервныхъ токовъ отъ разныхъ периферическихъ органовъ, но множественность этихъ органическихъ условій не мѣшаетъ сознанію быть *единымъ* сознаніемъ. Ниже мы увидимъ, что сознаніе можетъ быть единымъ, несмотря на наличность многихъ объектовъ познанія сразу и на зависимость отъ одновременной дѣятельности многочисленныхъ органовъ. Объектъ, доставляемый сознанію ребенка многочисленными приносящими токами, сливается въ одну пеструю, шумную хаотическую смѣсь. Эта смѣсь составляетъ міръ ребенка; для большинства изъ насъ міръ является такою же смѣсью, виртуальнымъ образомъ разложимой и подлежащей разложенію на части, но на самомъ дѣлѣ еще не разложенной. Какъ для насъ, такъ и для ребенка, онъ является вещью, занимающей пространство. Поскольку онъ является для насъ не проанилизированнымъ и не разложеннымъ на части, можно сказать, что мы познаемъ его чувственнымъ образомъ; но какъ только мы различили въ немъ составные элементы и начинаемъ сознать отношенія между ними, наше знаніе становится воспріятіемъ и даже отвлеченіемъ и, какъ таковое, не будетъ разсматриваться нами въ настоящей главѣ.

Интенсивность ощущеній. Свѣтъ можетъ быть такъ тусель, что не разсѣетъ замѣтнымъ образомъ мрака, звукъ—такъ глухъ, что не слышенъ, привосновеніе—такъ слабо, что мы не почувствуемъ его. Другими словами, нужно опредѣленной конечной величины раздраженіе, чтобы вызвать сколько-нибудь замѣтное соответствующее ощущеніе. Это—Фехнеровскій законъ *порога*: раздраженіе должно перейти извѣстную конечную границу, прежде чѣмъ объектъ станетъ доступенъ сознанію. Раздраженіе, чуть-чуть превышающее порогъ, называется *minimum visibile, audabile etc.* Если мы, начиная отъ порога, будемъ постепенно увеличивать раздраженіе, то и ощущеніе будетъ возрастать, хотя и медленнѣе, пока, наконецъ, не дойдетъ до высшей точки, за которой интенсивность

ощущения не возрастает, несмотря ни на какое увеличение раздражения. Обыкновенно до достижения высшей точки къ специфическому характеру ощущения начинается примѣшиваться боль. Это можно вполне ясно наблюдать при сильномъ давленіи, большомъ жарѣ или холодѣ, яркомъ свѣтѣ и громкомъ звукѣ; съ меньшей опредѣленностью—при вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеніяхъ только вслѣдствіе того, что здѣсь труднѣе увеличивать раздраженіе. Съ другой стороны, всѣ ощущенія, даже самыя непріятныя при значительной интенсивности, въ самой слабой степени скорѣе пріятны, чѣмъ непріятны. Чуть-чуть горьковатый вкусъ или легкій запахъ гниаи могутъ, по крайней мѣрѣ, представлять что-то, привлекающее къ себѣ наше вниманіе.

Законъ Вебера. Я сказалъ, что интенсивность ощущенія возрастаетъ медленнѣе, чѣмъ вызывающее его раздраженіе. Если бы не было вовсе порога, и если бы каждый равный приростъ раздраженія вызывалъ бы равный приростъ въ интенсивности ощущенія, то простая прямая линія могла бы вмѣсто кривой служить графическимъ изображеніемъ отношеній между этими двумя величинами. Пусть горизонтальная линія (рис. 1-й) служить скалою для интенсивности раздраженія, при O пусть всякая интенсивность раздраженія отсутствуетъ, при $1 =$ единицѣ и т. д. Пусть перпендикуляры, возставленные изъ точекъ дѣленія $1, 2, 3$ на скалѣ до пересѣченія съ наклонной, означающія соответствующія степени ощущенія. При O не будетъ никакого ощущенія; при 1 ощущеніе будетъ выражаться линіей $S^1 - 1$, при 2 —линіей $S^2 - 2$, и т. д. Линія S^0 овъ будетъ возрастать равномѣрно, ибо, согласно нашей гипотезѣ, вертикальныя линія (ощущенія) возрастаютъ прямо пропорціонально горизонтальной (раздраженія). Но въ природѣ, какъ мы уже сказали, ощущеніе возрастаетъ медленнѣе раздраженія. Если каждый шагъ впередъ въ горизонтальномъ направленіи равенъ предшествующему, то каждый шагъ по вертикальному направленію вверхъ долженъ быть нѣсколько короче предъидущаго—и линія ощущеній будетъ выгнутой кривой вмѣсто прямой.

Рис. 2-й соответствуетъ порядку вещей въ природѣ. O означаетъ пунктъ, гдѣ раздраженіе отсутствуетъ, и сознательное ощущеніе, означаемое кривой, начинается лишь по достиженіи раздраженіемъ «порога» въ 3-мъ пунктѣ. Съ этого пункта ощущеніе все болѣе и болѣе возрастаетъ, но съ каждымъ шагомъ все медленнѣе и медленнѣе, пока, наконецъ, не достигнута высшая точка,—тогда кривая приближается къ прямой.

Точная формулировка закона отставанія ощущенія отъ раздраженія приписывается Веберу, ибо онъ первый открылъ его при опредѣленіи тяжести. Я приведу здѣсь сдѣланную Вундтомъ характеристику этого закона и фактовъ, на которыя онъ опирается.

«Всякій знаетъ, что въ тихую ночь мы замѣчаемъ вещи, усколь-

защита от нашего внимания при дневномъ шумѣ. Еле слышное тиканье часовъ, шумъ вѣтра въ дымовой трубѣ, легкій сврипъ стульевъ въ комнатѣ и тысячи другихъ едва замѣтныхъ звуковъ достигаютъ въ это время нашего слуха. Всѣмъ также очень хорошо извѣстно, что среди шумной уличной суетовки или среди желѣзнодорожной суматохи мы не только иногда не слышимъ того, что намъ говоритъ нашъ сосѣдъ, но даже не можемъ различить звуковъ собственнаго голоса. Звѣзды, кажущіяся наиболѣе яркими ночью, днемъ невидимы; и, хотя луна видима въ дневное время, она кажется гораздо болѣе блѣдною, чѣмъ ночью. Всякій, кому случалось таскать тяжести, знаетъ, что, прибавивъ къ фунту тяжести въ рукѣ другой фунтъ, онъ сейчасъ же почувствуетъ разницу, между тѣмъ какъ прибавка одного фунта къ 100 фунтамъ совершенно неощутительна...

Бой часовъ, свѣтъ звѣздъ, давленіе тяжестей служатъ раздраженіями для нашихъ чувствъ, и притомъ раздраженіями, интенсивность которыхъ остается постоянной. Чему же научаютъ насъ приведенные выше опыты? Очевидно, тому, что одинъ и тотъ же стимулъ, смотря по окружающей обстановкѣ, среди которой ему приходится дѣйствовать, то будетъ ощущаться интенсивнѣе, то слабѣе, а то и вовсе не будетъ ощущаться. Какого же рода должно быть измѣненіе въ окружающей обстановкѣ, чтобы отъ него могло зависѣть измѣненіе въ интенсивности ощущенія? При внимательномъ наблюденіи мы замѣчаемъ, что это измѣненіе всегда бываетъ одного и того же характера. Тиканье часовъ представляетъ для нашего уха слабое раздраженіе, которое мы ясно воспринимаемъ взятое въ отдѣльности, и не слышимъ на-ряду съ сильными раздраженіями въ видѣ грохота колесъ и другихъ дневныхъ шумовъ. Блескъ звѣзды служитъ стимуломъ для глаза. Но этотъ стимулъ на-ряду съ сильнымъ стимуломъ дневнаго свѣта становится неощутимымъ, хотя мы ясно различаемъ его на-ряду съ еще болѣе слабымъ свѣтомъ сумерекъ. Тяжесть представляетъ раздраженіе для нашей кожи, которое мы ощущаемъ, когда оно присоединяется къ равному предшествующему раздраженію, но которое становится неощутимымъ на-ряду со стимуломъ въ 1,000 разъ большимъ.

«Поэтому мы можемъ выставить въ видѣ общаго правила слѣдующее положеніе: чтобы раздраженіе было ощутимымъ, оно должно быть тѣмъ меньше, чѣмъ предшествующій стимулъ былъ слабѣе, и тѣмъ больше, чѣмъ предшествующій стимулъ былъ сильнѣе. Простѣйшимъ отношеніемъ была бы, конечно, прямая пропорціональность ощущенія раздраженію. Но въ такомъ случаѣ свѣтъ звѣздъ, напримѣръ, сообщалъ-бы одинаковый придавокъ свѣта и дневному свѣту, и мраку ночного неба, а этого, какъ извѣстно, нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Отсюда ясно, что интенсивность ощущенія возрастаетъ не прямо пропорціонально раздраженію, а гораздо медлен-

нѣе. Теперь возникаетъ вопросъ, въ какой пропорціи ощущение отстаетъ отъ раздраженія по мѣрѣ возрастанія послѣдняго. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обыденный опытъ недостаточенъ. Намъ нужны для этого точныя мѣрила, какъ для различныхъ степеней раздраженія, такъ и для интенсивности самыхъ ощущенийъ.

«Впрочемъ, и обыденный опытъ даетъ нѣкоторые указанія на то, какъ производить такія измѣренія. Мы видѣли, что измѣрить силу ощущения невозможно: мы можемъ только опредѣлять разницу между ощущениями. Опытъ показалъ намъ, что одинаковая разница въ раздраженіи можетъ вызывать совершенно неодинаковую разницу въ ощущенияхъ. Но всѣ эти опыты выражались въ одномъ фактѣ, именно, что та же разница въ раздраженіи въ одномъ случаѣ могла ощущаться, а въ другомъ нѣтъ: прибавка фунта къ фунту ощущалась, а прибавка того же фунта къ ста фунтамъ оставалась незамѣтной. Всего сворѣе мы достигнемъ результата, если возьмемъ произвольной величины раздраженіе, замѣтимъ, какое оно вызываетъ ощущеніе, и посмотримъ, насколько мы можемъ увеличить раздраженіе, не вызывая замѣтной перемены въ интенсивности ощущения. Если мы будемъ производить такія наблюденія съ раздраженіями произвольно взятой величины, мы будемъ вынуждены брать измѣнчивой величины и тотъ приростъ въ раздраженіи, который способенъ вызвать едва замѣтную разницу въ ощущеніи. Свѣтъ не долженъ быть ярокъ, какъ сіяніе звѣздъ, чтобы быть только-только замѣтнымъ въ сумерки; онъ долженъ быть гораздо сильнѣе, чтобы быть едва замѣтнымъ днемъ. Если мы теперь произведемъ наблюденія надъ раздраженіями самой различной величины и отмѣтимъ для каждой степени раздраженія величину прибавки, необходимой для полученія минимальной разницы въ ощущеніи, то мы получимъ рядъ чиселъ, непосредственно выражающихъ законъ, согласно которому ощущеніе измѣняется при возрастаніи раздраженія».

Согласно этому методу особенно легко производить наблюденія въ области ощущеній свѣта, звука и давленія.

Въ послѣднемъ случаѣ: «мы находимъ удивительно простой результатъ; *минимальный приростъ въ раздраженіи къ первоначальной тяжести долженъ находиться постоянно въ томъ же отношеніи къ ней, быть той же дробью ея*, независимо отъ абсолютной величины тяжести, надъ которою производится экспериментъ. Какъ среднее число изъ цѣлаго ряда экспериментовъ эта дробь оказалась $=\frac{1}{3}$, т. е. независимо отъ того, какое давленіе уже произведено на кожу, приростъ или уменьшеніе давленія будетъ ощутимо, если приростъ или вычетъ будетъ равняться примѣрно одной трети первоначальной тяжести».

Далѣе Вундтъ описываетъ, какъ можно наблюдать разницы въ ощущенияхъ мускульныхъ, тепловыхъ, свѣтовыхъ и звуковыхъ. Эти замѣчанія Вундтъ заключаетъ слѣдующими словами:

«Итакъ, мы нашли, что всѣ ощущенія, для которыхъ мы можемъ точно измѣрить соответствующія раздраженія, подчинены однородному закону. Какъ бы ни были разнообразны многія особенности въ его формулировкѣ, основаніе его остается вѣрнымъ во всѣхъ случаяхъ: приростъ раздраженія, необходимый для минимальнаго прироста ощущенія, находится въ постоянномъ отношеніи къ общей величинѣ раздраженія. Числа, выражающія это отношеніе для различныхъ ощущеній, могутъ быть представлены въ видѣ слѣдующей таблицы:

Ощущенія <i>свѣтотовыя</i> . . .	1/100
» <i>мышечныя</i> . . .	1/17
» <i>звуковыя</i> . . .	} 1/3
» <i>температурныя</i> . . .	
» <i>давленія</i> . . .	

Эти числа далеко не представляютъ желательной точности. Но, по крайней мѣрѣ, они могутъ дать общее понятіе объ относительной способности различенія въ разныхъ ощущеніяхъ. Важный законъ, опредѣляющій въ такой простой формѣ отношеніе ощущенія къ вызывающему его раздраженію, былъ открытъ впервые физиологомъ Эрнстомъ-Генрихомъ Веберомъ въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ ¹⁾.

Законъ Фехнера. Иначе формулу Вебера можно выразить слѣдующимъ образомъ: для полученія равныхъ приращеній въ ощущеніи нужно прибавлять *относительно* равныя приращенія къ раздраженію. Проф. Фехнеръ (въ Лейпцигѣ) основалъ на законѣ Вебера теорію количественнаго измѣренія ощущеній, по поводу которой было не мало оживленныхъ метафизическихъ споровъ. По его мнѣнію, мы можемъ при возрастаніи раздраженія принять за *единицу* ощущенія каждый едва замѣтный новый приростъ въ ощущеніи и разсматривать всѣ эти единицы, какъ равныя, не взирая на тотъ фактъ, что *равно* едва замѣтные приросты въ ощущеніи никоимъ образомъ не кажутся, когда ихъ воспринимаешь, *равными между собой*. Многіе фунты, составляющіе минимально ощущимый приращеніе къ сто-фунтовой тяжести кажутся большимъ количествомъ, если ихъ прибавить къ этимъ ста фунтамъ, чѣмъ нѣсколько унцевъ, которые составляютъ минимально ощущимую прибавку къ фунту. Фехнеръ упустилъ этотъ фактъ изъ виду. Онъ разсматривалъ дѣло такъ, какъ будто при *n* раздѣльно ощущаемыхъ приращеніяхъ въ ощущеніи, полученныхъ путемъ постепеннаго увеличенія раздраженія, начиная отъ порога и кончая интенсивностью *s*, эта интенсивность *s* состояла изъ *n* единицъ, совершенно равныхъ на всемъ протяженіи скалы. [Другими словами, принявъ *S* за ощу-

¹⁾ Vorlesungen über Menschen u Thierseele.

щеніе вообще, d за минимально-ощутимый приростъ, мы получимъ уравненіе $dS = \text{const.}$ Приростъ раздраженія, вызывающаго dS (назовемъ его dR), между тѣмъ измѣняется. Фехнеръ называетъ его «разностнымъ порогомъ», и, такъ какъ его отношеніе къ R постоянно, то мы имѣемъ уравненіе $\frac{dR}{R} = \text{const.}$]. Какъ только представилась возможность выразить ощущенія въ числахъ, такъ, по словамъ Фехнера, психологія получила возможность стать точной наукой, поддающейся математическому анализу. Его общая формула для полученія числа единицъ, заключающихся въ данномъ ощущеніи, выражается: $S = C \cdot \log. R$, гдѣ S есть ощущеніе, R количественно выраженное раздраженіе, а C означаетъ постоянную, которую нужно опредѣлить особымъ опытомъ для каждого специфическаго порядка ощущеній. Ощущеніе пропорціонально логарифму раздраженія; абсолютная величина любого ряда ощущеній въ единицахъ могла бы быть получена съ помощью ординатъ кривой на рис. 2-мъ, если бы это была правильно начерченная логарифмическая кривая съ порогомъ, точно опредѣленнымъ изъ опыта. Психо-физическая формула Фехнера, какъ онъ назвалъ ее, была подвергнута критикѣ со всѣхъ сторонъ, и такъ какъ на практикѣ рѣшительно ничего изъ нея не получилось, то мы не будемъ болѣе упоминать о ней. Главная заслуга книги Фехнера заключается въ томъ, что она представила экспериментальное подтвержденіе справедливости веберовскаго закона (который имѣетъ дѣло лишь съ минимально-ощутимыми разницями и ничего не говоритъ объ измѣреніи цѣлаго ощущенія) и выдвинула на первый планъ вопросъ о статистическихъ методахъ. Законъ Вебера, какъ это мы увидимъ, анализируя различные классы ощущеній, вѣренъ лишь отчасти. Вопросъ о статистическихъ методахъ необходимо было затронуть вслѣдствіе необыкновенной текучести нашихъ ощущеній между двумя данными моментами. Такъ, было найдено, что мы, когда разниця между двумя ощущеніями достигла крайняго предѣла различимости, въ одинъ моментъ различаемъ ихъ, въ другой нѣтъ. Если не принять во вниманіе большого числа оцѣнокъ, то невозможно опредѣлить минимально-ощутимый приростъ ощущенія вслѣдствіе непрерывныхъ случайныхъ внутреннихъ измѣненій, происходящихъ въ насъ. Эти случайныя ошибки одинаково могутъ и увеличивать, и уменьшать получаемыя изъ опыта показанія о степени нашей чувствительности; онѣ сглаживаются среднимъ числомъ, ибо числа, стоящія выше и ниже средней нормы, въ суммѣ уравновѣшиваютъ другъ друга, и, такимъ образомъ, опредѣляется нормальная чувствительность, если таковая существуетъ, то есть, если чувствительность находится въ зависимости не отъ случайныхъ, а отъ постоянныхъ причинъ. Всѣ методы нахождения среднихъ представляютъ свои затрудненія и западни и являются въ

настоящее время предметом весьма утонченных споровъ. Примѣромъ того, каковаго труда требуютъ нѣкоторые статистическіе методы, и какъ терпѣливы нѣмецкіе изслѣдователи, можетъ быть тотъ фактъ, что Фехнеръ, провѣряя законъ Вебера для ощущеній давленія съ помощью такъ называемаго «метода истинныхъ и ложныхъ случаевъ», занесъ въ таблицы и вычислилъ до 24,576 отдѣльныхъ выкладокъ.

Ощущенія не суть нѣчто сложное. Основнымъ возраженіемъ противъ всей попытки Фехнера, повидимому, долженъ быть тотъ фактъ, что любая различимая степень и любое различимое качество *самаго ощущенія* являются нераздѣльнымъ фактомъ сознанія, хотя внѣшнія причины нашихъ ощущеній и состоятъ изъ многихъ частей. Каждое ощущеніе есть непрерывное цѣлое. «Сильное ощущеніе, говоритъ докторъ Мюнстербергъ,—не есть составное изъ слабыхъ, но скорѣе нѣчто совершенно новое и какъ бы несравнимое, такъ что искать измѣримой разницы между сильнымъ и слабымъ звуковымъ, свѣтовымъ или термическимъ ощущеніемъ на первый взглядъ можетъ показаться такъ же бессмысленнымъ, какъ пытаться опредѣлить математическую разницу между соленымъ и кислымъ или между головной болью и зубной болью. Отсюда ясно слѣдующее: если въ болѣе сильномъ свѣтовомъ ощущеніи болѣе слабое не заключается, то не психологично говорить, будто первое отличается отъ второго нѣкоторымъ *приростомъ*»¹⁾). Дѣйствительно, наше ощущеніе ярко-краснаго цвѣта не есть ощущеніе красноватаго цвѣта съ придаткомъ еще красноватаго: это есть нѣчто качественно отличное отъ красноватаго. Точно также въ нашемъ ощущеніи свѣта электрической дуги не заключается свѣта многого-множества дымящихся сальныхъ свѣчей. Каждое ощущеніе представляетъ само по себѣ нѣкоторую недѣлимую единицу, и рѣшительно нельзя видѣть никакого яснаго смысла въ заявленіи, что ощущенія суть массы скомбинированныхъ единицъ. Этотъ выводъ нисколько не противорѣчитъ тому факту, что, исходя отъ слабого ощущенія и постепенно усиливая его, мы чувствуемъ, какъ оно возрастаетъ все «болѣе, болѣе и болѣе». Здѣсь не то, чтобы увеличивалось количество однороднаго матеріала, но наоборотъ, здѣсь все болѣе и болѣе увеличивается *различіе, разстояніе* между даннымъ ощущеніемъ и тѣмъ, которое мы приняли за исходную точку. Въ главѣ «*О различеніи*» мы увидимъ, что разница можетъ быть замѣчена даже между простѣйшими ощущеніями. Мы увидимъ также, что самыя различія различаются между собою, что *есть различныя порядки различій*, и что въ любомъ изъ этихъ порядковъ серія объектовъ можетъ быть расположена въ видѣ постепенно возрастающаго ряда. Въ любой изъ подобныхъ серій первое звено болѣе отличается отъ послѣдняго, чѣмъ отъ средняго. Различіе въ интенсивности обра-

¹⁾ Beiträge zur exp. Psychologie.

зуетъ одинъ изъ такихъ порядковъ возможнаго возрастанія различія, поэтому наши сужденія объ усиленіи интенсивности не нуждаютсяъ въ гипотезѣ сложенія однородныхъ единицъ для образованія возрастающей суммы.

Такъ называемый «законъ относительности». Повидимому, законъ Вебера представляетъ только частный случай болѣе широкаго закона, который заключается въ томъ, что мы тѣмъ менѣе способны подмѣтить деталей въ данномъ воспріятіи, чѣмъ болѣе объектовъ составляютъ предметъ нашего вниманія. При качественно разнородныхъ объектахъ этотъ законъ неоспоримъ: какъ легко мы забываемъ о тѣлесномъ недугѣ, когда оживленно бесѣдуемъ; какъ мало замѣчаемъ мы шумъ въ комнатѣ, когда вниманіе наше поглощено работой! *Ad plura intentus minus est ad singula sensus*, какъ говоритъ старинное изреченіе. Къ этому можно было бы прибавить, что однородность объектовъ вниманія не измѣняетъ результатовъ, но что умъ, воспринимая два сильныхъ однородныхъ ощущенія, вслѣдствіе значительной интенсивности ихъ уже лишень возможности обнаружить то различіе между ними, которое сразу обратило бы на себя вниманіе въ томъ случаѣ, когда эти ощущенія были бы болѣе слабы и потому не столь бы раскрывали наше вниманіе.

Не будемъ настаивать на безусловной вѣрности этого соображенія¹⁾. Пока мы можемъ принять за несомнѣнный общій фактъ, что психическій эффектъ, вызываемый нервными центростремительными токами, зависитъ и отъ другихъ одновременно дѣйствующихъ центростремительныхъ токовъ. Посторонніе токи измѣняютъ не только *восприимчивость* къ данному объекту, приносимому въ сознаніе нервнымъ токомъ, но и его *качество*. «Одновременныя (равнымъ образомъ и послѣдовательныя, но я рассматриваю только одновременныя удобства ради) ощущенія модифицируютъ другъ друга» — вотъ краткое выраженіе этого закона. «Мы чувствуемъ каждую вещь въ отношеніи къ другой» — вотъ болѣе туманная формула Вундта для этого общаго закона относительности, который въ той или другой формѣ былъ въ ходу у психологовъ со времени Гоббеса. Ему слишкомъ часто придавали какое-то таинственное значеніе, и, хотя намъ, разумѣется, неизвѣстна детальная сторона процессовъ, связанныхъ съ этимъ закономъ, тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ ихъ физиологическомъ характерѣ, въ томъ, что они представляютъ результатъ интерференціи нервныхъ токовъ. Весьма естественно, что эта интерференція токовъ можетъ вызывать модификацію въ ощущеніи.

---

¹⁾ Я заимствовалъ его у Цигена: *Leitfaden d. Physiologischen Psychologie* 1891, p. 36, гдѣ авторъ цитируетъ Геринга.

Нетрудно указать примѣры подобной модификаціи ¹⁾. Ноты дѣлаютъ пріятнѣе одна другую въ аккордѣ, цвѣта — въ гармоническихъ сочетаніяхъ. При погруженіи нѣкоторой части кожной поверхности въ горячую воду, получается ощущеніе жара. При погруженіи же большей части ея, ощущеніе жара усиливается, хотя, разумѣется, температура воды остается таже. Подобнымъ же образомъ, есть *хроматическій минимумъ* въ размѣрахъ зрительныхъ объектовъ. Изображеніе, отбрасываемое ими на ретину, должно возбуждать въ дѣятельности извѣстное число нервныхъ волоконъ, въ противномъ случаѣ не получится вовсе никакого цвѣтового ощущенія. Веберъ замѣтилъ, что положенный на лобъ талеръ, кажется тяжелѣе, если онъ холоденъ, и легче, если тепелъ. Урбанчикъ нашелъ, что всѣ наши органы чувствъ вліяютъ взаимно на вызываемыя ими ощущенія. Нюансы цвѣтовыхъ пятенъ, расположенныхъ на такомъ разстояніи отъ испытываемаго лица, что ихъ невозможно было различить, были узнаны послѣднимъ сразу, какъ только у его уха зазвучалъ камертонъ. Тоже повторилось при опытѣ съ чтеніемъ буквъ на большомъ разстояніи: при звукѣ камертона буквы стали видимы. Самымъ обыкновеннымъ примѣромъ этого явленія можетъ, повидимому, служить усиленіе боли при шумѣ или свѣтѣ и усиленіе тошноты при другихъ сопутствующихъ ощущеніяхъ.

Эффекты контраста. Наиболѣе извѣстными примѣрами того способа, съ помощью котораго нервные токи модифицируютъ другъ друга, могутъ служить явленія такъ называемаго «одновременнаго цвѣтового контраста». Возьмите нѣсколько листовъ бумаги, окрашенной въ различные яркіе цвѣта; положите на каждый изъ нихъ по одной полоскѣ сѣрой бумаги совершенно одинаковаго цвѣта, затѣмъ прикройте каждый листокъ прозрачной бѣлой бумагой, которая дѣлаетъ болѣе мягкими и сѣрый цвѣтъ, и цвѣтной фонъ. На каждомъ листкѣ сѣрая полоска будетъ окрашена въ дополнительный цвѣтъ соотвѣтственно цвѣту фона, и различныя сѣрыя полоски будутъ казаться столь непохожими другъ на друга по цвѣту, что никто не признаетъ въ этихъ полоскахъ кусочки той же сѣрой бумаги, пока не приподниметъ прозрачную бѣлую покрывку. По мнѣнію Гельмгольца, это явленіе обусловлено ложнымъ примѣненіемъ застарѣлой привычки — принимать въ соображеніе окраску среды, черезъ которую мы видимъ предметы. Таже вещь и при голубомъ свѣтѣ яснаго неба, и при красновато-желтомъ свѣтѣ свѣчи, и при темно-коричневомъ свѣтѣ

---

¹⁾ Яркимъ образчикомъ ея могло бы быть сочетаніе цвѣтовъ зеленого и красного, одновременно падающихъ на ретину и дающихъ впечатлѣніе желтаго цвѣта. Но я воздерживаюсь отъ приведенія этого примѣра, такъ какъ въ данномъ случаѣ неизвѣстно, проходятъ-ли нервные токи по различнымъ волокнамъ зрительнаго нерва, или нѣтъ.

отражающаго ея изображеніе полированнаго стола изъ краснаго дерева, всегда представляется того же присущаго ей цвѣта, который примышляется умомъ на основаніи прежнихъ опытовъ къ явленію, и такимъ путемъ ложное влияніе среды исправляется. Въ приведенномъ выше опытѣ, по мнѣнію Гельмгольца, нашему уму кажется, что цвѣтъ фона, покрытаго бѣлой бумагой, расположенъ надъ сѣрою полоскою. Но для того, чтобы полоска казалась сѣрой съвою таковую цвѣтную покрывку, нужно, чтобы она дѣйствительно была дополнительнаго по отношенію къ покрывкѣ цвѣта. Слѣдовательно, думаемъ мы, она и есть въ дѣйствительности дополнительнаго цвѣта. Герингъ показалъ, что теорія Гельмгольца несостоятельна. Здѣсь не мѣсто приводить слишкомъ детальный анализъ этого вопроса; достаточно замѣтить, что факты говорятъ въ пользу того, что это явленіе физиологическое—одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда чувствительные нервные токи интерферируются производятъ на сознаніе иной эффектъ, чѣмъ, если бы каждый изъ нихъ дѣйствовалъ въ отдѣльности.

Послѣдовательный контрастъ отличается отъ одновременнаго; его причину считаютъ утомленіе. Сюда относятся факты, приводимые въ теоріи зрѣнія подъ рубрикой «зрительныхъ слѣдовъ». Впрочемъ, необходимо имѣть въ виду, что зрительные слѣды отъ прежнихъ ощущеній могутъ сосуществовать съ настоящими ощущеніями, и какъ тѣ, такъ и другія могутъ модифицировать другъ друга совершенно такъ же, какъ сосуществующія ощущенія.

Явленіе контраста наблюдается и на другихъ чувствахъ, но гораздо менѣе ясно, въ виду чего я не буду говорить о нихъ. Мы можемъ теперь перейти къ очень сжатому анализу отдѣльныхъ чувствъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

З р ѣ н і е.

Описаніе строенія глаза можно найти въ любомъ учебникѣ анатоміи. Я напомню здѣсь читателю лишь важнѣйшія особенности въ устройствѣ глаза, имѣющія значеніе для психологіи ¹⁾.

¹⁾ На глазѣ теленка, который можно достать у любого мясника, студентъ легко можетъ въ грубыхъ чертахъ познакомиться съ анатоміей глаза. Для этого нужно очистить глазъ отъ жира и мускуловъ, рассмотреть его форму и т. д., ватѣмъ (согласно методу Гольдингъ Вирда) надо сдѣлать надрѣзь острымъ скальпелемъ въ твердой оболочкѣ глаза на полдюйма отъ края роговой оболочки, такъ чтобы можно было видѣть черную сосудистую оболочку. Далѣе, всунувъ въ это отверстіе клинокъ отъ ножницъ, надо обрѣзать вокругъ всего глазного яблока, параллельно роговой оболочкѣ твердую и сосудистую оболочки и ретину, остерегаясь повредить оболочку стекловиднаго тѣла. Такимъ образомъ, глазное яблоко

Глазъ представляетъ слегка сплюснутый шаръ, образованный крѣпкою бѣлой оболочкой (твердая оболочка); въ ней заключены нервная поверхность и нѣкоторыя преломляющія среды (хрусталикъ и «влагн»), которыя своимъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ раскрываютъ передъ нами картину внѣшняго міра. Въ сущности это небольшая камера-обскура, важнѣйшую часть которой составляетъ чувствительная поверхность.

Этой поверхности соотвѣтствуетъ ретина. Зрительный нервъ проходитъ съвозъ твердую оболочку и лучеобразно разстилается внутри по ней во всѣхъ направленіяхъ, образуя тонкую прозрачную пленку (Рис. 3-й). Ея волокна переходятъ въ сложные аппараты ячеекъ, зернышекъ и развѣтвленій (Рис. 4-й) и заканчиваются въ такъ называемыхъ палочкахъ и колбочкахъ (Рис. 4, — 9), которыя служатъ специфическими органами для воспріятія впечатлѣній отъ свѣтовыхъ волнъ. Замѣчательно, что эти концевые органы обращены не къ свѣту, проникающему черезъ зрачекъ, но къ твердой оболочкѣ, такъ что свѣтовые волны, прежде чѣмъ достигнуть самихъ палочекъ и колбочекъ, проходятъ черезъ прозрачныя нервныя волокна и клѣточные и зернистыя слои ретины.

Слѣпое пятно. Зрительныя нервныя волокна не воспримчивы къ свѣту непосредственно. Мѣсто, гдѣ нервъ входитъ въ глазъ, совершенно слѣпо, ибо тамъ имѣются только волокна, другіе же слои ретины начинаются только вокругъ входа нерва. Доказать существованіе слѣпого пятна весьма легко. Для этого нужно закрыть правый глазъ и внимательно смотрѣть лѣвымъ на крестикъ,

---

будетъ раздѣлена на двѣ части—передняя будетъ заключать въ себѣ радужную оболочку (iris), хрусталикъ (lens), стекловидное тѣло (corpus vitreum) и т. д., задняя—большую часть ретины. Обѣ части могутъ быть разъединены, если мы погрузимъ глазное яблоко въ воду роговой оболочкой книзу и оторвемъ ту часть, къ которой примыкаетъ зрительный нервъ. Когда эта задняя половина будетъ плавать въ водѣ, то можно будетъ видѣть тонкую ретину, расположенную по сосудистой оболочкѣ (у быковъ она бываетъ отчасти радужнаго цвѣта); вывернувъ заднюю половину навыванувъ, можно съ помощью вѣсточка изъ верблюжьяго волоса отпрепарировать подъ водою сосуды и нервы глазного яблока.

Затѣмъ можно приступить къ передней части глазного яблока. Надо захватить щипцами съ каждой стороны края твердой и сосудистой оболочекъ (кроме ретины), приподнять такимъ образомъ глазъ щипцами и слегка трясти его до тѣхъ поръ, пока стекловидное тѣло, хрусталикъ, сумка, связка и проч. не выпадутъ въ силу своей тяжести и не отдѣлятся отъ радужной оболочки, рѣсничныхъ отростковъ, роговицы и твердой оболочки, которые останутся въ щипцахъ. Разсмотрѣвъ эти части, вы увидите рѣсничный мускулъ, который будетъ замѣтенъ въ видѣ бѣлой линіи, какъ только вы съ помощью кисти изъ верблюжьяго волоса и скальпеля отдѣлите насколько возможно твердую оболочку отъ сосудистой. Повернувъ части, примыкающія къ стекловидному тѣлу, обратите вниманіе на прозрачное кольцо вокругъ хрусталика и на рѣсничные отростки (processus ciliares), лучеобразно-расходящіяся до того мѣста, гдѣ они покидаютъ поддерживающія ихъ связки. При помощи тонкой капиллярной трубки можно надуть прозрачное кольцо вплоть до буквы р на рис. 3-емъ и, такимъ образомъ, сдѣлать видимой самую поддерживающую ихъ связку.

Всѣ эти части можно рассмотреть на сѣченіяхъ замороженнаго или затверженнаго въ спирту глаза.

изображенный на рис. 6-мъ, держа книгу передъ лицомъ вертикально и двигая ея въ разныхъ направленіяхъ. Окажется, что приблизительно на разстояніи фута, черный дискъ исчезнетъ, но при приближеніи или удаленіи книги онъ снова будетъ появляться. Въ продолженіе опыта взоръ долженъ быть устремленъ на крестикъ. Легко показать измѣреніемъ, что слѣпое пятно находится тамъ, гдѣ зрительный нервъ входитъ въ глазъ.

Желтое пятно (*macula lutea*) или *центральная ямка* (*fovea centralis*). Видъ слѣпого пятна чувствительность сетины различна; своего максимума она достигаетъ въ *желтомъ пятнѣ*—небольшой ямкѣ, лежащей въ сторонѣ отъ входа зрительнаго нерва; нервныя волокна, расходящіяся вокругъ нея лучеобразно, не покрываютъ ея. Другіе слои также прерываются надъ этой ямкой, такъ что сетина состоитъ въ этомъ мѣстѣ только изъ колбочекъ. Чувствительность сетины ослабѣваетъ прогрессивно по направленію къ периферіи, на которой ни цвѣта, ни размѣры, ни число зрительныхъ впечатлѣній не воспринимаются сколько-нибудь отчетливо.

При нормальномъ употребленіи обоихъ глазъ мы вращаемъ глазныя яблоки такъ, чтобы изображенія какого-нибудь предмета оба попали на желтыя пятна, какъ на мѣста наиболѣе яснаго зрѣнія. Легко замѣтить, что это дѣлается непроизвольно. Въ самомъ дѣлѣ, почти невозможно не «вернуть глазъ» въ ту минуту, когда внѣшній объектъ, изображеніе котораго падаетъ на периферическія части сѣтчатокъ, привлечетъ наше вниманіе—поворотъ глазъ въ сущности только другое названіе для того вращенія глазными яблоками, которое заставитъ изображеніе упасть на желтыя пятна.

Акоммодация. Помѣщеніе изображенія въ фокусъ зрѣнія, проясненіе его, совершается съ помощью особаго аппарата. Во всякой камерѣ чѣмъ болѣе удаляется отъ глазъ объектъ, тѣмъ болѣе перемѣщается впередъ его изображеніе, чѣмъ болѣе приближается къ глазу объектъ, тѣмъ дальше назадъ отодвигается его изображеніе. Въ фотографическихъ камерахъ задняя часть ихъ подвижна и можетъ отдаляться отъ объектива, когда предметъ, дающій изображеніе, близокъ, и придвигаться къ объективу, когда предметъ далекъ. Такимъ путемъ изображеніе всегда получается ясное. Но такія передвиженія невозможны въ глазномъ яблокѣ и тотъ же результатъ получается инымъ способомъ. Именно, при разсматриваніи болѣе близкаго предмета хрусталикъ становится болѣе выпуклымъ, а при удаленіи предмета, становится болѣе плоскимъ.

Это измѣненіе обусловлено антагонизмомъ круговой связки, на которой подвѣшенъ хрусталикъ, и рѣсничнаго мускула. Когда рѣсничный мускулъ находится въ покоѣ, круговая связка принимаетъ настолько широкій размѣръ, что хрусталикъ становится

болѣе плоскимъ. Но хрусталикъ въ высшей степени эластиченъ, и онъ принимаетъ болѣе выпуклую форму противъ обыкновенія, какъ только рѣсничный мускулъ сокращаясь заставитъ круговую связку ослабить ея давленіе.

Сокращеніе мускула, дѣлая хрусталикъ болѣе преломляющимъ, приспособляетъ глазъ къ болѣе близкимъ предметамъ (это и называется *аккомодацией*), а ослабленіе мускула, дѣлая хрусталикъ менѣе преломляющимъ, приспособляетъ зрѣніе къ далекому разстоянію. Такимъ образомъ, аккомодация на близкомъ разстояніи представляетъ болѣе активную перемену, такъ какъ она связана съ сокращеніемъ рѣсничнаго мускула. Когда мы глядимъ вдаль, состояніе нашего зрѣнія пассивно. Мы чувствуемъ разницу въ усилии, когда сравниваемъ два зрительныхъ ощущенія — одно на близкомъ, другое — на далекомъ разстояніи.

Аккомодация сопровождается конвергенціей. Два глаза дѣйствуютъ, какъ одинъ органъ, то есть, когда предметъ привлекаетъ наше вниманіе, оба глазныя яблока поворачиваются такъ, чтобы изображенія попали на желтыя пятна. Понятно, что глаза, когда предметъ находится близко, должны поворачиваться внутрь или конвергировать; такъ какъ одновременно съ этимъ происходитъ аккомодация, то оба движенія аккомодации и конвергенціи образуютъ одну естественно-ассоціированную пару, въ которой каждому движенію трудно производиться въ отдѣльности. Агтъ аккомодации сопровождается также сокращеніемъ зрачка. Когда мы обратимся къ стереоскопическому зрѣнію, то окажется, что при большой практикѣ можно выучиться конвергировать съ ослабленной аккомодацией и выполнять агтъ аккомодации съ параллельными зрительными осями. Для студента, изучающаго физиологическую оптику, такого рода эксперименты могутъ быть весьма полезны.

Полученіе одного изображенія при бинокулярномъ зрѣніи. Несмотря на то, что мы имѣемъ пару ушей и пару ноздрей, наши звуковыя и обонятельныя воспріятія не дwoятся, равнымъ образомъ при бинокулярномъ зрѣніи мы получаемъ одно изображеніе предмета. Вся разница здѣсь заключается въ томъ, что мы при извѣстныхъ условіяхъ можемъ видѣть предметы вдвойнѣ, между тѣмъ какъ слышать или обонять вдвойнѣ ни въ какомъ случаѣ не возможно. Главныя условія, создающія при бинокулярномъ зрѣніи одно изображеніе, могутъ быть весьма легко объяснены.

Во-первыхъ, изображенія, получаемыя на двухъ желтыхъ пятнахъ, всегда кажутся находящимися на томъ же мѣстѣ. Никкимъ образомъ нельзя сдѣлать такъ, чтобы они получились одно рядомъ съ другимъ. Результатомъ является то, что одинъ предметъ, давая изображенія на желтыхъ пятнахъ двухъ конвергирующихъ глазныхъ яблокъ, всегда необходимо будетъ казаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть,

именно, однимъ предметомъ. Далѣе, если глазныя яблоки, не конвергируютъ, а ихъ зрительныя оси расположены параллельно, и два одинаковыхъ предмета передъ каждымъ глазомъ даютъ изображеніе на желтомъ пятнѣ, то два предмета также будутъ казаться однимъ или, какъ говорится, ихъ изображенія сольются. Въ подтвержденіе этого пусть читатель смотритъ внимательно передъ собою какъ будто сквозь бумагу въ безконечность, держа передъ глазами изображеніе двухъ черныхъ точекъ на рис. 8-мъ; онъ увидитъ, что двѣ черныя точки сольются и образуютъ одну, которая будетъ казаться расположенной между двумя прежними и какъ-бы противъ кончика носа. Это точка скомбинирована изъ двухъ настоящихъ точекъ, находящихся передъ глазами и видимыхъ обоими глазами въ томъ же мѣстѣ. Но сверхъ этой скомбинированной точки каждый глазъ видитъ точку, противостоящую другому глазу. Правый глазъ видитъ ее лѣво отъ скомбинированной точки, лѣвый—вправо; такъ что всего видно три точки, изъ которыхъ средняя видима обоими глазами, а каждая изъ двухъ боковыхъ только однимъ. Что факты именно таковы, можно видѣть, помѣстивъ между глазами небольшой непрозрачный предметъ, чтобы помѣшать одному глазу видѣть точку, противостоящую другому. Вертикальная перегородка въ средней плоскости, идущей отъ бумаги къ носу, дастъ возможность каждому глазу видѣть точку, противостоящую только ему, и тогда можно будетъ видѣть только одну скомбинированную точку ¹⁾.

Если вмѣсто двухъ однородныхъ точекъ мы возьмемъ двѣ различныхъ фигуры или двѣ различно окрашенныхъ точки и получимъ отъ нихъ изображеніе на желтыхъ пятнахъ, то онѣ все-таки будутъ видимы на *томъ же мѣстѣ*; но, такъ какъ онѣ не могутъ являться однимъ объектомъ, то и смѣняютъ *поочередно* другъ друга для зрѣнія. Это явленіе называется — *борьбой двухъ полей зрѣнія*. Что касается частей ретины обоихъ глазъ около желтаго пятна, то въ нихъ наблюдается такое же соотвѣтствіе. Всякое зрительное впечатлѣніе, получаемое въ верхней части обѣихъ ретинъ, даетъ намъ образъ предмета ниже горизонта, получаемое въ нижней части—образъ предмета выше горизонта, получаемое съ правой стороны каждой ретины, даетъ образъ предмета съ лѣвой стороны средней линіи и наоборотъ. Такимъ образомъ, каждый квадрантъ одной ретины соотвѣтствуетъ въ цѣломъ геометрически подобному квадранту другой, и внутри двухъ соотвѣтствующихъ квадрантовъ, напр., *al* и *ar* (рис. 9-й) при болѣе детальномъ анализѣ соотвѣтствія нашлись бы геометрически аналогичныя точки въ изображеніи, получаемомъ отъ одного освѣ-

---

¹⁾ Подобная вертикальная перегородка помѣщается въ стереоскопахъ, которые въ противномъ случаѣ давали бы три изображенія вмѣсто одного.

ценнаго предмета, точки, которыя и дѣлають то, что для каждаго глаза предметъ кажется находящимся въ томъ же направленіи. Опыты подтверждаютъ это предположеніе. Если мы смотримъ на небесный сводъ въ звѣздную ночь, параллельно направивъ зрительныя оси, то ни одна звѣзда не будетъ двоиться въ нашихъ глазахъ, а законы перспективы показываютъ, что при этихъ условіяхъ лучи, параллельно идущіе отъ каждой звѣзды, должны упасть на геометрически соотвѣтствующія точки каждой ретины. Подобнымъ же образомъ, пара очковъ на разстояніи дюйма отъ глазъ кажется однимъ большимъ стекломъ. Мы можемъ также сдѣлать опытъ, аналогичный съ предшествующимъ (см. рис. 8-й). Если мы возьмемъ два совершенно тождественныхъ рисунка, не болѣе тѣхъ, которые вставляются въ стереоскопъ, и будемъ смотрѣть на каждый однимъ глазомъ, устранивъ съ помощью перегородки боковое зрѣніе, мы увидимъ одинъ плоскій рисунокъ, ни одна часть котораго не будетъ двоиться. Когда соотвѣтствующія точки ретины получаютъ внѣшнее впечатлѣніе, то оба глаза видятъ ихъ объектъ въ томъ же направленіи, и, слѣдовательно, два изображенія сливаются въ одно.

Здѣсь снова въ случаѣ несходства рисунковъ происходитъ борьба двухъ полей зрѣнія. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что при первомъ опытѣ скомбинированный рисунокъ всегда получается далеко не яснымъ. Это объясняется трудностью (указанной на стр. 25-й) аккомодациі на такомъ близкомъ разстояніи, какъ поверхность бумаги, при конвергенціи, ослабленной вслѣдствіе того, что каждый глазъ видитъ рисунокъ прямо передъ собой.

Двойныя изображенія. Непосредственнымъ слѣдствіемъ закона совмѣщенія изображеній, падающихъ на соотвѣтствующія части ретинъ, является то, что изображенія, падающія на геометрически несоотвѣтствующія части двухъ ретинъ, будутъ видны въ различныхъ направленіяхъ, и, слѣдовательно, ихъ объекты будутъ видны въ двухъ мѣстахъ, будутъ казаться двойными. Предположимъ, что два параллельныхъ луча отъ звѣзды падаютъ на два глаза, конвергирующихъ на близко лежащій предметъ O (не съ параллельными зрительными осями, какъ въ предыдущемъ случаѣ). Два желтыхъ пятна получаютъ изображеніе O , изъ котораго образуется одно цѣльное воспріятіе. Если SL и SR на рис. 10-мъ представляютъ два параллельныхъ луча, то каждый изъ нихъ упадетъ на ближайшую къ носу половину соотвѣтствующей ретины. Но половины ретинъ, лежащія ближе къ носу, геометрически симметричны, но не подобны. Тогда изображеніе звѣзды въ лѣвомъ глазу будетъ казаться лежащимъ влѣво отъ точки O , а въ правомъ глазу — вправо отъ точки O . Короче сказать, звѣзда будетъ видима вдвойнѣ «гомонимично».

Наоборотъ, если, параллельно направивъ зрительныя оси,

глядѣть на звѣзду, то любой близко лежащій предметъ, напримѣръ, *O* будетъ казаться двойнымъ, ибо его изображенія попадутъ на внѣшнія, лежащія ближе къ щекамъ половинки двухъ ретинъ, а не на различныя (ближайшую къ щекамъ и ближайшую къ носу). Положеніе изображеній будетъ сравнительно съ предъидущимъ случаемъ обратное. Изображеніе въ правомъ глазу будетъ локализовано влѣво, въ лѣвомъ глазу — вправо: двойныя изображенія будутъ «гетеронимичны».

Тѣже разсужденія слѣдуетъ примѣнять, и тѣже результаты получатся въ томъ случаѣ, если положеніе объекта по отношенію къ направленію зрительныхъ осей таково, что изображенія падаютъ не на несоотвѣтствующія половинки ретинъ, но на несоотвѣтствующія части соотвѣтствующихъ половинокъ. Здѣсь, конечно, изображенія будутъ отдѣлены другъ отъ друга меньшимъ разстояніемъ, и двойные образы предмета будутъ находиться ближе другъ ко другу.

Осторожныя опыты, произведенныя многими изслѣдователями по такъ называемому *гиплокотическому* методу, подтвердили этотъ законъ и показали, что на двухъ ретинахъ существуютъ соотвѣтствующіе пункты одного зрительнаго направленія. Подробности по этому вопросу можно найти въ спеціальныхъ сочиненіяхъ.

Тѣлесность образовъ. Это описаніе бинокулярнаго зрѣнія слѣдуетъ такъ называемой теоріи соотвѣтствующихъ точекъ. Въ цѣломъ она объясняетъ факты правильно. Странно только то, что насъ такъ мало смущаетъ безчисленное множество двойныхъ изображеній, постоянно получающихся отъ предметовъ лежащихъ ближе или дальше наблюдаемаго пункта. На это отвѣчаютъ, что мы постепенно выработали въ себѣ привычку не обращать вниманія на эти двойныя изображенія. Какъ только предметъ вызываетъ въ насъ интересъ, мы направляемъ на него желтыя пятна, и онъ необходимо представляется намъ однимъ; такимъ образомъ, предметъ, производящій впечатлѣніе на несоотвѣтствующія части ретинъ, очевидно, настолько не важенъ для насъ, что мы не даемъ себѣ труда замѣтить, получаютъ ли отъ него два изображенія или одно. Путемъ долгой практики можно развить въ себѣ въ значительной степени способность подмѣчать двойныя изображенія, хотя говорятъ, что это искусство требуетъ по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ лѣтъ упражненія.

При несходствѣ образовъ, хотя-бы самомъ незначительномъ, почти невозможно видѣть ихъ вдвойнѣ. Они скорѣе производятъ впечатлѣніе цѣльнаго предмета. Для примѣра возьмемъ изображенія на рис. 11-мъ. Предположимъ, что мы смотримъ на точки въ серединѣ линій *a* и *b*, совершенно такъ же, какъ смотрѣли на точки на рис. 8-мъ. Мы получимъ здѣсь такой же результатъ, т. е. точки сольются на средней линіи. Но линіи цѣликомъ не соль-

ются, ибо, благодаря ихъ наклону, ихъ верхнія половинки упадутъ на ближайшія къ вискамъ половинки ретины, а ихъ нижнія половинки упадутъ на ближайшія къ носу половинки ретины. Въ результатѣ мы увидимъ двѣ линіи, скрещенныя въ серединѣ, какъ показано на рис. 12-мъ.

Въ ту минуту, когда мы обратимъ наше вниманіе на верхнія точки этихъ линій, наши желтыя пятна будутъ стремиться покинуть точки и двинутся вверхъ и при этомъ вызовутъ конвергенцію по направленію линій, которыя тогда будутъ казаться пересѣкающимися въ верхней точкѣ (рис. 13-й).

Когда мы обратимъ вниманіе на нижнія точки, глаза опустятся, вызвавъ дивергенцію, и въ результатѣ получится изображеніе на рис. 14-мъ. Передвиженіе глазъ по линіямъ вверхъ и внизъ вызываетъ въ нихъ попеременно конвергенцію и дивергенцію совершенно такъ же, какъ если-бы они пробѣгали вверхъ и внизъ по одной линіи, верхней конецъ которой былъ бы ближе къ намъ, чѣмъ нижній. Если-бы наклонъ этихъ линій былъ незначителенъ, то мы, смотря на среднія точки, видѣли бы одну только линію. При такихъ условіяхъ ихъ верхъ будетъ казаться ближе, чѣмъ низъ, другими словами, мы видимъ ихъ стереоскопически, и мы ихъ увидимъ въ такомъ положеніи, даже если глаза наши будутъ совершенно неподвижны. Иначе говоря, малѣйшее несовпаденіе въ нижнихъ частяхъ, вызывающее дивергенцію желтыхъ пятенъ въ каждомъ глазѣ, заставляеть насъ видѣть эти части дальше; малѣйшее несовпаденіе въ верхнихъ частяхъ, вызывающее дивергенцію желтыхъ пятенъ въ обоихъ глазахъ, заставляеть насъ видѣть эти части ближе точки, на которую мы глядимъ. Короче сказать, несовпаденія производятъ на насъ впечатлѣніе настоящаго движенія ¹⁾.

Воспріятіе разстоянія. Когда мы смотримъ на окружающіе предметы, наши глаза непрестанно двигаются, конвергируютъ, дивергируютъ, аккомодируютъ, отдыхаютъ и скользятъ по полю зрѣнія. Поле зрѣнія является трехмѣрнымъ, протяженнымъ; одни части его находятся ближе, другія дальше.

«Воспріятія разстоянія съ помощью одного глаза весьма несовершенны и могутъ быть иллюстрированы извѣстнымъ опытомъ съ кольцомъ, подвѣшеннымъ на нитѣ, которое держатъ прямо

---

¹⁾ Устройство стереоскопа простѣйшей формы заключается въ слѣдующемъ. Берутся двѣ жестяныя трубки, совершенно черныя внутри, въ 1¹/₂ дюйма въ поперечникѣ и въ 10 дюймовъ длины (для нормальныхъ глазъ). Концы обѣихъ трубокъ надо закрыть не слишкомъ прозрачной бумагой, на которой проведено по толстой черной линіи въ вершочкѣ длины. Въ трубки надо смотрѣть, приставляя каждую къ одному глазу, и держа ихъ или параллельно, или конвергируя болѣе отдаленные концы. При правильномъ вращеніи трубокъ можно видѣть въ изображеніи этого стереоскопа самыя разнообразныя явленія сліянія и несліянія и стереоскопическіе эффекты.

передъ лицомъ кого-нибудь, прося его попасть сбоку въ кольцо палочкой, закрывъ одинъ глазъ. Если держать вставочку передъ однимъ глазомъ, закрывъ другой, и стараться прикоснуться къ ней пальцемъ, двигая его сбоку, то попытка почти всегда будетъ неудачна. Въ такихъ случаяхъ у насъ единственнымъ руководствомъ для яснаго воспріятія предмета служитъ степень усилія, необходимая для аккомодациі глаза. Когда мы пользуемся обоими глазами, наши воспріятія разстоянія бывають гораздо лучше; въ этомъ случаѣ зрительныя оси конвергируются на наблюдаемомъ предметѣ, и чѣмъ ближе предметъ, тѣмъ больше конвергенція. Мы обладаемъ довольно точнымъ распознаваніемъ мускульнаго усилія, необходимаго для того, чтобы конвергировать глаза на всѣ достаточно близкіе пункты. Когда объекты зрѣнія находятся на болѣе далекомъ разстояніи, вспомогательными средствами являются ихъ видимый размѣръ и тѣ модификаціи въ изображеніяхъ на ретинѣ, которыя вызываються воздушной перспективой. Относительное разстояніе объектовъ всего лучше опредѣляется движеніемъ глазъ: при движеніи глазъ всѣ неподвижные предметы кажутся перемѣщающимися въ противоположномъ направленіи, (какъ при взглядѣ на нихъ изъ окна двигающагося поѣзда), при этомъ ближайшіе двигаются всего скорѣе; по этой разницѣ въ кажущейся скорости движенія предметовъ мы и опредѣляемъ, который изъ нихъ дальше, который ближе» ¹⁾.

Съ субъективной точки зрѣнія опредѣленіе разстоянія представляетъ совершенно специфическое состояніе сознанія. Конвергенція, аккомодация, бинокулярное несопаденіе, размѣръ, степень яркости, параллаксъ etc., даютъ намъ рядъ специфическихъ ощущеній, которыя служатъ *знаками* для чувства разстоянія, но не составляютъ его. Они лишь указываютъ намъ на него. Чтобы видѣть яркій образчикъ этого чувства разстоянія, всего лучше пойти на вершину холма и закинуть голову назадъ. Тогда горизонтъ покажется весьма далеко отстоящимъ и становится ближе, какъ только мы снова выпрямимся.

Воспріятіе размѣра. «Ощущенія, на которыхъ основываются сужденія о размѣрѣ, прежде всего опредѣляются размѣрами изображенія, получающагося на ретинѣ; чѣмъ больше зрительный уголъ, тѣмъ больше изображеніе на ретинѣ, а вслѣдствіе того, что зрительный уголъ зависитъ отъ разстоянія предмета, правильное опредѣленіе размѣровъ главнымъ образомъ зависитъ отъ правильнаго опредѣленія разстоянія: составивъ сознательное или безсознательное сужденіе о послѣднемъ, мы заключаемъ о размѣрѣ предмета, соображая съ размѣромъ того участка ретины, который подвергся раздраженію. Большинство удивляется, видя, какъ то, что казалось

¹⁾ Мартинъ. Человѣческое тѣло, стр. 530.

большою, парящей подъ облаками птицѣй, оказывается вблизи не-
большимъ насекомымъ. Ложное впечатлѣніе большого размѣра
здѣсь было обусловлено предшествовавшимъ ложнымъ сужденіемъ
о разстояніи. Присутствіе объекта, довольно хорошо извѣстнаго по
размѣрамъ, содѣйствуетъ образованію сужденій о размѣрахъ дру-
гихъ окружающихъ предметовъ путемъ сравненія; съ этой цѣлью
художники часто вводятъ въ свои картины человѣческія фігуры,
чтобы помочь зрителю составить идею о размѣрахъ другихъ изобра-
женныхъ на картинѣ предметовъ¹⁾.

Ощущенія цвѣта. Система цвѣтовъ представляетъ нѣчто весьма
сложное. Выбравъ какой-нибудь цвѣтъ, напримѣръ, зеленый,
можно отъ него постепенно перейти къ другому болѣе, чѣмъ
въ одномъ направленіи, напримѣръ, черезъ рядъ зеленыхъ цвѣ-
товъ съ постепенно усиливающимся желтоватымъ оттѣнкомъ къ
желтому или черезъ другой рядъ зеленыхъ цвѣтовъ съ по-
степенно усиливающимся голубоватымъ оттѣнкомъ къ голу-
бому. Такимъ образомъ, если-бы мы захотѣли обозначить на
бумагѣ всевозможные нюансы цвѣтовъ, то постепенное ихъ распо-
ложеніе не было бы линейнымъ, а покрывало-бы плоскость.
Расположивъ цвѣта на плоскости, мы можемъ переходить отъ
одного цвѣта къ другому въ различныхъ направленіяхъ черезъ
непрерывный рядъ посредствующихъ звеньевъ. Такое расположеніе
цвѣтовъ изображено на рис. 15-мъ. Это—просто классификаціон-
ная діаграмма, основанная на субъективномъ чувствѣ различія
цвѣтовъ; физическаго значенія она не имѣетъ никакого. Чернота
есть извѣстный цвѣтъ, но его мы не помѣстимъ на плоскости
діаграммы. Его некуда помѣстить наряду съ другими цвѣтами,
такъ какъ намъ необходимо представить постепенную градацію отъ не-
окрашеннаго бѣлаго цвѣта къ черному и провести эту градацію
черезъ каждый основной цвѣтъ къ совершенно черному и къ со-
вершенно бѣлому. Всего лучше помѣстить черный цвѣтъ въ третьемъ
измѣреніи ниже плоскости діаграммы, какъ показано въ перспек-
тивѣ на рис. 16-мъ. Тогда можно будетъ выразить схематически
всѣ цвѣтовые переходы. Можно перейти прямо отъ чернаго къ
бѣлому или околнымъ путемъ, напр., черезъ оливковый, зеленый
и блѣдно-зеленый, или отъ темно-голубого черезъ зеленый къ
желтому, или отъ небесно-голубого черезъ бѣлый къ палевому и
т. п. Во всякомъ случаѣ перемѣны будутъ происходить непре-
рывно; система цвѣтовъ, образованная такимъ путемъ, названа
Вундтомъ непрерывностью трехъ измѣреній (*трехмѣрнымъ conti-
нитомъ*).

Смѣшеніе цвѣтовъ. Въ фізіологическомъ отношеніи цвѣта отли-
чаются тѣмъ свойствомъ, что многія пары ихъ, падая вмѣстѣ на

¹⁾ Мартинъ.

ретину, производят ощущение блага цвѣта. Такіе цвѣта называются *дополнительными*. Таковы въ спектрѣ красный и зелено-голубой, желтый и индиго, зеленый и пурпуровый. Общая смѣсь всѣхъ спектральныхъ цвѣтовъ производит ощущение того блага солнечнаго свѣта, который мы видимъ постоянно въ теченіи дня. Разнородныя эйрныя волны, падая одновременно на нашу ретину, могутъ вызвать въ насъ ощущение тождественное съ тѣмъ, которое получается отъ дѣйствія однородныхъ волнъ эйра. Такъ, напримеръ, ощущение желтаго цвѣта (входящаго въ число простыхъ спектральныхъ цвѣтовъ) получается при комбинаціи зеленого и краснаго свѣта; ощущение голубого цвѣта получается изъ сочетанія свѣтовъ зеленого и фіолетоваго. Пурпуровый цвѣтъ, не входящій вовсе въ составъ спектра, является результатомъ совмѣщенія эйрныхъ волнъ цвѣтовъ краснаго и фіолетоваго или оранжеваго ¹⁾).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣтъ никакого соответствія между нашею системою цвѣтовыхъ ощущений и физическими стимулами, ихъ вызывающими. Каждое цвѣтовое ощущение есть «специфическая энергія», которая можетъ быть вызвана весьма различными физическими причинами. Гельмгольцъ, Герингъ и другіе употребили немало усилій для того, чтобы нѣсколько разобраться здѣсь въ хаосѣ фактовъ съ помощью физиологическихъ гипотезъ, которыя, различаясь во многихъ деталяхъ, въ принципѣ сходятся, такъ какъ всѣ онѣ принимаютъ въ качествѣ постулата существованіе ограниченнаго числа элементарныхъ процессовъ въ ретинѣ, изъ которыхъ каждому при ихъ возникновеніи соответствуетъ ощущение извѣстнаго «основнаго» цвѣта. При ихъ одновременномъ возбужденіи съ помощью самыхъ разнородныхъ физическихъ стимуловъ, ощущаются другіе «производные» цвѣта. О производныхъ цвѣтовыхъ ощущеніяхъ часто говорятъ такъ, какъ будто они составлены изъ первичныхъ ощущений. Это—большая ошибка. *Ощущенія, какъ таковыя*, не суть нѣчто сложное, напримеръ, желтый цвѣтъ, производный по гельмгольцевской теоріи, есть такое же простое недѣлимое чувственное свойство, какъ и первичныя цвѣта (красный и зеленый), которые, какъ говорится, составляютъ его: сложны не они, а физиологическіе процессы въ

¹⁾ Обыкновенное смѣшеніе красокъ есть, какъ показалъ Гельмгольцъ, скорѣе разложеніе, чѣмъ смѣшеніе цвѣтовъ. Для того, чтобы *сложить* одинъ цвѣтъ съ другимъ, мы должны или при посредствѣ соответствующихъ стеколъ бросать различно окрашенные лучи на какую-нибудь отражающую поверхность, или смотрѣть на одинъ цвѣтъ черезъ наклоненный кусокъ стекла, подъ которымъ онъ находится, въ то время какъ верхняя поверхность стекла отражаетъ въ тотъ же глазъ другой цвѣтъ отъ какого-нибудь помѣщеннаго вблизи предмета, причемъ оба цвѣта сливаются на ретинѣ, или, наконецъ, мы должны заставить послѣдовательно падать на ретину различно окрашенные лучи такъ быстро, чтобы второй лучъ уже падалъ въ то время, когда впечатлѣніе отъ перваго еще неуспѣло изгладиться. Этого всего легче достигнуть, глядя на быстро вращающійся кругъ, секторы котораго окрашены въ различные цвѣта, подлежащіе смѣшенію.

ретины. Последніе въ различныхъ комбинаціяхъ производятъ различные эффекты на мозгъ, и въ результатъ въ сознаніи получается непосредственно ощущение «производнаго» цвѣта. «Цвѣтовые теоріи» суть физиологическія, а не психологическія гипотезы; подробности о нихъ читатель найдетъ въ сочиненіяхъ по физиологіи.

Продолжительность свѣтовыхъ ощущений. Она болѣе продолжительности раздраженій; этимъ фактомъ пользуются для устройства фейерверковъ. Поднимающаяся ракета производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто за нею остается огненный слѣдъ, простирающийся гораздо дальше свѣтащейся части ракеты, ибо ощущение, вызванное ею въ нижней части ея пути, еще продолжается при ея дальнѣйшемъ движеніи. Звѣзды, разрывающіяся на воздухъ, производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто у нихъ былъ свѣтащійся хвостъ. Если мы будемъ быстро вращать передъ глазами кружокъ, состоящій попеременно изъ бѣлыхъ и черныхъ секторовъ, то каждая точка ретины будетъ попеременно то получать раздраженіе (при проходѣ бѣлаго сектора), то отдыхать (при проходѣ чернаго сектора). При извѣстной быстротѣ вращенія, мы получимъ ощущение равномернаго сѣраго цвѣта, такого, каковой получился бы, если бы черный и бѣлый цвѣта были смѣшаны и равномерно распределены по кругу. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ глазъ при оборотѣ получаетъ такое же количество свѣта и неспособенъ замѣтить, что въ первомъ случаѣ однородный цвѣтъ является результатомъ комбинаціи впечатлѣній, получаемыхъ отъ попеременно слѣдующихъ другъ за другомъ черныхъ и бѣлыхъ интерваловъ: раздраженіе, полученное отъ одного интервала, продолжается при появленіи другого, и, такимъ образомъ, оба впечатлѣнія смѣшиваются. Если въ комнатѣ, освѣщенной однимъ газовымъ рожкомъ, внезапно завернуть его, то свѣтъ пламени будетъ продолжаться нѣсколько мгновений уже послѣ того, какъ оно погаснетъ¹⁾. Если мы быстро откроемъ глаза и посмотримъ на сцену, а затѣмъ крѣпко зажмуримъ ихъ, то получится такое впечатлѣніе, какъ будто мы глядѣли на сцену въ полумракѣ сквозь темный экранъ. Въ этомъ послѣднемъ образѣ мы еще можемъ видѣть детали, которыя не были замѣчены нами при открытыя глазахъ. Это—то, что называется, первичнымъ положительнымъ зрительнымъ слѣдомъ. Согласно Гельмгольцу, наиболѣе благоприятнымъ для полученія такого слѣда является зрительное воспріятіе, продолжающееся $\frac{1}{2}$ секунды.

Отрицательные зрительные слѣды возникаютъ подъ влияніемъ болѣе сложныхъ условій, въ которыхъ, какъ полагаютъ, главную роль играетъ утомленіе ретины.

«Зрительный нервный аппаратъ весьма легко утомляется. Обык-

¹⁾ Мартинъ: *op. cit.*

новенно мы не замѣчаемъ этого, такъ какъ и восстановление его силъ совершается чрезвычайно быстро; наши глаза обыкновенно, когда они открыты, не знаютъ покоя; мы двигаемъ ими въ различныя стороны, такъ что части ретины получаютъ впечатлѣнія попеременно то отъ болѣе свѣтлыхъ, то отъ болѣе темныхъ предметовъ. Какъ постоянны и привычны для насъ движенія глазъ, можно видѣть изъ того, что безъ практики невозможно *фиксировать* даже на нѣсколько секундъ какую-нибудь точку, безъ того, чтобы на мгновенье не отвести глазъ. Если начать внимательно фиксировать небольшой предметъ въ продолженіе двадцати или тридцати секундъ, то все поле зрѣнія становится сѣроватымъ и неяснымъ, ибо части ретины, получающія всего болѣе свѣта, утомляются и вызываютъ столько же ощущеній, какъ и части менѣе утомленныя—получавшія свѣтъ отъ слабѣе освѣщенныхъ предметовъ. Если вы будете смотрѣть на какой-нибудь черный предметъ, напримѣръ, на клеекъ, сдѣланный на листѣ бѣлой бумаги, въ продолженіе двадцати секундъ, а затѣмъ направите глаза на бѣлую стѣну, то послѣдняя будетъ вамъ казаться темно-сѣрой, а въ серединѣ ея получится бѣлое пятно; это обусловлено тѣмъ, что части ретины, отдохнувшія на воспріятіи черного пятна, отличались болѣею впечатлительностью сравнительно съ частями, на которыя бѣлизна стѣны дѣйствовала тогда, когда онѣ уже были утомлены воспріятіемъ бѣлаго цвѣта бумаги. Многимъ, вѣроятно, случается часто наблюдать подобныя явленія, особенно замѣтныя утромъ вскорѣ послѣ пробужденія. Подобныя же явленія можно наблюдать на цвѣтахъ. Если мы, посмотрѣвъ на красное пятно, направимъ глаза на бѣлую стѣну, то увидимъ на ней зелено-голубое пятно; элементы, вызывающіе ощущеніе краснаго цвѣта, были въ данномъ случаѣ утомлены, и бѣлый смѣшанный цвѣтъ стѣны уже вызываетъ на этомъ участіи ретины только ощущенія другихъ первичныхъ цвѣтовъ. Отъ этого зависятъ удивительные эффекты сочетанія цвѣтовъ; красный и зеленый цвѣта гармонизируютъ другъ съ другомъ, ибо каждый изъ нихъ даетъ возможность на себѣ отдохнуть частямъ ретины, наиболѣе утомленнымъ на другомъ, вслѣдствіе этого глазъ, переходя съ одного цвѣта на другой, испытываетъ отъ обоихъ яркія, живыя ощущенія; наоборотъ, цвѣта красный и оранжевый, возбуждая и утомляя преимущественно тѣ же самые зрительные элементы, ослабляютъ или, какъ говорится, «убиваютъ» одинъ другой.

Если мы будемъ внимательно смотрѣть въ продолженіе 30 секундъ на точку между двумя бѣлыми квадратами (со сторонами въ 4 мм. или въ $\frac{1}{8}$ дюйма), расположенными отдѣльно другъ отъ друга на большомъ черномъ листѣ, а затѣмъ зажмуримъ и закроемъ глаза, то получимъ отрицательный зрительный слѣдъ, въ которомъ будутъ видны два темныхъ квадрата на болѣе свѣтлой

поверхности; эта поверхность свѣтлѣе около самыхъ отрицательныхъ слѣдовъ квадратовъ и всего свѣтлѣе между ними. Свѣтлая сфера называется *согона* и объясняется обыкновенно эффектомъ внезапнаго контраста; чернота зрительнаго слѣда квадратовъ, какъ говорить, вызываетъ въ насъ ложное сужденіе, заставляя насъ думать, что тѣ части болѣе свѣтлой поверхности, которыя ближе примыкаютъ къ квадратамъ, свѣтлѣе, совершенно такъ же, какъ челоуѣкъ средняго роста между двумя высокими кажется ниже, чѣмъ отдѣльно отъ нихъ. Впрочемъ, если продолжать эксперименты со зрительными слѣдами, то часто случится замѣчать, что не только свѣтлая полоса между квадратами интенсивно-бѣла гораздо болѣе, чѣмъ нормальный, свойственный самой свѣтчаткѣ (идіо-ретинальный) свѣтъ (о немъ см. ниже), но, что нерѣдко, послѣ того какъ изображеніе начнетъ блѣднѣть, два темныхъ зрительныхъ слѣда квадратовъ совершенно исчезаютъ вмѣстѣ со всею *короной*, за исключеніемъ той части ея, которая лежитъ между квадратами и представляется въ видѣ свѣтлой полосы равномѣрнаго сѣроватаго цвѣта. Здѣсь нѣтъ никакого *контраста*, который вызывалъ бы ошибку въ сужденіи, и Герингъ изъ этого и изъ другихъ опытовъ, заключаетъ, что свѣтъ, дѣйствуя извѣстнымъ образомъ на одну часть ретины, вызываетъ противоположный эффектъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ, и что это обстоятельство играетъ важную роль въ произведеніи явленій контраста. Подобныя же явленія можно наблюдать на окрашенныхъ предметахъ: въ ихъ отрицательныхъ зрительныхъ слѣдахъ каждый цвѣтъ замѣненъ дополнительнымъ, какъ черный замѣняется бѣлымъ въ безцвѣтныхъ образахъ¹⁾.

Этотъ послѣдній изъ приведенныхъ фактовъ былъ однимъ изъ тѣхъ (см. стр. 22-ю), которые побудили Геринга отвергнуть психологическое объясненіе одновременнаго контраста.

Интенсивность свѣта въ свѣтящихся предметахъ. Чернота есть зрительное ощущеніе. Мы воспринимаемъ черноту только въ зрительномъ полѣ; мы, напримѣръ, не воспринимаемъ ее въ желудкѣ или въ вѣсти руки. Совершенная чернота, впрочемъ—одна абстрація, ибо сама ретина (даже въ абсолютной объективной темнотѣ), повидимому, непрерывно продолжаетъ подвергаться внутреннимъ перемѣнамъ, вызывающимъ извѣстныя свѣтловыя ощущенія. Это явленіе и есть то, что мы немного выше назвали «идіо-ретинальнымъ свѣтомъ». Оно оказываетъ извѣстное вліяніе на всѣ зрительные слѣды съ закрытыми глазами. Для того, чтобы объективное свѣтовое раздраженіе было воспринято, оно должно вызвать ощущеніе, по интенсивности превосходящее идіо-ретинальный свѣтъ. При возрастаніи раздраженія и свѣтовое воспріятіе возра-

¹⁾ Martin pp. 525—8.

стаетъ въ интенсивности, но, какъ мы видѣли, медленно, чѣмъ раздраженіе. Точные опыты, произведенные недавно Кёнигомъ и Бродгеномъ (Brodhan), прилагались къ шести различнымъ цвѣтамъ, и въ нихъ отъ интенсивности, принятой произвольно за 1, восходили до интенсивности раздраженія въ 100,000 разъ большей. Отъ интенсивности раздраженія въ 2,000 до интенсивности въ 20,000 законъ Вебера сохранялъ свое значеніе; выше и ниже точность различенія въ ощущеніи утрачивалась. Относительный приростъ раздраженія въ этихъ опытахъ былъ одинаковый для всѣхъ цвѣтовъ и (согласно полученнымъ таблицамъ) равнялся 0,01 и 0,02 всего раздраженія. Преніе экспериментаторы получали другіе результаты.

Для того, чтобы сколько-нибудь различать цвѣта въ предметѣ, необходимо, чтобы въ немъ существовала извѣстная степень свѣтовой интенсивности. «Въ потьмахъ всѣ кошки сѣры». Но по мѣрѣ возрастанія свѣтовой интенсивности, цвѣта быстро становятся различимы прежде всего голубые, позже всего красные и желтые, при дальнѣйшемъ возрастаніи интенсивности они вновь начинаютъ мѣшаться, всѣ приближаясь къ бѣлому цвѣту. При наивысшей интенсивности, какую только въ состояніи переносить глаза, всѣ цвѣта сливаются въ общій блескъ ослѣпительной бѣлины. Въ этомъ случаѣ опять говорятъ о смѣшеніи бѣлаго цвѣта съ первоначальными цвѣтами, хотя на самомъ дѣлѣ здѣсь происходитъ не смѣшеніе двухъ ощущеній, а замѣна одного другимъ, обусловленная модификаціями въ нервныхъ процессахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

С л у х ъ ¹⁾.

Ухо. «Слуховой органъ человѣка состоитъ изъ трехъ частей: *внѣшняго уха*, *средняго или барабанной полости (cavum tympani)* и *внутренняго (labyrinthum)*; последнее заключаетъ въ себѣ концевые органы слухового нерва. Внѣшнее ухо состоитъ изъ полости, видимой снаружи головы и называемой ушной раковиной (*concha*), *M* на рис. 17-мъ, и изъ внѣшняго слухового прохода, *G*; внутренній конецъ этого прохода замыкается *барабанною перепонкой*, *T*. Барабанная перепонка покрыта кожей, черезъ которую множество мелкихъ железъ выдѣляютъ ушную *сѣру*».

Tympanum, *P* на рис. 17-мъ, представляетъ неправильной формы

¹⁾ При изученіи анатоміи уха прекраснымъ пособіемъ можетъ служить модель доктора *Лисона*. 56. Rue de Vaugivard, Paris, описанная въ каталогѣ фирмы подъ № 21—«*Oreille temporel de 60 cm. nouvelle édition*», etc.

полость въ височной кости, замѣнутую снаружн барабанною перепонкой. Съ внутренней стороны въ ней примыкаетъ *Евстахіева труба (E)*, которая ведетъ въ глотку (*pharynx*). Внутренняя стѣнна барабанной полости костяная, за исключеніемъ двухъ отверстій *овальнаго и круглаго—o* и *r*, ведущихъ въ лабиринтъ. При жизни челоуѣа круглое отверстие закрыто слизистой перепонкой, овальное—стременемъ (*stapes*). Барабанная перепонка, закрывающая барабанную полость съ наружной стороны съ углубленіемъ снаружн, образуетъ мелкую воронку. На нее давить наружный воздухъ съ вѣшной стороны, а изнутри воздухъ, входящій въ барабанную полость черезъ Евстахіеву трубу. Если бы барабанная полость была замѣнута, то при измѣненіи барометрическаго давленія, эти давленія воздуха измѣнялись бы, и барабанная перепонка выдувалась бы то кнутри, то снаружн, смотря по тому, какое давленіе было бы больше, внутреннее или вѣшнее. Съ другой стороны, если бы Евстахіева труба была всегда открыта, то звуки нашего собственнаго голоса казались бы намъ громкими и дисгармоничными; Евстахіева труба обыкновенно закрыта; но, всякій разъ какъ мы глотаемъ, она открывается, и, такимъ образомъ, давленіе воздуха во внутренней полости уравнивается съ давленіемъ воздуха во вѣшнемъ слуховомъ проходѣ. Поднимаясь на воздушномъ шарѣ или быстро спускаясь въ глубокую шахту, мы испытываемъ болѣзненное напряженіе въ барабанной перепонкѣ, вслѣдствіе быстрой перемѣны величины наружнаго давленія воздуха; это болѣзненное ощущеніе можетъ быть ослаблено частымъ глотаніемъ.

Слуховыя косточки. Въ барабанной полости находятся три косточки, образующія непрерывную цѣпь между барабанною перепонкой и овальнымъ отверстиемъ. Вѣшняя называется *malleus* (*молоточекъ*), средняя — *incus* (*наковальня*), внутренняя—*stapes* (*стрема*); онѣ изображены на рис. 18-мъ.

Въ ухѣ, какъ и въ глазѣ, есть своя аккомодация. *Tensor tympani*, мускуль длиною въ дюймъ, проходитъ отъ каменной части височной кости по каналу, параллельному Евстахіевой трубѣ, и прикрѣпляется къ молоточку ниже его головки. Этотъ мускуль сокращаясь напрягаетъ барабанную перепонку. Другой, меньшій мускуль, *m. stapedius*, направляется къ головкѣ стремени. При звукахъ извѣстныхъ нотъ многія лица явственно ощущаютъ сокращеніе этихъ мускуловъ, а нѣкоторые могутъ произвольно сокращать ихъ; несмотря на это, до сихъ поръ еще не выяснено вполне точно ихъ значеніе для слуха, хотя въ высокой степени вѣроятно, что они сообщаютъ тѣмъ перепонкамъ, на которыя дѣйствуютъ, степень напряженности, наиболѣе подходящую къ числу колебаній, падающихъ на нихъ въ данную минуту. При слуханіи голова и уши низшихъ животныхъ и только голова у челоуѣа поворачиваются такъ, чтобы наилучшимъ образомъ вос-

принять звукъ. Это также составляетъ часть процесса, называемаго приспособленіемъ органа (см. главу «*О отитаніи*»).

Внутреннее ухо. «Лабиринтъ состоитъ прежде всего изъ полостей и трубокъ, находящихся въ височной кости и замѣнутыхъ ею со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ овальнаго и круглаго отверстій на ея наружной сторонѣ и нѣкоторыхъ отверстій для кровеносныхъ сосудовъ и для слухового нерва; при жизни человека эта полость представляетъ такъ или иначе герметически замѣнутое помѣщеніе. Въ такомъ *костномъ лабиринтѣ* лежитъ *перепончатый* той же формы, но менѣе предыдущаго, такъ что между тѣмъ и другимъ остается нѣкоторое пространство; промежутокъ между ними наполненъ водянистой жидкостью, называемою *perilymphra*, а *перепончатое внутреннее ухо* наполнено подобной же жидкостью *endolympfra*.

Костный лабиринтъ. Костный лабиринтъ раздѣляется на три части: *преддверіе (vestibulum)*, *полукружные каналы (canales semicirculares)* и *улитка (cochlea)*; его видъ съ различныхъ сторонъ представленъ на рис. 19-мъ. *Vestibulum*—средняя часть, на внѣшней сторонѣ своей имѣетъ *овальное отверстіе (Fv)*, въ которое плотно входитъ основаніе стремени. За—*vestibulum* находятся три полукружныхъ канала, изъ которыхъ каждый обоими концами сообщается съ его заднею частью, а у одного изъ своихъ концовъ расширяется, чтобы образовать *ампулу*. Костная улитка представляетъ собою трубку, свернутую на подобіе раковины улитки и лежащую въ передней части *vestibulum*.

Перепончатый лабиринтъ. Лежащій въ костномъ лабиринтѣ перепончатый состоитъ изъ двухъ мѣшковъ, сообщающихся между собою узкимъ отверстіемъ. Заднее называется *utricleus*; въ него открываются полукружные каналы перепончатаго лабиринта. Передній называется *sacculus*; онъ сообщается трубкою съ перепончатой улиткой. Перепончатые полукружные каналы очень похожи на костные, у каждаго есть *ампула*; одна сторона послѣдней тѣсно примыкаетъ къ ея костяной покрывкѣ; въ этомъ мѣстѣ въ *ампула* входятъ нервы. Отношенія перепончатой улитки въ костной болѣе сложны. Разрѣвъ этой части слухового аппарата (рис. 20-й) показываетъ, что ея костные элементы состоятъ изъ трубки, обернутой въ два съ половиной раза около центральной костной оси—*modiolus*. Отъ этой оси выступаетъ перегородка *lamina spiralis*, которая отчасти раздѣляетъ трубку, проходя по всѣмъ ея изгибамъ до конца. Къ внѣшнему краю этой костной пластинки прикрѣплена трехгранная трубочка *scala media*, которая своимъ основаніемъ примыкаетъ къ внѣшней костной стѣнѣ спирали улитки. *Lamina spiralis* и *scala media* подраздѣляютъ слѣдующимъ образомъ полость костной трубки: вверху находится (рис. 21-й) *scala vestibuli, SV*, внизу *scala tympani, ST*. Между ними лежитъ *lamina spiralis (Iso)* и *scala*

media (CC), послѣдняя отгорожена сверху—Рейсснеровой (R), внизу—основной (b) перепонками ¹⁾.

Scala media не простирается до самыхъ краевъ костной улитки; надъ нею *scala vestibuli* и *scala tympani* сообщаются. И та, и другая полости наполнены *перилимфой*, такъ что, если *stapes* втапливается въ *овальное отверстие*, о (рис. 17-й) прикосновеніемъ воздушной волны къ барабанной перепонкѣ, волна перилимфы вбѣгаетъ въ верхнюю часть *scala vestibuli*, оттуда переходитъ въ *scala tympani*; затѣмъ, объѣзжавъ внизъ извилины послѣдней, она расширяетъ круглое отверстие, приведя, можетъ быть, въ колебаніе Рейсснерову и основную перепонки при движеніи туда и обратно.

Концевые органы. *Scala media* заключаетъ въ себѣ нѣкоторое твердое тѣло, расположенное на основной перепонкѣ—это *Кортиевъ органъ*. Онъ заключаетъ въ себѣ концевые органы нервовъ улитки. *Sulcus spiralis*, бороздка на краю *lamina spiralis ossea*, выстлана кубовидными клѣтками; на внутреннемъ краѣ основной перепонки онѣ столбообразны и снабжены въ верхнихъ частяхъ пучкомъ жесткихъ волосковъ—это *внутреннія рѣсничныя клѣтки*, прикрѣпленные за ихъ узкія верхнія части къ основной перепонкѣ, въ нихъ входятъ нервныя волокна. Ко внутреннимъ рѣсничнымъ клѣткамъ примыкають *Кортиевы столбы*, которые въ значительно увеличенномъ видѣ (Co на рис. 21-мъ) представлены на рис. 22-мъ. Эти столбы упруги и расположены въ два ряда, тѣсно примыкая другъ ко другу и образуя соединеніемъ своихъ верхнихъ частей крытый проходъ; ихъ части, ближайшія къ *lamina spiralis* называются *внутренними столбами*, дальнѣйшія—*внѣшними*. Внутренніе столбы многочисленнѣе внѣшнихъ: первыхъ около 6,000, вторыхъ около 4,500. Къ внѣшней сторонѣ голововъ внѣшнихъ столбовъ прикрѣплена твердая и рѣшетообразная сѣтчатая перепонка, *membrana reticularis*, (r, рис. 22-й). Кнаружи отъ внѣшнихъ столбовъ идутъ четыре ряда внѣшнихъ рѣсничныхъ клѣтокъ, которыя, подобно внутреннимъ, связаны съ нервными волокнами; ихъ волоски проникають въ отверстия сѣтчатой перепонки. Надъ внѣшними рѣсничными клѣтками находится обыкновенный цилиндрическій эпителий, который постепенно переходитъ въ кубовидныя клѣтки, выстилающія большую часть *scala media*. Отъ верхняго края *sulcus spiralis* проходитъ *кроющая перепонка* (*membrana tectoria*) (t, рис. 21-й), которая распростирается надъ кортиевыми и надъ рѣсничными клѣтками ²⁾.

Такимъ образомъ, рѣсничныя клѣтки являются, повидимому, концевымъ органомъ для воспріятія колебаній воздушныхъ волнъ, которыя сообщаются черезъ всѣ посредствующіе слуховые аппа-

¹⁾ Martin op. cit.

²⁾ Martin op. cit.

раты и жидкости и доходятъ до основной перепонки. Аналогичныя рѣсничныя вѣтки имѣются у концевыхъ нервныхъ волоконъ въ стѣнкахъ *sacculus*, *utriculus* и *ampulla* (см. рис. 23-й).

Различныя качества звука. Съ физической точки зрѣнія звуки суть колебанія такъ называемыхъ *воздушныхъ волнъ*. Результатомъ *неперіодическихъ* воздушныхъ колебаній является *шумъ*; *періодическія* колебанія вызываютъ ощущение *тона* или *ноты*. *Напряженность* звука зависитъ отъ *силы* волнъ. При *періодическихъ* колебаніяхъ различіе въ скорости ихъ создаетъ въ ощущеніи различіе *высоты* звука. Кромѣ *напряженности* и *высоты*, звуки различаются *тѣмбромъ*, который въ различныхъ инструментахъ при одинаковости тона и высоты можетъ быть весьма различенъ. *Тѣмбръ* зависитъ отъ *формы* звуковыхъ волнъ.

Высота. Отдѣльное дуновеніе воздуха, вызванное все равно какою причиною, даетъ намъ ощущение звука, но нужно, по крайней мѣрѣ, четыре или пять колебаній, чтобы вызвать ощущение звуковой высоты. Напримѣръ, высота ноты *C* вызывается 132 колебаніями въ секунду, ея октава *C'* получается отъ двойного числа колебаній (264), но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ колебанія не должны продолжаться цѣлую секунду для того, чтобы ихъ высота стала замѣтна. «Звуковыя колебанія могутъ быть слишкомъ быстры или слишкомъ медленны для того, чтобы вызвать звуковое ощущеніе, совершенно такъ же, какъ ультра-фіолетовыя и ультра-красныя лучи солнечнаго спектра не вызываютъ въ ретинѣ процессовъ, сопровождающихся свѣтовымъ ощущеніемъ. Навысшая слышимая нота соотвѣтствуетъ приблизительно 38,016 колебаніямъ въ секунду, хотя эта цифра измѣняется у различныхъ индивидовъ; многіе не могутъ слышать крика летучей мыши и стрекотанія сверчка,—звуковъ, которые близко лежатъ къ верхней границѣ слышимыхъ звуковъ. Съ другой стороны, звуки, получаемые отъ сорока и нѣсколько менѣе колебаній въ секунду, представляютъ скорѣе гудѣніе, чѣмъ истинное ощущеніе тона; въ музыкѣ они употребляются только въ соединеніи съ другими нотами высшихъ октавъ, которымъ низкіе тоны сообщаютъ характеръ большей глубины»¹⁾.

Система тоновъ образуетъ *непрерывность одного измѣренія*, т. е. можно переходить отъ одного тона къ другому только черезъ посредство одного ряда промежуточныхъ тоновъ, а не нѣсколькихъ рядовъ, какъ это было въ серіи цвѣтовъ (см. стр. 31-ю). Весь рядъ тоновъ въ его цѣломъ образуетъ то, что называется музыкальною гаммою. Принятіе извѣстныхъ произвольныхъ пунктовъ въ этой гаммѣ въ качествѣ «нотъ» объясняется частію изъ историческихъ, частію изъ

¹⁾ Martin. op. cit.

эстетических оснований, которых мы не будем здѣсь разбирать въ слѣдствіе крайней ихъ сложности.

Тѣмбр ноты обусловленъ *формой звуковой волны*. Колебанія волнъ бываютъ простыя («маятниковыя») или сложныя. Такъ, на-примѣръ, если камертонъ (дающій приблизительно простыя волны) колеблется 132 раза въ секунду, то мы услышимъ ноту *c'*. Если одновременно съ нимъ зазвучитъ нота *c'* другого камертона, колеблющагося 264 раза въ секунду, то движеніе волнъ будетъ представлять въ любое мгновеніе алгебраическую сумму движенія обоихъ камертоновъ; если оба камертона производятъ колебанія въ одномъ направленіи, то они взаимно усиливаютъ другъ друга; если же противоположныя колебанія сталкиваются, то они взаимно ослабляютъ свои дѣйствія. Въ результатъ въ такомъ случаѣ хотя и получается періодическое движеніе, повторяющееся черезъ равныя промежутки времени, но уже не маятниковое, такъ какъ восходящія и нисходящія части выражающей его кривой не одинаковы. Здѣсь мы встрѣчаемъ явленіе образованія не-маятниковыхъ колебаній изъ смѣшенія или, какъ говорится, *сложенія* маятниковыхъ.

Предположимъ, что одновременно звучитъ группа музыкальныхъ инструментовъ, на-примѣръ, въ оркестрѣ. Каждый инструментъ производитъ свойственное ему дѣйствіе на частицы воздуха, движеніе которыхъ, представляя алгебраическую сумму отдѣльныхъ колебаній, должно быть въ каждую данную минуту очень сложнымъ; между тѣмъ наше ухо можетъ выдѣлить по желанію любой инструментъ и слѣдить за его звуками. Относительно самыхъ музыкальныхъ инструментовъ экспериментальнымъ путемъ доказано, что въ нихъ каждая отдѣльная нота сопровождается одновременнымъ слабымъ созвучіемъ многихъ болѣе высокихъ *октавъ* и другихъ «гармоническихъ» тоновъ («обертоновъ»). Гельмгольцъ показалъ, что тѣмбръ известнаго инструмента зависитъ отъ относительной *силы* того или другого гармоническаго тона или большинства гармоническихъ тоновъ. Различіе многихъ гласныхъ въ человѣческомъ голосѣ также зависитъ отъ преобладанія тѣхъ или другихъ верхнихъ гармоническихъ тоновъ, сопровождающихъ ту ноту, на которой гласная поется. Если мы заставимъ звучать одновременно два камертона *C* и *C'*; то сложное колебаніе будетъ имѣть одинаковый *периодъ* съ колебаніемъ одного камертона *C*, и тѣмъ не менѣе ухо можетъ ясно различить звукъ, получающійся отъ совмѣстнаго колебанія двухъ камертоновъ, отъ звука, на-пр., одного нижняго, какъ ноты одного тона, но не одного тѣмбра: въ сложныхъ звукахъ опытное ухо всегда съумѣетъ различить два составляющихъ ихъ элемента. Спрашивается, какимъ же образомъ одна составная звуковая волна даетъ намъ возможность слышать такую массу звуковъ заразъ?

Разложеніе сложныхъ формъ звуковыхъ волнъ зависитъ (согласно изслѣдованіямъ Гельмгольца) отъ различныхъ видовъ симпатическаго

резонанса различных частей *scala media*. Основная перепонка примерно в двенадцать раз шире в верхней части *scala media*, чем в основании последней, где она начинается; в состав ее входит множество лучеобразно расположенных нервных волокон, напоминающих натянутые струны. Физический закон симпатического резонанса гласит, что из натянутых струн, находящихся вблизи звучащего источника, начинают издавать звук только те, высота которых соответствует высотѣ звучащего источника. На основании этого закона волны перилимфы, пробѣгая съ известной скоростью по *scala tympani*, должны привести в колебаніе опредѣленные нервные волокна основной перепонки, оставив другія в покоѣ. Если затѣм мы предположимъ, что каждое вибрирующее нервное волокно вызывает колебанія только в находящейся надъ нимъ рѣсничной клѣткѣ, не затрогивая другихъ клѣтокъ, а эта клѣтка, передавъ стимулъ в слуховой центръ мозга, вызоветъ тамъ специфическій процессъ, результатомъ котораго явится одно звуковое ощущеніе опредѣленной высоты, то физиологическія условія разнообразія в ощущеніяхъ звуковой высоты, будутъ вполне выяснены. Предположимъ теперь, что начала колебаться струна, движенія которой заключаютъ в себѣ, быть можетъ, двадцать различныхъ видовъ колебаній, в такомъ случаѣ эти колебанія будутъ распределены между двадцатью различными рѣсничными клѣтками или концевыми органами, и при maximum'ѣ сознательнаго различенія слуховыхъ ощущеній мы воспримемъ сразу впечатлѣнія отъ двадцати различныхъ объектовъ слуха в видѣ такого же количества отдѣльныхъ звуковыхъ тоновъ.

Кортиевы столбы играютъ роль *дамперовъ* (заглушителей) по отношенію къ волокнамъ основной перепонки, совершенно такъ же, какъ *malleus*, *incus* и *stapes* служатъ *дамперами* по отношенію къ барабанной перепонкѣ и передаточными аппаратами для сообщенія колебаній воздуха внутреннему уху. На самомъ дѣлѣ должно происходить мгновенное заглушеніе колебаній, такъ какъ в ухѣ нѣтъ ничего аналогичнаго положительнымъ зрительнымъ слѣдамъ и нѣтъ смѣшенія быстро слѣдующихъ другъ за другомъ тоновъ, подобнаго смѣшенію цвѣтовыхъ и свѣтовыхъ впечатлѣній на ретинѣ. Гениальная теорія Гельмгольца относительно разложенія звуковъ в высокой степени вѣроятна. Противъ нея можно сдѣлать лишь одно возраженіе: повидимому, клавиатура улитки недостаточно обширна, чтобы соответствовать числу отдѣльныхъ доступныхъ нашему уху звучаній. Мы можемъ различать гораздо большее число тоновъ, сравнительно съ тѣмъ, какое можно приблизительно различить при посредствѣ 20,000 рѣсничныхъ клѣтокъ.

Такъ называемое смѣшеніе слуховыхъ ощущеній. Тотъ фактъ, что воздушныя волны, не дающія в отдѣльности ощущенія высоты, в совокупности вызываютъ его, обыкновенно объясняютъ

слияніемъ нѣсколькихъ звуковыхъ ощущеній въ одно сложное. Болѣе удовлетворительное объясненіе этого факта основано на аналогіи его съ явленіемъ сокращенія мускуловъ. Если мы будемъ съ довольно значительными перерывами раздражать электричествомъ нервъ бедренной мышцы лягушки, то мышца эта будетъ при каждомъ раздраженіи вновь и вновь сокращаться. Но, если раздраженія будутъ производиться одно за другимъ съ быстротой тридцати разъ въ секунду, то отдѣльныя сократительныя движенія прекратятся, вмѣсто нихъ наступитъ неподвижное состояніе сокращенія мышцы. Это состояніе называется *tetanus*. Опытъ показываетъ, что въ мускульной тканн происходитъ накопленіе или наслоеніе физиологическихъ процессовъ. Нужно около $\frac{1}{10}$ секунды для того, чтобы мускульная ткань отдохнула послѣ сокращенія отъ перваго раздраженія. Но второй зарядъ проникаетъ въ мышцу прежде, чѣмъ она успѣетъ возстановить силы, за нимъ третій и т. д., такъ что вмѣсто отдѣльныхъ сокращеній получается непрерывный *tetanus*. Нѣчто аналогичное происходитъ и въ слуховомъ нервѣ. Воздушный толчекъ сообщаетъ нервный токъ слуховому центру мозга и вызываетъ въ немъ процессъ, сопровождающійся ощущеніемъ глухого удара. Если другіе толчки будутъ медленно слѣдовать за этимъ, то послѣ каждого отдѣльнаго толчка въ мозговомъ центрѣ будетъ возстановляться первоначальное равновѣсіе, которое будетъ снова нарушаться слѣдующимъ толчкомъ, и въ результатѣ отъ каждого воздушнаго толчка будетъ получаться отдѣльное ощущеніе глухого удара. Но если толчки будутъ слѣдовать одинъ за другимъ слишкомъ быстро, то послѣдніе успѣютъ проникнуть въ мозгъ раньше, чѣмъ дѣйствіе, произведенное первыми, успѣетъ изгладиться. Такимъ образомъ, получается накопленіе физиологическихъ процессовъ въ слуховомъ центрѣ, — аналогичное съ мускульнымъ *tetanus* — явленіе, которому прямо соотвѣтствуетъ новое качество въ звуковомъ ощущеніи — высота. Это чувство высоты представляетъ совершенно новый видъ ощущенія, а не «кажущееся» смѣшеніе многихъ глухихъ ударовъ въ нѣчто сложное. При этихъ условіяхъ не можетъ существовать никакихъ ощущеній глухого удара, потому что вызывавшіе ихъ физиологическіе процессы замѣнились новыми. Сложеніе въ этомъ явленіи уже имѣло мѣсто въ мозговыхъ клеткахъ, прежде чѣмъ ощущеніе достигло своего порога. Мы видѣли, что точно также красный и зеленый свѣтъ, быстро дѣйствуя попеременно на ретину, вызываютъ центральные мозговые процессы, которымъ прямо соотвѣтствуетъ ощущеніе желтаго цвѣта. При такихъ условіяхъ ощущенія краснаго и зеленаго цвѣтовъ не имѣютъ причинъ возникнуть. Такимъ-же образомъ, если-бы мускулъ могъ чувствовать, то при отдѣльномъ сокращеніи онъ испытывалъ бы одно, а при *tetanus*, безъ сомнѣнія, совершенно другое, — ощущеніе совершенно особаго порядка, которое качественно отличалось бы отъ ряда ощущеній при сокращеніи.

Гармонія и диссонансъ. При одновременномъ совуціи нѣсколькихъ тоновъ мы получаемъ своеобразныя ощущенія удовольствія или неудовольствія, которыя называются: первое—гармоніей, второе—диссонансомъ. Наиболѣе гармоническимъ сочетаніемъ является октава. Когда вмѣстѣ съ октавой звучать «терція» и «винта» ноты, то получается максимальный консонансъ—«полный аккордъ», напримѣръ: С—Е—G—С'. Отношенія колебаній здѣсь 4: 5: 6: 8, такъ что можно было бы думать, что въ основаніи гармоническихъ сочетаній лежатъ простыя отношенія чиселъ колебаній. Но диссоцирующій интервалъ С—D имѣетъ сравнительно простое отношеніе колебаній 8 : 9. Гельмгольцъ, объясняетъ диссонансъ тѣмъ, что обертоны «перебиваютъ» другъ друга. Это вызываетъ нѣкоторое ощущеніе рѣзкости, которое неприятно. Консонансъ получается, согласно Гельмгольцу, въ тѣхъ случаяхъ, когда обертоны или вовсе не перебиваютъ другъ друга, или перебиваютъ такъ быстро, что это совершенно не воспринимается ухомъ; такимъ образомъ, консонансъ скорѣе есть нѣчто отрицательное, чѣмъ положительное. Вундтъ объясняетъ консонансъ присутствіемъ сильныхъ звучащихъ въ униссонъ обертоновъ въ нотахъ, которыя звучатъ гармонично. Ни одно изъ этихъ объясненій музыкальной гармоніи не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ; вдаваться же въ запутанныя подробности этого вопроса мы не можемъ за недостаткомъ мѣста.

Чувствительность уха къ различію. Законъ Вебера совершенно вѣренъ въ примѣненіи къ интенсивности звуковъ. Если бросать металлическіе или слоновой кости шары на тарелку изъ желѣза или изъ черного дерева, то звукъ, производимый ими, возрастаетъ въ прямой зависимости отъ высоты паденія. Производя (послѣ другихъ) подобные эксперименты, Меркель нашелъ, что для минимальнаго прироста силы звука нуженъ приростъ въ 0,3 первоначальнаго раздраженія на всемъ протяженіи произвольно устроенной имъ скалы между интенсивностями 20 и 6,000. Ниже—дробный приростъ раздраженія долженъ быть больше, выше—опыты не были произведены.

Способность различенія высоты въ различныхъ частяхъ скалы различна. При 1,000 (приблизительно) колебаній въ секунду $\frac{1}{8}$ вибрація болѣе или менѣе достаточно для хорошаго уха, чтобы вызвать звукъ дѣва или бѣмоля. Чтобы вызвать дѣвъ или бѣмоль въ любой части скалы, нужно гораздо большее *относительное* измѣненіе въ колебаніяхъ. Хроматическую гамму приводили, какъ иллюстрацію веберовскаго закона. Въ этой гаммѣ ноты, повидимому, отстоятъ, на равныхъ промежуткахъ другъ отъ друга, между тѣмъ числа ихъ колебаній образуютъ рядъ, въ которомъ каждое число представляетъ произведеніе предшествующаго на новое. Но этотъ законъ не имѣетъ ничего общаго съ закономъ возрастанія интен-

сивностей путем — едва замѣтныхъ приращеній. Своеобразный параллелизмъ между серіей ощущеній и внѣшнихъ раздраженій представляетъ здѣсь скорѣе явленіе, независимое отъ вебероваго закона, чѣмъ частный случай его.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Осязаніе, термическое чувство, мускульное чувство и боль.

Окончанія нервовъ въ кожѣ. «Многіе центростремительные нервы заканчиваясь соединяются съ волосными луковицами; тонкіе волосы, покрывающіе большую часть кожной поверхности, выступая изъ кожи, сообщаютъ съ большей интенсивностью всякое воспринятое явленіе движеніе нервнымъ волокнамъ, оканчивающимся у ихъ основаній; тонкія вѣтви осевыхъ цилиндровъ также проникаютъ между эпидермическими вѣтвями, не имѣя особаго конечного органа. Въ кожѣ или непосредственно подъ нею находятся специфическія формы нервныхъ окончаній, каковы суть: 1) *Осязательныя клетки*. 2) *Пачинтёвы тѣльца*. 3) *Осязательныя тѣльца*. 4) *Концевыя колбочки*»¹⁾.

Всѣ эти тѣльца состоятъ главнымъ образомъ изъ зернышекъ, образованныхъ соединительной тканью, въ которой или около которой заканчиваются чувствительныя нервныя волокна. Они, быть можетъ, усиливаютъ впечатлѣніе совершенно такъ же, какъ песчинка въ башмакѣ или крошка въ пальцѣ перчатки.

Осязаніе или чувство давленія. «Мы получаемъ черезъ кожу различнаго рода ощущенія: собственно осязаніе, чувство холода и тепла, чувство боли; эти ощущенія мы можемъ съ большею или меньшею степенью точности локализовать на поверхности тѣла. Они также испытываются нами во внутренности рта. Съ помощью чувства осязанія мы распознаемъ производимое на кожу давленіе, треніе по ней, силу давленія, наконецъ, твердость или мягкость, шероховатость или гладкость тѣла, вызывающаго ощущеніе, а также форму его, если оно не настолько велико, что прикасается въ кожѣ лишь частью своей поверхности. Если мы хотимъ опредѣлить форму предмета, то двигаемъ по нему рукою, при этомъ мускульныя ощущенія сочетаются съ осязательными въ собственномъ смыслѣ слова, такое сочетаніе тѣхъ и другихъ происходитъ постоянно; сверхъ того, мы рѣдко осязаемъ что-нибудь, не получая въ то же время отъ осязаемаго предмета тепловыхъ ощущеній, поэтому чисто осязательныя ощущенія рѣдки. Съ эволюціонной точки зрѣнія осязаніе, быть можетъ, является первымъ отчетливо дифферен-

¹⁾ Martin op. cit.

цировавшимся ощущением, и оно до сих пор еще в значительной степени сохранило в нашей душевной жизни первоначальное значение¹⁾.

Предметы, находящиеся в непосредственном соприкосновении с нашим телом, имеют для нас наибольшее значение. Главное назначение наших глаз и ушей заключается в том, чтобы подготовить нас к прикосновению приближающихся тел, или чтобы предотвратить такое прикосновение. Поэтому их можно назвать органами предварительного осязания.

Тонкость осязания различна в различных участках кожи; всего значительнее она на лбу, на висках, где на пространстве девяти кв. миллим. можно ощущать тяжесть в два миллигр.

Для возбуждения чувства осязания необходимо, чтобы соседние участки кожи испытывали неравномерное давление. Если мы погрузим руку в жидкость (например, в ртуть), которая проникает во все неровные углубления руки и оказывает почти одинаковое (на практике совершенно одинаковое) давление на все соседние участки кожи, то чувство давления будет ощущаться только на линии поверхности, где приходится рядом погруженные и непогруженные в жидкость участки кожи.

Способность кожи к локализации ощущений. Мы можем с закрытыми глазами определять довольно точно тот участок нашей кожи, до которого кто-нибудь прикоснулся. В осязательных ощущениях, несмотря на их сходство в общих свойствах, есть некоторый элемент различия, независимо от интенсивности, по которой мы также можем различать их; элемент этот заключается в своеобразном не вполне ясно доходящем до сознания свойстве (аналогичном с обертонами, определяющими тембр звука), которое должно быть налицо для локализации осязательных ощущений. Точность локализационной способности варьирует в значительной степени для различных участков кожи; она определяется наблюдением минимальных расстояний, на которых прикосновения двух отдельных предметов (например, притупленных концов циркуля) ощущаются, как таковые, не сливаясь в одно общее ощущение. Следующая таблица показывает, насколько различна локализационная способность для различных участков кожи:

	мм.	дюймы.
Кончик языка	1,1	0,04
Внутренняя сторона последней фаланги пальцев.	2,2	0,08
Красная часть губ	4,4	0,16
Кончик носа	6,6	0,24
Внешняя сторона второй фаланги пальцев . . .	11,0	0,44

¹⁾ Martin op. cit.

Пятка	22,0	0,88
Внѣшняя сторона кисти	30,8	1,23
Предплечіе	39,6	1,58
Грудина	44,0	1,76
Задняя часть шеи	52,8	2,11
Середина спины	66,0	2,64

Локалізаціонная способность сильнѣе сказывается поперекъ длинной оси членовъ, чѣмъ вдоль ея, и различіе совершается съ большею легкостью, когда давленіе какъ разъ лишь настолько сильно, чтобы вызвать отчетливое осязательное ощущеніе; при болѣе сильномъ давленіи, локалізація становится менѣе ясной. При упражненіи она тотчасъ же быстро развивается. Повидимому, локалізаціонная способность извѣстнаго участка кожи находится въ прямой зависимости отъ степени подвижности той части тѣла, которую онъ покрываетъ.

«Можно было бы думать, что локалізаціонная способность находится въ прямой зависимости отъ распредѣленія нервовъ; что каждый осязательный нервъ находится съ одного конца въ связи со спеціальнымъ мозговымъ центромъ (возбужденіе котораго вызываетъ ощущеніе, связанное съ характеристическимъ *мѣстнымъ знакомъ*), а на другомъ концѣ распредѣленъ по нѣкоторому кожному участку; и что чѣмъ обширнѣе этотъ участокъ, тѣмъ болѣе должно быть минимальное разстояніе для различія двухъ прикосновеній. Но, еслибы такъ было на самомъ дѣлѣ, то периферическіе осязательные участки (изъ которыхъ каждый представлялъ бы извѣстное анатомическое распредѣленіе нервныхъ волоконъ) должны были бы имѣть опредѣленныя неизмѣняющіяся границы, которыхъ мы въ опытѣ не встрѣчаемъ. Предположимъ, что маленькіе участки на рис. 25-мъ представляютъ сферы распредѣленія периферическихъ частей осязательныхъ нервовъ. Если въ *c* были прикосновенія въ двухъ точкахъ, то, согласно приведенной теоріи, мы получили бы только одно ощущеніе; но, если-бы мы, сохранивъ тоже разстояніе между ножками циркуля или даже уменьшивъ его, помѣстили бы одну его ножку на *c*, а другую на сосѣдній участокъ, то раздражались бы два самостоятельныхъ нервныхъ волокна, и мы должны были бы получить два отдѣльныхъ ощущенія; на самомъ же дѣлѣ этого нѣтъ: на томъ же участкѣ кожи, куда бы мы ни помѣщали ножки циркуля, онѣ должны сохранять между собою тоже минимальное разстояніе для того, чтобы получились два раздѣльныхъ ощущенія.

«Не лишено вѣроятія, что нервные участки гораздо менѣе поверхности прикосновенія, и что для полученія одного опредѣленнаго осязательнаго ощущенія нужно, чтобы въ промежуткѣ между получившимися раздраженіе нервными волокнами были многія, не воспринявшія никакого раздраженія. Если мы предположимъ, что двѣнадцать воло-

конъ въ промежуткѣ не раздражены, тогда на рис. 25-омъ *a* и *b* будутъ какъ разъ на границахъ одной осязаемой поверхности, и, независимо отъ того, куда попадутъ ножки циркуля, какъ скоро въ промежуткѣ между ними окажется одиннадцать и менѣе невозбужденныхъ волоконъ, мы получимъ одно осязательное ощущеніе. Этимъ путемъ мы можемъ объяснить тотъ фактъ, что осязательные участки не имѣютъ опредѣленныхъ границъ на кожѣ, хотя распределение нервныхъ волоконъ должно быть въ каждой части постояннымъ. Отсюда мы видимъ также, почему, проводя тугой стороной ножа по кожной поверхности, мы испытываемъ ощущеніе непрерывно-проводимой линіи, хотя ножъ касается множества отдѣльных нервныхъ участковъ. Еслибы мы могли различать раздраженіе каждаго участка отъ раздраженія сосѣднаго участка, то мы получили бы ощущеніе прикосновенія пунктиромъ: раздраженію каждаго нервного участка соотвѣтствовало бы отдѣльное ощущеніе точки; но на самомъ дѣлѣ вслѣдствіе отсутствія промежуточныхъ невозбужденныхъ участковъ отдѣльныя ощущенія сливаются вмѣстѣ.

Термическое чувство. Его концевые органы. «Подъ термическимъ чувствомъ мы разумѣемъ способность ощущать тепло и холодъ и съ помощью этихъ ощущеній опредѣлять температуру различныхъ вѣщныхъ предметовъ. Его органомъ служить вся кожа, слизистая оболочка рта, горла и переднія части ноздрей. Непосредственное охлажденіе или нагрѣваніе чувствительнаго нерва можетъ вызвать въ немъ вмѣстѣ съ возбужденіемъ боль, но не термическое чувство; въ виду этого мы предполагаемъ существованіе специально-термическихъ концевыхъ органовъ. [Они еще не опредѣлены анатомически; фізіологическія же указанія на существованіе специальныхъ участковъ кожи для воспріятія ощущеній холода и тепла представляютъ одно изъ любопытнѣйшихъ открытій послѣднихъ лѣтъ. Проводя заостреннымъ концемъ карандаша по рукѣ или по щекѣ, можно замѣтить существованіе полосъ внезапнаго холода. Это участки холода: участки тепла отрываются съ большимъ трудомъ. Гольдшейдеръ, Бликсъ и Дональдсонъ произвели рядъ самыхъ точныхъ опытовъ для опредѣленія термическихъ участковъ кожи и нашли ихъ сплошными, вполне опредѣленными и отличными другъ отъ друга. Въ промежуткахъ между ними прикосновеніе холоднаго или горячаго острія не вызываетъ никакого термическаго ощущенія. Механическое и гальваническое раздраженія производятъ специфическія, свойственныя имъ ощущенія въ тѣхъ же пунктахъ].

Термическое чувство зависитъ отъ состоянія кожи. Въ комнатной температурѣ мы не чувствуемъ ни въ какой части тѣла ни холода, ни тепла, хотя различныя части нашей кожной поверхности испытываютъ различную температуру. Пальцы и носъ бываютъ холоднѣе туловища, открытаго платьемъ, а туловище, въ

свою очередь холоднѣе внутренней поверхности рта. Температура данного участка термического органа (опредѣленная съ помощью градусника), соответствующая отсутствію ощущенія тепла или холода въ данной части кожи, есть ее *нуль термического ощущенія* и стоитъ внѣ какой-либо постоянной связи съ объективною температурой; ибо она, какъ мы видѣли, не только измѣняется въ отдѣльныхъ органахъ, но по временамъ и въ той же самой части. Если участокъ кожи имѣетъ температуру выше нуля термического ощущенія, то мы ощущаемъ тепло и наоборотъ; чѣмъ болѣе разница въ двухъ термическихъ ощущеніяхъ, и чѣмъ неожиданнѣе она получается, тѣмъ замѣтнѣе сама ощущенія; быстрыя прерывистыя прикосновенія къ кожѣ металлическимъ тѣломъ—проводникомъ тепла—вызываютъ болѣе замѣтные ощущенія тепла и холода, чѣмъ такія же прикосновенія кускомъ дерева (худымъ проводникомъ) той же температуры.

«Перемена температуры въ органѣ можетъ быть вызвана измѣненіями въ кровообращеніи (приливъ крови въ кожѣ нагрѣваетъ ее и наоборотъ) или переменною температурой въ окружающихъ газахъ, жидкостяхъ и твердыхъ тѣлахъ, находящихся съ нимъ въ соприкосновеніи. Иногда мы не можемъ опредѣлить, какая причина, внѣшняя или внутренняя, вызываетъ эту перемену; иногда, придя домой съ прогулки на сильномъ вѣтру, чувствуешь, что въ комнатѣ необыкновенно жарко, чего на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Дѣло въ томъ, что движеніе во время прогулки ускорило кровообращеніе, которое нагрѣвало кожу, но вѣтеръ быстрымъ движеніемъ охладилъ ее; въ комнатѣ же неподвижный воздухъ производитъ это охлажденіе медленнѣе, вслѣдствіе чего кожа нагрѣвается, а мы приписываемъ причину этого нагрѣванія невыносимо-жаркой температурѣ комнаты. Это побуждаетъ насъ нерѣдко въ такихъ случаяхъ отворять окна и садиться на сквозномъ вѣтру, рискуя поплатиться здоровьемъ; а между тѣмъ, чтобы достигнуть безопаснымъ путемъ той же цѣли, достаточно было бы посидѣть спокойно 5—10 минутъ, пока скорость кровообращенія не станетъ нормальной.

«Острота термического чувства достигаетъ максимума при 30 слишкомъ градусахъ С. (86° F.); въ предѣлахъ этихъ градусовъ можно опредѣлять разницу въ 0,1° С. Но вообще кожа весьма ненадежный измѣритель абсолютной температуры, вслѣдствіе измѣчивости нуля термическихъ ощущеній. Мы можемъ локализовать термическія ощущенія, но не такъ точно, какъ осязательныя»¹⁾).

Мышечное чувство. Ощущеніе въ мускулѣ не можетъ быть отличено отъ ощущенія въ его сухожиліи или въ мѣстѣ его прикрѣпленія. При утомленіи мускула ломота въ мѣстахъ прикрѣпленій особенно сильно даетъ себя чувствовать. Но при мускуль-

¹⁾ Martin op. cit. съ пропусками.

номъ ревматизмѣ весь мускулъ начинаетъ болѣть; сильное сокращеніе его, подобное сокращеніямъ отъ гальваническаго тока, такъ называемая судорога, вызываетъ во всемъ больномъ мускулѣ своеобразное сильное ощущеніе боли. Засхъ (Sachs) полагалъ, что онъ доказалъ экспериментальнымъ и анатомическимъ путемъ существованіе въ мускулѣ лягушки особыхъ чувствительныхъ нервныхъ волоконцевъ, отличающихся отъ двигательныхъ нервовъ. Послѣдніе заканчиваются въ концевыхъ пластинкахъ, первыя въ сплетеніяхъ. Мускульному чувству многіе психологи придавали большое значеніе въ качествѣ фактора, обуславливающаго не только воспріятія тяжести и давленія, но также и воспріятія вообще пространственныхъ отношеній между предметами. Наши глаза и руки при распознаваніи отношеній пространства свободно двигаются въ немъ. Обыкновенно полагаютъ, что безъ сознанія этого посредствующаго движенія мы при взглядѣ на двѣ точки или при осязаніи двухъ точекъ не сознавали бы, что онѣ отдѣлены другъ отъ друга пространственнымъ промежуткомъ. Я вовсе не склоненъ отрицать огромную роль двигательныхъ опытовъ при построеніи пространственныхъ воспріятій, но все-таки для насъ остается открытымъ вопросомъ, какое участіе въ этихъ опытахъ принимаютъ наши мускулы, выражается ли ихъ дѣятельность въ самостоятельныхъ, присущихъ только имъ ощущеніяхъ, или они вызываютъ двигательныя ощущенія въ нашей кожѣ, въ ретинѣ и въ суставныхъ поверхностяхъ. Послѣднее кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ; вѣроятно, и читатель будетъ того же убѣжденія, прочитавъ шестую главу.

Ощущеніе тяжести. Когда мы хотимъ точно опредѣлить тяжесть предмета, мы всегда, по возможности, стараемся приподнять его съ земли и такимъ образомъ скомбинировать осязательное ощущеніе съ мускульнымъ и суставнымъ. Это даетъ намъ возможность точнѣе опредѣлить вѣсъ предмета.

Веберъ нашель, что, въ то время какъ къ тяжести, лежащей на рукѣ, нужно прибавить $\frac{1}{3}$ вѣса, чтобы приростъ сталъ замѣтенъ, таже рука, активно «взвѣшивая» тяжесть, можетъ ощутить разницу въ $\frac{1}{17}$ вѣса. Согласно недавнимъ очень тщательнымъ опытамъ Меркеля, въ которыхъ палецъ, давя на одно изъ плечъ коромысла вѣсовъ, перевѣшивалъ тяжесть, повѣшенную на концѣ другого плеча вѣсомъ отъ 25 до 80 граммъ, оказалось, что минимально-ощутимый приростъ равнялся $\frac{1}{13}$, когда палецъ былъ неподвиженъ, и около $\frac{1}{10}$, когда онъ двигался. Ниже и выше этихъ предѣловъ способность различенія была слабѣе.

Боль. Физиологія боли—до сихъ поръ еще загадка. Можно предположить, что особыя центростремительные нервы съ самостоятельными концевыми органами являются носителями болевыхъ впечатлѣній въ специфической болевой центръ мозга. Или можно предположить, что въ этотъ центръ приходятъ излишки токовъ отъ

другихъ чувствительныхъ центровъ, когда сила ихъ внутренняго возбужденія въ нервныхъ волокнахъ перешла извѣстную границу. Или, наконецъ, можно предположить, что извѣстная крайняя степень нервнаго возбужденія вызываетъ болевое ощущеніе во всѣхъ центрахъ. Достоверно извѣстно, что всякое ощущеніе, будучи скорѣе пріятнымъ, чѣмъ непріятнымъ въ умѣренной степени, при значительномъ возрастаніи интенсивности становится болевымъ. Степень пріятности и непріятности, измѣняющаяся въ зависимости отъ интенсивности ощущенія, можетъ быть грубо представлена пунктирною кривою (см. рис. 27-й). Горизонтальная линія изображаетъ порогъ ощущенія и пріятнаго чувственаго тона. Ниже горизонтальной линіи изображено возрастаніе непріятнаго чувственаго тона. Непрерывная кривая выражаетъ законъ Вебера, о которомъ мы говорили на стр. 14-й (рис. 2-й). При мимимальномъ ощущеніи чувственный тонъ = 0, какъ показываетъ пунктирная кривая. Далѣе она сначала возрастаетъ медленно, чѣмъ интенсивность ощущенія, и достигаетъ максимума, прежде чѣмъ интенсивность ощущенія достигла своего высшаго пункта. Послѣ максимума пріятности линія чувственаго тона быстро падаетъ и скоро опускается ниже горизонтальной линіи въ сферу непріятнаго чувственаго тона, падая все ниже и ниже. Всѣмъ извѣстно, что любое ощущеніе при нѣкоторой интенсивности становится болевымъ. Свѣтъ, звукъ, запахи, вкусъ (даже сладкаго), холодъ, жаръ и всѣвозможныя ощущенія, чтобы доставлять удовольствіе, должны быть умѣренны.

Этотъ вопросъ еще осложняется качествомъ ощущенія, ибо въ нѣкоторыхъ ощущеніяхъ, каковы: горькій, кислый и соленый вкусы и нѣкоторые запахи, высшая точка пунктирной кривой должна быть весьма близка къ началу послѣдней. Въ кожѣ болевой элементъ ощущенія возрастаетъ такъ быстро, что скоро вытѣсняетъ изъ сознанія специфическое осязательное ощущеніе, связанное съ извѣстнымъ видомъ раздраженія. Тепло, холодъ и давленіе при значительной интенсивности неразличимы: они сливаются въ общее чувство боли. Гипотеза самостоятельныхъ концевыхъ органовъ боли въ кожѣ нашла себѣ поддержку въ недавнихъ экспериментахъ Бликса и Гольдшейдера, ибо они нашли на ряду со спеціальными термическими участками также и «болевыя участки». Въ промежуткѣ между ними находятся участки, лишенные всякой чувствительности. Независимо отъ вопроса о существованіи концевыхъ болевыхъ участковъ, на основаніи многихъ фактовъ не лишено вѣроятія, что для болевыхъ и для просто осязательныхъ ощущеній имѣются особые *проводящіе* пути въ мозгъ. При болѣзняхъ, называемой *аналгезія*, осязаніе сохраняется, но жженіе, электрическое раздраженіе и уколы, разрушающіе ткани, не вызываютъ никакого ощущенія. Тоже случается при болѣзняхъ спиннаго мозга, при гипнотическомъ внушеніи и въ нѣкоторыхъ стадіяхъ опья-

непѣя ээпромъ или хлороформомъ. «Нѣчто аналогичное было вызвано Шиффомъ у кроликовъ отдѣленіемъ сѣрой массы спинного мозга и оставленіемъ однихъ заднихъ столбовъ бѣлаго вещества. При отдѣленіи бѣлаго вещества и оставленія сѣраго болевая чувствительность была повышена и, повидному, собственно осязаніе было утрачено. Изъ этихъ опытовъ можно съ достаточной вѣроятностью предполагать слѣдующее: когда центростремительные токи, достигая спинного мозга на какой-нибудь высотѣ и войдя тамъ въ сѣрое вещество черезъ задніе корешки нервовъ, проникаютъ различными путями до сознательныхъ центровъ, осязательные токи, выйдя вскорѣ изъ сѣрой ткани, переходятъ въ бѣлыя нервныя волокна, ведущія прямо въ мозговому центру, между тѣмъ какъ болевые продолжаютъ двигаться по сѣрому веществу мозга. До сихъ поръ еще неизвѣстно, не проникаютъ ли оба тока въ спинной мозгъ, по тѣмъ же самымъ нервамъ. Сѣрая ткань проводитъ нервныя токи, но съ трудомъ: токи въ ней быстро гложутъ. Слабый (осязательный) токъ, проникая въ нее по центростремительному нерву, можетъ проходить ее только на незначительномъ протяженіи, а затѣмъ переходитъ въ опредѣленное хорошо-проводящее бѣлое волокно и такимъ путемъ достигаетъ до мозга; между тѣмъ какъ болѣе сильный (болевой) токъ продолжаетъ распространяться по сѣрому веществу, быть можетъ, выходитъ изъ него по нѣсколькимъ волокнамъ, ведущимъ въ мозгъ по бѣлому веществу, и, такимъ образомъ, вызываетъ невоординированное и дурно локализованное ощущеніе. Что боли, въ особенности очень интенсивныя, дурно локализируются—это составляетъ хорошо извѣстный фактъ, которому предлагаемая гипотеза даетъ объясненіе»¹⁾.

Боль вызываетъ дурно-воординированныя движенія, влѣзающія въ устраненію страданія; чѣмъ сильнѣе боль, тѣмъ рѣзче эти движенія. Безъ сомнѣнія, въ низшихъ животныхъ боль является непосредственнымъ стимуломъ къ движенію. Люди же обладаютъ тою особенностью, что у нихъ боль, хотя и вызываетъ самыя энергичныя двигательныя реакціи, но не въ тѣхъ случаяхъ, когда реакціи предшествуютъ сознательныя процессы рефлексіи.

Вкуса, запаха, ощущеній голода, жажды, тошноты и другихъ, такъ называемыхъ органическихъ ощущеній, мы не будемъ разбирать въ настоящемъ сочиненіи, такъ какъ относительно нихъ неизвѣстно пока ничего такого, что могло-бы представлять психологическій интересъ.

---

¹⁾ Martin.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Ощущенія движенія.

Въ виду важнаго психологическаго значенія ощущеній движенія я посвящаю имъ особую главу. Ощущенія движенія бываютъ двухъ родовъ:

1) Ощущенія движенія предметовъ, перемѣщающихся по чувствительной поверхности нашего тѣла.

2) Ощущенія перемѣщенія нашего собственнаго тѣла въ пространствѣ.

1) Ощущенія двигающихся по поверхности тѣла предметовъ. Физиологи считаютъ невозможнымъ возникновеніе моторнаго ощущенія безъ соблюденія слѣдующаго условія: должны быть послѣдовательно восприняты нами различныя положенія двигающагося предмета — его исходный и конечный пункты (*terminus a quo* и *terminus ad quem*); кромѣ того, постепенныя непрерывныя перемѣны положенія двигающагося предмета должны совершаться въ различимый сознаниемъ промежутокъ времени. Въ сущности мы познаемъ только самыя медленныя движенія такимъ путемъ. Видя часовую стрѣлку на XII, а потомъ на VI, мы заключаемъ, что въ этотъ промежутокъ времени она двигалась. Видя солнце въ данную минуту на востокѣ, а потомъ на западѣ, я заключаю, что оно прошло надъ моею головою. Но мы можемъ только заключать объ этомъ на основаніи ранѣе извѣстныхъ и полученныхъ болѣе прямымъ путемъ фактовъ; между тѣмъ экспериментальнымъ путемъ выяснено, что мы обладаемъ непосредственно даннымъ простымъ ощущеніемъ движенія. Чермакъ уже давно указывалъ на различіе между слѣдующими двумя фактами: *видѣть движеніе часовой стрѣлки*, прямо глядя на нее, или *замѣтить, что она перемѣнила положеніе*, смотря въ промежутокъ на какую-нибудь другую точку циферблата. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ специфическое ощущеніе, котораго нѣтъ во второмъ. Если мы найдемъ на кожѣ (напримѣръ, на рукѣ) участокъ, на которомъ двѣ ножки циркуля на разстояніи дюйма даютъ одно ощущеніе, и будемъ проводить на этомъ участкѣ заостреннымъ концемъ карандаша линію длиною въ 0,1 часть дюйма, то мы будемъ ясно сознавать движеніе точки и будемъ даже въ состояніи смутно опредѣлить его направленіе. Здѣсь, конечно, ощущенія движенія не пристраиваетъ отъ существующаго заранѣе сознанія его конечныхъ пунктовъ, ибо даже въ десять разъ большій промежутокъ не различается сознаниемъ при прикосновеніи ножками циркуля.

Тоже самое можно наблюдать и на глазѣ. Если положить пальцы на закрытый глазъ, то ихъ нельзя будетъ сосчитать при помощи чувства осязанія — иначе говоря, пять участковъ на глазѣ, которые они раздражаютъ, не различаются нашимъ сознаниемъ, какъ пять отдѣльныхъ положеній въ пространствѣ, и тѣмъ не менѣе малѣйшее движеніе этихъ пальцевъ крайне живо сознается, какъ движеніе, а не что другое. Отсюда ясно, что наше ощущеніе движенія, будучи гораздо болѣе утонченнымъ, сравнительно съ ощущеніемъ положенія, никоимъ образомъ не можетъ быть выводимо изъ послѣдняго.

Почти одновременно съ Чермакомъ Фирордтъ (Vierordt) обратилъ вниманіе на существованіе нѣкоторыхъ постоянныхъ иллюзій, между прочимъ слѣдующихъ: если кто-нибудь будетъ тихо проводить линію по запястью нашей неподвижно лежащей руки или по неподвижному пальцу, то намъ будетъ казаться, будто рука наша двигается въ противоположномъ направленіи. Если, наоборотъ, мы двигаемъ конечностью по неподвижной точкѣ, то будетъ казаться, будто и точка также движется. Если вы приставите ко лбу большой палецъ, держа послѣдній при этомъ неподвижно, и начнете вращать голову, такъ что кожа лба будетъ скользить подъ кончикомъ пальца, то вы неизбежно будете ощущать движеніе послѣдняго въ направленіи, противоположномъ движенію головы. Также наблюдается при движеніи пальцевъ другъ около друга: одни могутъ двигаться, другіе быть въ покоѣ, но послѣдніе всегда будутъ ощущать какъ бы реальное движеніе. Согласно Фирордту, эти иллюзіи представляютъ рудименты примитивной формы воспріятія, когда движеніе, хотя и сознавалось, какъ таковое, но относилось на счетъ всего «содержанія сознанія», а не приурочивалось къ какой-нибудь одной сторонѣ его. При болѣе развитой способности воспріятія мы, при движеніи предмета по поверхности тѣла, перестали принимать это явленіе за два движенія въ противоположныхъ направленіяхъ, приписывая одному изъ элементовъ воспріятія абсолютный покой. Въ зрительныхъ процессахъ, напримѣръ, когда мы видимъ, что все поле зрѣнія цѣликомъ перемѣщается, мы думаемъ, что это мы сами перемѣщаемся, или что перемѣщаются наши глаза; если на первомъ планѣ поля зрѣнія, повидимому, перемѣщается какой-нибудь предметъ въ то время, какъ задній планъ остается неподвижнымъ, то мы также заключаемъ, что онъ неподвиженъ. Но первоначально это различеніе производилось смутно: первоначально всѣ объекты зрѣнія казались движущимися и сообщающими другъ другу движеніе; при всякомъ относительномъ движеніи предмета и ретины намъ казалось, что и предметъ движется, и сами мы чувствуемъ собственное движеніе. Даже теперь, при перемѣщеніи цѣлаго поля зрѣнія, намъ кажется, что мы сами также двигаемся, и при этомъ чувствуется легкое головокруженіе; и наоборотъ, мы

и теперь еще приписываемъ движеніе всему полю зрѣнія, когда внезапно дергаемъ головой или быстро поворачиваемъ въ разные стороны глаза. Также иллюзія получается, когда мы таращимъ глаза. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы *знаемъ*, что происходитъ на самомъ дѣлѣ, но вслѣдствіе непривычности условій, примитивное ощущеніе неустранимо возникаетъ вновь. Тоже наблюдается при движеніи облаковъ мимо луны. Мы *знаемъ*, что луна неподвижна, но мы *оценимъ*, что она движется скорѣе облаковъ. Даже при медленномъ движеніи глазъ, примитивное ощущеніе сохраняетъ все свое значеніе. При внимательномъ наблюденіи мы и тутъ замѣтимъ, что предметъ, на который направляется нашъ взоръ, какъ-бы движется на встрѣчу глазу. Но самое цѣнное сообщеніе по этому вопросу было сдѣлано Г. Г. Шнейдеромъ въ его статьѣ въ « *Vierteljahrsschr. für wiss. Philos.*» (II, 377). Онъ разсматриваетъ вопросъ съ зоопсихологической точки зрѣнія и показываетъ на рядѣ примѣровъ изъ всѣхъ отрядовъ животнаго царства, что съ помощью движенія животныя всего легче привлекаютъ вниманіе другъ друга. Инстинктъ «притворной смерти» вовсе не есть симуляція, скорѣе это просто параличъ членовъ, вызванный страхомъ, благодаря которому насѣкомое, ракообразное или какое-нибудь другое животное избѣгаетъ врага, послѣдній же, благодаря полной неподвижности животнаго, не замѣчаетъ его. Этотъ фактъ можно поставить въ параллель съ полною неподвижностью, сопровождающейся задержкою дыханія, у дѣтей въ игрѣ въ прятки, когда къ спрятавшемуся подходитъ «разбойникъ». Обратное явленіе можно наблюдать, когда, желая обратить на себя вниманіе кого-нибудь издали, мы начинаемъ непронизвольно махать руками, подпрыгивать и т. п. До какой степени неподвижность дѣлаетъ предметъ незамѣтнымъ можно видѣть изъ того неподвижнаго положенія, которое принимаютъ звѣри, подстерегая добычу и скрываясь отъ преслѣдователей. Въ лѣсу, если мы будемъ совершенно неподвижны, птицы и бѣлки будутъ буквально задѣвать насъ. Мухи садятся на мертвыхъ птицъ и на неподвижно лежащихъ лягушекъ. Съ другой стороны, потрясающее впечатлѣніе при видѣ того, какъ предметъ, на которомъ вы сидите, начинаетъ двигаться, чрезмѣрное содроганіе, испытываемое нами, когда какое-нибудь насѣкомое ползетъ у насъ по кожѣ, или когда кошка, незамѣтно подкравшись къ намъ, начинаетъ мурлыкать около нашей руки, наконецъ, крайне сильный эффектъ щекотанія—всѣ эти факты показываютъ, до какой степени способно возбуждать насъ ощущеніе движенія само по себѣ. Котенокъ неудержимо гонится за двигающимся мячикомъ. Впечатлѣнія сами по себѣ слишкомъ слабы, чтобы быть замѣтными, ейчасъ же обращаютъ на себя вниманіе, какъ только начинаютъ двигаться предметы, ихъ вызывающіе. Муха, сидящая неподвижно на нашей кожѣ, не замѣчается нами, но, какъ только она начи-

наеть ползать, мы тотчас же начинаемъ ощущать ея присутствіе. Тѣнь, незамѣтная по своей блѣдности, бросается въ глаза при движеніи. Если мы поставимъ палецъ передъ закрытымиъ зрачкомъ противъ солнца, то присутствіе его будетъ незамѣтно; при движеніи онъ становится замѣтенъ. У лучистыхъ зрительныхъ воспріятій совершаются именно при такихъ условіяхъ. У насъ главная роль периферическихъ частей ретины—это роль часовыхъ, которые какъ бы опрашиваютъ свѣтовые лучи, падающіе на нихъ: «Кто идетъ?» и какъ бы принимаютъ желтое пятно зачатъ освѣщенный пунктъ. Большая часть кожи играетъ такую же роль по отношенію въ кончикамъ пальцевъ. Разумѣется, движеніе кожи подъ предметомъ равносильно (въ качествѣ раздраженія) движенію предмета по кожѣ. При изслѣдованіи формы и размѣровъ предметовъ съ помощью зрѣнія или осязанія, движенія глаза или кожной поверхности постоянны и неуправляемы. При каждомъ такомъ движеніи поверхность предмета какъ бы исчерчивается множествомъ точекъ и линий и, такимъ образомъ, съ помощью вниманія запечатлѣвается въ сознаніи. Огромная роль движенія въ нашемъ воспріятіи дала поводъ многимъ психологамъ доказывать, что органами для воспріятія пространства служатъ самые мускулы. Съ точки зрѣнія этихъ изслѣдователей не «чувствительная поверхность» тѣла представляетъ источникъ для познаванія объективныхъ свойствъ протяженности, а «мускульное чувство». Но они упустили изъ виду напряженность, съ которою мускульныя движенія призываютъ къ участию въ воспріятіи пространства чувствительныя поверхности тѣла, и огромную зависимость способности различать впечатлѣнія отъ подвижности тѣхъ поверхностей, на которыя они падаютъ.

Наши суставныя поверхности суть органы осязанія, которые при воспаленіи становятся до крайности болѣзненно-чувствительными. Помимо давленія, единственнымъ раздраженіемъ, которое онѣ получаютъ, служитъ ихъ движеніе одной по другой. Опредѣленіе положенія, которое приняли наши члены, повидимому, зависитъ главнымъ образомъ отъ ощущеній этого движенія. Пациенты, страдающіе осязательной и мускульной анестезіей въ ногѣ, часто обнаруживаютъ, что суставная чувствительность больной ноги сохранилась, тѣмъ, что здоровою ногою показываютъ, въ какое положеніе привелъ больную ногу врачъ. Гольдшейдеръ (въ Берлинѣ) заставлялъ пальцы руки и ноги пассивно вращаться въ различныхъ суставахъ съ помощью механическаго аппарата, который опредѣлялъ скорость общеннаго движенія и величину угла вращенія. Минимальныя углы вращенія, какіе ощущались, были гораздо менѣе одного углового градуса во всѣхъ суставахъ, кромѣ пальцевъ. Такія малыя перемѣщенія членовъ, по словамъ Гольдшейдера, едва ли можно обна-

ружить съ помощью вѣбнїя. Въ этихъ случаяхъ анестезїа кожи, искусственно вызванная индукціонными токами, и различной степени давленїя движущей силы на кожу не внесли въ воспрїятїе суставныхъ движенїй никакого измѣненїя. Наоборотъ, это воспрїятїе становилось все болѣе и болѣе яснымъ по мѣрѣ превращенїя путемъ искусственной анестезїи испытываемыхъ при этомъ окружающихъ ощущенїй давленїя. Но, когда самые суставы были искусственно анестезированы, воспрїятїе движенїя стало смутнымъ, а минимально-ощутимые углы вращенїя стали больше. Согласно Гольдшейдеру, все эти факты доказываютъ, что *суставныя поверхности и только онѣ одни суть приемники тѣхъ впечатлѣній, съ помощью которыхъ непосредственно воспринимаются движенїя нашихъ членовъ.*

2) Ощущенїя движенїя въ пространствѣ. Они могутъ быть подраздѣлены на ощущенїя вращенїя и ощущенїя перемѣщенїя. Мы указали въ концѣ главы о слухѣ, что лабиринтъ (полукружные каналы, *utricleus* и *sacculus*), повидимому, не имѣетъ никакого отношенїя къ слуху. Въ настоящее время окончательно выяснено, что полукружные каналы суть органы особаго шестого чувства, такъ называемаго чувства вращенїя. При субъективномъ источникѣ возбужденїя это ощущенїе вызываетъ *головокруженїе* или *vertigo*, быстро сопровождающееся ощущенїемъ тошноты. Раздражающїя лабиринтъ болѣзни внутренняго уха вызываютъ сильнѣйшее головокруженїе. Травматическое пораженїе каналовъ у птицъ и млекопитающихъ (менїерова болѣзнь) заставляетъ этихъ животныхъ падать и бросаться изъ стороны въ сторону; эти движенїя ихъ всего лучше можно объяснить предположенїемъ, что они страдаютъ отъ ложныхъ ощущенїй паденїя, которому они стараются противодѣйствовать рефлекторными движенїями, направленными въ противоположную сторону. Гальваническое раздраженїе перепончатыхъ каналовъ у голубя вызываетъ движенїя головы и глазъ, совершенно аналогичныя съ тѣми, которыя получаютъ при дѣйствительномъ вращенїи этихъ животныхъ. Большой процентъ глухонѣмыхъ (изъ нихъ у многихъ поврежденїе слуховыхъ нервовъ и лабиринта было вызвано тою же болѣзью, которая лишила ихъ слуха) оказались совершенно невоспрїимчивыми въ головокруженїю при вращенїи. Пуркинне и Махъ доказали, что, каковъ-бы ни былъ органъ чувства вращенїя, онъ долженъ быть неизрѣнно въ головѣ. Махъ путемъ тщательныхъ экспериментовъ доказалъ, что въ остальныхъ частяхъ тѣла онъ не можетъ находиться ни въ какомъ случаѣ.

Полукружные каналы, будучи какъ-бы шестью небольшими нивелирами съ воздушнымъ пузырькомъ въ трехъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостяхъ, повидимому, представляютъ органъ, прекрасно приспособленный къ воспрїятїю чувства вращенїя. Достаточно только предположить, что при поворотѣ головы въ одной изъ

этихъ плоскостей, относительная инерція эндолимфы мгновенно увеличиваетъ ея давленіе на концы нервовъ въ примыкающей къ ней ампуллѣ; а это давленіе сообщаетъ въ центральный органъ нервный токъ, вызывающій головокруженіе. Этимъ органомъ, повидимому служить, мозжечекъ. Телеологическое значеніе всего этого процесса заключается въ сохраненіи прямого положенія. Если человѣкъ, стоя съ закрытыми глазами, обратитъ вниманіе на положеніе своего тѣла, то онъ найдетъ, что оно ни на мгновеніе не бываетъ въ равновѣсіи. Начинающіяся паденія то на одну, то на другую сторону постоянно уравниваются мускульными сокращеніями, восстанавливающими равновѣсіе, и, хотя при этомъ безспорно въ числѣ причинъ, вызывающихъ уравнивающее сокращеніе, играютъ роль впечатлѣнія, которыя получаютъ извнѣ сухожиліями, связками, суставами, подошвами, однако самымъ сильнымъ и специфическимъ рефлексомъ при этомъ, кажется, служить тотъ, который непосредственно вызывается начинающимся ощущеніемъ головокруженія.

Экспериментальнымъ путемъ доказано, что это ощущеніе легче всѣхъ другихъ вызывается потерей равновѣсія. При разстройствахъ мозжечка отвѣтный рефлексъ не удается какъ слѣдуетъ, и въ результатъ получается потеря равновѣсія. Раздраженія мозжечка вызываютъ головокруженіе, потерю равновѣсія и тошноту; пропусканіе токовъ черезъ голову вызываетъ различныя формы головокруженія въ зависимости отъ направленія тока. Кажется вѣроятнымъ, что этими ощущеніями завѣдуетъ центръ въ мозжечкѣ. Сверхъ рефлексовъ туловища и конечностей чувство вращенія вызываетъ вращеніе главныхъ яблокъ въ направленіи, обратномъ реальному движенію; это бываетъ связано съ субъективнымъ явленіемъ такъ называемаго *оптическаго головокруженія*. Равномерное вращеніе не вызываетъ специфическаго чувства; при ускореніи или замедленіи, вообще говоря, при измѣненіи скорости вращенія концевые органы ампуллъ получаютъ свой импульсъ. Впрочемъ, самое ощущеніе всегда бываетъ непродолжительно; послѣ быстрого вращенія чувство обратнаго движенія можетъ продолжаться около минуты, постепенно ослабѣвая.

Причина чувства *перемѣщенія* (движенія впередъ и назадъ) еще не выяснена окончательно. Ощущеніе это локализируютъ въ полукружныхъ каналахъ, которые въ этихъ случаяхъ, какъ полагаютъ, посылаютъ совмѣстно, токи въ мозгъ, а также въ *utriculus*. Последній экспериментаторъ въ этой области Делажъ доказываетъ, что это ощущеніе нельзя локализовать въ головѣ: его скорѣе слѣдуетъ распространить на все тѣло, поскольку отдѣльныя части тѣла (кровеносные сосуды, внутренности etc.) подвижны по отношенію другъ ко другу, и поскольку онѣ выдерживаютъ треніе и давленіе отъ ихъ относительной инерціи при перемѣщеніи. Однако,

еще нельзя сказать, чтобы Делажъ имѣлъ основанія отрицать участие лабиринта въ этой формѣ чувствительности; въ виду этого мы оставляемъ вопросъ нерѣшеннымъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Строеніе мозга ¹⁾.

Эмбриологическій очеркъ. Мозгъ представляется при изученіи анатоміи органомъ чрезвычайно сложнымъ, пока мы не получимъ о немъ представленіе клубка—тогда дѣло становится сравнительно проще. Взглядъ на мозгъ, какъ на извѣстнаго рода клубокъ, получается изъ изученія сравнительной анатоміи и въ особенности эмбриологіи. Въ извѣстной стадіи развитія у всѣхъ высшихъ позвоночныхъ цереброспинальная ось представляетъ наполненную жидкостью трубку, заканчивающуюся спереди расширеніемъ, перехваченнымъ въ двухъ мѣстахъ поперечными перемычками, и образующую такимъ путемъ три такъ называемыхъ мозговыхъ пузыря (рис. 28-й). Стѣнки этихъ мозговыхъ пузырей въ однихъ мѣстахъ утолщаются, въ другихъ превращаются въ сосудистыя сплетенія, въ третьихъ онѣ отдѣляютъ отъ себя выступы, которые указываютъ, повидимому, на дальнѣйшую дифференцировку. Средній мозговой пузырь или средній мозгъ (*Мб*, на рис.) представляетъ часть, наименѣе подвергшуюся измѣненію. Верхнія стѣнки ея утолщаются въ зрительныя доли, у человѣка онѣ называются *четырехолміе* (*corpora quadrigemina*); нижнія стѣнки ея становятся въ послѣдствіи *сума cerebrі*: полость ея образуетъ *Сильвиевъ водопроводъ* (*aqueductus Sylvii*). На 31-мъ рисункѣ изображенъ разрѣзъ средняго мозга взрослого.

Передній и задній пузыри подвергаются гораздо болѣе значительнымъ измѣненіямъ. Стѣнки задняго пузыря крайне утолщаются въ самой передней части и образуютъ *мозжечекъ* (*cerebellum*) наверху (*Сб* на всѣхъ рисункахъ) и *Вароліевъ мостъ* (*pons Varolii*) внизу (*Р. V.* на рис. 33-мъ). Въ самыхъ заднихъ частяхъ задній пузырь внизу утолщается въ *продолговатый мозгъ* (*medulla oblongata*), (*Мо* на всѣхъ рис.), а наверху его стѣнки утончаются и размягчаются до того, что въ образовавшееся отверстіе можно просунуть зондъ, не повредивъ ни одного нервнаго волокна въ собственномъ смыслѣ этого слова. Полость, въ которую такимъ обра-

¹⁾ Эта глава представляетъ лишь набросокъ для начинающихъ. Чрезвычайно полезно изучать строеніе мозга на моделяхъ. Лучшая — д-ра Auzoux (56. Rue de Vaugirard, Paris); Serveau de Texture de Grande Dimension. Это чудное произведеніе искусства; стоитъ оно 300 франковъ. J. Jules Talrich (№ 97. Boulevard Saint Germain, Paris) продаетъ пять большихъ гипсовыхъ моделей, которыя я нахожу весьма удобными для класснаго преподаванія. Онѣ стоятъ 350 франковъ и далеко превосходятъ всѣ видѣнныя мною нѣмецкія модели.

зомъ можно проникнуть снаружи, называется *четвертымъ желудочкомъ* (4 на рис. 32-мъ и 33-мъ). Можно продвинуть зондъ черезъ него подъ мозжечекъ и подъ тонкій слой нервныхъ волоконъ (*valva Viessensii*) вплоть до Сильвиева водопровода. Пройдя черезъ него, ножницы попадутъ впереди въ ту часть, которая на болѣе ранней стадіи развитія представляла полость передняго пузыря; теперь же она образуетъ глубокое щелеобразное отверстіе между стѣнками пузыря и называется *третьимъ желудочкомъ* (3 на рис. 32-мъ и 33-мъ). Вслѣдствіе своего положенія между третьимъ и четвертымъ желудочками Сильвиевъ водопроводъ называется иногда *iter a tertio ad quartum ventriculim*. Стѣнки пузырька образуютъ здѣсь *зрительные бугры (thalami optici)*, (*Th* на всѣхъ рисункахъ). Отъ передняго пузыря какъ разъ передъ буграми съ каждой стороны разрастаются утолщенія, въ которыя продолжается полость пузыря, и которыя впоследствии образуютъ *полушарія*. У человѣка они въ высшей степени толсты и образуютъ на поверхности складки, такъ называемыя *извилины*. Растутъ полушарія болѣе по направленію взади, чѣмъ впереди (считая отъ ихъ исходной точки — какъ разъ передъ зрительными буграми), образуя сводъ надъ ними; по направленію къ верхней поверхности они уплотняются и заканчиваются, загибаясь внизъ и вперёдъ послѣ перехода черезъ заднюю часть бугровъ.

При полномъ развитіи у человѣка они плотно покрываютъ всѣ другія части мозга. Ихъ полости образуютъ *боковые желудочки*, строеніе которыхъ легче усвоить съ помощью разсѣченія. Въ переднюю часть каждаго изъ нихъ можно просунуть зондъ, стѣнка ихъ, какъ и въ 3-мъ желудочкѣ, расходится по извѣстной линіи, образуя длинную щель, черезъ которую въ нихъ можно проникнуть, не повредивъ нервныхъ волоконъ. По мѣрѣ роста полушарій снаружи, назадъ и внизъ отъ ихъ исходнаго пункта эта щель была совершенно закрыта ихъ внѣшнею поверхностью ¹⁾.

Въ началѣ развитія полушарія связаны между собою лишь соотвѣтствующими зрительными буграми. Но на 4-мъ и 5-мъ мѣсяцахъ жизни эмбриона они начинаютъ соединяться подъ буграми, проростая сквозъ массивную систему поперечныхъ волоконъ, которая проходитъ по средней линіи, подобно большому мосту, и называется *мозолистымъ тѣломъ (corpus callosum)*. Эти волокна лучеобразно расходятся въ стѣнкахъ обоихъ полушарій и образуютъ прямую связь между извилинами правой и лѣвой стороны. Подъ мозолистымъ тѣломъ образуется другая система волоконъ, называемая *сводомъ (fornix)*; между нею и мозолистымъ тѣломъ есть особая

¹⁾ Всѣ части мозга, около которыхъ находятся полости, при жизни заключены складками оболочки, такъ называемой *мягкой мозговой оболочки (pia mater)*, доставляющей въ эти складки обильное количество кровеносныхъ сосудовъ.

связка. Какъ разъ передъ зрительными буграми—тамъ, гдѣ полушарія начинаютъ утолщаться, въ ихъ стѣнкахъ образуется ганглионная масса, называемая *полосатымъ тѣломъ* (*corpus striatum*) (С. С. рис. 32-й и 33-й). Она сложнаго строенія и раздѣляется на двѣ главныя части: *nucleus lenticularis* и *nucleus caudatus*. Дальнѣйшія подробности строенія мозга лучше можно уяснить себѣ на рисункахъ съ соотвѣтствующими объясненіями, а еще гораздо лучше на разрѣзахъ мозга.

Разсѣченіе бараньяго мозга. Мозгъ у различныхъ млекопитающихъ различается только размѣрами частей, такимъ образомъ, напримѣръ, на бараньемъ мозгу можно познакомиться со всѣми существенными чертами человѣческаго мозга. Для новичка разсѣченіе мозга представляетъ нѣкоторыя затрудненія, которыя можно устранить посредствомъ знакомства съ руководствомъ по анатоміи мозга. Въ числѣ такихъ можно указать практическую анатомію Гольдена (Holden), учебникъ практической анатоміи для студентовъ Морелля (Morell), учебники физиологіи Фостера и Ланглэ. Для препарировки нужны слѣдующіе инструменты: маленькая пила, рѣзецъ съ рукояткой и молотокъ съ крючкомъ на ручкѣ. Всѣ эти инструменты входятъ въ составъ медицинскаго набора и могутъ быть найдены въ любомъ магазинѣ хирургическихъ инструментовъ. Сверхъ того, нужны скальпель, пара ножницъ, пара пинцетовъ и серебряный зондъ. При случаѣ можно обойтись безъ этихъ инструментовъ (за исключеніемъ пинцетовъ), пользуясь вмѣсто нихъ домашними орудіями.

При анатомированіи прежде всего слѣдуетъ снять черепную покрывку мозга. Нужно для этой цѣли сдѣлать два надрѣза пилой на выдающихся частяхъ каждаго мыщелка (суставной поверхности у большого затылочнаго отверстия, гдѣ входитъ спинной мозгъ) и далѣе впередъ до височныхъ костей животнаго. Затѣмъ надо сдѣлать два надрѣза, которые пересѣкались бы съ этими подъ угломъ на лобной кости. Линія разрѣза опредѣлится послѣ нѣсколькихъ попытокъ. При этомъ требуется большое искусство, чтобы пила не задѣла мѣстами самаго мозга. Далѣе, нужно взяться за долото: поставивъ его на надпиленное мѣсто, мы можемъ ударами молотка проломить недопиленный промежутокъ. Когда черепная покрывка начнетъ колебаться, то это значитъ, что ее можно отдѣлать. Тогда нужно вонзить крюкъ подъ ее переднюю часть и сильно дернуть. Костный покровъ отдѣлится, оставивъ подъ собою надкостницу (*periosteum*) внутренней своей поверхности, примывающую къ основанію черепа и покрывающую мозгъ—такъ называемую *dura mater* или твердую (внѣшнюю) мозговую оболочку. Она должна быть расщипана вокругъ и снята по краямъ; тогда откроется мягкая (внутренняя) оболочка мозга—*pia mater*, переполненная кровеносными сосудами, развѣтвленія которыхъ проходятъ по ткани.

Затѣмъ нужно осторожно освободить мозгъ отъ *pia mater*. Всего лучше начать это дѣлать съ передняго конца и, постепенно заворачивая оболочку, двигаться къ тыльной части. Легко при этомъ повредить *обонятельныя доли*: ихъ нужно осторожно выдѣлать изъ углубленія у основанія черепа, въ которыя онѣ проникаютъ въ видѣ развѣтвленій, направленныхъ черезъ кость въ носовую полость. Затѣмъ нужно будетъ обрѣзать зрительные нервы—всего лучше у ихъ перекрестка (*chiasma*)—прикрѣпляющіе мозгъ въ черепу. Далѣе слѣдуетъ подмозговой придатокъ, который нужно оставить позади. Онъ прикрѣпленъ къ мозгу съ помощью шейки, такъ называемой *воронки* (*infundibulum*), въ верхнюю часть которой на небольшое разстояніе углубляется внизъ полость 3-го желудочка. У этой части нѣтъ опредѣленной функціи—вѣроятно, она рудиментарный органъ. Окружающіе нервы, о которыхъ мы не будемъ говорить, должны быть послѣдовательно разрѣзаны. Ихъ положеніе въ мозгу указано на рис. 34-мъ. Перерѣзавъ ихъ и ту часть, которая покрываетъ промежутокъ между полушаріями и мозжечкомъ по краямъ, мы легко можемъ вынуть мозгъ.

Его слѣдуетъ изслѣдовать, пока онъ свѣжъ. Если нужно заготовить для изслѣдованій нѣсколькими мозгами на продолжительное время, то лучше всего сдѣлать слѣдующее. Сначала погрузить мозги недѣли на двѣ или менѣе въ растворъ хлористаго цинка такой плотности, чтобы мозги въ немъ плавали. Это размягчаетъ мягкую мозговую оболочку, которую послѣ того можно снимать не по кусочкамъ, а прямо большими лоскутками. Затѣмъ достаточно погрузить мозги въ слабый растворъ алкоголя, чтобы они сохраняли неопредѣленное время свою крѣпость, эластичность и естественную форму; впрочемъ, всѣ части ихъ примутъ однообразный бѣлый цвѣтъ. Передъ погруженіемъ въ первый растворъ нужно разъединить всѣ наиболѣе поверхностныя связи частей, чтобы привести жидкость въ соприкосновеніе съ maximum'омъ поверхности. Если мозгъ изслѣдуется въ свѣжемъ видѣ, то нужно осторожно удалить мягкую мозговую оболочку, по возможности, отовсюду съ помощью пинцета, скальпеля и ножницъ. При этомъ въ промежуткахъ между мозжечкомъ и полушаріями и между мозжечкомъ и продолговатымъ мозгомъ вы найдете остатки тонкой прозрачной влажной *паутинной оболочки* (*membrana arachnoidea*).

Теперь мы можемъ рассмотреть подраздѣленія мозга въ надлежащемъ порядкѣ. Детали объ извилинахъ, кровеносныхъ сосудахъ и нервахъ читатель найдетъ въ специальныхъ руководствахъ—мы этихъ частей мозга разбирать здѣсь не будемъ.

При взглядѣ на мозгъ мы видимъ слѣдующее. Полушарія съ глубокою продольною щелью въ серединѣ отчасти прикрываютъ мелко изборозженный мозжечекъ, который выступаетъ свади, въ свою очередь прикрывая почти весь продолговатый мозгъ. Снявъ

полушарія, мы увидимъ примѣрно на полдюйма подъ ихъ поверхностью блестящее бѣлое мозолистое тѣло (*corpus callosum*). По срединѣ мозжечка вмѣсто перегородки есть возвышеніе.

Смотря на мозгъ снизу, мы еще можемъ видѣть часть продольной щели въ передней части и съ обѣихъ сторонъ обонятельныхъ долей которая у овцы гораздо больше, чѣмъ у человѣка. Далѣе мы видимъ: зрительные нервы и ихъ перекрестъ (*chiasma*), воронку (*infundibulum*), перерѣзанную какъ разъ позади нихъ; позади ея непарный *сосковидный бугорокъ* (*corpus albicans* или *tamillare*), функція котораго неизвѣстна — у человѣка это парный органъ. Далѣе видны *ножки* (*crura*), спускающіяся на *Варолиевъ мостъ* и какъ-бы относящія волокна назадъ. Затѣмъ слѣдуетъ *Варолиевъ мостъ*, гораздо менѣе выдающійся, чѣмъ у человѣка, и, наконецъ, сюда появляется продолговатый мозгъ, широкій, плоскій органъ, нѣсколько большій по размѣрамъ, сравнительно съ другими. Варолиевъ мостъ по формѣ наминаетъ воротничекъ, соединяющій обѣ половинки мозжечка и окружающій продолговатый мозгъ, волокна котораго, выйдя изъ-подъ воротничка, раздѣляютъ его на двѣ ножки. Внутреннія отношенія этихъ частей вслѣдствіе ихъ сложности трудно описать словами.

Теперь обратимся въ изслѣдованію мозжечка. Вынемъ сосудистыя слетенія мягкой мозговой оболочки, наполняющія четвертый желудочекъ, и сдѣлаемъ видимой поверхность продолговатаго мозга. *Четвертый желудочекъ* образуетъ треугольное углубленіе, вершину котораго представляетъ сюда точка, называемая *calamus scriptorius*. Отсюда очень тонкій зондъ можетъ проникнуть въ центральный каналъ спинного хребта. Боковыми границами желудочка съ обѣихъ сторонъ служатъ *веревчатое тѣло* (*corpus restiforme*), которое входитъ въ мозжечекъ, образуя *pedunculus inferior* съ каждой стороны. Концевыя части спинного мозга своимъ расхожденіемъ охватываютъ *calamus scriptorius* и продолжаютъ въ продолговатый мозгъ въ видѣ *fasciculi graciles*. Послѣднія сначала отдѣлены отъ широкихъ *c. restiformia* тонкою щелью. Но въ передней части щель исчезаетъ, и «тонкая» и «нитеобразная» перемычки скоро становятся снаружки неразличимы. У нижней поверхности продолговатаго мозга слѣдуетъ обратить вниманіе на *переднія пирамиды*, по одной съ каждой стороны средней щели. Эти пирамиды перекрещиваются и покрываются спереди *Варолиевымъ мостомъ*, широкимъ поперечнымъ поясомъ, окружающимъ ихъ на подобіе воротника и входящимъ съ двухъ сторонъ въ мозжечекъ въ видѣ *среднихъ ножекъ*. Варолиевъ мостъ имѣетъ въ срединѣ небольшое углубленіе, задній край его образуетъ съ каждой стороны *trapezium*. *Trapezium* состоитъ изъ волоконъ, которыя не окружаютъ пирамиды, а, повидимому, расходятся отъ нея по сторонамъ. У человѣка они невидимы. *Оливы* суть небольшіе выступы на продолговатомъ мозгу, лежащіе какъ разъ по бо-

вамъ пирамидъ и внизу отъ *trapesium*. Теперь пройдемъ *pedunculi cerebelli* у входа ихъ въ этотъ органъ: съ каждой стороны мы получимъ по одной плоскости разрѣза, хотя въ нихъ примыкаютъ части мозга съ трехъ сторонъ: изъ нихъ мы уже видѣли заднюю и среднюю части; *pedunculus anterior* выступаетъ впередъ въ *cornua quadrigemina*. Тонкій бѣлый слой нервныхъ волоконъ между ними, непрерывно переходящій въ нихъ, называется *valva Viessensii*. Онъ покрываетъ часть канала отъ четвертаго желудочка до третьяго. Вынувъ мозжечекъ, мы можемъ разрѣзать его, чтобы видѣть своеобразное расположеніе бѣлаго и сѣраго вещества въ формѣ такъ называемаго *древа жизни* (*arbor vitae*).

Затѣмъ приподнимемъ заднюю часть полушарій и откроемъ *cornua quadrigemina* (ихъ передняя часть раздвояется на *nates*, задняя на *testes*); обратимъ вниманіе на *шишковидную железу* (*glandula pinealis*), небольшой срединный органъ, расположенный какъ разъ передъ ними: по всей вѣроятности, это — рудиментъ какого-нибудь органа, имѣвшаго значеніе на низшихъ ступеняхъ органической эволюціи. Здѣсь видѣнъ также закругленный задній конецъ мозолистаго тѣла, переходящій отъ одного полушарія въ другому. Еще болѣе отверните заднюю часть полушарій, свѣсьте ихъ назадъ какъ можно болѣе и подрѣжьте нижнюю поверхность по краямъ впередъ. Спереди она широка, сзади узка и непрерывно переходитъ въ *сводъ*. Передній отрѣзокъ этого органа опускается какъ разъ передъ зрительными буграми, которые отсюда видны вмѣстѣ со сводомъ надъ ними и со среднимъ третьимъ желудочкомъ между ними. Края свода, похъ названіемъ *cornua fimbriata*, идя назадъ, расходятся по бокамъ дагѣ границъ мозолистаго тѣла, и, какъ мы увидимъ, направляются въ боковые желудочки. —

Надо обладать хорошимъ топографическимъ талантомъ, чтобы быть въ состояніи вполне уяснить себѣ расположеніе этихъ желудочковъ даже при разсматриваніи и ощупываніи ихъ. Описывать ихъ устройство словами совершенно бесполезно. Главное, что нужно запомнить — это, что они суть остатки прежней полости (теперь это — 3-й желудочекъ) передняго мозгового пузыря, и что впоследствии въ стѣнкахъ полушарій произошло значительное разединеніе, такъ что боковые желудочки сообщаются съ внѣшними частями серпообразною загнutoю внутрь щелью.

Изучающій строеніе мозга можетъ изслѣдовать весьма различными путями отношенія мозговыхъ частей. Но лучше всего срѣзать съ полушарій горизонтальные ломтики почти вплоть до уровня мозолистаго тѣла и разсмотрѣть распредѣленіе сѣраго и бѣлаго вещества на поверхностяхъ разрѣза, изъ которыхъ каждая есть такъ называемый *centrum ovale*. Затѣмъ нужно подрѣзать въ направленіи спереди назадъ край мозолистаго тѣла. Покончивъ съ этимъ и раздвинувъ прилегающія къ полушаріямъ края разрѣза, мы уви-

димъ полость желудка, которая при дальнѣйшемъ разрѣзываніи по бокамъ и удаленіи покрывши полушарій будетъ еще виднѣе. Наибольше замѣтнымъ тѣломъ на нижней ея поверхности представится *nucleus caudatus corporis striati*.

Разрѣжьте въ поперечномъ направленіи мозолистое тѣло близко отъ его задняго края и загните переднюю часть его впередъ и въ сторону. Задній край (*splenium*), оставленный на мѣстѣ, закругляется, загибается внизъ и непрерывно переходитъ въ сводъ. Передняя часть его также непрерывна со сводомъ, но болѣе примыкаетъ къ срединной линіи, гдѣ находится довольно тонкая перепонка *septum lucidum*, трехугольной формы, переходящая отъ одного тѣла въ другому и въ сущности образующая родъ перегородки между сосѣдними частями боковыхъ желудочковъ съ обѣихъ сторонъ. Въ случаѣ нужды прорвите *septum* и обнажите верхнюю поверхность свода, широкую сзади, узкую спереди, гдѣ его передніе столбы опускаются передъ третьимъ желудочкомъ (изъ утолщенія передней стѣнки котораго они первоначально образовались) и, наконецъ, проникаютъ въ *corpus albicans*. Перерѣжьте эти столбы и заверните ихъ назадъ, обнаживъ зрительные бугры мозга и рассмотрѣвъ при этомъ нижнюю поверхность свода. Его расходящіеся *задніе столбы* идутъ назадъ, внизъ и затѣмъ впередъ и образуютъ своими заостренными краями *corpora fimbriata*, которыя ограничиваютъ щель, отърывающуюся въ желудочекъ. Полуцилиндрическія оторочки позади *corpora fimbriata*, идущія параллельно имъ въ стѣнкѣ желудка, называются *hippocampi*. Представьте себѣ мозолистое тѣло и сводъ укороченными въ направленіи спереди сзади въ поперечной связѣ, представьте, что полушарія не выросли сзади и внизу зрительныхъ бугровъ, тогда *corpus fimbriatum* было бы съ обѣихъ сторонъ верхнимъ и переднимъ краями въ стѣнѣ желудка, нижній и задній края котораго были бы заднею границей полосатаго тѣла, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣднее вырастаетъ изъ *thalamus*.

Небольшія зазубрины какъ разъ позади переднихъ столбовъ свода и между ними и буграми суть такъ называемыя *foramina Monroi*, черезъ которыя пучки сосудовъ проходятъ изъ средняго въ боковые желудочки. Обратите вниманіе на *среднюю комиссуру*, соединяющую оба зрительныхъ бугра совершенно такъ же, какъ мозолистое тѣло и сводъ соединяютъ полушарія. Все это—эмбриологическія новообразованія. Посмотрите на *переднюю комиссуру*, перекрещивающую поперекъ передніе столбы свода, и на *заднюю комиссуру* съ ея боковыми продолженіями вдоль зрительныхъ бугровъ, какъ разъ подъ шишковидную железу. Въ среднемъ сѣченіи замѣтите довольно тонкую переднюю стѣнку третьяго желудочка и ея продолженія внизъ въ воронкѣ.

Отверните или отрѣжьте задній конецъ одного изъ полушарій

чтобы ясно видѣть зрительные пути, направляющіеся вверхъ въ заднему углу бугра. *Corpora geniculata*, къ которымъ они также направляются, отчетливо видимы у человѣка, у овцы менѣе замѣтны. Впрочемъ, между соединеніемъ зрительныхъ путей и *testes* можно усмотрѣть нижнія *corpora g.*

Мы обозрѣли важнѣйшія части мозга. Всего болѣе поучительнаго можно почерпнуть изъ продольнаго разрѣза всего органа. Нужно, кромѣ того (на свѣжемъ мозгу или на затвердѣвшемъ въ двухромово-кисломъ кали или аммоніи для сохраненія цвѣтовыхъ контрастовъ сѣраго и бѣлаго вещества), произвести поперечныя сѣченія черезъ *nates*, *crura* и полушарія какъ разъ передъ *corpus albicans*. При послѣднемъ сѣченіи обнаружатся *nucleus lenticularis* полосатаго тѣла и *внутренняя капсула* (рис. 38-й, *NL* и *1c*).

Послѣ всего сказаннаго можно видѣть, что усвоеніе строенія мозга представляетъ немалыя трудности для начинающаго. Изучающему мозгъ придется неразъ, выучивши строеніе мозга, позабыть его, снова выучить и снова позабыть, пока оно не будетъ прочно усвоено. Только съ помощью терпѣливаго повторенія здѣсь можно добиться успѣха.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ф у н к ц и и м о з г а .

Общее понятіе о нервныхъ функціяхъ. Если я начну ударять топоромъ по корню дерева, то отъ моего дѣйствія вѣтви не придуть въ движеніе, а листьями вѣтеръ попрежнему будетъ мирно шелестить. Если же я ударю по ногѣ человѣка, то все остальное его тѣло мгновенно тревожно задвигнется и придетъ въ оборонительное положеніе. Причина этого различія между деревомъ и человѣкомъ заключается въ томъ, что человѣкъ имѣетъ нервную систему, а дерево нѣтъ; функція же нервной системы заключается въ приведеніи всѣхъ частей тѣла въ гармоническую кооперацію между собой. Центростремительные нервы, будучи возбуждены каемъ-нибудь физическимъ стимуломъ (грубымъ, какъ ударъ топора, или тонкимъ, какъ эфирная волна) сообщаютъ свое возбужденіе нервнымъ центрамъ. Возбужденіе, вызванное въ послѣднихъ, не остается тамъ, но разряжается черезъ центробѣжныя нервы, вызывая движенія, различныя у различныхъ животныхъ и при различныхъ стимулахъ. Всѣ отвѣтные акты имѣютъ по большей части цѣлесообразный характеръ. Они отражаютъ вредные стимулы и не препятствуютъ дѣйствию полезныхъ; въ случаѣ же, если стимулъ самъ по себѣ индифферентенъ, но служитъ указаніемъ на какое-нибудь отдаленное явленіе, имѣющее извѣстное практическое значеніе,

то дѣйствія животнаго направляютъ его къ этому явленію, или оттаиваютъ отъ послѣдняго, смотря по тому, вредно оно или полезно для животнаго. Вотъ обыденные примѣры такого цѣлесообразнаго отвѣтнаго акта. Если я, подходя къ пароходной станціи, слышу команду «отчаливай», то мое сердце на мигъ останавливается, затѣмъ начинаетъ биться, ноги мои въ отвѣтъ на мозговые впечатлѣнія отъ воздушныхъ волнъ, падающихъ на барабанную перепонку, начинаютъ быстрѣе двигаться. Если на бѣгу я спотынулся, чувство паденія заставляетъ меня простереть руки въ направленіи паденія, чтобы предупредить тѣло отъ слишкомъ неожиданнаго толчка. Если въ мой глазъ попала песчинка, то вѣки невольно сокращаются, а обильный потокъ слезъ какъ-бы стремится извлечь ее отсюда.

Впрочемъ, эти три отвѣта на чувственный стимулъ во многихъ отношеніяхъ различаются между собой. Закрытіе глаза и слезотеченіе, равно какъ и сердцебиеніе, совершенно произвольны. Такіе произвольные отвѣтные акты называются *рефлексами*. Движеніе рукъ при паденіи для предупрежденія толчка можетъ также быть названо рефлексомъ, если оно настолько быстро, что является совершенно непреднамѣреннымъ. Во всякомъ случаѣ, оно менѣе автоматически, чѣмъ предшествующія движенія, ибо человѣкъ можетъ сознательно производить его болѣе искусно или совсѣмъ не производить его. Такого рода дѣйствія, въ которыхъ въ равной степени входятъ и *воленіе* и *рефлексъ*, называются *полурефлексами*. Движеніе же бѣга къ пароходу вовсе не включаетъ въ себѣ инстинктивныхъ элементовъ. Оно всецѣло есть продуктъ воспитанія и предшествуется сознаниемъ подлежащей достиженію цѣли и особымъ повелѣніемъ воли. Это—*волевой* актъ. Такимъ образомъ, животный рефлексъ и волевые акты незамѣтно переходятъ одни въ другіе черезъ посредство дѣйствій, которыя нерѣдко могутъ происходить автоматически, но могутъ также и модифицироваться сознательнымъ вмѣшательствомъ интеллекта.

Нервные центры лягушки. Теперь присмотримся вѣсколько ближе къ нервнымъ процессамъ.

Ихъ лучше всего начать анализировать у низшаго животнаго, напримеръ, у лягушки, и изучать функціи нервныхъ центровъ путемъ вивисекціи. Нервные центры лягушки изображены на діаграммѣ (рис. 39-й), которая не требуетъ никакихъ поясненій. Прежде всего я опишу тѣ явленія, которыя обнаруживаются въ лягушкѣ по мѣрѣ удаленія различныхъ долей переднихъ частей, предполагая, что это удаленіе будетъ производиться тѣмъ примитивнымъ путемъ, какимъ его обыкновенно дѣлаютъ студенты, то есть, безъ особенныхъ предосторожностей относительно чистоты операціи.

Если мы сведемъ нервную систему лягушки къ одному спинному мозгу, сдѣлавъ перерѣзку позади основанія черепа, между

спиннымъ и продолговатымъ мозгомъ, и черезъ это совершенно отдѣлимъ головной мозгъ отъ связи съ остальнымъ тѣломъ, то лягушка еще будетъ продолжать жить, но проявленія ея активности будутъ совершенно своеобразны. Она перестаетъ дышать и глотать; не опирается, подобно нормальной лягушкѣ, на переднія лапки, а лежитъ на брюхѣ, хотя заднія лапки ея, какъ прежде, согнуты и прижаты къ тѣлу и вновь принимаютъ это положеніе, когда пытаешься ихъ вывести изъ него. Если ее опрокинуть на спинку, она будетъ спокойно лежать въ такомъ положеніи, не пытаясь, какъ здоровая лягушка, выйти изъ него. Она совершенно не издаетъ звуковъ и не перемѣщается. Если мы повѣсимъ ее за нозь и будемъ раздражать кислотой различныя части ея кожи, то она будетъ производить рядъ любопытныхъ оборонительныхъ движеній съ цѣлю стереть раздражающее вещество. Такъ, напримѣръ, при раздраженіи кожи на груди, лягушка сильно третъ ее обѣими передними лапками; при раздраженіи вѣшной стороны локтя, задняя нога съ той же стороны приподнимается и начинаетъ стирать пятно. При раздраженіи колѣнки, ее будетъ тереть задняя часть другой ноги; если отрѣзвать ступню, то остатокъ ноги будетъ тщетно производить такія же оборонительныя движенія, послѣ чего у многихъ лягушекъ наступаетъ пауза въ движеніяхъ — какъ-бы моментъ размышленія, а затѣмъ быстро противоположная здоровая нога принимается стирать раздражающее пятно.

Во всѣхъ этихъ движеніяхъ самымъ поразительнымъ обстоятельствомъ наряду съ ихъ цѣлесообразностью является точность. Въ лягушкахъ, сохранившихъ способность къ ощущенію, они при надлежащей степени раздраженія такъ мало варьируютъ, что ихъ машинообразная правильность напоминаетъ движенія бумажнаго паяса, который неизбежно начинаетъ дрыгать ногами, какъ только вы его потянете за шнурокъ. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что въ спинномъ мозгу лягушки должны находиться группа клѣтокъ и нервныя волокна, благодаря которымъ раздраженія кожи превращаются въ оборонительныя движенія. Эту группу мы можемъ назвать *центромъ оборонительныхъ движеній* лягушки. Но мы можемъ пойти еще далѣе, перерѣзывая спинной мозгъ въ различныхъ мѣстахъ; это убѣдитъ насъ въ томъ, что отдѣльные его отрѣзки суть самостоятельные механизмы, специально завѣдующіе движеніями головы, рукъ и ногъ. Особенную активность проявляетъ отрѣзокъ, завѣдующій движеніями рукъ, у самцовъ въ періодъ оплодотворенія; эти члены при отсутствіи головы и ногъ хватаются за палецъ, поставленный между ними, и долгое время не выпускаютъ его.

Подобнымъ же образомъ, опытнымъ путемъ доказано, что и продолговатый мозгъ, и зрительныя доли, и другіе центры между спиннымъ мозгомъ и полушаріями лягушки заключаютъ въ себѣ механизмъ, предназначенный для точнаго выполненія актовъ, отвѣ-

чающих на определенныя стимулы. Такъ, напримѣръ, при посредствѣ продолговатаго мозга животное глотаетъ, при посредствѣ его и мозжечка, оно прыгаетъ, плаваетъ и переворачивается на спину, при посредствѣ зрительныхъ долей—квакаетъ при щипкѣ. Лагушка, у которой вырѣзаны только полушарія, для неопытнаго наблюдателя производитъ впечатлѣніе нормальнаго животнаго.

Она не только способна при надлежащемъ стимулѣ производить всѣ вышеприведенныя дѣйствія, но продолжаетъ, кромѣ того, руководствоваться зрѣніемъ, и, если между нею и источникомъ свѣта поставить препятствіе и при этомъ толкать ее впередъ, то она или перепрыгнетъ черезъ препятствіе, или обойдетъ его кругомъ. Въ надлежащую пору года она обнаруживаетъ половое стремленіе, причѣмъ въ противоположность совершенно лишенной головного мозга лягушкѣ, которая при этомъ охватываетъ лапками, что попало, самецъ, лишенный полушарій, не обнаруживаетъ рефлекторнаго акта, пока ему не попадется самка его же вида. Такимъ образомъ, какъ мы уже замѣтили, человѣкъ, не привыкшій наблюдать лягушекъ, при первомъ взглядѣ совершенно не отличить такой лягушки отъ нормальной, но и онъ вскорѣ замѣтитъ у нея полное отсутствіе произвольныхъ движеній, то есть, движеній, вызванныхъ не непосредственнымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ. Непрерывныя плавательныя движенія, производимыя такимъ животнымъ въ водѣ, повидимому, являются роковымъ результатомъ соприкосновенія частицъ воды съ кожей. Когда животное въ водѣ наталкивается лапками на палку, плавательныя движенія прекращаются. Последняя служитъ чувственнымъ раздражителемъ, въ которому лапки автоматически прицѣпляются, и животное остается сидѣть на палкѣ. Оно не обнаруживаетъ чувства голода и не пытается схватить ползающую у него на носу муху. Чувство страха также, повидимому, чуждо ему. Словомъ сказать, такая лягушка представляетъ чрезвычайно сложную машину, всѣ движенія которой стремятся къ ея сохраненію, но все же машину въ томъ смыслѣ, что среди ея движеній нѣтъ ни одного, которое не могло бы быть предвидѣно заранѣе. Правильно примѣняя къ ней чувственныя раздраженія, мы можемъ съ такою же почти вѣроятностью получить соответствующій двигательный рефлексъ, съ какою органистъ получаетъ изъ органа извѣстный звукъ, выдвигая тотъ или другой регистръ.

Но если мы къ нижнимъ центрамъ прибавимъ полушарія, иначе говоря, если предметомъ нашихъ экспериментовъ будетъ здоровая лягушка—тогда все измѣнится. Въ добавокъ къ непосредственнымъ отвѣтамъ на раздраженія наша лягушка обнаруживаетъ рядъ длинныхъ и сложныхъ произвольныхъ актовъ перемѣщенія, мотивами для которыхъ у нея является нѣчто аналогичное нашимъ идеямъ. Кромѣ того, ея реакція на внѣшнія раздраженія варьиру-

ютъ и по формѣ. Въмѣсто того, чтобы дѣлать при прикосновении въ ней простыя оборонительныя движенія задними ногами, какъ безголовая, или послѣ одного — двухъ прыжковъ оставаться неподвижной, какъ лишенная полушарій, она дѣлаетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ попытокъ бѣжать, какъ будто стимуломъ для ея движеній служила идея опасности, а не простое прикосновенье руки экспериментатора. Подъ вліяніемъ голода такая лягушка отправляется на поиски за насѣкомыми, рыбой или мелкими лягушками и ловить каждое изъ этихъ животныхъ особеннымъ путемъ. Экспериментаторъ не можетъ по собственному произволу заставить ее вквасать, вползать на доску, плавать, останавливаться и т. п. Ея дѣйствій нельзя рассчитать заранее и точно предсказать. Главной ея реакціей бываетъ стремленіе убѣжать, но она *можетъ* сдѣлать и что-нибудь другое, даже надуться и стать совершенно пассивной въ нашихъ рукахъ.

Таковы обыкновенно наблюдаемыя явленія и таковы впечатлѣнія, получаемыя нами при опытахъ надъ лягушками. Изъ нихъ необходимо слѣдуютъ нѣкоторые общіе выводы. Вотъ первый изъ нихъ:

Дѣйствія, вызываемыя тѣми или другими центрами, сопровождаются употребленіемъ тѣхъ же мускуловъ. Когда задняя нога безголовой лягушки стираетъ съ кожи кислоту, то она приводитъ въ движеніе всѣ мускулы ногъ, которые другая лягушка съ неповрежденными продолговатымъ мозгомъ и мозжечкомъ сокращаетъ, переворачиваясь со спины на брюхо. Правда, мускульныя сокращенія въ обоихъ случаяхъ различно скомбинированы, но за то и результаты весьма различны. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ спинномъ мозгу существуютъ особыя приспособленія жѣловокъ и волоконъ для тренія лапками по кожѣ, въ продолговатомъ мозгу — для переворачиванія тѣла, etc. Подобнымъ же образомъ въ зр. буграхъ есть специальный механизмъ для перепрыгиванія черезъ препятствія и для сохраненія тѣла въ равновѣсїи при движеніи, въ зрительныхъ доляхъ — для ползанія назадъ. Но для полушарій мы не должны предполагать никакой специфической машинообразной координаціи мускульныхъ сокращеній, такъ какъ наличность этого органа не вноситъ съ собой никакой новой формы движенія, но только различнымъ образомъ опредѣляетъ поводы, по которымъ возникаютъ движенія, придавая обычнымъ стимуламъ менѣе роковой и машинообразный характеръ. Мы имѣемъ болѣе вѣскихъ оснований предполагать, что импульсъ для движенія лягушки, вытирающей лапками кислоту, посылается полушаріями въ специальный механизмъ спинного мозга, предназначенный для произведенія именно этого движенія. Подобнымъ же образомъ, когда нормальная лягушка хочетъ прыгнуть, ей нужно только послать изъ полушарій импульсъ въ прыгательный центръ зр. бугровъ или другой части мозга,

гдѣ таковой центръ находится, и послѣдній уже приметъ на себя всѣ подробности выполненія движенія. Полушарія подобны полковнику, который даетъ солдатамъ въ общей формѣ приказаніе сдѣлать такое-то движеніе, но не указываетъ, какъ именно его нужно сдѣлать.

Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же мускулъ въ различной степени принимаетъ участіе въ различныхъ движеніяхъ, входя въ различныя комбинаціи съ другими мускулами для совмѣстнаго дѣйствія въ специальныхъ формахъ сложнаго движенія. При каждой особой формѣ движенія стимуломъ для него служитъ особая форма чувственнаго раздраженія, стимулы же, вызывающіе къ дѣятельности полушарія, бываютъ болѣе сложнаго характера, являясь комплексами чувственныхъ раздраженій, образующими внѣшніе объекты.

Низшіе центры голубя. Мы получимъ совершенно тѣ же результаты, если вмѣсто лягушки возьмемъ голубя, осторожно вырѣжемъ ему полушарія и подождемъ, пока онъ не поправится отъ операціи. Нѣтъ такого естественнаго движенія, котораго эта лишенная мозга птица не могла бы произвести; даже черезъ нѣсколько дней можно будетъ замѣтить, что она двигается подѣ влияніемъ центральнаго раздраженія—произвольно. Но у нея болѣе нѣтъ ни эмоцій, ни инстинктовъ. Вотъ замѣчательныя слова Шрадера по этому поводу:

«Животное, лишенное полушарій, двигается въ мірѣ тѣмъ, избѣгающіе для него одинаковую цѣну. Оно, согласно счастливому выраженію Гольца, *безлично*. Всякій предметъ для голубя, лишеннаго полушарій, только занимающая пространство масса, онъ сворачиваетъ съ дороги передъ нормальнымъ голубемъ такъ же, какъ передъ камнемъ. Онъ способенъ вспрыгнуть и на перваго и на послѣдній безразлично. Всѣ авторы сходятся въ томъ, что таковой голубь не различаетъ, стоитъ ли на его дорогѣ неодушевленный предметъ, собака, кошка или хищная птица. У такого существа нѣтъ ни враговъ, ни друзей: въ самомъ многочисленномъ обществѣ себѣ подобныхъ оно живетъ одинокимъ. Томное воркованіе самца производитъ на эту птицу такъ же мало впечатлѣнія, какъ и шумъ сыплющагося гороха, и звукъ свиста, которымъ зываютъ птицъ въ часъ кормленія. Подобно предшествовавшимъ экспериментаторамъ, я никогда не наблюдалъ, чтобы голубица, лишенная полушарій, отвѣчала на ухаживанія самца. Самецъ, лишенный полушарій, иногда воркуетъ цѣлый день и обнаруживаетъ явные признаки полового возбужденія, но его волненіе безпредметно: для него совершенно безразлично, здѣсь самка, или нѣтъ. Если посадить самку около него, то онъ оставляетъ ее незамѣченной. Подобно тому, какъ самецъ не обращаетъ вниманія на самку, послѣдняя не обращаетъ вниманія на дѣтеныша. Птенцы могутъ слѣдовать за матерью, неотступно

прося пищи, но мать будетъ такъ же мало обращать вниманія на нихъ, какъ на камень. Голубь, лишенный полушарій — птица въ высшей степени ручная: онъ такъ же мало боится человѣка, какъ кошки или хищной птицы.

Общая понятія о полушаріяхъ. Подводя всё приведенные нами факты подъ одну общую формулу, мы можемъ сказать слѣдующее: *нижшіе центры дѣйствуютъ подъ вліяніемъ только непосредственныхъ ощущеній, полушарія же дѣйствуютъ по усмотрѣнію: ощущенія, воспринимаемая ими, служатъ лишь поводами.* Усмотрѣніе это должно заключаться не въ чемъ иномъ, какъ въ воображаемомъ предвидѣніи различныхъ ощущеній, варьирующихъ въ зависимости отъ характера предшествующихъ дѣйствій. Если я при встрѣчѣ съ гремучей змѣей отступаю назадъ, зная, съ какимъ опаснымъ животнымъ я имѣю дѣло, то психическими элементами моего предусмотрительнаго соображенія были: болѣе или менѣе живое представленіе движеній головы животного, внезапной боли въ ногѣ, состоянія ужаса, опухоли укушенной части тѣла, чувства ошело, бреда, наконецъ, картина собственной смерти и связаннаго съ нею разрушенія всѣхъ надеждъ на будущее. Но весь этотъ рядъ представленій я конструирую изъ прежняго опыта. Они суть *воспроизведеііе* того, что я самъ переиспыталъ, или чему я былъ свидѣтелемъ. Короче сказать — это воспроизведенныя, *отдаленныя* отъ настоящаго воспріятія представленія; такимъ образомъ, главное различіе между нормальнымъ и лишеннымъ полушарій животнымъ заключается въ томъ, что *последнее поддается вліянію только непосредственно воспринимаемыхъ объектов; первое же реагируетъ и на объекты прежнихъ опытовъ.*

Въ виду этого можно думать, что память представляетъ главнымъ образомъ функцію полушарій. Слѣды прежнихъ опытовъ, извѣстнымъ образомъ запечатлѣваясь въ нихъ, должны въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ возбуждаетъ непосредственный стимулъ, оживать въ видѣ представленій отдаленныхъ благъ или золъ и затѣмъ посылать по соотвѣтственно приспособленнымъ двигательнымъ путямъ импульсъ къ устраненію зла и обезпеченію блага. Если мы уподобимъ нервные токи электрическимъ, то можно будетъ сравнить нервную систему *C* подъ полушаріями съ электрическимъ элементомъ, въ которомъ идетъ прямой токъ по линіи *S... C... M* (рис. 40-й) отъ органа чувствъ къ мускулу. Полушарія удлиняютъ этотъ путь обходною пунктирной линіей, которая измѣняетъ прямой путь при ихъ вмѣшательствѣ. Представьте себѣ усталаго путешественника, который послѣ длинной дороги въ жаркій день вздумалъ прилечь на сырую землю подъ тѣнью вѣна. Ощущенія пріятнаго покоя и прохлады, сопровождаемая мозговымъ токомъ по прямому пути, естественно должны вызвать ослабленіе мускульнаго тока: путешественникъ готовъ уже погрузиться въ опасный для здоровья

жонъ, какъ вдругъ для тока открывается свободный путь по пунктирной линіи, часть тока направляется по ней и вызываетъ въ умѣ дремлющаго воспоминанія о катаррѣ и ревматизмѣ; воспоминанія эти одерживаютъ перевѣсъ надъ непосредственными чувственными стимулами—человѣкъ встаетъ и продолжаетъ свой путь до того мѣста, гдѣ можно пріятно отдохнуть, не рискуя поплатиться здоровьемъ. Немного ниже мы постараемся выяснитъ тотъ способъ, съ помощью котораго полушарія, повидимому, являются хранилищемъ подобныхъ воспоминаній, а теперь приведемъ нѣсколько соображеній, благопріятствующихъ этой гипотезѣ.

Во-первыхъ, безъ полушарій ни одно животное не можетъ размышлять, обдумывать, откладывать извѣстное дѣйствіе, тщательно взвѣшивать и сравнивать между собою различные мотивы. Словомъ, для существа, лишеннаго полушарій, осторожность—недоступная добродѣтель. Сообразно съ этимъ, мы видимъ, что природа поручила мовгу, а не низшимъ центрамъ тѣ функціи, при совершеніи которыхъ осторожность есть добродѣтель. Она добродѣтель во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда живое существо находится въ зависимости отъ сложнаго комплекса окружающихъ явленій. Именно въ такихъ условіяхъ находятся высшіе типы животнаго царства, и, чѣмъ сложнѣе среда, въ которой находится животное, тѣмъ выше мы его ставимъ, и тѣмъ менѣе актовъ способно оно выполнить безъ помощи высшихъ центровъ. У лягушки многіе акты происходятъ всецѣло въ зависимости только отъ низшихъ центровъ; у птицъ такихъ актовъ меньше, еще менѣе ихъ у грызуновъ, у собакъ, наконецъ, у обезьянъ и у человѣка ихъ почти вовсе нѣтъ.

Господство высшихъ центровъ надъ низшими даетъ животному очевидныя преимущества. Возьмемъ для примѣра актъ схватыванія пищи и предположимъ, что онъ у даннаго животнаго совершается путемъ рефлекса при посредствѣ низшихъ центровъ. Въ такомъ случаѣ животное обречено роковымъ образомъ бросаться на нее, гдѣ только она ни попадетъ, не взирая на окружающую обстановку: оно такъ же *не можетъ* противодействовать этому влеченію, какъ вода *не можетъ* не кипѣть, когда подъ котломъ разложенъ огонь. Каждую минуту оно будетъ рисковать полатиться жизнью за свою прозорливость. Жизнь его будетъ представлять непрерывный рядъ опасностей: ему будутъ угрожать нападенія метательныхъ враговъ, ловушка, ядъ, вредныя послѣдствія обжорства. Въ силу прямой зависимости отъ своего самаго низкаго положенія на умственной скалѣ, оно неспособно при видѣ привлекательной пищи подумать и взвѣсить опасность, которая, быть можетъ, при этомъ угрожаетъ ему, неспособно употребить усиліе воли, чтобы проголодать нѣсколько долѣе. Есть рыбы, которыя, будучи пойманы на крючекъ, сняты съ него и брошены въ воду, тотчасъ же снова автоматически за него хватаются—онѣ попла-

тились бы за низкій уровень своего интеллекта совершеннымъ исчезновеніемъ своей породы, если бы необычайная ихъ плодовитость не препятствовала этому. Аппетитъ и связаннныя съ нимъ акты сдѣлались, такимъ образомъ, у высшихъ позвоночныхъ функціями мозга. Онѣ прекращаются, какъ только физиологъ, вырѣзавъ высшіе центры, предоставляетъ низшимъ дѣйствовать самостоятельно. Лишенный мозга голубь умираетъ съ голоду даже на вучѣ хлѣбныхъ зеренъ.

Тоже самое можно наблюдать на половыхъ отправленіяхъ. У птицъ они обусловлены цѣльностью полушарій. Если послѣднія вырѣзаны, то голубь уже болѣе не обращаетъ вниманія на клеветнія и воркованія своей подруги. Голыцъ нащелъ, что во время течки сука не производитъ никакого впечатлѣнія на кобелей, у которыхъ вырѣзана значительная часть мозговой ткани. Читавшіе дарвиновское: «Присхожденіе человѣка» знаютъ, какое огромное значеніе для улучшенія породы авторъ приписываетъ половому подбору. Половой актъ не совершается животнымъ до тѣхъ поръ, пока въ окружающей обстановкѣ не найдутся благоприятныя для случки физическія и психическія условія, — извѣстная пора года, извѣстное мѣсто, привлекательная самка. У лягушекъ и жабъ половыми функціями завѣдуютъ низшіе центры. Благодаря этому, онѣ автоматически отдаются непосредственному половому возбужденію, будучи почти совершенно лишены способности къ выбору самки. Случка совершается *«per fas et nefas»* иногда между самцами, иногда съ мертвыми самками въ лужахъ на большой дорогѣ, гдѣ самецъ рискуетъ быть раздавленнымъ во время самого полового акта. Каждую весну вслѣдствіе этого гибнутъ массы животныхъ.

Нѣтъ надобности доказывать, въ какой значительной степени культурность человѣческаго общества зависитъ отъ его чистоты въ сферѣ половыхъ отношеній; едва ли какой-либо иной факторъ болѣе опредѣляетъ разницу между цивилизаціей и варварствомъ. Съ физиологической точки зрѣнія, цѣломудріе есть не что иное, какъ способность подавлять непосредственныя чувственныя побужденія съ помощью возникающихъ въ мозгу эстетическихъ или моральныхъ соображеній относительно неумѣстности подобныхъ побужденій въ данную минуту, такъ что удовлетвореніе половыхъ потребностей зависитъ здѣсь отъ того, задерживаютъ ли, или не препятствуютъ ему высшіе центры.

Въ сферѣ психической жизни, обусловленной функціями самаго мозга, наблюдаются такія же градаціи большей или меньшей способности предвидѣнія. Во всѣ времена человѣкъ, который въ своихъ поступкахъ руководствуется наиболѣе отдаленными цѣлями, считался наиболѣе умнымъ. Бродяга, живущій изъ часа въ часъ, какой-нибудь цыганъ, у котораго заботы не идутъ дальше завтра-

шняго дня, холостякъ, интересы котораго ограничиваются его собственной живнью, отецъ семьи, трудящійся для другого пово-лѣнія, патриотъ, отстаивающій интересы цѣлаго общества и цѣлаго ряда поколѣній, и, наконецъ, философъ и святой, живущіе на пользу человѣчества и вѣчности—всѣ эти лица образуютъ одну непре-рывную іерархію, и въ этой іерархіи каждый высшій членъ пред-ставляетъ высшее проявленіе того взаимодействія, въ которомъ находятся высшіе мозговые центры къ подчиненнымъ имъ низшимъ.

Теорія автоматизма. Нервные токи, проходящіе по «пунктир-нымъ линиямъ» и обуславливающіе память и представленія отда-ленныхъ цѣлей, съ физиологической стороны должно рассматри-вать по примѣру аналогичныхъ процессовъ въ низшихъ цен-трахъ. Если эти послѣдніе процессы мы рассматривали, какъ рефлексъ, то и въ тѣхъ должны видѣть также рефлексъ. Въ обоихъ случаяхъ нервный токъ, войдя въ мозговую центръ, совер-шаетъ по немъ извѣстный путь и затѣмъ переходитъ въ мускулы; но въ то время, какъ въ низшихъ центрахъ этотъ путь пред-ставляетъ рядъ немногочисленныхъ рефлексовъ между опредѣленными группами нервныхъ вѣтокъ, въ полушаріяхъ рефлексъ эти гораздо сложнее и неустойчивѣе. Какъ мы увидимъ, нервные процессы въ высшихъ центрахъ не имѣютъ рефлекторнаго типа, отличающа-отъ процессовъ въ низшихъ центрахъ только количественно, а не-качественно. Сведеніе всѣхъ нервныхъ процессовъ къ основному-типу рефлекса составляетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ со-временной нервной физиологіи. Съ этимъ принципомъ связаны двѣ диаметрально противоположныхъ теорій относительно взаимодей-ствія нервныхъ функцій и сознательныхъ процессовъ. Нѣкоторые авторы, полагая, что высшіе волевые акты не могутъ совершаться безъ руководства сознанія, заключаютъ, что и съ низшими рефлекса-ми связаны нѣкоторые элементы сознательности, хотя бы эти элементы находились въ спинномъ мозгу и не были доступны высшему личному сознанію, связанному съ функціями полушарій. Другіе, находя, что рефлексъ и полуавтоматическіе акты, несмотря на свой цѣлесообразный характеръ, могутъ, очевидно, происходить совершенно безсознательно, бросаются въ другую крайность, утверждая, будто сознательность не играетъ никакой роли и въ цѣле-сообразности высшихъ волевыхъ актовъ, связанныхъ съ функціями полушарій. Эти акты, по словамъ представителей послѣдняго мнѣ-нія, суть просто на просто результаты физиологическаго меха-низма.

Чтобы понять всего лучше эту послѣднюю теорію, приложимъ ее къ частнымъ примѣрамъ. Движенія языка и блескъ глазъ во время рѣчи, движенія пера во время нашего письма — все это, разумеется, явленія физиологическаго порядка и, какъ таковыя, могутъ имѣть своими причинами только чисто механическіе про-

цессы. Согласно теоріи автоматизма, еслибы мы знали въ совершенствѣ нервную систему Шекспира и абсолютно всё условія окружавшей его среды, то мы могли бы показать, почему въ извѣстный періодъ его жизни рука его исчертила какими-то неразборчивыми мелкими черными значками извѣстное число листовъ, которые мы для краткости называемъ рукописью Гамлета. Мы могли бы объяснить причину каждой пометки и передѣлки; мы все бы это поняли, не предполагая при всемъ томъ въ головѣ Шекспира рѣшительно никакого сознанія. Слова и фразы мы будемъ при этомъ разсматривать, не какъ знаки извѣстныхъ идей, а просто какъ чисто внѣшніе факты. Подобнымъ же образомъ теорія автоматизма утверждаетъ, что мы могли бы написать подробнѣйшую біографію тѣхъ 200 фунтовъ, или около того, тепловатой массы организованнаго вещества, которая называлась Мартинъ Лютеръ, не предполагая, что она когда-либо что-либо ощущала.

Но, съ другой стороны, ничто не мѣшало бы намъ дать столь же подробный отчетъ и о душевной жизни Лютера или Шекспира, такой отчетъ, въ которомъ нашель бы мѣсто каждый проблескъ ихъ мысли и чувства. Тогда душевная жизнь человѣка представилась бы намъ протекающей рядомъ съ тѣлесною, причемъ каждому моменту въ одной изъ нихъ соотвѣтствовалъ бы извѣстный моментъ въ другой, но между тѣмъ и другимъ не было бы никакого взаимодѣйствія. Такъ мелодія, льющаяся со струнъ арфы, не замедляетъ и не ускоряетъ колебанія послѣднихъ, такъ тѣнь пѣшехода сопровождаетъ его, не влияя на скорость его шаговъ.

Въ качествѣ общей концепціи при анализѣ самыхъ физиологическихъ процессовъ въ нервныхъ центрахъ трудно представить себѣ ничто болѣе соблазнительное, чѣмъ эта строго механическая теорія ихъ дѣятельности. Но вѣдь у насъ, кромѣ того, *налицо сознаніе*, которое, по всей вѣроятности, подобно всѣмъ другимъ функціямъ, возникло, какъ нѣкоторый цѣлесообразный продуктъ; поэтому въ высшей степени невѣроятно а priori, чтобы оно не играло извѣстной роли въ физиологическихъ процессахъ. *Повидимому*—это роль избирающаго принципа, но, чтобы избирать, оно должно быть активнымъ. Благоприятныя состоянія сознанія должны, такимъ образомъ, задерживаться, неблагоприятныя—устраняться. Если «задерживаніе» и «устраненіе» извѣстныхъ состояній сознанія означаютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ также ускореніе или задержаніе соотвѣтствующихъ нервныхъ процессовъ, то приходится предположить, что наличность сознанія можетъ направлять нервныя процессы по тому пути, который ведетъ къ наиболѣе благоприятнымъ для сознанія результатамъ. Но, съ другой стороны, что кажется наиболѣе благоприятнымъ для сознанія, то, вообще говоря, является наиболѣе благоприятнымъ и для организма. Хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что удовольствія большею частію ассоціируются съ благотворными,

страданія—съ разрушительными дѣйствіями внѣшнихъ условій на организмъ. Это можно наблюдать на всѣхъ основныхъ біологическихъ явленіяхъ. Удушье, лишеніе пищи, питья и сна, непомѣрный трудъ, обжоги, раны, воспаленія, дѣйствія яда — все это въ такой же мѣрѣ сопровождается страданіями, въ какой утоленіе голода и жажды, отдыхъ и сонъ для усталаго, трудъ послѣ отдыха и постоянное цвѣтущее здоровье вызываютъ чувство удовольствія. Спенсеръ и другіе полагаютъ, что эти совпаденія пріятнаго съ полезнымъ для организма, непріятнаго съ вреднымъ для организма, не обусловлены какою-то предустановленной гармоніей, а просто являются результатомъ естественнаго подбора, въ силу котораго всякое животное, находящее удовольствіе въ актахъ разрушительныхъ для основныхъ функций его организма, должно было бы съ теченіемъ времени непременно выродиться. Животное, которому чувство удушья могло бы доставлять достаточно сильное удовольствіе, чтобы заставить его держать голову подъ водой, не прожило бы долѣе 4—5 минутъ.

Но, если сознаніе удовольствія не усиливаетъ нервнаго процесса, а сознаніе боли не задерживаетъ послѣдняго, то нельзя понять (безъ апіорныхъ предположеній о существованіи нѣкоторой разумной гармоніи между психическимъ и фізіологическимъ, предположеній, которыя отвергаются «научными» представителями теоріи автоматизма), почему нѣкоторые въ высшей степени разрушительные для организма процессы, напримѣръ, жженіе, не могли бы доставлять величайшаго наслажденія, а самые необходимые, напримѣръ, дыханіе,—вызывать смертельную агонію. Единственная серьезная попытка объяснить *распределеніе* нашихъ ощущеній была сдѣлана Грэнтъ Алленомъ въ его небольшомъ талантливомъ произведеніи: «Фізіологическая Эстетика»; въ своихъ разсужденіяхъ по этому вопросу онъ безусловно придаетъ удовольствію и страданію значеніе дѣйствующихъ причинъ, которое такъ энергично отвергается сторонниками чистаго автоматизма.

Вѣроятность и практическая очевидность въ отдѣльныхъ случаяхъ энергично свидѣтельствуютъ противъ теоріи автоматизма, утверждающей, будто всѣ наши дѣйствія имѣютъ чисто механическій характеръ. Съ точен зрѣнія описательной психологіи (даже если допустить; какъ на стр. 5-й, что всѣ наши ощущенія обусловлены нервными процессами, которые, въ свою очередь, зависятъ отъ нервныхъ токовъ, вызываемыхъ внѣшними раздраженіями), мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ томъ, что наши ощущенія могутъ влѣять на обуславливающіе ихъ нервные процессы, благопріятствуя послѣднимъ или задерживая ихъ. Въ этой книгѣ я не колеблясь буду пользоваться традиціонной терминологіей здраваго смысла. Я буду такъ выражаться, какъ будто сознаніе въ самомъ дѣлѣ направляло процессы въ нервныхъ центрахъ со-

гласно его цѣлимъ, а не являлось **бесильнымъ, пассивнымъ зрителемъ** смѣны житейскихъ явленій.

Локализация функций въ полушаріяхъ. Мы сказали выше, что полушарія, задерживая известнымъ образомъ впечатлѣнія отъ прежнихъ нервныхъ токовъ, должны быть органомъ памяти, благодаря которому известнымъ дѣйствіямъ нашимъ предшествуетъ оживаніе представленій, почерпнутыхъ изъ прежняго опыта. Это соображеніе, естественно приходящее въ голову всякому при первомъ знакомствѣ съ предметомъ, находитъ фактическое подтвержденіе въ физиологическихъ вивисекціяхъ и въ наблюденіяхъ врачей за послѣдніе года. Отдѣльныя извилины полушарій имѣютъ особыя функции, связанныя съ тѣмъ или другимъ органомъ чувствъ или съ опредѣленными частями мускульной системы. Не вдаваясь въ подробности по этому вопросу, я приведу здѣсь результаты изслѣдованій, наиболѣе прочно установленныя въ настоящее время.

Психическіе и физиологическіе элементы. Есть очень тѣсный параллелизмъ между способами анализировать мозговья функции, въ которыхъ прибѣгаютъ физиологи и психологи.

Согласно френологическому ученію о мозговыхъ функцияхъ, мозгъ подраздѣлялся на органы, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ известной стороной человѣческой психики. Органъ «любви къ дѣтямъ», связанный съ известными сознательными процессами, представлялъ всего человѣка, поскольку тотъ любитъ дѣтей; органъ «благоговѣнія» характеризовалъ цѣльную личность, поскольку она проявляетъ чувства благоговѣнія, etc. Спиритуалистическая психологія, въ свою очередь, подраздѣляла душу на «способности», изъ которыхъ каждая также представляла цѣлаго человѣка въ известномъ отношеніи. Но «способности» не суть психическіе элементы, точно такъ же какъ «органы» не суть элементы мозга. Настоящіе элементы души и мозга могутъ быть вскрыты только съ помощью болѣе глубокаго анализа. И мозгъ, и душа состоятъ изъ простыхъ элементовъ, чувствующихъ и моторныхъ. «Всѣ нервныя центры, — говоритъ д-ръ Хьюлингсъ Джексонъ (Hughlings Jackson), отъ низшихъ до самыхъ высшихъ, образованы изъ нервныхъ аппаратовъ, воспринимающихъ впечатлѣнія и соощающихъ движенія... Я не вижу, изъ какого другого матеріала мозгъ могъ бы быть образованъ». Почти тоже говоритъ Мейнертъ, называя кору полушарій поверхностью проекціи отъ cadaго мускула и отъ каждой чувствительной точки поверхности тѣла. Каждый мускулъ и каждая чувствительная точка поверхности тѣла имѣютъ *представителя* въ видѣ пункта въ мозговой корѣ; такимъ образомъ, мозгъ представляетъ нѣчто, немногимъ превышающее простую сумму всѣхъ этихъ кортикальныхъ точекъ, которымъ въ психической сферѣ соответствуетъ такое же число ощущеній и «идей». Субъективная психологія въ свою очередь рассматриваетъ душу,

такъ нѣчто, состоящее изъ ощущеній и «идей» объ ощущеніяхъ и движеніяхъ. Отношенія между объектами объясняются ассоціаціями между идеями, эмоціональными и инстинктивными влеченія — ассоціаціями между идеями и движеніями. Это можно показывать на диаграммѣ, равно выражающей и внутреннія, и внѣшнія отношенія, обозначивъ точками или кружками нервныя влѣткы и «идеи», а линіями, соединяющими ихъ—нервныя волокна и ассоціаціи. Мы можемъ сомнѣваться въ томъ, что ученіе объ ассоціаціи идей представляетъ точное выраженіе истины, но, вѣроятно, оно навсегда сохранитъ педагогическое значеніе наглядной иллюстраціи психо-физическихъ процессовъ. Во всякомъ случаѣ любопытно видѣть, какъ удобно съ помощью ея производить физиологическій анализъ. Обратимся къ деталямъ.

Область двигательныхъ центровъ. Въ вопросѣ о мозговыхъ локалізаціяхъ одинъ фактъ представляется во всякомъ случаѣ прочно установленнымъ, именно, что «центральныя» извилины по обѣимъ сторонамъ Роландовой бороздки и (по крайней мѣрѣ у обезьяны) *g. calloso-marginalis* (которая образуетъ ихъ непрерывное продолженіе по медіальной поверхности, гдѣ одно полушаріе примыкаетъ къ другому) представляютъ область, черезъ которую проходятъ всѣ двигательныя возбужденія, попадая на пути въ подчиненные центры Варолиева моста, продолговатаго мозга и спинного мозга, при посредствѣ которыхъ вызываются мускульныя сокращенія. Существованіе этой, такъ называемой «моторной зоны», доказано путемъ вивисекціи и изслѣдованіемъ страданій мозга. Прилагаемые рисунки Шэфера (Schaefer) и Горслея (Horsley), изображающіе топографію двигательныхъ центровъ обезьяны, не нуждаются въ словесныхъ поясненіяхъ.

На рис. 43-мъ (по Старру) показано, какъ нервныя волокна спускаются отъ двигательныхъ центровъ внизъ. Всѣ центроостремительныя токи, входящіе въ полушарія, выходятъ изъ Роландовой области, которая, представляя нѣкотораго рода передаточный пунктъ, суживается еще болѣе по мѣрѣ удаленія бороздки отъ поверхности, проходя черезъ внутреннюю капсулу, Варолиевъ мостъ и части, находящіяся ниже. Темные эллипсы съ лѣвой стороны діаграммы изображаютъ кровяныя скопленія или опухоли, и читатель легко можетъ видѣть, слѣдя за направленіемъ нервныхъ волоконъ, какое нарушеніе должны внести эти опухоли въ движенія нервныхъ токовъ.

Однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу моторной локалізаціи въ мозговой корѣ можетъ служить болѣзнь, называемая въ настоящее время *афемія* или *афазія*. Моторная афазія не есть ни потеря голоса, ни параличъ языка или губъ. Страдающій афазіей можетъ имѣть совершенно нормальный голосъ, и иннервація его подъязычнаго и личныхъ нервовъ, за исключе-

ніемъ связанныхъ съ центромъ рѣчи, можетъ совершаться вполне правильно. Онъ можетъ смѣяться, кричать и даже гнѣть, но онъ не въ состояніи произносить слова: или его рѣчь состоитъ изъ бессмысленнаго набора фразъ, или онъ говоритъ неясно, сбивчиво, дурно произнося слова и пользуясь ими совершенно нехстати и неправильно. Иногда рѣчь афазика представляетъ просто рядъ ничего не значащихъ слоговъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда послѣ смерти афазика представлялась возможность произвести вскрытіе его мозга, оказывалось, что была повреждена нижняя лобная извилина (рис. 44-й). Этотъ фактъ впервые открылъ въ 1861-мъ году Брова, и съ этихъ поръ эту часть мозга стали называть извилиной Брова. У лѣвшея это пораженіе всегда находится въ правомъ полушаріи, у нормальныхъ людей въ лѣвомъ. У большинства людей преобладаетъ дѣятельность лѣваго полушарія надъ дѣятельностью праваго, то есть, наиболѣе тонкія и спеціальныя движенія у нихъ поручены лѣвому полушарію. Это объясняется тѣмъ фактомъ, что нервныя волокна идутъ отъ лѣваго полушарія къ правой половинѣ тѣла, перекрещиваясь съ нервными волокнами, идущими отъ праваго полушарія къ лѣвой половинѣ тѣла, какъ показано на рис. 43-мъ ниже буквы М. Но бываютъ случаи, когда преимущественная активность лѣваго полушарія не проявляется наружнымъ образомъ. Это наблюдается на тѣхъ органахъ, которые, находясь на обѣихъ сторонахъ тѣла, могутъ управляться лѣвымъ полушаріемъ; къ такимъ органамъ, повидимому, слѣдуетъ отнести голосовые органы въ ихъ примѣненіи къ спеціальной крайне сложной двигательной функціи—рѣчи. Ихъ могутъ иннервировать оба полушарія съ той и другой стороны, равно какъ и мускулы туловища, реберъ и диафрагмы. Впрочемъ, спеціальными движеніями рѣчи, судя по факту афазіи, у большинства людей завѣдуетъ обыкновенно только лѣвое полушаріе. При поврежденіи этого полушарія человѣческая рѣчь разстраивается, хотя бы правое полушаріе и оставалось неповрежденнымъ, продолжая выполнять менѣе спеціальныя двигательныя акты, напримѣръ, движенія, необходимыя при ѣдѣ.

Зрительный центръ находится въ затылочныхъ доляхъ. Это явствуетъ изъ трехъ родовъ возможныхъ доказательствъ. Повидимому, нервныя волокна отъ лѣвыхъ половинокъ обѣихъ ретинъ направляются въ лѣвое полушаріе, а отъ правыхъ половинокъ въ правое полушаріе. Благодаря этому обстоятельству, при пораженіи правой затылочной доли получается «гемианопсія» на оба глаза, то есть, обѣ ретины слѣпнутъ на ихъ правыя половинки, и пациентъ теряетъ лѣвую половину зрительнаго поля. Это ясно можно видѣть на рис. 40-мъ.

Очень недавно Шэферъ и Мункъ, изслѣдуя движенія глазного яблока, вызываемыя гальванизованьемъ зрительныхъ частей коры обезьянъ и собакъ, нашли основанія предполагать существованіе

такого же отношенія между верхними и нижними частями ретинъ и нѣкоторыми частями зрительныхъ долей. При разрушеніи обѣихъ затылочныхъ долей получается двойная геміопія, то есть, иначе говоря, полная слѣпота. У человѣка при геміопіи наблюдается нечувствительность къ свѣту на одной половинѣ зрительнаго поля, но сохраняются воспроизведенныя зрительныя представленія. При двойной же геміопіи есть основаніе предполагать не только отсутствіе всѣхъ свѣтовыхъ ощущеній, но и потерю памяти о всѣхъ представленіяхъ зрительнаго порядка. Человѣкъ теряетъ зрительныя «идеи». Это можетъ быть обусловлено только слѣпотой, вызванною поврежденіями кортикальныхъ центровъ. Поврежденіе ретины и зрительныхъ путей между мозговой корой и глазами дѣлаетъ глаза нечувствительными къ свѣту, но не лишаетъ человѣка способности воспроизводить мысленно прежнія зрительныя представленія.

Душевная слѣпота. Одно изъ интереснѣйшихъ патологическихъ явленій, вызываемыхъ разстройствомъ кортикальныхъ центровъ — это *душевная слѣпота*. Она заключается не столько въ нечувствительности къ зрительнымъ впечатлѣніямъ, сколько въ *неспособности понимать ихъ*. Психологически это явленіе объясняется, какъ *потеря ассоціацій* между зрительными ощущеніями и тѣмъ, что они означаютъ; съ физиологической точки зрѣнія—это результатъ перерыва сообщенія между центрами для зрительныхъ образовъ и для другихъ идей. Такъ, напримѣръ, буквы азбуки и ихъ сочетанія—слова служатъ знаками для извѣстныхъ звуковъ и движеній, производящихъ членораздѣльную рѣчь. Когда же связь между двигательными или слуховыми центрами и центрами зрѣнія прервана, то мы имѣемъ основаніе ожидать аргіогі, что видъ словъ не вызоветъ у человѣка представленій ихъ звука или движеній, необходимыхъ для ихъ произнесенія. Короче говоря, въ такомъ случаѣ должна получиться *алексія* — неспособность читать, именно эта неспособность получается при осложненіи *афазіи*, въ тѣхъ случаяхъ, когда поражена весьма значительная часть лобно-височной области.

Въ этихъ случаяхъ нерѣдко больной при взглядѣ на предметъ не узнаетъ его, но узнаетъ его при прикосновеніи къ нему рукою и тотчасъ называетъ его. Этотъ любопытный фактъ служитъ указаніемъ на то, какъ многочисленны тѣ центростремительные пути, которые въ концѣ-концовъ выходятъ изъ мозга черезъ каналы, ведущіе къ органамъ рѣчи. Пути къ рукамъ еще остаются открытыми, когда пути къ глазамъ уже заменуты. При полнѣйшей душевной слѣпотѣ, ни зрѣніе, ни слухъ, ни осязаніе не могутъ болѣе руководить дѣйствіями пациента, и въ результатъ получается родъ помѣшательства, такъ называемая *асимболія* или *атраксія*. Асимболией не различаетъ частей своего костю-

ма; онъ способенъ взять въ ротъ и начать ѣсть кусокъ мыла, положить свои башмаки на столъ, взять въ руки пищу и бросить ее, не зная, что съ ней дѣлать и т. п. Такое душевное разстройство является результатомъ лишь очень значительныхъ мозговыхъ поврежденій.

Центръ слуха находится у человѣка въ верхней извилинѣ височной доли (см. рис. 44-й, та часть, на которой написано *Wernicke*). Это можно видѣть на явленіи афазіи. Немного выше мы рассматривали двигательную афазію, теперь же рассмотримъ *чувственную афазію*. Изученіе афазіи раздѣляется на три періода: *Брока*, *Вернике* и *Шарко*. Съ открытіемъ Брока мы уже познакомились. Вернике первый выдѣлилъ въ особую группу тѣ явленія афазіи, когда пациентъ даже не понимаетъ рѣчи, отъ тѣхъ случаевъ, когда больной еще понимаетъ ее, но только не говоритъ самъ, и показалъ, что первый случай обусловленъ поврежденіемъ височной доли. Это—*глухота къ словамъ, слуховая афазія*. Недавно по этому вопросу было произведено статистическое изслѣдованіе д-ромъ Алленомъ Старрѣ (*Starr*). Въ семи собранныхъ имъ случаяхъ чисто *словесной* глухоты (случаяхъ, въ которыхъ пациентъ могъ читать, говорить и писать, но не понималъ того, что ему говорили другіе) поврежденіе не шло дальше заднихъ двухъ третей первой и второй височной извилины.

Поврежденіе при слуховой афазіи, какъ и при моторной, находится всегда (у нормальныхъ лицъ съ болѣе развитымъ лѣвымъ полушаріемъ) съ лѣвой стороны. Неясный слухъ еще сохраняется даже въ тѣхъ случаяхъ, когда лѣвый слуховой центръ совершенно разрушенъ: правый центръ еще продолжаетъ вызывать слуховыя ощущенія. Но примѣненіе слуха *къ рѣчи*, повидимому, непременно обусловлено цѣльностью лѣваго центра. Для примѣненія слуха къ рѣчи необходимо, чтобы слова ассоціировались съ одной стороны съ предметами, которые они означаютъ, съ другой—съ движеніями, необходимыми для произнесенія ихъ. По словамъ Вернике, у большинства изъ насъ рѣчь мотивируется слуховыми стимулами, то есть наши зрительныя, осязательныя и другія идеи не иннервируютъ непосредственно нашихъ моторныхъ центровъ, но предварительно, вѣроятно, вызываютъ въ насъ воспроизведенныя звуковыя представленія словъ, которыя и служатъ непосредственными стимулами для членораздѣльной рѣчи, и въ тѣхъ случаяхъ, когда для ихъ образованія не представляется возможности, вслѣдствіе поврежденія ихъ обычнаго физиологическаго центра въ лѣвой височной долѣ, рѣчь нарушается. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда, несмотря на разрушеніе центра, рѣчь вполне сохраняется, слѣдуетъ предположить идиосинкразію. Пациентъ, вѣроятно, или иннервируетъ органъ рѣчи при посредствѣ соответствующей части другого полушарія, или прямо изъ центровъ

зрѣнія, осязанія etc., безъ посредства слуховой сферы. За-
слуги Шарко по этому вопросу заключаются именно въ деталь-
номъ анализѣ описываемыхъ нами индивидуальныхъ особенностей
и въ ихъ объясненіи.

Всякая вещь, которой мы даемъ названіе, обладаетъ извѣстной
внѣшностью, извѣстными качествами и свойствами. Въ нашемъ
умѣ названіе предмета и его свойства ассоціируются въ одну
группу. Если изъ различныхъ частей мозга каждая связана съ
воспріятіемъ извѣстныхъ свойствъ предмета—одна завѣдуетъ слу-
хомъ, другая—произнесеніемъ названій, то между этими частями
мозга (въ силу закона ассоціацій, который мы рассмотримъ ниже)
должна неизбѣжно существовать такая связь, что дѣятельность
одного изъ нихъ будетъ склонна вызывать дѣятельность во всѣхъ
остальныхъ. Если мы думая говоримъ, то *конечнымъ* процессомъ
является произнесеніе словъ. Если часть мозга, соотвѣтствующая
этой послѣдней функціи, поражена, то рѣчь или совершенно не-
возможна, или совершается безпорядочно, даже при полной не-
поврежденности остальныхъ частей мозга—это какъ разъ тотъ
случай, который мы описали на стр. 80-й, какъ патологическое
явленіе, вызванное поврежденіемъ центра Брока. Но въ послѣдо-
вательности идей говорящаго человѣка, предшествующихъ фізіоло-
гическому процессу въ центрѣ Брока, возможны различные по-
рядки. Самымъ обычнымъ порядкомъ, какъ мы сказали, бываетъ
слѣдованіе отъ осязательныхъ или зрительныхъ свойствъ вещей,
мыслимыхъ въ формѣ воспроизведенныхъ представленій, къ зву-
камъ, выражающимъ ихъ названіе, и, наконецъ, къ движеніямъ,
необходимымъ для произнесенія послѣднихъ. Но для нѣкоторыхъ
лицъ, у которыхъ обыкновенно произнесенію непосредственно
предшествуетъ *видъ* предмета или *видъ* его названія, потеря *слу-
хового* центра не вызоветъ нарушеній въ рѣчи или чте-
ніи. Такое лицо будетъ умственно глухимъ, то есть, оно будетъ
страдать недостаткомъ *пониманія* человѣческой рѣчи, но не бу-
детъ афазикомъ. Такимъ путемъ представляется возможность объ-
яснить семь случаевъ словесной глухоты безъ двигательной афазіи,
приведенные д-ромъ Старромъ.

Если такой порядокъ ассоціаціи укоренится у больного и сдѣлается
постояннымъ, то поврежденіе, распространившись и на зрительный
центръ, сдѣлаетъ больного не только слѣпымъ на слова, но и афазикомъ.
Рѣчь его сдѣлается запутанной, вслѣдствіе пораженія затылоч-
ныхъ долей. Новѣвъ (Naunyn), въ виду этого, отмѣтивъ на діаграммѣ
полушарій 71 случай вполне ясно наблюдавшейся имъ афазіи, какіе
ему удалось собрать, нашелъ, что поврежденія сосредоточиваются
по преимуществу въ трехъ мѣстахъ: во первыхъ — въ центрѣ
Брока, во вторыхъ — въ центрѣ Вернике, въ третьихъ — въ
извилинахъ *supra-marginalis* и *angularis*, подъ которыми проходятъ

*

нервные волокна, соединяющія зрительные центры съ остальною частью мозга (см. рис. 47-й). Съ этими результатами вполнѣ гармонируютъ чисто психологическія наблюденія д-ра Старра.

Въ главѣ «*О воображеніи*» мы возвратимся еще разъ къ этимъ индивидуальнымъ особенностямъ въ сферѣ отдѣльныхъ органовъ чувствъ. Пока замѣтимъ только, что на немногихъ научныхъ изслѣдованіяхъ можно наблюдать съ такою очевидностью, какъ на изученіи афазіи, какимъ образомъ самый запутанный и неясный вопросъ, благодаря пропнцательности и терпѣливому труду цѣлой группы ученыхъ работниковъ, съ теченіемъ времени принимаетъ форму отчетливаго объясненія факта. Въ мозгу нѣтъ «органа рѣчи» такъ же, какъ въ умѣ нѣтъ «способности къ рѣчи». Весь мозгъ и все сознаніе принимаютъ до извѣстной степени участіе въ рѣчи говорящаго челоуѣка. Прилагаемая въ концѣ книги діаграмма Росси изображаетъ мѣстонахожденіе четырехъ центровъ вполнѣ наглядно и послѣ вышеизложеннаго не нуждается въ дальнѣйшемъ поясненіи (рис. 48-й).

Обонятельный, вкусовой и осязательный центры. Положеніе другихъ чувственныхъ центровъ выяснено съ меньшею точностью. О центрахъ обонянія и вкуса я ничего не скажу, о центрахъ мускульныхъ и кожныхъ ощущеній замѣчу только, что, по всей вѣроятности, они находятся въ моторной зонѣ и какъ разъ въ извилинахъ, находящихся сзади и въ серединѣ ея. Центростремительные осязательные токи, вѣроятно, входятъ въ клѣтки этой сферы по однимъ нервнымъ волокнамъ, а центробѣжные выходятъ по другимъ, но эта область анатоміи мозга до сихъ поръ еще остается совершенно неразработанной.

Заключеніе. Изъ приведеннаго анализа мы видимъ, что постулатъ Мейверта и Джексона, приведенный нами на стр. 78-й, находитъ въ общемъ полное подтвержденіе въ фактическихъ результатахъ изслѣдованія. Дѣйствительно, высшіе центры, повидимому, не заключаютъ въ себѣ ничего иного, кромѣ нервныхъ приспособленій для чувственныхъ впечатлѣній и движеній и кромѣ другихъ приспособленій, связующихъ во едино дѣятельность первыхъ. Центростремительные токи, проникая черезъ органы чувствъ, возбуждаютъ дѣятельность въ нѣкоторыхъ изъ этихъ приспособленій, а тѣ сообщаютъ ее другимъ, пока, наконецъ, не образуется извѣстнаго рода разрядъ въ видѣ центробѣжнаго тока. Ясно понявъ это, мы не будемъ имѣть основаній спрашивать, представляетъ ли моторная зона исключительно двигательную сферу, или сверхъ того и чувствительную. Вся кора, пронизываемая токами, представляетъ и чувствительную, и двигательную область. Вѣроятно, со всѣми токами связаны извѣстнаго рода ощущенія, и всѣ токи служатъ рано или поздно источниками извѣстныхъ движеній. Въ такомъ случаѣ, каждый центръ является съ одной стороны принимающимъ

токи, съ другой посылающимъ токи; этотъ двойной родъ дѣятельности распространяется и на двигательныя клѣтки спинного мозга. Марижъ (Marique), Экснеръ и Панетъ (Paneth) доказали это, обрѣзавъ *круномъ* «моторный» центръ и отдѣливъ его такимъ образомъ отъ влияния остальной части cortex'a: эта операція вызвала такое же расстройство физиологическихъ процессовъ, какое получалось отъ вырѣзыванія cortex'a, такъ что послѣднюю можно было бы по справедливости назвать клапаномъ, выпускающимъ иннервационный токъ, который возникаетъ въ другихъ мѣстахъ нервной системы, причемъ *этотъ токъ сопровождается сознаниемъ; преобладая въ затылочныхъ доляхъ, онъ вызываетъ зрительныя впечатлѣнія, въ височныхъ — слуховыя, въ «моторной зонѣ» — осязательныя, etc.* При настоящемъ положеніи науки мы можемъ выставить эту широкую, нѣсколько неопредѣленную формулу, не рискуя впасть въ противорѣчіе съ фактами. Но нетрудно видѣть, какъ мало даетъ намъ эта формула деталей относительно того, что именно происходитъ въ мозгу при томъ или другомъ процессѣ мысли. Наобщія формы отношеній между познаваемыми объектами—ихъ тождество, подобіе и контрасты между ними, различныя формы самаго сознанія, требующія и не требующія особыхъ усилій, сопряженныя и несопряженныя съ вниманіемъ, пріятныя и непріятныя, явленія интереса и подбора etc.—все это перемѣшано вмѣстѣ, какъ агрегатъ дѣйствій, являющихся результатомъ различныхъ токовъ между нервными центрами. Наша формула характеризуетъ этотъ агрегатъ съ физиологической стороны самымъ неопредѣленнымъ образомъ. Сверхъ того, физиологическая роль нѣкоторыхъ частей мозга, напримѣръ, нижнихъ лобныхъ долей, совершенно не поддается опредѣленной формулировкѣ. У собакъ разрушеніе ихъ не вызываетъ никакого частнаго нарушенія ни движенія, ни чувствительности; у обезьянъ ни раздраженіе, ни вырѣзываніе этихъ долей не вызываетъ никакихъ симптомовъ. Одна обезьяна (Горслея и Шэфера) послѣ подобной операціи продолжала быть, какъ прежде, ручною и продѣлывала нѣкоторыя штуки съ прежнимъ искусствомъ.

Короче сказать, очевидно, что наше знакомство съ душевною жизнью безконечно превосходитъ наши знанія о сопровождающихъ ее физиологическихъ процессахъ. Безъ анализа психическихъ элементовъ рѣчи путемъ самонаблюденія, напримѣръ, разработка ученія объ афазіи, которая представляетъ драгоцѣнный алмазъ въ современной физиологіи мозга, была бы совершенно невозможна. Замѣтимъ теперь, что наше утвержденіе объ абсолютной зависимости душевныхъ состояній отъ физиологическихъ условій нужно понимать, какъ простой постулатъ. Можно быть вообще убѣжденнымъ въ его истинности, но оставаться въ тоже время въ полномъ невѣдѣніи относительно того, *какъ* именно онъ реализуется въ опытѣ. Передъ тѣмъ, какъ перейти къ изученію состояній сознанія въ собственномъ

смыслъ слова, я въ слѣдующей главѣ разсмотрю двѣ—три стороны мозговыхъ функцій, имѣющія общее значеніе и принимающія участіе во всѣхъ душевныхъ состояніяхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Нѣкоторыя общія условія нервной дѣятельности.

Нервный разрядъ. Выраженіе «нервный разрядъ» постоянно употребляется физиологами, и мы будемъ употреблять его здѣсь для обозначенія движенія нервнаго тока отъ центра къ мускуламъ или къ другимъ внутреннимъ органамъ. Выраженіе это не слѣдуетъ понимать только въ переносномъ смыслѣ. Съ динамической точки зрѣнія выходъ нервнаго тока изъ двигательной кѣтки, вѣроятно, аналогиченъ выстрѣлу изъ ружья. Вещество нервной кѣтки находится въ состояніи внутренняго напряженія, которое разряжается приходящимъ токомъ, приводящимъ молекулы кѣтки въ состояніе болѣе устойчиваго равновѣсія и освобождающимъ извѣстное количество энергіи, которая вызываетъ токъ въ выходящемъ изъ кѣтки волокнѣ. Этотъ токъ сильнѣе перваго и, направляясь въ мускулъ, вызоветъ въ послѣднемъ съ помощью аналогичной дезинтеграціи внутренняго движенія молекулъ еще болѣе сильное дѣйствіе. Маттейчи (Matteuci) нашель, что работа, производимая мускульнымъ сокращеніемъ, въ 27,000 разъ сильнѣе той, которую производитъ электрическій токъ, раздражающій двигательный нервъ. Когда вызываютъ сокращеніе въ мускулѣ лягушки сначала прямо — раздраженіемъ двигательнаго нерва, а потомъ рефлекторнымъ путемъ—раздраженіемъ чувствительнаго нерва, то оказывается всегда, что рефлексъ требуетъ болѣе сильнаго стимула и наступаетъ позже, но за то въ этомъ случаѣ сокращеніе бываетъ сильнѣе. Эти факты доказываютъ, что спинно-мозговья кѣтки, черезъ которыя совершается рефлексъ, представляютъ извѣстное сопротивленіе; преодолевъ его, токъ выходитъ наружу съ гораздо большей силой. Чѣмъ это можетъ быть инымъ, какъ не извѣстнаго рода взрывомъ или разрядомъ въ маленькихъ размѣрахъ?

Время реакціи. Опредѣленіе времени, необходимаго для разряда, представляетъ одинъ изъ предметовъ наиболѣе серьезнаго экспериментальнаго изслѣдованія за послѣднее время. Путь къ этимъ изслѣдованіямъ былъ открытъ Гельмгольцемъ, который опредѣлялъ скорость выходящаго тока въ бедренномъ нервѣ лягушки. Примѣненные имъ методы этого изслѣдованія были приложены къ опредѣленію чувственныхъ реакцій, и результаты этихъ послѣднихъ изслѣдованій, которые описывались нѣкоторыми, какъ измѣ-

реніе «скорости мысли», вызвали не мало изумленія у профановъ. Съ незапамятныхъ временъ выраженіе «быстрый, какъ мысль», примѣнялось ко всему, неподдающемуся опредѣленію по своей удивительной скорости. На эту тайну наука наложила свою руку такимъ же роковымъ образомъ, какъ и во времена Франклина, напоминая людямъ о томъ, кто первый «*eripuit coelo fulmen*», и знаменуя собою наступленіе царства новыхъ болѣе холодныхъ боговъ. Впрочемъ, спѣшу оговориться: выраженіе «быстрота мысли» неточно, ибо ни въ одномъ изъ случаевъ не ясно, какой именно актъ мысли совершается въ измѣряемый промежутокъ времени. Этотъ промежутокъ *de facto* выражаетъ всю продолжительность *реакцій на стимулы*. Нѣкоторыя изъ условий реакціи бывають приготовлены заранѣе; мы предполагаемъ существованіе нѣкоторыхъ мускульныхъ напряженій и чувственной интенсивности, которыя называемъ состояніемъ ожиданія. То, что совершается во время, занимаемое реакціей (иначе говоря, то, что надо прибавить къ состоянію ожиданія, чтобы получить разрядъ), ни физиологически, ни психологически не совершается мгновенно.

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ этого вопроса преобладаетъ по существу одинъ и тотъ же методъ. Испытуемому лицу дается извѣстный сигналъ и въ тоже мгновенье отмѣчается время на хроноскопѣ. Затѣмъ субъектъ производитъ извѣстнаго рода мускульное движеніе, представляющее реакцію, которая также отмѣчается приборомъ автоматически. Время между двумя отмѣтками и есть время полной реакціи. Опредѣляющіе время инструменты бывають различной конструкціи. Однимъ типомъ подобнаго прибора служить вращающійся барабанъ, покрытый заопченой бумагой, на которой электрическое перо чертитъ линію, прерываемую въ моментъ сигналовъ и возобновляемую при реакціи, въ то время, какъ другое электрическое перо, которое соединено съ металлическимъ пруткомъ, колеблющимся съ извѣстной скоростью, чертитъ рядомъ съ этой линіей другую—«линію времени», въ которой каждая волна соотвѣтствуетъ нѣкоторой дробной части первой линіи, благодаря чему продолжительность времени реакціи можетъ быть опредѣлена. Это можно видѣть на рис. 49-мъ, гдѣ линія реакціи прерывается въ мѣстахъ противъ стрѣлокъ. Измѣренія времени реакціи производятся всего чаще при помощи хроноскопическихъ часовъ Гиппа (Hipp). Стрѣлки на нихъ первоначально стоятъ на нуль; при первомъ сигналѣ онѣ съ помощью замыканія тока приходятъ въ движеніе, а при наступленіи реакціи останавливаются. На циферблатѣ получается продолжительность ихъ движенія до 1000-хъ долей секунды.

Простыя реакціи. Было замѣчено, что время реакціи у того же лица бываетъ различно, смотря по тому, куда направлено его вниманіе въ ожиданіи ея наступленія. Если онъ всего менѣе думаетъ

о предстоящемъ движеніи и сосредоточиваетъ вниманіе на ожидаемомъ сигналь, время реакціи получается большее; если, наоборотъ, его вниманіе направлено исключительно на мускульный рефлексъ, оно короче. Ланге, который, работая въ лабораторіи Вундта, первый обратилъ вниманіе на этотъ фактъ, нашелъ, что въ среднемъ его «мускульное» время реакціи $= 0,123''$, а «чувственное» $= 0,230''$. Очевидно, что опыты для того, чтобы имѣть *сравнительную* пѣнность, должны всегда производиться надъ мускульной реакціей, которая даетъ минимальное число и отличается большимъ постоянствомъ. Въ среднемъ время мускульной реакціи лежитъ между 0,1 и 0,2 секунды. Мнѣ кажется, что при этихъ условіяхъ реакція есть по существу рефлексорный актъ. Предварительное *приготовление* мускуловъ къ движенію представляетъ возбужденіе путей разряда, для котораго все оказывается готовымъ какъ разъ въ мигъ подачи сигнала. Другими словами, между центрами временно образуется, какъ бы настоящая рефлексорная дуга, черезъ которую входящій токъ можетъ мгновенно снова проникнуть наружу. Но, если, съ другой стороны, вниманіе ожидающаго направлено исключительно на сигналъ, то возбужденіе моторныхъ путей начинается послѣ подачи послѣдняго, и при такомъ условіи для реакціи требуется болѣе времени. Благодаря чрезвычайной мимолетности того процесса, которымъ мы опредѣляемъ время реакціи, мы иногда отвѣчаемъ на несоотвѣтствующій сигналъ, въ особенности, если послѣдній одного *рода* съ тѣмъ, какой мы ожидаемъ. Сигналъ служитъ лишь послѣднимъ импульсомъ для уже начавшагося тока. Мысль въ этомъ актѣ не принимаетъ никакого участія—рука реагируетъ на сигналъ произвольно. Эти опыты никоимъ образомъ не представляютъ измѣреній быстроты мысли. Вмѣшательство интеллектуального процесса можно надѣяться встрѣтить въ этихъ опытахъ только при болѣе сложныхъ случаяхъ. Опыты можно осложнять различнымъ путемъ. Можно продолжить время реакціи до того момента, когда сигналъ вызвалъ въ сознаніи отличную отъ него идею (по Вундту *время различенія, время ассоціаціи*), и этотъ моментъ отмѣтить. Можно подавать различнаго рода сигналы и опредѣлять соотвѣтствующее время реакціи, причемъ испытуемому остается неизвѣстнымъ, какой именно сигналъ ему предстоитъ увидѣть. Въ этомъ случаѣ едва-ли возможна реакція безъ предварительнаго сознательнаго различенія и выбора. Впрочемъ, и здѣсь различеніе и выборъ представляютъ далеко не то, что мы обыкновенно понимаемъ подъ этими названіями. Между тѣмъ во всѣхъ дальнѣйшихъ опытахъ болѣе сложнаго характера, которые мы теперь вкратцѣ рассмотримъ, исходнымъ пунктомъ остается все тоже простое опредѣленіе времени реакціи.

Время реакціи варьируетъ у *различныхъ индивидовъ* и у *лицъ*

различнаго возраста. У стариковъ и простолюдиновъ оно длинно (около секунды у стараго нищаго, надъ которымъ экспериментировалъ Эйснеръ). Оно длинно также у дѣтей (по Герцену, $\frac{1}{2}$ секунды). При *упражненіи* оно у каждаго индивида на опредѣленную величину сокращается и за извѣстнымъ минимальнымъ предѣломъ не можетъ быть уменьшено. У вышеупомянутаго нищаго послѣ продолжительной практики оно было низведено до 0,1866 секунды. При *утомленіи* время реакціи удлиняется, при *сосредоточеніи вниманія* сокращается. Оно измѣняется также отъ *свойствъ сигнала.* Вотъ среднія цифры времени реакціи, полученныя нѣкоторыми изслѣдователями:

	Гиршъ.	Ганкель.	Эйснеръ.	Вундтъ.
<i>Звукъ.</i> . . .	0,149	0,1505	0,1360	0,167
<i>Свѣтъ.</i> . . .	0,200	0,2246	0,1506	0,222
<i>Осязаніе.</i> . .	0,182	0,1546	0,1337	0,213

Изъ этой таблицы можно видѣть, что звукъ, повидимому, реагируетъ быстрее зрѣнія и осязанія. Медленнѣе послѣднихъ вызываютъ реакцію обоняніе и вкусъ. Интенсивность сигнала измѣняетъ скорость реакціи. При болѣе интенсивныхъ стимулахъ время реакціи короче. Герценъ сравнивалъ реакцію на мозоли большого пальца ноги съ реакціей на другомъ мѣстѣ руки у того же лица. Оба мѣста раздражались одновременно, причемъ испытуемый субъектъ старался реагировать одновременно рукой и ногой, но нога всегда успѣвала раньше. Когда раздражалась здоровая часть кожи на ногѣ, то рука успѣвала скорѣе. Опьяненіе, вообще говоря, замедляетъ реакцію, но многое зависитъ отъ степени опьяненія.

Сложныя реакціи. Сложными реакціями называются тѣ, которыя связаны съ извѣстнаго рода умственными операціями. Собственно говоря, о нихъ мнѣ слѣдовало бы упоминать въ отдѣльных главахъ по поводу различныхъ психическихъ процессовъ. Но нѣкоторые лица предпочитаютъ видѣть всѣ результаты психофизическихъ измѣреній сгруппированными вмѣстѣ; удовлетворяя ихъ желанію, я приведу здѣсь всѣ результаты измѣренія сложныхъ реакцій.

Если намъ до реагирования нужно подумать, то, очевидно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ опредѣленномъ времени реакціи, все зависитъ отъ того, какъ долго мы будемъ думать. Мы можемъ измѣрять здѣсь только *minimum* времени, необходимаго для извѣстныхъ простѣйшихъ умственныхъ операцій. Такимъ путемъ опредѣлили изъ опыта *время, необходимое для различенія.* Вундтъ назвалъ его *Unterscheidungszeit.* Опредѣливъ предварительно время реакціи у извѣстнаго лица, онъ поручалъ этому лицу производить извѣстное движеніе, всегда тоже самое, въ тотъ

моментъ, когда это лицо опредѣлить, *который* изъ двухъ сигналовъ былъ ему поданъ. Избытокъ времени въ этомъ процессѣ надъ временемъ простой реакціи съ однимъ извѣстнымъ заранее сигналомъ служить, согласно Вундту, показателемъ продолжительности акта различенія. Она оказалась длиннѣе при беспорядочномъ примѣненіи четырехъ различныхъ сигналовъ, нежели при примѣненіи двухъ. При примѣненіи двухъ сигналовъ (оно заключается во внезапномъ появленіи бѣлаго или чернаго предмета) у трехъ наблюдателей получились въ среднемъ слѣдующіе результаты (въ секундахъ): 0,050, | 0,047, | 0,079. При примѣненіи четырехъ сигналовъ (къ черному и бѣлому были прибавлены красный и зеленый) у тѣхъ же изслѣдователей получились слѣдующіе результаты: 0,157 | 0,073 | | 0,132.

Проф. Каттель нашелъ, что съ помощью такого метода нельзя получить никакихъ точныхъ результатовъ, и обратился къ методу, практиковавшемуся до Вундта и отвергнутому послѣднимъ. Это — *einfache Wahlmethode*, по выраженію Вундта. Испытуемый субъектъ дождавшись сигнала извѣстнаго рода, реагируетъ, а надругіе не отвѣчаетъ вовсе никакими движеніями. Такимъ образомъ, реакція наступаетъ только послѣ акта различенія, такъ какъ двигательный импульсъ не можетъ быть посланъ въ рукѣ, пока субъектъ не опредѣлитъ характеръ сигнала. Дѣйствуя такимъ способомъ, проф. Каттель (Cattell) нашелъ, что приростъ времени, необходимый для различенія бѣлаго сигнала отъ отсутствія сигнала вообще, равнялся у одного наблюдателя 0,030, у другого 0,050; для различенія одного цвѣта отъ другого: 0,100 и 0,110; для различенія одного цвѣта отъ 10 другихъ: 0,105 и 0,117; для различенія буквы *A* обыкновеннаго шрифта отъ буквы *Z*: 0,142 и 0,137; для различенія данной буквы отъ любой другой изъ буквъ азбуки (причемъ до появленія данной буквы реакція не производилась): 0,119 и 0,116; для различенія даннаго слова отъ любого изъ двадцати пяти словъ: отъ 0,118 до 0,158 секунды въ зависимости отъ длины словъ и степени знанія того языка, изъ котораго слова взяты.

Проф. Каттель обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что время, необходимое для различенія одного слова отъ другого, немногимъ долше времени, необходимаго для различенія одной буквы отъ другой. «Итакъ, говоритъ онъ, мы не различаемъ каждую букву слова въ отдѣльности, но все слово цѣликомъ. Этотъ фактъ указываетъ, какимъ образомъ надо обучать дѣтей грамотѣ».

Онъ нашелъ также большую разницу во времени, необходимомъ для опредѣленія различныхъ буквъ, причемъ оказалось, что все го болѣе времени требуетъ буква *E*.

Время, необходимое для ассоціаціи одной идеи съ другою,

также было измерено. Гальтонъ при помощи весьма простого прибора нашелъ, что впечатлѣніе отъ неизвѣстнаго заранее слова вызываетъ по ассоціаціи опредѣленную «идею» приблизительно черезъ $\frac{1}{4}$ секунды. Затѣмъ Вундтъ производилъ опыты, въ которыхъ «подавалъ реплику» ассистентъ, выкрикивая односложныя слова. Подвергаемый эксперименту долженъ былъ въ моментъ обра- зования въ умѣ ассоціаціи съ произнесеннымъ словомъ нажимать извѣстный клавишъ.

При этомъ были хронографически отмѣчены моментъ появленія слова и моментъ наступленія реакціи; весь промежутокъ времени между двумя отмѣтками оказался у четырехъ экспериментаторовъ равнымъ: 1,009 секундамъ, 0,896 сек., 1,037 сек. и 1,154 сек. Для получения истиннаго времени, необходимаго для ассоціаціи, нужно вычесть изъ этихъ временныхъ промежутковъ простое время реакціи и время, необходимое для воспризнанія звуковъ слова («время апперцепціи» по Вундту). Разность, названная Вундтомъ *временемъ ассоціаціи*, получилась у четырехъ экспериментаторовъ равною: 706, 723, 752 и 874 тысячнымъ секунды. Крупность послѣдней цифры была обусловлена тѣмъ, что испытуемымъ субъектомъ былъ американецъ, для котораго, понятно, было труднѣе получить ассоціацію съ нѣмецкимъ словомъ, чѣмъ для нѣмцевъ. Самое короткое время ассоціаціи, равное 0,341 сек., Вундтъ получилъ при словѣ «Sturm», которое вызвало въ его умѣ слово «Wind». Проф. Каттель сообщаетъ интересныя измѣренія времени ассоціаціи между видомъ буквъ и ихъ названіями. «Я наклеилъ рядъ буквъ, рассказываетъ онъ, на боковую поверхность вращающагося около оси цилиндра и, глядя на нихъ сквозь отверстие въ экранѣ, старался опредѣлить, съ какою скоростью можно ихъ читать вслухъ». Онъ нашелъ, что скорость эта измѣнялась въ зависимости отъ того, была ли видима одна буква заразъ черезъ отверстие въ экранѣ, или можно было сразу видѣть ихъ нѣсколько, и показалъ, что нужно $\frac{1}{2}$ секунды для того, чтобы различить и назвать одну букву, видимую отдѣльно отъ другихъ. Скорость чтенія извѣстнаго человека есть, конечно, въ тоже время скорость, съ которою совершаются его ассоціаціи, такъ какъ каждое написанное слово должно во всякомъ случаѣ вызвать у него по ассоціаціи свое названіе для того, чтобы быть прочтеннымъ. «Я нахожу, говоритъ проф. Каттель, что требуется вдвое больше времени для того, чтобы прочитать вслухъ какъ можно скорѣе безсвязный рядъ словъ, чѣмъ для того, чтобы прочитать рядъ словъ, составляющихъ осмысленныя фразы, и вдвое больше времени для того, чтобы прочитать безсвязный рядъ буквъ, чѣмъ для того, чтобы прочитать рядъ словъ. Когда читаемыя слова образуютъ фразы, а буквы — слова, то не только процессы воспризнанія и произнесенія сливаются, но испытуемый субъектъ можетъ даже съ помощью одного усилія

ума сразу охватить цѣлую группу словъ или буквъ и съ помощью одного волевого акта сразу вызвать движенія, необходимыя для произнесенія ихъ, такъ что предѣломъ скорости, съ которою мы читаемъ слова и буквы, въ сущности служитъ максимальная скорость, съ какою могутъ двигаться органы рѣчи... Такъ, на примѣръ, авторъ, читая какъ можно скорѣе на различныхъ языкахъ, успѣвалъ прочитывать одно слово—по англійски въ 0,138 сек., по французски въ 0,167 сек., по нѣмецки въ 0,250 сек., по итальянски въ 0,327 сек., по латыни въ 0,434 сек. и по гречески въ 0,484 сек. Опыты другихъ замѣчательно точно подтвердили эти результаты. Испытуемый субъектъ не знаетъ, что онъ читаетъ на иностранномъ языкѣ медленнѣе, чѣмъ на своемъ; этимъ объясняется, почему намъ кажется, будто иностранцы говорятъ такъ скоро...

«Такимъ же путемъ можно было опредѣлить время, необходимое для воспріятія и называнія цвѣтовъ и изображеній предметовъ. Оказалось, что это время (нѣсколько болѣе $\frac{1}{2}$ секунды) для цвѣтовъ и для рисунковъ—одинаковой длины: приблизительно вдвое долѣе, чѣмъ при опытахъ надъ словами и буквами. Другими опытами я показалъ, что мы узнаемъ цвѣтъ или рисунокъ въ меньшей промежутокъ времени, чѣмъ слово или букву, но зато для называнія первыхъ требуется больше времени. Это происходитъ оттого, что при чтеніи буквъ и словъ ассоціаціи между видомъ объектовъ и называніемъ происходили столь часто, что процессъ сдѣлался автоматическимъ, между тѣмъ какъ при разсматриваніи цвѣтовъ и картинъ мы должны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ присисывать названіе съ помощью волевого усилія».

Д-ръ Ромэнсъ нашелъ «поразительную разницу въ максимумѣ скорости, съ какою могли читать отдѣльные индивиды, изъ которыхъ всѣ отличались большою начитанностью. Отношеніе скоростей можетъ доходить до 4 : 1, иначе говоря, въ данный промежутокъ времени одинъ субъектъ можетъ прочитать вчетверо больше, чѣмъ другой. Кромѣ того, повидимому, нѣтъ никакого прямого отношенія между медленностью чтенія и способностью усвоить прочтенное; наоборотъ, когда всѣ усилія читающаго направлены на то, чтобы усвоить въ данный промежутокъ времени какъ можно больше, читающіе быстро (какъ это можно было видѣть изъ сдѣланныхъ ими письменныхъ замѣтокъ) давали обыкновенно лучшей отчетъ о содержаніи прочтеннаго отдѣла или параграфа, сравнительно съ читающими медленно; быстрѣе читающіе, какъ я замѣтилъ, всего лучше усваиваютъ прочитанное». «Затѣмъ я долженъ замѣтить, говорить далѣе д-ръ Ромэнсъ, что между опредѣленной такимъ путемъ скоростью воспріятія и умственной активностью, выражающейся въ общихъ результатахъ умственнаго труда, нѣтъ никакого опредѣленнаго отношенія; производя многочисленные эксперименты надъ лицами, весьма выдающимися въ научной и литературной сферѣ, я нашелъ, что большинство изъ нихъ читаетъ медленно».

Степень напряженности вниманія оказываетъ также значительное вліяніе на время реакціи. Все, что разсѣваетъ, смущаетъ или беспокоитъ насъ до подачи сигнала или въ моментъ его появленія, непосредственно оказываетъ замедляющее дѣйствіе на реакцію.

Сложеніе стимуловъ. Во всей области нервныхъ центровъ господствуетъ слѣдующій законъ: *Стимулъ, который самъ по себѣ неспособенъ вызвать въ нервномъ центрѣ разрядъ, можетъ вызвать послѣдній, дѣйствуя одновременно съ другими стимулами, въ отдѣльности столь же безсильными, какъ и онъ.* Здѣсь всего естественнѣе предположить, что напряженія нервныхъ токовъ слагаясь въ концѣ-концовъ преодолеваютъ препятствія къ разряду. Первый токъ вызываетъ въ нервномъ центрѣ «внутреннее возбужденіе» или «повышенную раздражительность»; послѣдній является каплей, переполняющей чашу. Это можно доказать рядомъ физиологическихъ опытовъ, о которыхъ нѣтъ надобности говорить здѣсь; но и внѣ физиологической лабораторіи въ обыденной жизни постоянно приходится наблюдать законъ сложенія стимуловъ. Если лошадь, везущая омнибусъ, заупрямилась и не хочетъ ѣхать, то обыкновенно, послѣ ряда тщетныхъ усилій сдвинуть ее съ мѣста, примѣняютъ нѣсколько стимуловъ сразу. Если кучеръ кричитъ на лошадь и дергаетъ за возжи, кто-нибудь изъ стоящихъ на улицѣ тянетъ ее подъ уздцы, другой хлещетъ по ногамъ, въ это-же время пассажиры, выйдя изъ вагона, начинаютъ его пихать сзади, а кондукторъ звонитъ въ колокольчикъ, то обыкновенно упрямое животное трогается съ мѣста и продолжаетъ свой путь. Припоминая позабытое имя или фактъ, мы стараемся вызвать въ памяти какъ можно болѣе связанныхъ съ нимъ обстоятельствъ, такъ чтобы всѣ они въ совокупности напомнили то, чего каждое въ отдѣльности не въ силахъ напомнить. Нерѣдко животное, при видѣ мертвой добычи, не бросается на нее, но, замѣтивъ въ добычѣ движеніе, тотчасъ пускается ее преслѣдовать. «Брюшке нашель, что лишенная мозга курица, не пытающаяся подбирать зеренъ, лежащихъ передъ глазами ея глазами, начинаетъ клевать ихъ, если съ силою бросать зерна на землю, вызывая такимъ образомъ известнаго рода шумъ». «Д-ръ Алленъ Томсонъ заставляя цыплятъ вылупываться изъ яицъ на коврѣ, на которомъ держалъ ихъ послѣ того нѣсколько дней, причѣмъ они не обнаруживали никакой наклонности скрестись коверъ.... но, когда д-ръ Томсонъ насыпалъ на коверъ небольшую кучку земли, цыплята немедленно принялись ее раскапывать». Появленіе неизвѣстнаго лица и темнота суть стимулы страха и безповойства для собакъ (а черезъ нихъ и для людей). Ни то, ни другое обстоятельство въ отдѣльности не могутъ вызвать внѣшнія проявленія этого страха, но то и другое вмѣстѣ, т. е. появленіе неизвѣстнаго лица въ темнотѣ вызываютъ въ собакѣ сильнѣйшумъ тревогу. Уличные торговцы хорошо знаютъ практическую сторону

закона сложения стимуловъ, располагаясь въ рядъ по той аллеѣ, гдѣ гуляетъ публика, и, благодаря послѣдовательному ряду зазываній, прохожій покупаетъ у послѣдняго въ рядѣ то, чего не хотѣлъ покупать у перваго.

Притокъ крови къ мозгу. Электрическое раздраженіе любой части мозговой коры вноситъ измѣненія въ кровообращеніе и дыханіе. Какую бы часть коры мы ни стали раздражать, результатомъ, въ видѣ общаго правила, является повышеніе кровяного давленія во всемъ тѣлѣ, особенно же чувствительною въ этомъ отношеніи является «двигательная зона». При этомъ также наблюдается ускореніе или замедленіе сердцебіенія. Моссо при помощи своего «плетизмографа» нашелъ, что притокъ крови къ рукамъ при умственной дѣятельности уменьшается, а напряженіе артерій (указываемое сфигмографомъ), въ этихъ членахъ, увеличивается (см. рис. 50-й). Даже слабое впечатлѣніе, вызванное появленіемъ проф. Людвига въ лабораторіи, немедленно сопровождалось сморщеніемъ рукъ. Самый мозгъ представляетъ органъ, чрезвычайно обильный сосудами, въ сущности, это — губка, наполненная кровью; Моссо съ помощью другого своего изобрѣтенія показалъ, что чѣмъ менѣе притекаетъ крови къ ногамъ, тѣмъ болѣе притекаетъ къ головѣ. Испытуемаго кладутъ на чувствительный къ измѣненіямъ тяжести столъ, наклоняющійся то къ головѣ, то къ ногамъ лежащаго, въ зависимости отъ перемѣщенія центра тяжести. Когда у лежащаго начинался эмоціональный или интеллектуальный процессъ, головной конецъ стола наклонялся вслѣдствіе перераспределенія крови въ кровеносной системѣ испытуемаго субъекта. Но лучшимъ доказательствомъ существованія притока крови къ мозгу во время психической дѣятельности служатъ наблюденія Моссо надъ тремя лицами, у которыхъ мозгъ былъ обнаженъ, благодаря поврежденіямъ черепа. Съ помощью прибора, описаннаго въ его книгѣ, этотъ физиологъ нашелъ возможнымъ автоматически отмѣчать пульсацію крови въ мозгу графическимъ способомъ. Кровяное давленіе внутри черепа сейчасъ же увеличивалось, какъ только къ пациенту обращались съ рѣчью, или какъ только онъ начиналъ усиленно думать, напримѣръ, рѣшать ариѳметическую задачу. Моссо въ своемъ трудѣ приводитъ много копій кривыхъ, показывающихъ, какъ быстро измѣняется притокъ крови при малѣйшемъ измѣненіи психической активности независимо отъ того, какою причиною вызвано это измѣненіе — эмоціональной или интеллектуальной. Онъ рассказываетъ, что однажды, наблюдая пульсацію крови у одной пациентки, онъ замѣтилъ въ полученной кривой внезапное рѣзкое повышеніе, не мотивированное, повидимому, никакими внѣшними или внутренними причинами. Только впослѣдствіи пациентка его созналась, что въ моментъ повышенія кривой она увидѣла въ комнатѣ на шкафу черепъ, и это слегка испугало ее.

Измѣреніе температуры мозга. Дѣятельность мозга, повидимому, сопровождается мѣстнымъ освобожденіемъ тепла. Самымъ раннимъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ по этому вопросу была работа д-ра Дж. С. Ломбарда, появившаяся въ 1867-мъ году. Онъ наблюдалъ измѣненія температуры съ помощью чувствительныхъ термометровъ и электрическихъ батарей, помѣщенныхъ около черепа живого человѣка, и нашелъ, что всякое умственное усиленіе (напримѣръ, при счетѣ, при сочиненіи, при чтеніи стиховъ вслухъ и про себя), и въ особенности всякое эмоціональное волненіе, какова, напримѣръ, вспышка гнѣва, вызываютъ общую перемѣну температуры, которая рѣдко превышаетъ одинъ градусъ Фаренгейта. Въ 1870-мъ году неутомимый Шиффъ снова занялся этимъ вопросомъ; онъ производилъ опыты надъ живыми собаками и курами, погружая въ ихъ мозгъ термоэлектрическія иголки. Приучивъ ихъ выносить до нѣкоторой степени подобную операцію, онъ вызывалъ въ животныхъ различныя ощущенія: зрительныя, осязательныя, обонятельныя и слуховыя. Въ этихъ опытахъ онъ нашелъ весьма правильныя измѣненія мозговой температуры. Такъ, напримѣръ, поднося пустой свертокъ бумаги къ носу своей неподвижно лежащей собаки, онъ замѣчалъ небольшое измѣненіе въ температурѣ мозга; гораздо большее измѣненіе получалось, когда вмѣсто пустого свертка онъ давалъ нюхать собакѣ кусокъ мяса, завернутый въ бумагу. На основаніи этихъ и другихъ опытовъ Шиффъ замѣчалъ, что активность органовъ чувствъ нагрѣваетъ мозговыя ткани, но онъ при этомъ не пытался точно локализовать повышеніе температуры, ограничившись установленіемъ того общаго факта, что при любомъ воздѣйствіи на органы чувствъ температура въ обоихъ полушаріяхъ повышается. Въ 1880-мъ году д-ръ Амидонъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ въ изслѣдованіи этого вопроса, точно локализовавъ повышенія температуры, вызываемыя произвольными сокращеніями мускуловъ. Прикрѣпляя къ внѣшней поверхности черепа одновременно нѣсколько весьма чувствительныхъ поверхностныхъ термометровъ, онъ нашелъ, что при непрерывномъ сокращеніи извѣстныхъ мускуловъ въ продолженіе 10 минутъ и долѣе температура въ различныхъ частяхъ черепа повышалась; что центры повышенія температуры можно точно опредѣлить, и что при этомъ подъемъ температуры значительно превышалъ 1° Фаренгейта. Эти центры онъ нашелъ до извѣстной степени совпадающими съ моторными центрами для соотвѣтствующихъ движеній, которые были найдены Феррье и другими совершенно инымъ путемъ.

Фосфоръ и мысль. Принимая во вниманіе обиліе ходячихъ глупостей объ отношеніи между мыслию и фосфоромъ въ мозгу, скажу два слова по этому поводу. «*Ohne Phosphor, kein Gedanke*» — вотъ знаменитый боевой крикъ матеріалистовъ въ моментъ живого обсужденія этого вопроса въ Германіи въ 60-хъ годахъ. Мозгъ,

какъ и другіе органы тѣла, заключаетъ въ себѣ десятка два химическихъ элементовъ, въ томъ числѣ и фосфоръ. Почему физиологамъ вздумалось выставлять фосфоръ основнымъ элементомъ мозга, это одному Аллаху извѣстно! Можно съ неменьшимъ правомъ сказать: «*Ohne Wasser, kein Gedanke*» или: «*Ohne Kochsalz, kein Gedanke*», ибо мысль остановилась бы такъ же быстро, если бы мозгъ высохъ или потерялъ свой NaCl, какъ если бы онъ потерялъ свой фосфоръ. Въ Америкѣ фосфороманія выражалась въ неизмѣнномъ цитированіи (вѣрномъ или невѣрномъ — это другой вопросъ) словъ, якобы сказанныхъ проф. Агассисомъ, будто рыбаки обыкновенно бываютъ интеллигентнѣе фермеровъ, потому что они постоянно питаются рыбой, въ которой много фосфора. Все это факты весьма сомнительные.

Есть только одинъ прямой способъ выяснитъ значеніе фосфора для мысли; именно, для этого нужно доказать, что во время умственной дѣятельности мозгъ всего болѣе выдѣляетъ фосфору. Къ несчастію, прямо доказать этого нельзя, можно только измѣрять количество PO_5 въ мочѣ, и этотъ методъ неоднократно примѣнялся различными экспериментаторами, изъ которыхъ одни нашли, что при умственныхъ процессахъ количество фосфатовъ въ мочѣ увеличивается, другіе — что оно уменьшается. Въ концѣ-концовъ никакого опредѣленнаго отношенія установить здѣсь не оказалось возможнымъ. У маніаковъ во время ихъ припадковъ, повидимому, фосфоръ выдѣляется въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ обыкновенно. Во время сна его выдѣляется болѣе, чѣмъ во время бодрствованія. Тотъ фактъ, что фосфорные препараты помогаютъ при нервномъ истощеніи, еще нисколько не выясняетъ для насъ значенія фосфора для умственной дѣятельности. Подобно желѣзу, мышьяку и другимъ лѣкарствамъ, онъ представляетъ возбуждательное или тоническое средство, о внутреннемъ вліяніи котораго на нервную систему мы рѣшительно ничего не знаемъ, но которое въ тѣхъ весьма немногихъ случаяхъ, когда его прописываютъ больнымъ, приноситъ пользу.

«Поклонники фосфора» въ сферѣ философіи часто приравнивали процессъ мышленія физиологическимъ выдѣленіямъ. «Мозгъ выдѣляетъ мысль такъ же, какъ почки — мочу, а печень — желчь» — вотъ фраза, которую иногда случается слышать. Едва ли нужно указывать на несостоятельность проводимой въ ней аналогіи. Вещества, которыя мозгъ *выдѣляетъ* въ кровь (холестеинъ, креатинъ, всантинъ и другіе), представляютъ аналогію съ мочей и желчью, будучи дѣйствительно вполне матеріальными выдѣленіями. Въ этомъ отношеніи мозгъ представляетъ извѣстнаго рода сплошную железу. Но въ дѣятельности почекъ и печени мы не знаемъ ровно ничего такого, что можно было бы, хотя бы въ самомъ отдаленномъ отношеніи, сравнивать съ потокомъ мысли, сопровождающимъ выдѣленія мозговыхъ веществъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

П р и в ы ч к а.

Важное ея значеніе въ психологін. Намъ остается рассмотреть столь важное общее условіе нервной дѣятельности, что ему слѣдуетъ посвятить особую главу—именно, способность нервныхъ центровъ, въ особенности полушарій, къ приобрѣтенію привычекъ. *Съ физиологической точки зрѣнія, приобрѣтенная привычка есть не что иное, какъ образованіе въ мозгу новой пути разряда, по которому извѣстные приносящіе нервные токи стремятся всегда впоследствии уходить.* Это положеніе представляетъ основную тему настоящей главы; въ дальнѣйшихъ главахъ съ преобладаніемъ психологическаго содержанія мы увидимъ, что такія психическія функціи, какъ ассоціація идей, воспріятіе, память, мышленіе, воспитаніе воли etc., всего лучше могутъ быть объяснены, какъ результаты образованія именно такихъ новыхъ путей разряда.

Въ основаніи привычки лежитъ физическій законъ. Если мы попытаемся опредѣлить, что такое привычка, то увидимъ, что она представляетъ нѣчто, связанное съ основными свойствами матеріи. Законы природы суть не что иное, какъ неизмѣнныя привычки, которымъ слѣдуютъ, взаимодействуя другъ на друга, различные основные виды матеріи. Впрочемъ, въ организованномъ мірѣ привычки отличаются гораздо большимъ разнообразіемъ. Даже инстинкты проявляются у различныхъ индивидовъ въ различной формѣ и, какъ мы увидимъ ниже, у того же индивида измѣняются въ отдѣльныхъ случаяхъ. Съ точки зрѣнія атомистической философіи, привычки, свойственныя элементарной частицѣ матеріи, неизмѣнны, потому что сама эта частица неизмѣнна; но привычки въ сложныхъ массахъ матеріи могутъ измѣняться, ибо эти массы состоятъ въ свою очередь изъ сложныхъ соединеній, которыя отъ времени до времени могутъ подъ вліяніемъ вѣншихъ силъ или внутреннихъ напряженій совершенно измѣниться по своему строенію въ нѣчто новое. Это возможно въ томъ случаѣ, когда данное тѣло настолько пластично, что можетъ сохранить неизмѣнной свою вѣншую форму, не смотря на измѣненія въ своемъ внутреннемъ строеніи. Измѣненія въ строеніи въ данномъ случаѣ не распространяются на вѣншую форму

тѣла: они могутъ быть молекулярнаго невидимаго свойства, такъ бываетъ, когда, напримѣръ, кусокъ желѣза намагничивается или кристаллизуется подѣ влияніемъ извѣстныхъ внѣшнихъ причинъ, когда индѣйская резина становится рыхлой, или когда гипсъ «сѣдается». Всѣ эти измѣненія происходятъ довольно медленно; тѣла, подвергающіяся измѣненію, оказываютъ модифицирующей ихъ строеніе причинѣ извѣстное сопротивленіе, которое послѣдняя преодолеваетъ лишь постепенно, съ теченіемъ времени, и эта постепенность измѣненія нерѣдко спасаетъ тѣло отъ полнаго разрушенія. Когда въ строеніи тѣла произошло извѣстное измѣненіе, прежняя инертность тѣла становится условіемъ его относительнаго постоянства въ новой формѣ, и тогда тѣло начинаетъ проявлять новыя привычки. Слѣдовательно, подѣ *пластичностью* тѣла, въ широкомъ смыслѣ этого слова, слѣдуетъ разумѣть обладаніе строеніемъ, уступчивымъ влиянію внѣшнихъ причинъ, но не настолько уступчивымъ, чтобы поддаться этому влиянію сразу. Въ тѣлѣ съ такимъ строеніемъ каждая относительно-устойчивая фаза равновѣсія характеризуется тѣмъ, что мы называемъ новымъ комплексомъ привычекъ. Органическое вещество, въ особенности нервная ткань, повидимому, въ необыкновенно-сильной степени одарено такого рода пластичностью, такъ что мы можемъ не колеблясь выставить въ качествѣ перваго нашего положенія слѣдующее: *явленія привычки въ одушевленныхъ существахъ обусловлены пластичностью органическихъ веществъ, входящихъ въ составъ ихъ тѣлъ.*

Итакъ, философскій анализъ привычки представляетъ на первыхъ порахъ скорѣе отдѣлъ физики, чѣмъ физиологіи или психологіи. Всѣ наиболѣе выдающіеся писатели по этому вопросу соглашаются въ томъ, что въ основаніи привычки лежитъ физическій законъ. Нѣкоторые изъ нихъ проводятъ аналогію между приобретенными привычками и нѣкоторыми свойствами неорганизованнаго вещества. Вотъ что пишетъ по поводу этого Леонъ Дюмонъ:

«Всякій знаетъ, что платье, будучи нѣсколько времени поношено, тѣснѣе пристаётъ къ формамъ тѣла, чѣмъ когда оно съ иглою: отъ носки въ ткани платья произошли измѣненія, которыя образовали новую «привычку» сѣпленія. Новый замокъ дѣйствуетъ хуже, чѣмъ замокъ, побывавшій въ употребленіи: въ новомъ нужно не безъ усилія преодолевать нѣкоторую грубоватость механизма. Это преодоленіе сопротивленія есть приученіе. Легче свернуть листъ бумаги, который уже былъ свернутъ....., совершенно такъ же и въ нервной системѣ впечатлѣнія отъ внѣшнихъ объектовъ прокладываютъ для себя все болѣе и болѣе удобные пути, и эти жизненные процессы, будучи на нѣкоторое время прерваны, снова возникаютъ, какъ только имѣются на лицо аналогичныя внѣшнія раздраженія».

Но это наблюдается не на одной только нервной системѣ. Рубецъ на любомъ мѣстѣ представляетъ *locus minoris resistentiae* (мѣсто наименьшаго сопротивленія), онъ скорѣе стирается, воспаляется, чувствительнѣе къ холоду и жару, чѣмъ сосѣднія части кожи. Разъ вывихнутая рука или лодыжка всегда рискуютъ снова быть вывихнутыми; связки, которыя хоть разъ были поражены ревматизмомъ или подагрой, слизистая оболочка, бывшая однажды мѣстомъ катаррального страданія, при каждомъ новомъ возвратѣ болѣзни отличаются все большею и большею восприимчивостью къ болѣзненному процессу, пока, наконецъ, болѣзненное состояніе не сдѣлается въ нихъ постояннымъ. Хорошо извѣстно, какъ много такъ называемыхъ функциональныхъ расстройствъ въ нервной системѣ, повидимому, все болѣе и болѣе укореняется единственно потому, что имъ однажды случилось возникнуть, и какъ часто бываетъ достаточно энергичныхъ мѣръ, принятыхъ врачомъ противъ первыхъ припадковъ болѣзни, чтобы сообщить физиологическимъ процессамъ достаточно силъ для возстановленія нормальныхъ функций органа. Такъ бываетъ при эпилепсіяхъ, невралгіяхъ, всевозможныхъ судорожныхъ припадкахъ, безсонницѣ etc. На укорененіи привычекъ всего яснѣе можно видѣть, какъ велика разница между безучастнымъ наблюденіемъ возрастающей вредной наклонности и успѣшнымъ леченіемъ жертвъ вредныхъ увлеченій путемъ отученія, леченіемъ, показывающимъ, въ какой степени болѣзненные явленія обусловливались простою инертностью нервныхъ органовъ, послѣ того какъ ихъ функции стали отправляться неправильно.

Привычки обусловлены образованіемъ путей черезъ нервные центры. Если привычки обусловлены пластичностью, восприимчивостью нервного вещества къ вѣшнимъ впечатлѣніямъ, то легко опредѣлить, каковы должны быть эти впечатлѣнія. Ни къ механическому давленію, ни къ переменамъ температуры, ни къ какимъ бы то ни было силамъ, воздѣйствующимъ на другіе органы тѣла, нервная система не восприимчива, ибо, какъ мы видѣли на стр. 7-й, природа такъ обвертѣла и прикрыла мозгъ со всѣхъ сторонъ оболочками, что на него вліяютъ только притокъ крови, да впечатлѣнія, воспринимаемыя корнями чувствительныхъ нервовъ; черезъ послѣдніе въ мозгъ проникаетъ безконечное множество чрезвычайно тонкихъ токовъ, къ которымъ полушарія особенно чувствительны. Нервный токъ, проникнувъ въ мозгъ, ищетъ выхода. Выходя онъ оставляетъ на своемъ пути слѣдъ. Короче говоря, нервные токи *могутъ* только углублять прежніе пути или пролагать новые, а пластичность мозга выражается только въ томъ, что онъ представляетъ собою органъ, въ которомъ токи, проникая отъ органовъ чувствъ, съ чрезвычайною легкостью оставляютъ долго не изглаживающіеся слѣды. Ибо, конечно, простая привычка,

какъ и всякій другой нервный процессъ, напримѣръ, привычка говорить въ носъ, или класть руки въ карманы, или грызть ногти, въ качествѣ автоматическаго акта, есть не что иное, какъ рефлекторный разрядъ, анатомическимъ субстратомъ котораго является извѣстный путь въ нервной системѣ. Ниже мы будемъ имѣть случай вполне убѣдиться, что и самыя сложныя привычки, съ этой точки зрѣнія, являются простою *цѣпью* разрядовъ въ нервныхъ центрахъ, образующейся благодаря существованію въ нихъ системы рефлекторныхъ путей, которые такъ устроены, что рефлексъ послѣдовательно передается отъ одного пути къ другому, причемъ впечатлѣніе, вызванное однимъ сокращеніемъ мускуловъ, служитъ стимуломъ для другого сокращенія, пока, наконецъ, послѣднее впечатлѣніе не замкнетъ цѣпи.

Необходимо замѣтить, что нарастаніе измѣненій въ строеніи живой матеріи совершается скорѣе, чѣмъ въ строеніи неорганизованнаго вещества; потому что постоянное обновленіе вещества при питаніи въ организованной матеріи, замѣняя прежнюю ткань съ воспринятыми впечатлѣніями новою, скорѣе способствуетъ закрѣпленію воспринятыхъ мозгомъ модификацій, чѣмъ противодействуетъ имъ. Такъ, напримѣръ, послѣ упражненія нашихъ мускуловъ или нашего мозга въ какомъ-нибудь новомъ направленіи, мы чувствуемъ себя не въ силахъ продолжать въ томъ же направленіи, но черезъ день или два, опять принявшись за непривычную работу, нерѣдко бываемъ удивлены своими успѣхами. Учась запоминать мелодіи, я нерѣдко наблюдалъ на себѣ это психологическое явленіе; оно побудило одного нѣмецкаго писателя сказать, что зимой мы учимся плавать, а лѣтомъ—кататься на конькахъ.

Практическое значеніе привычки: 1) *Привычка упрощаетъ наши движенія, дѣлаетъ ихъ болѣе точными и уменьшаетъ вызываемую ими усталость.*

Человѣкъ рождается со стремленіемъ производить такое количество дѣйствій, для котораго у него не хватаетъ готовыхъ приспособленій въ нервныхъ центрахъ. У другихъ животныхъ большая часть этихъ дѣйствій отъ рожденія автоматична. Но у взрослого человѣка автоматическихъ приспособленій такая масса, что большая часть ихъ должна была быть выработана путемъ тяжелаго труда. Если бы наши дѣйствія отъ упражненія не совершенствовались, а привычка не сокращала бы расхода нервной и мускульной энергіи, то положеніе человѣка было бы весьма печальнымъ. Вотъ что говорить по этому поводу Маудсли (Maudsley *).

«Если бы дѣйствія не становились легче при повтореніи, если бы при каждомъ повтореніи того же дѣйствія нужно было снова

*) The physiology of Mind p. 155.

и снова тщательное руководство сознаниа, то, очевидно, никакой прогрессъ въ развитіи не былъ бы возможенъ, и вся наша житейская дѣятельность ограничивалась бы однимъ-двумя актами.

При такихъ условіяхъ человекъ могъ бы по цѣлымъ днямъ одѣваться и раздѣваться, сосредоточивать на своемъ туалетѣ все вниманіе и всю энергію; вымыть руки или застегнуть пуговицу ему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было бы такъ же трудно, какъ ребенку бываетъ трудно сдѣлать это въ первый разъ. Въ концѣ-концовъ онъ былъ бы измученъ рядомъ безсильныхъ попытокъ. Подумайте о томъ трудѣ, съ какимъ учить ребенка держаться на ногахъ, о тѣхъ усиліяхъ, которыя ему на первыхъ порахъ приходится для этого дѣлать, и о той легкости, съ какою онъ можетъ въ концѣ-концовъ стоять, не чувствуя никакихъ усилій. Ибо, между тѣмъ какъ вторично-автоматическіе акты сопровождаются сравнительно небольшимъ утомленіемъ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ органическимъ или къ первично-автоматическимъ движеніямъ, сознательныя усилія воли быстро утомляютъ насъ. Спинной мозгъ... безъ памяти былъ бы спиннымъ мозгомъ идиота. Для индивида становится яснымъ, сколь многимъ онъ обязанъ автоматической дѣятельности своего организма, только тогда, когда болѣзнь подорветъ функціи послѣдней».

2) *Привычка уменьшаетъ сознательное вниманіе, съ которымъ совершаются наши дѣйствія.*

Это можно схематически пояснить слѣдующимъ образомъ: если для выполненія известнаго акта нуженъ послѣдовательный рядъ нервныхъ процессовъ: А, В, С, D, E, F, G. etc., то, выполняющая этотъ актъ впервые, мы должны выбирать каждый элементъ этого ряда изъ известнаго числа болѣе или менѣе подходящихъ альтернативъ, какія только намъ представляются; но при повтореніи акта привычка заставляеть каждый элементъ въ рядѣ неизмѣнно вызывать слѣдующій за нимъ безъ появленія нѣсколькихъ альтернативъ, изъ которыхъ сознательная воля дѣлала бы выборъ, пока, наконецъ, при каждомъ появленіи элемента А остальной рядъ элементовъ не будетъ тотчасъ же слѣдовать въ неизмѣнномъ порядкѣ, какъ будто бы они представляли одно непрерывное измѣненіе. Учасъ ходить, ѣздить верхомъ, плавать, кататься на конькахъ, писать, играть на музыкальномъ инструментѣ или пѣть, мы на каждомъ шагѣ задерживаемъ свою работу массою ненужныхъ движеній или фальшивыхъ нотъ. Наоборотъ, лицо, хорошо владѣющее какимъ-нибудь искусствомъ, достигаетъ цѣли минимальною затратой мускульнаго усилія: движенія слѣдуютъ одно за другимъ, повинуюсь мгновенному импульсу. Мѣткій стрѣлокъ прицѣливается и застрѣливаетъ птицу, еще не успѣвъ вполне опредѣлить ее. Бѣглое взгляда на противника, одного удара его рапиры для фехтовальщика достаточно, чтобы мгно-

венно отпарировать ударъ и нанести противнику новый. Пѣанистъ бросаетъ бѣглый взглядъ на музыкальные іероглифы—и мигомъ изъ подъ его пальцевъ начинаютъ струиться потоки звуковъ. При этомъ, благодаря привычкѣ, съ теченіемъ времени и нецѣлесообразныя дѣйствія, такъ же какъ и цѣлесообразныя, становятся произвольными. Кому не случилось, снявъ жилетъ днемъ, начать заводить часы, по привычкѣ заводить ихъ каждый вечеръ, раздѣваясь передъ сномъ, или, придя ко входнымъ дверямъ въ квартирѣ знакомаго, вынуть изъ кармана свой *passé-partout*? Случалось, что лица, уходившія въ спальню переодѣться передъ обѣдомъ, согласно англійскому обычаю, по разсѣянности раздѣвались и ложились въ постель только потому, что къ такому результату приводили первые движенія при раздѣваніи въ болѣе поздній часъ. У всѣхъ насъ есть опредѣленная манера совершать нашъ ежедневный туалетъ, открывать и закрывать хорошо знакомые намъ ящики въ шкафахъ и т. п., но наши высшіе центры мысли не принимаютъ въ этихъ процессахъ почти никакого участія. Немногіе въ состояніи сказать, съ котораго носка или башмака они начинаютъ обуваться. Чтобы отвѣтить на это, они должны мысленно представить себѣ процессъ обуванья, но иногда и этого не бываетъ достаточно и приходится *повторить* самый актъ обуванія. Я не могу *дать отвѣтъ* на вопросы: которая половинка вашихъ ставень открывается первая? или: въ какую сторону отворяется ваша дверь? но *рука* моя, опирая ихъ, никогда не ошибется. Никто не въ состояніи описать тотъ послѣдовательный рядъ дѣйствій, при помощи которыхъ онъ причесываетъ свои волосы или чиститъ зубы, а между тѣмъ очень вѣроятно, что послѣдовательность этихъ дѣйствій у каждаго изъ насъ довольно постоянна.

Эти данныя можно свести къ слѣдующимъ соображеніямъ:

Въ дѣйствіяхъ, сдѣлавшихся привычными, каждое новое мускульное сокращеніе вызывается въ опредѣленномъ порядкѣ вслѣдъ за другими не актомъ мысли или воспріятія, но *ощущеніемъ непосредственно предшествовавшего мускульнаго сокращенія*. Въ то время, какъ волевымъ актомъ въ собственномъ смыслѣ слова руководятъ все время идеи, воспріятія и воленія, актомъ, приобретеннымъ привычкою, руководитъ достаточно успѣшно простое ощущение, а центры мозга, связанные съ психическими процессами высшаго порядка, почти совершенно не принимаютъ въ этихъ актахъ участія. Всего яснѣе это можно видѣть на рис. 51-мъ. Пусть *A, B, C, D, E, F, G* изображаютъ установившуюся въ силу привычки цѣпь мускульныхъ сокращеній, пусть *a, b, c, d, e, f* означаютъ ощущенія, вызываемыя этими послѣдовательными сокращеніями. Эти ощущенія обыкновенно локализируются въ движущихся частяхъ, но иногда они возникаютъ при посредствѣ дви-

женій уха или глаза. При помощи ихъ и притомъ при помощи только ихъ однихъ, мы узнаемъ, было сокращеніе мускуловъ, или нѣтъ. При усвоеніи ряда *A, B, C, D, E, F, G*, каждое изъ этихъ ощущеній служитъ для сознанія объектомъ особаго акта вниманія. Прежде чѣмъ перейти отъ одного звена въ цѣпи движеній къ другому, мы при помощи ощущеній провѣряемъ, правильно ли было произведено предшествующее движеніе. Мы колеблемся, сравниваемъ, выбираемъ, отвергаемъ представляющіяся альтернативы дѣйствія, и послѣ этихъ соображеній порядокъ дѣйствій опредѣляется порядкомъ импульсовъ, сообщаемыхъ высшими центрами.

Въ привычномъ дѣйствіи, наоборотъ, единственнымъ сознательнымъ импульсомъ, посылаемымъ изъ высшихъ центровъ, служитъ *начальный стимулъ* движенія. На діаграммѣ онъ обозначенъ буквой *V*. Имъ можетъ быть наша мысль о первомъ движеніи или о конечномъ его результатѣ или просто воспріятіе какого-нибудь внѣшняго условія, постоянно сопровождающаго данный рядъ движеній, на примѣръ, наличность подъ рукой клавиатуры рояля. Въ приведенномъ выше примѣрѣ какъ только сознательная мысль или воленіе повлекли за собой движеніе *A*, послѣднее, давъ о себѣ знать чрезъ ощущеніе *a*, вызываетъ рефлекторнымъ путемъ *B*, затѣмъ *B* при посредствѣ ощущенія *b* вызываетъ *C* и т. д., пока рядъ движеній не закончится, причемъ обыкновенно у испытуемаго субъекта появляется сознаніе конечнаго результата. Послѣднее на діаграммѣ обозначено буквой *G'*, какъ сознательный результатъ движенія *G*, возникшій въ высшихъ центрахъ и потому обозначенный выше линіи простыхъ ощущеній. Чувственныя же впечатлѣнія *a, b, c, d, e, f*, всѣ исходятъ изъ низшихъ центровъ.

Привычка обусловлена рядомъ ощущеній, конечное назначеніе которыхъ не предвидится нами. Мы назвали *a, b, c, d, e, f* простыми «ощущеніями». Если это ощущенія, то ощущенія, на которыя мы обыкновенно не обращаемъ вниманія; но несомнѣнно въ то же время, что они суть сознательные процессы, а не безсознательные нервные токи, ибо, при нарушеніи ихъ обычнаго порядка, мы тотчасъ же обращаемъ на нихъ вниманіе. По поводу этихъ ощущеній Шнейдеръ высказываетъ нѣсколько соображеній, заслуживающихъ нашего вниманія. «При ходьбѣ, говоритъ онъ, даже въ томъ случаѣ, когда наше вниманіе совершенно отвлечено въ сторону, сомнительно, чтобы мы могли сохранять въ равновѣсіи тѣло, если бы положеніе его абсолютно не ощущалось нами, и чтобы мы могли выдвигать ногу впередъ, не ощутивъ сдѣланнаго нами для этого движенія и абсолютно не сознавъ импульса, необходимаго для того, чтобы пустить ее въ ходъ. Процессъ вязанія кажется, вообще говоря, механическимъ: вязальщица можетъ продолжать вязать и въ тоже время читать или вести оживленный

разговоръ. Но, если мы спросимъ ее, какъ это возможно, то едва-ли она отвѣтитъ, что вязаніе совершается само собой. Она скорѣе скажетъ, что сознаетъ этотъ процессъ, что она чувствуетъ его въ рукахъ и знаетъ, какъ именно она должна вязать, и что, въ силу этого, даже въ томъ случаѣ, когда вниманіе отвлечено въ сторону, движенія вязанія вызываются и регулируются ощущеніями, которыя сверхъ того ассоціированы между собой». Въ другомъ мѣстѣ Шнейдеръ говоритъ: «Чтобы приучить начинающаго скрипача не поднимать праваго локтя, ему даютъ держать подъ мышкой книгу и тѣмъ заставляютъ его крѣпко прижимать верхнюю часть руки къ туловищу. Мускульныя и осозательныя ощущенія, связанныя съ держаніемъ книги, побуждаютъ крѣпко прижимать ее. Но часто при этомъ случается, что ученикъ, направивши все свое вниманіе на чтеніе нотъ, роняетъ книгу. Впрочемъ, позднѣе при большемъ навыкѣ этого никогда не случается: малѣйшее сознание прикосновенія книги достаточно, чтобы вызвать импульсъ къ удержанію ея на мѣстѣ, и вниманіе всецѣло можетъ быть поглощено чтеніемъ нотъ и правильнымъ движеніемъ пальцевъ лѣвой руки. Такимъ образомъ, одновременная комбинація движеній обусловлена прежде всего тою легкостью, съ которою могутъ на ряду съ интеллектуальными процессами совершаться чувственные процессы, не подчиненные контролю вниманія».

Важность принципа приученія въ этикѣ и педагогикѣ. «Привычка — вторая природа! Привычка въ десять разъ сильнѣе природы!» говорятъ, воскликнулъ однажды герцогъ Веллингтонъ; и едва-ли кто-нибудь можетъ оцѣнить справедливость этого положенія болѣе, чѣмъ старый ветеранъ. Ежедневное ученіе и годы дисциплины въ концѣ-концовъ навѣки прививаютъ человѣку извѣстныя привычки, налагая новый отпечатокъ почти на весь его образъ жизни.

«Есть анекдотъ, говоритъ проф. Гексли, про который можно сказать «Se non e vero, e ben trovato»: одинъ затѣйливый шутникъ, увидѣвъ, что отставной солдатъ несъ въ рукахъ домой свой обѣдъ, внезапно крикнулъ: На караулъ! и подъ вліяніемъ команды солдатъ инстинктивно вытянулъ руки по швамъ, уронивъ свой горшокъ съ бараниной и картофелемъ въ канаву. Дисциплина въ немъ была доведена до совершенства, и ея результаты навѣки вѣдрили въ нервную систему этого человѣка». Во многихъ сраженіяхъ кавалерійскія лошади, потерявшія сѣдока, согласно показаніямъ очевидцевъ, при звукахъ военныхъ сигналовъ собирались вмѣстѣ и начинали производить привычныя эволюціи. Большинство домашнихъ животныхъ кажутся просто на просто автоматами, которыя не колеблясь и не сомнѣваясь выполняютъ шагъ за шагомъ тѣ обязанности, къ которымъ ихъ приучили, и при этомъ не заставляютъ предполагать въ ихъ умѣ существова-

нія какихъ бы то ни было альтернативъ. Лица, состарѣвшіяся въ темницѣ, когда ихъ освобождали, нерѣдко просили снова заключить ихъ въ тюрьму. Во время одного желѣзнодорожнаго крушенія въ поѣздѣ находился тигръ изъ цирка въ клеткѣ, которая была при этомъ сломана; тигръ выскочилъ было изъ клетки, но тотчасъ же вернулся назадъ, какъ будто новая обстановка смутила его, такъ что снова запереть его не представляло труда.

Привычка играетъ въ общественныхъ отношеніяхъ роль колоссальнаго махового колеса: это самый дѣйственный консервативный факторъ въ соціальной жизни. Она одна удерживаетъ всѣхъ насъ въ границахъ законности и спасаетъ «дѣтей фортуны» отъ нападковъ завистливыхъ бѣдняковъ. Она одна побуждаетъ тѣхъ, кто съ дѣтства приучены жить самымъ тяжелымъ и неприятнымъ трудомъ, не покидать подобнаго рода занятій. Она удерживаетъ рыбака и матроса у моря въ зимнее время; она влечетъ рудокопа во мракъ его шахты и пригвождаетъ деревенскаго жителя на всю зиму къ его деревенскому домику и фермѣ; она предохраняетъ жителей умѣреннаго пояса отъ нападенія обитателей пустынь и полярныхъ странъ. Она принуждаетъ насъ вести житейскую борьбу при помощи того рода дѣятельности, который былъ предопредѣленъ нашими воспитателями или нами самими въ раннюю пору жизни; и, если эта дѣятельность и не по вкусу намъ, мы все же должны стараться выполнять ее наилучшимъ образомъ, такъ какъ только къ ней одной мы способны, а выбирать другой родъ дѣятельности уже слишкомъ поздно. Привычка удерживаетъ отъ смѣшенія различные слои общества. Уже на двадцатипятилѣтнемъ молодомъ человѣкѣ замѣтна печать его профессіи, будь онъ путешествующій комерсантъ, докторъ, пасторъ или адвокат—все равно. Вы подмѣчаете въ немъ проявленіе извѣстныхъ едва уловимыхъ особенностей характера, странностей мысли, предвзвѣствовъ, словомъ, печать профессіи, отъ которой человѣкъ такъ же не можетъ освободиться, какъ не могутъ складки на рукавахъ его сюртука внезапно принять новое расположеніе. Вообще говоря, это къ лучшему: хорошо, что у большинства людей на свѣтѣ къ тридцати годамъ характеръ, подобно высохшему гипсу, становится прочнымъ навсегда. Если періодъ жизни между двадцатью и тридцатью годами есть критическій періодъ для образованія интеллектуальныхъ и профессиональныхъ привычекъ, то возрастъ ниже двадцати лѣтъ имѣетъ еще болѣе важное значеніе для закрѣпленія *личныхъ* привычекъ въ собственномъ смыслѣ слова, каковы интонація голоса и произношеніе, жестикуляція, тѣлодвиженія и ловкость. Лица, изучившія иностранный языкъ послѣ двадцати лѣтъ, почти никогда не говорятъ на немъ безъ иностраннаго акцента. Молодой человѣкъ низкаго происхожденія, попавшій въ высшій кругъ общества,

почти никогда не бываетъ въ состояніи отучиться отъ неправильнаго произношенія словъ, которое онъ усвоилъ въ видѣ неразрывныхъ ассоціацій съ идеями въ дѣтскіе годы. Почти никогда, несмотря на обиліе денегъ въ карманѣ, онъ не бываетъ въ состояніи научиться одѣваться, какъ прирожденный аристократъ. Купцы усердно предлагаютъ ему свои товары, какъ настоящему дэнди, но онъ просто не способенъ выбрать себѣ подходящія вещи. Невидимый законъ, столь же сильный, какъ законъ тяготѣнія, удерживаетъ его въ границахъ его орбиты, заставляя его изъ года въ годъ одѣваться въ тоже безвкусное платье, и для него навѣки остается загадкой, какъ приобрѣтаютъ свои вещи тѣ изъ его знакомыхъ, которые одѣваются со вкусомъ.

Такимъ образомъ, въ воспитаніи великое дѣло *сдѣлать нашу нервную систему нашимъ другомъ, а не врагомъ*. Добиться этого — значитъ превратить приобрѣтенія въ чистыя деньги и жить спокойно на проценты съ капитала. Мы должны для себя по возможности въ самомъ раннемъ возрастѣ сдѣлать привычными какъ можно болѣе полезныхъ дѣйствій и остерегаться, какъ заразы, укорененія въ насъ вредныхъ привычекъ. Чѣмъ болѣе мелкихъ обыденныхъ дѣйствій мы предоставимъ не требующему сознательныхъ усилій контролю автоматизма, тѣмъ болѣе наши высшія духовныя способности будутъ имѣть свободы для своей дѣятельности. Нѣтъ существа болѣе жалкаго, чѣмъ человѣкъ, которому привычна лишь нерѣшительность, и для котораго необходимо особое рѣшеніе воли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда ему надо закурить сигару, выпить стаканъ чаю, лечь спать, подняться съ постели или приняться за новую часть работы. У такого человѣка болѣе половины времени уходитъ на обдумыванія или сожалѣнія о дѣйствіяхъ, которыя должны бы были до такой степени войти ему въ плоть и кровь, что стали бы безсознательными актами. Если подобныя ежедневныя привычки не укоренились прочно въ комъ-нибудь изъ моихъ читателей, пусть онъ сейчасъ же приметъ ихъ укрѣплять въ себѣ.

Въ одномъ сочиненіи проф. Бэна есть глава «Моральныя привычки», гдѣ по этому поводу высказано нѣсколько прекрасныхъ практическихъ замѣчаній. Въ основаніе его разсужденій положены двѣ правила. Согласно первому, при приобрѣтеніи какой-нибудь новой привычки или при искорененіи старой мы должны *вооружиться наивозможно болѣе строгой и безповоротной рѣшимостью дѣйствовать въ известномъ направленіи*. Мы должны обставить себя всѣми возможными условіями, благоприятствующими развитію хорошей привычки, упорно искать обстановки, содѣйствующей ея упроченію, передъ обществомъ возложить на себя обязанности, не совмѣстимыя со старой привычкой, связать себя обязательствомъ, если возможно, словомъ, обставить

себя въ слѣдованіи новой привычкѣ всѣми возможными вспомогательными средствами. Все это при началѣ образованія новой привычки создаетъ такую обстановку, благодаря которой соблазнъ нарушить новой режимъ не проявится такъ скоро, какъ это могло бы быть при другихъ условіяхъ, а съ каждымъ новымъ днемъ соблюденія новаго режима, вѣроятность нарушенія его все болѣе и болѣе уменьшается.

Второе правило Бэна слѣдующее: *«Ни разу не отступай отъ соблюденія новой привычки, пока она не вкоренится въ твою жизнь такъ глубоко, что случайное нарушеніе ея не будетъ представлять опасности»*. Каждое нарушеніе новой привычки можно сравнить съ паденіемъ шара, висящаго на веревкѣ, которую мы наматываемъ на палку: разъ выпустивъ изъ рукъ наматываемую веревку, мы даемъ шару возможность опуститься на множество оборотовъ. Непрерывность тренировки составляетъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ для того, чтобы сдѣлать непогрѣшимой дѣятельность нервной системы. Вотъ что говорить по этому поводу проф. Бэнъ:

«Особенность нравственныхъ привычекъ, отличающая ихъ отъ умственныхъ приобрѣтеній, заключается въ наличности въ каждой изъ нихъ двухъ враждебныхъ другъ другу силъ, изъ которыхъ одна должна постепенно освободиться отъ гнета другой. Въ этой борьбѣ двухъ противоположныхъ привычекъ мы прежде всего должны стараться не проиграть сраженія. Каждая побѣда дурной привычки уничтожаетъ результаты многихъ побѣдъ хорошей. Такимъ образомъ, при борьбѣ двухъ привычекъ всего важнѣе для насъ предоставить одной изъ нихъ непрерывный рядъ побѣдъ, пока, благодаря ихъ повторенію, она не укрѣпится настолько, чтобы быть въ состояніи успѣшно одолавать противоположную привычку при любыхъ условіяхъ. Съ теоретической точки зрѣнія это лучший путь для умственнаго прогресса».

При приобрѣтеніи привычки необходимость обезпечить успѣхъ въ самомъ началѣ является настоятельной. Неудача въ началѣ способна парализовать энергію во всѣхъ послѣдующихъ попыткахъ, между тѣмъ какъ сознаніе прошедшаго успѣха подкрѣпляетъ энергію и на будущее время. Когда одинъ не довѣрившій своимъ силамъ господинъ обратился къ Гете съ вопросомъ, слѣдуетъ ли ему начинать задуманное предпріятіе, Гете отвѣчалъ, что стоитъ только поплевать на руки — и дѣло въ шляпѣ. Эти слова Гете показываютъ, какое впечатлѣніе производила постоянно счастливая карьера Гете на его душевное настроеніе.

Къ разбираемому нами вопросу относится и вопросъ о постепенномъ искорененіи привычки при «отученіи» отъ пьянства и опіоманіи, и лица, занимавшіяся леченіемъ пьяницъ и потребителей опія, расходятся между собой во взглядахъ на способы лече-

нія лишь въ деталяхъ, примѣнительно къ индивидуальнымъ особенностямъ пациентовъ. Вообще же говоря, всѣ специалисты по этому вопросу сходятся въ томъ, что внезапное пріобрѣтеніе новой привычки всегда ведетъ къ лучшимъ послѣдствіямъ, если только для внезапнаго перерыва въ образѣ жизни представляется какая-нибудь возможность. Мы должны остерегаться подвергать нашу волю слишкомъ тяжелому испытанію, нанося въ самомъ началѣ ударъ вкоренившейся привычкѣ, но, *если пациентъ въ состояніи вынести это испытаніе*, то какъ при отученіи отъ страсти, вродѣ опіоманіи, такъ и просто при перемѣнѣ часовъ вставанія или занятій, всего лучше подвергнуть себя въ началѣ сильному страданію, и, переживъ его, добиться спокойнаго состоянія духа. Поразительно, какъ бы скоро исчезаетъ дурная наклонность, когда ее совершенно лишаютъ возможности проявляться.

«Прежде чѣмъ начать «передѣлывать себя» нужно научиться не поколебимо слѣдовать, не глядя ни направо, ни налево, по прямому и узкому пути. Тотъ, кто ежедневно высказываетъ все тоже доброе намѣреніе приняться за какое-нибудь дѣло, похожъ на человѣка, подходящаго къ краю рва, который ему надо засыпать, и снова идущаго назадъ, чтобы затѣмъ опять направиться къ пропасти. Безъ *непрерывнаго* преуспѣянія невозможно *накопленіе* моральныхъ силъ; чтобы сдѣлать послѣднее возможнымъ, чтобы закалить насъ въ немъ и пріучить къ нему, правильный трудъ является высшимъ благодѣяніемъ» *).

Къ двумъ предшествующимъ правиламъ можно прибавить третье: *Пользуйся первымъ появившимся благоприятнымъ случаемъ дѣйствовать при каждомъ рѣшеніи поступать известнымъ образомъ и при каждомъ эмоциональномъ стремленіи въ направленіи тѣхъ привычекъ, которыя хочешь пріобрѣсти*. Рѣшенія и стремленія оставляютъ въ мозгу известныя слѣды не въ моментъ ихъ появленія, а въ моментъ возникновенія *моторныхъ эффектовъ* подъ вліяніемъ послѣднихъ. Только что цитированный нами авторъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Наличность благоприятныхъ условий уже сама по себѣ даетъ рычагу нравственныхъ дѣйствій твердую точку опоры, при помощи которой мы можемъ приумножить свои нравственныя силы, по высивъ свой нравственный уровень. У кого нѣтъ такой твердой точки опоры, тотъ никогда не пойдетъ дальше поверхностной игры въ нравственную дѣятельность».

Если человѣкъ не пользуется каждымъ конкретнымъ случаемъ проявить нравственную *активность*, то его нравственный характеръ не будетъ улучшаться, хотя бы онъ обладалъ богатымъ запасомъ нравственныхъ правилъ и питалъ въ душѣ своей добрыя

---

*) J. Bahnsen. Beiträge zu Charakterologie (1867) v. I, p. 209.

чувства. Добрими намѣреніями, по пословицѣ, вымощенъ адъ. «Характеръ, говоритъ Дж. Стюартъ Милль, есть окончательно образовавшаяся воля»; а воля, въ томъ смыслѣ, какой Милль здѣсь имѣетъ въ виду, есть совокупность стремленій дѣйствовать быстрымъ и опредѣленнымъ путемъ во всѣхъ наиболѣе выдающихся событіяхъ жизни. Стремленіе дѣйствовать укореняется въ насъ въ зависимости отъ непрерывности повтореній дѣйствія въ нашей жизни, благодаря которымъ въ мозгу все болѣе и болѣе возрастаетъ способность ихъ производить. Когда благородное рѣшеніе или искренній порывъ чувства пропадаютъ по нашей винѣ безслѣдно, не принеши никакого добраго плода, то мы не только упускаемъ благоприятный случай дѣйствовать: мы такимъ образомъ и на будущее время оказываемъ препятствіе нашимъ рѣшеніямъ и эмоціямъ пройти въ мозгу нормальный путь разряда и проявиться въ видѣ дѣйствія. Нѣтъ болѣе презрѣннаго типа человѣческаго характера, чѣмъ характеръ безсильнаго сентименталиста и мечтателя, который всю свою жизнь предается чувствительнымъ изліяніямъ и не ударитъ пальца о палець, чтобы дѣйствительно сдѣлать истинно доброе дѣло. Классическимъ примѣромъ того типа, который я имѣю въ виду, можетъ служить Руссо, который, краснорѣчиво убѣждая всѣхъ женщинъ Франціи слѣдовать Природѣ и самимъ кормить грудью своихъ дѣтей, отдавалъ собственныхъ дѣтей въ воспитательный домъ. Но и всякій изъ насъ до известной степени вступаетъ прямо на путь Руссо въ томъ случаѣ, если, одушевляясь отвлеченно сформулированной идеей блага, мы игнорируемъ это благо на практикѣ, когда оно предстаетъ передъ нами въ невзрачномъ видѣ, замаскированное житейскими мелочами. Въ нашемъ будничномъ мірѣ всѣ блага являются въ невзрачномъ видѣ, благодаря вульгарности окружающей обстановки, но горе тому, кто узнаетъ ихъ только въ формѣ голой, отвлеченной абстракціи! Въ этомъ отношеніи неумѣренное посѣщеніе театра и чтеніе романовъ могутъ создать настоящихъ нравственныхъ уродовъ. Русская дама, проливающая слезы при видѣ раздирательной драмы въ театрѣ, въ то время какъ кучеръ ея до смерти мерзнетъ на холоду, представляетъ яркій образчикъ явленія, которое можно наблюдать вездѣ. Даже излишнее увлеченіе музыкой у тѣхъ лицъ, которыя сами не музыканты и не настолько музыкальны, чтобы наслаждаться ею чисто интеллектуальнымъ путемъ, по всей вѣроятности, имѣетъ расслабляющее вліяніе на характеръ. Слушая музыку, проникаешься эмоціями, которыя не находятъ никакого реальнаго исхода, и, такимъ образомъ, чувственное условіе дѣятельности замираетъ въ бездѣйствіи. Этому можно было бы помочь, еслибы мы неизмѣнно всякій разъ послѣ эмоціи, пережитой въ концертѣ, проявляли ее въ какой-нибудь осязательной формѣ. Пусть ея проявленіе будетъ самымъ незначи-

тельнымъ, пусть она выразится въ добромъ ласковомъ словѣ, обращенномъ къ старухѣ-бабушкѣ, или въ уступкѣ мѣста знакомому въ каретѣ, если не представляется случая оказать людямъ болѣе героическую услугу, но пусть эта эмоція во всякомъ случаѣ найдеть себѣ то или другое проявленіе.

Эти послѣдніе примѣры показываютъ намъ, что силою привычки не только частныя линіи разряда, но и общія его формы запечатлѣваются въ мозгу. При этомъ происходитъ то же, что наблюдается, когда мы предоставляемъ эмоціямъ бесплодно испаряться и тѣмъ дѣлаемъ въ нихъ это свойство постояннымъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь есть основаніе предполагать, что, часто отступая отъ извѣстнаго усилія привести что-нибудь въ исполненіе, мы тѣмъ самымъ развиваемъ въ себѣ на будущее время неспособность дѣлать усилія, и что вниманіе наше, если мы предоставимъ ему беспорядочно блуждать, вскорѣ станетъ постоянно перебѣгать съ одного предмета на другой. Вниманіе и усиліе, какъ мы увидимъ ниже, суть два названія для одного и того же психическаго явленія. Какіе мозговые процессы имъ соотвѣтствуютъ — неизвѣстно. Наиболѣе сильнымъ доводомъ въ пользу того, что эти душевныя состоянія всецѣло зависятъ отъ мозговыхъ процессовъ и не представляютъ проявленій чистаго духа, служитъ именно тотъ фактъ, что они, повидимому, въ извѣстной степени подчинены закону привычки, который есть законъ матеріальной природы. Въ качествѣ конечной максимы, относящейся къ воспитанію воли, мы можемъ предложить приблизительно такого рода правило: *Сохраняй въ себѣ живую способность къ усилію небольшимъ добровольнымъ ежедневнымъ упражненіемъ.* То есть, проявляй аскетизмъ и героизмъ въ мелочахъ, не необходимыхъ для тебя, дѣлая каждый день или каждые два дня что-нибудь такое, что ты предпочелъ бы не дѣлать, чтобы при наступленіи настоящей тяжелой нужды ты чувствовалъ себя готовымъ мужественно выдержать испытаніе. Такого рода аскетизмъ есть какъ бы страхованіе, которое мы платимъ за свой домъ и имущество. Деньги, тратимыя на страховку, не приносятъ намъ никакой пользы и могутъ никогда ее не принести. Но, если произойдетъ у насъ пожаръ, плата страховки избавитъ насъ отъ разоренія. То-же можно наблюдать на человѣкѣ, который ежедневнымъ упражненіемъ приучилъ себя сосредоточивать свое вниманіе, энергично распоряжаться своей волей и проявлять въ ненужныхъ вещахъ самоотреченіе. Среди всеобщаго разрушенія онъ будетъ выситься, подобно несокрушимой башнѣ, когда болѣе изнѣженные люди разсѣваются, какъ по вѣтру мякина.

Итакъ, изученіе психическихъ процессовъ съ фізіологической стороны можетъ оказать большую помощь практической морали. Ожидающій насъ въ будущей жизни адъ, о которомъ насъ учатъ богословы, не хуже того ада, который мы сами создаемъ себѣ

на этомъ свѣтѣ, воспитывая свой характеръ въ ложномъ направленіи. Еслибы дѣти могли себѣ представить, какъ быстро они становятся просто живымъ комплексомъ привычекъ, они болѣе обращали бы вниманія на свое поведеніе въ томъ возрастѣ, когда ихъ мозгъ находится еще въ пластическомъ состояніи. «Прялка жизни» находится въ нашихъ собственныхъ рукахъ, и мы сами безповоротно предопредѣляемъ свою судьбу. Нѣтъ такого ничтожнаго добродѣтельнаго или порочнаго поступка, который не оставилъ бы въ насъ своего навѣки неизгладимаго слѣда. Пьяница Рипъ Ванъ Винкль въ комедіи Джефферсона послѣ каждой новой выпивки извиняется, говоря: «Я не буду считать этого времени». Ну, онъ можетъ не считать, и милосердый Господь не зачтетъ ему этого времени, но время это тѣмъ не менѣе будетъ отмѣчено. Въ глубинахъ нервныхъ клѣтокъ и волоконъ его считаютъ молекулы, дѣлая для Винкля на будущее время неотразимымъ новый соблазнъ. Выражаясь съ научной строгостью, можно сказать, что всякій поступокъ оставляетъ въ нашей нервной системѣ неизгладимый слѣдъ. Разумѣется, это обстоятельство имѣетъ свою хорошую и дурную сторону. Серія отдѣльныхъ выпивокъ дѣлаетъ насъ постоянными пьяницами, но съ другой стороны такая же серія благихъ дѣлъ и часовъ извѣстнаго труда дѣлаетъ насъ святыми въ нравственномъ отношеніи или авторитетами и специалистами въ практической и научной сферахъ. Пусть никто изъ молодежи не беспокоится о конечныхъ результатахъ своего воспитанія, какова бы рода оно ни было. Человѣкъ, добросовѣстно выполняющій ежедневно свой трудъ, можетъ предоставить конечный результатъ своей работы ей самой. Онъ можетъ быть глубоко убѣжденнымъ, что въ одинъ прекрасный день онъ сознаетъ въ себѣ достойнѣйшаго представителя своего поколѣнія, какой бы родъ дѣятельности онъ ни избралъ себѣ. Втихомолку среди мелочей ежедневнаго труда въ немъ выработалась *способность правильно судить* въ сферѣ его специальности, способность, которая навѣки сохранится въ немъ неизгладимо. Юношеству эта истина должна быть извѣстна заранее. Незнакомство съ нею, быть можетъ, породило въ юношествѣ, вступающемъ на трудный жизненный путь, болѣе унынія и малодушія, чѣмъ всѣ остальные причины, взятая вмѣстѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Потокъ сознанія.

Порядокъ нашего изслѣдованія долженъ быть аналитическимъ. Теперь мы можемъ приступить къ изученію сознанія взрослого человѣка по методу самонаблюденія. Большинство психологовъ

придерживается такъ называемаго синтетическаго способа изложенія. Исходя отъ «простѣйшихъ идей—ощущеній» и разсматривая ихъ въ качествѣ атомовъ душевной жизни, они слагаютъ изъ послѣднихъ высшія состоянія сознанія—«ассоціаціи», «интеграціи» или «смѣшенія», какъ дома составляютъ изъ склеиванья отдѣльныхъ кирпичей. Такой способъ изложенія обладаетъ всѣми тѣми педагогическими преимуществами, какими вообще обладаетъ синтетическій методъ, но въ основаніе его кладется въ качествѣ предвзятой мысли весьма сомнительная теорія, будто высшія состоянія сознанія суть сложныя единицы, и вмѣсто того, чтобы отправляться отъ фактовъ душевной жизни, непосредственно извѣстныхъ читателю, именно отъ его цѣльныхъ, конкретныхъ состояній сознанія, сторонникъ синтетическаго метода беретъ исходнымъ пунктомъ рядъ гипотетическихъ «простѣйшихъ идей», которыя непосредственнымъ путемъ совершенно недоступны читателю, и послѣдній, читая описанія ихъ взаимодѣйствія, совершенно лишень возможности провѣрить справедливость этихъ описаній и ориентироваться въ наборѣ фразъ по этому вопросу; какъ-бы тамъ ни было, но постепенный переходъ въ изложеніи отъ простѣйшаго къ сложному въ данномъ случаѣ вводитъ насъ въ заблужденіе. Педанты и любители отвлеченностей, разумѣется, отнесутся крайне неодобрительно къ оставленію синтетическаго метода, но студентъ, любящій цѣльность человѣческой природы, предпочтетъ аналитическій методъ, отправляясь отъ самыхъ конкретныхъ фактовъ, которые составляютъ обыденное содержаніе его душевной жизни. Дальнѣйшій анализъ въ свое время вскроетъ элементарныя психическія единицы, если таковыя существуютъ, не заставляя насъ дѣлать рискованныя скороспѣлыя предположенія. Читатель долженъ имѣть въ виду, что въ настоящей книгѣ въ главахъ объ ощущеніяхъ больше всего говорилось объ ихъ физиологическихъ условіяхъ. Помѣщены же эти главы были раньше просто ради удобства, наряду съ описаніемъ приносящихъ нервныхъ токовъ. Съ психологической точки зрѣнія ихъ слѣдовало бы описывать въ концѣ книги.

Простѣйшія ощущенія были описаны нами на стр. 10-й, какъ психическіе процессы, которые въ зрѣломъ возрастѣ почти неизвѣстны намъ, но тамъ ничего не было сказано такого, что давало бы поводъ читателю думать, будто они суть элементы, образующіе своими соединеніями высшія состоянія сознанія.

Основной фактъ психологіи. Первичнымъ конкретнымъ фактомъ, принадлежащимъ внутреннему опыту, служитъ убѣжденіе, *что въ немъ происходятъ какіе-то сознательные процессы.* «Состоянія сознанія» смѣняются въ немъ одно другимъ. Подобно тому, какъ мы выражаемся безлично: «свѣтаетъ», «смеркается», мы можемъ и этотъ фактъ охарактеризовать всего лучше безличнымъ выраженіемъ: «думается».

Четыре свойства сознания. Какъ совершаются сознательные процессы? Мы замѣчаемъ въ нихъ четыре существенныхъ черты, изъ которыхъ каждую рассмотримъ вкратцѣ въ настоящей главѣ:

1) Каждое «состояніе сознания» стремится быть частью личнаго сознания.

2) Въ границахъ личнаго сознания его состоянія измѣнчивы.

3) Всякое личное сознание представляетъ непрерывную послѣдовательность ощущеній.

4) Одни объекты оно воспринимаетъ охотно, другіе отвергаетъ, вообще дѣлаетъ между ними *выборъ*.

Разбирая послѣдовательно эти четыре свойства сознания, мы должны будемъ употреблять цѣлый рядъ психологическихъ терминовъ, которые могутъ получить вполне точное опредѣленіе только въ послѣдующихъ главахъ книги. Но условное значеніе психологическихъ терминовъ общеизвѣстно, а въ этой главѣ мы ихъ будемъ употреблять только въ условномъ смыслѣ. Настоящая глава напоминаетъ набросокъ, который живописецъ сдѣлалъ углемъ на полотнѣ, и на которомъ еще не видно никакихъ деталей рисунка.

Когда я говорю: всякое «душевное состояніе» или «мысль» есть часть личнаго сознания, терминъ «личное сознание» употребляется мною именно въ такомъ условномъ смыслѣ. Значеніе этого термина понятно намъ до тѣхъ поръ, пока насъ не попросятъ точно объяснить его; тогда оказывается, что такое объясненіе представляетъ одну изъ труднѣйшихъ философскихъ задачъ. Эту задачу мы разберемъ въ слѣдующей главѣ, а теперь ограничимся однимъ предварительнымъ замѣчаніемъ.

Въ этой комнатѣ, свяжемъ въ аудиторіи, находится множество мыслей вашихъ и моихъ, изъ которыхъ однѣ связаны между собой, другія — нѣтъ. Онѣ такъ же мало обособлены и независимы другъ отъ дружки, какъ и всѣ связаны вмѣстѣ; про нихъ нельзя сказать ни того, ни другого безусловно: ни одна изъ нихъ не обособлена совершенно, но каждая связана съ нѣкоторыми другими, отъ остальныхъ же совершенно независима. *Мои* мысли связаны съ моими же другими мыслями, *ваши* — съ вашими же мыслями. Есть ли въ комнатѣ еще гдѣ-нибудь чистая мысль, не принадлежащая никакому лицу, мы не можемъ сказать, не имѣя на это данныхъ опыта. Состоянія сознания, которыя мы встрѣчаемъ въ природѣ, суть непременно личныя сознания — умы, личности, опредѣленные конкретныя «я» и «вы».

Мысли каждаго личнаго сознания обособлены отъ другого: между ними нѣтъ никакого непосредственнаго обмѣна, никакая мысль одного личнаго сознания не можетъ стать непосредственнымъ объектомъ для мысли другого сознания. Абсолютная разобщенность сознаний, не поддающійся объединенію плюрализмъ, составляетъ психологию.

логическій законъ. Повидимому, элементарнымъ психическимъ фактомъ служить не «мысль» вообще, не «эта или та мысль», но «моя мысль», вообще «мысль, принадлежащая кому-нибудь». Ни одновременность, ни близость по пространству, ни качественное сходство содержания не могутъ слить во едино мысли, которыя разъединены между собою барьеромъ личности. Разрывъ между такими мыслями представляетъ одну изъ самыхъ абсолютныхъ граней въ природѣ. Всякій согласится съ истинностью этого положенія, поскольку въ немъ утверждается только существованіе «чего-то», соответствующаго термину «личнаго сознанія», безъ указаній на дальнѣйшія свойства этого сознанія. Согласно этому, можно считать непосредственно даннымъ фактомъ психологіи скорѣе личное сознаніе, чѣмъ мысль. Наиболѣе общимъ фактомъ сознанія служить не—«Мысли и чувства существуютъ», но—«Я мыслю» или—«Я чувствую». Никакая психологія не можетъ оспаривать во чтобы то ни стало фактъ существованія личныхъ сознаній. Подъ личными сознаніями мы разумѣемъ связныя послѣдовательности мыслей, сознаваемыхъ, какъ таковыя. Худшее, что можетъ сдѣлать психологъ—это начать истолковывать природу личныхъ сознаній, лишивъ ихъ индивидуальной *цѣлности*.

Въ сознаніи происходятъ непрерывныя перемѣны. Я не хочу этимъ сказать, что ни одно состояніе сознанія не обладаетъ продолжительностью; еслибы это даже была правда, то доказать ее было бы очень трудно. Я только хочу моими словами подчеркнуть тотъ фактъ, что ни одно равъ минувшее состояніе сознанія, не можетъ снова возникнуть и буквально повториться. Мы то смотримъ, то слушаемъ, то разсуждаемъ, то желаемъ, то припоминаемъ, то ожидаемъ, то любимъ, то ненавидимъ: нашъ умъ попеременно занятъ тысячами различныхъ объектовъ мысли. Но скажутъ, пожалуй, что всѣ эти сложныя состоянія сознанія образуются изъ комбинацій простѣйшихъ состояній, въ такомъ случаѣ подчинены ли эти послѣднія тому же закону измѣчивости? Напримѣръ, всегда ли тождественны ощущенія, получаемыя нами отъ какаго-нибудь предмета? Развѣ не всегда тождественъ звукъ, получаемый нами отъ нѣсколькихъ ударовъ совершенно одинаковой силы по тому же фортепіанному клавишу? Развѣ не та-же трава вызываетъ въ насъ каждую весну то-же ощущеніе зеленого цвѣта, не то-же небо представляется намъ въ ясную погоду голубымъ, не то-же обязательное впечатлѣніе мы получаемъ отъ одеколона, сколько бы разъ мы ни пробовали нюхать ту-же склянку? Отрицательный отвѣтъ на эти вопросы можетъ показаться метафизической софистикой, а между тѣмъ *внимательный анализъ не подтверждаетъ того факта, что центростремительныя токи когда-либо вызывали въ насъ дважды абсолютно то-же чувственное впечатлѣніе.*

Тождественъ воспринимаемый нами объектъ, а не наши ощущенія:

мы слышимъ нѣсколько разъ подрядъ ту-же ноту, мы видимъ зеленый цвѣтъ того-же качества, обоняемъ тѣ-же духи или испытываемъ боль того же рода. Реальности объективныя или субъективныя, въ постоянное существованіе которыхъ мы вѣримъ, повидимому, снова и снова предстаютъ передъ нашимъ сознаниемъ и заставляютъ насъ, благодаря нашей невнимательности, предполагать, будто идеи объ нихъ суть однѣ и тѣже идеи. Когда мы дойдемъ до главы «*О воспріятіи*», мы увидимъ, какъ глубоко вкоренилась въ насъ привычка пользоваться чувственными впечатлѣніями при воспрізнаніи объектовъ, какъ показателями реального присутствія послѣднихъ. Трава, на которую я гляжу изъ окошка, кажется мнѣ того же цвѣта и на солнечной, и на тѣневой сторонѣ, а между тѣмъ художникъ, изображая на полотнѣ эту траву, чтобы вызвать картиною реальный эффектъ, въ одномъ случаѣ прибѣгаетъ къ темно-коричневой краскѣ, въ другомъ—къ свѣтло-желтой. Вообще говоря, мы не обращаемъ особеннаго вниманія на то, какъ различно тѣ-же предметы выглядѣть, звучать и пахнуть на различныхъ разстояніяхъ и при различной окружающей обстановкѣ. Мы стараемся убѣдиться лишь въ тождественности вещей, и любяя ощущенія, удостоверяющія насъ въ этомъ, при грубомъ способѣ оцѣнки будутъ сами казаться намъ тождественными. Благодаря этому обстоятельству, свидѣтельство о субъективномъ тождествѣ различныхъ ощущеній не имѣетъ почти никакой цѣны въ качествѣ доказательства реальности извѣстнаго факта. Вся исторія психологическаго явленія, называемаго ощущеніемъ, можетъ ярко иллюстрировать нашу неспособность сказать, совершенно ли одинаковы два порознь воспріятыя нами чувственныхъ впечатлѣнія, или нѣтъ. Вниманіе наше привлекается далеко не столько абсолютнымъ качествомъ впечатлѣнія, сколько тѣмъ поводомъ, который послѣднее можетъ дать къ одновременному возникновенію другихъ впечатлѣній. На темномъ фонѣ менѣ темный предметъ кажется бѣлымъ. Гельмгольцъ вычислилъ, что бѣлый мраморъ на картинѣ, изображающей мраморное зданіе, освѣщенное луной, при дневномъ свѣтѣ въ десять или двадцать тысячъ разъ ярче мрамора, освѣщеннаго настоящимъ луннымъ свѣтомъ.

Такого рода разница никогда не могла бы быть непосредственно познана чувственнымъ образомъ: ее можно было опредѣлить только рядомъ побочныхъ соображеній. Это обстоятельство заставляетъ насъ предполагать, что наша чувственная воспримчивость постоянно измѣняется, такъ что одинъ и тотъ же предметъ рѣдко вызываетъ въ насъ прежнее ощущеніе. Чувствительность наша измѣняется въ зависимости отъ того, бодрствуемъ мы или насъ клонитъ ко сну, сыты мы или голодны, утомлены или чувствуемъ себя бодро; она бываетъ различна днемъ и ночью, зимою и лѣтомъ, въ дѣтствѣ, въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости. И тѣмъ не менѣ мы нѣсколько не сомнѣваемся, что наши ощущенія раскрываютъ передъ нами

все тотъ же міръ съ тѣми же чувственными качествами и съ тѣми же чувственными объектами. Измѣнчивость нашей чувствительности всего ярче можно наблюдать на томъ, какія различныя эмоціи вызываютъ въ насъ тѣже вещи въ различныхъ возрастахъ или въ различныхъ настроеніяхъ духа въ зависимости отъ органическихъ причинъ. То, что раньше казалось яркимъ и возбуждающимъ, вдругъ становится избитымъ, скучнымъ, бесполезнымъ: тѣніе птицъ вдругъ начинаетъ казаться монотоннымъ, завываніе вѣтра — печальнымъ, видъ неба — мрачнымъ.

Къ этимъ косвеннымъ соображеніямъ въ пользу того, что наши ощущенія въ зависимости отъ измѣнчивости нашей чувствительности постоянно измѣняются существеннымъ образомъ, можно прибавить еще одно соображеніе физиологическаго характера. Каждому ощущенію соотвѣтствуетъ извѣстный процессъ въ мозгу. Для того, чтобы извѣстное ощущеніе съ абсолютной точностью повторилось, нужно, чтобы мозгъ послѣ перваго ощущенія *не подвергался абсолютно никакому измѣненію*. Но послѣднее, строго говоря, физиологически невозможно, слѣдовательно, и абсолютно точное повтореніе прежняго ощущенія невозможно, ибо мы должны предполагать, что каждой модификаціи мозга, какъ бы она ни была мала, соотвѣтствуетъ нѣкоторое измѣненіе въ сознаніи, которому служить данный мозгъ.

Но, если такъ легко обнаружить неосновательность мысли, будто простѣйшія ощущенія могутъ повторяться неизмѣннымъ образомъ, то еще болѣе неосновательнымъ должно казаться намъ мнѣніе, будто та-же неизмѣнная повторяемость наблюдается въ болѣе сложныхъ формахъ сознанія.

Вѣдь ясно, какъ Божій день, что состоянія нашего ума никогда не бываютъ абсолютно-тождественными. Каждая отдѣльная мысль о какомъ-нибудь предметѣ, строго говоря, есть *unicum* и имѣетъ лишь родовое сходство съ другими нашими мыслями о томъ же предметѣ. Когда повторяются прежніе факты, мы должны думать о нихъ по новому, глядѣть на нихъ подъ другимъ угломъ, открывать въ нихъ новыя стороны, сравнительно съ прежними. И мысль, которою мы познаемъ эти факты, всегда есть мысль о предметѣ плюсъ новыя отношенія, въ которыя онъ поставленъ, мысль, связанная съ сознаніемъ того, что сопровождаетъ ее въ видѣ неясныхъ деталей. Нерѣдко мы сами поражаемся странною переименованіемъ въ нашихъ послѣдовательныхъ взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ. Мы удивляемся, какъ мы могли думать извѣстнымъ образомъ о какомъ-нибудь предметѣ мѣсяць тому назадъ. Мы переросли возможность такого образа мыслей, а какъ — мы и сами не знаемъ. Съ каждымъ годомъ тѣже явленія представляются намъ совершенно въ новомъ свѣтѣ. То, что казалось призрачнымъ, стало вдругъ реальнымъ, и то, что прежде производило впечатлѣніе, те-

перь болѣе уже не привлекаетъ. Друзья, которыми мы дорожили больше всего на свѣтѣ, превратились въ блѣдныя тѣни прошлаго; женщины, казавшіяся намъ когда-то неземными созданіями, звѣзды, лѣса и воды со временемъ стали казаться скучными и провѣчными; юныя дѣвы, которыхъ мы нѣкогда обвѣщали какимъ-то небеснымъ ореоломъ, становятся съ теченіемъ времени въ нашихъ глазахъ самыми обыкновенными земными существами, картины — безсодержательными, книги... но развѣ въ произведеніяхъ Гете такъ много таинственной глубины? развѣ ужъ такъ содержательны сочиненія Джона Милля, какъ это намъ казалось прежде? Предвзявъ менѣе наслажденіямъ, мы все болѣе и болѣе погружаемся въ обыденную работу, все болѣе и болѣе проникаемся сознаніемъ важности труда на пользу общества и другихъ общественныхъ обязанностей. Мнѣ кажется, что анализъ цѣльныхъ, конкретныхъ состояній сознанія, смѣняющихъ другъ друга, есть единственный правильный психологическій методъ, какъ бы ни было трудно строго провести его черезъ всѣ детали изслѣдованія. Если въ началѣ онъ и покажется читателю темнымъ, то при дальнѣйшемъ изложеніи его значеніе выяснится. Пока замѣчу только, что въ случаѣ, если этотъ методъ правиленъ, выставленное мною выше положеніе о невозможности двухъ абсолютно одинаковыхъ идей въ сознаніи также истинно.

Это положеніе болѣе важно въ теоретическомъ отношеніи, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда, ибо, принимая его, мы совершенно расходимся даже въ основныхъ положеніяхъ съ психологическими теоріями Локковской и Гербартовской школы, которыя имѣли когда-то почти безграничное вліяніе въ Германіи и у насъ. Безъ сомнѣнія, весьма часто бываетъ *удобно* придерживаться своего рода атомизма при объясненіи психическихъ явленій, рассматривая высшія состоянія сознанія, какъ агрегаты неизмѣняющихся элементарныхъ идей, которыя непрерывно смѣняютъ другъ друга. Подобнымъ же образомъ часто бываетъ удобно рассматривать кривыя линіи, какъ линіи, состоящія изъ весьма малыхъ прямыхъ, а электричество и нервные токи, какъ извѣстнаго рода жидкости. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не должны забывать, что употребляемъ символическія выраженія, которымъ въ природѣ ничего не соотвѣтствуетъ. *Неизмѣнно существующая идея, появляющаяся отъ времени до времени передъ свѣтомъ нашего сознанія, есть такая же фантастическая фикція, какъ «пиковый валетъ».*

Въ наидомѣ личномъ сознаніи процессъ мышленія представляетъ сплошной рядъ ощущеній. *Сплошнымъ* рядомъ я могу назвать только такой, въ которомъ нѣтъ перерывовъ и дѣленій. Мы можемъ представить себѣ только два рода перерывовъ въ сознаніи: или *временные пробѣлы*, въ теченіе которыхъ сознаніе отсутствуетъ, или столь рѣзкую пережѣву въ содержаніи познавае-

маго, что послѣдующее въ сознаниі не имѣетъ никакого отношенія къ предшествующему. Положеніе: *«сознаніе непрерывно»* заключаетъ въ себѣ двѣ мысли:

1) Душевныя состоянія, предшествующія временному пробѣлу и слѣдующія за нимъ, сознаются нами, какъ части одной и той же личности.

2) Перемены въ качественномъ содержаніи сознанія никогда не совершаются рѣзко. Разберемъ сначала первый болѣе простой случай.

1) Когда спавшіе на одной кровати Петръ и Павелъ просыпаются и начинаютъ припоминать прошлое, каждый изъ нихъ ставитъ въ связь данную минуту со своимъ собственнымъ прошлымъ. Подобно тому, какъ токъ анода, зарытаго въ землю, безошибочно находитъ соотвѣтствующій ему катодъ черезъ всѣ промежуточные вещества, такъ настоящее Петра вступаетъ въ связь съ его предшдшимъ и никогда не сплетается по ошибкѣ съ прошлымъ Павла. Такъ же мало способно ошибиться сознаніе Павла. Прошедшее Петра присвоается только его настоящимъ. Онъ можетъ имѣть совершенно вѣрныя свѣдѣнія о томъ состояніи дремоты, послѣ котораго Павелъ погрузился въ сонъ, но это знаніе безусловно отличается отъ сознанія его собственнаго прошлаго. Свои собственныя состоянія сознанія Петръ *помнитъ*, а Павловы только *представляетъ себѣ*. Припоминаніе аналогично съ непосредственнымъ ощущеніемъ: его объектъ всегда бываетъ проникнутъ живостью и родственностью, которыхъ нѣтъ у объекта простаго воображенія. Этими качествами живости, родственности и непосредственности обладаетъ *настоящее* Петра. Какъ настоящее есть часть моей личности, мое, такъ точно и все другое, проникающее въ мое сознаніе съ живостью и непосредственностью—мое, составляетъ часть моей личности. Далѣе мы увидимъ, въ чемъ именно заключаются тѣ качества, которыя мы называемъ живостью и родственностью. Но, какъ только прошедшее состояніе сознанія представилось намъ обладающимъ этими качествами, оно тотчасъ присвоивается нашимъ настоящимъ и входитъ въ составъ нашей личности. Эта сплошность личности представляетъ то нѣчто, которое не можетъ быть временнымъ пробѣломъ, и которое, сознавая существованіе этого временнаго пробѣла, все же продолжаетъ сознавать свою непрерывность съ нѣкоторыми частями прошедшаго.

Такимъ образомъ, сознаніе всегда является для себя чѣмъ-то цѣльнымъ, не раздробленнымъ на части. Такія выраженія, какъ «цѣпь» или «серія» психическихъ явленій не даютъ намъ представленія о сознаніи, какое мы получаемъ отъ него непосредственно: въ немъ нѣтъ связокъ, оно течетъ непрерывно. Всего естественнѣе въ нему примѣнить метафору «рѣка» или «потокъ».

Говоря о немъ ниже, будемъ придерживаться термина «потокъ» сознания, мысли или субъективной жизни.

2) Но даже въ границахъ того же самаго сознания и между мыслями, принадлежащими равно тому же субъекту, есть родъ связности и безсвязности, къ которому предшествующее замѣчаніе не имѣетъ никакого отношенія. Я здѣсь имѣю въ виду рѣзкія перемѣны въ сознаниі, вызываемыя *качественными* контрастами въ слѣдующихъ другъ за другомъ частяхъ потока мысли. Если выраженія «цѣпь» или «серія» психическихъ явленій не могутъ быть применены къ данному случаю, то какъ объяснить вообще ихъ возникновеніе въ языкѣ? Развѣ громкій взрывъ не раздѣляетъ на двѣ части сознаниа, на которое онъ оказываетъ вѣдѣніе? Нѣтъ, ибо сознаніе грома сливается съ сознаніемъ предшествующей тишины, которое продолжается: вѣдѣ, слыша шумъ отъ взрыва, мы слышимъ не *просто грохотъ*, а грохотъ, внезапно нарушающій молчаніе и контрастирующій съ нимъ. Наше ощущеніе грохота при такихъ условіяхъ совершенно отличается отъ впечатлѣнія, вызваннаго тѣмъ же самымъ грохотомъ въ непрерывномъ ряду другихъ подобныхъ же шумовъ. Мы знаемъ, что шумъ и тишина взаимно уничтожаютъ и исключаютъ другъ друга, но ощущеніе грохота есть въ то-же время сознание того, что въ этотъ мигъ прекратилась тишина, и едва ли можно найти въ конкретномъ реальномъ сознаниі человека ощущеніе, настолько ограниченное настоящимъ, что въ немъ не нашлось бы ни малѣйшаго намека на то, что ему предшествовало.

«Устойчивыя» и «измѣнчивыя» состоянія сознания. Если мы бросимъ общій взглядъ на удивительный потокъ нашего сознания, то прежде всего насъ поразитъ различная быстрота теченія въ отдѣльныхъ частяхъ. Сознаніе подобно жизни птицы, которая то сидитъ на мѣстѣ, то летаетъ. Ритмъ языка отмѣтилъ эту черту сознания тѣмъ, что каждую мысль языка облекъ въ форму предложенія, а предложеніе развилъ въ форму періода. Остановочныя пунеты въ сознаниі обыкновенно бываютъ заняты чувственными впечатлѣніями, особенность которыхъ заключается въ томъ, что они могутъ, не измѣняясь, созерцаться умомъ неопредѣленное время; переходныя промежутки заняты мыслями объ отношеніяхъ статическихъ и динамическихъ, которыя по большей части устанавливаются нами между объектами, воспринятыми въ состояніи относительнаго покоя.

Назовемъ остановочныя пунеты «устойчивыми частями», а переходныя промежутки «измѣнчивыми частями» потока сознания. Тогда мы замѣтимъ, что наше мышленіе постоянно стремится отъ одной устойчивой части, только-что покинутой, къ другой, и можно сказать, что главное назначеніе переходныхъ частей сознания заключается въ томъ, чтобы направлять насъ отъ одного прочнаго, устойчиваго вывода къ другому.

При самонаблюденіи очень трудно подмѣтить переходные моменты въ ихъ настоящемъ видѣ. Вѣдь, если они — только переходная ступень къ опредѣленному выводу, то, останавливая на нихъ наше вниманіе до наступленія вывода, мы этимъ самымъ уничтожаемъ ихъ. Пока мы ждемъ наступленія вывода, послѣдній сообщаетъ переходнымъ моментамъ такую силу и устойчивость, что совершенно поглощаетъ ихъ своимъ блескомъ. Пусть кто-нибудь попытается захватить вниманіемъ на полдорогѣ переходный моментъ въ процессѣ мышленія, и онъ убѣдится, какъ трудно самонаблюденіе при измѣнчивыхъ состояніяхъ сознанія. Мысль несется стремглавъ, такъ что почти всегда приводитъ насъ въ выводъ раньше, чѣмъ мы успѣваемъ захватить ее. Если же мы и успѣваемъ захватить ее, она мигомъ видоизмѣняется. Снѣжный кристаллъ, схваченный теплою рукою, мигомъ превращается въ водяную каплю; подобнымъ же образомъ, желая уловить переходное состояніе сознанія, мы вмѣсто того находимъ въ немъ нѣчто вполне устойчивое, обыкновенно это бываетъ послѣднее мысленно произнесенное нами слово, взятое само по себѣ, независимо отъ своего смысла въ связи съ контекстомъ, который совершенно ускользаетъ отъ насъ. Въ подобныхъ случаяхъ попытка къ внутреннему самонаблюденію является совершенно бесплодной — это все равно, что схватывать руками волчокъ, чтобы уловить его движеніе, или быстро заворачивать газовый рожокъ съ цѣлю посмотрѣть, какъ выглядятъ въ темнотѣ предметы. Требованіе *указать* эти переходныя состоянія сознанія, требованіе, которое будетъ навѣрное предъявлено иными психологами отстаивающимъ существованіе подобныхъ состояній, такъ же неосновательно, какъ аргументъ противъ защитниковъ реальности движенія, приводившійся Зенономъ, который требовалъ, чтобы они показали ему, въ какомъ мѣстѣ *находится* стрѣла во время ея полета, и изъ ихъ неспособности дать быстрый отвѣтъ на такой нелѣпый вопросъ заключалъ о несостоятельности ихъ основного положенія.

Затрудненія, связанные съ самонаблюденіемъ, приводятъ къ весьма печальнымъ результатамъ. Если наблюденіе переходныхъ моментовъ въ потокѣ сознанія и ихъ фиксированіе вниманіемъ представляетъ такія трудности, то слѣдуетъ предположить, что великое заблужденіе всѣхъ философскихъ школъ заключалось съ одной стороны въ невозможности фиксировать измѣнчивыя состоянія сознанія, съ другой въ ненадлежащемъ преувеличеніи значенія болѣе устойчивыхъ состояній сознанія. Исторически это заблужденіе выразилось въ двоякой формѣ. Однихъ мыслителей оно привело къ *сенсуализму*. Чувствуя себя не въ состояніи охватить всю совокупность устойчивыхъ ощущеній, соответствующихъ безчисленному множеству отношеній и формъ связи между явленіями чувственного міра, не находя въ этихъ отношеніяхъ отраженія ду-

шевныхъ состояній, поддающихся опредѣленному *наименованію*, они начинали по большей части отрицать вообще всякую реальность подобныхъ состояній; многіе изъ нихъ, напримѣръ Юмъ, дошли до полного отрицанія реальности большей части отношеній какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Простыя «идеи»—ощущенія и ихъ воспроизведеніе, — расположенныя одна за другой, какъ кости въ домино, безъ всякой реальной связи между собой — вотъ въ чемъ состоитъ вся душевная жизнь съ точки зрѣнія этой школы, все остальное—одни словесныя заблужденія. Съ другой стороны, *интеллектуалисты*, будучи не въ силахъ отвергнуть реальность существующихъ внѣ сферы нашего сознанія отношеній, но въ тоже время, не имѣя возможности указать на какія-нибудь устойчивыя ощущенія, въ которыхъ проявлялась бы эта реальность, также пришли въ отрицанію подобныхъ ощущеній. Но отсюда они сдѣлали прямо противоположное заключеніе. Отношенія эти, по ихъ словамъ, должны быть познаны въ чемъ-нибудь такомъ, что не есть ощущеніе или какое-либо душевное «состояніе», тождественное съ тѣми субъективными элементами сознанія, изъ которыхъ слагается наша душевная жизнь, и составляющее съ ними одно сплошное цѣлое. Они должны быть познаны чѣмъ-то, лежащимъ совершенно въ иной сферѣ, *актомъ чистой мысли*, Интеллектомъ или Разумомъ, которые пишутся съ большой буквы и должны означать нѣчто, неизмѣримо превосходящее всякія измѣнчивыя явленія нашей чувственности.

Съ нашей точки зрѣнія и интеллектуалисты, и сенсуалисты неправы. Если вообще существуютъ такія явленія, какъ ощущенія, то по скольку несомнѣнно, что существуютъ реальныя отношенія между объектами, по стольку же и даже болѣе несомнѣнно, что существуютъ ощущенія, по которымъ познаются эти отношенія. Нѣтъ союза, предлога, нарѣчія, приставочной формы или перемѣны интонаціи въ человѣческой рѣчи, которые не выражали бы того или другого отгѣвна или перемѣны отношенія, ощущаемой нами дѣйствительно въ данный моментъ.

Говоря объективно, передъ нами раскрываются реальныя отношенія; говоря субъективно, ихъ устанавливаетъ нашъ потокъ сознанія, сообщая каждому изъ нихъ свою особую внутреннюю окраску. Въ обоихъ случаяхъ отношеній безконечно много, и ни одинъ языкъ въ мірѣ не передастъ всѣхъ возможныхъ отгѣвновъ въ этихъ отношеніяхъ.

Какъ мы говоримъ объ ощущеніи *синевы* или *холода*, такъ точно мы имѣемъ право говорить объ ощущеніи «и», ощущеніи «если», ощущеніи «но» и ощущеніи «черезъ». А между тѣмъ мы этого не дѣлаемъ: привычка признавать существованіе только за существительными такъ вкоренилась въ насъ, что нашъ языкъ совершенно отказывается субстантивировать другія части рѣчи. Обра-

тятся снова къ аналогіи съ мозговыми процессами. Мы считаемъ мозгъ органомъ, въ которомъ внутреннее равновѣсіе постоянно находится въ неустойчивомъ состояніи, такъ какъ въ каждой части его происходятъ непрерывныя перемѣны. Стремленіе къ перемѣнѣ въ одной части мозга является, безъ сомнѣнія, болѣе сильнымъ, чѣмъ въ другой; въ одно время быстрота перемѣны бываетъ больше, въ другое меньше. Въ равномерно вращающемся калейдоскопѣ, хотя фигуры и принимаютъ постоянно все новую и новую группировку, но между двумя группировками бываютъ мгновенья, въ которыхъ перемѣщеніе частицъ совершается очень медленно и какъ бы совершенно прекращается, а затѣмъ вдругъ, какъ бы по манію волшебства, мгновенно совершается новая группировка, и такимъ образомъ относительно-устойчивыя формы смѣняются такими, которыхъ мы не узнали бы, вновь увидѣвши ихъ; точно такъ же и въ мозгу распределеніе нервныхъ процессовъ выражается то въ формѣ относительно-долгихъ напряженій, то въ формѣ быстро-преходящихъ измѣненій. Но, если сознание соотвѣтствуетъ распределенію нервныхъ процессовъ, то почему же оно должно прекращаться, несмотря на безостановочную дѣятельность мозга, и почему, въ то время какъ медленно совершающіяся измѣненія въ мозгу вызываютъ извѣстнаго рода сознательные процессы, быстрыя измѣненія не могли бы сопровождаться особой имъ соотвѣтствующей психической дѣятельностью?

Объектъ сознанія всегда связанъ съ «психическими обертонами». Есть еще другія не поддающіяся наименованію перемѣны въ сознаніи, такъ же важныя, какъ и переходныя состоянія сознанія, и такъ же вполне сознательныя. На примѣрахъ всего легче понять, что я здѣсь имѣю въ виду.

Предположимъ, что три лица одно за другимъ крикнули намъ: «Ждите!», «Слушайте!», «Смотрите!». Наше сознаніе въ данномъ случаѣ подвергается тремъ совершенно различнымъ состояніямъ ожиданія, хотя ни въ одномъ изъ трехъ случаевъ передъ нимъ не находится никакого опредѣленнаго объекта. По всей вѣроятности, никто въ данномъ случаѣ не станетъ отрицать существованія въ себѣ особеннаго душевнаго состоянія, чувства предполагаемаго направленія, по которому должно возникнуть впечатлѣніе, хотя еще не обнаружилось никакихъ признаковъ появленія послѣдняго. Для такихъ психическихъ состояній мы не имѣемъ другихъ названій, кромѣ «жди», «гляди» и «слушай».

Представьте себѣ, что вы припоминаете забытое имя. Это припоминаніе представляетъ своеобразный процессъ сознанія. Въ немъ есть какъ бы ощущеніе нѣкоего пробѣла, но пробѣлъ этотъ ощущается весьма активнымъ образомъ. Передъ нами какъ бы возникаетъ нѣчто, намекающее на забытое имя, нѣчто, которое манитъ насъ въ извѣстномъ направленіи, заставляя насъ ощущать неприятное

чувство бессилія и вынуждая въ концѣ-концовъ отступить отъ тщетныхъ попытокъ припомнить забытое имя. Если намъ приводить неподходящія имена, стараюсь навести насъ на истинное, то съ помощью этого особеннаго чувства пробѣла мы немедленно отвергаемъ ихъ. Они не соотвѣтствуютъ характеру пробѣла. При этомъ пробѣлъ отъ одного забытаго слова не похожъ на пробѣлъ отъ другого слова, хотя оба пробѣла могутъ быть нами охарактеризованы лишь полнымъ отсутствіемъ содержанія. Въ моемъ сознаніи совершаются два совершенно различныхъ процесса, когда я тщетно стараюсь припомнить имя Сналдинга или имя Баулса. При каждомъ припоминаемомъ словѣ мы испытываемъ особое чувство *недостатка*, которое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ бываетъ различно, хотя и не имѣетъ особаго названія. Такое ощущеніе недостатка всецѣло отличается отъ недостатка ощущенія: это вполнѣ интенсивное ощущеніе. У насъ можетъ сохраниться ритмъ забытаго слова безъ соотвѣтствующихъ звуковъ, составляющихъ его, или нѣчто, напоминающее первую букву, первый слогъ забытаго слова, но не вызывающее въ памяти всего слова. Всякому знакомо неприятное ощущеніе пустого размѣра забытаго стиха, который, несмотря на всѣ усилія припоминанія, не заполняется словами.

Въ чемъ заключается первый проблескъ пониманія чего-нибудь, когда мы, какъ говорится, схватываемъ смыслъ фразы? По всей вѣроятности, это совершенно своеобразное ощущеніе. А развѣ читатель никогда не задавался вопросомъ, какого рода должно быть то душевное состояніе, которое мы переживаемъ, *имѣя намѣреніе что-нибудь сказать*? Это—вполнѣ опредѣленное намѣреніе, отличающееся отъ всѣхъ другихъ, совершенно особенное состояніе сознанія, а между тѣмъ много ли входитъ въ него опредѣленныхъ чувственныхъ образовъ словесныхъ или предметныхъ? Почти никакихъ. Повремените чуть-чуть, и предъ сознаніемъ явятся слова и образы, но предварительное намѣреніе уже исчезнетъ. Когда же начинаютъ появляться слова для первоначальнаго выраженія мысли, то она выбираетъ подходящія, отвергая несоотвѣтствующія. Это предварительное состояніе сознанія можетъ быть названо только *«намѣреніемъ сказать то-то и то-то»*. Можно допустить, что добрая двѣ трети психической жизни состоятъ именно изъ этихъ предварительныхъ схемъ мыслей, не облеченныхъ въ слова. Какъ объяснить тотъ фактъ, что человѣкъ, читая какую-нибудь книгу вслухъ въ первый разъ, способенъ придавать своему чтенію правильную выразительную интонацію, если не допустить, что, читая первую фразу, онъ уже получаетъ смутное представленіе хотя бы о формѣ второй фразы, которая сливается съ сознаніемъ смысла данной фразы, и модифицируетъ въ сознаніи читающаго его экспрессию, заставляя его сообщать голосу при произношеніи надлежащую интонацію? Экспрессія такого рода

почти всегда всецѣло зависитъ отъ грамматической конструкціи. Если мы читаемъ: «не болѣе», то ожидаемъ «чѣмъ», если читаемъ «хотя», то знаемъ, что далѣе слѣдуетъ «однако», «тѣмъ не менѣе», «все-таки». Это предчувствіе приближающейся словесной или синтаксической схемы, на практикѣ до того безошибочно, что читатель, неспособный понять въ иной книгѣ ни одной мысли, будетъ читать ее вслухъ въ высшей степени выразительно и осмысленно.

Читатель сейчасъ увидитъ, что я стремлюсь главнымъ образомъ къ тому, чтобы психологи обращали особенное вниманіе на смутныя и неотчетливыя явленія сознанія и оцѣнивали по достоинству ихъ роль въ душевной жизни человѣка. Гальтонъ и проф. Гёесли, какъ мы увидимъ въ главѣ «*О воображеніи*», сдѣлали нѣкоторыя попытки къ опроверженію смѣшной теоріи Юма и Беркли, будто мы можемъ сознавать только вполне опредѣленные образы предметовъ. Другая попытка въ этомъ направленіи сдѣлана нами, если только намъ удалось показать несостоятельность не менѣе наивной мысли, будто одни простыя объективныя качества предметовъ, а не отношенія познаются нами изъ «состояній сознанія». Но всѣ эти попытки недостаточно радикальны. Мы должны признать, что опредѣленные образы традиціонной психологіи составляютъ лишь минимальную часть нашей психической жизни. Традиціонные психологи рассуждаютъ подобно тому, кто сталъ бы утверждать что рѣка состоитъ изъ бочекъ, ведеръ, кварть, ложекъ и другихъ опредѣленныхъ мѣрокъ воды. Если бы бочки и ведра дѣйствительно запрудили рѣку, то между ними всегакъ протекала бы масса свободной воды. Эту то свободную, незамкнутую въ сосуды воду психологи и игнорируютъ упорно при анализѣ нашего сознанія. Всякій опредѣленный образъ въ нашемъ сознаніи погруженъ въ массу свободной, текущей вокругъ него «воды» и замираетъ въ ней. Съ нимъ связано сознаніе всѣхъ окружающихъ отношеній какъ близкихъ, такъ и отдаленныхъ, замирающее эхо тѣхъ мотивовъ, по которымъ возникъ данный образъ, и зарождающееся сознаніе тѣхъ результатовъ, въ которыхъ онъ поведетъ. Значеніе, цѣнность образа всецѣло заключается въ этомъ дополненіи, въ этой полутѣни окружающихъ и сопровождающихъ его элементовъ мысли, или лучше сказать, эта полутѣнь составляетъ съ даннымъ образомъ одно цѣлое, — она плоть отъ плоти его и кость отъ кости его; оставляя, правда, самый образъ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ прежде, она сообщаетъ ему новое значеніе и свѣжую окраску.

Назовемъ сознаніе этихъ отношеній, сопровождающее въ видѣ деталей данный образъ, «психическими обертонами».

Физиологическія условія «психическихъ обертоновъ». Всего легче симулировать эти явленія, описавъ схематически соотвѣтствующіе имъ физиологическіе процессы. Отголосокъ психическихъ про-

цессовъ, служившихъ источникомъ даннаго образа, ослабѣвающее ощущеніе исходнаго пункта данной мысли, вѣроятно, обусловлены слабыми физиологическими процессами, которые мгновенно спустя стали живы; точно такъ же смутное ощущеніе слѣдующаго за даннымъ образомъ, предвѣщеніе окончанія данной мысли, должно быть, зависеть отъ возрастающаго возбужденія нервныхъ токовъ или процессовъ, а этимъ процессамъ соотвѣтствуютъ психическія явленія, которыя черезъ мгновеніе будутъ составлять главное содержаніе нашей мысли. Нервные процессы, образующіе физиологическій субстратъ нашего сознанія, могутъ быть во всякую минуту своей дѣятельности охарактеризованы слѣдующей схемой.

Пусть горизонтальная линія на рисункѣ 52-мъ означаетъ линію времени; пусть три кривыя, начинающіяся у точекъ *a*, *b* и *c*, выражаютъ соотвѣтственно нервные процессы, обуславливающіе представленіе этихъ трехъ буквъ. Каждый процессъ занимаетъ извѣстный промежутокъ времени, въ теченіе котораго его интенсивность растетъ, достигаетъ высшей точки и, наконецъ, ослабѣваетъ. Въ то время, какъ процессъ, соотвѣтствующій сознанію *a*, еще не замеръ, процессъ *c* уже начался, а процессъ *b* достигъ высшей точки. Въ тотъ моментъ, который обозначенъ вертикальной линіей, всѣ три процесса *сосуществуютъ* съ интенсивностями, обозначаемыми высотами кривыхъ. Интенсивности, предшествовавшія вершинѣ *c*, были мгновеніемъ раньше больше, слѣдующія за нею *будутъ* больше мгновеніе спустя. Когда я говорю: *a*, *b*, *c*, то въ моментъ произнесенія *b* ни *a*, ни *c* не отсутствуютъ вполнѣ въ моемъ сознаніи, но каждое изъ нихъ по своему примѣшивается къ болѣе сильному *b*, такъ какъ оба эти процесса уже успѣли достигнуть извѣстной степени интенсивности. Здѣсь мы наблюдаемъ нѣчто совершенно аналогичное «обертонамъ» въ музыкѣ: отдѣльно они не различаются ухомъ, но, смѣшиваясь съ основною нотой, они модифицируютъ ее, такимъ же точно образомъ зарождающіеся и ослабѣвающіе нервные процессы въ каждый моментъ примѣшиваются къ процессамъ, достигшимъ ихъ высшей точки, и тѣмъ видоизмѣняютъ конечный результатъ послѣднихъ.

Содержаніе мысли. Анализируя *познавательную* функцію при различныхъ состояніяхъ нашего сознанія, мы можемъ легко убѣдиться, что разница между поверхностнымъ «знакомствомъ» съ предметомъ и «знаніемъ о немъ» сводится почти всецѣло къ отсутствію или присутствію психическихъ обертоновъ. Знаніе о предметѣ есть знаніе объ его отношеніяхъ къ другимъ предметамъ. Бѣглое знакомство съ предметомъ выражается въ воспріятіи отъ него простаго впечатлѣнія. Большинство отношеній даннаго предмета къ другимъ познается нами только путемъ установленія неяснаго сродства между идеями при помощи психическихъ обер-

тоновъ. Объ этомъ чувствѣ сродства, представляющемъ одну изъ любопытнѣйшихъ особенностей потока сознанія, я скажу еще нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейти къ анализу другихъ вопросовъ.

Между мыслями всегда существуетъ намог-нибуду рациональное отношеніе. Во всѣхъ нашихъ произвольныхъ процессахъ мысли всегда есть извѣстная *тема* или *идея*, около которой вращаются всѣ остальные детали мысли (въ видѣ «психическихъ обертоновъ»). Въ этихъ деталяхъ чувствуется всегда извѣстное отношеніе къ главной мысли, связанный съ нею интересъ и въ особенности отношеніе гармоніи или диссонанса, смотря по тому, содѣйствуютъ ли онѣ развитію главной мысли или составляютъ для нея помѣху. Всякая мысль, въ которой детали по своему качеству вполнѣ гармонируютъ съ основной идеей, можетъ считаться успѣшнымъ развитіемъ извѣстной темы. Для того, чтобы объектъ мысли занялъ соотвѣтствующее ему мѣсто въ ряду нашихъ идей, достаточно, чтобы онъ занималъ извѣстное мѣсто въ той схемѣ отношеній, къ которой относится и господствующая въ нашемъ сознаніи идея.

Мы можемъ мысленно развивать основную тему въ нашемъ сознаніи главнымъ образомъ при посредствѣ словъ или зрительныхъ и иныхъ представленій; на успѣшное развитіе основной мысли это обстоятельство не имѣетъ вліянія. Если только мы чувствуемъ въ терминахъ сродство деталей мысли съ основною темой и между собою, и если мы сознаемъ приближеніе вывода, то чувствуемъ, что мысль развивается правильно и логично. Въ каждомъ языкѣ извѣстныя слова въ силу частыхъ ассоціацій съ деталями мысли по сходству и по контрасту вступили въ тѣсную связь между собою и съ извѣстнымъ заключеніемъ, вслѣдствіе чего словесный процессъ мысли течетъ строго параллельно соотвѣтствующимъ психическимъ процессамъ въ формѣ зрительныхъ, осязательныхъ и иныхъ представленій. Въ этихъ психическихъ процессахъ самымъ важнымъ элементомъ является простое чувство гармоніи или разлада, правильнаго или ложнаго направленія мысли.

Если мы свободно владѣемъ англійскимъ и французскимъ языками и начинаемъ говорить по французски, то при дальнѣйшемъ ходѣ мысли намъ будутъ приходить въ голову французскія слова, и почти никогда при этомъ намъ не случится сбиться на англійскую рѣчь. И это сродство французскихъ словъ между собою не есть нѣчто, совершающееся безсознательнымъ механическимъ путемъ, какъ простой физиологическій процессъ: во время процесса мысли это сродство сознается нами. Мы не утрачиваемъ настолько пониманія французской рѣчи, чтобы не сознавать вовсе лингвистическаго сродства входящихъ въ нее словъ. Наше вниманіе при звукахъ французской рѣчи всегда бываетъ поражено внезапнымъ введеніемъ въ нее англійскаго слова. Минимальное пониманіе слы-

шимыхъ звуковъ выражается именно въ томъ, что мы сознаемъ въ нихъ принадлежность къ извѣстному языку, если только мы вообще сознаемъ ихъ. Обыкновенно смутное сознание того, что всё слышимыя нами слова принадлежатъ одному и тому же языку и извѣстному спеціальному словарю этого языка, и что грамматическія согласованія вполне правильно при этомъ соблюдены, равносильно на практикѣ признанію, что слышимое нами имѣетъ извѣстный смыслъ. Но, если внезапно въ слышимую рѣчь введено неизвѣстное иностранное слово, если въ ней слышится ошибка, или среди философскихъ разсужденій вдругъ попадаетъ какое-нибудь площадное, тривіальное выраженіе, то мы получаемъ ощущеніе диссонанса отъ несоотвѣтствія, и наше полусознательное согласіе съ общимъ тономъ рѣчи мгновенно исчезаетъ. Въ этихъ случаяхъ сознание разумности рѣчи выражается скорѣе въ отрицательной, чѣмъ въ положительной формѣ, въ простомъ отсутствіи чувства несоотвѣтствія между элементами мысли.

Наоборотъ, если слова принадлежатъ тому же словарю, а грамматическія конструкціи строго соблюдены, то фразы, абсолютно лишеныя смысла, могутъ въ этомъ случаѣ сойти за осмысленныя сужденія и проскользнуть, нисколько не поразивъ неприятнымъ образомъ нашего слуха. Рѣчи на молитвенныхъ митингахъ, представляющія вѣчно одну и ту же перетасовку бессмысленныхъ фразъ, и напыщенная риторика получающихъ грошъ за строчку газетныхъ писаекъ могутъ служить яркими иллюстраціями этого факта. «Птицы наполнили вершины деревьевъ ихъ утренней пѣснью, дѣлая воздухъ сырмъ, прохладнымъ и пріятнымъ», — вотъ фраза, которую я прочиталъ однажды въ отчетѣ объ атлетическомъ состязаніи, состоявшемся въ Джеромъ-Паркѣ. Репортеръ, очевидно, написалъ ее второпяхъ, а многіе читатели прочитали, не вдумываясь въ смыслъ.

Итакъ, мы видимъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ самое содержаніе нашей рѣчи, качественный характеръ представленій, образующихъ нашу мысль, имѣетъ весьма мало значенія, можно даже сказать, что не имѣетъ никакого. Важное значеніе при этомъ сохраняютъ по *внутреннему содержанию* только останочные пункты въ рѣчи: основныя посланки мысли и выводы. Во всемъ остальномъ потокѣ мысли главная роль остается за чувствомъ сродства элементовъ рѣчи, самое же содержаніе ихъ почти не имѣетъ никакого значенія. Эти чувства отношеній, психическіе обертоны, сопровождающіе термины данной мысли, могутъ выражаться въ представленіяхъ весьма различнаго характера. На диаграммѣ (рис. 53-й) всего легче видѣть, какъ разнородные психическіе процессы ведутъ одинаково къ той же цѣли. Пусть *A* будетъ нѣкоторымъ впечатлѣніемъ, почерпнутымъ изъ вѣшняго опыта, отъ котораго отправляется мысль нѣсколькихъ лицъ. Пусть *Z* будетъ практическимъ выводомъ, къ которому всего естественнѣе приво-

дять данный опытъ. Одно изъ этихъ лицъ придетъ къ выводу по одной линіи, другое—по другой; одно будетъ при этомъ процессъ мысли пользоваться англійской словесной символичкой, другое—нѣмецкой; у одного будутъ преобладать зрительные образы, у другого—осязательные; у одного элементы мысли будутъ окрашены эмоціональнымъ волненіемъ, у другого—нѣтъ; у однихъ лицъ процессъ мысли совершится разомъ, быстро и синтетически, у другихъ—медленно и въ нѣсколько приемовъ. Но, когда предпоследній элементъ въ мысли каждаго изъ данныхъ лицъ приводитъ всѣхъ ихъ къ тому же общему выводу, мы говоримъ и говоримъ совершенно правильно, что всѣ эти лица, въ сущности думали одно и то-же. Каждое изъ нихъ было бы чрезвычайно изумлено, заглянувъ въ прешествующій тому же выводу душевный процессъ другого и увидѣвъ въ немъ совершенно иные элементы мысли.

Третья особенность душевныхъ процессовъ, на которую намъ нужно обратить вниманіе при первоначальномъ поверхностномъ описаніи потока сознанія, заключается въ слѣдующемъ: Сознаніе всегда бываетъ болѣе заинтересовано въ одной сторонѣ объекта мысли, чѣмъ въ другой, производя во все время процесса мышленія извѣстный выборъ между его элементами, отвергая одни изъ нихъ и симпатизируя другимъ.

Яркими примѣрами этой избирательной дѣятельности могутъ служить явленія избирающаго вниманія и обдумыванія. Но немногіе изъ насъ сознають, какъ непрерывна дѣятельность вниманія при психическихъ процессахъ, съ которыми обыкновенно не связываютъ этого понятія. Мы находимъ совершенно невозможнымъ равномерно распредѣлить наше вниманіе между нѣсколькими впечатлѣніями. Монотонная послѣдовательность звуковыхъ ударовъ распадается на ритмическіе періоды то одного, то другого характера, смотря по тому, на какіе звуки мы будемъ переносить мысленно удареніе. Простѣйшій изъ этихъ ритмовъ—двойной, напри-мѣръ: тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ. Пятна, разсѣянные на поверхности, при воспріятіи мысленно объединяются нами въ ряды и группы. Линіи объединяются въ фигуры. Всеобщность различеній «здѣсь» и «тамъ», «это» и «то», «теперь» и «тогда» является результатомъ того факта, что мы направляемъ вниманіе то на однѣ, то на другія части пространства и времени.

Но мы не только дѣлаемъ извѣстное удареніе на яѣкоторыхъ элементахъ воспріятій, мы объединяемъ одни изъ нихъ и выдѣляемъ другіе. Обыкновенно большую часть находящихся передъ нами объектовъ мы оставляемъ безъ вниманія. Я попытаюсь вкратцѣ объяснить, какъ это происходитъ.

Начнемъ анализъ съ низшихъ формъ психики: что такое самыя чувства наши, какъ не органы подбора (см. стр. 8-ю)? Изъ безконечнаго хаоса движеній, изъ которыхъ, по словамъ физиковъ, состоитъ внѣшній міръ, каждый органъ чувствъ, извлекаетъ и вос-

принимаетъ лишь тѣ движенія, которыя колеблются въ извѣстныхъ предѣлахъ скорости. На эти движенія данный органъ чувствъ реагируетъ, оставляя безъ вниманія остальные, какъ будто бы они вовсе не существовали. Изъ того, что само по себѣ представляетъ безпорядочное неразличимое сплошное цѣлое, лишенное всякихъ отбѣговъ и различій, наши органы чувствъ, отвѣчая на одни движенія и не отвѣчая на другія, мѣръ, полный контрастовъ, рѣзкихъ удареній, внезапныхъ пережѣвъ и картинныхъ сочетаній свѣта и тѣни. Если ощущенія, получаемыя нами при посредствѣ органа чувствъ, обусловлены извѣстными соотношеніемъ концевыхъ аппарата органа ко вѣшной средѣ, то, съ другой стороны, изъ всѣхъ этихъ ощущеній наше избираетъ лишь нѣкоторыя наиболѣе интересныя, оставляя въ сторонѣ остальные. Мы замѣчаемъ лишь тѣ ощущенія, которыя служатъ знаками объектовъ, достойныхъ нашего вниманія въ практическомъ или эстетическомъ отношеніи, имѣющихъ особаго названія «существительныхъ» и потому возведенныхъ въ особый чинъ достоинства и независимости. Но помимо того особаго интереса, который мы придаемъ объекту, можно сказать, что какой-нибудь столбъ пыли въ вѣтряный день представляетъ совершенно такую же индивидуальную вещь и въ такой же мѣрѣ заслуживаетъ особаго названія, какъ и мое собственное тѣло.

Что же происходитъ далѣе съ ощущеніями, воспринятыми нами отъ каждаго отдѣльнаго предмета? Между ними разсудокъ снова дѣлаетъ выборъ. Извѣстныя ощущенія онъ избираетъ въ качествѣ чертъ, *правильно* характеризующихъ данный предметъ, на другія смотритъ, какъ на случайныя свойства предмета, обусловленныя обстоятельствами данной минуты. Такъ, напримѣръ, крышка моего стола называется ввадратной, согласно одному изъ безконечнаго числа впечатлѣній, производимыхъ ею на ретину и представляющихъ ощущеніе двухъ острыхъ и двухъ тупыхъ угловъ; но всѣ эти впечатлѣнія я называю перспективными видами стола, четыре же прямыхъ угла считаю истинной формой стола, видя въ прямоугольной формѣ на основаніи нѣкоторыхъ собственныхъ эстетическихъ соображеній существенное свойство стола. Подобнымъ же образомъ, истинная форма круга воспринимается нами, когда линія зрѣнія перпендикулярна къ нему и проходитъ черезъ его центръ; всѣ другія ощущенія, получаемыя нами отъ круга, суть лишь знаки, указывающіе на это ощущеніе. Истинный звукъ пушки есть тотъ, который мы слышимъ, находясь возлѣ нея. Истинный цвѣтъ кирпича есть то ощущеніе, которое получается нами, когда глазъ глядитъ на него на недалекомъ разстояніи не при яркомъ освѣщеніи солнца и не въ полумракѣ; при другихъ же условіяхъ мы получаемъ отъ кирпича другое впечатлѣніе, которое служить лишь знакомъ, указывающимъ на истинное, именно, въ пер-

вомъ случаѣ кирпичъ нажется красивѣе, во второмъ сильнѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Читатель, вѣроятно, не знаетъ предмета, котораго онъ не представлялъ бы себѣ въ известномъ типичномъ положеніи, известнаго нормальнаго размѣра, на опредѣленномъ разстояніи, съ опредѣленной окраской и т. д. Но всѣ эти существенныя характерныя черты, которыя въ своей совокупности образуютъ для насъ истинную объективность предмета и контрастируютъ съ такъ называемыми субъективными ощущеніями, получаемыми когда-угодно отъ даннаго предмета, суть такія же простыя ощущенія. Нашъ умъ дѣлаетъ выборъ въ известномъ направленіи и рѣшаетъ, какія именно ощущенія считать болѣе реальными и существенными.

Далѣе, въ мірѣ объектовъ, индивидуализированныхъ такимъ образомъ съ помощью избирательной дѣятельности нашего ума, то, что называется «опытомъ», всецѣло обусловливается воспитаніемъ нашего вниманія. Вещь можетъ попадаться человѣку на глаза сотни разъ, но, если онъ упорно будетъ не обращать на нее вниманія, то никакъ нельзя будетъ сказать, что эта вещь вошла въ составъ его жизненнаго опыта. Намъ случается видѣть тысячи мухъ, жуковъ и молей, но кто, кромѣ энтомолога, можетъ почерпнуть изъ своихъ наблюденій подробныя и точныя свѣдѣнія о жизни и свойствахъ этихъ насѣкомыхъ? Съ другой стороны, вещь, видѣнная разъ въ жизни, можетъ оставить неизгладимый слѣдъ въ нашей памяти. Представимъ себѣ, что четыре американца совершаютъ путешествіе по Европѣ. Одинъ привезетъ домой богатый запасъ художественныхъ впечатлѣній отъ костюмовъ, пейзажей, парковъ, произведеній архитектуры, скульптуры и живописи. Для другого во время путешествія эти впечатлѣнія какъ-бы не существовали: онъ весь будетъ занятъ собираніемъ статистическихъ данныхъ, касающихся практической жизни: разстоянія, пѣны, количество населенія, канализація городовъ, механизмы для замыканія дверей и оконъ — вотъ какіе предметы будутъ поглощать все его вниманіе. Третій, вернувшись домой, будетъ въ состояніи дать подробный отчетъ о театрахъ, ресторанахъ и публичныхъ собраніяхъ—и больше ни о чемъ; четвертый же, быть можетъ, во все время путешествія будетъ до того погруженъ въ свои думы, что по возвращеніи на родину, его память, кромѣ названій нѣкоторыхъ мѣстъ, ничего не сохранитъ. Изъ той же массы воспринятыхъ впечатлѣній, каждый путешественникъ избралъ то, что наиболѣе соотвѣтствовало его личнымъ интересамъ, и въ этомъ направленіи производилъ свои наблюденія.

Если теперь, оставивъ въ сторонѣ случайныя сочетанія объектовъ въ опытѣ, мы зададимся вопросомъ, какъ нашъ умъ *раціонально* связываетъ ихъ между собой, то мы увидимъ, что и въ этомъ послѣднемъ процессѣ подборъ играетъ главную роль. Въ главѣ

«*О мимолетии*», мы увидимъ, что всякое сужденіе обуславливается способностью ума раздробить на части анализируемое явленіе и извлечь изъ послѣднихъ то именно, что въ данномъ случаѣ можетъ повести къ правильному выводу: гениальнымъ человекомъ мы называемъ такого, который всегда сумѣетъ извлечь изъ даннаго опыта истину въ теоретическихъ вопросахъ и указать надлежащія средства въ практическихъ. Въ сферѣ эстетической нашъ законъ является еще болѣе несомнѣннымъ. Артистъ завѣдомо дѣлаетъ выборъ въ средствахъ художественнаго воспроизведенія, отбрасывая всѣ тоны, краски и размѣры, которыя не гармонируютъ другъ съ другомъ и не соотвѣтствуютъ главной цѣли его работы. Это единство, гармонія, «конвергенція характеровъ», согласно выраженію Тэна, которая сообщаетъ произведеніямъ искусства ихъ превосходство надъ произведеніями природы, всецѣло обусловлена *элиминаціей*. Любой объектъ, выхваченный изъ жизни, можетъ стать произведеніемъ искусства, если художникъ сумѣетъ въ немъ отбросить одну черту, какъ самую характеристическую, отбросивъ всѣ случайныя, не гармонирующія съ основной чертой элементы.

Дѣлая еще шагъ далѣе, мы переходимъ въ область этики, гдѣ выборъ завѣдомо царитъ надъ всѣмъ остальнымъ. Поступокъ не имѣетъ никакой этической цѣнности, если онъ не былъ выбранъ изъ нѣсколькихъ одинаково возможныхъ. Борются во имя добра и постоянно поддерживаютъ въ себѣ благія намѣренія, искоренять въ себѣ соблазнительныя влеченія, неуклонно держаться тяжелой стези добродѣтели — вотъ характеристическія проявленія этической способности. Мало того, все это представляетъ лишь средства къ достиженію цѣлей, которыя человекъ считаетъ высшими. Этическая же энергія *par excellence* должна идти еще дальше и выбирать изъ нѣсколькихъ цѣлей, одинаково достижимыхъ, ту, которую нужно будетъ считать наивысшею. Выборъ здѣсь влечетъ за собою весьма важныя послѣдствія, налагающія неизгладимую печать на всю дальнѣйшую дѣятельность человека. Когда человекъ обдумываетъ, совершить преступленіе, или нѣтъ, выбрать или нѣтъ эту профессию, взять ли на себя эту должность, жениться ли на богатой, — то выборъ человека въ сущности колеблется между нѣсколькими равно возможными будущими его характерами. Его рѣшеніе, сдѣланное въ данную минуту, предопредѣляетъ все его дальнѣйшее поведеніе. Шопенгауеръ, приводя въ пользу своего детерминизма тотъ аргументъ, что въ данномъ человекѣ со сложившимся характеромъ при данныхъ условіяхъ возможно лишь одно опредѣленное рѣшеніе воли, забываетъ, что въ такіе критическіе въ нравственномъ смыслѣ моменты для сознанія является сомнительною именно предполагаемая законченность характера. Здѣсь для человека не столь важенъ вопросъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ: ему важнѣе опредѣлить, какимъ существомъ лучше *стать* ему на будущее время.

Разсматривая человѣческій опытъ вообще, можно сказать, что способность выбора у различныхъ людей имѣетъ очень много общаго. Родъ человѣческій въ его цѣломъ сходится въ томъ, на какіе объекты слѣдуетъ обращать особое вниманіе, и какимъ объектамъ слѣдуетъ давать названія; въ выдѣленныхъ изъ опыта элементахъ мы оказываемъ предпочтеніе однимъ передъ другими также весьма аналогичнымъ путемъ. Есть, впрочемъ, одинъ совершенно исключительный случай, въ которомъ выборъ не былъ произведенъ ни однимъ человѣкомъ вполнѣ аналогично съ другимъ. Всякій изъ насъ по своему раздѣляетъ міръ на двѣ половинки, и для каждаго изъ насъ почти весь интересъ жизни сосредоточивается на одной изъ нихъ, но пограничная черта между обѣими половинками проводится нами весьма различно. Моя мысль станетъ вполнѣ понятной, если я скажу, что всѣ мы называемъ эти половинки одинаково: «я» и «не-я». Интересъ совершенно особеннаго свойства, который всякій человѣкъ питаетъ къ тому, что называется «я» или «мое», представляетъ, быть можетъ, загадочное въ моральномъ отношеніи явленіе, но во всякомъ случаѣ долженъ считаться основнымъ психологическимъ фактомъ. Ничто не можетъ питать одинаковый интересъ къ своей личности и къ личности своего ближняго. Личность ближняго сливается со всѣмъ остальнымъ міромъ въ одну общую массу, рѣзко противопологаемую моему собственному «я». Даже полураздавленный червь, какъ говорить гдѣ-то Лотце, противопоставляетъ своему страданію всю остальную вселенную, хотя и не имѣетъ о ней и о себѣ самомъ яснаго представленія. Для меня онъ простая частица міра, но и я для него такая же простая частица. Каждый изъ насъ раздвояетъ міръ по своему.

Сдѣлавъ общую характеристику психическихъ явленій, обратимся теперь къ болѣе тонкому анализу душевной жизни, и прежде всего въ слѣдующей главѣ познакомимся ближе съ фактомъ самосознанія, къ которому насъ привело предшествующее изслѣдованіе.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Л и ч н о с т ь .

«Личность» и «я». О чемъ бы я ни думалъ, я всегда въ то-же время болѣе или менѣе сознаю *самого себя*, свое *личное существованіе*. Выстъ съ тѣмъ вѣдь это я сознаю, такъ что мое самосознаніе въ его цѣломъ является какъ-бы двойственнымъ — частію познаваемымъ и частію познающимъ, частію объектомъ и частію субъектомъ: въ немъ надо различать двѣ стороны, изъ которыхъ для

краткости одну мы будем называть *личностью*, а другую «я». Я говорю «двѣ стороны», а не «двѣ обособленныхъ сущности», такъ какъ тожество нашего «я» и нашей «личности» даже въ самомъ актѣ ихъ различенія представляетъ, быть можетъ, самое неукоснительное требованіе здраваго смысла и не должно упускаться нами изъ вида съ самаго начала при установленіи терминологіи, къ какому-бы выводу относительно ея состоятельности мы ни пришли въ концѣ нашего изслѣдованія. Итакъ, рассмотримъ сначала: 1) познаваемый элементъ въ сознаніи личности или, какъ иногда выражаются, наше эмпирическое *Ego* и затѣмъ 2) познающій элементъ въ нашемъ сознаніи, наше «я», чистое *Ego*, какъ выражаются нѣкоторые авторы.

А) Познаваемый элементъ въ сознаніи.

Эмпирическое «я» или «личность». Трудно провести черту между тѣмъ, что человѣкъ называетъ *самимъ собою и своимъ*. Наши чувства и поступки по отношенію къ нѣкоторымъ вещамъ, составляющимъ нашу принадлежность, въ значительной степени сходны съ чувствами и поступками по отношенію къ намъ самимъ. Наше доброе имя, наши дѣти, наши произведенія могутъ быть намъ такъ же дороги, какъ и наше собственное тѣло, и могутъ вызывать въ насъ тѣ же чувства, а въ случаѣ посягательства на нихъ—тоже стремленіе къ возмездію. А самыя тѣла наши — просто ли они *наши* или *мы сами*? Безспорно, бывали случаи, когда люди отрекались отъ своихъ собственныхъ тѣлъ и смотрѣли на нихъ, какъ на одѣянія или даже какъ на тюрьму, изъ которой они когда-нибудь будутъ счастливы вырваться.

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ измѣнчивымъ матеріаломъ: тотъ же самый предметъ разсматривается нами иногда какъ часть нашей личности, иногда просто какъ *нашъ* и иногда—какъ будто у насъ нѣтъ съ нимъ ничего общаго. Впрочемъ, *въ самомъ широкомъ смыслѣ личность человека составляетъ общія сумма всего того, что онъ можетъ назвать своимъ*: не только его физическія и душевныя качества, но также его платье, его домъ, его жена, дѣти, предки и друзья, его репутація и труды, его имѣніе, его лошади, его яхта и капиталы. Все это вызываетъ въ немъ аналогичныя чувства. Если по отношенію ко всему этому дѣло обстоитъ благополучно—онъ торжествуетъ; если дѣла приходятъ въ упадокъ—онъ огорченъ; разумѣется, каждый изъ перечисленныхъ нами объектовъ вліяетъ не въ одинаковой степени на состояніе его духа, но всѣ они оказываютъ болѣе или менѣе аналогичное воздѣйствіе на его самочувствіе. Понимая слово *личность* въ самомъ широкомъ смыслѣ, мы можемъ прежде всего подраздѣлить анализъ ея на три части въ отношеніи:

- а) ея составныхъ элементовъ,
- б) чувствъ и эмоцій, вызываемыхъ ими (*самосознани*),
- с) поступковъ, вызываемыхъ ими (*заботы о самомъ себѣ и самосохраненіе*).

а) *Составные элементы личности могутъ быть подраздѣлены на три класса:*

физическая личность,
соціальная личность и
духовная личность.

Физическая личность. Въ каждомъ изъ насъ тѣлесная организація представляетъ существеннѣйшую часть нашей физической личности, а нѣкоторыя части нашего тѣла могутъ быть названы нашими въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова. За тѣлесной организаціей слѣдуетъ одежда. Старая поговорка, что человѣческая личность состоитъ изъ трехъ частей: души, тѣла и платья, — нѣчто большее, нежели простая шутка. Мы въ такой степени присвоиваемъ платье нашей личности, до того отождествляемъ одно съ другимъ, что немногіе изъ насъ дадутъ, не колеблясь ни минуты, рѣшительный отвѣтъ на вопросъ, какую бы изъ двухъ альтернативъ они выбрали: имѣть прекрасное тѣло, облеченное въ вѣчно грязныя и рваныя лохмотья, или подъ вѣчно-новымъ костюмомъ съ иголки скрывать безобразное, уродливое тѣло. Затѣмъ, ближайшею частью насъ самихъ является наше семейство, наши отецъ и мать, жена и дѣти — плоть отъ плоти и кость отъ кости нашей. Когда они умираютъ, исчезаетъ часть насъ самихъ. Намъ стыдно за ихъ дурныя поступки. Если кто-нибудь обидѣлъ ихъ, негодование вспыхиваетъ въ насъ тотчасъ, какъ будто мы сами были на ихъ мѣстѣ. Далѣе слѣдуетъ нашъ «домашній очагъ», нашъ «home». Сцены въ немъ составляютъ часть нашей жизни, его видъ вызываетъ въ насъ нѣжнѣйшее чувство привязанности, и мы неохотно прощаемъ гостю, который, посѣтивъ насъ, указываетъ недостатки въ нашей домашней обстановкѣ или презрительно къ ней относится. Мы отдаемъ инстинктивное предпочтеніе всѣмъ этимъ разнообразнымъ объектамъ, связаннымъ съ наиболѣе важными практическими интересами нашей жизни. Всѣ мы имѣемъ безсознательное влеченіе охранять наши тѣла, облекать ихъ въ платья, снабженныя украшениями, лелѣять нашихъ родителей, жену и дѣтей и прискивать себѣ собственный уголокъ, въ которомъ мы могли бы жить, совершенствуя свою домашнюю обстановку.

Такое же инстинктивное влеченіе побуждаетъ насъ накоплять состояніе, а сдѣланныя нами ранѣе приобрѣтенія становятся въ большей или меньшей степени близкими частями нашей эмпирической личности. Наиболѣе тѣсно связанными съ нами частями нашего имущества являются продукты нашего кровнаго труда. Немногіе люди не почувствовали бы своего личнаго уничтоженія, если бы произведеніе ихъ рукъ и мозга (напримѣръ, энтомологическая

коллекція или обширный трудъ въ рукописи), создававшееся ими въ теченіе цѣлой жизни, вдругъ оказалось уничтоженнымъ. Подобное же чувство питаетъ скупою къ своимъ деньгамъ; при этомъ, хотя и правда, что часть нашего огорченія при потерѣ предметовъ обладанія обусловлена сознаниемъ того, что мы теперь должны обходиться безъ нѣкоторыхъ благъ, которыя рассчитывали получить при дальнѣйшемъ пользованіи утраченными нынѣ объектами, но все-таки во всякомъ подобномъ случаѣ сверхъ того еще остается въ насъ чувство умаленія нашей личности, превращенія нѣкоторой части ея въ ничто—и этотъ фактъ представляетъ собою самостоятельное психическое явленіе. Мы сразу попадаемъ на одну доску съ голяками, съ тѣми «raucres diables», которыхъ мы такъ презираемъ, и въ тоже время являемся болѣе чѣмъ когда-нибудь отчужденными отъ счастливыхъ сыновъ земли, властелиновъ надъ сушей и надъ моремъ, людей, живущихъ въ полномъ блескѣ могущества и матеріальной обеспеченности. Какъ бы мы ни взывали къ демократическимъ принципамъ, невольно передъ такими людьми явно или тайно мы переживаемъ чувства страха и уваженія.

Соціальная личность. Признаніе въ насъ личности со стороны другихъ представителей человѣческаго рода дѣлаетъ изъ насъ, общественную личность. Мы не только стадныя животныя, не только любимъ быть въ обществѣ себѣ подобныхъ, но имѣемъ даже врожденную склонность обращать на себя вниманіе другихъ и производить на нихъ благопріятное впечатлѣніе. Трудно придумать болѣе дьявольское наказаніе (если бы такое наказаніе было физически возможно), какъ если бы кто-нибудь попалъ въ общество людей, гдѣ на него совершенно не обращали бы вниманія. Если бы никто не оборачивался при нашемъ появленіи, не отвѣчалъ на наши вопросы, не интересовался нашими дѣйствіями, если бы всякій при встрѣчѣ съ нами намѣренно не узнавалъ насъ и обходился съ нами, какъ съ неодушевленными предметами, то нами овладѣло бы извѣстнаго рода бѣшенство, извѣстнаго рода безсильное отчаяніе, отъ котораго были бы облегченіемъ жесточайшія тѣлесныя муки, ибо при этихъ мукахъ мы чувствовали бы, что, при всей безвыходности нашего положенія, мы все-таки не пали настолько низко, чтобы не заслуживать вниманія.

Собственно говоря, у человѣка столько соціальныхъ личностей, сколько индивидовъ признаютъ въ немъ личность и имѣютъ о ней представленіе. Посягнуть на это представленіе—значитъ посягнуть на самого человѣка. Но, принимая во вниманіе, что индивиды, имѣющіе представленіе о данномъ человѣкѣ, естественно распадаются на классы, мы можемъ сказать, что на практикѣ всякій человѣкъ имѣетъ столько же различныхъ соціальныхъ личностей, сколько имѣется различныхъ группъ людей, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожитъ. Многие мальчики ведутъ себя довольно прилично

въ присутствіи своихъ родителей или преподавателей, а въ компаніи невоспитанныхъ товарищей безчинствуютъ и бранятся, какъ пьяные извозчики. Мы выставаемъ себя въ совершенно иномъ свѣтѣ передъ нашими дѣтьми, нежели передъ клубными товарищами; мы держимъ себя иначе, передъ нашими постоянными покупателями чѣмъ передъ нашими работниками; мы—нѣчто совершенно другое по отношенію къ нашимъ близкимъ друзьямъ, чѣмъ по отношенію къ нашимъ хозяевамъ или къ нашему начальству. Отсюда на практикѣ получается подраздѣленіе человѣка на нѣсколько личностей; это можетъ повести къ дисгармоническому раздвоенію соціальной личности, на примѣръ, въ томъ случаѣ, если кто-нибудь боится выставить себя передъ одними знакомыми въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ представляется другимъ; но тотъ же фактъ можетъ повести къ гармоническому распредѣленію различныхъ сторонъ личности; на примѣръ, когда кто-нибудь, будучи нѣжнымъ къ своимъ дѣтьямъ, является строгимъ въ подчиненнымъ ему узникамъ или солдатамъ.

Самой своеобразной формой соціальной личности, какую можно имѣть, является для влюбленнаго представленіе его личности любимой имъ особой. Судьбы этой личности вызываютъ столь живое участіе въ заинтересованномъ индивидѣ, что подобное участіе покажется совершенно безмысленнымъ, если прилагать къ нему какой-либо иной масштабъ, кромѣ мѣрила органическаго индивидуальнаго влеченія. Для самого себя она какъ бы не существуетъ, пока его своеобразная соціальная личность не получитъ должной оцѣнки въ глазахъ любимаго существа, въ послѣднемъ случаѣ его восторгъ превосходитъ всѣ границы.

Добрая или худая слава человѣка, его честь или поворъ — это названія для одной изъ его соціальныхъ личностей. Своеобразная общественная личность человѣка, называемая его честью, является результатомъ одного изъ тѣхъ раздвоеній личности, о которыхъ мы говорили. Представленіе въ извѣстномъ свѣтѣ человѣка въ глазахъ окружающей его среды является руководящимъ мотивомъ для одобренія или осужденія его поведенія, смотря по тому, примѣняется ли онъ къ требованіямъ данной общественной среды, къ требованіямъ, которыя онъ могъ бы не соблюдать при другой житейской обстановкѣ. Такъ, на примѣръ, частное лицо можетъ безъ заврѣнія совѣсти повинуть городъ, зараженный холерой, но священникъ или докторъ нашли бы таковой поступокъ несомнѣстимымъ съ ихъ понятіемъ о чести. Честь солдата побуждаетъ его сражаться и умирать при такихъ обстоятельствахъ, когда другой человѣкъ имѣетъ полное право скрыться въ безопасное мѣсто или бѣжать, не налагая на свое соціальное «я» позорнаго пятна. Подобнымъ же образомъ, судья или государственный мужъ, въ силу облекающаго ихъ званія, находятъ противнымъ своей чести

принимать участіе въ денежныхъ операціяхъ, не заключающихъ въ себѣ ничего предосудительнаго для частнаго лица. Весьма часто можно слышать, какъ люди проводятъ различіе между отдѣльными сторонами своей личности: «Какъ человекъ, я жалѣю васъ, но, какъ официальное лицо, я не могу васъ пощадить». «Въ политическомъ отношеніи онъ мой союзникъ, но, какъ нравственную личность, я не выношу его». То, что называютъ мнѣніемъ *среды*, составляетъ одинъ изъ сильнѣйшихъ двигателей въ жизни. Воръ не смѣетъ обкрадывать своихъ товарищей; карточный игрокъ обязанъ платить свои карточные долги, хотя бы онъ вовсе не платилъ иныхъ своихъ долговъ. Всегда и вездѣ кодексъ чести «фешенабельнаго» общества возбранялъ или разрѣшалъ извѣстные поступки единственно въ угоду одной изъ сторонъ нашей соціальной личности. Вообще говоря, вы не должны лгать, но въ томъ, что касается вашихъ отношеній къ извѣстной дамѣ — лгите, сколько вамъ угодно; отъ равнаго себѣ вы принимаете вызовъ на дуэль, но вы засмѣетесь въ глаза лицу низшаго, сравнительно съ вами, общественнаго положенія, если это лицо вздумаетъ потребовать отъ васъ удовлетворенія—вотъ примѣры для поясненія нашей мысли.

Духовная личность. Подъ *духовною* личностью, поскольку она стоитъ въ связи съ *эмпирической*, мы не разумѣемъ того или другаго отдѣльнаго преходящаго состоянія нашего сознанія. Скорѣе мы разумѣемъ подъ духовною личностью полное объединеніе отдѣльныхъ состояній сознанія, конкретно взятыхъ духовныхъ способностей и свойствъ. Это объединеніе въ каждую отдѣльную минуту можетъ стать объектомъ моей мысли и вызвать эмоціи, аналогичныя съ эмоціями, производимыми во мнѣ другими сторонами моей личности. Когда мы *думаемъ о себѣ, какъ о мыслящихъ существахъ*, всѣ другіе ингредиенты нашей личности представляются относительно насъ какъ-бы внѣшними объектами. Даже въ границахъ нашей духовной личности нѣкоторые элементы кажутся болѣе внѣшними, чѣмъ другіе. Напримѣръ, наши способности къ ощущенію представляются, такъ сказать, менѣе интимно связанными съ нашимъ «я», чѣмъ наши эмоціи и желанія. Самый центръ, самое ядро нашего «я», поскольку оно намъ извѣстно, святое святыхъ нашего существа, это—чувство активности, обнаруживающееся въ нѣкоторыхъ нашихъ внутреннихъ душевныхъ состояніяхъ. На это чувство внутренней активности часто указывали, какъ на непосредственное проявленіе жизненной субстанціи нашей души. Такъ ли это или нѣтъ, мы не будемъ разбирать, а отмѣтимъ здѣсь только своеобразный *внутренній характеръ* душевныхъ состояній, обладающихъ свойствомъ казаться активными, каковы бы ни были сами по себѣ эти душевныя состоянія. Кажется, будто они *идутъ на встрѣчу* всѣмъ другимъ опытнымъ элементамъ нашего сознанія. Въ этомъ чувствѣ, вѣроятно, сходятся всѣ люди.

б) За составными элементами личности въ нашемъ изложеніи слѣдуютъ *характеризующія ея чувства и эмоціи.*

Самооцѣнка. Она бываетъ двухъ родовъ: *самодовольство* и *недовольство собою*. Самолюбіе можетъ быть скорѣе отнесено къ третьему отдѣлу, с, къ отдѣлу *поступковъ*, ибо сюда по большей части относятъ скорѣе известную группу дѣйствій чѣмъ чувствованій въ тѣсномъ смыслѣ слова. Для обоихъ родовъ самооцѣнки языкъ имѣетъ достаточный запасъ синонимовъ. Таковы съ одной стороны: гордость, самодовольство, высокомеріе, суетность, самопочитаніе, заносчивость, тщеславіе; съ другой—скрытность, униженность, смущеніе, неувѣренность, стыдъ, униженіе, раскаяніе, сознание собственного позора и отчаяніе въ самомъ себѣ. Эти два противоположныхъ класса чувствованій являюся непосредственными, первичными дарами нашей природы. Ассоціионы, быть можетъ, скажутъ на это, что, съ другой стороны, это вторичныя, производныя явленія, возникающія изъ быстро суммированія чувствъ удовольствія и неудовольствія, къ которымъ ведутъ благопріятныя или неблагопріятныя для насъ душевныя состоянія, причемъ сумма пріятныхъ представленій даетъ самодовольство, а сумма непріятныхъ—противоположное чувство стыда. Безъ сомнѣнія, при чувствѣ довольства собою, мы охотно перебираемъ въ умѣ всѣ возможныя награды за наши заслуги, а, отчаявшись въ самихъ себѣ, мы предчувствуемъ несчастіе; но простое ожиданіе награды еще не есть самодовольство, а предвидѣніе несчастія еще не составляетъ отчаянія въ самомъ себѣ, ибо у каждаго изъ насъ имѣется еще нѣкоторый постоянный средній тонъ самочувствія, совершенно независящій отъ нашихъ объективныхъ основаній быть довольными или недовольными. Такимъ образомъ, человѣкъ, поставленный въ весьма неблагопріятныя условія жизни, можетъ пребывать въ невозмутимомъ самодовольствѣ, а человѣкъ, который вызываетъ всеобщее уваженіе, и успѣхъ котораго въ жизни обезпеченъ, можетъ оставаться до конца недовѣрчивымъ къ своимъ силамъ.

Впрочемъ, можно сказать, что нормальнымъ *возбудителемъ* самочувствія является для человѣка его благопріятное или неблагопріятное положеніе въ свѣтѣ—его успѣхъ или неуспѣхъ. Человѣкъ, эмпирическая личность котораго имѣетъ широкіе предѣлы, который съ помощью своихъ собственныхъ силъ всегда достигалъ успѣха, личность съ высокимъ положеніемъ въ обществѣ, обезпеченная матеріально, окруженная друзьями, пользующаяся славой, едва ли будетъ склонна поддаваться страшнымъ сомнѣніямъ, едва ли будетъ относиться къ своимъ силамъ съ тѣмъ недовѣріемъ, съ какимъ она относилась къ нимъ въ своей юности. «Развѣ не я возрастила сады великаго Вавилона?» Между тѣмъ лицо, потерпѣвшее нѣсколько неудачъ одну за другой, падаетъ духомъ на половинѣ житейской дороги, проникается болѣзненной неувѣрен-

ностью въ самомъ себѣ и отстѣпаетъ передъ попытками, вовсе не превосходящими его силы.

Чувства самодовольства и униженія одного рода—ихъ можно считать первичными видами эмоціи наряду, напримѣръ, съ гнѣвомъ и болью. Каждое изъ нихъ своеобразно отражается на нашей физиономіи. При самодовольствѣ иннервируются извѣстные мускулы, глаза принимаютъ увѣренное и торжествующее выраженіе, походка становится бодрой и нѣсколько покачивающейся, ноздри расширяются и своеобразная улыбка играетъ на губахъ. Вся совокупность ви́шнихъ тѣлесныхъ выраженій самодовольства въ самомъ крайнемъ своемъ проявленіи наблюдается въ домахъ умалишенныхъ, въ которыхъ всегда можно найти лицъ, буквально помѣшанныхъ на собственномъ величіи; ихъ самодовольная наружность и чванная походка составляетъ печальный контрастъ съ полнымъ отсутствіемъ всякихъ личныхъ человѣческихъ достоинствъ. Въ этихъ же «замкахъ отчаянія» мы можемъ встрѣтить яркій образчикъ противоположнаго типа—добрака, воображающаго, что онъ совершилъ «смертный грѣхъ» и на вѣкъ «загубилъ свою душу», типъ, униженно пресмыкающійся, уклоняясь отъ постороннихъ наблюденій, не смѣя съ нами громко говорить и глядѣть намъ прямо въ глаза. Эти противоположныя чувства, подобно страху и гнѣву, при аналогичныхъ патологическихъ условіяхъ, могутъ возникать безъ всякой соотвѣтствующей ви́шней причины. Изъ ежедневнаго опыта намъ извѣстно, въ какой мѣрѣ барометръ нашей самооцѣнки и довѣрія къ себѣ поднимается и падаетъ въ зависимости скорѣе отъ чисто органическихъ, чѣмъ отъ рациональныхъ причинъ, причемъ эти измѣненія въ нашихъ субъективныхъ показаніяхъ нисколько не соотвѣтствуютъ измѣненіямъ въ оцѣнкѣ нашей личности со стороны нашихъ друзей.

с) *Заботы о себѣ и самосохраненіе.* Подъ это понятіе подходитъ значительный классъ нашихъ основныхъ инстинктивныхъ побужденій. Сюда относятся *тѣлесное, социальное и духовное* самосохраненія.

Заботы о физической личности. Всѣ цѣлесообразно-рефлекторныя дѣйствія и движенія питанія и защиты составляютъ акты тѣлеснаго самосохраненія. Подобнымъ же образомъ страхъ и гнѣвъ вызываютъ наступленіе цѣлесообразнаго движенія. Если подъ заботами о себѣ мы условимся разумѣть предвидѣніе будущаго въ отличіе отъ самосохраненія въ настоящемъ, то мы можемъ отнести гнѣвъ и страхъ въ инстинктамъ, побуждающимъ насъ охотиться, снискивать пропитаніе, строить жилища, дѣлать полезныя орудія и заботиться о своемъ организмѣ. Впрочемъ, эти послѣдніе инстинкты въ связи съ чувствомъ любви, родительской привязанности, любознательности и соревнованія распространяются не только на развитіе нашей тѣлесной личности, но и на все наше матеріальное «я», въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Наши заботы о своей социальной «личности» выражаются непосредственно въ чувствѣ любви и дружбы, въ нашемъ желаніи обращать на себя вниманіе и вызывать въ другихъ изумленіе, въ чувствѣ ревности, стремленіи къ соперничеству, жаждѣ славы, вліянія и власти; косвеннымъ образомъ онѣ проявляются во всѣхъ побужденіяхъ къ матеріальнымъ заботамъ о себѣ, поскольку послѣднія могутъ служить средствомъ къ осуществленію общественныхъ цѣлей. Легко видѣть, что непосредственныя побужденія къ заботамъ о своей социальной личности сводятся къ простымъ инстинктамъ. Въ стремленіи обращать на себя вниманіе другихъ характерно то обстоятельство, что его интенсивность нисколько не зависитъ отъ цѣнности достойныхъ вниманія заслугъ даннаго лица, цѣнности, которая была бы выражена въ сколько-нибудь осязательной или разумной формѣ. Мы изъ силъ надрываемся получить приглашеніе въ домъ, гдѣ бываетъ большое общество, чтобы при упоминаніи о комъ-нибудь изъ видѣнныхъ нами гостей имѣть возможность сказать: «А, я его хорошо знаю!» и раскланиваться на улицѣ чуть не съ половиною встрѣчныхъ. Конечно, намъ всего пріятнѣе имѣть друзей, выдающихся по рангу или достоинствамъ, и вызывать въ другихъ восторженное поклоненіе. Таккерей въ одномъ изъ своихъ романовъ проситъ читателей сознаться откровенно, неужели каждому изъ нихъ не доставитъ особеннаго удовольствія прогулка по улицѣ Pall Mall съ двумя герцогами подъ ручку. Но, не имѣя герцоговъ въ кругу своихъ знакомыхъ и не слыша гула завистливыхъ голосовъ, мы не упускаемъ и менѣе значительныхъ случаевъ обратить на себя вниманіе. Есть страстные любители предавать свое имя гласности въ газетахъ—имъ все равно, подъ какую газетную рубрику попадетъ ихъ имя, въ разрядъ ли *прибывшихъ и выбывшихъ, частныхъ объявленій, интервью или городскихъ сплетенъ*, за недостаткомъ лучшаго они не прочь попасть даже въ *хроннику скандаловъ*. Патологическимъ примѣромъ крайняго стремленія къ печатной гласности своего имени можетъ служить Гито, убійца президента Гарфильда. Его умственный горизонтъ не выходилъ изъ газетной сферы. Въ предсмертной молитвѣ этого несчастнаго однимъ изъ искреннѣйшихъ выраженій было слѣдующее: «Здѣшняя газетная пресса въ неоплатномъ долгу предъ Тобою, Господи».

Не только люди, но мѣстности и предметы, хорошо знакомые мнѣ, въ извѣстномъ метафорическомъ смыслѣ, расширяютъ мое социальное «я». «*Ça me sonnaît*»,—говорилъ одинъ французскій работникъ, указывая на инструментъ, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ. Лица, мнѣніемъ которыхъ мы вовсе не дорожимъ, являюся въ тоже время индивидами, вниманіемъ которыхъ мы не брезгаемъ. Не одинъ великій человѣкъ, не одна женщина, разборчивая во всѣхъ отношеніяхъ, съ трудомъ отвергнувъ вниманіе ни-

чтознаго франта, всю личность котораго они презирають отъ чистаго сердца.

Подъ рубрику «попеченіе о духовной личности» слѣдуетъ отнести всю совокупность стремленій къ духовному прогрессу — умственному, нравственному и духовному въ узкомъ смыслѣ слова. Впрочемъ, необходимо допустить, что такъ называемыя заботы о своей *духовной* личности представляютъ въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ слова лишь заботу о матеріальной и социальной личности въ загробной жизни. Въ стремленіи магометанина попасть въ рай или въ желаніи христіанина избѣгнуть мукъ ада матеріальность желаемыхъ благъ сама собой очевидна. Съ болѣе положительной и уточненной точки зрѣнія на будущую жизнь многія изъ ея благъ (сообщество съ усопшими и святыми и присутствіе Божества) суть лишь социальныя блага наивысшаго порядка. Только стремленіе къ искупленію внутренней (грѣховной) природы души, къ достиженію ею безгрѣшной чистоты въ этой или будущей жизни могутъ считаться заботами о духовной нашей личности въ ея чистѣйшемъ видѣ.

Нашъ широкій внѣшній обзоръ фактовъ, наблюдаемыхъ въ жизни нашей личности, былъ бы неполонъ, еслибы мы не выяснили вопроса о соперничествѣ и столкновѣніяхъ между отдѣльными сторонами нашей личности. Наша физическая природа ограничиваетъ нашъ выборъ одними изъ многочисленныхъ представляющихся намъ и желаемыхъ нами благъ, тотъ же фактъ наблюдается и въ данной сферѣ явленій. Еслибы только было возможно, то ужъ, конечно, никто изъ насъ не отказался бы быть сразу красивымъ, здоровымъ, прекрасно одѣтымъ человѣкомъ, великимъ силачемъ, богачемъ, имѣющимъ миллионный годовою доходъ, острякомъ, бонвиваномъ, покорителемъ дамскихъ сердецъ и въ то-же время философомъ, филантропомъ, государственнымъ дѣятелемъ, военачальникомъ, изслѣдователемъ Африки, моднымъ поэтомъ и святымъ человѣкомъ. Но это рѣшительно невозможно. Дѣятельность миллионера не мирится съ идеаломъ святого; филантропъ и бонвиванъ — понятія несомвѣстимыя; душа философа не уживается съ душою сердцеда въ одной тѣлесной оболочкѣ. Внѣшнимъ образомъ такіе различные характеры какъ будто и въ самомъ дѣлѣ совмѣстимы въ одномъ человѣкѣ. Но стоитъ дѣйствительно развить одно изъ свойствъ характера, чтобы оно тотчасъ же заглушило другія. Человѣкъ долженъ тщательно разсмотрѣть различныя стороны своей личности, чтобы исвать спасенія въ развитіи глубочайшей, сильнѣйшей стороны своего «я». Всѣ другія стороны нашего «я» призрачны, только одна изъ нихъ имѣетъ реальное основаніе въ нашемъ характерѣ, и потому ея развитіе обезпечено. Неудачи въ развитіи этой стороны нашего характера суть дѣйствительныя неудачи, вызывающія стыдъ, а успѣхъ — настоящій успѣхъ, приносящій намъ истинную радость. Этотъ фактъ

может служить прекраснымъ примѣромъ умственныхъ уекъ и добора, на которыя я выше (стр. 130-я) настойчиво указывалъ. Прежде чѣмъ осуществить свой выборъ, наша мысль колеблется между нѣсколькими различными вещами, въ данномъ случаѣ она выбираетъ одну изъ многочисленныхъ сторонъ нашей личности или нашего характера, послѣ чего мы не чувствуемъ стыда, потерпѣвъ неудачу въ чемъ-нибудь, не имѣющемъ отношенія къ тому свойству нашего характера, которое остановило исключительно на себѣ наше вниманіе.

Намъ отсюда становится понятнымъ парадоксальный рассказъ о человѣкѣ, пристыженномъ до смерти тѣмъ, что онъ оказался не первымъ, а вторымъ въ свѣтѣ боксеромъ или гребцомъ. Что онъ въ силахъ побороть любого человѣка въ свѣтѣ, кромѣ одного — это для него ничего не значить. Пока онъ не одолѣетъ перваго въ состязаніи, ничто не принимается имъ въ расчетъ. Онъ въ своихъ собственныхъ глазахъ какъ бы не существуетъ. Тщедушный человѣкъ, котораго всякій можетъ побить, не огорчается своею физической немощью, ибо онъ давно оставилъ всякія попытки къ развитію этой стороны своей личности. Безъ попытокъ не можетъ быть неудачи, безъ неудачи не можетъ быть позора. Такимъ образомъ, наше довольство собою въ жизни обусловлено всецѣло тѣмъ, къ какому дѣлу мы себя предназначимъ. Оно опредѣляется отношеніемъ нашихъ дѣйствительныхъ способностей къ потенциальнымъ, предполагаемымъ — дробью, въ которой числитель выражаетъ нашъ активный успѣхъ, а знаменатель — наши претензіи:

$$\text{Самоуваженіе} = \frac{\text{Успѣхъ}}{\text{Претензіи}}$$

При увеличеніи числителя и уменьшеніи знаменателя дробь будетъ возрастать. Отказъ отъ претензій даетъ намъ такое же желанное облегченіе, какъ и осуществленіе ихъ на дѣлѣ, и отказываться отъ претензій будутъ всегда въ томъ случаѣ, когда разочарованія безпрестанны, а борьбѣ не предвидится исхода. Самый яркій изъ всѣхъ возможныхъ примѣровъ этому представляетъ исторія евангельской теологіи, гдѣ мы находимъ убѣжденіе въ грѣховности, отчаяніе въ собственныхъ силахъ и потерю надежды на возможность спастись одними добрыми дѣлами, но подобные же примѣры можно встрѣтить въ жизни на каждомъ шагѣ. Человѣкъ, понявшій, что въ его ничтожествѣ въ известномъ отношеніи не остается для другихъ никакихъ сомнѣній, чувствуетъ какое-то странное сердечное облегченіе. Неумолимое «нѣтъ», полный, рѣшительный отказъ влюбленному человѣку, какъ будто умѣряетъ его горечь при мысли о потерѣ любимой особы. Многие жители Бостона *crede experto* (боюсь, что тоже можно сказать и о жителяхъ другихъ городовъ) могли бы съ облегченнымъ сердцемъ отказаться отъ своего музыкальнаго «я», чтобы имѣть возможность

безъ стыда смѣшивать наборъ звуковъ съ симфоніей. Какъ пріятно бываетъ иногда отказаться отъ претензій казаться молодымъ и стройнымъ. «Слава Богу, говоримъ мы въ такихъ случаяхъ, эти иллюзіи миновали!» Всякое расширеніе нашего «я» составляетъ лишнее бремя и лишнюю претензію. Рассказываютъ про нѣкоего господина, который въ послѣднюю американскую войну потерялъ все свое состояніе до послѣдняго цента; сдѣлавшись нищимъ, онъ буквально валялся въ грязи, но увѣрялъ, что отродясь еще онъ не чувствовалъ себя болѣе счастливымъ и свободнымъ.

Наше самочувствіе, повторяю, зависитъ отъ насъ самихъ. «Приравняй твои претензіи нулю—говоритъ Карлэйль,—и цѣлый міръ будетъ у ногъ твоихъ. Справедливо писалъ мудрѣйшій человѣкъ нашего времени, что жизнь, собственно говоря, начинается только съ момента отреченія».

Ни угрозы, ни пререкательства не могутъ оказать дѣйствія на человѣка, если они не затрогиваютъ одной изъ виртуальныхъ или активныхъ сторонъ его личности. Вообще говоря, только воздѣйствіемъ на эту личность мы можемъ «завладѣть» чужою волей. Поэтому, первѣйшая забота монарховъ, дипломатовъ и вообще всѣхъ стремящихся къ власти и вліянію, заключается въ томъ, чтобы найти у ихъ жертвы сильнѣйшій принципъ самоуваженія и сдѣлать воздѣйствіе на него своей конечной цѣлью. Но, если человѣкъ отказался отъ всего, что зависитъ отъ воли другого, и пересталъ смотрѣть на все это, какъ на части своей личности, то мы становимся почти совершенно безсильными вліять на него. Стоическое правило счастья заключалось въ томъ, чтобы мы напередъ считали себя лишенными всего того, что зависитъ не отъ нашей воли — тогда удары судьбы станутъ для насъ нечувствительны. Эпиктетъ совѣтуетъ намъ сдѣлать нашу личность неуязвимой, сжывая ея содержаніе, но въ тоже время увѣрляя ея устойчивость: «Я долженъ умереть—хорошо, но долженъ ли я умирать, непременно жалуясь на свою судьбу? Я буду открыто говорить правду, и, если тиранъ скажетъ: «За твои рѣчи ты достоинъ смерти», я отвѣчу ему: «Говорилъ ли я тебѣ когда-нибудь, что я бессмертенъ? Ты будешь дѣлать свое дѣло, а я свое; твое дѣло казнить, а мое—умирать безстрашно; твое дѣло—изгонять, а мое—безтрепетно удалаться. Какъ мы поступаемъ, когда отправляемся въ морское путешествіе? Мы выбираемъ кормчаго и матросовъ, назначаемъ время отъѣзда. На дорогѣ насъ застигаетъ буря. Въ чемъ же должны въ такомъ случаѣ состоять наши заботы? Наша роль ужъ выполнена. Дальнѣйшія обязанности лежатъ на кормчемъ. Но корабль тонетъ, что намъ дѣлать? Только одно, что возможно—безстрашно ждать гибели, безъ врыка, безъ ропота на Бога, хорошо зная, что всякій, кто родился, долженъ когда-нибудь и умереть».

Въ свое время, въ своемъ мѣстѣ эта стоическая точка зрѣнія могла быть достаточно полезной и героической, но надо признаться, что она возможна только при постоянной склонности души къ развитію узкихъ и несимпатичныхъ чертъ характера. Стоикъ дѣйствуетъ путемъ самоограниченія. Если я стоикъ, то блага, какія я могъ бы себѣ присвоить, перестаютъ быть моими благами, и во мнѣ является склонность вообще отрицать за ними значеніе какихъ бы то ни было благъ. Этотъ способъ оказывать поддержку своему «я» путемъ отреченія, отказа отъ благъ весьма обыченъ среди лицъ, которыя въ другихъ отношеніяхъ никакъ не могутъ быть названы стоиками. Всѣ узкіе люди ограничиваютъ свою личность, отдѣляютъ отъ нея все то, что не составляетъ у нихъ прочнаго владѣнія. Они смотрятъ съ холоднымъ пренебреженіемъ, если не съ настоящей ненавистью, на людей, непохожихъ на нихъ или не поддающихся ихъ влиянію, хотя бы эти люди обладали великими достоинствами. «Кто не за меня—тотъ для меня не существуетъ, то есть, насколько отъ меня зависитъ, я стараюсь дѣйствовать такъ, какъ будто онъ для меня вовсе не существовалъ». Такимъ путемъ, строгость и опредѣленность границъ моей личности можетъ вознаграждать меня за скудость ея содержанія».

Симпатичные люди дѣйствуютъ, наоборотъ, путемъ расширенія своей личности и приобщенія къ ней другихъ. Границы ихъ личности часто бываютъ довольно неопредѣленны, но зато богатство ея содержанія съ избыткомъ вознаграждаетъ ихъ за это. Nil humani a me alienum. «Пусть презираютъ мою скромную личность, пусть обращаются со мною, какъ съ собакой; пока есть душа въ моемъ тѣлѣ, я не буду ихъ отвергать. Они—такія же реальности, какъ и я. Все, что въ нихъ есть действительно хорошаго—пусть будетъ достояніемъ моей личности». Велиководшіе этихъ экспансивныхъ натуръ иногда бываетъ поистинѣ трогательно. Такія лица способны испытывать своеобразное тонкое чувство восхищенія при мысли, что, несмотря на болѣзнь, непривлекательную внѣшность, плохія условія жизни, не смотря на общее къ нимъ пренебреженіе, они все-таки составляютъ неотдѣлимую часть этого міра бодрыхъ людей, имѣютъ товарищескую долю въ силѣ ломовыхъ лошадей, въ счастьи юности, въ мудрости мудрыхъ и не лишены нѣкотораго участія въ пользованіи богатствами Вандербильдовъ и даже самихъ Гогенцоллерновъ. Такимъ образомъ, то суживаясь, то расширяясь, наше эмпирическое «я» пытается утвердиться во внѣшнемъ мірѣ. Тотъ, кто можетъ воскликнуть вмѣстѣ съ Маркомъ Авреліемъ: «О вселенная! Все, чего ты желаешь, того и я желаю!» имѣетъ личность, изъ которой удалено до послѣдней черты все, ограничивающее, суживающее содержаніе личности—содержаніе его личности всеобъемлюще.

Иерархія личностей. Согласно почти единодушно принятому мнѣ-

нѣю, различные виды личностей, которые могутъ заключаться въ одномъ человѣкѣ, и въ связи съ этимъ различные виды самоуваженія человѣка, могутъ быть расположены въ формѣ *иерархической скалы*, съ *физической личностью внизу, духовной наверху* и различными видами *материальных* (находящихся *внѣ нашего тѣла*) и *соціальных личностей въ промежуткѣ*. Чисто природная склонность наша заботиться о себѣ вызываетъ въ насъ стремленіе расширять различныя стороны нашей личности; мы преднамѣренно отказываемся отъ развитія въ себѣ лишь того, въ чемъ не надѣемся достигнуть успѣха. Такимъ-то образомъ нашъ альтруизмъ является «необходимой добродѣтелью», и циники, описывая нашъ прогрессъ въ морали, не совсѣмъ лишены основаній напоминать при этомъ объ известной баснѣ про лисицу и виноградъ. Но таковъ ужъ ходъ нравственнаго развитія человечества, и, если мы согласимся, что въ итогѣ тѣ виды личностей, которые мы въ состояніи удержать за собой, являются (для насъ) лучшими по внутреннимъ достоинствамъ, то у насъ не будетъ основаній жаловаться на то, что мы постигаемъ ихъ высшую цѣнность такимъ ровнымъ путемъ.

Конечно, это не единственный путь, на которомъ мы учимся подчинять низшіе виды нашихъ личностей высшимъ. Въ этомъ подчиненіи безспорно играетъ известную роль этическая оцѣнка, и, наконецъ, немаловажное значеніе имѣютъ въ примѣненіи въ намъ самимъ сужденія, высказанныя нами раньше о поступкахъ другихъ лицъ. Однимъ изъ курьезнѣйшихъ законовъ нашей (психической) природы является то обстоятельство, что мы съ удовольствіемъ наблюдаемъ въ себѣ известныя качества, которые кажутся намъ отвратительными, когда мы замѣчаемъ ихъ въ другихъ. Ни въ комъ не можетъ возбудить симпатіи физическая непрятность иного субъекта, его жадность, честолюбіе, вспыльчивость, ревность, деспотизмъ или заносчивость. Предоставленный абсолютно самому себѣ, я, можетъ быть, охотно далъ бы неудержимо развиваться этимъ склонностямъ и лишь спустя долгое время составилъ бы себѣ надлежащее представленіе о томъ, какое положеніе должна занимать подобная личность въ ряду другихъ. Но, такъ какъ мнѣ постоянно приходится составлять сужденія о другихъ людяхъ, то я вскорѣ приучаюсь видѣть въ зеркалѣ чужихъ страстей, какъ выражается Горвицъ, отраженіе моихъ собственныхъ страстей, и начинаю мыслить о нихъ совершенно иначе, чѣмъ ихъ *чувствовать*. При этомъ, разумѣется, нравственные принципы, внушенные намъ съ дѣтства, чрезвычайно ускоряютъ въ насъ появленіе склонности въ рефлексію.

Такимъ-то путемъ и получается, какъ мы сказали, та скала, на которой люди иерархически располагаютъ различные виды личностей по ихъ достоинству. Известная доля тѣлеснаго эгоизма является необходимой подкладкой для всѣхъ другихъ ви-

довъ личности. Но излишномъ чувственнаго элемента стараются пренебрегать или въ лучшемъ случаѣ пытаются уравновѣсить его другими свойствами характера. Матеріальнымъ видамъ личностей, въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, отдается предпочтеніе передъ непосредственною личностью — тѣломъ. Жалкимъ существомъ почитаемъ мы того, кто не способенъ пожертвовать небольшимъ количествомъ пищи, питья или сна ради общаго подъема своего матеріальнаго благосостоянія. Соціальная личность въ ея дѣломъ опять же стоитъ выше матеріальной личности въ ея совокупности. Мы должны болѣе дорожить нашею честью, нашими друзьями и человѣческими отношеніями, чѣмъ здоровьемъ и матеріальнымъ благополучіемъ. Духовная же личность должна быть для человѣка высшимъ соврешищемъ: мы должны скорѣе пожертвовать друзьями, добрымъ именемъ, собственностью и даже жизнію, чѣмъ утратить духовныя блага нашей личности.

Во всѣхъ видахъ нашихъ личностей — физическомъ, социальномъ и духовномъ — мы проводимъ различіе между непосредственнымъ, дѣйствительнымъ съ одной стороны и болѣе отдаленнымъ, потенциальнымъ съ другой, между болѣе близорукой и болѣе дальновидной точкой зрѣнія на вещи, дѣйствуя наперекоръ первой и въ пользу послѣдней. Ради общаго состоянія здоровья необходимо жертвовать минутнымъ удовольствіемъ въ настоящемъ; надо выпустить изъ рукъ одинъ долларъ, имѣя въ виду получить на нихъ сотню; надо порвать дружескія сношенія съ извѣстнымъ лицомъ въ настоящемъ, имѣя въ виду при этомъ приобрести себѣ болѣе достойный кругъ друзей въ будущемъ; надо быть неучемъ, человѣкомъ неизящнымъ, лишеннымъ всякаго остроумія, дабы надежнѣе стяжать спасеніе души.

Изъ этихъ болѣе широкихъ потенциальныхъ видовъ личностей, *потенциальная общественная личность* является наиболѣе интересной вслѣдствіе нѣкоторыхъ парадоксовъ, къ которымъ соображенія о ней приводятъ насъ на практикѣ, и вслѣдствіе ея тѣсной связи съ моральной и религіозной сторонами нашей личности. Если въ силу мотивовъ чести или совѣсти у меня хватаетъ духу произнести осужденіе надъ моею семьей, моею партией, моимъ кругомъ близкихъ; если изъ протестанта я превращаюсь въ католика или изъ католика въ *libre penseur'a*; если изъ правовѣрнаго практика-аллопата я становлюсь гомеопатомъ или какимъ-нибудь другимъ сектантомъ медицины, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я равнодушно переношу потерю нѣкоторой доли моей соціальной личности, ободряя себя мыслію, что могутъ найтись иные лучшіе общественные судьи (надо мною), сравнительно съ тѣми, приговоръ которыхъ направленъ въ данную минуту противъ меня. Апеллируя къ рѣшенію этихъ новыхъ судей, я быть можетъ гонюся за весьма далекимъ идеаломъ соціальной личности — быть можетъ, онъ окажется едва достижимымъ. Я могу

не рассчитывать на его осуществленіе при моей жизни; я могу даже ожидать, что послѣдующія поколѣнія, которыя одобрили бы мой образъ дѣйствій, еслибы онъ имъ былъ извѣстенъ, ничего не будутъ знать о моемъ существованіи послѣ моей смерти. Тѣмъ не менѣе чувство, увлекающее меня, есть безспорно стремленіе найти идеальную социальную личность, такой идеаль, который, по крайней мѣрѣ, заслуживалъ бы одобренія со стороны строжайшаго, какой только возможенъ, судьи, еслибы таковой при этомъ былъ налицо. Этотъ видъ личности и есть окончательный, наиболѣе устойчивый, истинный и интимный предметъ моихъ стремленій. Этотъ судья—Богъ, Абсолютный Разумъ. Въ наше время научнаго просвѣщенія происходитъ немало споровъ по вопросу о дѣйствительности молитвы, причемъ выставляется много основаній *pro* и *contra*. Но при этомъ почти не затрогивается вопросъ о томъ, почему именно мы молимся, на что нетрудно отвѣтить ссылкой на неудержимую потребность молиться. Не лишено вѣроятія, что люди такъ дѣйствуютъ наперекоръ наукѣ и на все будущее время будутъ продолжать молиться, пока не измѣнится ихъ психическая природа, чего мы не имѣемъ никакихъ основаній ожидать. Побужденіе молиться является необходимымъ слѣдствіемъ того факта, что интимнѣйшій изъ всѣхъ видовъ эмпирической личности, хотя и относится къ разряду *соціальныхъ* личностей, тѣмъ не менѣе находитъ себѣ вполне адекватную реализацію лишь въ *Societas* мѣра идеального.

Все совершенствованіе социальной личности заключается въ замѣнѣ низшаго суда надъ собою высшимъ; въ лицѣ Верховнаго Судьи идеальнѣйшій трибуналъ представляется наивысшимъ; и большинство людей или постоянно, или въ извѣстныхъ случаяхъ жизни обращаются къ этому Верховному Судѣ. Последнее исчадіе рода человѣческаго можетъ такимъ путемъ стремиться къ высшей нравственной самооцѣнкѣ, можетъ признать за собою извѣстную силу, извѣстное право на существованіе. Съ другой стороны, для большинства изъ насъ міръ безъ внутренняго убѣжища въ минуту полной утраты всѣхъ внѣшнихъ социальныхъ личностей былъ бы какою-то ужасной бездною. Я говорю «для большинства изъ насъ», ибо индивиды, по всей вѣроятности, весьма различаются въ степени чувствъ, какія они способны переживать по отношенію къ идеальному существу. Въ сознаніи однихъ лицъ эти чувства играютъ болѣе существенную роль, чѣмъ въ сознаніи другихъ. Наиболѣе одаренные этими чувствами люди, вѣроятно, наиболѣе религіозны. Но я увѣренъ, что даже тѣ, которые утверждаютъ, будто совершенно лишены ихъ, обманываютъ себя и на самомъ дѣлѣ хоть въ нѣкоторой степени обладаютъ этими чувствами. Только не-стадные животныя, быть можетъ, совершенно лишены этого чувства. Можетъ быть, никто не въ состояніи приносить жертвы

во имя «права», не олицетворяя до нѣкоторой степени принципъ права, ради котораго совершается известная жертва и не ожидая отъ него благодарности. Другими словами, *полнѣйшій* социальный альтруизмъ едва ли можетъ существовать; *полнѣйшее* социальное самоубійство едва ли когда-либо приходило человѣку въ голову. Для доказательства противнаго всего менѣе можно было бы цитировать текстъ изъ книги Иова: «Если онъ убьетъ меня, я буду на него надѣяться» *); или слова Марка Аврелія: «Если боги ненавидятъ меня и мое семейство, то, значить, для этого имѣются разумныя основанія». Ибо Иовъ, безъ сомнѣнія, предусматривалъ въ образѣ мысли Иеговы благоволеніе за свою покорность послѣ того, какъ надъ нимъ совершится Божія казнь; равнымъ образомъ и римскій императоръ былъ увѣренъ, что Абсолютный Разумъ не окажется равнодушнымъ къ покорности человѣка передъ немилостью Бога. На старинный вопросъ, предлагавшійся ради испытанія благочестія: «Хочешь ли ты быть осужденъ во славу Божию?», давался утвердительный отвѣтъ, вѣроятно, лишь тѣми, которые всѣмъ своимъ сердцемъ чувствовали, что Богъ оцѣнитъ покорность ихъ воли и, согласно несповѣдимымъ предначертаніямъ своимъ, будетъ относиться къ нимъ такъ, какъ будто они вовсе не были осуждены.

Телеологическое значеніе заботъ о своей личности. На основаніи биологическихъ принциповъ легко показать, почему мы были надѣлены влеченіями къ самосохраненію и эмоціями довольства и недовольства собой. Еслибы наше сознаніе не было чѣмъ-то большимъ, сравнительно съ (чисто пассивною) способностью познанія, если-бы оно не отдавало предпочтенія известнымъ объектамъ, занимающимъ отъ времени до времени его кругозоръ, оно бы не могло долге поддерживать своего существованія, ибо въ силу роковой необходимости существованіе каждаго человѣческаго ума на землѣ обусловлено неповрежденностью тѣла, въ которое онъ заключенъ, поддержкою, которую это тѣло получаетъ отъ другихъ, и духовными наклонностями, которыя пользуются тѣломъ, какъ орудіемъ, и ведутъ его къ разрушенію или къ долготѣйшей жизни. Такимъ образомъ, *для каждаго человека прежде всего его собственное тѣло, затѣмъ его ближайшіе друзья и, наконецъ, его духовныя склонности должны являться въ высшей степени цѣнными объектами.* Начать съ того, что каждый умъ, чтобы существовать, долженъ имѣть известныя *минимум* эгоизма въ формѣ инстинктовъ тѣлеснаго самосохраненія. Этотъ *минимум* эгоизма долженъ служить подкладкой для всѣхъ дальнѣйшихъ сознательныхъ актовъ, начиная отъ самоотреченія и кончая еще болѣе утонченными формами эгоизма. Если не прямо, то путемъ переживанія приспособленнѣйшаго, всѣ умы привыкли

*) Книга Иова, гл. 13, ст. 15.

*

принимать живѣйшій интересъ въ участи своихъ тѣлесныхъ обочечекъ, хотя и независимо отъ интереса къ чистому «я», интереса, которымъ они также обладаютъ.

Нѣчто подобное можно наблюдать и по отношенію къ судьбамъ нашей личности въ воображеніи другихъ лицъ. Я бы теперь не существовалъ, еслибы не научился понимать одобрительныя или неодобрительныя выраженія лицъ, среди которыхъ протекаетъ моя жизнь. Презрительныя взгляды, которые окружающіе меня люди бросаютъ другъ на друга, не должны производить на меня особенно сильнаго впечатлѣнія. Мои духовныя силы также должны интересоваться меня болѣе, чѣмъ духовныя силы окружающихъ — и на томъ-же основаніи. Меня бы не было въ той средѣ, гдѣ я теперь нахожусь, еслибы я не вліялъ культурнымъ образомъ на другихъ и не оказывалъ бы имъ поддержки. При этомъ законъ природы, научившій меня однажды дорожить людскими отношеніями, съ тѣхъ поръ навсегда заставляеть меня дорожить ими.

Тѣлесная, социальная и духовная личности образуютъ *естественную личность*. Но всѣ онѣ являются, собственно говоря, объектами мысли, которая во всякое время совершаетъ свой процессъ познаванія; поэтому при всей правильности эволюціонной и биологической точекъ зрѣнія, нѣтъ основаній думать, почему бы тотъ или другой объектъ не могъ первичнымъ инстинктивнымъ образомъ зародить въ насъ страсть или интересъ. Явленіе страсти по своему происхожденію и по своей сущности всегда одно и то-же, независимо отъ своей конечной цѣли; что именно въ данномъ случаѣ является объектомъ нашихъ стремленій — это представляется дѣломъ простаго факта. Я могу въ такой же степени и такъ же инстинктивно быть увлеченнымъ заботами о физической безопасности моего сосѣда, какъ и о моей собственной тѣлесной безопасности. Это и наблюдается на нашихъ заботахъ о здоровьи нашихъ дѣтей. Единственной поддержкой для такихъ яркихъ проявленій альтруистическихъ интересовъ является естественный подборъ, который искореняетъ все то, что было бы вреднымъ для особи и для ея вида. Тѣмъ не менѣе многія изъ вредныхъ влеченій остаются неискоренимыми, наприимѣръ, половое влеченіе, которое въ человѣчествѣ проявляется, повидимому, въ болѣшей степени, чѣмъ это представляется необходимымъ; на-ряду съ этимъ еще остаются наклонности (наприимѣръ, наклонность къ опьяненію алкоголемъ, любовь къ музыкѣ, пѣнію), влеченія, не поддающіяся никакимъ утилитарнымъ объясненіямъ. Альтруистическіе и эгоистическіе инстинкты, впрочемъ, координированы. Возникають они, насколько мы можемъ судить, на той же психологической почвѣ. Единственное различіе между ними заключается въ томъ, что такъ называемые эгоистическіе инстинкты гораздо многочисленнѣе.

Итогъ. Слѣдующая таблица можетъ служить итогомъ всего вы-

несказанного. Эмпирическая жизнь нашей личности может быть подразделена слѣдующимъ образомъ:

	Матеріальная.	Соціальная.	Духовная.
Самосохраненіе.	Тѣлесныя потребности и инстинкты. Любовь къ нарядамъ, фразетовство, угнанье пріобрѣтать средства, создавать себѣ обстановку.	Желаніе нравиться, быть замѣченнымъ etc. Общительность, соревнованіе, любовь, честолюбіе, etc.	Интеллектуальныя, моральныя и религіозныя стремленія, добросовѣстность.
Самоодѣлка.	Личное тщеславіе, скромность. Гордое сознаніе обезпеченности, страхъ бѣдности.	Соціальная и семейная гордость, тщеславіе, притязанность, стыдъ, etc.	Чувство нравственнаго и умственнаго превосходства, чистота, etc., чувство вины.

В) Познающій элементъ въ сознаніи.

Сравнительно съ эмпирической личностью, чистое «Ego» представляетъ гораздо болѣе сложный предметъ для изслѣдованія. «Я» есть то, что въ каждую данную минуту *сознаетъ*, между тѣмъ какъ эмпирическая личность есть только одна изъ сознаваемыхъ вещей. Другими словами, чистое «я» есть мыслящій субъектъ. Немедленно возникаетъ вопросъ, что представляетъ изъ себя этотъ «мыслящій субъектъ»? Является ли онъ однимъ изъ переходящихъ состояній сознанія или чѣмъ-то болѣе глубокимъ и неизмѣннымъ. Текучесть нашего сознанія представляетъ саму воплощенную измѣнчивость. Между тѣмъ всякій изъ насъ добровольно разсматриваетъ свое «я», какъ нѣчто постоянное, неизмѣняющееся. Это обстоятельство побудило большую часть философовъ предполагать за измѣнчивыми состояніями сознанія существованіе нѣкотораго неизмѣннаго субстрата, дѣятеля, который и вызываетъ модификаціи въ нашемъ сознаніи. Этотъ дѣятель и есть мыслящій субъектъ. То или другое частное состояніе сознанія является простымъ орудіемъ, средствомъ въ его рукахъ. Душа, духъ, трансцендентальное «я» — вотъ разнородныя названія для этого наименѣе измѣнчиваго субъекта мысли. Не подвергая пока этихъ понятій анализу, постараемся опредѣлить какъ можно точнѣе понятіе измѣнчиваго состоянія сознанія.

Единство въ измѣнчивости сознанія. Уже говоря объ измѣреніи ощущеній съ точки зрѣнія Фехнера, мы видѣли, что нѣтъ никакихъ основаній считать ихъ сложными. Но, что вѣрно объ ощущеніяхъ простѣйшихъ качествъ, то распространяется и на

мысли о сложных предметахъ, состоящихъ изъ многихъ частей. Это положеніе идетъ, къ сожалѣнію, въ разрѣзъ съ широко-распространеннымъ предразсудкомъ и потому требуетъ болѣе подробныхъ доказательствъ. Съ точки зрѣнія здраваго смысла, равно какъ и съ точки зрѣнія почти всѣхъ психологическихъ школъ, не вызываетъ сомнѣнія тотъ фактъ, что, всякій разъ какъ объектъ мысли складывается ровно изъ столькохъ идей, сколько въ объектѣ мысли элементовъ, эти идеи бывають, повидимому, смѣшаны, но въ сущности онѣ раздѣльны.

«Не представляется никакыхъ затрудненій допустить, что ассоціація объединяетъ идею неопредѣленнаго числа индивидовъ въ одну сложную идею, говоритъ Джэмсъ Милль, ибо это—общезвѣстный фактъ. Развѣ у насъ нѣтъ идеи «армія?» и развѣ эта идея не есть комплексъ идей неопредѣленнаго числа людей?».

Можно привести множество подобныхъ цитатъ, и читатель съ перваго взгляда, пожалуй, готовъ склониться въ ихъ пользу. Предположимъ, что онъ думаетъ: «На столѣ лежитъ колода картъ». Если онъ станетъ размышлять самъ съ собою, то ему придутъ въ голову, примѣрно, слѣдующія соображенія: «Развѣ я не думаю о колодѣ картъ? Развѣ идея картъ не заключается въ идеѣ колоды? Развѣ я не думаю въ то-же время о столѣ, наконецъ, о ножкахъ стола? Развѣ моя мысль не заключаетъ въ себѣ частію идею колоды и частію идею стола? Далѣе, развѣ съ каждою частію колоды не связана идея части каждой карты, а съ идеей части стола идея части каждой ножки? Развѣ каждая изъ этихъ частей не есть идея? Но въ такомъ случаѣ развѣ моя мысль не есть нѣкоторый комплексъ идей, изъ которыхъ каждая соответствуетъ нѣкоторому познаваемому элементу?»

Удивительно неосновательны подобныя соображенія, хотя бы они и казались заслуживающими одобренія. Представляя комплексъ идей, изъ которыхъ каждая выражаетъ извѣстный элементъ воспринимаемаго факта, мы не представляемъ себѣ ничего такого, что давало бы намъ знаніе о цѣломъ фактѣ *sразу*. Согласно разбираемой гипотезѣ комплекса идей, идея, которая, напримѣръ, сообщаетъ намъ знаніе о пиковомъ тузѣ, должна быть непричастна къ идеѣ ножки стола, ибо въ силу данной гипотезы знаніе послѣдняго факта нуждается въ особой специальной идеѣ; то-же слѣдуетъ распространить и на всѣ остальные идеи, изъ которыхъ каждая окажется чуждой содержанию другой. И тѣмъ не менѣе *de facto* человѣческой умъ, познавая карты, познаетъ и столъ, и его ножку, всѣ эти вещи познаются имъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ другъ ко другу и притомъ *sразу*. Наши понятія объ отвлеченныхъ числахъ (8, 4, 2) являются для познающаго ума такими же единичными ощущеніями, какъ и понятіе единицы. Идея пары не есть пара идей. Читатель, быть можетъ, спроситъ меня: «Развѣ вкусъ

лимоиада не == вкусу лимона + вкусъ сахара? Нѣтъ, возражу я на это, нельзя смѣшивать сочетаніе веществъ съ сочетаніемъ ощущеній. Физическій лимонадъ состоитъ изъ лимона и сахара, но вкусъ его не есть простая сумма вкусовъ сахара и лимона, ибо, конечно, во вкусѣ лимонада вы всего меньше найдете вкусъ чистой лимонной кислоты съ одной стороны и вкусъ сахарной сладости съ другой. Этихъ вкусовъ совершенно нѣтъ въ лимонадѣ. Есть въ лимонадѣ вкусъ, *напоминающій* до известной степени и лимонъ, и сахаръ, но этотъ вкусъ представляетъ во всякомъ случаѣ своеобразное состояніе сознанія.

Раздѣльныя состоянія сознанія не могутъ смѣшиваться. Мысль, будто наши идеи суть лишь сочетанія болѣе мелкихъ элементовъ сознанія, не только нефронтна—она заключаетъ въ себѣ логическую невозможность. Высказывающіе эту мысль упускаютъ изъ виду характернѣйшія черты, какія намъ известны относительно сочетаній.

Всѣ известныя намъ «комбинаціи» представляютъ собою результатъ дѣйствій, совершаемыхъ единицами (которыя мы называемъ «входящими въ комбинацію») надъ нѣкоторой сущностью, отличающейся отъ нихъ самихъ. Безъ этого представленія посредствующаго фактора понятіе комбинаціи не имѣетъ смысла.

Другими словами, сущности (назовете ли вы ихъ силами, матеріальными частицами или психическими элементами) не могутъ слагаться сами по себѣ другъ съ другомъ въ нѣчто *качественно-новое* какъ бы ни было велико ихъ число. Каждое въ суммѣ или остается тѣмъ, чѣмъ оно было, и сумма кажется существующей сама по себѣ только для *посторонняго зрителя*, который упустилъ изъ виду составляющіе ее элементы и рассматриваетъ ее непосредственно лишь, какъ таковую; или же можетъ существовать въ видѣ фактора, дѣйствующаго на какую-нибудь другую сущность, внѣшнюю по отношенію къ данной суммѣ. Когда мы говоримъ, что Н и О даютъ воду и тѣмъ самымъ проявляютъ новыя свойства, то эта вода есть не что иное, какъ прежніе атомы въ новомъ расположеніи Н—О—Н; новыя свойства заключаются только въ комбинарованномъ дѣйствіи производимомъ атомами въ ихъ новомъ расположеніи (въ видѣ воды) на внѣшнюю среду, напримѣръ, на наши органы чувствъ и на различныя реагенты, въ которыхъ проявляются химическія свойства воды. Совершенно такимъ же образомъ силы многихъ людей суммируются, когда они все вмѣстѣ тянутъ за веревку, силы множества мышечныхъ волоконъ суммируются, прилагаясь въ одному сухожилію.

Въ параллелограммѣ силъ не силы слагаются въ равнодѣйствующую—діагональ, но тѣло, на которое онѣ воздѣйствуютъ, перемѣщается по направленію равнодѣйствующей. Равнымъ образомъ и музыкальные звуки не комбинируются сами по себѣ въ консонансы или диссонансы. Консонансы и диссонансы суть на-

званія для комбинированныхъ воздѣйствій звуковъ на виѣшнюю среду, на *ухо*.

Когда за элементарныя единицы принимаются ощущенія, то суть дѣла остается неизмѣнной. Возьмите сотню ихъ—смѣшайте, соедините какъ можно тѣснѣе (если это можетъ что-нибудь значить)—и все же, каждое ощущеніе останется тѣмъ-же, чѣмъ оно было, замкнутымъ само въ себѣ, слѣпымъ, чуждымъ по отношенію къ другимъ ощущеніямъ и къ ихъ значенію. Скомбинировавъ подобную группу изъ сотни ощущеній, мы получимъ нѣкоторое *сто первое* ощущеніе, возникнетъ *новый актъ сознанія, обнимающій группу, какъ такую*, и представляющій совершенно новый фактъ. Въ силу какого-нибудь курьезнаго закона природы сто первоначальныхъ ощущеній въ отдѣльности могли бы предвзрѣть ихъ творческой синтезъ во-едино (мы, вѣдь, часто знакомимся со слагаемыми элементами, прежде чѣмъ встрѣтимъ ихъ объединенными въ сумму), но реальнаго тождества между ними и ихъ суммой и наоборотъ—нѣтъ: нельзя вывести одно изъ другого или въ сколько-нибудь понятномъ смыслѣ говорить объ эволюціи суммы изъ совокупности слагаемыхъ.

Возьмемъ какую-нибудь фразу изъ двѣнадцати словъ и распредѣлимъ эти слова по одному между двѣнадцатью лицами, поставимъ ихъ въ рядъ или соберемъ ихъ въ тѣсную группу—и пусть каждое лицо думаетъ свое слово съ наивозможно большей напряженностью, и все-таки никому не придетъ въ голову цѣлая фраза. Правда, мы говоримъ о «духѣ вѣка», о «народномъ чувствѣ» и вообще различнымъ образомъ гипостазуемъ «общественное мнѣніе». Но намъ хорошо извѣстенъ этотъ условный способъ выраженія, и мы никогда и не помышляемъ о томъ, чтобы «духъ», «мнѣніе», или «чувство» относились къ нѣкоторому добавочному собирательному сознанію, а не служили бы для обозначенія совокупности сознаній отдѣльныхъ индивидовъ, обозначаемой словами: «вѣкъ», «народъ», «общество».

Отдѣльные умы не сливаются въ высшій сложный умъ. Этотъ фактъ всегда служилъ въ психологіи неотразимымъ доводомъ спиритуалистовъ противъ ассоціационистовъ. Ассоціационисты утверждаютъ, что умъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ идей, *ассоциированныхъ* въ одну. «Есть, говорятъ они, въ нашемъ сознаніи идея *a* и идея *b*. Значитъ, есть также идея *a* и *b*, взятыхъ вмѣстѣ, т. е. $a + b$ ». Говоритъ такъ—все равно, что утверждать, будто въ алгебрѣ квадратъ $a +$ квадратъ $b =$ квадрату $(a + b)$, [$a^2 + b^2 = (a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$] — утвержденіе, представляющее очевидную нелѣпость. Идея $a +$ идея b не тождественны съ идеей $a + b$: здѣсь—одна идея, тамъ—двѣ; въ послѣднемъ случаѣ то, что познаетъ a , познаетъ также и b ; въ первомъ случаѣ нѣчто познающее a преднамѣренно означено незнающимъ b . Короче говоря, двѣ идеи въ силу законовъ

логики никогда не могут выражаться одною идеей. Если какая-нибудь идея (напримѣръ, идея $a + b$) слѣдуетъ въ опытѣ за двумя раздѣльными идеями (a и b), то мы должны ее считать продуктомъ позднѣйшихъ особыхъ факторовъ, сравнительно съ факторами, вызвавшими на свѣтъ существованіе предшествовавшихъ идей a и b .

Впрочемъ, если вообще допускать существованіе потока сознанія, то всего проще было бы предположить, что сосуществующія идеи всегда сознаются, какъ отдѣльная струя этого потока. При воспріятіи множества объектовъ въ мозгу могутъ протекать многочисленныя процессы. Но психическое явленіе, относящееся къ этимъ многочисленнымъ процессамъ, представляетъ одно цѣльное устойчивое или переходящее состояніе сознанія, воспринимающаго разнородныя объекты.

Душа, какъ комбинирующая среда. Представители спиритуализма въ философіи всегда были склонны утверждать, что одновременно познаваемые (разнородныя) объекты познаются *цѣмъ-то*, причемъ это *нѣчто*, по ихъ словамъ, не чисто переходящая мысль, но нѣкоторая простая и неизмѣняющаяся духовная сущность, на которую воздѣйствуютъ комбинируясь многочисленныя идеи. Въ данномъ случаѣ для насъ безразлично, будемъ ли мы называть эту сущность душою, духомъ или «я», ея главнѣйшей функцией все же окажется роль комбинирующей среды. Въ «душѣ» мы встрѣтимъ носителя познанія, отличающагося отъ того «потока», въ которомъ, какъ мы выше указали, таинственный процессъ познанія могъ совершаться съ такою простотою. Кто же на самомъ дѣлѣ является познающимъ субъектомъ, неизмѣнная духовная сущность или переходящее состояніе сознанія? Если бы мы имѣли иныя, до сихъ поръ еще не предусмотрѣнныя основанія для допущенія «души» въ нашу психологію, то въ силу этихъ основаній она, можетъ быть, оказалась бы также и познающимъ субъектомъ. Но такъ какъ нѣтъ никакихъ другихъ основаній для допущенія души, то мы склонны скорѣе признать переходящія состоянія нашего сознанія за исключительныя факторы познания, ибо ихъ существованіе въ психологіи мы должны допустить во всякомъ случаѣ, и одновременное познание множества вещей одинаково хорошо объяснимо, когда мы отнесемъ его на счетъ этихъ факторовъ, или когда мы будемъ усматривать въ немъ дѣятельность души. Вполнѣ *объяснено* оно не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ и можетъ фигурировать въ психологіи, лишь какъ первичный, неразложимый далѣе фактъ.

Но имѣются другіе мотивы въ пользу допущенія души въ психологіи, важнѣйшій изъ нихъ это —

Чувство личнаго тождества. Въ предшествующей главѣ мы показали, что мысли, существованіе которыхъ достоверно намъ извѣстно, не носятъ безпорядочно въ нашей головѣ, но кажутся принадлежащими тому, а не другому опредѣленному лицу. Каждая мысль,

среди множества других, может отличить родственную от чуждых ей. Родственные мысли как будто живо чувствуют свое сродство, чего вовсе нельзя сказать про мысли чуждые одна другой; в результатѣ моя вчерашняя личность чувствуется, въ своеобразно тонкомъ смыслѣ слова, *тождественной* съ моей личностью, *умозаключающей* въ данную минуту. Какъ чисто субъективное явление, это сужденіе не представляетъ ничего особенно таинственнаго. Оно принадлежитъ къ большому классу сужденій о тождествѣ, и нисколько не болѣе замѣчательно выраженіе мысли о тождествѣ въ первомъ лицѣ, чѣмъ во второмъ или третьемъ, интеллектуальная операція представляется по существу тождественной, скажу ли я: «Я тождественъ съ моей личностью въ прошедшемъ» или: «Это перо то-же, каковымъ оно было и вчера». Одно такъ же легко думать, какъ и противоположное. Весь вопросъ въ томъ, будетъ ли подобное сужденіе правильнымъ. *Имѣетъ ли мѣсто тождество въ данномъ случаѣ на самомъ дѣлѣ?*

Тождество въ личности, какъ познаваемомъ элементѣ. Если въ сужденіи: «Моя личность тождественна съ моей вчерашней личностью», мы будемъ понимать личность въ широкомъ смыслѣ слова, то, очевидно, что во многихъ отношеніяхъ она является нетождественной. Какъ конкретная личность, я отличаюсь отъ того, чѣмъ я былъ: тогда я былъ, напримѣръ, голоденъ, а теперь сытъ; тогда гулялъ—теперь отдыхаю; тогда я былъ бѣднѣе—теперь богаче; тогда моложе—теперь старше и т. д. И тѣмъ не менѣе въ другихъ отношеніяхъ, которыя мы можемъ признать наиболѣе существенными, я не измѣнился. Мое имя, моя профессія, мои отношенія къ окружающимъ остались тѣ-же; мои способности и запасъ памяти не измѣнились съ тѣхъ поръ замѣтнымъ на практикѣ образомъ. Кромѣ того, моя тогдашняя и теперешняя личности *непрерывны*; измѣненія въ моей личности происходили постепенно и никогда не поражали сразу всего моего существа. Такимъ образомъ, мое личное тождество съ самимъ собою по характеру рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ тождества, устанавливаемаго между какими-нибудь вещественными агрегатами. Это—умозаключеніе, основанное или на сходствѣ въ существенныхъ чертахъ, или на непрерывности сравниваемыхъ явленій. Терминъ «тождество личности» долженъ имѣть только то значеніе, которое гарантируется указанными основаніями; его не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ абсолютнаго, метафизическаго единства, въ которомъ должны ступаться всѣ различія. Личность въ ея настоящемъ и прошедшемъ лишь постольку тождественна, поскольку въ ней дѣйствительно есть тождественность—не болѣе. Ея тождество родовое. Но это родовое тождество сосуществуетъ со столь же реальными родовыми особенностями, и, если съ одной точки зрѣнія я представляю одну личность, то съ другой я съ такимъ же основаніемъ, могу считаться

многими личностями. То-е можно сказать и о признаках непрерывности. онъ сообщает личности только единство сплошности, цѣльности, нѣкоторое вполне опредѣленное эмпирическое свойство—и ничего болѣе.

Тождество въ личности, какъ познающему элементъ. Все, что до сихъ поръ говорилось, относилось къ личности, какъ познаваемому элементу въ сознаниі. Въ сужденіа: «Я тождественъ съ самимъ собою» etc, мы понимали «я» въ широкомъ смыслѣ слова, какъ конкретную личность. Теперь попробуемъ разсматривать его съ болѣе узкой точки зрѣнія, какъ познающій субъектъ, какъ *то, къ чему*, относятся и *чѣмъ* познаются всѣ конкретныя свойства личности; развѣ въ такомъ случаѣ не окажется, что «я» въ различные промежутки времени абсолютно тождественно? Нѣчто, постоянно выходящее изъ своихъ предѣловъ настоящаго, сознательно присвоивающее себѣ личность прошедшаго и исключающее изъ себя то, что не принадлежитъ послѣдней, какъ чуждое, развѣ это нѣчто не представляетъ собою нѣкотораго постоянного неизмѣннаго принципа духовной дѣятельности, который всегда и вездѣ тождественъ съ самимъ собою?

Въ области философіи и въ обыденной жизни господствующимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ является утвердительный отвѣтъ; и тѣмъ не менѣе эту мысль трудно оправдать, подвергнувъ ее логическому анализу. *Если бы не существовало переходящихъ состояній сознания*, тогда, дѣйствительно, мы могли бы предположить, что неизмѣнный, абсолютно-тождественный самъ съ собою принципъ является въ каждомъ изъ насъ непрестанно мыслящимъ субъектомъ. Но, если признать отдѣльныя состоянія сознания за реальные факты, то не представится надобности предполагать никакого субстанціального тождества для познающаго субъекта. Вчерашнія и сегодняшнія состоянія сознания не имѣютъ никакого субстанціального тождества, ибо въ то время, какъ одни изъ нихъ здѣсь, налицо, другія—безвозвратно умерли, исчезли. Ихъ тождество—*функциональное*, такъ какъ и тѣ, и другія познаютъ тѣ-же объекты, и постольку прошлое моей личности является однимъ изъ этихъ объектовъ, постольку они тождественнымъ образомъ къ нему относятся, благоволя къ нему, называя его своимъ и противопоставляя его всѣмъ другимъ познаваемымъ вещамъ. Это функциональное тождество личности представляется намъ единственнымъ видомъ тождества, которое необходимо допустить, исходя изъ фактовъ опыта. Рядъ лицъ съ совершенно одинаковымъ по содержанию прошлымъ, является совершенно адекватнымъ носителемъ того эмпирическаго тождества личности, которое въ дѣйствительности имѣетъ каждый изъ насъ. Психологія, какъ естественная наука, должна допустить существованіе потока психическихъ состояній, совершенно аналогичнаго съ подобнымъ же процессомъ мысли у послѣ-

довательнаго ряда лицъ, и при томъ потока такихъ душевныхъ состояній, изъ которыхъ каждое связано со сложными объектами познанія, переживаетъ по отношенію къ нимъ различныя эмоціи и дѣлаетъ между ними извѣстный выборъ (См. стр. 2-ю).

Изъ всего вышесказаннаго логически вытекаетъ слѣдующее: *Психологія имѣетъ дѣло только съ тѣми или другими состояніями сознанія. Доказываетъ существованіе души—дѣло метафизики или богословія, но для психологіи такая гипотеза субстанціональнаго принципа единства является излишней.*

Какъ наше «я» присвоиваетъ себѣ содержаніе личности. Но почему же каждое послѣдовательное состояніе сознанія присвоиваетъ себѣ трошедшее содержаніе личности? Немного выше я упомянулъ о томъ, что мой минувшій жизненный опытъ представляется мнѣ въ какомъ симпатичномъ свѣтѣ, въ какомъ мнѣ никогда не является минувшій опытъ другихъ. Постараемся найти для этого надлежащее объясненіе. Моя настоящая личность ощущается мною съ отгѣнномъ родственности и теплоты. Въ этомъ случаѣ налицо тяжелая теплая масса моего тѣла, налицо и «ядро» моей духовной личности—чувство внутренней активности. Безъ этихъ двухъ вещей для насъ невозможно сознаніе нашей личности въ настоящемъ. Всякій другой объектъ мысли, связанный съ этими факторами въ сознаніи, будетъ сознаваться съ такою же теплотой и симпатіей, какъ и объекты, относящіеся къ настоящей моей личности.

Всякій предметъ, находящійся въ *отдаленіи*, если онъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ, будетъ сознаваться нами съ такимъ же чувствомъ теплоты и родственности.

Но какіе отдаленные объекты, будучи представлены нами, дѣйствительно удовлетворяютъ этому условію? Очевидно, тѣ и только тѣ объекты, которые удовлетворяли этому условію прежде, во время ихъ существованія. Ихъ мы будемъ всегда вспоминать съ чувствомъ живѣйшей симпатіи; въ нимъ, можетъ быть, еще снова будутъ сыноваться на самомъ дѣлѣ импульсы нашей внутренней активности. Естественнымъ слѣдствіемъ этого будетъ то, что мы станемъ ассимилировать минувшія состоянія нашего сознанія другъ съ другомъ и съ теперешнимъ чувствомъ симпатіи и интимности въ нашей личности, и въ тоже время отдѣлять ихъ въ видѣ группы отъ постороннихъ объектовъ, не удовлетворяющихъ этому условію; совершенно такъ же, какъ американскій скотоводъ, выпустивъ на зиму табуны и стада пастись на какую-нибудь широкую восточную прѣрію, весной, при появленіи скупщика, изъ массы животныхъ, принадлежащихъ различнымъ лицамъ, выбираетъ и сортируетъ принадлежащихъ ему и имѣющихъ особый знакъ. Нѣчто совершенно аналогичное представляетъ для насъ

нашъ минувшій опытъ. Минувшій опытъ другихъ людей, какъ бы много я ни зналъ объ немъ, всегда бываетъ лишень того живого клейма, которымъ обладаютъ объекты нашего собственнаго прешедшаго опыта. Вотъ почему Петръ, проснувшись въ одной постели съ Павломъ и вспоминая то, о чемъ они думали оба передъ тѣмъ, какъ заснуть, присвоиваетъ себѣ и отождествляетъ «симпатичныя» идеи, какъ свои, и никогда не чувствуетъ наклонности смѣшать ихъ съ холодными и блѣдными образами, въ которыхъ ему представляется душевная жизнь Павла. Такая ошибка столь же невозможна, какъ невозможно смѣшать свое тѣло, которое видишь и чувствуешь, съ тѣломъ другого человѣка, которое только видишь. Каждый изъ насъ проснувшись говоритъ: «Вотъ опять здѣсь моя прежняя личность», такъ же, какъ онъ могъ бы сказать: «Вотъ опять здѣсь прежняя кровать, прежняя комната, прежній мѣръ».

Подобнымъ же образомъ, въ часы нашего бодрствованія, не смотря на то, что одно состоянiе сознанія умираетъ, постоянно замѣняясь другимъ, все-же это другое состоянiе сознанія среди познаваемыхъ объектовъ находитъ своего предшественника и, усматривая въ немъ описаннымъ выше образомъ неостившую живость, благоволяетъ въ нему, говоря: «Ты—мое, ты—часть того же сознанія, что и я». Каждая позднѣйшая мысль, обнимая собою и познавая предшествующія мысли, является конечнымъ прiемникомъ и обладателемъ ихъ содержанія. По словамъ Канта, здѣсь совершается нѣчто аналогичное тому, какъ еслибы упругіе шары были одарены не только движеніемъ, но и сознаваніемъ этого движенія, и первый шаръ сообщалъ бы свое движеніе и сознаваніе его второму, который сообщалъ бы и то, и другое вѣстѣ со своимъ сознаніемъ и движеніемъ третьему, пока, наконецъ, послѣдній шаръ не заключалъ бы въ себѣ все, сообщенное другими, и не реализировалъ бы все это, какъ свое собственное. Въ силу подобнаго «фокуса», благодаря которому зарождающаяся мысль немедленно подхватываетъ исчезающую и «присвоиваетъ» себѣ ея содержаніе, получается въ нашемъ сознаніи связь между отдаленнѣйшими элементами нашей личности. Кто обладаетъ послѣднимъ по времени элементомъ сознанія — обладаетъ и предпослѣднимъ, ибо обладающій обладателемъ обладаетъ и обладаемымъ. Невозможно указать никакихъ чертъ въ личномъ тождествѣ, *существованіе которыхъ можно было бы доказать опытнымъ путемъ*, и которыя въ тоже время не были бы нами выше уваваны; невозможно представить себѣ, какъ трансцендентальный принципъ единства (еслибы онъ былъ въ данномъ случаѣ на-лицо), могъ бы ради извѣстной цѣли объединять матеріалъ или познаваться *не* въ качествѣ продукта потока сознанія, въ которомъ каждая послѣдовательная часть познаетъ и познавая охватываетъ и присвоиваетъ

себя все предшествовавшее, являясь *субститутомъ* (замѣстителемъ) любой части всего прошлаго потока, съ которымъ ее, во всякомъ случаѣ, нельзя (реально) отождествлять.

Измѣненія и раздвоенія личности. Личность, какъ и всякій другой агрегатъ, при ростѣ измѣняется. Преходящія состоянія сознания, которыя должны бы были сохранять сознание тождества личности съ протекшими ранѣе процессами мысли, уклоняются отъ своей обязанности, теряя большія промежутки въ прошломъ изъ своего поля зрѣнія и представляя другія части въ неправильномъ порядкѣ. Тождество личности, которое мы заключаемъ въ себя при созерцаніи какой-нибудь длинной процессіи, можетъ, въ сущности, быть лишь медленнымъ измѣненіемъ личности, въ которомъ, однако, задерживаются нѣкоторые общіе элементы. Самый общій элементъ личности, и притомъ самый однообразный, это—обладаніе общей памятью. Человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ можетъ рѣзко отличаться отъ того же человѣка-юноши, но оба они, обращая свой мысленный взоръ въ тому же дѣтству, называютъ это дѣтство своимъ. Такимъ образомъ, тождество между нашимъ «я» и нашей личностью вполне относительно; въ итогѣ это тождество является совершенно такимъ же, какое найдетъ въ группѣ тѣхъ же воспринимаемыхъ нами объектовъ и посторонній наблюдатель. Мы часто говоримъ о человѣкѣ: «Онъ такъ измѣнился, что его трудно узнать»; нѣсколько рѣже люди сами даютъ о себѣ подобный же отзывъ. Эти перемѣны въ личности, подмѣчаемая нашимъ «я» или внѣшнимъ наблюдателемъ, могутъ быть въ одномъ случаѣ рѣзкими, въ другомъ—едва замѣтными. Ихъ слѣдуетъ рассмотреть здѣсь подробно.

Измѣненія личности могутъ быть подраздѣлены на два большихъ класса:

а) Измѣненія памяти и

б) Измѣненія настоящей личности тѣлесной и духовной.

а) Измѣненія памяти такъ обыденны, что объ нихъ намъ нѣтъ надобности много говорить. Они представляютъ нормальное явленіе жизни, въ особенности, въ годы развитія, и личность человѣка слагаясь переживаетъ измѣненія *ragi passu* съ исчезновеніемъ фактовъ изъ памяти. Воспоминанія о снахъ и о фактахъ, пережитыхъ въ гипнотическомъ состояніи, рѣдко сохраняются.

Обманы памяти также довольно часты, и своимъ появленіемъ они искажаютъ составъ нашей личности. Многіе, вѣроятно, находятъ въ сомнѣніи относительно реальности фактовъ, приписываемыхъ ихъ прошлому. Быть можетъ, они были очевидцами чего-нибудь, говорили что-нибудь, но, быть можетъ, это все имъ только привидѣлось или притрезилось. Содержаніе сновидѣній часто переплетается самымъ причудливымъ образомъ съ содержаніемъ дѣйствительной жизни. Наиболѣе обыденнымъ источникомъ ложной памяти являются наши сообщенія другимъ лицамъ о нашемъ про-

шедшемъ опытѣ. Въ такихъ сообщеніяхъ мы стараемся придать реальнымъ фактамъ болѣе простой и болѣе интересный характеръ. Мы рассказываемъ скорѣе о томъ, что могло бы быть нами сказано или сдѣлано, чѣмъ о томъ, что нами сказано или сдѣлано на самомъ дѣлѣ. Въ началѣ разсказа мы вполне сознаемъ различіе между возможнымъ и дѣйствительно бывшимъ. Но при дальнѣйшемъ ходѣ повѣствованія фикціи воображенія вытѣсняють изъ памяти реальные факты, водворяются въ ней и начинаютъ всецѣло господствовать. Таковъ обширный источникъ ложныхъ судебныхъ показаній, даваемыхъ честнымъ образомъ. Въ разсказахъ о чудесномъ повѣствованіи часто вступаетъ на ложную дорогу, а память слѣдуетъ за нимъ.

б) Сравнительно съ измѣненіями памяти, ненормальныя измѣненія личности представляютъ гораздо болѣе серьезное расстройство. Эти измѣненія бывають трехъ родовъ, но наше знакомство съ причинами этихъ измѣненій личности столь мало, что всякая классификація такихъ явленій должна считаться имѣющей чисто условное значеніе:

- а) Умственное помѣшательство.
- β) Раздвоеніе личности.
- γ) Медіумизмъ.

а. Въ безуміи часто пунктъ *помѣшательства* относится къ прошедшему, причемъ больной придаетъ ему свѣтлую или темную окраску, смотря по характеру болѣзни. Но худшимъ видомъ измѣненія личности является извращеніе чувствъ и воли въ настоящемъ, причемъ память о прошедшемъ остается неискаженной, но больной начинаетъ думать, что его настоящая личность представляетъ собою совершенно иного человѣка. Аналогичное этому факту нормальное явленіе происходитъ при быстромъ расширеніи и волевыхъ, и интеллектуальныхъ свойствъ характера во время наступленія половой зрѣлости. Патологическія явленія въ этой области настолько любопытны, что ихъ слѣдуетъ рассмотреть подробно.

Основаніемъ для нашей личности, по словамъ Рибо, является чувство жизненности, которое всегда налицо и составляетъ фонъ сознанія.

«Оно составляетъ основу сознанія, говоритъ Рибо, потому что всегда есть налицо, всегда непрерывно дѣйствуетъ, не зная ни покоя, ни отдыха, не замирая ни на одно мгновеніе и продолжаясь столько же, сколько продолжается самая жизнь, одною изъ формъ которой оно является. Оно служитъ субстратомъ той сознающей себя личности, которую образуетъ наша память; оно представляетъ среду, объединяющую между собою группы нашихъ ассоціацій. Предположимъ на минуту, что наше тѣло можно было замѣстить другимъ: скелетъ, мускулы, внутрен-

ности, сосуды, кожа — все обновлено; оставлена лишь прежняя нервная система съ запечатлѣнными на ней памятью слѣдами минувшихъ опытовъ. Несомнѣнно, что въ такомъ случаѣ притокъ массы непривычныхъ органическихъ ощущеній вызвалъ бы въ насъ сильнѣйшее умственное разстройство: между сознаниемъ минувшихъ впечатлѣній, закрѣпленныхъ памятью въ нервной системѣ, и новою личностью, проявляющей свою дѣятельность въ новомъ направленіи съ чрезвычайной интенсивностью, образовалось бы въ этомъ случаѣ непримиримое противорѣчіе».

Въ чемъ именно могутъ заключаться различныя измѣненія тѣлесной чувствительности, создающія подобныя противорѣчія, этого, по большей части, нормальный человѣкъ не въ состояніи и представить себѣ. У одного больного есть вторая личность, повторяющая вслѣдъ за нимъ всѣ его мысли. Другіе, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести нѣкоторыхъ величайшихъ историческихъ личностей, обладаютъ внутри себя «демонами», которые ведутъ съ ними бесѣду. Третьимъ кажется, будто кто-то «приготавливаетъ» для нихъ мысли. Четвертые воображаютъ, что имѣютъ два тѣла, лежащія въ двухъ различныхъ постеляхъ. Нѣкоторымъ больнымъ кажется, что они потеряли часть своего тѣла: зубы, мовъ или желудокъ, другимъ мерещится, что ихъ тѣло сдѣлаю изъ дерева, изъ стекла, изъ масла. Третьи утверждаютъ, что тѣло ихъ не существуетъ, что оно умерло, или что оно есть предметъ, по отношенію къ нимъ совершенно внѣшній. Иногда отдѣльныя части тѣла теряютъ связь съ сознаниемъ остальныхъ частей и разсматриваются больнымъ, какъ принадлежащія постороннему лицу и движимыя враждебной волей. У такихъ больныхъ иногда правая рука вступаетъ въ борьбу съ лѣвою, какъ съ врагомъ.

Въ другихъ случаяхъ пациентъ приписываетъ свои крики другимъ лицамъ и выражаетъ при этомъ соболъзнованіе ихъ несчастному положенію. Литература по психопатологіи переполнена разсказами о подобныхъ обманахъ чувствъ. Тѣмъ приводитъ разсказъ одного пациента д-ра Крисхабера о его страданіяхъ, разсказъ, изъ котораго можно видѣть, какъ далеко отстоитъ нормальный жизненный опытъ отъ того душевнаго состоянія, которое можетъ внезапно овладѣть человѣкомъ.

«На второй и на третій день болѣзни сами наблюденія сдѣлались для меня совершенно невозможными на нѣсколько недѣль; болѣзнь моя (angina pectoris) въ это время была слишкомъ мучительна. Только въ первыхъ числахъ января я могъ дать себѣ отчетъ о переживаемыхъ мною душевныхъ состояніяхъ. Вотъ мое первое ясное воспоминаніе: я былъ одинъ, разстройство зрѣнія уже начинало мучить меня, какъ вдругъ это разстройство приняло несравненно болѣе острый характеръ. Предметы стали мнѣ казаться малыми, люди и всѣ окружающіе объекты представлялись удален-

ними на громадныя разстоянія. Я, казалось, былъ отъ нихъ въ страшномъ отдаленіи. Я осматривался съ ужасомъ и съ удивленіемъ: *окружающій міръ ускользалъ отъ меня*. Въ то-же время я замѣтилъ, что голосъ мой звучалъ на далекомъ отъ меня разстояніи и казался принадлежащимъ кому-то другому. Я ударялъ ногой объ землю и ощущалъ при этомъ ея сопротивленіе, но оно казалось мнѣ призрачнымъ — не почва казалась рыхлой, но вѣсъ моего тѣла представлялся мнѣ до крайности ничтожнымъ... Казалось, я вовсе не имѣю вѣса... Предметы, видимые мною на далекомъ разстояніи, представлялись мнѣ *плоскими*. Когда я заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь, мой собесѣдникъ казался мнѣ фигурой, вырѣзанной изъ плоскаго куска картона. Эти ощущенія мнѣ пришлось испытывать около двухъ лѣтъ съ перерывами. Мнѣ постоянно казалось, что ноги мои не принадлежатъ мнѣ. Почти то-же мнѣ казалось и относительно рукъ. Голова же моя, повидимому, вовсе не существовала. Мнѣ казалось, что я дѣйствую автоматически, подчиняясь вѣншему импульсу. Внутри меня было какое-то новое существо наряду со старымъ, которое не принимало въ новомъ никакого участія. Я отлично помню, какъ я однажды сказалъ самому себѣ, что страданія этого новаго существа безразличны для меня. Мои иллюзіи, никогда не вводили меня въ заблужденіе, но умъ мой утомлялся непрерывнымъ исправленіемъ новыхъ впечатлѣній, и нерѣдко я прекращалъ борьбу съ призрачнымъ міромъ,—всецѣло погружаясь въ злополучную жизнь моей новой личности. Я ощущалъ страстное желаніе увидѣть снова мой прежній міръ и возвратитъ себѣ прежнюю личность. Это желаніе удержало меня отъ самоубійства. Я былъ одною изъ двухъ личностей—старою—и презиралъ другую; она была мнѣ ненавистна: это, конечно, было другое лицо, принявшее мою вѣнность и овладѣвшее функціями моего организма» *).

Въ случаяхъ, подобныхъ этому, очевидно, «я» остается неизмѣннымъ: измѣняется только личность. Иначе говоря, пациентъ въ настоящемъ обнимаетъ одною мыслию и прежнюю, и новую личности, поскольку ему не измѣняетъ память. Но внутри сферы того объективнаго міра, который при нормальномъ состояніи ума такъ легко поддавался воспринзанію и присвоивался личностью, какъ ея собственный, возникаютъ при этомъ странныя осложненія. Прошедшее и настоящее, сознаваемые въ этомъ мірѣ, не поддаются объединенію. Гдѣ моя прежняя личность? Что это за новая личность у меня теперь? Тождественны ли онѣ? Или я обладаю двумя самостоятельными личностями? Такіе вопросы, сопровождаемые попытками дать на нихъ хоть какой-нибудь удовлетворительный отвѣтъ, неволью возникаютъ у пациента въ началѣ его ненормальной жизни.

---

*) De l'Intelligence, 3-me edition (1878) vol. II. p. 461, note.

β. Явленіе *измѣненія личности* въ его простѣйшей формѣ основывается на измѣненіи памяти. Всякій человекъ, какъ мы показывали, начинаетъ чувствовать въ себѣ *несовмѣстимые* элементы личности, если онъ начинаетъ забывать свои обязанности, долги, занятія и привычки, и, сообразуясь со степенью его забывчивости, мы судимъ, насколько измѣнилась его личность. Но въ патологическомъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ *раздвоенія личности*, потеря памяти происходитъ внезапно, причемъ ей обыкновенно предшествуетъ періодъ безпамятства или обморока различной продолжительности. Во время гипноза мы легко можемъ вызвать измѣненіе личности, или внушая гипнотизируемому субъекту забыть все, происходившее съ нимъ съ такого-то числа, причемъ онъ по душевному складу, напримѣръ, становится ребенкомъ; или говоря ему, что онъ совершенно другое лицо, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; въ послѣднемъ случаѣ всѣ факты, относящіеся къ его собственной личности, временно ускользаютъ изъ его сознанія, и онъ всецѣло переносится въ новый характеръ съ быстротою, пропорціональною живости артистическаго воображенія, которою онъ обладаетъ. Но въ патологическихъ случаяхъ это измѣненіе личности бываетъ самопроизвольнымъ. Наиболѣе знаменитымъ въ лѣтописяхъ медицины случаемъ является, быть можетъ, случай Фелиды X., сообщенный г. Азамъ, докторомъ въ Бордо. На пятнадцатомъ году эта дѣвушка стала впадать во «вторичное» состояніе, которое выражалось измѣненіемъ ея общихъ наклонностей и характера, какъ будто нѣчто, задерживавшее до сихъ поръ проявленіе новыхъ чертъ характера, внезапно исчезло. Въ теченіе второго состоянія личности она помнила первое состояніе, но, возвращаясь къ первому, она утрачивала о второмъ всякое воспоминаніе. На 43-мъ году вторичное состояніе сознанія (которое въ цѣломъ превосходило по качеству первичное) стало преобладать надъ первичнымъ и сдѣлалось господствующей частью жизни. Въ продолженіе его она помнила событія, относящіеся къ другому состоянію, но полное забвеніе объ этомъ вторичномъ состояніи при возвращеніи къ первоначальному, часто бывало для нея тягостнымъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда превращеніе одной личности въ другую совершается въ каретѣ по дорогѣ на похороны: достигнувъ мѣста назначенія, больная не можетъ понять, кто изъ ея знакомыхъ умеръ. Въ одномъ изъ своихъ раннихъ вторичныхъ состояній она сдѣлалась беременной и, придя въ первичное, не могла понять, какъ это съ нею случилось. Душевные страданія, вызываемыя этими пробѣлами въ памяти, иногда достигали у ней большой интенсивности, такъ что однажды она даже покушалась на самоубійство.

Церь Жана описываетъ слѣдующій еще болѣе замѣчательный случай: «Леонія Б., біографія которой представляется скорѣе не-

правдоподобнымъ романомъ, чѣмъ подлинной исторіей, съ трехъ лѣтъ начала страдать припадками сомнамбулизма. Начиная съ шестнадцати лѣтъ она постоянно подвергалась всевозможными лицами гипнотизированію—теперь ей 45 лѣтъ. Ея первичная нормальная жизнь протекла среди бѣдной деревенской обстановки, вторичная жизнь я протекла въ гостинныхъ и пріемныхъ докторовъ. Въ настоящее время эта бѣдная крестьянка въ нормальномъ видѣ представляетъ сосредоточенную, грустную особу, спокойную, неподвижную, чрезвычайно кроткую съ окружающими и крайне робкую: при взглядѣ на нее и въ голову не придетъ, какую личность она скрываетъ въ себѣ. Но достаточно загипнотизировать ее, что бы тотчасъ наступило полное превращеніе личности. Ея лицо становится неузнаваемымъ. Ея глаза, правда, закрыты, но острота другихъ чувствъ замѣняетъ ей зрѣніе. Она весела, шумна, подвижна, иногда просто невыносима. Она сохраняетъ свой добрый характеръ, но обнаруживаетъ чрезвычайную наклонность къ рѣзкой жестивуляціи и къ ироніи. Въ высшей степени любопытно послушать ее, послѣ посѣщенія гостями сеанса, на которомъ ее гипнотизировали. Она даетъ характеристики каждому изъ нихъ, передразниваетъ ихъ жесты, претендуетъ на знаніе ихъ смѣшныхъ сторонъ и страстишекъ и про каждого рассказываетъ цѣлую исторію. Къ этому надо прибавить, что она обладаетъ поразительнымъ запасомъ воспоминаній, о существованіи которыхъ она даже не подозрѣваетъ въ нормальномъ состояніи, ибо тогда у ней полная амнезія. Она тогда начинаетъ утверждать, что ея имя не Леонія, а Леонтина—имя, къ которому ее приучили ея первые магнетизеры. «Эта добрая женщина,—говоритъ она тогда—не я: она слишкомъ глупа». Себѣ самой—Леонтинѣ или Леоніи 2-й—она приписываетъ всѣ ощущенія, поступки, вообще все, пережитое ею въ состояніи сомнамбулизма, связывая эти части довольно продолжительной своей жизни въ одну исторію. Съ другой стороны, Леоніи 1-й (такъ называетъ Жане эту женщину въ состояніи бодрствованія), она приписываетъ все пережитое ею въ часы бодрствованія. Сначала я былъ пораженъ важнымъ исключеніемъ изъ этого правила и былъ склоненъ думать, что въ этой классификаціи ея воспоминаній есть, быть можетъ, нѣкоторая произвольность. Въ нормальномъ состояніи у Леоніи (по ея словамъ) были мужъ и дѣти, но Леонія 2-я сомнамбулистка, признавая, что дѣти принадлежатъ ей, мужа приписывала «другой». Если и былъ понятенъ этотъ выборъ между дѣтьми и мужемъ, то все-таки фактъ оставался необъяснимымъ. Только впоследствии я узналъ, что въ дни ея юности, магнетизеры, со смѣлостью, достойной нашего времени, загипнотизировали ее передъ первыми родами, а впоследствии она и сама произвольно впадала передъ родами въ сомнамбулическое состояніе. Такимъ образомъ, Леонія 2-я была совершенно

права, приписывая себѣ дѣтей—ибо она, дѣйствительно, была ихъ матерью, и закономерность, въ силу которой состояніе ея первичнаго транс составляло особую личность, не нарушалась. То-же распространялось и на глубочайшее вторичное состояніе трансa. Послѣ возобновленныхъ пассовъ и новой потери сознания, пацієнтка дѣлается совершенно новой личностью, приходя въ состояніе, обозначенное мною названіемъ Леоніи 3-й. Она становится серьезной и степенной—вмѣсто того, чтобы рѣзвиться, какъ дитя, она начинаетъ медленно говорить и мало двигаться. Свое тожество съ Леоніей 1-й она и въ этомъ состояніи отрицаетъ. «Это—не я, по прежнему говорить она, она—добрая женщина, только глупа». Она отрицаетъ также свое тожество съ Леоніей 2-й: «Какъ вы можете находить во мнѣ какое-либо сходство съ этимъ полоумнымъ существомъ?» говорить она. «Къ счастью, между нами нѣтъ ничего общаго!»

γ. *Медиумизмъ.* Въ медиумизмѣ наступленіе и исчезновеніе вторичнаго состоянія совершается довольно внезапно; это состояніе бываетъ обыкновенно непродолжительнымъ—отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ часовъ. Если вторичное состояніе выразилось въ достаточно сильной степени, то, придя въ нормальное состояніе, пацієнтъ совершенно утрачиваетъ всякое воспоминаніе о происшедшемъ во время «трансa». Испытуемый субъектъ въ теченіе вторичнаго состоянія говорить, пишетъ или дѣйствуетъ, какъ будто онъ былъ одушевленъ посторонней личностью, и часто называетъ себя инымъ лицомъ и рассказываетъ его исторію. Это чуждое, «вліяющее» начало въ старину называлось обыкновенно «демонъ» и называется такъ и теперь въ нѣкоторыхъ религіозныхъ сектахъ, придерживающихся этого вѣрованія. У насъ, американцевъ, этою личностью въ самомъ страшномъ случаѣ является какой-нибудь «индѣецъ» или другое безвредное причудливо разговаривающее лицо. Обыкновенно оно выдаетъ себя за духа нѣкоего умершаго лица, извѣстнаго или неизвѣстнаго присутствующимъ, и въ такихъ случаяхъ пацієнтъ является такъ называемымъ «медиумомъ». Медиумическое состояніе во всѣхъ его степеняхъ представляетъ, повидимому, особый вполне естественный видъ измѣненія личности и въ нѣкоторыхъ формахъ воспримчивость къ нему составляетъ далеко не исключительное явленіе у лицъ, не представляющихъ въ другихъ отношеніяхъ никакихъ бросающихся въ глаза аномалій. Явленіе это очень сложно, и его лишь недавно начали изучать строго научнымъ образомъ. Слабѣйшую степень медиумическаго состоянія представляетъ автоматическое письмо; слабѣйшимъ проявленіемъ послѣдняго являются тѣ случаи, когда субъектъ сознаетъ тѣ слова, которыя пишетъ, но чувствуетъ какой-то внѣшній импульсъ, принуждающій его писать. Далѣе слѣдуетъ безсознательное письмо, производимое даже во время чтенія или раз-

говора. Къ низшимъ фазамъ медиумизма относятся также рѣчь и игра на музыкальныхъ инструментахъ «подъ гипнотизмомъ»; здѣсь также нормальная личность субъекта сознательно принимаетъ участіе въ рядѣ дѣйствій, хотя ихъ инициатива исходитъ какъ-будто откуда-то со стороны. Въ высшей фазѣ наступаетъ полный трансъ: видоизмѣняются въ медиумѣ голосъ, характеръ рѣчи etc., и при пробужденіи не сохраняется о минувшемъ трансѣ никакихъ воспоминаній до наступленія новаго транса. Характернымъ свойствомъ рѣчей, произносимыхъ медиумами въ трансѣ, является ихъ общее сходство у различныхъ индивидовъ. У насъ въ Америкѣ «вліяніе» обнаруживается особенно часто въ видѣ курьезной болтливой личности, говорящей на своеобразномъ жаргонѣ, въ видѣ «индѣйца», который называетъ дамъ — «squaw's», мужчинъ — «brave's», домъ — «wigwam» etc.; иногда попадается личность «интеллигентная», болѣе высокого полета—тогда ея рѣчь переполнена туманнымъ, водянистымъ философствованіемъ оптимистическаго пошиба, въ которомъ на каждомъ шагѣ встрѣчаются фразы о духѣ, гармоніи, красотѣ, законѣ, прогрессѣ, развитіи etc. Не смотря на разнообразныя характеры медиумовъ, добрая половина рѣчей, произносимыхъ ими въ трансѣ, до того стереотипна, что кажется, будто всѣ онѣ принадлежать одному автору. Я не знаю, отличаются ли безсознательныя формы личности особенной восприимчивостью къ вліянію нѣкоего «духа времени», *Zeitgeist*'a, который вдохновляетъ ихъ, но указанный нами фактъ стереотипности мысли наблюдается у всѣхъ «вторичныхъ формъ» личности, развиваемыхъ въ спиритическихъ кружкахъ. Медиумическій трансъ въ началѣ неотличимъ отъ дѣйствій гипнотическаго внушенія. Испытуемый субъектъ входитъ въ роль медиума просто потому, что присутствующіе ожидаютъ отъ него дѣйствій, соответствующихъ данной обстановкѣ. Пассивность производить эти дѣйствія онъ вызываетъ въ себѣ съ большею или меньшею быстротою, соответственно своей впечатлительности. Странно только то обстоятельство, что лица, незнакомыя со спиритическими традиціями, въ состояніи транса производятъ тоже самое, говорятъ отъ имени умершихъ, переживаютъ эмоціи нѣсколькихъ своихъ предсмертныхъ агоній, сообщаютъ свѣдѣнія о своей счастливой жизни въ «странѣ вѣчнаго лѣта» и изобличаютъ недостатки у лицъ, участвующихъ въ сеансѣ.

Я не имѣю никакой теоріи, которую могъ бы дать для объясненія многихъ фактовъ, видѣнныхъ собственными глазами. Тѣмъ не менѣе я убѣжденъ на основаніи многочисленныхъ наблюденій надъ однимъ медиумомъ въ состояніи транса, что «духъ» можетъ быть совершенно непохожимъ на нормальную личность испытуемаго. Могу указать на одинъ случай, гдѣ «духомъ» былъ нѣкій французскій докторъ, который, какъ я убѣдился, зналъ всѣ возможныя обстоятельства жизни, а также живыхъ и умершихъ

родных и знакомых безчисленнаго множества участников сеансовъ, которыхъ женщина-медиумъ никогда не встрѣчала прежде и не знала даже по имени. Я высказалъ мое голословное, не подтвержденное никакими доказательствами мнѣніе по этому вопросу не ради того, чтобы склонять другихъ въ пользу моихъ взглядовъ, но вслѣдствіе убѣжденія, что серьезное изученіе явленій транса представляется крайне важнымъ для психологіи. Я надѣюсь, что мое личное заявленіе такого рода побудитъ, можетъ быть, двухъ-трехъ читателей подвергнуть изслѣдованію эту сферу явленій, которой такъ называемые «жрецы науки», обыкновенно не удостоиваютъ вниманія *).

Итогъ главы и психологическое заключеніе. Подводя итоги содержанію этой длинной главы, мы можемъ сказать слѣдующее. Сознание личности заключается въ сознаніи потока мысли, въ которомъ каждая часть въ качествѣ субъекта помнитъ предшествующія, знаетъ извѣстные имъ объекты, сосредоточиваетъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ свои заботы, какъ на своей личности и присваиваетъ послѣдней всѣ остальные элементы познанія. Эта личность есть эмпирически данный агрегатъ объективно познаваемыхъ вещей. Познающее ихъ «я» само не можетъ быть агрегатомъ; равнымъ образомъ для психологическихъ цѣлей нѣтъ надобности принимать его и за неизмѣнную метафизическую сущность—душу или трансцендентальное, пребывающее «внѣ времени» «Ego». Наше «Я»—это мышленіе, въ которомъ содержаніе въ каждый моментъ различно, но которое *implicite* заключаетъ въ себѣ какъ непосредственное предшествующее, такъ и то, что въ свою очередь заключалось въ предшествующемъ. Въ описаніи найдутъ себѣ мѣсто всѣ данныя опыта, не искаженные никакими гипотетическими примѣсами, вромѣ допущенія существованія переходящихъ процессовъ мысли или состояній сознанія.

Если существованіе послѣднихъ непосредственно доказуемо (а въ этомъ не сомнѣвалась ни одна философская школа), то ихъ можно принять за единственный познающій элементъ въ сознаніи, въ допущеніи котораго нуждается психологія. Единственный способъ, съ помощью котораго я могъ бы ввести въ психологію болѣе трансцендентальное начало познающаго субъекта, заключается въ томъ, чтобы отвергать возможность казого-либо *непосредственнаго* знанія о существованіи нашихъ «состояній сознанія», знанія, на которое претендуетъ здравый смыслъ. Тогда существованіе этихъ состояній стало бы совершенно гипотетическимъ или заключалось бы въ постулированіи нѣкотораго познающаго начала, отно-

---

*) Нѣкоторыя доказательства исключительныхъ способностей этого медиума читатель найдетъ въ Proceedings of The Society for Psychical Research (томъ VI-й, стр. 436 и послѣдняя часть VII-го т., 1892 г.).

связанъ ко всему познаваемому; но рѣшеніе вопроса, въ чемъ заключается это познающее начало, составило бы предметъ метафизическаго изслѣдованія. При такой постановкѣ вопроса, явилась бы необходимость наряду съ нашими «психологическими» задачами съ объективнымъ безпристрастіемъ рѣшить анализировать понятія міроваго духа или группы обособленныхъ духовныхъ субстанцій, мыслящихъ черезъ нашу индивидуальную личность. Я полагаю, что въ будущемъ предстоитъ немало изслѣдованій въ этомъ направленіи. «Состоянія сознанія», наличность которыхъ въ насъ не отвергаетъ ни одинъ психологъ, не поддаются точному опредѣленію, если ихъ отдѣлить отъ познаваемыхъ объектовъ. Но сомнѣваться въ ихъ существованіи съ нашей естественно-исторической точки зрѣнія нѣтъ основаній. Такимъ образомъ, вотъ то условное рѣшеніе вопроса о личности, въ которому мы пришли, и которое должно быть въ нашемъ курсѣ и конечномъ выводомъ: познающій элементъ въ сознаніи—это сами мысли.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Вниманіе.

Ограниченность сознанія. Одною изъ характернѣйшихъ особенностей нашей духовной жизни является тотъ фактъ, что, находясь подъ постояннымъ наплывомъ все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, проникающихъ въ сферу нашихъ чувствъ, мы замѣчаемъ лишь самую ничтожную часть ихъ. Только часть полного итога нашихъ впечатлѣній входитъ въ нашъ такъ называемый *сознательный опытъ*, который можно уподобить ручейку, протекающему по широкому лугу цвѣтовъ. Несмотря на это, впечатлѣнія внѣшняго міра, исключаемыя нами изъ сферы сознательнаго опыта, всегда имѣются налицо и воздѣйствуютъ такъ же энергично на наши органы чувствъ, какъ и сознательныя воспріятія. Почему эти впечатлѣнія не проникаютъ въ наше сознаніе—это тайна, для которой принципъ «ограниченности сознанія», «die Enge des Bewusstseins», представляетъ не объясненіе, а одно только названіе.

Ея физиологическая подкладка. Сфера сознаваемого нами, конечно, покажется очень ограниченной, если сопоставить ее съ обширной областью внѣшнихъ воздѣйствій на наши органы чувствъ и съ массою постоянно притекающихъ извнѣ новыхъ впечатлѣній. Очевидно, никакое впечатлѣніе не можетъ попасть въ сферу сознательнаго опыта, если ему не удастся проникнуть по извѣстному пути въ мозговья полушарія и вызвать тамъ опредѣленные физиологическіе процессы. Когда центростремительный токъ проникъ въ

полушарія и производить тамъ извѣстныхъ дѣйствія, другіе токи являются на время задержанными. Они могутъ какъ-бы заглядывать изъ-за дверцы въ сферу сознанія, но впечатлѣніе, завладѣвшее въ данную минуту послѣднимъ, вытѣсняетъ ихъ обратно. Такимъ образомъ, физиологически ограниченность сознанія зависитъ, повидимому, отъ того, что дѣятельность полушарій стремится постоянно быть объединеннымъ и неразрывнымъ актомъ, связаннымъ то съ однимъ, то съ другимъ токомъ, но всегда представляющимъ одно цѣлое. Мы называемъ «интересующими» насъ въ данную минуту тѣ идеи, которыя связаны съ господствующимъ въ мозгу комплексомъ физиологическихъ процессовъ; такимъ образомъ, начало подбора во вниманіи, въ подробности разобранное нами выше, повидимому, находитъ себѣ физиологическія основанія. Впрочемъ, въ мозгу всегда есть наклонность къ распаденію господствующаго комплекса физиологическихъ процессовъ. Ихъ объединеніе рѣдко бываетъ полнымъ; задержанные токи рѣдко бываютъ совершенно устранены: ихъ дѣйствія проникаютъ черезъ «границу» и вторгаются въ предѣлы сознательныхъ физиологическихъ процессовъ.

Разсѣяніе вниманія. Иногда нормальнаго объединенія, повидимому, почти не существуетъ. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко мозговая дѣятельность падаетъ до минимума. Огромное большинство людей, по всей вѣроятности, нѣсколько разъ въ день впадаетъ въ психическое состояніе, примѣрно, слѣдующаго рода: глаза безцѣльно устремлены въ пространство, окружающіе звуки и шумы смѣшиваются въ одно цѣлое, вниманіе до того разсѣяно, что все тѣло воспринимается сразу какъ-бы одно цѣлое, и «передній планъ» сознанія занять какимъ-то торжественнымъ чувствомъ необходимости заполнить чѣмъ-нибудь пустоту времени. На тускломъ фонѣ нашего сознанія чувствуется тѣмъ временемъ полное недоумѣніе: мы не знаемъ, что нужно дѣлать: вставать-ли, одѣваться ли, написать ли отвѣтъ лицу, съ которымъ недавно мы имѣли разговоръ; вообще, мы стараемся сообщить движеніе нашей мысли, но въ то-же время, чувствуемъ, что не можемъ *сдвинуться съ мѣста*: наша *pensée de de rière la tête* не въ силахъ прорвать летаргическую оболочку, окутавшую нашу личность. Каждую минуту ожидаемъ мы, что эти чары разсѣются, ибо мы не видимъ причинъ, почему бы имъ продолжаться. Но они продолжаютъ оказывать свое дѣйствіе все долѣе и долѣе, и мы по прежнему продолжаемъ находиться подъ ихъ обаяніемъ, пока (также безъ всякихъ видимыхъ причинъ) намъ не сообщается запасъ энергіи, что-то (что именно, мы не знаемъ) даетъ намъ силу очнуться, мы начинаемъ мигать глазами, встряхиваемъ головой; мысли, оттѣсненные до сихъ поръ на задній планъ, становятся въ насъ господствующими, колеса жизни вновь приходятъ въ движеніе.

Такова крайняя степень того, что мы называемъ разсѣяніемъ вниманія. Существуютъ промежуточные ступени между этимъ состояніемъ и противоположнымъ ему явленіемъ сосредоточеннаго вниманія, при которомъ поглощеніе человѣка интересомъ минуты такъ велико, что нанесеніе физическаго страданія является для испытываемаго индивида нечувствительнымъ; эти промежуточные ступени были изслѣдованы экспериментальнымъ путемъ. Такимъ образомъ, мы подошли къ вопросу относительно

Объема сознанія. Сколько объектовъ не объединенныхъ въ одну систему концептовъ можемъ мы заразъ сознательно воспринимать? Проф. Каттелль производилъ опыты, передвигая ряды буквъ передъ глазами съ быстротою малой дроби секунды, такъ что, повидимому, исключалась всякая возможность направить вниманіе на ихъ послѣдовательность. Когда буквы своимъ порядкомъ образовывали знакомыя слова, то ихъ можно было замѣтить втрое больше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда комбинаціи буквъ были бессмысленны. Когда слова, расположенныя рядомъ, составляли осмысленную фразу, то можно было уловить вдвое большее количество буквъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда сочетаніе словъ было случайнымъ. «Осмысленная фраза схватывалась цѣликомъ. Когда она не схватывалась цѣликомъ, то изъ нѣсколькихъ словъ, составляющихъ ее, почти ничего не уловлялось; когда же она угадывалась вся, то отдѣльныя слова представлялись наблюдателю очень отчетливо».

Слово есть связанная съ извѣстнымъ концептомъ система знаковыхъ-буквъ, система, въ которой буквы воспринимаются сознаніемъ сразу, а не по одиночкѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда мы ихъ знаемъ отдѣльно. Осмысленная фраза, быстро проносимая передъ глазами, представляетъ подобную же систему словъ. Связанная съ концептомъ система знаковыхъ можетъ означать различные объекты нагляднаго представленія, можетъ быть поздне замѣнена ими, но сама по себѣ, какъ наличное въ данную минуту душевное состояніе, она не заключается въ сознаніи этихъ объектовъ. Напримеръ, когда я думаю: «человѣкъ», то объектъ моей мысли отличается отъ представленія безсвязнаго ряда буквъ: ч, е, л, о, в, ѣ, к, з.

Если буквенные символы даны намъ въ столь безсвязной послѣдовательности, что мы не можемъ связать ихъ совокупность съ извѣстнымъ концептомъ, то охватить ихъ сразу нѣсколько гораздо труднѣе, и, стремясь удержать въ памяти одни изъ нихъ, мы упускаемъ изъ виду другіе. Впрочемъ, въ извѣстныхъ границахъ можно избѣгнуть этого. Поланъ (Paulhan) производилъ по этому поводу эксперименты, декламируя вслухъ одно стихотвореніе и въ то-же время читая про себя другое, или записывая одну фразу и вслухъ въ то-же время произнося другую, или, наконецъ, производя на бумагѣ вычисленія и въ то-же время читая вслухъ стихи. Онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Наиболѣе благоприятнымъ

условіемъ для двойной одновременной умственной дѣятельности является примѣненіе ея къ двумъ разнороднымъ процессамъ мысли. Два однородныхъ и одновременныхъ процесса мысли (напримѣръ, два перемноженія, два чтенія, вслухъ и про себя, декламированіе и письмо) выполняются съ большимъ трудомъ и приводятъ къ болѣе неопредѣленнымъ результатамъ».

Полянъ сравнивалъ количество времени, необходимое для выполненія тѣхъ же двухъ разнородныхъ операций мысли вмѣстѣ и въ отдѣльности, и нашелъ, что одновременное выполненіе даетъ нерѣдко въ результатѣ значительный выигрышъ времени.

«Я помножаю 421812212 на 2 — эта операция мысли занимаетъ шесть секундъ; для прочтенія извѣстнаго четверостишія также необходимо шесть секундъ, но и для одновременнаго выполненія обѣихъ операций мысли достаточно шести секундъ, такъ что при этомъ нѣтъ никакой потери времени».

Возвращаясь къ поднятому вопросу, сколько разнородныхъ объектовъ мысли могутъ быть у насъ въ сознаніи одновременно, иначе говоря, сколько совершенно не связанныхъ между собой группъ явленій или процессовъ могутъ занимать сознаніе одновременно, мы можемъ дать на него слѣдующій отвѣтъ: съ большимъ трудомъ болѣе одной—двѣ, три и то, только въ томъ случаѣ, когда процессы привычны безъ особеннаго колебанія вниманія. Но, когда процессы не отличались столь автоматическимъ характеромъ (напримѣръ, въ извѣстномъ анекдотѣ о Юліѣ Цезарѣ, который будто бы писалъ письмо, диктуя въ то-же время четыре другихъ), происходилъ быстрый переходъ сознанія отъ одного процесса къ другому, и, слѣдовательно, не было никакого выигрыша времени.

Когда предметомъ нашего вниманія служатъ едва уловимыя ощущенія, и мы напрягаемъ усилія, чтобы точно различить ихъ, то наблюдается «интерференція» вниманія между двумя ощущеніями. По этому вопросу немало тонкихъ экспериментовъ было сдѣлано Вундтомъ. Онъ старался точно подмѣтить положеніе быстр-вращающейся по циферблату стрѣлки въ то мгновеніе, когда раздается звонокъ. Здѣсь нужно было подмѣтить одновременность двухъ различныхъ ощущеній—зрительнаго и слухового. Но послѣ ряда тщательныхъ и упорныхъ изысканій было найдено, что зрительное воспріятіе, повидимому, одновременное со слуховымъ, *de facto* почти никогда не совпадало съ послѣднимъ по времени. Можно было только наблюдать, что одно воспріятіе на самомъ дѣлѣ происходило или раньше, или позже другого.

Различные виды вниманія. Можно указать слѣдующіе виды вниманія: оно относится

а) или къ воспріятіямъ (вниманіе *чувственное*),

b) или къ воспроизведеннымъ представлєніямъ (*вниманіе интеллектуальное*). Оно можетъ быть:

c) *непосредственнымъ*, или

d) *опосредствованнымъ*; непосредственнымъ — въ томъ случаѣ когда объектъ вниманія интересенъ самъ по себѣ безъ всякаго, отношенія къ чему-нибудь постороннему; опосредствованнымъ — когда объектъ моего вниманія лишь путемъ ассоціаціи связанъ съ непосредственно интересующимъ меня предметомъ. То, что я называю опосредствованнымъ вниманіемъ, носитъ названіе *апперцептивного* вниманія. Наконецъ, вниманіе можетъ быть, или

e) *пассивнымъ*, *рефлекторнымъ*, *непроизвольнымъ*, не сопряженнымъ ни съ какимъ усиленіемъ, или

f) *активнымъ*, *произвольнымъ*.

Произвольное вниманіе всегда бываетъ апперцептивнымъ. Мы дѣлаемъ сознательныя усилія для направленія нашего вниманія на извѣстный объектъ только въ томъ случаѣ, если онъ связанъ лишь косвенно съ какимъ-нибудь интересомъ. Но первый и второй виды вниманія оба могутъ быть и пассивнымъ, и активнымъ.

При непроизвольномъ вниманіи, направленномъ прямо на какой-нибудь объектъ воспріятія, стимуломъ служить или значительная интенсивность, объемъ и внезапность ощущенія, или стимулъ является инстинктивнымъ, то есть, представляетъ такое воспріятіе, которое не столько благодаря своей силѣ, сколько благодаря своей природѣ, воздѣйствуетъ на какое-нибудь прирожденное намъ стремленіе и въ силу этого пріобрѣтаетъ непосредственную привлекательность. Въ главѣ «Объ инстинктѣ» мы увидимъ, какъ эти стимулы различаются у животныхъ, и каково большинство ихъ у человека: странные предметы, движущіяся вещи, дикія животныя, блестяція, красивыя, металлическія вещи, слова, удары, кровь etc.

Вниманіе ребенка и юноши характеризуется воспримчивостью къ непосредственно воздѣйствующимъ чувственнымъ стимуламъ. Въ зрѣломъ возрастѣ мы обыкновенно реагируемъ лишь на тѣ стимулы, которые выдѣлены нами въ силу своей связи съ такъ называемыми постоянными интересами; къ остальнымъ же стимуламъ мы относимся безразлично. Но дѣтство отличается значительной активностью и въ то-же время располагаетъ слишкомъ незначительными критеріями для обсуждения новыхъ воспринимаемыхъ впечатлѣній и для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ, которыя заслуживаютъ особеннаго вниманія. Результатомъ этого является необыкновенная подвижность вниманія, столь обычная у дѣтей, подвижность, въ силу которой первые регулярные уроки съ ними превращаются въ какой-то безпорядочный хаосъ. Всякое сильное впечатлѣніе, благопріятно отражающееся на какомъ-нибудь органѣ

чувствъ, вызываетъ у ребенка на все время своего дѣйствія полное забвеніе той работы, какая на него возложена. Учитель долженъ на первыхъ же урокахъ принять мѣры къ устраненію у ребенка этого пассивнаго, рефлѣкторнаго вниманія, вслѣдствіе котораго, по словамъ одного французскаго писателя, можетъ показаться, что ребенокъ менѣе принадлежитъ самому себѣ, чѣмъ любому внѣшнему объекту, обратившему на себя его вниманіе. У нѣкоторыхъ лицъ такое состояніе вниманія продолжается всю жизнь, и работа выполняется ими въ тѣ промежутки, когда это состояніе вниманія временно прекращается. Пассивное вниманіе при воспріятіи бываетъ апперцептивнымъ въ томъ случаѣ, если внѣшнее впечатлѣніе, не будучи само по себѣ сильнымъ или инстинктивно привлекательнымъ по природѣ, связано съ такими впечатлѣніями предшествующимъ опытомъ и воспитаніемъ. Такіе предметы могутъ быть названы *мотивами* вниманія. Впечатлѣніе черпаетъ въ нихъ интересъ или даже, быть можетъ, сливается съ ними въ одинъ сложный объектъ, результатомъ чего является то, что они попадаютъ въ фокусъ вниманія. Легкій стукъ—самъ по себѣ весьма неинтересный звукъ, онъ можетъ безъ труда затеряться во множествѣ окружающихъ насъ звуковъ, но едва-ли стукъ въ оконное стекло ускользнетъ отъ вниманія, если это—условный знакъ любовника подъ окномъ его милой. Гербартъ пишетъ:

«Какъ поражаетъ глазъ стилиста нелитературно написанная фраза! Какъ неприятна для музыканта фальшивая нота или для свѣтскаго человѣка нарушение хорошаго тона! Какъ быстры наши успѣхи въ извѣстной отрасли знанія, если ея основные принципы усвоены нами такъ хорошо, что мы воспроизводимъ ихъ мысленно съ необыкновенной точностью и легкостью! Съ другой стороны, какъ медленно и неувѣренно воспринимаемъ мы самые принципы той или другой науки, если мы не получили къ нимъ надлежащей подготовки при помощи знакомства съ концептами еще болѣе элементарными, сравнительно съ началами данной науки! Апперцептивное вниманіе можно хорошо наблюдать на очень маленькихъ дѣтяхъ, когда, слушая еще непонятныя для нихъ разговоры старшихъ, они вдругъ тамъ и сямъ схватываютъ отдѣльное знакомое слово и повторяютъ его себѣ; его можемъ мы подмѣтить даже у собаки, которая обращивается, когда мы называемъ ее по имени. До извѣстной степени нѣчто подобное представляетъ умѣнье, проявляемое нѣкоторыми невнимательными школьниками во время урока, умѣнье подмѣчать каждый моментъ въ разсказѣ учителя. Я помню уроки нестрогаго, но неинтереснаго преподавателя, на которыхъ въ классѣ былъ непрерывный шопотъ; шопотъ этотъ всегда моментально прекращался, какъ только учитель начиналъ разсказывать какой-нибудь занятый анекдотъ. Какъ могли мальчики, которые, по видимому, ничего не слышали изъ рѣчи учителя, замѣтить моментъ,

когда анекдотъ начался? Безъ сомнѣнія, большинство изъ нихъ слышало кое-что изъ словъ учителя, но большая часть этихъ словъ не имѣла никакой связи съ интересами и мыслями, занимавшими ихъ въ данную минуту, поэтому отрывочныя слова, долетая до слуха, вновь улетучивались; но, съ другой стороны, какъ только слова вызвали прежнія представленія, которыя образовывали серію тѣсно связанныхъ между собою идей и легко вступали въ связь съ новыми впечатлѣніями, тотчасъ изъ комбинаціи старыхъ идей и новыхъ впечатлѣній получался въ итогѣ интересъ къ воспринимаемому въ полъ-уха словамъ; они переходили выше порога сознанія—и вниманіе снова восстанавливалось*.

Непроизвольное вниманіе, направленное на воспроизведенныя представленія, непосредственно, если мы слѣдимъ мыслию за рядомъ образовъ, которые сами по себѣ привлекательны и интересны; оно аперцептивно, когда объекты интересуютъ насъ, какъ средства для осуществленія болѣе отдаленной цѣли, или просто въ силу ассоціаціи ихъ съ какимъ-нибудь предметомъ, который придаетъ имъ цѣнность. Токи въ мозгу, сопровождающіе процессы мысли, могутъ представлять въ такомъ случаѣ столь тѣсно связанное цѣлое, ихъ объектъ можетъ настолько поглотить наше вниманіе, что не только нормальныя ощущенія, но даже сильнѣйшая боль вытѣсняются ими изъ сферы сознанія. Паскаль, Весли, Голль (Hall), какъ говорятъ, обладали, этой способностью всецѣло отвлекать вниманіе отъ боли. Д-ръ Карпентеръ рассказываетъ о себѣ, какъ онъ нерѣдко принимался за чтеніе лекціи съ невралгіей столь сильной, что, повидимому, не представлялось никакой возможности довести лекцію при такой боли до конца; но, едва онъ, переломивъ себя, успѣвалъ приняться за чтеніе лекціи и во время лекціи углубиться въ послѣдовательное развитіе мыслей, какъ тотчасъ замѣчалъ, что боль несколько не отвлекала его; пока не наступалъ конецъ лекціи, и вниманіе не разсѣвалось, тогда боль возобновлялась съ силой, превосходящей всякое терпѣніе, такъ что онъ удивлялся, какъ можно было передъ этимъ забыть о ея существованіи.*).

Произвольное вниманіе. Д-ръ Карпентеръ говоритъ о сосредоточеніи вниманія въ извѣстномъ направленіи путемъ сознательныхъ *усилій*. Этими усиліями и характеризуется то, что мы назвали *активнымъ или произвольнымъ вниманіемъ*. Всякій знаетъ, что это такое, но въ то-же время почти всякій согласится, что это—нѣчто не поддающееся описанію. Въ сферѣ нашихъ вышнихъ чувствъ мы прибѣгаемъ къ произвольному вниманію, когда намъ нужно уловить какой-нибудь едва уловимый оттѣнокъ въ зрительномъ, слуховомъ,

*) Физиология ума § 124. Аналогичнымъ является часто приводимый примѣръ солдатъ, не чувствующихъ своихъ ранъ въ разгаръ сраженія

вкусовомъ, обонятельномъ или осязательномъ ощущеніи, а также когда мы хотимъ *выдѣлать* какое-нибудь ощущеніе изъ массы подобныхъ другихъ, или когда мы стараемся сосредоточиться на предметѣ, обмененно имѣющемъ для насъ мало привлекательности, и при этомъ *противодѣйствуемъ* влеченіямъ въ направленіи болѣе сильныхъ стимуловъ. Въ сферѣ умственной мы примѣняемъ произвольное вниманіе въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ, наприкладъ, когда мы стараемся выдѣлать и отчетливо представить себѣ идею, которая лишь смутно таится въ нашемъ сознаніи, или когда мы съ величайшими усилиями стараемся различить отѣнныя значенія въ синонимахъ, или когда мы упорно стараемся удерживать въ границахъ сознанія мысль, которая настолько рѣзко дисгармонизируетъ съ нашими стремленіями въ данную минуту, что, не будь особыхъ усилій съ нашей стороны, она быстро уступила бы мѣсто инымъ образамъ болѣе индифферентнаго характера.

Чтобы представить себѣ лицо, которое испытываетъ заразъ всѣхъ формъ произвольнаго вниманія, вообразимъ человѣка, сидящаго въ обществѣ за обѣдомъ и намѣренно выслушивающаго скучнѣйшія нравоученія, которыя ему въ полголоса читаетъ его сосѣдъ, въ то время, какъ кругомъ раздается веселый смѣхъ гостей, ведущихъ бесѣду о самыхъ занимательныхъ и интересныхъ вопросахъ.

Произвольное вниманіе продолжается не долѣе нѣсколькихъ секундъ подрядъ. То, что называется «поддержкой» произвольнаго вниманія, въ сущности есть повтореніе послѣдовательныхъ усилій сосредоточить вниманіе на извѣстномъ предметѣ. Разъ эти усилія намъ удалось, объектъ вниманія вслѣдствіе своей привлекательности *развивается*; если его развитіе представляетъ для насъ интересъ, то вниманіе на время становится пассивнымъ. Немного выше мы замѣтили, что, по словамъ д-ра Карпентера, потокъ мысли, увлекаетъ насъ, какъ только мы въ него погружимся. Этотъ пассивный интересъ можетъ быть болѣе или менѣе продолжительнымъ. Едва онъ успѣлъ вступить въ силу, какъ вниманіе отвлекается какою-нибудь постороннею вещью, тогда посредствомъ произвольнаго усилія мы вновь направляемъ мысль на прежній предметъ; при благоприятныхъ условіяхъ такое колебаніе вниманія можетъ продолжаться по цѣлымъ часамъ подрядъ. Впрочемъ, при этомъ надо не упускать изъ виду, что вниманіе сосредоточивается въ данномъ случаѣ не на тождественномъ въ *психологическомъ* смыслѣ объектѣ, но на послѣдовательномъ рядѣ объектовъ, только *логически* тождественныхъ между собою. Никто не можетъ *непрерывно* сосредоточивать вниманіе на неизмѣняющемся объектѣ мысли.

Есть объекты мысли, которые за время ихъ пребыванія въ сферѣ сознанія *не поддаются развитію*. Они по просту *ускользаютъ* отъ насъ, и для того, чтобы сосредоточить вниманіе на

чемъ-нибудь, имѣющемъ въ немъ отношеніе, требуется такой рядъ непрерывно возобновляемыхъ усилій, что человекъ съ самой энергичной волей по неволѣ долженъ бываетъ отступить отъ нихъ и предоставить своимъ мыслямъ слѣдовать за болѣе привлекательными стимулами, тщетно употребивъ въ теченіе нѣкотораго времени всѣ возможныя средства къ достиженію цѣли. Есть такіе объекты мысли, которыхъ человекъ боится, какъ пуганая лошадь, которыхъ онъ стремится избѣгать даже при самомъ бѣгломъ воспоминаніи о нихъ. Таковы таюціе капиталы для мота въ разгаръ его расточительности. Но незачѣмъ приводить исключительный примѣръ мотовства, когда для всякаго человека, увлекаемаго страстью, мысль объ умаляющихъ страсть обстоятельствахъ представляется несносной хотя - бы на одно мгновенье. Мысль о нихъ вается намъ каимъ-то «memento mori» въ тѣ счастливые дни нашей жизни, когда она достигаетъ наиболѣе пышнаго расцвѣта. Наша природа возмущается такими соображеніями, и мы теряемъ ихъ изъ виду. О, цвѣтущій здоровьемъ читатель, какъ долго можешь ты размышлять объ ожидающей тебя могилѣ? При болѣе спокойныхъ душевныхъ состояніяхъ трудность сосредоточить вниманіе на извѣстномъ предметѣ бываетъ также велика, въ особенности, если мозгъ утомленъ. Иное лицо, чтобы избѣжать случайной предстоящей впереди работы, бываетъ готово ухватиться за любой предлогъ, какимъ бы ничтожнымъ и случайнымъ онъ ни былъ. Я, на примѣръ, знаю одного господина, который готовъ разгребать уголья въ каминѣ, разставлять стулья у себя въ комнатахъ, подбирать съ полу соринки, приводить въ порядокъ свой столъ, разбирать газеты, хвататься за первую попавшуюся подъ руку книгу, стричь ногти, словомъ, какъ-нибудь убивать утро и все это дѣлаетъ непредумышленно, единственно только потому, что ему къ полудню предстоитъ приготовить урокъ изъ формальной логики, которой онъ не можетъ терпѣть. Все онъ готовъ дѣлать, только бы не это.

Повторяю еще разъ, объектъ вниманія долженъ измѣняться. Объектъ зрѣнія съ теченіемъ времени становится невидимъ, объектъ слуха перестаетъ быть слышимъ, если мы будемъ неподвижно направлять на него вниманіе. Гельмгольцъ, подвергшій самому точному экспериментированію свое вниманіе въ сферѣ органовъ чувствъ, примѣняя зрѣніе къ объектамъ, не привлекающимъ вниманія въ обыденной жизни, высказываетъ по этому поводу нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о *борьбѣ двухъ полей зрѣнія*. Такъ называется явленіе, наблюдаемое нами, когда мы глядимъ каждымъ глазомъ на отдѣльный рисунокъ (напримѣръ, въ двухъ сосѣднихъ отдѣленіяхъ стереоскопа); въ такомъ случаѣ сознается нами, то одинъ рисунокъ, то другой, то части обонхъ, но почти никогда оба вмѣстѣ.

Гельмгольцъ говоритъ по этому поведy: «Я чувствую, что могу направлять вниманіе произвольно то на одну, то на другую систему линій (рис. 54-й), и что въ такомъ случаѣ нѣкоторое время только одна эта система сознается мною, между тѣмъ какъ другая совершенно ускользаетъ отъ моего вниманія. Это бываетъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если я пытаюсь сосчитать число линій въ той или другой системѣ. Но крайне трудно бываетъ надолго приковать вниманіе къ одной какой-нибудь системѣ линій, если только мы не ассоціируемъ предмета нашего вниманія съ какими-нибудь особенными цѣлями, которыя постоянно обновляли бы активность нашего вниманія. Такъ поступаемъ мы, задаваясь цѣлью сосчитать линіи, сравнить ихъ размѣры и т. п. Равновѣсіе вниманія, мало-малыски продолжительное, ни при какихъ условіяхъ недостижимо. Вниманіе, будучи предоставлено самому себѣ, обнаруживаетъ естественную наклонность переходить отъ одного новаго впечатлѣнія къ другому; какъ только его объектъ теряетъ свой интересъ, не доставляя никакихъ новыхъ впечатлѣній, вниманіе, вопреки нашей воли, переходитъ на что-нибудь другое. *Если мы хотимъ сосредоточить наше вниманіе на опредѣленномъ объектѣ, то намъ необходимо постоянно открывать въ немъ все новыя и новыя стороны, въ особенности, когда какой-нибудь посторонній импульсъ отвлекаетъ насъ въ сторону.*»

Эти слова Гельмгольца чрезвычайно важны. А разъ они вполне примѣнимы ко вниманію въ сферѣ органовъ чувствъ, то еще съ большимъ правомъ можемъ мы примѣнить ихъ ко вниманію въ сферѣ интеллектуальнаго разнообразія. *Conditio sine qua* поп для поддержки вниманія по отношенію къ какому-нибудь объекту мысли заключается въ постоянномъ возобновленіи его при измѣненіи точки зрѣнія и отношенія къ объекту вниманія. Только при патологическихъ состояніяхъ ума сознаніемъ овладѣваетъ неотвязчивая, однообразная *idée fixe*.

Геній и вниманіе. Теперь мы можемъ легко видѣть, почему такъ называемое «поддерживаемое» вниманіе развивается тѣмъ быстрее, чѣмъ богаче матеріалами, чѣмъ болѣе отличается свѣжестью и оригинальностью воспринимающей умъ. Такіе умы пышно расцвѣтаютъ и достигаютъ высокой степени развитія. На каждомъ шагy они дѣлаютъ все новыя и новыя выводы, постоянно уверяя въ вниманіе. Интеллектъ же, бѣдный знаніями, неподвижный, неоригинальный едва-ли будетъ въ состояніи долго сосредоточивать вниманіе на одномъ предметѣ. Интересъ къ данному предмету у такого лица ослабѣваетъ чрезвычайно быстро. Относительно геніевъ установилось общее мнѣніе, что они далеко превосходятъ другихъ людей силою своего произвольнаго вниманія. Можно выразить опасеніе, не представляетъ ли у большинства изъ нихъ эта «сила» чисто пассивное свойство. Въ ихъ головахъ идеи пестрятъ своимъ разно-

образомъ; въ каждомъ предметѣ они умѣютъ находить безчисленное множество сторонъ; по цѣлымъ часамъ они могутъ сосредоточиваться на одной мысли. Но какъ сеній дѣлаютъ какъ внимательными, а не вниманіе образуетъ изъ нихъ сеніевъ. Выявлявъ въ сущности дѣла, мы можемъ замѣтить, что они отличаются отъ простыхъ смертныхъ не столько характеромъ ихъ вниманія, сколько природою тѣхъ объектовъ, на которые оно поочередно направляется. У гениевъ объекты вниманія образуютъ связную серію, всѣ части которой объединены между собою известнымъ рациональнымъ принципомъ. Вотъ почему мы называемъ вниманіе «поддерживаемымъ», а объектъ вниманія на протяжении нѣсколькихъ часовъ «тѣмъ же». У обыкновеннаго человѣка серія объектовъ вниманія бываетъ большею частью бесвязной, не объединенной общимъ рациональнымъ принципомъ, поэтому мы называемъ его вниманіе неустойчивымъ, шаткимъ.

Не лишено вѣроятія, что геній удерживаетъ человѣка отъ пріобрѣтенія привычекъ произвольнаго вниманія, и что среднее умственное дѣлованіе представляетъ почву, гдѣ можно всего болѣе ожидать развитія добродѣтели воли въ собственномъ смыслѣ слова. Представляетъ ли даръ вниманія свойство генія, или оно зависитъ, отъ развитія воли, во всякомъ случаѣ тѣмъ долѣе человѣкъ можетъ удерживать вниманіе на одномъ объектѣ, тѣмъ болѣе представляется ему возможности вполне имъ овладѣть. Способность же постоянно направлять въ известную сторону разбѣгающееся вниманіе составляетъ живой нервъ въ образованіи каждаго сужденія, характера и воли. У кого нѣтъ этой способности, того нельзя назвать «сorris vi». Воспитаніе, которое могло бы совершенствовать эту способность было бы воспитаніемъ разъ excellence. Но указать на такой идеалъ несравненно легче, чѣмъ дать практическое руководство къ его осуществленію. Относительно вниманія общимъ педагогическимъ правиломъ можетъ служить слѣдующее: чѣмъ болѣе интереса въ данномъ занятіи ожидаетъ ребенка впередъ, тѣмъ болѣе будетъ напряжено его вниманіе. Поэтому при обученіи ребенка нужно руководить его занятіями такъ, чтобы каждое новое свѣдѣніе, сообщаемое ребенку, находилось въ известной связи съ ранѣе пріобрѣтенными знаніями, а, если возможно, вызывать въ ребенкѣ любопытство такъ, чтобы каждое новое свѣдѣніе, полученное ребенкомъ, служило отвѣтомъ или хоть частью отвѣта на вопросъ, уже ранѣе существовавшій въ умѣ ребенка.

Физиологическія условія вниманія. Вотъ, повидимому, наиболѣе важныя изъ нихъ:

1) до возникновенія вниманія къ данному объекту необходимо, чтобы соответствующій кортикальный центръ былъ возбужденъ и центральныя пути—видѣнію, и путемъ вниманія чувствительнаго раздраженія;

2) *затѣмъ органъ чувствъ долженъ быть приспособленъ къ наиболее отчетливому воспріятію отъишняго впечатлѣнія, посредствомъ приспособленія соответствующаго мускульнаго аппарата;*

3) *по всей вѣроятности, необходимъ извѣстный притокъ крови къ соответствующему кортикальному центру.*

Третьяго условія я не буду касаться, такъ какъ относительно его мы не имѣемъ никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній, и я постулирую его лишь на основаніи общихъ аналогій. Первое и второе условія оправдываются экспериментальнымъ путемъ: начнемъ ради удобства съ разсмотрѣнія второго условія.

Приспособленіе органа чувствъ. Оно наблюдается, не только когда вниманіе направлено на вѣншнее чувственное впечатлѣніе, но и въ томъ случаѣ, когда его объектомъ служитъ мысль.

Что оно на-лицо, когда мы направляемъ вниманіе на вѣншній объектъ, это само собой ясно. Глядя на что-нибудь или слушая что-нибудь, мы непроизвольно приспособляемъ глаза и уши, а также поверачиваемъ голову и тѣло; обоняя или пробуя на вкусъ, мы приспособляемъ языкъ, губы и носъ къ данному объекту; осязая какую-нибудь поверхность, мы соответствующимъ образомъ двигаемъ осязающій органъ; во всѣхъ этихъ актахъ, производя непроизвольныя мускульныя сокращенія цѣлесообразнаго характера, мы поддерживаемъ другія движенія, нецѣлесообразныя по отношенію къ тому результату, который мы имѣемъ въ виду: пробуя что-нибудь на вкусъ, мы зажмуриваемъ глаза, прислушиваясь, стараемся затанть дыханіе и т. п. Въ результатъ получается болѣе или менѣе массивное органическое чувство напряженности вниманія. На это органическое чувство мы смотримъ обыкновенно, какъ на чувство нашей собственной активности, хотя оно возникаетъ въ насъ при посредствѣ приспособленія органовъ чувствъ и послѣ него. Такимъ образомъ, всякій объектъ, способный немедленно возбудить нашу чувствительность, вызываетъ рефлекторное приспособленіе органа чувствъ, которое сопровождается двумя результатами: во первыхъ, тѣмъ чувствомъ активности, на которое мы только-что указали, и во вторыхъ, возрастаніемъ ясности въ нашемъ сознаніи даннаго объекта.

Но и при интеллектуальномъ вниманіи въ насъ наблюдаются такія же чувства активности. Насколько мнѣ извѣстно, Фехнеръ первый подвергъ эти чувства анализу и отличилъ ихъ отъ только-что указанныхъ болѣе грубыхъ формъ того же чувства. Вотъ что онъ пишетъ:

«Когда мы переносимъ наше вниманіе съ объекта одного органа чувствъ на объектъ другого, мы испытываемъ нѣкоторое вполне определенное и легко воспроизводимое по произволу, хотя и не поддающееся описанію, чувство перемѣны *направленія* или *наимѣненія* въ локализациіи *направленія* (*Sprünge*). Мы чувствуемъ напряженія въ

извѣстномъ направленіи въ глазахъ, съ какой-нибудь стороны въ ухахъ, напряженія, которыя возрастаютъ и измѣняются въ зависимости отъ степени нашего вниманія въ то время, когда мы смотримъ или слушаемъ; это и есть то, что мы называемъ *напряженіемъ вниманія*. Различіе въ локализациі напряженія всего ярче наблюдается, когда вниманіе наше быстро колеблется между слухомъ и зрѣніемъ, и въ особенности когда мы хотимъ тонко распознать данный объектъ при помощи осязанія, обонянія и вкуса.

Когда я пытаюсь вызвать въ памяти или воображеніи какой-нибудь живой образъ, то я начинаю испытывать нѣчто совершенно аналогичное напряженію вниманія при непосредственномъ зрительномъ или слуховомъ воспріятіи, и это аналогичное чувство локализуется совершенно иначе. Въ то время, какъ при воспріятіи реального объекта (а также зрительныхъ слѣдовъ) съ напряженѣйшимъ вниманіемъ напряженіе направляется всецѣло къ данному объекту—впередъ, а при переходѣ вниманія отъ одного чувства къ другому, оно только перемѣняетъ направленіе отъ одного органа чувствъ къ другому, оставляя остальную часть головы свободной отъ напряженія, при воображеніи и припоминаніи, наоборотъ, чувство напряженія всецѣло отвлекается отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ и скорѣе углубляется въ ту часть головы, которая заполнена мозгомъ. Когда я хочу, наприимѣръ, *припомнить* мѣстность или лицо, они возникнутъ передо мною съ живостью, если я буду направлять вниманіе не впередъ, а скорѣе, если такъ можно выразиться, назадъ».

«Направленіе вниманія назадъ», ощущаемое нами, когда вниманіе направлено на воспроизведенныя представленія, повидимому, состоитъ главнымъ образомъ во вращеніи глазныхъ яблокъ внаутри и вверхъ, подобное тому, которое производится нами во снѣ, и которое прямо противоположно движенію глазъ при направленіи зрѣнія на внѣшній объектъ. Впрочемъ, даже при вниманіи, направленномъ на чувственные объекты, приспособленіе органа чувствъ не есть еще самый существенный процессъ. Это—второстепенный по значенію процессъ, который, какъ показываютъ наблюденія, можетъ вовсе не имѣть мѣста. Вообще говоря, вѣрно, что ни одинъ объектъ, лежащій на крайнихъ частяхъ поля зрѣнія, не можетъ привлечь нашего вниманія, не «привлекши» въ то-же время роковымъ образомъ и нашего глаза, то есть, не вызывая въ то-же время вращенія и аккомодациі глаза и не локализуя, такимъ образомъ, изображенія предмета на желтомъ пятнѣ,—самомъ чувствительномъ пунктѣ глаза. Но при помощи упражненія и при извѣстномъ усилии можно направлять вниманіе на главный объектъ поля зрѣнія, оставляя глазъ неподвижнымъ.

При этихъ условіяхъ предметъ никогда не различается нами вполне отчетливо (это невозможно по той причинѣ, что изобра-

женіе предмета получается здѣсь не на самомъ чувствительномъ мѣстѣ ретинны), но всякій можетъ убѣдиться, что предметъ со-знается болѣе живо, если усиліе вниманія сдѣлано нами. Такъ, на-примѣръ, учителя во время урока умѣютъ слѣдить за поведеніемъ учениковъ, дѣлая въ то-же время видъ, будто не глядятъ на нихъ. Женщины, вообще говоря, болѣе пользуются периферическимъ зрительнымъ вниманіемъ, чѣмъ мужчины. Гельмгольцъ сообщаетъ одинъ фактъ, столь любопытный, что я приведу здѣсь его наблю-деніе цѣликомъ. Однажды онъ производилъ опыты, желая слить въ одно цѣльное зрительное воспріятіе пару стереоскопическихъ картинъ, освѣщавшихся на мигъ электрической искрой. Картинны помѣщались въ темномъ ящикѣ, который отъ времени до времени освѣщался искрой; чтобы глаза не двигались по временамъ въ сторону, въ серединѣ каждой картины былъ сдѣланъ проколъ бу-лавкой, черезъ который проникалъ дневной свѣтъ, такъ что оба глаза въ промежутки мрака имѣли передъ собою по одной свѣт-лой точкѣ. При параллельныхъ зрительныхъ осяхъ обѣ эти точки сливались въ одну, и малѣйшее движеніе глазного яблока тотчасъ же изобличалось раздвоеніемъ зрительныхъ образовъ. Гельмгольцъ такимъ путемъ нашелъ, что при совершенной неподвижности глазъ простыя плоскостныя фигуры могутъ восприниматься въ качествѣ трехмѣрныхъ при одной вспышкѣ. Но, когда фигуры были слож-ными фотографіями, то для этого было необходимо нѣсколько вспышекъ подрядъ.

«Любопытно, говоритъ далѣе Гельмгольцъ, что при этомъ, хотя мы неподвижно фиксируемъ оба глаза на булавочныхъ от-верстіяхъ и не даемъ раздвигаться ихъ сложному изображенію, тѣмъ не менѣе мы можемъ направить наше вниманіе на любую часть темнаго поля, такъ чтобы при вспышкѣ получить впечат-лѣніе лишь отъ той части картины, которая лежитъ въ направ-леніи нашего вниманія. Здѣсь наше вниманіе является совершенно независимымъ отъ положенія и аккомодациі глазъ или отъ ва-кого-либо извѣстнаго намъ измѣненія въ этомъ органѣ и можетъ свободно направляться сознательнымъ волевымъ усиліемъ на лю-бую часть темнаго и однороднаго поля зрѣнія. Это—одно изъ наи-болѣе важныхъ наблюдений для будущей теоріи вниманія» *).

«Идеаціонное» возбужденіе центра. Но въ чемъ же выражается на-правленіе вниманія на периферическую часть картины, если при этомъ нѣтъ физической аккомодациі глаза? Что происходитъ, когда мы «распредѣляемъ» или «разсѣиваемъ» вниманіе по пред-мету въ которомъ ни одна часть не привлекаетъ нашего внима-нія? Эти вопросы ведутъ насъ къ анализу второй характери-стической черты вниманія—*идеаціоннаго возбужденія* о которомъ, мы

---

*) *Physiol. Optik*, p. 741.

упомянули выше. *Усилие при направленіи вниманія на крайнюю часть картины заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ стремленіи образовать себѣ возможно болѣе ясную идею того, что тамъ изображено.* Воспроизведенная идея идетъ на помощь ощущенію, дѣлая его болѣе яснымъ. Появленіе этой идеи можетъ сопровождаться усиленіемъ, и этого рода усиленіе и представляетъ въ данномъ случаѣ конечный результатъ напряженія вниманія. Мы сейчасъ покажемъ, что въ нашихъ актахъ вниманія всегда есть известная мысленная *антиципация* (предвареніе) объекта вниманія. Льюисъ называетъ ее *преперцепціей*, и это названіе, повидимому, всего болѣе подходитъ къ мысленному ожиданію наступающаго явленія.

При интеллектуальномъ вниманіи *преперцепція* само собою должна существовать, какъ объектъ мысли, ибо въ этомъ случаѣ объектомъ служить простая идея, воспроизведенное представление или концептъ. Слѣдовательно, доказавъ существованіе преперцепціи при чувственномъ вниманіи, мы докажемъ, что она на-лицо во всѣхъ процессахъ вниманія. Впрочемъ, когда чувственное вниманіе достигло высшей точки, то становится невозможнымъ сказать, какой элементъ воспріятія проникаетъ въ наше сознаніе извнѣ, и какой изнутри, но, если мы найдемъ, что *притомленіе* къ напряженію вниманія всегда состоитъ отчасти изъ творческаго пополненія даннаго объекта психическими продуктами воображенія, то этимъ уже будетъ доказано то, что требуется.

При опредѣленіи времени реакціи мы, направляя вниманіе на то движеніе, которое нужно было дѣлать, ускоряли наступленіе реакціи. Это сокращеніе времени мы въ VIII-й главѣ приписали тому обстоятельству, что уже заранѣе до появленія сигнала нервныя центры въ данномъ случаѣ бывають совершенно притомлены къ разряду. Такимъ образомъ, состояніе выжидающаго вниманія передъ наступленіемъ реакціи идетъ рука объ руку съ притомленіемъ соответствующаго нервнаго центра къ разряду.

Когда воспринимаемое впечатлѣніе очень слабо, то для того, чтобы уловить его, необходимо изодрить вниманіе, предварительно направивъ его на то-же впечатлѣніе, но въ болѣе сильной формѣ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Гельмгольцъ: «Если мы хотимъ начать наблюденія надъ обертонами, то можно посоветовать вслушаться въ слабо звучащую ноту, соответствующую искомому обертону, прежде чѣмъ производить опытъ звукового анализа надъ данною нотой... Если вы поставите передъ ухомъ резонаторъ, соответствующій какому-нибудь обертону ноты *C* (*до*), напримѣръ *G* (*сол*), и затѣмъ заставите звучать ноту *C*, то услышите *G*, значительно усиленное резонаторомъ. Это усиленіе обертона резонаторомъ пріучаетъ ухо быть болѣе внимательнымъ къ искомому звуку. Если мы станемъ постепенно удалять резонаторъ, звукъ *G* станетъ ослабѣвать

но внимание, будучи направлено резонаторомъ на этотъ звукъ, уловляетъ его гораздо легче, и наблюдатель уже можетъ послѣ такого опыта слышать обертоны *O* невооруженнымъ ухомъ». Вундтъ, давая свои объясненія къ такого рода опытамъ, говоритъ слѣдующее: «Бѣглыя и слабыя зрительныя впечатлѣнія даютъ въ результатѣ одно и то-же. Попробуйте освѣщать рисунокъ электрической искрой, появляющейся черезъ большіе промежутки времени: послѣ первыхъ двухъ-трехъ вспышекъ обыкновенно невозможно ничего разобрать. Но смутное впечатлѣніе отъ рисунка все-таки сохраняется въ памяти; каждая послѣдующая вспышка дополняетъ его, пока, наконецъ, не получится болѣе ясное изображеніе. Первичнымъ стимуломъ для внутренней активности здѣсь обыкновенно служитъ самое вышнее впечатлѣніе. Мы слышимъ звукъ, въ которомъ по нѣкоторымъ ассоціациямъ, чувствуемъ наличность извѣстныхъ обертоновъ, далѣе припоминаемъ ихъ, наконецъ, уловляемъ ихъ ухомъ въ данномъ звукѣ. Или предположимъ, что мы видимъ минеральное вещество, которое и ранѣе намъ случалось видѣть; непосредственное впечатлѣніе вызываетъ соотвѣтствующій образъ въ нашей памяти, который въ свою очередь сливается болѣе или менѣе тѣсно съ непосредственнымъ воспріятіемъ. Различныя свойства даннаго впечатлѣнія требуютъ особыхъ благоприятныхъ условій для воспрізнанія, и мы заключаемъ при этомъ, что наше ощущеніе напряженности внутренней активности возрастаетъ въ зависимости отъ усиленія яркости тѣхъ впечатлѣній, на которыя мы направляемъ вниманіе».

Это всего естественнѣе можно представить схематически въ видѣ воздѣйствій на нервную кѣтку съ двухъ сторонъ. Въ то время, какъ предметъ воздѣйствуетъ на нее извнѣ, другія нервныя кѣтки дѣйствуютъ на нее изнутри. *Для полной активности данной нервной кѣтки необходимо взаимодействие обоихъ факторовъ.* Данный объектъ воспринимается съ полнѣйшимъ вниманіемъ только въ томъ случаѣ, когда онъ одновременно образуетъ и воспріятіе, и воспроизведенное представленіе.

Приведемъ еще нѣсколько опытовъ, которые послѣ всего сказаннаго будутъ вполне понятны. Къ опытамъ надъ освѣщеніемъ стереоскопическихъ фигуръ электрической искрой, Гельмгольцъ присоединяетъ еще слѣдующее наблюденіе: «Помѣщая въ стереоскопъ рисунки столь простые, что, относительно говоря, для меня было трудно видѣть ихъ двойными, мнѣ удавалось добиться этого даже при мгновенномъ освѣщеніи, когда я старался живо представить себя, какъ они должны бы были вылазть двойными. Здѣсь на воспріятіе влияло одно только вниманіе, такъ какъ глазъ оставался совершенно неподвижнымъ».

Разбирая вопросъ о борьбѣ двухъ полей зрѣнія, Гельмгольцъ снова говоритъ: «Это явленіе не есть соперничество въ изнан-

сивности между двумя ощущеніями: оно зависит отъ напряженности или расслабленности нашего вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли есть другое явленіе, на которомъ можно было бы съ большимъ удобствомъ изслѣдовать причины, обуславливающія наше вниманіе. Недостаточно при этомъ сознательно рѣшить глядѣть сначала однимъ глазомъ, потомъ другимъ: мы должны образовать въ умѣ ясное представленіе того, что мы надѣемся увидѣть. Тогда ожидаемый образъ действительно появится».

На рис. 55-мъ и 56-мъ, гдѣ этотъ опытъ не даетъ определенныхъ результатовъ, можно вызвать смѣну одной изъ кажущихся фигуръ другою, напряженно воображая заранѣе ту фигуру, которую мы желаемъ видѣть. Тоже наблюдается и на нѣкоторыхъ рисункахъ, гдѣ извѣстныя линіи образуютъ своею комбинаціей фигуру, не имѣющую никакого отношенія въ тому, что можно непосредственно видѣть на рисункѣ, и вообще на всѣхъ изображеніяхъ, гдѣ извѣстный предметъ не бросается въ глаза и едва можетъ быть отличенъ отъ задняго плана; можетъ случиться, что мы долго не будемъ замѣчать предмета, но, разъ замѣтивъ его, мы можемъ дѣлать его объектомъ нашего вниманія по произволу при помощи того умственного дубликата, который вводится въ данное воспріятіе нашимъ воображеніемъ. Кто можетъ сразу угадать въ бессмысленной французской фразѣ: «*Pas de lieu Rhône que nous*» англійское: «*Radde your own capoe*»? Но едва ли кто, разъ замѣтивъ звуковое сходство обѣихъ фразъ, не будетъ въ состояніи снова возобновить его въ памяти. Ожидая удара часовъ, мы такъ проникаемся мыслию о наступающемъ звукѣ, что каждую минуту намъ кажется, будто уже бьетъ желанный или страшный часъ. То-же испытываемъ мы и въ ожиданіи звука члѣхъ-нибудь шаговъ. При малѣйшемъ шелестѣ въ лѣсу охотнику мерещится дичь, бѣглецу—его преслѣдователи. Влюбленный при видѣ каждой женской шляпки на улицѣ воображаетъ, что подъ этою шляпкой скрывается голова его кумира. Появленіе образа въ умѣ и есть вниманіе: преперцепція (предвареніе воспріятія) есть половина перцепціи (воспріятія) искомаго объекта.

Именно по этой причинѣ у людей открыты глаза лишь на тѣ стороны въ воспринимаемыхъ впечатлѣніяхъ, которыя они ранѣе пріучились различать. Любой изъ насъ можетъ замѣтить извѣстное явленіе, послѣ того какъ на него намъ было кѣмъ-нибудь указано, но то-же явленіе безъ помощи посторонняго указанія не стумѣетъ открыть и одинъ человѣкъ на десять тысячъ. Даже въ поэзіи и въ изобразительныхъ искусствахъ необходимо, чтобы кто-нибудь указывалъ намъ, на что именно нужно обращать особенное вниманіе, что заслуживаетъ наибольшаго удивленія, пока нашъ вкусъ не достигнетъ своего полнаго развитія, и наша оцѣнка эстетическихъ явленій не станетъ совершенно безошибочной. Въ такъ называемыхъ

<дѣтскихъ садахъ> дѣтей ради упражненія расширявають, сколько характерныхъ чертъ они могутъ назвать въ данномъ предметѣ, напримеръ, въ цвѣтѣ или въ чучелѣ птицы. Они тотчасъ называютъ знакомыя имъ черты: хвостъ, клювъ, ноги, но они могутъ глядѣть на птицу по цѣлымъ часамъ, не замѣчая поздравей, когтей, etc., пока не обратишь на эти части ихъ вниманіе, послѣ чего дѣти всякій разъ указываютъ на нихъ. Короче говоря, мы обыкновенно видимъ лишь тѣ явленія, которыя преперципируемъ; преперципируемъ же мы лишь тѣ объекты, которые были указаны намъ другими подъ извѣстнымъ ярлыкомъ, а ярлыкъ этотъ запечатлѣлся въ нашемъ умѣ. Потерявъ накопленный нами запасъ этихъ ярлыковъ, мы почувствовали бы себя въ окружающемъ мирѣ лишенными всякой умственной опоры.

Педагогическія замѣчанія. Во-первыхъ, необходимо *укрѣплять вниманіе* въ тѣхъ дѣтахъ, которыя относятся крайне небрежно въ своимъ занятіямъ, беспорядочно перескакивая мыслью съ одного предмета на другой. Учитель въ данномъ случаѣ долженъ позаботиться о томъ, чтобы сообщить привлекательность предмету занятій, ассоціировавъ его съ чѣмъ-нибудь интересующимъ ребенка; въ худшемъ случаѣ, когда нельзя придать интересъ самимъ занятіямъ, можно прибѣгнуть къ обѣщанію награды за внимательное отношеніе къ занятіямъ и наказанія за невнимательное. Если самый предметъ занятій не вызываетъ въ ребенкѣ никакого произвольнаго вниманія, то приходится черпать интересъ со стороны. Но всего лучше, когда самая тема занятій интересна, и, обучая дѣтей, мы должны всегда стараться связывать новыя познанія, сообщаемыя дѣтямъ, съ тѣми объектами, съ которыми у нихъ соединены преперцепціи. То, что давно извѣстно и хорошо знакомо, тотчасъ становится объектомъ вниманія и привлекаетъ за собою новыя впечатлѣнія, образуя для послѣднихъ то, что по психологической терминологіи Гербарта называется *Apperceptionsmasse*. Разумѣется, талантъ учителя заключается именно въ томъ, чтобы знать, какую *Apperceptionsmasse* надо выбрать. Психологія можетъ здѣсь дать только общее правило.

Во-вторыхъ, необходимо искоренять ту *разсыянность вниманія*, которая бываетъ у людей болѣе зрѣлаго возраста *при чтеніи или слушаніи рѣчи*. Если вниманіе есть воспроизведеніе даннаго ощущенія изнутри, то привычка читать только глазами или слушать только ухомъ можетъ быть искоренена при помощи отчетливаго расчлененія слышимыхъ или видимыхъ словъ, такимъ путемъ можно укрѣпить вниманіе. Это подтверждается опытомъ. Можно сдѣлать себя гораздо болѣе внимательнымъ къ разговору, если мысленно повторяешь каждое слышанное слово, чѣмъ если пассивно слушаешь ихъ; значительное число студентовъ, моихъ

слушателей, испытать этот приемъ на практикѣ, нашли его весьма полезнымъ.

Вниманіе и свобода воли. До сихъ поръ я рассматривалъ вниманіе въ качествѣ психическаго процесса, всецѣло зависящаго отъ физиологическихъ условій. И я, дѣйствительно, убѣжденъ, что выборъ объектовъ вниманія именно такъ predeterminedъ. Ничто не можетъ привлечь наше вниманіе независимо отъ автоматической дѣятельности нервной системы. Другой вопросъ, насколько зависима отъ послѣдней та интенсивность нашего вниманія, съ которою мы воспринимаемъ объектъ, уже попавшій, такъ сказать, въ роле нашего духовнаго зрѣнія. Нужно нерѣдко извѣстное умственное усиліе, чтобы удержать вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ. Если это усиліе не есть простая иллюзія, если оно представляетъ духовную силу, неопредѣленную по величинѣ, то въ такомъ случаѣ, разумѣется, эта сила совмѣстно съ физиологическими процессами даетъ общій сложный результатъ. Хотя она, такимъ образомъ, и не *вноситъ* въ сознаніе новой идеи, но задерживаетъ и закрѣпляетъ въ сознаніи безчисленное множество идей, которыя безъ ея помощи исчезли бы гораздо скорѣе. Задержка при этомъ, быть можетъ, была не долѣе секунды, но эта секунда могла имѣть рѣшающее значеніе, ибо при непрерывной смѣнѣ различныхъ соображеній, когда двѣ противоположенныхъ группы ихъ, борясь между собою, выходятся почти въ равновѣсіи, достаточно бываетъ одной лишней секунды вниманія, направленаго на одну изъ этихъ группъ, чтобы дать ей окончательный перевѣсъ надъ другой. Утвердившись въ сознаніи, наше рѣшеніе вліяетъ на поступки, а отъ поступковъ можетъ зависѣть вся наша судьба. Въ главѣ: «*О волю*» мы увидимъ, что драма нашей волевой жизни всецѣло зависитъ отъ едва замѣтнаго перевѣса въ степени вниманія, сообщаемаго одной изъ борющихся за преобладаніе моторныхъ идей. Но чувство реальности нашей волевой жизни, главный стимулъ нашихъ произвольныхъ дѣйствій, зависитъ отъ сознанія того, что *они дѣйствительно обусловлены нашимъ свободнымъ рѣшеніемъ*, а не predeterminedъ за тысячи лѣтъ тому назадъ роковымъ ходомъ явленій. Это вѣжущееся чувство свободы, придающее исторіи и жизни человѣческой такую трагическую окраску, можетъ не быть простой иллюзіей. Произвольное усиліе, можетъ быть, не есть простой результатъ механическихъ процессовъ, а нѣкоторая первичная и при томъ неопредѣленная по степени сила... Въ этомъ вопросѣ для здравомыслящаго человѣка послѣднимъ словомъ должно быть: «*Ignoramus*», потому что взаимодѣйствующія въ данномъ случаѣ силы по своей тонкости не поддаются измѣренію. Впрочемъ, психологія, поскольку она претендуетъ на имя науки, должна, какъ и всякая другая наука, *постулировать* въ ея явленіяхъ полный детерминизмъ, слѣдовательно, и свободную волю, если таковая су-

существует, рассматривать какъ естественную причину. Такъ буду поступить въ этой книгѣ и я, слѣдуя въ этомъ отношеніи привычку другихъ психологовъ; въ то-же время я долженъ признаться, что подобный приемъ, хотя и представляетъ методологическія удобства, давая возможность располагать факты въ простомъ порядкѣ и въ «научной формѣ», но не даетъ никакого окончательнаго рѣшенія въ томъ или другомъ направленіи проблемъ свободы воли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Образованіе концептовъ.

Различныя состоянія сознанія могутъ означать одно и тоже. Функція ума, при помощи которой мы выдѣляемъ, обособляемъ и отождествляемъ между собою численно-различныя объекты рѣчи, называется концепціей. Ясно, что одно и то-же состояніе сознанія, когда въ немъ мыслятся нѣсколько различныхъ объектовъ, включаетъ въ себѣ нѣсколько концептовъ и, имѣя функціей нѣсколько концептовъ, можетъ быть названо состояніемъ сложной концепціи.

Мы можемъ образовывать концепты весьма различнаго характера: концепты реальностей, за которыми признается объективное существованіе, напримѣръ, паровозъ, фантастическіе образы, напримѣръ, сирена, наконецъ, простыя *entia rationis*, напримѣръ, разность, ничто. Но, чтобы мы ни представляли себѣ, наша концепція всегда бываетъ о чемъ-нибудь одномъ, и ни о чемъ другомъ, то есть, по содержанію она не можетъ быть *замѣнена* чѣмъ-нибудь *инымъ*, хотя и можетъ быть многими *пополнена*. Образованіе каждаго концепта обусловлено тѣмъ что изъ массы психологическаго матеріала, доставляемаго вѣншимъ міромъ, наше вниманіе ясно выдѣляетъ что-нибудь и фиксируетъ передъ сознаніемъ. Колебанія при этомъ возникаютъ лишь въ томъ случаѣ, когда мы недоумѣваемъ, есть ли данный предметъ тотъ именно, который мы имѣли въ виду, такъ что для полноты умственной функціи мы должны при образованіи концепта мысленно сказать себѣ не только: «Я имѣю въ виду вотъ это», но и: «Я не имѣю въ виду того».

Такимъ образомъ, каждый концептъ вѣчно остается тѣмъ, чѣмъ онъ есть, и никогда не переходитъ въ другой. Умъ можетъ измѣнять его состоянія, его значеніе по временамъ, можетъ пренебрегать однимъ концептомъ, предпочитать другой, но и оставленный концептъ самъ по себѣ нѣкоимъ понятнымъ для насъ способомъ не можетъ измѣниться въ слѣдующее за нимъ. Я могу видѣть,

что бумага, за минуту передъ тѣмъ бѣлая, обгорѣла и почернѣла. Но мое понятіе «бѣлый» не превратилось въ понятіе «черный». Наоборотъ, наряду съ воспріятіемъ черноты оно остается въ моемъ сознаниі, сохраняя свое прежнее значеніе и тѣмъ давая мнѣ возможность замѣтить въ бумагѣ черноту, какъ качественную перемену. Если бы этотъ концептъ не сохранился во мнѣ, я сказалъ бы: «Вотъ чернота»—и этимъ мое познаніе и ограничилось бы. Такимъ образомъ, среди измѣчивости мнѣній и внѣшнихъ впечатлѣній міръ понятій или объектовъ мысли остается неизмѣннымъ и неподвижнымъ, какъ Платоново царство идей.

Иные концепты представляютъ предметы, другіе—качества, третьи—событія. Для любого предмета, событія или качества можетъ быть образованъ соотвѣтствующій концептъ, вполне удовлетворительный для цѣлей отождествленія, если только намъ удалось обособить и выдѣлить его объектъ изъ окружающей обстановки. Достаточно даже просто назвать его «то» или «это». Выражаясь на спеціальному логическому языкѣ, мы сказали бы, что можно при помощи *означенія* составить понятіе о данномъ объектѣ, не прибѣгая совершенно къ *соозначенію* или пользуясь мнимумомъ *соозначенія*. При этомъ важно только, чтобы мы знали, о чемъ идетъ рѣчь; представлять данный объектъ нѣтъ надобности даже въ томъ случаѣ, когда онъ исполнѣ представимъ.

Можно предположить въ этомъ смыслѣ, что живыя существа, занимающія нившее мѣсто въ организованномъ мірѣ по умственнымъ способностямъ, имѣютъ своего рода концепты. Для этого необходимо только, чтобы они обладали способностью воспрізнанія явленій предшествующаго опыта. Полиръ можно было бы назвать существомъ, мыслящимъ концептами, еслибы можно было допустить, что въ немъ есть способность узнавать явленія минувшаго опыта. Это чувство тождественности ощущеній составляетъ основу, остовъ нашего сознанія. Въ различныхъ состояніяхъ сознанія мы можемъ мыслить объ одномъ и томъ же. Другими словами, умъ можетъ всегда мыслить о томъ же и сознать это.

Концепты абстрактныхъ или общихъ и проблематическихъ объектовъ мысли. Здѣсь мы рассмотримъ совершенно специфическій элементъ мысли—одно изъ самыхъ неуловимыхъ, ускользающихъ отъ самонаблюденія явленій сознанія которое психологъ не можетъ анализировать, подобно тому какъ энтомологъ изслѣдуетъ свойства насѣкомаго, насаженнаго на булавку. Согласно моей терминологіи, я сказалъ бы, что это явленіе связано съ психическими обертонами даннаго объекта мысли, которымъ, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуетъ множество зарождающихся и замирающихъ нервныхъ процессовъ, не поддающихся наблюденію вслѣдствіе своей тонкости и сложности (см. стр. 122-ю). Геометръ, имѣя передъ собою одну опредѣленную фигуру, отлично

знаеть, что его расужденія примѣнны такъ же успѣшно къ безконечному множеству другихъ фигуръ, и что, видя передъ собою линіи извѣстной длины, извѣстнаго цвѣта, въ извѣстномъ расположеніи, онъ при анализѣ ихъ не имѣеть въ виду этихъ деталей. Употребляя слово «человѣкъ» въ двухъ различныхъ значеніяхъ, я могу въ обоихъ случаяхъ произносить буквально то-же слово и представлять себѣ тотъ же образъ, но въ самый моментъ произнесенія слова или представленія образа, я могу разумѣть двѣ совершенно различныхъ вещи. Такъ, напримѣръ, когда я говорю: «Удивительный человѣкъ этотъ Джонсъ!» я хорошо знаю, что подъ понятіе «человѣка», которое я имѣю въ виду въ данномъ случаѣ, не подойдутъ Наполеонъ Бонапартъ или Адамъ Смитъ. Но когда я говорю: «Что за удивительное существо человѣкъ!» то знаю такъ же хорошо, что имѣю въ виду всѣхъ людей безъ исключенія. Связанное со словомъ сознаніе его значенія представляетъ положительно родъ чувства, благодаря которому простые звуки или зрительные образы становятся чѣмъ-то понятнымъ; это нѣчто даетъ вполне опредѣленное направленіе ходу нашихъ мыслей, которыя затѣмъ воплощаются въ слова и образы.

Какъ бы ни были конкретны и опредѣленны объекты нашего обычнаго воображенія, они всегда сопровождаются деталями отношеній, и эти детали играютъ такую же роль при познаніи даннаго объекта, какъ и самый объектъ. Путемъ, который хорошо извѣстенъ всякому, мы доходимъ до того, что начинаемъ мыслить о цѣлыхъ классахъ предметовъ такъ же хорошо, какъ и объ единичныхъ явленіяхъ, объ отдѣльныхъ свойствахъ и атрибутахъ предметовъ такъ же, какъ и о цѣлыхъ объектахъ;— другими словами, мы, выражаясь языкомъ логиковъ, начинаемъ образовывать въ нашемъ умѣ абстракты или универсаліи. Мы начинаемъ мыслить о проблематическихъ объектахъ, относительно которыхъ нельзя составить вполне яснаго представленія, такъ же какъ и о явленіяхъ, представляемыхъ нами во всѣхъ ихъ деталяхъ. Проблематическій объектъ мысли характеризуется только связанными съ нимъ отношеніями. Мы думаемъ о нѣкоторомъ явленіи, которое должно быть вызвано другими извѣстными намъ явленіями. Но мы при этомъ еще не знаемъ, каково будетъ ожидаемое нами явленіе при своей реализаціи; иначе говоря, хотя мы и мыслимъ о немъ, но не можемъ представить его себѣ. Это не мѣшаетъ намъ мыслить о данномъ объектѣ въ отношеніяхъ его къ другимъ явленіямъ, и отличать его отъ всѣхъ другихъ объектовъ мысли. Таково, напримѣръ, для насъ представленіе машины *perpetuum mobile*. Такого рода машина представляетъ вполне опредѣленное *quaesitum*, и мы всегда можемъ сказать, можетъ ли любая данная машина удовлетворить тѣмъ условіямъ, которыя сдѣлали бы ее *perpetuum mobile*. Вопросъ о проблема-

тической мыслимости известной вещи не зависит от возможности или невозможности реализации ее в действительности. «Круглый в квадрат» или «черная близина» суть совершенно сдвигнутые понятия, и в процесс образования понятий является совершенно случайным то обстоятельство, что в природѣ мы не находимъ ничего соответствующаго этимъ понятиямъ, и потому не можемъ составить никакого соответствующаго имъ образа.

До сихъ поръ между номиналистами и концептуалистами продолжается споръ о томъ, можетъ ли нашъ умъ создавать всеобщія или абстрактныя понятія, или, лучше было бы сказать, идеи о всеобщихъ, абстрактныхъ объектахъ. Но въ сравненіи съ тѣмъ изумительнымъ фактомъ, что наши мысли, несмотря на несходство въ различныхъ отношеніяхъ, могутъ быть *о томъ же*, для насъ, право, является не существеннымъ, детальнымъ вопросомъ о томъ, представляетъ ли это «то-же» въ нашей мысли единичный объектъ, цѣлый классъ объектовъ, абстрактное свойство или нечто непредставимое. Наша мысль представляетъ беспорядочное смѣшеніе единичныхъ, частныхъ, неопредѣленныхъ, проблематическихъ и всеобщихъ объектовъ. Отдѣльнымъ конкретнымъ объектомъ такъ же мыслятся нами, будучи выдѣленъ и обособленъ отъ остальныхъ объектовъ нашего сознанія, какъ и самое безсодержательное и широкое по логическому объему свойство, которымъ онъ можетъ обладать, напримѣръ, *бытіе*, если рассматривать это свойство подобнымъ же образомъ. Съ любой точки зрѣнія манера присыпать поразительныя мощныя свойства общимъ понятіямъ, должна вызывать въ насъ удивленіе. Едва можно понять, почему, начиная съ Сократа и до нашихъ дней, философы сходились другъ съ другомъ въ пренебреженіи познаніемъ частнаго и въ поклоненіи передъ познаніемъ всеобщаго, если принять во вниманіе, что болѣе привлекательнымъ познаніемъ должно быть познаніе болѣе привлекательныхъ объектовъ, а такими являются только конкретныя единичныя явленія. Единственное значеніе общихъ понатій заключается въ томъ, что они при мышленіи помогаютъ намъ открывать новыя мысли объ индивидуальныхъ объектахъ. Направленіе мысли на индивидуальной объектъ, быть можетъ, требуетъ даже для своего возникновенія болѣе сложныхъ нервныхъ процессовъ, чѣмъ распространеніе известной мысли на цѣлый классъ объектовъ, и самое таинство познанія равно неестественно какъ при познании общихъ, такъ и при познании единичныхъ объектовъ. Такимъ образомъ, традиціонный вульгаръ «универсалий» можетъ служить лишь образнымъ фальшиваго сентиментализма, философскаго «*idola speciei*».

То, что мы познаемъ, какъ томественное, всегда познается нами въ новомъ составнн сознанія. После сказаннаго на стр. 116-й едва-ли нужно это добавлять. Такъ, напримѣръ, мое красное есть одинъ изъ предметовъ,

о которыхъ я имѣю опредѣленное понятіе; я видѣлъ его вчера и при взглядѣ на него теперь снова узнаю его. Но, если я думаю о немъ сегодня, какъ о томъ же креслѣ, на которое я смотрѣлъ вчера, то все-же очевидно, что самое представиваніе этого кресла, какъ того же самаго, есть уже нѣкоторое добавочное осложненіе мысли, въ силу котораго ея внутренній психическій составъ долженъ былъ измѣниться. Короче говоря, логически невозможно, чтобы тотъ же объектъ мысли *вознавался нами, какъ абсолютно-тождественный*, при послѣдовательномъ повтореніи той же мысли. На самомъ дѣлѣ, мысли, которыя мы считаемъ имѣющими то-же значеніе, могутъ рѣзко отличаться одна отъ другой. Тотъ же объектъ мыслится нами то въ устойчивомъ, то въ переходномъ состояніи сознанія, то въ видѣ образа, то въ видѣ одного символа, то въ видѣ другого, но мы все-таки какъ-то умѣемъ узнать, какой именно изъ всѣхъ возможныхъ объектовъ мысли мы имѣемъ въ виду. Психологія самонаблюденія должна отказаться отъ выясненія этого факта; тончайшія перемѣны въ душевной жизни нельзя описать при помощи грубой психологической терминологіи. Психологъ долженъ ограничиться, съ одной стороны, простымъ засвидѣтельствомъ того факта, что самыя разнородныя элементы сознанія образуютъ тотъ психическій субстратъ, при помощи котораго познается тождественное, съ другой—фактическимъ опроверженіемъ противоположной точки зрѣнія.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Различеніе.

Различеніе и ассоціація. На стр. 12-й я говорилъ, что первый объектъ познанія ребенка составляетъ тотъ зачатокъ, изъ котораго впоследствии развивается у него познаніе вселенной черезъ присоединеніе новыхъ элементовъ извнѣ и различеніе другихъ изнутри. Другими словами, опытъ складается *одновременно* при помощи ассоціаціи и диссоціаціи, и психологію слѣдуетъ излагать и аналитически, и синтетически. Наши первичныя чувственные данныя познанія съ одной стороны раздробляются при помощи вниманія, а съ другой связываются съ другими чувственными данными или при посредствѣ нашихъ движеній, перемѣщающихъ наши органы чувствъ изъ одной части пространства въ другую, или благодаря послѣдовательному чередованію новыхъ объектовъ, замѣщающихъ прежніе. «Простыя впечатлѣнія» Юма, «простыя идеи» Локка суть абстракціи и идеи, никогда не осуществляющіяся въ опытѣ. Жизнь съ самаго начала даетъ намъ конкретные объекты, смутно сливаю-

щется съ остальнымъ міромъ, который облекаетъ ихъ въ пространство и время, и въ то-же время потенциально дѣлимые на внутренніе элементы и части. Эти объекты мы то разъединяемъ, то слагаемъ. И то, и другое одинаково необходимо для развитія нашего познанія объ этихъ объектахъ, и трудно сказать, какой изъ двухъ процессовъ мы чаще примѣняемъ. Но, если допустить, что «простыя ощущенія», элементы, изъ которыхъ традиціонный ассоціационизмъ строитъ всю душевную жизнь, суть продукты различенія, доведеннаго до высшей степени, то намъ придется, повидимому, начать разборъ даннаго вопроса съ разсмотрѣнія анализирующихъ способностей вниманія и различенія.

Что такое различеніе? Усмотрѣніе какой-либо части даннаго объекта есть актъ различенія. Уже на стр. 169-й я описалъ, какъ мы нерѣдко самопроизвольно впадаемъ въ состояніе неразличенія даже по отношенію къ объектамъ, которые мы уже ранѣе научились различать. Такія анестезирующія средства, какъ хлороформъ, закись азота (N_2O) etc., вызываютъ иногда временныя состоянія сознанія, въ которыхъ способность къ различенію еще болѣе ослабляется; особенно рѣзко это замѣчается на численномъ различеніи: подъ вліяніемъ анестезирующихъ средствъ мы видимъ свѣтъ, слышимъ звуки, но, сколько зрительныхъ или слуховыхъ впечатлѣній, одно или много воспринято нами, мы совершенно не въ состояніи сказать. Въ тѣхъ случаяхъ, когда части объекта были уже различены нами, и каждая изъ нихъ уже стала объектомъ особаго акта различенія, мы только съ трудомъ можемъ возстановить передъ сознаніемъ первоначальную цѣльность даннаго объекта, и сознаніе его расчлененности бываетъ въ насъ столь сильно, что намъ начинаетъ казаться невѣроятной его первоначальная цѣльность. Но на самомъ дѣлѣ это убѣжденіе представляетъ иллюзію, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что *любое число впечатлѣній, получаемое нами отъ любого числа чувственныхъ раздраженій, одновременно проникая въ сознаніе, которое еще не восприняло каждаго изъ нихъ по одиночтѣ, даетъ сознанію единый, нераздѣленный объектъ*. Иначе говоря, всѣ объекты, которые *могутъ* совнаваться слитно, именно такъ и сознаются, раздѣльно же совнается только то, что *должно* такъ сознаваться. Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ, что заставляетъ насъ совнавать впечатлѣнія раздѣльно.

Условія, благоприятствующія акту различенія. Я разсмотрю послѣдовательно различія:

- 1) поскольку они непосредственно *ощущаются*;
- 2) поскольку мы о нихъ *заключаемъ*;
- 3) поскольку мы ихъ *выдѣляемъ изъ сложныхъ комплексовъ*.

Непосредственно ощущаемыя различія. Для непосредственнаго различенія необходимо, во первыхъ, *чтобы воспринимаемые объекты различались* по времени, пространству или качеству. Другими сло-

вами; выражаясь физиологически, подвешающіе различію элементы должны вызывать *различные* нервные процессы. Но, какъ мы видѣли выше, это условіе, будучи необходимымъ, въ то-же время еще недостаточно. Для различія прежде всего необходимо, чтобы нервные процессы были *достаточно* различны. Никто не можетъ, при всемъ желаніи, не отличить черной полосы отъ бѣлаго фона или не замѣтить контраста между живкою и немедленно слѣдующею за нею высокой нотой. Здѣсь различіе совершается непременно. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объективная разница не такъ велика, для различія можетъ потребоваться значительное усиленіе вниманія.

Во вторыхъ, *ощущенія, вызываемыя различными объектами, должны воздействовать на тотъ же органъ чувствъ не одновременно, но слѣдуя непосредственно другъ за другомъ.* Легче сравнивать тоны, звучащіе одинъ за другимъ, а не одновременно; двѣ тяжести или двѣ температуры легче сравнивать тою же рукой послѣдовательно одну за другою, а не сразу двумя руками. Подобнымъ же образомъ легче бываетъ различить свѣтовые или прѣтовые оттѣнки, двигая глазъ отъ одного оттѣнка къ другому, такъ чтобы они оба падали послѣдовательно на ту-же часть ретины. При опредѣленіи минимальныхъ разстояній, различаемыхъ нами на тѣхъ или другихъ частяхъ кожи при помощи прикосновенія ножками циркуля, оказалось, что послѣдовательныя прикосновенія различаются гораздо быстрее, чѣмъ одновременныя. Въ послѣднемъ случаѣ при прикосновеніяхъ къ спинѣ и бедрямъ разстояніе между ножками циркуля можетъ быть сдѣлано въ два или три дюйма, а все-таки мы будемъ ощущать всего одно прикосновеніе. Наконецъ, при опредѣленіи запаховъ и вкусовъ сравнивать одновременныя впечатлѣнія почти совершенно невозможно. Причиной, почему послѣдовательность впечатлѣній такъ благоприятствуетъ различію, повидному, служить то, что въ этомъ случаѣ есть настоящее *чувство различія*, вызванное рѣзкимъ переходомъ отъ одного воспріятія къ другому, несходному съ первымъ. Это ощущеніе различія обладаетъ совершенно специфическимъ свойствомъ, независящимъ вовсе отъ характера тѣхъ психическихъ элементовъ, между которыми устанавливается различіе. Коротче сказать, оно есть одно изъ переходныхъ состояній сознанія или чувствъ отношенія, о которыхъ я говорилъ выше (см. стр. 121-ю); разъ возникнувъ, оно связывается въ памяти съ предшествующими и слѣдующими устойчивыми состояніями сознанія и даетъ намъ возможность составить *сравнительное сужденіе* о двухъ ощущеніяхъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда разница между двумя слѣдующими другъ за другомъ ощущеніями очень мала, переходъ отъ одного ощущенія къ другому долженъ быть сдѣланъ возможно скорѣе, при чемъ то и другое слѣдуетъ сравнить въ памяти; такимъ путемъ можно добиться

лучшимъ результатовъ. Намъ составить тонкое сужденіе о различіи между двумя сходными на вкусъ винами, если, пробнѣя второе, мы еще чувствуемъ во рту вкусъ перваго. Подобнымъ же образомъ, при сравненіи звуковъ, температура и т. п., мы должны уловить моменты, когда интенсивности обеихъ сравниваемыхъ ощущений одинаково ослабѣютъ. Впрочемъ, тамъ, гдѣ различіе между ощущениями велико, это условіе несущественно; и мы въ такомъ случаѣ можемъ сравнивать непосредственно воспринимаемое ощущение съ другимъ, только припоминаемымъ нами. Чѣмъ болѣе промежутокъ времени между двумя сравниваемыми ощущениями, тѣмъ болѣе неопредѣленною для насъ является различіе между ними.

Ощущаемое такимъ образомъ непосредственно различіе между двумя впечатлѣніями не зависитъ отъ нашей способности составить какое-либо понятіе объ одномъ изъ данныхъ впечатлѣній. Я могу раздѣлить ощущать два прикосновенія въ моей ношѣ и все-таки не знать, которое изъ нихъ ниже и которое выше. Я могу слышать два сосѣднихъ музыкальныхъ тона и все-таки не знать, который изъ нихъ верхній. Подобнымъ же образомъ, я могу различить два близкихъ другъ къ другу цвѣта, оставаясь въ невѣдѣніи относительно того, который изъ нихъ голубѣе или желтѣе, или чѣмъ одинъ отличается отъ другого.

Я сказалъ, что при непосредственномъ слѣдованіи *m* за *n*, внезапное различіе между ними *ощущается*. Оно *снова*, по крайней мѣрѣ, ощущается, вскажй разъ какъ мы будемъ переходить отъ *m* къ *n* и обратно, попеременно переминая вниманіе отъ одного объекта къ другому, причемъ при помощи этихъ переходовъ будемъ стараться уловить различіе въ тѣхъ случаяхъ, когда она такъ мала, что уловить ее трудно. Но, независимо отъ ощущенія различія въ короткий моментъ перехода, различіе ощущается нами такъ же замѣчательно и какъ-бы воплощенной во второмъ элементѣ сравненія, который сознается нами, какъ нечто отличающееся отъ перваго элемента. Очевидно, что въ этомъ случаѣ «второй элементъ» сравненія не простое *n*, а нѣкоторый очень сложный объектъ, и смѣла впечатлѣній выражается не просто рядомъ: «*m*», «*различіе*», «*n*», а: «*m*», «*различіе*», «*n*, отличающееся отъ *m*». Первое и третье состоянія сознания въ данномъ случаѣ устойчивы; второе измѣнчиво. При нашей настоящей физико-психической организаціи мы лишены возможности воспринять непосредственно одинъ за другимъ элементы *m* и *n* и сохранить ихъ въ сознаніи въ чистомъ видѣ. Это значило бы, что нами вовсе не было сдѣлано между ними сравненія. Въ смыл механизма, который намъ еще совершенно непонятенъ, мы ощущаемъ рѣзкость различія между сравниваемыми элементами, причемъ второй элементъ не есть чистое «*n*», но «*n*, отличающееся отъ *m*». Чистая идея «*n*» никогда не бываетъ въ сознаніи, послѣ того какъ «*m*» исчезло.

Различия, от которых мы заключаем. Не должно сбивать с себя непосредственными восприятиями различия случаи различения совершенно иного характера, именно те случаи, в которых мы заключаем о существовании различия между двумя объектами, зная что-нибудь о каждом из них самих по себе и в силу этого отягощая нас двумя различными группами явлений. Когда промолотая мука между двумя опятами продолжительна, то часто случается, что мы в нашем суждении о них руководствуемся не столько непосредственным воспринятием в памяти более раннего опыта, сколько припоминанием некоторых фактов по поводу этого опыта. Там, например, я знаю, что сегодня солнце светит не так ярко, как в известный день на прошлой неделе, потому что я свазал тогда, что светъ его ослабительно ярче, а сегодня я бы не свазал такого замечанія. Или, например, я чувствую себя теперь жидче, чѣмъ прошлое дѣто, потому что теперь могу заниматься некомплекснымъ анализомъ, а тогда не могу. Мы постоянно сравниваемъ ощущения, со свойствами дѣйствій: наше воображеніе не имѣетъ никакого непосредственнаго знакомства, например, страданія и наслажденія. Замечательно труднее всего воспроизводить въ воображеніи любое изъ чувствованій этого порядка. Ассоціационисты могутъ разглагольствовать объ идеѣ наслажденія, какъ пріятной идеѣ, и объ идеѣ страданія, какъ непріятной идеѣ, но здравый человѣческій смыслъ, не увлеченный софистическими хитросплетеніями, противъ нихъ, за одно съ Гомеромъ, говорящимъ, что воспоминаніе о минувшихъ страданіяхъ можетъ быть радостнымъ, и съ Данте, по мнѣнію котораго, нѣтъ болѣе мучи, какъ вспоминать въ горѣ минувшее счастье.

«Видѣнныя элементы изъ сложныхъ комплексовъ. Можно съ увѣренностью высказать въ видѣ общаго положенія слѣдующую мысль: *еслие маленькое означеніе, воспринимаемое нашимъ сознаниемъ, остается въ немъ непроанализированнымъ, пока составляющіе его элементы не будутъ восприняты нами въ отдаленности или въ новыя комбинаціи, въ иной обстановкѣ.* Мы бы никогда не были въ состояніи различить составные элементы абсолютно неизмѣняющейся группы, состоящей изъ свойствъ, нигдѣ болѣе порознь не встрѣчающихся. Если бы все холодное было мокро, а мокрое холодно, если-бы только твердые вещи были колючи, а остальные нѣтъ, то вѣроятно-я, чтобы мы различали холодное и влажное, твердое и колючее? Если бы всѣ жидкости были прозрачны, а не-жидкости непрозрачны, то мы не скоро выработали бы въ явнѣ особобы названія для жидкости и прозрачности. Если бы теплота прямо зависѣла отъ высоты предмета надъ земною поверхностью, такъ что, чѣмъ выше былъ-бы предметъ, тѣмъ выше была бы его температура, то для жонглій «степлоты» и «высоты» у насъ имѣлось бы

одно слово. Мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ группу ощущеній, которыя неизмѣнно связаны съ тѣми же явлениями, и потому намъ не представляется никакой возможности выдѣлить ихъ изъ окружающей обстановки. Группы ощущеній связанныя съ сокращеніями диафрагмы и расширеніемъ легкихъ, съ сокращеніями и вращеніемъ нѣкоторыхъ мускуловъ и вращеніемъ нѣкоторыхъ связокъ могутъ служить тому примѣрами. Мы научаемся опредѣлять многочисленныя *причины* такихъ группъ ощущеній, и, такимъ образомъ, мы строимъ теоріи о сложеніи самыхъ ощущеній путемъ «слиянія» «интеграціи», «синтеза» и т. п. Но путемъ непосредственнаго самонаблюденія никогда не было проведено анализъ ощущеній. Всего очевиднѣе въ этомъ можно убѣдиться при разсмотрѣннн эмоцій. Каждоймъ оціи соотвѣтствуютъ извѣстное внѣшнее проявленіе, въ видѣ учащенія дыханія и біенія сердца, возбужденнаго выраженія лица и т. п. Эти проявленія сопровождаются физическими ощущеніями, и, такимъ образомъ, эмоціи являются неизбежно, по необходимости связанными съ тѣлесными ощущеніями. Благодаря этому обстоятельству, невозможно уловить эмоцію, какъ чисто духовное состояніе сознанія, или обособить ее отъ внѣшнихъ ощущеній. Такимъ образомъ, нельзя доказать существованіе эмоцій, какъ психическаго факта, обособленнаго отъ внѣшнихъ душевныхъ явленій, по крайней мѣрѣ, авторъ настоящей книги сильно сомнѣвается въ возможности подобнаго доказательства.

Итакъ, вообще говоря, если въ данномъ объектѣ мы одновременно воспринимаемъ группу впечатлѣній *abcd*, то отъ нихъ получается цѣльное своеобразное ощущеніе, которое характеризуетъ для нашего сознанія индивидуальность даннаго объекта и становится показателемъ его присутствія въ опытѣ; только путемъ дальнѣйшихъ опытовъ мы научаемся различать въ немъ *a*, *b*, *c* и *d*. Посмотримъ теперь, въ чемъ же заключаются эти послѣдніе опыты.

Если какое-нибудь свойство или какой-нибудь составной элементъ даннаго объекта «a» былъ предварительно познанъ нами отдѣльно или какимъ-нибудь путемъ сталъ для насъ самостоятельнымъ объектомъ опыта, такъ что мы имѣемъ о немъ (отчетливое или смутное—все равно) представленіе, не связанное съ «bcd», то этотъ составной элементъ «a» можетъ подлежать психологическому анализу независимо отъ общаго впечатлѣнія «abcd».—Анализомъ объекта я называю поочередное направленіе вниманія, на различныя его стороны. Въ XIII-й главѣ мы видѣли, что однимъ изъ условій для направленія вниманія на данный объектъ является образованіе особаго представленія этого объекта, которое какъ-бы идетъ изнутри навстрѣчу воспринимаемому извнѣ впечатлѣнію. Изъ того, что вниманіе служитъ условіемъ для анализа, а особый актъ представиванія—условіемъ для вниманія, слѣдуетъ, что послѣдній актъ обуславливаетъ и самый психическій анализъ. *Только такіе психическіе элементы, съ которыми мы уже знакомы, и которые можемъ*

воспроизводить раздельно, могут быть различены от общего чувственного впечатлѣнія. Образование отдѣльнаго образа составнаго элемента какъ-бы благоприятствуетъ выдѣленію послѣдняго изъ группы и обособленію отъ остальныхъ ея элементовъ, и, такимъ образомъ, сложное психическое явленіе распадается передъ нашимъ сознаниемъ на составныя части.

Всѣ факты, приведенные въ главѣ XIII-й въ доказательство того, что вниманіе обусловлено внутреннимъ воспроизведеніемъ, показываютъ, что это внутреннее воспроизведеніе необходимо и для различенія; ища какой-нибудь предметъ въ комнатѣ, напримѣръ, книгу въ библиотекѣ, мы скорѣе находимъ его, если, кромѣ его названія, мы отчетливо представляемъ себѣ его внѣшность. Присутствіе ассафетиды въ Устерширскомъ соусѣ (Worcestershire sauce — родъ сен), незамѣтно для того, кому не случилось пробовать ассафетиду въ отдѣльности. Въ «холодномъ» цвѣтѣ художникъ никогда не будетъ въ состояніи вскрыть значительное преобладаніе голубого цвѣта, если не ознакомится со свойствами послѣдняго отдѣльно. Всѣ цвѣта, наблюдаемые нами въ опытѣ, суть смѣси. Даже чистѣйшіе цвѣта спектра воспринимаются нами съ примѣсью бѣлаго. Абсолютно-чистый зеленый, красный или фіолетовый цвѣта никогда не встрѣчаются и никогда не могутъ быть различены въ такъ называемыхъ основныхъ цвѣтахъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ опытѣ; поэтому послѣдніе считаются нами чистыми. Пусть читатель припомнить, что обертоны могутъ быть выдѣлены нами изъ созвучныхъ съ нимъ нотъ въ звукѣ даннаго музыкальнаго инструмента только въ томъ слушаніи, если ухо наше передъ этимъ слышало его звучащимъ отдѣльно. Когда мы стараемся вообразить тотъ звукъ, который желаемъ услышать, онъ, дѣйствительно, выдѣляется для нашего уха изъ сложнаго тона.

Элементы, которыхъ нельзя изолировать другъ отъ друга, могутъ различаться нами, если при этомъ измѣняется окружающая обстановка. Весьма немногіе элементы опыта могутъ быть совершенно изолированы другъ отъ друга. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что элементъ *a*, входящій въ сложное явленіе *abcd*, обладаетъ различною степенью связности съ *bed* отъ извѣстнаго минимума до нѣкотораго максимума, или такъ, что онъ является въ соединеніи съ другими качествами *aefg* или *ahik*. При благоприятныхъ условіяхъ намъ удается, оперируя надъ элементомъ *a*, выдѣлить его, подмѣтивъ разницу между нимъ и другими окружающими его элементами, хотя бы это выдѣленіе было лишь приблизительнымъ. Такимъ путемъ, представляется возможность проанализировать данное сложное явленіе. Актъ выдѣленія элемента изъ группы другихъ въ такомъ случаѣ называется абстракціей, а отвлеченный отъ другихъ элементъ — абстрактномъ.

Колебаніе въ качественной интензивности менѣе содѣйствуетъ

процессу абстракции, чѣмъ разнообразіе комбинацій, въ которомъ онъ можетъ входить. То, что бываетъ ассимирировано, по-отдельности объекта, то съ другимъ, стремится къ диссоциации съ тѣмъ и другимъ и мало по малу становится для нашего сознания самостоятельнымъ представленіемъ — абстрактнымъ. Это положеніе можно назвать закономъ диссоциации при измѣненіи сопрягающихся элементовъ.

Практическимъ результатомъ этого закона является тотъ фактъ, что умъ, разъ диссоціированный и отвлеченный известное свойство отъ другихъ, можетъ всегда подвергнуть это свойство анализу при каждой новой встрѣчѣ съ нимъ въ опытѣ.

Д-ръ Мартинио (Martineau) даетъ хорошее помененіе къ этому закону: «Если мы увидѣли въ первый разъ красный шаръ изъ слоновой кости, который тотчасъ же былъ унесенъ, то въ насъ остается представленіе этого шара, въ которомъ всѣ его свойства сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое. Пусть взглядъ заглянетъ передъ нашими глазами предстанетъ бѣлый шаръ, и тогда—и только тогда, а не раньше—въ силу контраста на первомъ планѣ въ нашемъ сознаниіи выступитъ одинъ изъ атрибутовъ шара—цвѣтъ. Если бѣлый шаръ будетъ замѣненъ яйцомъ, во наше вниманіе будетъ направлено на форму шара, которая раньше не бросилась рѣзко въ глаза, и, такимъ образомъ, то, что раньше было просто объектомъ сознания, обособленнымъ отъ окружающей обстановки, теперь становится для насъ сначала краснымъ, затѣмъ краснымъ и круглымъ предметомъ и т. д.»

Почему повтореніе того же элемента въ различныхъ трудныхъ содѣйствуетъ его разрыву съ любой изъ нихъ и полностью обособленію въ сферѣ нашего сознания, это составляетъ загадку, отгадывать которую здѣсь нѣтъ надобности.

Способность различенія развивается при упражненіи. Въ чѣмъ случается, когда личный или нравственный интересъ дѣйствуетъ для насъ результаты различенія притягательными, самая способность наша къ различенію удивительно изощряется. Продолжительное упражненіе въ различеніи выѣсть на нашу различительную способность такое же благотворное вліяніе, какъ и личный интересъ. Оба эти фактора даютъ возможность незначительнымъ степенямъ объективнаго различія вліять на сознание такъ же, какъ при другихъ условіяхъ на него могло бы вліять только значительное объективное различіе.

Положеніе: «Практика ведетъ къ совершенствованію» въ сферѣ двигательныхъ упражненій бесспорно. Но двигательные акты зависятъ отчасти отъ чувственнаго различенія. Игра на бильярдѣ, стрѣльба въ цѣль, пляска на канатѣ требуютъ способности весьма тонко различать малѣйшія измѣненія въ ощущеніяхъ, и отвѣчать на нихъ соответствующими мускульными сокращеніями. Всѣмъ

известна артистическая способность различения въ ядре трагической сферы у эмбриона-почувствателя, любителей гастрономических тонкостей. Есть люди, способные различить вкус старой мадеры из верхней и из нижней части бутылки; иной, подупавъ муву въ бочкѣ, скажетъ, изъ какой ишеницы она смолота. Известная слѣпая и глухо-нѣмая Лаура Бриджманъ до такой степени олицетворяла чувство осязания, что могла угадать на ощупь руку той особы, которая пожала ей руку за годъ до этого; а ее сестра по несчастію Юлія Брестъ, какъ рассказываютъ, сортировала въ Гардфордскомъ пріютѣ бѣлье своихъ многочисленныхъ товарищъ, когда его возвращали изъ стирки, при помощи необыкновенно развитого чувства осязанія.

Фактъ зависимости способности различенія отъ упражненія такъ хорошо всѣмъ извѣстенъ, что почти никто изъ психологовъ не считалъ нужнымъ искать для него объясненія. Но ихъ дѣйствію, повидимому, въ природѣ вещей дѣло обстоитъ такъ, что практика должна уточнять способность различенія—дальше же этого они не идутъ. По большей части ими говорится слѣдующее: «Въ данномъ случаѣ вниманіе направлено на объектъ различенія; вниманіе же мы направляемъ на болѣе привычныя вещи, а объектъ вниманія всегда сознается отчетливѣе». Этого отвѣтъ, хотя и справедливъ, слишкомъ общъ, болѣе же подробныхъ соображеній по этому вопросу мы съ своею стороны дать здѣсь не можемъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ассоціація.

Порядокъ нашихъ идей. Послѣ различенія слѣдуетъ ассоціація. Очевидно, что весь прогрессъ познанія долженъ заключаться въ соединеніи обоихъ процессовъ, ибо при нашемъ развитіи объекты, являясь первоначально въ цѣльномъ видѣ, анализируются нами, разлагаются на части, объекты раздѣленные объединяются и образуютъ для нашего сознанія сложныя группы. Такимъ образомъ, анализъ и синтезъ суть два непрерывно идущихъ рука объ руку психическихъ процесса: одинъ процессъ съ каждымъ новымъ шагомъ подготавливаетъ путь другому, совершенно такъ же, какъ для нормальнаго движенія впередъ при ходьбѣ человѣкъ пользуется поочередно то одной, то другой ногой, причемъ движеніе одной ноги обуславливаетъ движеніе и другой.

Смѣна образовъ и мыслей, изъ которыхъ складываются наши умственные процессы, быстрое мельканіе одной идеи за другой, переходы отъ одного предмета въ прямо противоположному, переходы,

наумляющие при первом взгляде своею рѣзкостью, но при болѣе внимательномъ анализѣ обнаруживающіе дѣль промежуточныхъ звеньевъ, которыя связуютъ совершенно естественнымъ и осмысленнымъ образомъ рѣзко различные объекты мысли—весь этотъ загадочный негѣсомый потокъ мыслей съ незапамятныхъ временъ вызывалъ изумленіе во всѣхъ тѣхъ, кто обращалъ свое вниманіе на эту вѣчно предстоящую предъ нашимъ сознаніемъ тайну. Въ особенности философы употребляли усилія, чтобы разсвѣять хоть до нѣкоторой степени таинственный мракъ, покрывающій эти явленія, пытались дать имъ простое объясненіе. Они поставили себѣ задачей найти принципы связи между мыслями, въ силу которыхъ онѣ какъ-бы выростають одна изъ другой, и, такимъ образомъ, выяснить особенности въ послѣдовательности и сосуществованіи нашихъ идей.

Но, приступая къ анализу этого явленія, мы сразу наталкиваемся на неясность: какого рода связь хотимъ мы опредѣлить: мыслимую связь или связь между мыслями? Это — двѣ совершенно различныхъ вещи, и только для одной изъ нихъ есть надежда найти объясняющіе принципы. Безконечно-сложная путаница всѣхъ возможныхъ видовъ мыслимой связи не можетъ быть формулирована просто. Любая представимая связь объектовъ можетъ быть мыслима: связь сосуществованія, послѣдовательности, сходства, контраста, противорѣчія, причины и дѣйствія, средствъ и цѣли, рода и вида, части и цѣлаго, субстанціи и акциденціи, ранняго и поздняго, большаго и малаго, ланлорда и арендатора, хозяина и слуги и т. д.; видовъ такой связи безконечно много. Единственное упрощеніе, къ которому можно было бы прибѣгнуть при анализѣ различныхъ видовъ связи, заключается въ сведеніи всѣхъ возможныхъ видовъ отношеній къ немногимъ типамъ, аналогичнымъ съ тѣми, которые нѣкоторые писатели называютъ «категоріями разсудка». Слѣдуя той или другой категоріи, мы могли бы переходить отъ какаго-угодно объекта мысли къ другимъ. Если бы мы въ данную минуту пытались опредѣлить *этотъ* родъ связи между отдѣльными моментами нашего мышленія, то настоящая глава могла бы быть теперь же закончена, ибо краткою характеристикой категорій можетъ служить указаніе на то, что всѣ онѣ суть мыслимыя отношенія, и что умъ переходитъ отъ одного мыслимаго объекта къ другому тѣмъ или другимъ рациональнымъ путемъ.

Опредѣляется ли чередованіе нашихъ идей какими-нибудь законами? Но что же *de facto* опредѣляетъ путь, который принимаютъ въ своемъ теченіи наши мысли? Почему въ данное время въ данномъ мѣстѣ мы начинаемъ думать о *b*, если только-что передъ этимъ подумали объ *a*, а въ другое время и въ другомъ мѣстѣ о *c*, а не о *b*? Почему мы иногда цѣлые годы тщетно бьемся надъ разрѣшеніемъ

какой-нибудь практической или научной проблемы, при чемъ наша мысль отказывается найти желанное рѣшеніе; и почему въ одинъ прекрасный день, гуляя по улицѣ и нисколько не помышляя о рѣшеніи проблемы, мы вдругъ находимъ въ своемъ сознаніи желанный отвѣтъ, который возникаетъ въ насъ съ такою легкостью, какъ будто мы никогда и не думали его искать, и для котораго было поводомъ, быть можетъ, впечатлѣніе, полученное нами отъ цвѣтоты на млянѣхъ шедшей впереди насъ по улицѣ дамы или нѣчто совершенно неуловимое?

Нужно сознаться, что процессы мысли обусловлены весьма странными явленіями. «Чистый разумъ» является только однимъ изъ тысячи возможныхъ факторовъ въ нашихъ процессахъ мысли. Кто изъ насъ въ состояніи сосчитать всѣ нелѣпныя идеи, предположенія, крайне неосуществимыя замыслы, которые могутъ прийти въ голову въ теченіе одного дня? Кто поклянется, что предрасудки и неосновательныя мнѣнія играютъ въ его психической жизни меньшую роль, чѣмъ просвѣщенные взгляды? И все-таки, повидимому, и для цѣнныхъ, и для ничтожныхъ элементовъ нашего мышленія существуетъ одинъ и тотъ же способъ *рожденія*.

Эти законы суть законы мозговыхъ процессовъ. *Повидимому, мысль зависитъ отъ механическихъ условий, но меньшей мѣрѣ опредѣляющихъ порядокъ, въ которомъ объекты предстаютъ передъ сравнивающей и выбирающей мыслью.* Не лишенъ интереса тотъ фактъ, что Локкъ и многіе позднѣйшіе французскіе и нѣмецкіе психологи признали необходимымъ допустить существованіе особаго механическаго процесса, съ помощью котораго можно было бы объяснить *зablужденія* мысли, предубѣжденія, нарушающія правильность умственныхъ процессовъ и дѣлающія ихъ безплодными. Они усмотрѣли этотъ механическій процессъ въ законѣ привычки или въ томъ, что мы называемъ теперь ассоціаціей по смежности. Но этимъ писателямъ никогда не приходило въ голову, что тотъ же процессъ, который идетъ рука объ руку съ дѣйствительнымъ образованіемъ однихъ идей и ихъ распределеніемъ въ сознаніи, быть можетъ, въ состояніи производить также и другія идеи, и что привычныя ассоціаціи, какъ ускоряющія ходъ мысли, такъ и задерживающія его, могутъ имѣть общій механическій источникъ. Согласно этой послѣдней точкѣ зрѣнія, Гертли усматривалъ въ привычкѣ вполне удовлетворительный принципъ объясненія для чередованія нашихъ идей, и, такимъ образомъ, становился открыто на детерминистическую точку зрѣнія, пытаясь распространить и на раціональные, и на ирраціональные элементы мысли одинъ общій принципъ объясненія. Какимъ путемъ въ головѣ человѣка мысль *A* сдѣлается въ слѣдующій моментъ мыслью *B*? или почему обмененно въ немъ мысль *A* вызываетъ за собою мысль *B*?

Гертля сдѣлала попытку объяснить эти явления въ данныхъ физиологии мозга. Я полагаю, что въ основннхъ пунктахъ своей теоріи онъ былъ правъ, и ограничусь здѣсь простымъ пересмотромъ его выводовъ, которыя, съ своей стороны, дополню нѣкоторыми детальными соображеніями.

Не идеи ассоціируются между собою, а объекты. Во избѣжаніе нѣкоторыхъ неясностей мы будемъ нарочно выражаться такъ, какъ будто *ассоціація* (поскольку это выраженіе касается причины психическаго процесса) *происходитъ между мыслимыми объектами, а не идеями*: мы будемъ говорить объ ассоціаціи объектовъ, а не идей. И, поскольку слово «ассоціація» опредѣляетъ собою причину психическаго процесса, рѣчь будетъ идти объ ассоціаціи между собою мозговыхъ процессовъ, которые, группируясь нѣвѣстнымъ образомъ, опредѣляютъ своими сочетаніями порядковъ психическихъ процессовъ.

Основной принципъ. Я теперь постараюсь показать, что явленіями ассоціаціи законъ причинности выражается въ формѣ закона приученія нервныхъ тканей къ воспріятію впечатлѣній. Наличие известныхъ *материаловъ* для нашей мысли зависитъ отъ того, какимъ путемъ одинъ элементарный нервный процессъ стремится вызвать за собою другой, который уже вызывался имъ когда-нибудь прежде. Число элементарныхъ нервныхъ процессовъ, дѣйствующихъ въ данную минуту въ мозгу, и природа тѣхъ изъ нихъ, которые вызываютъ въ дѣятельности другіе процессы, опредѣляютъ общій характеръ мозговой дѣятельности, которая въ свою очередь опредѣляетъ содержаніе мысли въ данную минуту. Въ зависимости отъ того, каково является для насъ этотъ сложный результатъ элементарныхъ процессовъ, мы называемъ его продуктомъ ассоціаціи по сходству или по контрасту, или еще по какому-нибудь свойству, смотря по тому, сколько основныхъ родовъ ассоціаціи мы насчитываемъ. Впрочемъ, самое *образованіе* какой-бы то ни было ассоціаціи должно объясняться чисто количественными различіями въ дѣятельности элементарныхъ нервныхъ процессовъ, совершающихся въ насъ въ данный моментъ по закону приученія нервной ткани.

Я нахѣренъ теперь высказать положеніе, которое сейчасъ же станетъ вполне понятнымъ и въ то-же время передъ нами выступитъ на видъ значеніе факторовъ, которые, взаимодействуя съ закономъ приученія нервной ткани, нарушаютъ правильное теченіе процессовъ мысли.

Положимъ въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій слѣдующій законъ:

Если два элементарныхъ нервныхъ процесса дѣйствовали одновременно или непосредственно одинъ за другимъ, то одинъ изъ нихъ по-отворяясь стремится распространить свое возбужденіе и на другой.

Но *de facto* каждый элементарный нервный процесс неизбежно в различные времена вступает в соединении со многими другими процессами. Отсюда возникает необходимая решить вопрос, который из них будет вызван данными нервным процессом. Какой процесс повлечет за собою появление *a—b* или *c*? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны установить второй постулат, опирающийся на факт раздражения нервных тканей и на факт суммирования возбуждений, из которых каждое в отдельности находится в скрытом состоянии, а общий их результат проявляется открыто. За *a* последует скорость *b*, чья *c*, если в возбужденном нервном пути *a* присоединится действие наголовину возбужденного нервного пути *d*, который ранее возбуждался вместе с путем *b* только, а не с путем *a*. Коротче: *Степень активности в любой данной точке мозговой коры представляется собою совокупность стремлений остальных точек из разряда в данной точке, причем стремления эти пропорциональны: 1) числу повторений в других точках возбуждения, обусловленного возбуждением в данной точке, 2) интенсивности этих возбуждений и 3) отсутствию активности в пункте, противоположащем длительности данного пункта и функционально с ним не связанном, активности, которая могла бы аннулировать потенциальный результат нервных раздража.*

Формулируя основной закон в такой крайне-сложной форме, мы получим в результате нашего анализа чрезвычайно упрощения. Пока разсмотрим явления ассоциации при произвольном течении мыслей, наблюдаемом при грёзах и безцельной задумчивости.

Процессы мышления, направленные сознательными усилиями воли к определенной цели, мы разберем впоследствии.

Произвольное течение мыслей. Сосредоточим наше внимание на двух стихах из «Lockley Hall» Теннисона:

I, the heir of all the ages in the foremost files of time

For I doubt not through the ages one increasing purpose runs.

Почему, когда мы читаем на память одну из этих строчек и дошли до слов *the ages*, та часть второй строчки, которая слѣдует за словами *the ages* и какъ-бы вырастает из них, не возникает внезапно в нашей памяти вместо второй половины первого стиха и не искажает смысла фразы? Просто потому, что мозговые процессы, связанные со словом, которое непосредственно слѣдует за *the ages*, обусловлены не только мозговым процессом, связаннымъ со словом *the ages*, но этимъ процессомъ *иногда* всѣ процессы, связанные съ предшествующими словами фразы. Слово *ages* само по себѣ в моментъ наибольшей активности связанныхъ съ нимъ нервныхъ процессовъ могло бы безразлично по-

влечь за собою и «in», и «one». Такимъ же образомъ любое изъ словъ, предшествующихъ *ages* (напряжение нервнаго процесса, соответствующаго каждому изъ нихъ въ данный моментъ, слабѣе нервнаго процесса, соответствующаго припоминанію слова «ages»), могло бы повлечь за собою безразлично одно изъ множества словъ, передъ которыми ему случалось находиться. Но, когда процессы, соответствующіе фразѣ: «I, the heir of all the ages», одновременно возникаютъ въ мозгу, послѣдній (*ages*) въ максимальной, другіе въ болѣе слабыхъ степеняхъ возбужденія, тогда разрядъ приметъ то направленіе, которое они стремятся вызвать всѣ одинаково. За ними послѣдуетъ «in», а не «one» или какое-нибудь другое слово, ибо его нервный процессъ избировавъ въ унисонъ не только съ нервнымъ процессомъ слова «ages», но и съ нервными процессами болѣе слабой активности, соответствующими остальнымъ предшествующимъ словамъ. Это явленіе представляетъ хорошій примѣръ вліянія на мысль психическихъ обертоновъ, о которыхъ мы говорили на стр. 122-й.

Но, если бы какое-нибудь изъ этихъ предшествующихъ словъ, напримеръ, «heir» — (наслѣдникъ), находилось въ чрезвычайно прочной ассоціаціи съ какимъ-нибудь изъ нервныхъ путей, которые вовсе не связаны въ опытѣ съ поэмой «Locksley Hall», еслибы, напримеръ, декламирующій стихи, съ нетерпѣніемъ ожидалъ вскрытія завѣщанія (которое могло бы сдѣлать его наслѣдникомъ милліоннаго состоянія), то весьма возможно, что путь разряда нервныхъ процессовъ, соответствующихъ словамъ поэмы, внезапно прервался бы на словѣ «heir». *Эмоциональный интересъ, связанный для даннаго лица съ этимъ словомъ*, былъ бы такъ великъ, что ассоціаціи, связанныя только съ этимъ словомъ, возобладали бы надъ ассоціаціей этого слова съ другими словами стиха. Иначе говоря, данное лицо внезапно вспомнило бы о своемъ личномъ положеніи, и стихи поэмы улетучились бы изъ его памяти.

Пишущій эти строки долженъ былъ ежегодно запоминать фамиліи большого числа студентовъ, сидящихъ въ аудиторіи въ алфавитномъ порядкѣ. Въ концѣ-концовъ онъ научился вызывать ихъ по фамиліи, когда они сидѣли, расположившись на указанныхъ мѣстахъ. Встрѣчаясь на улицѣ со студентомъ, онъ по лицу (впрочемъ, только въ началѣ года) никогда не могъ вспомнить фамиліи, но случалось, что она напоминала мѣсто студента въ аудиторіи, лицо его сосѣда, затѣмъ мѣсто встрѣченнаго студента въ алфавитомъ спискѣ и, наконецъ, обыкновенно, какъ результатъ сложнаго ряда ассоціацій, фамилію студента.

Отецъ желаетъ показать гостямъ, какой прогрессъ въ умственномъ развитіи сдѣлало его довольно тупое дѣтище, обучаясь въ дѣтскомъ садѣ. Держа ножъ перпендикулярно надъ столомъ, онъ спрашиваетъ сына: — «Ну, мой мальчикъ, какъ ты назовешь это?»

на что слѣдуетъ увѣренный отвѣтъ: «Это—ножикъ!»—отвѣтъ, который упорно повторяется ребенкомъ, не смотря на видоизмѣненія внѣшней формы вопроса, пона, наконецъ, отецъ, не вспоминаетъ, что въ дѣтскомъ саду при этомъ вопросѣ показывали не ножикъ, а карандашъ; тогда онъ вынимаетъ изъ кармана длинный карандашъ, держитъ его, какъ и ножикъ, перпендикулярно надъ столомъ, и получаетъ желанный отвѣтъ: «Это—вертикальное положеніе». Чтобы вызвать въ памяти ребенка слова «вертикальное положеніе», нужно было, чтобы были воспроизведены всѣ детали обученія въ дѣтскомъ саду.

Полное воспроизведеніе. Если бы законъ «сложной ассоціаціи», какъ называетъ его проф. Бэнъ, не видоизмѣнялся внѣшними влияніями, то дѣятельность его идеально выражалась бы въ томъ, что умъ нашъ былъ бы поглощенъ непрерывнымъ соизвѣщеніемъ, хаотической смѣси конкретнымъ воспоминаній, въ которыхъ не была бы упущена ни одна подробность. Для примѣра предположимъ, что мы вспоминаемъ званый обѣдъ, на которомъ намъ когда-то случилось присутствовать. Единственною вещью, которую могли бы намъ напомнить всѣ подробности обѣда, былъ бы первый конкретный фактъ, который слѣдовалъ бы за нимъ. Всѣ детали этого факта могли бы въ свою очередь вызвать въ памяти, слѣдующій фактъ и т. д. Если, напримѣръ, a, b, c, d, e суть элементарные нервные пути, возбужденные воспоминаніемъ о послѣднемъ фактѣ обѣда, который мы назовемъ A , а l, m, n, o, p суть пути, возбужденные воспоминаніемъ о возвращеніи домой съ обѣда морозной ночью, которое мы обозначимъ черезъ B , то мысль объ A вызоветъ мысль о B , ибо a, b, c, d, e всѣ разрядятся въ l по тѣмъ путямъ, по которымъ совершился ихъ первоначальный разрядъ. Подобнымъ же образомъ они разрядятся въ m, n, o и p , а эти послѣдніе нервные пути въ свою очередь своимъ возбужденіемъ усилятъ дѣйствіе другихъ, ибо въ опытѣ B они обыкновенно избировавали въ унисонъ. Линіи на рис. 57-мъ символически изображаютъ суммированіе разрядовъ въ каждомъ элементарномъ нервномъ процессѣ, входящемъ въ составъ B , и обусловленную этимъ суммированіемъ внѣшнихъ влияній силу, съ какою B дѣйствіемъ возникаетъ въ сознаніи.

Гамильтонъ первый употребилъ слово «рединтеграція» для обозначенія всякой ассоціаціи вообще. Только-что описанные нами процессы могутъ по преимуществу быть названы «рединтеграціями», ибо они неизбежно вели бы къ полному восстановленію въ памяти содержанія большихъ промежутковъ минувшаго опыта, если бы постороннія влиянія не искажали ихъ. Избѣгнуть этой полной рединтеграціи можно было бы только при помощи вторженія въ сознаніе новаго и сильнаго чувственнаго воспріятія или при помощи крайняго стремленія какого-нибудь изъ элементар-

ных нервных путей въ независимому отъ другихъ раздраженію въ другой части мозга. Такое стремленіе было въ мозгу того лица, которое, согласно нашему примѣру, забыло свѣтъ изъ «Locksley Hall», замкнувшись на словѣ «light». Намного ниже мы постараемся выяснитъ образованіе въ мозгу такихъ стремленій. Если бы они не существовали, то при каждомъ воспоминаніи панорама минувшаго, развертываясь передъ нами, ровнымъ образомъ повторилась бы буквально до слова, подя какой-нибудь внѣшней звуку, свѣту или прикосновенію не нарушила бы потока воспоминаній.

Назовемъ этотъ процессъ *полною рединтеграціей*, или еще лучше, полнымъ возстановленіемъ прошлаго въ памяти. Сомнительно, чтобы существовала абсолютно - полная рединтеграція. Тѣмъ не менѣе, при наблюденіи различныхъ лицъ, намъ весьма быстро бросается въ глаза большая или меньшая склонность припоминать явленія въ формѣ, близкой къ полной рединтеграціи. Каждому изъ насъ очень хорошо знакомы типы нестерпимо болтливыхъ старухъ, сухихъ существъ, лишенныхъ всякаго воображенія, которыя, рассказывая о какомъ-нибудь событіи, не опускаютъ ни малѣйшей детали и уснащаютъ свой рассказъ множествомъ и существенныхъ, и совершенно ничтожныхъ подробностей; эти типы—рабы буквального воспроизведенія минувшихъ явленій, совершенно неспособные охарактеризовать прошлое въ общихъ чертахъ. Для комедій эти типы представляли всегда весьма благодарную тему. Классическимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить нянька Джуліетты. Прекрасные образчики подобныхъ типовъ представляютъ нѣкоторые деревенскіе характеры у Джорджа Эліотъ и нѣкоторыя мелкія фигуры у Дикенса. Самымъ удачнымъ примѣромъ подобнаго типа, пожалуй, служить миссъ Бэтсъ въ романѣ миссъ Остенъ (Austen): «Эмма». Вотъ какъ она «рединтегрируетъ».

«Но откуда вы-то могли это слышать?»—воскликнула миссъ Бэтсъ. «Откуда вы могли это слышать, м-ръ Найтли? Вѣдь еще нѣтъ пяти минутъ, какъ я получила записку отъ м-ра Коля, да нѣтъ, не могло пройти и пяти, ну, самое большое десяти минутъ—я только-что надѣла шляпку и спенсеръ и ужъ собралась выходить, пошла внизъ еще разъ напомнить Патти объ окорокѣ—Жанъ стоялъ въ проходѣ—вѣдь ты стоялъ Жанъ?—потому что мама боялась, что окорокъ будетъ недостаточно великъ. Я сказала, что пойду внизъ и посмотрю, а Жанъ и говорить: «Не сходишь-ли мнѣ за тебя, вѣдь у тебя, кажется, легкій насморкъ, а Патти мыла кухню сегодня—тамъ сыро». А я говорю ему: «Хорошо, милый мой»,—тутъ-то и явилась записка: «Госпожѣ Гокинсъ, въ Батъ»—вотъ все, что я прочла.... Но вы-то какъ могли слышать объ этомъ, м-ръ Найтли? Вѣдь, какъ только м-ръ Коля сказалъ женѣ

о запискѣ, она въ ту-же минуту сѣла и написала мнѣ: «Госпожѣ Говинсъ».

Неполное воспроизведеііе. Анализъ этого явленія покажетъ намъ, почему обычное самопроизвольное теченіе нашихъ мыслей никогда не принимаетъ формы полной рединтеграціи. *При единствѣ въ памяти явленій минуемаго опыта не есть деталямъ одной мысли одинаково опредѣляются собою характеръ послѣдующей мысли. Всегда извѣстный индѣектъ преобладаетъ надъ остальными.* Внушаемыя имъ ассоціаціи часто въ этомъ случаѣ отличаются отъ тѣхъ, при помощи которыхъ онъ связанъ со многими деталями психическаго процесса, и нередко это стремленіе къ образованію ассоціацій, чуждыхъ данному явленію мыслей, совершенно измѣняетъ его характеръ. Какъ въ воспріятіи наше вниманіе сосредоточивается на немногихъ сторонахъ созерцаемаго явленія, такъ точно и здѣсь, при воспроизведеніи минувшихъ впечатлѣній, наблюдается такое же неравномѣрное распредѣленіе вниманія на нѣкоторыхъ подробностяхъ, преобладающихъ надъ остальными содержаніемъ воспоминаній. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ трудно и рѣдкѣ опредѣлить при самопроизвольномъ теченіи мысли, какаго рода должны быть эти детали. Съ психологической точки зрѣнія при нихъ можно связать, что наиболѣе *вліятельнымъ факторомъ при самопроизвольномъ теченіи мыслей служатъ психические элементы, представляющіе для насъ наибольшій интересъ.*

На фізіологическомъ языкѣ законъ интереса долженъ быть сформулированъ слѣдующимъ образомъ: *нѣкоторые фізіологическіе процессы въ мозгу всегда одерживаютъ перевѣсъ надъ другими соотвѣствующими имъ процессами при каждомъ совместномъ возникновеніи.*

«При рединтеграціи, говоритъ г. Годжеонъ (Hodgson), постоянно совершаются два процесса: съ одной стороны—распаденіе, уничтоженіе тѣлѣ, съ другой—обновленіе, созиданіе, возникновеніе... Ни одинъ объектъ представленія не остается долго передъ сознаніемъ неизмѣнно въ томъ же видѣ,—мало-по-малу онъ блѣднѣетъ, распадается и становится тусклымъ. Впрочемъ, тѣ части объекта, которыя представляютъ наибольшій интересъ, при постепенномъ исчезновеніи даннаго объекта всего медленнѣе поддаются разрушенію... Эта неравномѣрность различныхъ частей даннаго воспроизведеннаго представленія, выражающаяся въ относительно-большей устойчивости интереснаго, сравнительно съ неинтереснымъ, продолжается нѣкоторое время, пока данное воспроизведенное представленіе не смѣнится другимъ».

Законъ этотъ примѣнимъ лишь тамъ, гдѣ интересъ равномѣрно распредѣленъ по всѣмъ частямъ воспроизведеннаго представленія. Всего менѣе онъ наблюдается на умахъ съ узкими и мелкими

интересами, на тѣхъ людяхъ, которые; вслѣдствіе бѣдности и пошлости своей эстетической природы, не могутъ возвыситься надъ мелочами личной жизни и окружающей среды.

Впрочемъ, большинство изъ насъ одарено лучшей организаціей; произвольное теченіе мыслей болѣею частью совершается у насъ безпорядочно, постоянно принимая новыя и новыя направленія подъ вліяніемъ измѣнчиваго преобладанія интереса то въ одной, то въ другой части каждаго сложнаго представленія, возникающаго въ нашемъ сознаніи. Такъ, напримѣръ, часто случается, что мы подмѣчаемъ въ себѣ въ два слѣдующіе непосредственно другъ за другомъ момента времени мысли о предметахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга значительнымъ промежуткомъ пространства и времени. Только послѣ внимательнаго наблюденія за ходомъ нашихъ мыслей мы можемъ здѣсь подмѣтить, согласно закону Годжсона, вполне естественный переходъ отъ одного объекта мысли къ другому. Такъ, напримѣръ, теперь (1879), глядя на стѣнные часы, я замѣтилъ, что думаю о недавнемъ сенатскомъ постановленіи о бумажныхъ деньгахъ. Видѣ часовъ напомнилъ мнѣ о часовщикѣ, который недавно исправлялъ въ нихъ бой. Часовщикъ напомнилъ мнѣ о ювелирномъ магазинѣ, гдѣ я его видѣлъ въ послѣдній разъ; магазинъ этотъ—о рубашечныхъ запонкахъ, которыя я покупалъ тамъ; запонки—о стоимости золотой монеты и о ея недавнемъ пониженіи; послѣднее—о стоимости бумагъ, а это, естественно, напомнило о томъ, какъ долго онѣ будутъ находиться въ обращеніи, и о предложеніи В. Байярда по этому вопросу. Каждый изъ этихъ образовъ представлялъ въ извѣстномъ отношеніи интересъ. Нетрудно указать въ данномъ случаѣ тѣ интересы, которые служили поворотными пунктами въ теченіи моей мысли. Въ часахъ на мгновеніе наиболѣе интереснымъ мнѣ показался механизмъ боя, потому что прежде они были очень звучно, а теперь испортились, и слабый звукъ боя вызывалъ во мнѣ разочарованіе. Но при другихъ условіяхъ часы могли бы напомнить о другѣ, который подарилъ ихъ мнѣ, и о тысячѣ другихъ обстоятельствъ, связанныхъ съ часами. Ювелирный магазинъ напомнилъ о запонкахъ, потому что онѣ однѣ изъ всего остального товара въ магазинѣ представляли для меня интересъ собственности. Этотъ интересъ къ запонкамъ, къ ихъ цѣнности, могъ мнѣ напомнить о золотѣ, какъ матеріалѣ, изъ котораго онѣ сдѣланы, и который составляетъ ихъ главную цѣнность и т. д. Если читатель, остановившись на какомъ-нибудь объектѣ своей мысли, задастся вопросомъ: «Какимъ путемъ дошелъ я до этой мысли?» то ему навѣрное удастся всегда возстановить въ памяти рядъ представлений, непрерывно связанныхъ между собою сложною нитью въ пунктахъ интереса. Таковъ процессъ ассоціаціи идей при самопроизвольномъ теченіи мыслей у людей среднихъ способностей.

Мы можем назвать этот процесс *обычной или смешанной ассоциацией* или *неполным воспроизведением* въ памяти минувших явленій.

Какой элементъ ассоціаціи долженъ выступатьъ на первый планъ при неполномъ воспроизведеніи? Когда известная часть въ потокѣ нашей мысли въ силу своего интереса сдѣлалась настолько преобладающей надъ другими, что стала способной образовывать свои собственные ассоціаціи, предопредѣляющія характеръ дальнѣйшаго теченія нашихъ мыслей, то можемъ ли мы опредѣлить, какую именно изъ ассоціаций образуетъ она, ибо такихъ ассоціаций можетъ быть множество? Годжсонъ говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«Интересные элементы въ данномъ тусклѣющемъ представленіи могутъ свободно комбинироваться съ любымъ объектомъ и съ любой частью объекта, съ которыми имъ случалось когда-либо быть въ комбинаціи. Любая изъ этихъ комбинацій можетъ возобновиться въ нашемъ сознаніи; одна—должна непременно, но, спрашивается, какая?»

На это Годжсонъ отвѣчаетъ слѣдующее:

«На подобный вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: та, которая являлась прежде для насъ наиболее *привычною*. Въ нашемъ сознаніи сразу начинается формироваться новый объектъ, части его группируются около остатка прежняго представленія; появляясь одна за другою, онѣ начинаютъ принимать прежнюю группировку, но едва начался этотъ процессъ, какъ законъ интереса вступаетъ въ дѣйствіе и вмѣшиваются въ образованіе новой комбинаціи, направляя вниманіе на интересные элементы новаго объекта въ ущербъ всѣмъ остальнымъ, и тотъ же процессъ повторяется опять съ безконечно-разнообразными вариациями».

Ограничивая течение мысли переходами отъ интереснаго къ наиболее *привычному* въ обыденномъ смыслѣ слова, Годжсонъ слишкомъ суживаетъ характеристику процесса ассоціаціи. Далекое не всегда известный образъ вызываетъ вслѣдъ за собою тотъ, который всего чаще съ нимъ ассоціировался прежде, хотя частое повтореніе ассоціаціи является, конечно, однимъ изъ наиболее сильныхъ стимуловъ къ ея возобновленію. Если я внезапно произнесу слово «ракъ», то читатель всего скорѣе представитъ себѣ известное животное, если онъ зоологъ, или известное патологическое явленіе, если онъ докторъ. Произнося слово «реакція», я заставлю натуралиста думать объ химическомъ обмѣнѣ веществъ, а историка—о социологическомъ явленіи (шелочная реакція, католическая реакція). Произнося слова «постель», «умывальникъ», «утро», я непременно заставлю читателя думать объ его утреннемъ туалетѣ. Но часто повторяющіяся ассоціаціи иногда не оказываютъ никакого вліянія на перемену направленія мысли. Видъ известной книги всего чаще вызывалъ во мнѣ мысль о ея содержаніи. Никогда у меня видъ этой книги

не ассоциировался съ идеей самоубійства. Но вотъ съ минуту тому назадъ я бросилъ на нее взглядъ, и въ головѣ моей мелькнула мысль о самоубійствѣ. Отчего это? Да просто оттого, что я вчера получилъ письмо, въ которомъ сообщалось о покончившемъ недавно съ собою авторѣ этой книги. Итакъ, въ нашей мысли самыя свѣжія и самыя привычныя ассоціаціи возобновляются съ одинаковой легкостью. Этотъ фактъ до очевидности подтверждается опытомъ и потому не нуждается въ иллюстраціяхъ. Если мы видѣли сегодня утромъ нашего знакомаго, то упоминаніе его имени скорѣе вызоветъ въ нашей памяти ту обстановку, въ которой мы съ нимъ сегодня видѣлись, чѣмъ что-нибудь, относящееся къ его болѣе отдаленному прошлому. Если вчера вечеромъ мы читали «Ричарда II», а сегодня кто-нибудь упомянулъ о Шекспирѣ, то вѣроятнѣе, что передъ нами пронесутся воспоминанія именно объ этой трагедіи, а не о «Гамлетѣ» или «Отелло». Возбужденіе опредѣленныхъ путей въ мозгу или опредѣленные виды общаго возбужденія мозга оставляютъ послѣ себя извѣстнаго рода воспримчивость или повышенную чувствительность, которая ослабѣваетъ мало по малу день за днемъ. Пока эта повышенная чувствительность къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ еще не изгладилась въ мозгу, до тѣхъ поръ какъ общая активность мозга, такъ и возбужденіе извѣстныхъ путей въ немъ могутъ быть вызваны такими причинами, которыя въ другое время не произвели бы на нихъ такого впечатлѣнія. Такимъ образомъ, *недавность* опыта составляетъ важнѣйшее условіе для воспроизведенія его впечатлѣній. [Я имѣю здѣсь въ виду промежутки въ нѣсколько часовъ. М-ръ Гальтонъ нашелъ, что въ дѣтствѣ и юности слова играютъ большую роль въ качествѣ фактора, вызывающаго ассоціацію, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости. См. въ высшей степени любопытное описаніе опытовъ по этому вопросу въ его книгѣ: «Inquiries into the Human Faculty» стр. 191—203].

Въ непосредственномъ воспріятіи для вѣроятности воспроизведенія *живость* имѣетъ такое же значеніе, какъ привычка и недавность. Если намъ случилось разъ въ жизни быть свидѣтелями смертной казни, то впослѣдствіи всякій разговоръ или чтеніе о смертной казни почти навѣрняка будетъ вызывать въ нашемъ воображеніи однажды видѣнную картину. Такимъ образомъ, событіе, видѣнное нами всего разъ въ жизни, въ молодости, въ силу потрясающаго дѣйствія, произведеннаго имъ на насъ, или въ силу его эмоциональной интенсивности, можетъ въ позднѣйшіе годы стать типичнымъ примѣромъ, иллюстрирующимъ даже такія явленія, которыя имѣютъ лишь весьма отдаленное отношеніе къ видѣнной когда-то сценѣ. Если человѣку въ дѣтствѣ случилось бесѣдовать съ Наполеономъ, то всякій разъ, какъ при немъ впослѣдствіи будутъ упоминать о великихъ людяхъ, великихъ событіяхъ, сраженіяхъ, царствахъ, о превратностяхъ судьбы, объ островѣ на океанѣ,

съ его губъ будетъ готовъ сорваться разсказъ о памятномъ свиданіи съ императоромъ. Если читатель внезапно увидитъ въ книгѣ слово *зубъ*, есть половина вѣроятности, что, вызвавъ образъ, соответствующій этому слову, онъ представитъ себѣ тотъ случай изъ своей жизни, когда онъ былъ пациентомъ у дантиста. Ежедневно онъ чиститъ свои зубы порошкомъ; это самое утро онъ теръ ихъ щеткой, жеваль ими во время обѣда, и чистилъ ихъ послѣ ѣды, и все-таки слово *зубъ* вызвало въ немъ болѣе рѣдкую и отдаленную по времени ассоціацію, только потому, что эта ассоціація отличалась значительно болѣе интенсивностью.

Четвертымъ факторомъ, опредѣляющимъ характеръ воспроизведения, служатъ *сходство въ эмоціональномъ тонѣ* между нашимъ расположеніемъ духа въ данную минуту и воспроизведенною идеей. Тѣ-же объекты связываются въ ассоціаціи съ различными элементами, когда мы веселы и когда грустны. Наша неспособность вызвать въ себѣ рядъ веселыхъ картинъ, когда мы въ дурномъ настроеніи духа, представляетъ по истинѣ поразительное явленіе. Воображеніе меланхоликовъ вѣчно занято картинами болѣзней, войны, бури, мрака, ужаса и разрушенія. Люди сангвиническаго темперамента, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, чувствуютъ себя совершенно неспособными предаваться мрачнымъ мыслямъ и страху предъ дурными предзнаменованіями. Цвѣты и сіяніе солнца, весеннія грезы и радужныя надежды—вотъ что составляетъ содержаніе быстро смѣняющихся въ ихъ умѣ ассоціацій. Читая въ дурномъ настроеніи духа описанія путешествія въ полярныя страны или въ глубь Африки, мы ужасаемся передъ грозными силами природы; перечитывая то-же описаніе въ хорошемъ расположеніи духа, мы приходимъ въ восторгъ при мысли объ энергіи человѣка, преодолевающей всѣ препятствія, которыя природа ставитъ его стремленіямъ. Немногіе романы читаются съ такимъ веселымъ чувствомъ, какъ «Три Мушкетера» Дюма. А между тѣмъ я могу засвидѣтельствовать, что, читая этотъ романъ во время морской болѣзни, я почерпнулъ изъ него только чувство глубочайшаго отвращенія къ той жестокости и рѣзні, виновниками которой были герои романа—Атосъ, Портосъ и Арамисъ.

Итакъ, причинами, благодаря которымъ интересный элементъ тускнѣющаго представленія вызываетъ за собою то, а не другое новое представленіе, служатъ: *привычка, недавность, живость и эмоціональное сродство представленій*. Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что *въ большинствѣ случаевъ данное представленіе вызоветъ за собою по ассоціаціи привычное, недавнее, живое или эмоціонально-сходное представленіе*. Если всѣ эти свойства характеризуютъ элементъ, входящій въ составъ вновь образующейся ассоціаціи, то можно заранѣе предвидѣть, что данный элементъ будетъ играть важную роль и въ образованіи послѣдующаго объекта

мысли. Впрочемъ, вопреки тому факту, что смѣна представленій подчинена строгому детерминизму и сводится къ немногимъ классамъ, характеристическія черты которыхъ обусловлены нашимъ предшествующимъ опытомъ, необходимо все-таки сознаться, что возникновеніе огромнаго числа звеньевъ въ цѣпи нашихъ представленій, не поддается никакому опредѣленному закону. Это можно видѣть на примѣрѣ часовъ, приведенномъ мною на стр. 208-й. Почему образъ ювелирнаго магазина напомнилъ мнѣ о пуговицахъ, а не о цѣпочкѣ, которую я купилъ тамъ послѣ пуговицъ, которая стоила дороже, и съ которою были связаны гораздо болѣе интересныя эмоціональныя ассоціаціи? Читатель изъ самонаблюденія легко можетъ почерпнуть массу аналогичныхъ фактовъ. Въ виду этого мы должны допустить даже въ формахъ обычной смѣшанной ассоціаціи, которыя лежатъ ближе всего къ неполной редукціи, что случай рѣшаетъ, какой именно элементъ ассоціаціи будетъ вызванъ интересной стороною тускнѣющаго представленія, разумѣется, случай—для нашего ума. На самомъ же дѣлѣ, безъ сомнѣнія, образованіе каждой новой ассоціаціи предопредѣлено физиологическими причинами, которыя вслѣдствіе своей тонкости и измѣнчивости не поддаются нашему анализу.

Ассоціація по сходству. При смѣшанной ассоціаціи мы постоянно предполагаемъ, что интересная часть тускнѣющаго объекта мысли довольно значительна, настолько сложна, что сама по себѣ образуетъ конкретный объектъ. Сэръ Вильямъ Гамилтонъ рассказываетъ, напримѣръ, что однажды мысль о Бэнъ-Ломондѣ привела его къ мысли о прусской системѣ воспитанія, причемъ звеньями ассоціаціи были нѣмецъ, котораго онъ встрѣтилъ у Бэнъ-Ломонда, Германія etc. Въ Бэнъ-Ломондѣ, какъ объектѣ опыта, интересною стороною, опредѣляющею дальнѣйшее теченіе мыслей, былъ сложный образъ отдѣльнаго человѣка. Но теперь предположимъ, что заинтересованное въ данномъ объектѣ вниманіе еще болѣе утончается и подчеркиваетъ въ немъ лишь одну часть, которая сама по себѣ уже такъ незначительна, что не можетъ быть изображеніемъ конкретного предмета, а представляетъ собою отвлеченное свойство. Кромѣ того, предположимъ, что эта часть объекта сохраняется передъ нашимъ сознаніемъ (или, выражаясь физиологически, продолжаютъ обуславливающіе ее мозговые процессы), послѣ того, какъ другія стороны даннаго объекта ступшевались. Въ такомъ случаѣ этотъ малый остатокъ представленія, окружить себя своими собственными элементами ассоціаціи тѣмъ путемъ, который мы описали выше, и тогда отношеніе между исчезнувшимъ и вновь образовавшимся объектами мысли будетъ *отношеніемъ сходства*. Пара такихъ объектовъ образуютъ то, что называется *ассоціаціей по сходству*.

Сходные объекты, сопровождающіе одинъ другой въ такой

ассоциаций, всегда суть нечто сложное. Это постоянно подтверждается опытом. Простые «идеи», атрибуты или качества не обнаруживают стремления напоминать об аналогичных свойствах. Мысль о каком-нибудь оттенке голубого цвета не вызывает мысли о другом оттенке, за исключением тех случаев, когда ради сравнения или с целью установить номенклатуру мы сопоставляем различные оттенки голубого цвета.

Два сложных объекта сходны, когда оба имеют одно или несколько общих свойств, хотя бы во всех других отношениях между ними не было ничего общего. Луна похожа на пламя газового рожка и на мячик, хотя между пламенем и мячиком нет сходства. Устанавливая сходство между двумя сложными объектами, мы всегда должны указывать, в чем оно заключается. Луна и пламя газового рожка сходны, как светлые тела — и только; луна и мячик сходны, как круглые тела — и только. Мячик и пламя ни в каком отношении не сходны, то есть, у них нет ни одного общего качества. Сходство двух сложных объектов есть тождество в каком-нибудь отношении того и другого. Поскольку известное свойство наблюдается в двух явлениях, хотя бы несходных между собою в других отношениях, постольку они сходны между собою. Теперь обратимся к ассоциации по сходству. Если за мыслью о луне в нашей голове явилась мысль о мячике, а за мыслью о мячике последовала мысль об одной из желѣзных дорог, принадлежащих г-ну X., то такое чередование представлений обусловлено тѣмъ, что одно из свойств луны — круглота, отделилось от остальных атрибутов и окружило себя группою новых качеств, каковы упругость, кожаная оболочка, быстрое подчинение человеческому призыву etc.; и тѣмъ, что последнее свойство мячика снова оторвалось от комплекса остальных свойств и снова окружило себя группою новых атрибутов, которые образовали понятія «желѣзнодорожнаго туза», «подъема и паденія бумагъ на биржѣ» etc.

Постепенный переход отъ полного воспроизведенія къ ассоциациі по сходству черезъ посредство того, что мы называли неполнымъ воспроизведеніемъ, можетъ быть изображенъ символически въ видѣ диаграммъ. Диаграмма на рис. 58-мъ изображаетъ полное воспроизведеніе, на рис. 59-мъ — неполное, на рис. 60-мъ — ассоциацию по сходству. А во всехъ трехъ диаграммахъ изображаетъ тусклѣющій объектъ мысли, В — вновь образующійся. При «полномъ воспроизведеніи» всѣ части А равно принимаютъ участіе въ образованіи В. При «неполномъ воспроизведеніи» значительнѣйшая часть А не играетъ никакой роли въ образованіи В. Только часть М вызываетъ В. При ассоциациі по сходству часть М значительно меньше, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ и, вызвавъ новую

группу элементовъ ассоціаціи, она не ступевывается, но упорно продолжаетъ дѣйствовать наряду съ ними, образуя собою тождественную часть въ обѣихъ идеяхъ и тѣмъ самымъ дѣлая ихъ сходными. Почему одинъ элементъ въ тускнѣющемъ объектѣ мысли отдѣляется отъ остальныхъ и дѣйствуетъ, какъ мы сказали, самостоятельно, почему другіе элементы при этомъ не принимаютъ въ образованіи новаго представленія никакого участія—все это загадки, которыя мы не беремъ отгадывать, ограничиваясь простымъ указаніемъ на фактъ. Можетъ быть, болѣе тонкій анализъ законовъ нервной дѣятельности дастъ когда-нибудь ключъ къ рѣшенію этихъ загадокъ; можетъ быть также, что въ нервной дѣятельности мы не найдемъ объясняющаго принципа для этихъ явленій, и тогда придется предположить въ нихъ проявленіе активности самаго сознанія. Но мы, во всякомъ случаѣ, не будемъ вдаваться въ детали по этому вопросу.

Общій взглядъ на произвольное теченіе мыслей. Подводя итоги вышесказанному, мы видимъ, что *разница между тремя видами ассоціаціи чисто количественная и сводится къ большому возбужденію нервныхъ путей, соответствующему той части исчезающаго объекта мысли, которая является формирующимъ началомъ для слѣдующей мысли.* Но *modus operandi* этой части во всѣхъ случаяхъ тотъ же, независимо отъ ея величины. Элементы, образующіе новый объектъ мысли, готовы возникнуть передъ сознаніемъ каждую минуту, потому что соответствующіе имъ нервные пути были однажды возбуждены непрерывно вслѣдъ за нервными элементами, соответствующими предшествующему объекту мысли или его активной части. Этотъ физиологическій законъ, законъ привычки, распространяется въ концѣ-концовъ на *тонкъ*, пробѣгающій по нервнымъ путямъ. Направленіе его пути и виды его модификацій зависятъ отъ неизвѣстныхъ намъ условій, благодаря которымъ въ мозгу однихъ лицъ токъ сосредоточивается въ малыхъ участкахъ, въ мозгу же другихъ онъ распространяется во всю ширину своего пути. Отгадать эти условія для насъ, повидимому, нѣтъ никакой возможности. Каковы бы они ни были, во всякомъ случаѣ въ нихъ коренится глубокое различіе между гениемъ и прозаической натурой—работою привычки и рутиннаго образа мыслей. Въ главѣ: «*О мышленіи*» мы снова возвратимся къ этому вопросу.

Произвольное теченіе мыслей. До сихъ поръ мы рассматривали процессъ ассоціаціи въ формѣ произвольнаго теченія мыслей. Образы фантазіи смѣняются другъ друга независимо отъ нашего произвола, то слѣдуя прочно проложеннымъ путямъ обыденной привычки, то носясь беспорядочными скачками по всему протяженію пространства и времени. Таковы грезы, мечты, но значительную долю въ потокѣ нашихъ идей занимаютъ явленія совершенно иного характера.

Смѣна идей нашихъ связана обыкновенно со стремленіями къ извѣстнымъ цѣлямъ, съ сознательнымъ интересомъ: въ такомъ случаѣ теченіе нашихъ мыслей называется *произвольнымъ*.

Съ физиологической точки зрѣнія, мы должны предположить, что стремленіе къ извѣстной цѣли выражается въ преобладаніи дѣятельности извѣстныхъ, вполне опредѣленныхъ мозговыхъ процессовъ за все время теченія нашихъ мыслей. Наше обыденное мышленіе—не простыя грезы, не безцѣльное блужданіе, но всегда вращается около какого-нибудь центрального интереса, около основной темы, къ которой большинство нашихъ представлений имѣетъ извѣстное отношеніе, и къ которой мы послѣ минутныхъ отступленій снова быстро возвращаемся. Мы предположили, что этотъ интересъ поддерживается непрерывнымъ возбужденіемъ нервныхъ путей. Въ смѣшанныхъ ассоціаціяхъ, которыя мы изучали до сихъ поръ, части каждаго объекта мысли, служація поворотными пунктами въ теченіи нашей мысли, представляють для насъ интересъ, въ значительной доли обусловленный ихъ отношеніемъ къ *общему интересу*, который временно овладѣлъ нашимъ сознаніемъ. Пусть Z будетъ нервный процессъ, обусловливающий *общій интересъ*, тогда, если abc является объектомъ мысли, а b имѣетъ болѣе ассоціацій съ Z , нежели a или c , то b станетъ интересною, руководящею частью объекта и будетъ вызывать только элементы своихъ ассоціацій. Ибо энергія, вызванная возбужденіемъ нервного пути b , будетъ увеличена активностью Z , которая не окажетъ вліянія ни на a , ни на c , вслѣдствіе отсутствія всякой предшествующей связи между Z и a и между Z и c . Если я, напримѣръ, думаю о Парижѣ, будучи *чолоденъ*, то весьма вѣроятно, что объектомъ моей мысли будутъ парижскіе *рестораны*.

Проблемы. Но, какъ въ теоретической области, такъ и въ практической жизни существуютъ интересы болѣе тонкаго свойства, принимающіе формы опредѣленныхъ образовъ—цѣлей, которыя мы стремимся осуществить. Цѣль идей, возникающихъ подъ вліяніемъ такого интереса, обыкновенно составляетъ мысль о *средствахъ*, необходимыхъ для осуществленія данной цѣли. Если мысль о цѣли сама собою не указываетъ на средства, то нахожденіе послѣднихъ образуетъ *проблему*; нахожденіе средствъ образуетъ совершенно своеобразную самостоятельную цѣль, именно, цѣль, къ достиженію которой мы сильно стремимся, но природы которой мы не можемъ себѣ ясно представить, какъ бы мы ни желали этого.

То-же самое наблюдается, когда мы хотимъ припомнить что-нибудь забытое или найти логическое основаніе для сужденія, которое было сдѣлано нами интуитивнымъ путемъ. Желаніе здѣсь влечетъ насъ въ томъ направленіи, которое кажется вѣрнымъ, но къ такому пункту, который намъ невидимъ. Короче, *отсутствіе образа* служитъ такимъ же положительнымъ руководящимъ мотивомъ для нашихъ пред-

ставлений, какъ и его присутствіе. Пробѣлъ въ нашемъ сознаніи представляетъ при этомъ не совершенную пустоту, но *чувствительный* недостатокъ. Если бы мы захотѣли объяснить съ физиологической стороны, какъ мысль, находящаяся еще въ потенциальномъ состояніи, все-таки проявляетъ извѣстную активность, то мы должны были бы предположить, что при этомъ нервныя пути возбуждены, но въ минимальной степени и полусознательно. Постарайтесь, напримеръ, символически охарактеризовать состояніе человѣка, который ломаетъ голову, стараясь припомнить мысль, пришедшую ему на умъ недѣлю тому назадъ. Элементы ассоціаціи, связанной съ этою мыслью, въ данномъ случаѣ налицо, но они не въ состояніи оживить въ памяти забытую мысль. Мы не можемъ допустить, что мозговые процессы, обуславливающіе эти ассоціаціи, не совершаются вовсе въ человѣкѣ въ этотъ моментъ потому, что искомая мысль вотъ-вотъ сейчасъ можетъ быть охвачена его сознаниемъ. Ритмъ фразы, выражающей искомую мысль, уже звучитъ въ его ушахъ, соответствующія слова «вертятся на языкѣ», но не припоминаются окончательно (см. стр. 123-ю). Вся разница между тѣмъ случаемъ, когда мы припоминаемъ забытое, и тѣмъ, когда ищемъ средствъ къ осуществленію нѣкоторой цѣли, заключается въ томъ, что первый случай имѣетъ отношеніе къ минувшему опыту, а второй — нѣтъ. Если мы сначала проанализируемъ *способъ припоминанія забытаго*, то намъ легче будетъ понять сознательныя поиски за неизвѣстнымъ.

Разрѣшеніе проблемъ. Забытая вещь чувствуется нами, какъ нѣкоторый пробѣлъ между другими определенными вещами. При этомъ мы смутно помнимъ, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ намъ пришла въ голову въ послѣдній разъ забытая теперь идея. Мы помнимъ въ общихъ чертахъ и тему, къ которой она имѣетъ отношеніе. Но всѣ эти детали не сливаются въ одно прочное цѣлое, которое могло бы замѣстить ощущаемый нами пробѣлъ, мы чувствуемъ неудовлетворенность и ломаемъ себѣ голову въ поискахъ за другими деталями забытаго факта. Отъ каждой детали лучеобразно расходятся линіи ассоціацій, и это обстоятельство даетъ поводъ ко множеству попытокъ отгадать забытую идею по ассоціаціи съ какою-нибудь изъ этихъ деталей. При этомъ сразу обнаруживается, что многія изъ нихъ не имѣютъ къ искомой мысли никакого отношенія, поэтому онѣ сразу теряютъ всякій интересъ и ускользаютъ отъ нашего сознанія. Другіе элементы мысли ассоціируются одинаково хорошо и съ искомой идеей, и съ другими представленіями, находящимися налицо въ нашемъ сознаніи. При появленіи въ сознаніи такихъ ассоціацій, мы начинаемъ испытывать своеобразное ощущеніе, побуждающее насъ хвататься за нихъ и сосредоточивать на нихъ наше вниманіе. Такимъ образомъ, шагъ за шагомъ мы вспоминаемъ сначала, что намъ пришла въ голову

искомая мысль, когда мы сидели за столомъ; затѣмъ, что при этомъ былъ нашъ знакомый г-нъ X; да же, что толковали за столомъ о томъ-то и томъ-то; наконецъ, что мысль эта была въ насъ вызвана какимъ-то анекдотомъ, и что при этомъ играла какую-то роль французская цитата. Всѣ эти добавочные элементы ассоціаціи *возникаютъ въ насъ независимо отъ усилій воли*, при посредствѣ хорошо знакомаго намъ самопроизвольнаго теченія мыслей. *Роль воли при этомъ заключается только въ подчеркиваніи тѣхъ элементовъ ассоціаціи, которые нажутся наиболее подходящими, въ сосредоточеніи на нихъ вниманія и въ игнорированіи остальныхъ элементовъ.* При помощи этого блужданія нашего вниманія по сообществу съ искомымъ объектомъ мысли накопленіе элементовъ ассоціаціи становится такъ велико, что общее напряженіе всѣхъ соответствующихъ имъ нервныхъ процессовъ преодолеваетъ преграду, и нервный токъ, соответствующій давно искомому объекту мысли, стремительно пробѣгаетъ по своему пути. И, когда полусознательный зудъ, если такъ можно выразиться, испытываемый нами при поискахъ за известной мыслью, вдругъ превращается въ живое ощущеніе, нашъ духъ чувствуетъ невыразимое облегченіе. Весь описанный нами процессъ можетъ быть изображенъ въ грубой формѣ въ видѣ диаграммы. Назовемъ забытый объектъ мысли черезъ *Z*, первые факты, имѣющіе къ нему отношеніе — черезъ *a*, *b* и *c*, а детали, имѣющія рѣшающее значеніе для припоминанія этого объекта — черезъ *l*, *m* и *n*. Тогда каждый кружокъ на диаграммѣ (рис. 61-й) будетъ означать нервный процессъ, главнымъ образомъ соответствующій той идеѣ, которая означена стоицею на этомъ кружкѣ буквой. Сначала активность *Z* выразится нѣкоторымъ простымъ внутреннимъ напряженіемъ, но когда возбужденія *a*, *b* и *c* постепенно повлекутъ за собою *l*, *m* и *n*, и когда *все* эти процессы такъ или иначе станутъ дѣйствовать на *Z*, ихъ совмѣстное лучеобразное давленіе на *Z*, пробудитъ въ послѣднемъ сильнѣйшую активность, и цѣль будетъ достигнута.

Обратимся теперь къ рассмотренію того случая, когда нами используются невдомыя средства для исполн. определенной цели. Цѣль здѣсь играетъ роль *a*, *b* и *c* въ диаграммѣ, они служатъ исходными пунктами вліянія элементовъ ассоціаціи на искомого *Z*. И здѣсь, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, произвольное вниманіе только устраняетъ неподходящіе элементы ассоціаціи и сосредоточивается на тѣхъ, которые нажутся благоприятными; обозначимъ ихъ черезъ *l*, *m* и *n*. Эти послѣдніе, слагаясь съ первыми, вызываютъ возбужденіе въ *Z*, которому психологически соответствуетъ рѣшеніе нашей проблемы. Единственная разница между этимъ и предшествующимъ случаемъ заключается въ томъ, что здѣсь не представлялось надобности ни въ какомъ предварительномъ возбужденіи *Z*. При рѣшеніи проблемы мы сознаемъ заранее

только *отношенія* (конечнаго результата въ искомымъ средствамъ для его осуществленія). Такими отношеніями должны быть отношенія причины къ дѣйствию, или атрибута къ вещи, или средствъ къ цѣли и т. п. Короче сказать, мы знаемъ многое *объ* искомомъ объектѣ, но все-таки мы *незнакомы* съ нимъ. Сознаніе того, что одинъ изъ представляющихся намъ объектовъ есть въ концѣ-концовъ наше *quæsitum*, обусловлено установленіемъ тождества отношеній нашихъ къ данному объекту и къ искомому неизвѣстному, установленіемъ, для котораго требуется довольно медленный актъ сужденія. Всякій знаетъ, что нѣкоторое время возможно сознать объектъ, не устанавливая никакихъ отношеній между нимъ и другими объектами. Совершенно такъ же возможно сознать извѣстныя отношенія, еще не созная объекта.

Съ помощью именно такого процесса мысли, мы усматриваемъ въ загадочныхъ газетныхъ недомолвкахъ событія государственной важности. Мы должны при этомъ положиться на законы нервной дѣятельности, которая въ этихъ случаяхъ доставляетъ намъ подходящія идеи, но правильный выборъ между послѣдними долженъ быть сдѣланъ самими нами.

Подробный анализъ различныхъ классовъ психическихъ явленій, аналогичныхъ только-что описаннымъ мною, выходитъ изъ рамокъ настоящаго сочиненія. Наиболее яркіе образчики этихъ явленій мы можемъ найти въ сферѣ научныхъ открытій. Научный исследователь отправляется отъ факта къ изысканію его причинъ или отъ гипотезы къ ея фактическому подтвержденію. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ непремѣнно обсуждаетъ въ умѣ имѣющіяся въ его распоряженіи данныя, пока при возникновеніи ряда элементовъ ассоціаціи то по смежности, то по сходству онъ не натолкнется на такой элементъ, который окажется искомымъ. Но этотъ процессъ можетъ продолжаться цѣлые года. Для исследователя при этомъ не могутъ быть даны опредѣленные правила, при помощи которыхъ онъ могъ бы всего скорѣе достигнуть конечнаго результата, но и здѣсь, какъ при припоминаніи забытаго, накопленіе вспомогательныхъ элементовъ ассоціаціи можетъ производиться скорѣе при помощи нѣкоторыхъ избитыхъ приемовъ. Такъ, напримѣръ, стараясь припомнить какую-нибудь забытую мысль, мы можемъ преднамѣренно возобновить въ памяти въ порядкѣ извѣстной классификаціи тѣ обстоятельства, съ которыми эта мысль могла быть связана, надѣясь натолкнуться на элементъ ассоціаціи, связанной съ искомой мыслью. Такъ, напримѣръ, мы можемъ припомнить послѣдовательно всѣ *мѣста*, гдѣ мы могли ее имѣть, всѣхъ *лицъ*, съ которыми намъ недавно случалось разговаривать, или всѣ *книги*, недавно читанныя нами. Припоминая извѣстное лицо, мы можемъ перечислить про себя рядъ улицъ или рядъ профессій. Какая-нибудь деталь при такихъ методическихъ перечисленіяхъ

можетъ быть ассоцірована съ искомой идеей и оказать намъ поддержку, а между тѣмъ, не сдѣлай мы систематическаго обзора различныхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ искомой идеей, эта имѣющая рѣшающее значеніе деталь никогда бы не пришла намъ въ голову. Въ научныхъ изслѣдованіяхъ накопленіе элементовъ ассоціацій было возведено въ систему Джономъ Миллемъ въ его «четырехъ методахъ опытнаго изслѣдованія». Различные случаи въ научныхъ открытіяхъ группируются здѣсь по «методу согласія», «методу различія», «методу остатковъ» и «методу сопутствующихъ измѣненій»; при помощи пересмотра этихъ четырехъ классовъ искомая причина можетъ всего легче быть вскрыта нами. Но эти методы только готовятъ открытіе, которое совершается помимо ихъ. Рѣшающимъ мотивомъ для открытія все-таки служитъ извѣстное гармоническое сочетаніе нервныхъ процессовъ, безъ котораго мы блуждали бы въ потемкахъ. Но при этомъ мы никогда не должны закрывать глаза на тотъ фактъ, что въ мозгу однихъ лицъ, неизвѣстно почему, нервные разряды чаще совершаются правильно, чѣмъ въ мозгу другихъ. Даже образуя списки аналогичныхъ случаевъ по методу Милля, мы зависимъ отъ произвола нервныхъ процессовъ, соотвѣтствующихъ вскрытію сходства въ объектахъ мысли. Какъ могутъ быть сгруппированы въ одинъ классъ факты, сходные съ тѣмъ, причину котораго мы стараемся опредѣлить, если не предположить, что одинъ изъ нихъ быстро вызывается въ нашемъ умѣ мыслью о другомъ при помощи ассоціаціи по сходству?

Сходство не есть элементарный законъ. Итакъ, мы проанализировали три главныхъ типа ассоціаціи сначала при произвольномъ, затѣмъ при произвольномъ теченіи мысли. Нужно замѣтить, что *вновь возникающій при ассоціаціи объектъ можетъ не имѣть никакого логическаго отношенія къ вызывающему его объекту*. Необходимымъ условіемъ для дѣятельности закона ассоціаціи является только одно: тусклѣющій объектъ мысли долженъ быть вызванъ нервнымъ процессомъ, въ которомъ нѣкоторые элементы связаны съ вновь образующимся объектомъ мысли. Именно въ этой формѣ проявляется законъ причинности во всѣхъ родахъ ассоціаціи, не исключая и ассоціаціи по сходству. Сходство между объектами само по себѣ не играетъ никакой роли при смѣнѣ нашихъ ассоціацій. Оно является только результатомъ обычныхъ факторовъ, обуславливающихъ смѣну нашихъ представленій, когда они комбинируются извѣстнымъ образомъ. Психологи обыкновенно разсуждаютъ такъ, какъ будто сходство объектовъ является само по себѣ нѣкоторымъ факторомъ, дѣйствующимъ наряду съ привычкой, независимымъ отъ нея и способнымъ, подобно ей, вліять на смѣну представленій. Но такой способъ объясненія совершенно непонятенъ. Сходства двухъ объектовъ не существуетъ, пока сами объ-

екты не на-лицо; нельзя говорить о сходствѣ, какъ факторы, производящѣмъ *что*, все равно, принадлежитъ ли это нѣчто сферѣ физической или психической. Сходство есть известное отношеніе, познаваемое нами послѣ факта, точно такъ же, какъ мы познаемъ отношенія превосходства, разстоянія, причинности, формы и содержания, субстанціи и акциденціи или контраста между двумя объектами, связанными между собою механизмомъ ассоціаціи.

Заключеніе. Подводя итоги всему вышесказанному, еще разъ повторяю: *разница между тремя видами ассоціаціи чисто количественная и сводится къ большому или меньшему возбужденію нервовъ путей, соответствующихъ той части исчезающаго объекта мысли, которая является формирующимъ началомъ для слѣдующей мысли. Но *modus operandi* этой активной части вездѣ тотъ же, независимо отъ ея величины. Элементы, образующіе новый объектъ мысли, готовы возникнуть передъ сознаніемъ каждую минуту, потому что соответствующіе имъ нервныя пути были однажды возбуждены непрерывно вслѣдъ за нервными элементами, соответствующими предшествующему объекту мысли или его активной части. Этотъ конечный физиологическій законъ—законъ привычки—распространяется на движенія тела, прѣблѣгающаго по нервнымъ путямъ. Направленіе его пути и видъ его модификацій зависятъ отчасти отъ условій, которыя мы могли обнаружить нашимъ анализомъ, но которыя совершенно еще не выяснены при такъ называемой ассоціаціи по сходству.*

Я полагаю, что изучающій психологію согласится со мною въ необходимости развитія нервной физиологіи для выясненія смѣны нашихъ идей. Надо впрочемъ сознаться, что далеко тотъ день, когда физиологъ будетъ въ состояніи прослѣдить шагъ за шагомъ, отъ одной группы нервныхъ вѣтвей къ другой, гипотетически намѣченный нами механизмъ душевныхъ явленій. Возможно, что этотъ день не наступитъ никогда. Мало того, схематизмъ, которымъ мы пользовались при нашемъ анализѣ, заимствованъ нами изъ анализа вѣнскихъ объектов и лишь по аналогіи перенесенъ на мозгъ. Тѣмъ не менѣе только примѣненіе этого схематизма къ мозговымъ процессамъ даетъ намъ возможность распространять законъ причинности на психофизическія явленія; для меня это соображеніе даетъ право сказать, что *порядокъ въ смѣнѣ психическихъ явленій* можетъ быть выясненъ при помощи данныхъ одной нервной физиологіи.

Явленія случайнаго преобладанія нѣкоторыхъ процессовъ надъ другими также могутъ быть выяснены при помощи примѣненія теоріи вѣроятностей къ анализу мозговыхъ процессовъ. Благодаря неустойчивости нервной ткани, разряды всегда должны происходить въ однихъ пунктахъ ея скорѣе и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, и пункты, преобладающіе по интенсивности разряда надъ

оставшими, должны по временам мѣнять свои мѣста въ зависимости отъ случайныхъ причинъ, давая намъ возможность выразить въ видѣ точныхъ механическихъ диаграммъ капризную игру ассоціацій по сходству въ самыхъ гениальныхъ умахъ. Анализъ сновидѣній подтверждаетъ эти соображенія. Обыкновенно у спящаго число путей для нервнаго разряда уменьшается. Немногіе изъ нихъ доступны току, и послѣдній, какъ вихрь, носясь только по тѣмъ путямъ, которые питаніе мозга въ данную минуту сдѣлало ему доступными, вызываетъ въ сознаніи спящаго самыя причудливыя сочетанія идей.

Вниманіе, возбужденное какимъ-нибудь интересомъ, и воленіе сохраняютъ роль психическихъ факторовъ и въ явленіи ассоціаціи. Эта роль выражается въ подчеркиваніи нѣкоторыхъ элементовъ ассоціаціи, въ фиксированіи ихъ съ цѣлью сдѣлать преобладающимъ вліяніе ихъ на образованіе дальнѣйшихъ ассоціацій. Этому обстоятельству должны особенно не упускать изъ виду противники механической психофизиологіи при анализѣ явленій ассоціаціи. Мое мнѣніе о произвольной дѣятельности духа при активномъ вниманіи я высказалъ выше. (См. стр. 186-ю) Но, даже если допустить существованіе психической самопроизвольности, то, во всякомъ случаѣ, нельзя признать, что она дѣйствуетъ ex abrupto, вызывая и создавая идеи. Роль ея ограничивается выборомъ между тѣми идеями, которыя предоставляются ей ассоціационнымъ механизмомъ. Если бы духъ могъ произвольно подчеркивать, усиливать или задерживать какой-либо элементъ ассоціаціи, то онъ могъ бы дѣлать все, что нужно для самаго ревностнаго защитника свободы воли, ибо въ такомъ случаѣ духъ вліялъ бы рѣшающимъ образомъ на образованіе послѣдующихъ ассоціацій, ставя ихъ въ зависимость отъ подчеркнутаго элемента ассоціаціи и такимъ путемъ предопредѣляя дальнѣйшій образъ мыслей чловека, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его поступки.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Чувство времени.

Настоящее ощущеніе имѣетъ известную продолжительность. Постарайтесь, я не скажу уловить, но подмѣтить *настоящее* мгновенное время. Такая попытка представляется совершенно бесплодной. Гдѣ оно, это настоящее? Оно исчезло прежде, чѣмъ мы успѣли схватить его, растаяло, перелилось въ слѣдующее мгновеніе. Поэтъ, цитируемый г. Годжсономъ, говоритъ:

Le moment où je parle est déjà loin de moi.

И, дѣйствительно, настоящее въ строгомъ смыслѣ слова можетъ быть схвачено человѣкомъ, только какъ часть болѣе широкаго промежутка времени, наполненнаго живымъ, подвижнымъ органическимъ процессомъ. Настоящее, въ сущности, есть простая абстракція, не только никогда не реализующаяся въ опытѣ, но, быть можетъ, никогда не появляющаяся даже въ видѣ понятія въ умѣ лицъ, не привыкшихъ къ философскому мышленію. Размышленіе приводитъ насъ къ убѣжденію, что настоящее *должно* существовать, но самое *существованіе* его никогда не можетъ быть для насъ фактомъ непосредственнаго опыта. Опытъ даетъ намъ то, что такъ хорошо было названо «приблизительнымъ» настоящимъ—нѣкоторый отрѣзокъ времени, въ которомъ замкнуто наше сознаніе, и изъ котораго мы представляемъ себѣ два противоположныхъ направленія времени. Части воспріятія времени объединяются извѣстною *длительностью* съ двумя противоположными концами. Отношенія *последовательности* отъ одного конца къ другому познаются, какъ части даннаго отрѣзка длительности. Мы не чувствуемъ сначала появленія одного конца, потомъ другого, и отъ воспріятія последовательности не заключаемъ къ существованію промежутка времени между ними, но мы, повидимому, чувствуемъ самый промежутокъ, какъ цѣлое съ двумя противоположными концами. Опытъ, какъ объектъ психологическаго анализа, представляетъ нѣчто сложное: элементы его въ чувственномъ воспріятіи неотдѣлимы другъ отъ друга, хотя, направляя вниманіе на смѣну явленій опыта, мы можемъ легко отличить въ немъ начало и конецъ.

Промежутокъ времени свыше нѣсколькихъ секундъ перестаетъ быть непосредственнымъ воспріятіемъ продолжительности для нашего сознанія и становится воображаемой фикціей. Чтобы реализовать передъ сознаніемъ даже часъ времени, мы должны считать *in indefinitum*: «теперь», «теперь», «теперь». Каждое «теперь» соотвѣтствуетъ ощущенію нѣкотораго отдѣльнаго промежутка времени, точная же сумма этихъ промежутковъ никогда не сознается нами ясно. Длиннѣйшій промежутокъ времени, какой мы можемъ непосредственно охватывать сознаніемъ, отличая его отъ большихъ и меньшихъ (судя по опытамъ, произведеннымъ въ лабораторіи Вундта для другой цѣли), равняется приблизительно двѣнадцати секундамъ. Кратчайшій промежутокъ времени, ощущаемый нами, какъ таковой, равняется, повидимому, $\frac{1}{500}$ секунды: Эксперъ различалъ двѣ электрическихъ искры, слѣдовавшія одна за другою черезъ этотъ промежутокъ времени.

Мы не обладаемъ чувствомъ пустаго времени. Попробуйте закрыть глаза, совершенно отвлечься отъ вѣшняго міра и направить вниманіе исключительно на теченіе времени, подобно тому человѣку, который, по выраженію поэта, «бодрствовалъ, чтобы подмѣтить полетъ времени во мракѣ ночи и приближеніе міра ко дню страш-

наго суда». При такихъ условіяхъ, повидимому, нѣтъ никакого разнообразія въ матеріальномъ содержаніи нашей мысли, и объектомъ нашего непосредственнаго созерцанія является, какъ будто самое теченіе времени. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ или нѣтъ? Вопросъ этотъ важенъ, ибо, предположивъ, что опытъ въ данномъ случаѣ является именно тѣмъ, чѣмъ онъ съ перваго взгляда кажется, мы должны будемъ признать въ себѣ существованіе особаго чувства чистаго времени, чувства, для котораго стимуломъ является ничѣмъ не заполненная длительность; предположивъ же въ данномъ случаѣ простую иллюзію, придется допустить, что воспріятіе полета времени въ приведенномъ выше примѣрѣ обусловлено *заполненіемъ* времени нашимъ воспоминаніемъ о его содержаніи въ предшествующее мгновеніе и чувствомъ сходства этого содержанія съ содержаніемъ данной минуты.

Не требуется особыхъ усилій самонаблюденія для того, чтобы показать, что истина послѣдняя альтернатива, и что *мы не можемъ сознавать ни длительности, ни протяженія безъ какого-бы то ни было чувственного содержанія*. Подобно тому, какъ съ закрытыми глазами мы видимъ, точно такъ же при полномъ отвлеченіи отъ впечатлѣній внѣшняго міра, мы все-таки погружены въ то, что Вундтъ гдѣ-то назвалъ «подусвѣтомъ» общаго нашего сознанія. Біенія сердца, дыханіе, пульсація нашего вниманія, обрывки словъ и фразъ, проносящіяся въ нашемъ воображеніи—вотъ что заполняютъ эту туманную сферу нашего сознанія. Всѣ эти процессы ритмичны и сознаются нами въ непосредственной цѣльности; дыханіе и пульсація вниманія представляютъ періодическую смѣну подъема и паденія; то-же наблюдается въ біеніи сердца, только здѣсь волна колебанія, относительно говоря, гораздо короче; слова проносятся въ нашемъ воображеніи не въ одиночку, а связанными въ группы. Короче сказать, какъ-бы мы ни старались опорожнить наше сознаніе отъ всякаго содержанія, нѣкоторая форма смѣняющагося процесса всегда будетъ сознаваться нами, представляя неустранимый изъ сознанія элементъ. На-ряду же съ сознаніемъ этого процесса и съ его ритмами мы сознаемъ и занимаемый имъ промежутокъ времени. Такимъ образомъ, сознаніе *смѣны* является условіемъ для сознанія теченія времени, но нѣтъ никакихъ оснований предполагать, что теченіе абсолютно-пустого времени достаточно, чтобы породить въ насъ сознаніе смѣны. Эта смѣна должна представлять извѣстное реальное явленіе.

Оцѣнка болѣе длинныхъ промежутковъ времени. Пытаясь наблюдать въ сознаніи теченіе «пустого» времени («пустого» въ относительномъ смыслѣ слова, согласно сказанному выше), мы слѣдимъ мысленно за нимъ прерывно. Мы говоримъ про себя: «теперь», «теперь», «теперь» или: «еще», «еще», «еще», по мѣрѣ теченія времени. Это сложеніе извѣстныхъ единицъ длительности, представляетъ

самокъ *временнаго теченія времени*. Прерывность эта, впрочемъ, обусловлена только фактомъ прерывности воспріятія или апперцепціи того, что оно есть. На самомъ дѣлѣ, чувство времени такъ же непрерывно, какъ и всякое другое подобное ощущеніе. Мы называемъ отдѣльные куски непрерывнаго ощущенія. Каждое наше «ощущеніе» отиѣчаетъ нѣкоторую конечную часть истекающаго или истекаемаго промежутка. Согласно выраженію Годжсона, ощущеніе есть измѣрительная тесьма, а апперцепція—дѣятельная машина, отиѣчающая на тесьмѣ промежутки. Прислушиваясь къ непрерывно-однообразному звуку, мы воспринимаемъ его при помощи прерывной пульсаціи апперцепціи, мысленно произнося: «тотъ же звукъ», «тотъ же», «тотъ же»! То-же мы дѣлаемъ, и наблюдая теченіе времени. Начавъ отиѣчать промежутки времени, мы очень скоро тераемъ внѣзачѣніе отъ ихъ общей суммы, которое становится крайне неопредѣленнымъ. Точно опредѣлить ее мы можемъ, только считая, или слѣдя за движеніемъ часовыхъ стрѣлокъ или пользуясь какии-нибудь другимъ нрѣсомъ символическаго обозначенія промежутковъ времени. Представленіе о промежуткахъ времени, превосходящихъ часы и дни, совершенно символично. Мы думаемъ о суммѣ ннѣстныхъ промежутковъ времени, или представляя себѣ лишь ея названіе, или перебирая мысленно наиболѣе крупныя событія за этотъ періодъ времени, ни мало не претендуя воспроизводить мысленно все промежутки времени, образующіе данную сумму. Никто не можетъ сказать, что онъ *воспринимаетъ* промежутокъ времени между нынѣшнимъ столѣтіемъ и первымъ столѣтіемъ по Р. Х., какъ болѣе длинный періодъ, сравнительно съ промежуткомъ между нынѣшнимъ и десятимъ вѣками. Правда, въ воображеніи историка болѣе длинный промежутокъ времени вызываетъ большее количество хронологическихъ датъ и большее число образовъ и событій, и потому кажется болѣе богатымъ фактами. По той же причинѣ многія лица убѣждаютъ, что они непосредственно воспринимаютъ двухдѣльный промежутокъ времени, какъ болѣе длинный періодъ, сравнительно съ ведѣльнымъ. Но здѣсь на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ интуитивнаго времени, которая могла бы служить для сравненія. Большее или меньшее количество датъ и событій является въ данномъ случаѣ лишь символическимъ обозначеніемъ большей или меньшей продолжительности занимаемаго ими промежутка. Я убѣжденъ, что это такъ даже въ томъ случаѣ, когда сравниваемые промежутки времени не болѣе часа или окоо того. То-же самое бываетъ, когда мы сравниваемъ пространства въ нѣсколько миль длины; критеріемъ для сравненія въ данномъ случаѣ служитъ число единицъ длины, заключающагося въ сравниваемыхъ промежуткахъ пространства.

Теперь намъ всего естественнѣе обратиться къ анализу нѣкоторыхъ общезвѣстныхъ колебаній въ нашей оцѣнѣ длины времени. *Вообще говоря, время, замолненное разнообразными и илте-*

ресными впечатлѣніями, кажется быстро протекающимъ, но протекши представляется при воспоминаніи о немъ очень продолжительнымъ. Наоборотъ, время, не заполненное никакими впечатлѣніями, кажется длиннымъ протекая, а протекши представляется короткимъ. Недѣля путешествія или посѣщенія различныхъ зрѣлищъ въ воспоминаніи кажется тремя недѣлями, а мѣсяць болѣзни въ воспоминаніи едва оставляетъ впечатлѣніе одного дня. При мысленномъ взглядѣ на протекшее время его продолжительность кажется большей или меньшей, очевидно, въ зависимости отъ количества вызываемыхъ имъ воспоминаній. Обиліе предметовъ, событий, перемѣнъ, многочисленныя подраздѣленія немедленно дѣлаютъ нашъ взглядъ на прошлое болѣе широкимъ. Безсодержательность, однообразие, отсутствіе новизны дѣлаютъ его, наоборотъ, болѣе узкимъ.

По мѣрѣ того, какъ мы старѣемъ, тотъ же промежутокъ времени намъ начинаетъ казаться болѣе короткимъ—это справедливо относительно дней, мѣсяцевъ и годовъ; относительно часовъ это сомнительно; что же касается минутъ и секундъ, то онѣ, повидимому, всегда кажутся приблизительно одинаковой длины. Для старика прошлое, по всей вѣроятности, не кажется длиннѣе, чѣмъ оно казалось ему въ дѣтствѣ, хотя на самомъ дѣлѣ оно можетъ быть въ 12 разъ больше. У большинства людей всѣ событія зрѣлаго возраста бываютъ настолько привычнаго рода, что индивидуальныя впечатлѣнія не надолго удерживаются ими въ памяти. Въ то-же время болѣе раннія событія все въ большемъ и большемъ количествѣ начинаютъ забываться вслѣдствіе того, что память не въ состояніи удержать большого количества отдѣльныхъ определенныхъ образовъ.

Вотъ все, что я имѣлъ сказать по поводу кажущагося сокращенія времени при взглядѣ на прошлое. Въ настоящемъ время кажется короче, когда мы настолько поглощены его содержаниемъ, что не замѣчаемъ теченія самаго времени. День, полный ряда яркихъ впечатлѣній, быстро проносится передъ нами. Наоборотъ, день, преисполненный ожиданій и неудовлетворенныхъ желаній перемѣны, покажется въ миниатюрѣ вѣчностью. *Tedium, ennui, Langweile, boredom, скука* — слова, для которыхъ въ каждомъ языкѣ найдется соотвѣтствующій терминъ. Мы начинаемъ ощущать скуку въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе относительной бѣдности содержания нашего опыта, вниманіе наше сосредоточивается на самомъ теченіи времени. Мы ожидаемъ новыхъ впечатлѣній, приготовляемся воспринять ихъ; они не появляются—вмѣсто нихъ мы переживаемъ почти ничѣмъ не заполненный промежутокъ времени; при непрерывныхъ многочисленныхъ повтореніяхъ нашихъ разочарованій продолжительность самаго времени начинаетъ ощущаться съ чрезвычайной силой. За-

кройте глаза и попросите кого-нибудь сказать вамъ, когда пройдетъ одна минута: эта минута полного отсутствія ви́шнихъ впечатлѣній покажется вамъ невѣроятно-длинной. Она такъ же томительна, какъ первая недѣля плаванія по океану, и вы невольно удивляетесь, какъ человѣчество могло переживать несравненно болѣе длинные періоды томительнаго однообразія. Все дѣло здѣсь заключается въ направленіи вниманія на чувство времени *per se* и въ томъ, что вниманіе въ данномъ случаѣ является восприимчивымъ къ чрезвычайно тонкимъ подраздѣленіямъ времени. Въ подобныхъ опытахъ для насъ нестерпима безцвѣтность впечатлѣній, ибо въ опытѣ возбужденіе является непремѣннымъ условіемъ для удовольствія, ощущеніе же пустого времени есть наименѣе возбуждающій нашу впечатлительность опытъ изъ всѣхъ, какіе мы можемъ имѣть. По выраженію Фолькманна, *taedium* представляетъ какъ-бы *протестъ* противъ всего содержанія настоящаго.

Ощущеніе прошедшаго времени есть настоящее. Разсуждая о «*modus operandi*» нашего познанія временныхъ отношеній, можно подумать при первомъ взглядѣ, что это—простѣйшая вещь на свѣтѣ. Явленія внутренняго чувства смѣняють въ насъ одно другое: они сознаются нами, какъ таковыя; слѣдовательно, можно, повидимому, сказать, что мы сознаемъ и ихъ послѣдовательность. Но такой грубый способъ разсужденія не можетъ быть названъ философскимъ, ибо между *последовательностью въ смѣнѣ состояній* нашего сознанія и *сознаваніемъ ихъ послѣдовательности* лежитъ такая же широкая бездна, какъ и между всякими другими объектомъ и субъектомъ познанаія. *Последовательность ощущеній сама по себѣ еще не есть ощущеніе послѣдовательности. Если же къ нашимъ послѣдовательнымъ ощущеніямъ здѣсь присоединяется ощущеніе ихъ послѣдовательности, то последнее слѣдуетъ разсматривать, какъ нѣкоторое добавочное психическое явленіе, требующее особаго объясненія*, болѣе удовлетворительнаго, чѣмъ приведенное выше поверхностное отождествленіе послѣдовательности ощущеній съ сознаваніемъ этой послѣдовательности.

Если мы обозначимъ временное теченіе нашей мысли въ видѣ горизонтальной линіи, то мысль объ этомъ потокѣ или о любомъ отрѣзкѣ его пути прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ можетъ быть обозначена перпендикуляромъ, опущеннымъ на эту линію въ извѣстной точкѣ. Длина перпендикуляра выражаетъ содержаніе или объектъ мысли, которымъ въ данномъ случаѣ служитъ время, соотвѣтствующее какому-нибудь моменту во временномъ потокѣ нашей мысли.

Такимъ образомъ, въ нашемъ сознаніи происходитъ нѣчто вродѣ *перспективной проекціи* явленій минувшаго опыта, аналогичное съ проекціей обширныхъ ландшафтовъ на экранѣ камеры-обскуры.

Немного выше мы указали, что максимумъ отчетливо воспри-

нимаемой длительности едва превышает 12 секунд (максимум же неясно воспринимаемой длительности, вѣроятно, не болѣе одной минуты или около того), въ виду чего мы должны предположить, что этотъ промежутокъ времени точно отмѣчается при теченіи потока нашего сознанія какою-нибудь тончайшею чертою въ соответствующихъ физиологическихъ процессахъ. Эта черта въ физиологическомъ механизмѣ душевной дѣятельности, въ чемъ бы она ни заключалась, является причиною того, что мы вообще познаемъ временныя отношенія. Такимъ образомъ, непосредственно воспринимаемая длительность едва-ли есть нѣчто болѣе, чѣмъ «приблизительное» настоящее, согласно приведенному выше выраженію. Содержаніе этого настоящаго постоянно мѣняется: явленія перемѣщаются въ немъ отъ «задняго» къ «переднему» концу, и каждое изъ нихъ мѣняетъ свой временной коэффициентъ, начиная отъ: «еще не» или «не совсѣмъ еще» и кончая: «уже», «только-что». Тѣмъ временемъ, «приблизительное настоящее», непосредственно воспринимаемая длительность, остается неподвижной, какъ радуга на водопадѣ, не измѣняясь качественно при смѣнѣ проходящихъ черезъ нее явленій. Каждое изъ послѣднихъ, проходя черезъ сознаніе, удерживаетъ за собою возможность быть воспроизведеннымъ и воспроизводится въ связи съ ближайшими окружающими явленіями и съ ихъ общей длительностью. Впрочемъ, прошу читателя обратить вниманіе на тотъ фактъ, что *воспроизведение* событія въ памяти послѣ того, какъ оно совершенно перешло отъ «задняго» къ «переднему концу», есть психическое явленіе, рѣзко отличающееся отъ созерцанія того же событія въ «приблизительномъ настоящемъ», какъ объекта непосредственнаго прошлаго. Можно представить себѣ существо, совершенно лишенное воспроизводительной памяти и тѣмъ не менѣе обладающее чувствомъ времени; но послѣднее было бы у него ограничено промежуткомъ въ нѣсколько секундъ. Въ слѣдующей главѣ, принимая чувство времени за непосредственное данное, мы обратимся къ анализу явленій воспроизводительной памяти и въ частности къ припоминанію явленій, связанныхъ съ временными датами.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Память.

Анализъ явленія памяти. Память, въ собственномъ смыслѣ слова, есть знаніе о минувшемъ душевномъ состояніи послѣ того, какъ оно уже перестало непосредственно сознаваться нами, или, говоря точнѣе, она есть знаніе о *событіи* или *фактѣ*, о которомъ мы

въ данную минуту не думали, и *который сверхъ того сознается нами теперь, какъ явленіе, имѣвшее мѣсто въ нашемъ прошломъ.*

Важнѣйшимъ элементомъ такого знанія является, повидимому, оживаніе въ сознаніи образа минувшаго явленія, его копій. И многіе психологи утверждаютъ, что воспоминаніе о минувшемъ событіи сводится къ простому оживанію въ сознаніи его копій. Но чѣмъ бы ни было такое оживаніе, оно во всякомъ случаѣ не есть *память*; это—просто дублировать перваго событія, нѣкоторое второе событіе, не имѣющее съ первымъ никакой связи и только сходное съ нимъ. Часы бьютъ сегодня, били вчера и могутъ бить еще миллионъ разъ, пока не испортятся отъ продолжительнаго употребленія. Дождь льетъ черезъ водосточную трубу, такъ же лигъ онъ на прошлой недѣлѣ и такъ же будетъ лить и въ будущемъ. Но развѣ часы при каждомъ новомъ ударѣ сознаютъ прежніе удары, или текущій теперь потокъ воды сознаетъ вчерашній, потому что они ходятъ другъ на друга и повторяются? Очевидно, нѣтъ. Нельзя возражать на наше замѣчаніе, говоря, что наши примѣры не подходящи, что въ нихъ дѣло идетъ не о психическихъ, а о физическихъ явленіяхъ; ибо психическія явленія (напримѣръ, ощущенія), слѣдуя одни за другими и повторяясь, *въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ боя часовъ.* Въ простомъ фактѣ воспроизведенія еще вовсе нѣтъ памяти. Последовательное повтореніе ощущеній представляетъ рядъ независящихъ другъ отъ друга событій, изъ которыхъ каждое замкнуто въ самомъ себѣ. Вчерашнее ощущеніе умерло и погребено—наличность сегодняшняго еще не даетъ никакихъ основаній для того, чтобы наряду съ нимъ воскресло и вчерашнее. Нужно еще одно условіе для того, чтобы созерцаемый въ настоящемъ образъ являлся замѣстителемъ минувшаго оригинала.

Условіе это заключается въ томъ, что созерцаемый нами образъ мы должны относить къ прошлому—мыслить его въ прошломъ. Но какъ можемъ мы мыслить извѣстную вещь какъ-бы въ прошломъ, если мы не будемъ думать объ этой вещи и о прошломъ и объ отношеніи между той и другимъ? А какъ можемъ мы думать вообще о прошломъ? Въ главѣ «*О чувствѣ времени*», мы видѣли, что интуитивное или непосредственное сознаніе минувшаго отстоитъ всего на нѣсколько секундъ отъ настоящаго мгновенья. Болѣе отдаленныя даты не воспринимаются непосредственно, а мыслятся символически, въ видѣ названій, напримѣръ: «*прошлая недѣля*», «*1950-й годъ*», или представляются въ видѣ образовъ и событій, связанныхъ съ ними, напримѣръ: «*годъ, въ которомъ мы посѣщали какое-нибудь учебное заведеніе*», или: «*годъ, въ которомъ мы понесли какую-нибудь утрату*». Такимъ образомъ, желая подуматъ о какомъ-нибудь минувшемъ промежуткѣ времени, мы должны вызвать въ умѣ символическую дату въ видѣ, напри-

мѣръ, слова или цифры, или же представить себѣ происшедшія въ этотъ промежутокъ времени событія, которыя всецѣло съ нимъ ассоціировались. Для полноты воспоминанія о прошломъ необходимо мыслить и то, и другое—и символическую дату, и соотвѣтствующія минувшія событія. «Отнести» извѣстный фактъ къ минувшему времени значитъ мыслить его въ связи съ именами и событіями, характеризующими его дату, короче говоря, мыслить его, какъ членъ сложнаго комплекса элементовъ ассоціаціи.

Но и это еще не составитъ психическаго явленія, называемаго памятью. Память представляетъ нѣчто большее, сравнительно съ простымъ отнесеніемъ факта къ извѣстному моменту прошлаго. Онъ долженъ быть отнесенъ къ извѣстному моменту *моего* прошлаго. Другими словами, я долженъ думать, что это я имени пережилъ его. Онъ долженъ быть окрашенъ въ то чувство «теплоты» и «интимности» по отношенію къ нашей личности, о которомъ намъ не разъ приходилось говорить въ главѣ: «*О личности*», и которые составляетъ характеристическую черту всѣхъ явленій, вошедшихъ въ составъ нашего индивидуальнаго опыта.

Общее чувство направленія вглубь прошедшаго, опредѣленная дата, лежащая въ этомъ направленіи и охарактеризованная опредѣленнымъ названіемъ или своимъ содержаніемъ, воображаемое мною событіе, относимое къ этой датѣ, и признаніе этого событія принадлежащимъ моему личному опыту—вотъ составные элементы въ каждомъ объектѣ памяти.

Запоминаніе и припоминаніе. Если явленія памяти таковы, какими показалъ намъ ихъ только-что сдѣланный анализъ, то можемъ ли мы ближе наблюдать процессы памяти и выяснить себѣ ихъ причины?

Процессъ памяти заключаетъ въ себѣ два элемента:

- 1) *Запоминаніе* извѣстнаго факта.
- 2) *Припоминаніе* или воспроизведеніе того же факта.

Причиной запоминанія и припоминанія служитъ законъ пріученія въ нервной системѣ, играющій здѣсь такую же роль, какъ и при ассоціаціи идей.

Припоминаніе объясняется при помощи ассоціаціи. Ассоціаціонисты давно объяснили припоминаніе съ помощью ассоціаціи. Джэмсъ Милль высказываетъ по этому поводу соображенія, которыя мнѣ кажутся не требующими никакихъ поправокъ; только слово «идея» я замѣнилъ бы выраженіемъ «объектъ мысли».

«Есть, говорить онъ, состояніе сознанія, хорошо извѣстное всякому—припоминаніе. При этомъ состояніи, мы, очевидно, не имѣемъ въ сознаніи той идеи, которую хотимъ припомнить. Какимъ же путемъ при дальнѣйшихъ попыткахъ припомнить забытое мы, наконецъ, наталкиваемся на него? Если мы не сознаемъ искомой идеи, мы сознаемъ нѣкоторыя идеи, связанныя съ нею.

Мы перебираемъ въ умѣ эти идеи въ надеждѣ, что которая-нибудь изъ нихъ напомнитъ намъ забытое, и если которая-нибудь изъ нихъ дѣйствительно напоминаетъ намъ забытое, то всегда вслѣдствіе того, что она съ нимъ связана общей ассоціаціей. Я встрѣтилъ на улицѣ стараго знакомаго, имени котораго не помню, но желаю припомнить. Я перебираю въ умѣ рядъ именъ, надѣясь натолкнуться на имя, связанное ассоціаціей съ искомымъ именемъ. Я припоминаю всѣ обстоятельства, при которыхъ видѣлся съ нимъ, время, когда я познакомился съ нимъ, лицъ, въ присутствіи которыхъ я встрѣчался съ нимъ, что онъ дѣлалъ, что ему приходилось выносить, и, если мнѣ случилось натолкнуться на идею, связанную общей ассоціаціей съ его именемъ, я тотчасъ припоминаю забытое имя; въ противномъ случаѣ, всѣ попытки мои будутъ напрасны. Есть другая группа явленій, вполне аналогичныхъ только-что описаннымъ и могущихъ служить для нихъ яркой иллюстраціей. Часто случается, что мы желаемъ не забыть чего-нибудь. Въ чемъ же заключается приемъ, къ которому мы прибѣгаемъ въ подобномъ случаѣ, чтобы обезпечить припоминаніе даннаго факта по желанію? Всѣ люди прибѣгаютъ для этой цѣли къ тому же способу. Обыкновенно при этомъ стараются образовать ассоціацію между объектомъ, который хотятъ запомнить и ощущеніемъ или идеей, которая, какъ завѣдомо извѣстно, будетъ явиться въ то время или около того времени, когда пожелаютъ вызвать въ памяти данный объектъ мысли. Если ассоціація эта образовалась, и одинъ изъ ея элементовъ попадаетъ намъ на глаза, то это ощущеніе или идея вызываетъ по ассоціаціи искомымъ объектъ мысли. Вотъ избитый примѣръ подобной ассоціаціи: человекъ получаетъ отъ своего друга порученіе и, чтобы какъ-нибудь не забыть его, завязываетъ узелокъ на своемъ носовомъ платкѣ. Какъ объяснить этотъ фактъ? Прежде всего, идея порученія ассоціировалась съ идеей завязыванья платка. Затѣмъ, заранее извѣстно, что носовой платокъ такая вещь, которую очень часто приходится имѣть передъ глазами, и, слѣдовательно, его по всей вѣроятности, случится видѣть около того времени, когда нужно будетъ приступить къ выполненію порученія. Увидѣвъ платокъ, мы замѣчаемъ узелъ, а видъ узла напоминаетъ намъ и о порученіи, благодаря преднамѣренно-образованной между ними ассоціаціи».

Короче говоря, мы ищемъ въ памяти забытую идею совершенно такъ же, какъ ищемъ въ домѣ затерявшуюся вещь. Въ обоихъ случаяхъ мы осматриваемъ сначала то, что, повидимому, находится въ сосѣдствѣ съ искомымъ предметомъ. Мы переворачиваемъ въ домѣ вещи, подлѣ которыхъ, подъ которыми и внутри которыхъ онъ можетъ находиться, и если онъ дѣйствительно находится вблизи нихъ, то вскорѣ попадаетъ намъ на глаза. При поискахъ

объекта мысли, вмѣсто предметовъ мы имѣемъ дѣло съ элементами ассоціаціи. Механизмъ припоминанія тождественъ съ механизмомъ ассоціаціи, а послѣдній, какъ намъ извѣстно, сводится къ элементарному закону приученія въ первыхъ центрахъ.

Ассоціація объясняетъ также и запоминаніе. Тотъ же законъ приученія составляетъ и механизмъ запоминанія. Запоминаніе означаетъ способность къ припоминанію—и больше ничего. Единственнымъ указаніемъ на существованіе въ данномъ случаѣ запоминанія есть наличность припоминанія. Запоминаніе извѣстнаго явленія, короче говоря, есть другое названіе для *возможности* снова думать о немъ или для *стремленія* снова думать о немъ въ связи съ обстановкой, относящейся ко времени перваго его возникновенія. Какой бы случайный поводъ ни превратилъ эту возможность въ дѣйствительность, во всякомъ случаѣ постояннымъ *основаніемъ* для этой возможности остаются: пути въ нервной ткани, черезъ которые внѣшнее раздраженіе вызываетъ припоминаемое явленіе, минувшія ассоціаціи, сознаніе того, что наше «Я» было связано съ даннымъ явленіемъ, вѣра въ то, что все это дѣйствительно было въ прошедшемъ и т. д. Когда припоминаніе вполне «подготовлено», искомый образъ оживаетъ въ сознаніи тотчасъ же послѣ появленія повода къ этому, въ противномъ случаѣ образъ появляется лишь черезъ нѣсколько времени. Но, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, главнымъ условіемъ, дѣлающимъ запоминаніе вообще возможнымъ, являются нервные пути, въ которыхъ образуется ассоціація запоминаемаго объекта мысли съ поводами, вызывающими его въ памяти. *Въ состояніи скрытаго напряженія эти пути обуславливаютъ запоминаніе, въ состояніи активности—припоминаніе*

Физиологическая схема. Явленіе памяти можетъ быть окончательно выяснено при помощи простой схемы. Пусть *n* будетъ минувшее событіе, *o*—его окружающая обстановка (сосѣднія событія, дата, связь съ нашей личностью, «теплота» и «интимность» etc.), а *m*—нѣкоторая мысль или фактъ въ настоящемъ, который легко можетъ стать поводомъ къ припоминанію. Пусть нервные центры, дѣйствующіе при мысляхъ *m*, *n* и *o*, будутъ выражены черезъ *M*, *N* и *O*, тогда существованіе путей, символически обозначенныхъ линіями между *M* и *N*, и *N* и *O*, будутъ выражать фактъ «задержанія событія *n* въ памяти», а возбужденіе мозга по направленію этихъ путей будетъ выражать условіе припоминанія событія *n*. Нужно замѣтить, что запоминаніе событія *n* не есть мистическое приобрѣтеніе «идеи» бессознательнымъ путемъ. Оно вовсе не есть явленіе психическаго порядка. Это,—чисто физическое явленіе, именно наличность «путей» въ глубочайшихъ нѣдрахъ мозговой ткани. Съ другой стороны, припоминаніе есть психофизическій процессъ, имѣющій и тѣлесную, и душевную сторону; тѣлесная сторона его—возбужденіе нервныхъ путей, психическая — сознательное

представленіе минушаго явленія и вѣра въ его принадлежность нашему прошлому.

Короче говоря, единственная гипотеза, для которой явленія внутренняго опыта дають здѣсь поддержку, заключается въ томъ, что *нервные пути, возбуждаемые воспріятіемъ известнаго факта и его припоминаніемъ, во вполнѣ тождественны*. Еслибы мы могли вызвать въ сознаніи минувшее событіе независимо отъ какихъ бы то ни было элементовъ ассоціаціи, то этимъ самымъ была бы исключена всякая возможность памяти: видя передъ собою явленіе минушаго опыта, мы принимали бы его за новый образъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнивъ известное событіе безъ окружавшей его обстановки, мы едва можемъ отличить его отъ простаго продукта нашего воображенія. Но, чѣмъ болѣе элементовъ ассоціаціи связано съ нимъ въ нашемъ сознаніи, тѣмъ легче мы узнаемъ въ немъ объектъ минушаго опыта. Напримѣръ, я вхожу въ комнату моего пріятели и вижу на стѣнѣ картину. Сначала я испытываю какое-то странное ощущеніе. «Навѣрное я видѣлъ эту картину!» говорю я, но гдѣ и когда не могу припомнить; въ то-же время я чувствую въ картинѣ что-то знакомое; наконецъ, восклицаю: «Вспомнилъ! Это—копія съ части изображенія одного изъ Фра-Анжелико, которыхъ я видѣлъ во Флорентійской Академіи». Только для того, чтобы вызвать въ памяти картину, нужно было припомнить зданіе Академіи.

Условія хорошей памяти. Если припоминаемый фактъ—*n*, то пути *N—O* составляютъ фізіологическія условія, которые вызываютъ въ сознаніи обстановку, окружавшую *n*, и дѣлають *n* объектомъ памяти, а не простой фантазіи. Съ другой стороны, путь *M—N* даетъ поводъ къ припоминанію *n*. *Итакъ, въ виду того, что память всецѣло обусловлена свойствами нервныхъ путей, ея достоинство въ данномъ индивидуѣ зависитъ частію отъ числа, а частію отъ устойчивости этихъ путей.*

Устойчивость или постоянство нервныхъ путей есть индивидуальное фізіологическое свойство нервной ткани у каждаго человека, число же ихъ зависитъ всецѣло отъ фактовъ личнаго опыта. Назовемъ устойчивость нервныхъ путей прирожденной фізіологической воспримчивостью. Эта воспримчивость въ различныхъ возрастахъ и у различныхъ индивидуовъ бываетъ очень различна. Одни умы подобны воску подъ давленіемъ печати: ни одно впечатлѣніе, какъ-бы оно ни было безсвязно, не пропадаетъ для нихъ безслѣдно. Другіе напоминають желе, дрожащее отъ простаго прикосновенія, но при обычныхъ условіяхъ неспособное воспринимать устойчивыя отпечатки. Эти послѣдніе умы, припоминая какой-нибудь фактъ, неизбежно должны подолгу копаться въ запасѣ своихъ устойчивыхъ знаній. У нихъ нѣтъ *отрывочной* памяти. Наоборотъ, тѣ лица, которые удерживають въ памяти безъ

всякаго усилія имена, даты, адреса, анекдоты, сплетни, стихи, цитаты и всевозможные факты, обладают отрывочной памятью въ высшей степени, и, конечно, обязаны этимъ необыкновенной восприимчивости ихъ мозгового вещества для каждаго вновь образовавшагося въ немъ пути. По всей вѣроятности, лица, не одаренныя въ высшей степени физиологической восприимчивостью, неспособны въ широкой, многосторонней дѣятельности. И въ практической жизни, и въ научной сферѣ человѣкъ, умственнымъ приобрѣтеніемъ котораго тотчасъ же закрѣпляются въ немъ, всегда прогрессируетъ и достигаетъ своихъ цѣлей, въ то время какъ окружающіе, тратя большую часть времени на переучиванье того, что они когда-то учили, но забыли, почти не двигаются впередъ. Карлъ Великій, Лютеръ, Лейбницъ, Вальтеръ Скоттъ, любой изъ великихъ геніевъ человѣчества, непремѣнно должны были обладать изумительной восприимчивостью чисто физиологическаго свойства. Люди, не одаренные такой восприимчивостью, могутъ въ той или другой степени выдаваться качествомъ своего труда, но никогда не будутъ въ состояніи создать такіа массы произведеній или имѣть такое громадное вліяніе на современниковъ.

Но въ жизни каждаго изъ насъ наступаетъ такой періодъ, когда мы можемъ только сохранять приобрѣтенное ранѣе, когда прежде проложенныя въ мозгу пути исчезаютъ съ такой же скоростью, съ какой образуются новыя, и когда мы въ недѣлю забываемъ ровно столько, сколько приобрѣтаемъ новыхъ знаній за тотъ же промежутокъ времени. Это состояніе равновѣсія можетъ тянуться много, много лѣтъ. Въ глубокой старости оно начинаетъ нарушаться въ противоположномъ направленіи: количество забываемаго начинаетъ перевѣшивать количество вновь приобрѣтаемаго, или лучше сказать, нѣтъ никакихъ новыхъ приобрѣтеній. Мозговые пути становятся настолько неустойчивыми, что въ теченіе нѣсколькихъ мипуть разговора тотъ же вопросъ предлагается и отвѣтъ на него забывается разъ шесть подрядъ. Въ этомъ періодѣ жизни необычайная устойчивость путей, образовавшихся въ дѣтствѣ, становится очевидной; старикъ, впавшій въ дѣтство, сохраняетъ воспоминанія своей ранней молодости, утративъ всѣ остальные.

Вотъ все, что я имѣлъ въ виду сказать объ устойчивости мозговыхъ путей. Теперь скажу нѣсколько словъ объ ихъ числѣ.

Очевидно, чѣмъ болѣе такихъ путей въ мозгу, какъ М—, и чѣмъ болѣе благоприятныхъ поводовъ для припоминанія *n*, тѣмъ скорѣе образуется, вообще говоря, и прочіе будетъ память объ *n*, и чѣмъ чаще мы будемъ вспоминать объ *n*, тѣмъ болѣе намъ будетъ возможности всегда припомнить *n* по желанію. *Выражаясь психологически, съ чѣмъ большимъ количествомъ фиктовъ данный фактъ ассоціированъ нами, тѣмъ болѣе прочно онъ задержанъ*

нашей памяти. Каждый изъ элементовъ ассоціаціи есть крючекъ, на которомъ фактъ виситъ, и съ помощью котораго его можно выудить, когда онъ, такъ сказать, опустится на дно. Всѣ элементы ассоціаціи образуютъ ткань, съ помощью которой данный фактъ закрѣплень въ мозговой ткани. Тайна хорошей памяти есть, такимъ образомъ, искусство образовывать многочисленныя и разнообразныя ассоціаціи со всякимъ фактомъ, который мы желаемъ удержатъ въ памяти. Но что другое представляетъ это образование ассоціацій съ даннымъ фактомъ, если не упорное размышленіе объ этомъ фактѣ? Такимъ образомъ, короче говоря, изъ двухъ лицъ съ тѣмъ же внѣшнимъ опытомъ и съ тою же степенью природной воспримчивости, то, которое болѣе размышляетъ надъ своими впечатлѣніями и ставитъ ихъ въ систематическую связь между собою, будетъ обладателемъ лучшей памяти. Примѣры этому можно видѣть на каждомъ шагѣ. Большинство людей обладаетъ хорошей памятью для фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ ихъ житейскимъ цѣлямъ. Школьникъ, обладающій способностями атлета, оставаясь крайне тупымъ въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, поразитъ васъ знаніемъ фактовъ, относящихся къ дѣятельности атлетовъ, и окажется ходячею справочной книгой по статистикѣ спорта. Причиной этому является то обстоятельство, что онъ постоянно думаетъ о любимомъ предметѣ, собираетъ относящіяся къ нему факты и группируетъ ихъ въ извѣстные классы. Они образуютъ для него не безпорядочную смѣсь, а систему понятій—до такой степени глубоко онъ ихъ усвоилъ. Такъ же точно купецъ помнитъ цѣны товаровъ, политическій дѣятель—рѣчи и результаты голосованія своихъ коллегъ въ такомъ множествѣ, что посторонній наблюдатель не можетъ не поражаться богатствомъ памяти, но это богатство становится вполне понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, какъ много каждый специалистъ размышляетъ надъ своимъ предметомъ. Весьма возможно, что поразительная память, обнаруживаемая Дарвиномъ и Спенсеромъ въ ихъ сочиненіяхъ, вполне совместима со среднею степенью физиологической воспримчивости мозга обоихъ ученыхъ. Если человѣкъ съ ранней юности задастся мыслью фактически обосновать теорію эволюціи, то соответствующій матеріалъ будетъ быстро накопляться и прочно задерживаться. Факты будутъ связываться между собою ихъ отношеніемъ къ теоріи, а чѣмъ болѣе умъ будетъ въ состояніи различать ихъ, тѣмъ обширнѣе будетъ эрудиція ученаго. Между тѣмъ теоретики могутъ обладать весьма слабой отрывочной памятью и даже вовсе не обладать ею. Фактовъ, бесполезныхъ для его цѣлей, теоретикъ можетъ не замѣчать и забывать ихъ тотчасъ же послѣ воспріятія ихъ. Энциклопедическая эрудиція можетъ совмѣщаться почти съ такимъ же энциклопедическимъ невѣжествомъ, и послѣднее можетъ, такъ сказать, скрываться въ промежуткахъ ея ткани. Тѣ, кому приходилось имѣть

много дѣла со школьниками и съ профессиональными учеными, тотчасъ же поймутъ, какой типъ я имѣю въ виду.

Въ системѣ каждый фактъ мысли связанъ съ другимъ фактомъ какимъ-нибудь отношеніемъ. Благодаря этому каждый фактъ задерживается совокупной силой всѣхъ другихъ фактовъ системы, изабвѣніе почти невозможно.

Почему зубреніе представляетъ такой дурной способъ ученія? Послѣ сказаннаго выше это само собой ясно. Подъ зубреніемъ я разумѣю тотъ способъ приготовленія къ экзаменамъ, когда факты закрѣпляются въ памяти въ продолженіе немногихъ часовъ или дней путемъ усиленнаго напряженія мозга на время до срока испытанія влючительно, между тѣмъ какъ въ теченіе учебнаго года память почти вовсе не упражнялась въ сферѣ предметовъ, необходимыхъ къ экзамену. Предметы, такимъ путемъ заучиваемые нами на отдѣльный случай, временно, не могутъ образовать въ нашемъ умѣ прочныхъ ассоціацій съ другими объектами мысли. Соотвѣтствующіе имъ мозговые токи проходятъ по немногимъ путямъ и, относительно говоря, съ большимъ трудомъ возобновляются. Знаніе, прибрѣтенное путемъ простаго зубренія, почти неизбѣжно забывается совершенно безслѣдно. Наоборотъ, умственный матеріалъ, набираемый памятью постепенно, день за днемъ, въ связи съ различными контекстами, освѣщенный съ различныхъ точекъ зрѣнія, связанный ассоціаціями съ другими внѣшними событіями и неоднократно подвергавшійся обсужденію, образуетъ такую систему, вступаетъ въ такую связь съ остальными сторонами нашего интеллекта, легко возобновляется въ памяти такую массу внѣшнихъ поводовъ, что остается надолго прочнымъ прибрѣтеніемъ. Вотъ въ чемъ заключается раціональное основаніе для того, чтобы установить въ учебныхъ заведеніяхъ надзоръ за непрерывностью и равномерностью занятій въ теченіе учебнаго года. Разумѣется, въ зубреніи нѣтъ ничего нравственно-предосудительнаго. Если бы оно вело къ желанной цѣли—къ прибрѣтенію прочныхъ знаній, то безспорно было бы лучшимъ педагогическимъ приемомъ. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и учащіеся сами должны понять почему.

Прирожденная воспримчивость памяти человѣка неизмѣнна. *Теперь читателю будетъ вполне ясно, если мы скажемъ, что все усовершенствованіе памяти заключается въ образованіи ряда ассоціацій съ тѣми многочисленными объектами мысли, которые нужно удерживать въ головѣ. Никакое развитіе не можетъ, повидимому, усовершенствовать общую воспримчивость человѣка.* Она представляетъ собою фзіологическое свойство, данное человѣку разв навсегда вмѣстѣ съ его организаціей, свойство, которое онъ никогда не будетъ въ состояніи измѣнить. Безъ сомнѣнія, оно измѣняется въ зависимости отъ состоянія здоровья человѣка; наблю-

денія показываютъ, что оно лучше, когда человекъ свѣжъ и бодръ, и хуже, когда онъ утомленъ или боленъ. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать, что врожденная восприимчивость колеблется въ зависимости отъ общаго состоянія здоровья человека: что хорошо для здоровья, то хорошо и для памяти. Мы можемъ даже сказать, что любое интеллектуальное упражненіе, усиливающее питаніе мозга и повышающее общій тонъ его дѣятельности, окажется полезнымъ и для общей его восприимчивости. Но болѣе этого ничего нельзя сказать, а это, очевидно, гораздо менѣе утѣшительно, сравнительно съ ходячими взглядами на восприимчивость мозга. Обыкновенно воображаютъ, что извѣстнаго рода систематическія упражненія укрѣпляютъ въ человекѣ не только способность запоминать факты, входящіе въ составъ этихъ упражненій, но и вообще восприимчивость человека къ запоминанію какихъ бы то ни было фактовъ. Говорятъ, напримеръ, что продолжительное заучиваніе словъ наизусть облегчаетъ дальнѣйшее заучиванье ихъ тѣмъ же путемъ. Еслибы это было справедливо, то все только-что сказанное мною было бы невѣрно, и вся теорія зависимости памяти отъ образованія нервныхъ путей въ мозгу должна была бы вновь быть пересмотрѣнной. Но я склоненъ думать, что факты, противопоставляемые этой теоріи, на самомъ дѣлѣ не существуютъ. Я обстоятельно разспрашивалъ по этому вопросу многихъ опытныхъ актеровъ, и всѣ они единогласно утверждаютъ, что практика въ заучиваніи ролей весьма мало облегчаетъ дѣло. По ихъ словамъ, она только развиваетъ въ нихъ способность *разучивать* роли систематически. Опытъ сообщицъ имъ богатый запасъ интонаціи, экспрессіи и жестикуляціи; это облегчаетъ разучиванье новыхъ ролей, въ которыхъ является возможнымъ примѣнить къ дѣлу запасъ, такъ же накопленный, какъ накоплены купцомъ его знанія о цѣнности товаровъ, а атлетомъ— его познанія по части гимнастической ловкости; новыя роли, благодаря практикѣ, заучиваются легче, но при этомъ врожденная восприимчивость несколько не совершенствуется, а, наоборотъ, слабѣетъ съ годами. Здѣсь запоминаніе облегчается вдумчивостью. Точно также, когда школьники совершенствуются практикой въ заучиваньи наизусть, то я увѣренъ, что на повѣрку причинной совершенствованія всегда окажется способъ заучиванія отдѣльныхъ вещей, представляющихъ относительно-большій интересъ, болѣшую аналогію съ чѣмъ-нибудь уже знакомымъ, воспринятымъ съ болѣшимъ вниманіемъ и т. д., но отнюдь не укрѣпленіе чисто физиологической силы восприимчивости. Заблужденіе, которое я имѣю въ виду, проникаетъ насквозь одну полезную и интересную въ другихъ отношеніяхъ книгу: «Какъ нужно укрѣплять память» д-ра М. С. Гольбрува изъ Нью-Йорка. Авторъ не различаетъ въ ней общей физиологической восприимчивости отъ восприимчивости къ опредѣленнымъ явленіямъ и рассуждаетъ такъ, какъ будто и та,

и другая должны совершенствоваться при помощи однихъ и тѣхъ же средствъ.

«Я лѣчу теперь, говорить онъ, старика, страдающаго потерей памяти, который не замѣчалъ, что память его быстро слабѣетъ, пока я не обратилъ на это его вниманія. Въ настоящее время онъ употребляетъ энергичныя усилія для восстановленія своей памяти, и не безъ нѣкотораго успѣха. Метода леченія заключается въ томъ, чтобы ежедневно по два часа—часъ утромъ и часъ вечеромъ—упражнять память. Пациентъ долженъ въ это время сильнѣйшимъ образомъ напрягать свое вниманіе, чтобы воспринимаемая впечатлѣнія ярко запечатлѣвались въ его умѣ. Каждый вечеръ онъ долженъ припоминать всѣ событія минувшаго дня и повторять то-же на слѣдующее утро. Каждое слышанное имя онъ долженъ записывать и стараться запомнить, возобновляя его въ умѣ отъ времени до времени. Ежедневно онъ долженъ запоминать по десяти именъ государственныхъ дѣятелей. Ежедневно онъ долженъ заучивать стихъ изъ поэтическихъ произведеній и стихъ изъ Библии. Онъ также долженъ запоминать отъ времени до времени номеръ страницы въ какой-нибудь книгѣ, гдѣ сообщается интересный фактъ. Съ помощью этихъ упражненій и нѣкоторыхъ другихъ приемовъ ослабѣвшая память этого лица начинаетъ снова оживать».

Я сильно склоненъ думать, что память этого несчастнаго старика, если и улучшилась, то лишь по отношенію къ частнымъ фактамъ, которые докторъ заставляя его запоминать, и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ эти несносныя упражненія не повысили общей его воспримчивости.

Усовершенствованіе памяти. Итакъ, все улучшение памяти заключается въ усовершенствованіи *привычныхъ методовъ запоминанія фактовъ*. Такихъ методовъ насчитываютъ три: механическій, рациональный и техническій.

Механическій методъ заключается въ усиленіи интенсивности, увеличеніи и учащеніи впечатлѣній, подлежащихъ запоминанію. Современный способъ обученія дѣтей грамотѣ при помощи письма на классной доскѣ, при которомъ каждое слово запечатлѣвается въ сознаніи при посредствѣ четырехъ путей—глазъ, ушей, голоса и рукъ, представляетъ собою образчикъ усовершенствованнаго механическаго метода запоминанія.

Рациональный методъ запоминанія есть не что иное, какъ логическій анализъ воспринимаемыхъ явленій, группировка ихъ въ опредѣленную систему, по извѣстнымъ классамъ, расчлененіе ихъ на части etc. Любая наука можетъ быть образчикомъ такого метода.

Немало было придумано *техническихъ*, искусственныхъ методовъ для запоминанія фактовъ. При помощи извѣстнаго рода

искусственных системъ можно нѣрѣдко удерживать въ памяти такую массу совершенно безсвязныхъ фактовъ, такіе длинные ряды именъ, чиселъ etc., какіе совершенно не было бы возможности запомнить естественнымъ путемъ. Методъ этотъ заключается въ механическомъ заучиваніи какой-нибудь группы символовъ, которые должны быть твердо навсегда удержаны въ памяти. Затѣмъ то, что должно быть заучено, ставится въ связь путемъ нарочно придуманныхъ ассоціацій съ нѣкоторыми изъ заученныхъ символовъ, и эта связь въ послѣдствіи облегчаетъ припоминаніе. Наиболѣе извѣстнымъ и наиболѣе употребительнымъ изъ искусственныхъ приемовъ мнемоники является *числовой алфавитъ*. Предназначается онъ для запоминанія рядовъ чиселъ, каждой изъ десяти цифръ въ немъ соотвѣтствуетъ одна или нѣсколько буквъ. Число, которое желаютъ запомнить, выражаютъ въ буквахъ, изъ которыхъ всего легче составить слова; слова по возможности подбираютъ такого рода, чтобы они напоминали чѣмъ-нибудь о предметѣ, въ которому относится число. Такимъ образомъ, слово сохраняется въ памяти даже тогда, когда число будетъ совершенно забыто *). Недавно изобрѣтенный методъ Луазетта не столь механиченъ, будучи основанъ на образованіи ряда ассоціацій съ объектомъ, который желательно запомнить.

Воспризнаніе. Если съ извѣстнымъ явленіемъ мы встрѣчаемся часто и въ связи со слишкомъ многочисленными и разнообразными окружающими элементами, то, несмотря на соотвѣтственно легкое воспроизведеніе его, мы не можемъ поставить его въ связь съ опредѣленной обстановкой и, слѣдовательно, отнести къ опредѣленной датѣ въ нашемъ прошломъ. Мы *воспризнаемъ*, но не *вспоминаемъ* его: ассоціаціи, связанныя съ нимъ, слишкомъ многочисленны и неопредѣленны. Такой же результатъ получается въ томъ случаѣ, когда локализація въ прошломъ слишкомъ смутна. Въ такомъ случаѣ мы чувствуемъ, что видѣли гдѣ-то данный объектъ, но гдѣ и когда совершенно не помнимъ, хотя намъ кажется, что вотъ-вотъ сейчасъ мы вспомнимъ это. Что нарождающіяся, слабыя возбужденія мозга могутъ вызывать нѣчто въ сознаніи —

*) Вотъ числовой алфавитъ:

1,	2,	3,	4,	5,	6,	7,	8,	9,	0,
т	н	м	р	л	ж	г	ф	б	в
д					ч	к	в	п	ц
					ш	х			
					щ				
				и	а	я:			
t	n	m	r	l	sh	g	f	b	v
d					j	k	v	p	c
					ch	c			z
					g	qu			

это можно наблюдать на себѣ въ томъ случаѣ, когда стараешься припомнить имя. Оно въ такомъ случаѣ, что называется, вертится на языкѣ, но не приходитъ на умъ окончательно. Совершенно аналогичное чувство сопровождаетъ воспризнаніе, когда ассоціаціи, сопровождающія данный объектъ мысли, дѣлають его для насъ знакомымъ, но неизвѣстно почему.

Есть одно курьезное психическое состояніе, которое, вѣроятно, всякому приходилось испытывать на себѣ, это—то чувство, когда кажется, что переживаемое въ данную минуту во всей своей полнотѣ переживалось когда-то прежде, когда-то мы говорили буквально то-же самое на томъ же самомъ мѣстѣ, тѣмъ же лицамъ etc. Это чувство «предсуществованія» психическихъ состояній долгое время казалось чѣмъ-то чрезвычайно загадочнымъ и служило поводомъ къ многочисленнымъ истолкованіямъ. Д-ръ Виганъ усматривалъ причину этого явленія въ диссоціаціи дѣятельности мозговыхъ полушарій; согласно его предположенію, одно изъ нихъ начинало немного позже сознавать внѣшнія впечатлѣнія, такъ сказать, отставало отъ другого въ сознаніи тѣхъ же впечатлѣній. По моему, такое объясненіе нисколько не устраняетъ загадочности этого явленія. Неодновратно наблюдая его на себѣ, я пришелъ къ заключенію, что оно представляетъ изъ себя всецѣло неясное припоминаніе, въ которомъ одни элементы возобновились передъ сознаніемъ, а другіе нѣтъ. Элементы прошлаго состоянія, несходные съ настоящимъ, не оживаютъ сначала настолько, чтобы мы могли отнести это состояніе къ опредѣленному прошлому. Мы только сознаемъ настоящее, связанное съ какимъ-то общимъ намекомъ на прошлое. Точный наблюдатель психологическихъ явленій проф. Лацарусъ истолковываетъ это явленіе такъ же, какъ и я. Достойно вниманія здѣсь то, что настоящее кажется повтореніемъ прошлаго лишь до тѣхъ поръ, пока ассоціаціи, связанныя съ аналогичнымъ прошлымъ, не стануть вполне отчетливы.

Забвеніе. На практикѣ для нашего интеллекта забвеніе составляетъ такую же важную функцію, какъ и запоминаніе. «Полное воспроизведеніе», какъ мы видѣли, представляетъ сравнительно рѣдкій случай ассоціаціи. Еслибы мы помнили рѣшительно все, то были въ такомъ же безвыходномъ положеніи, какъ еслибы не помнили ничего. Припоминаніе факта требовало бы столько же времени, сколько протекло его на самомъ дѣлѣ отъ появленія до момента припоминанія, и, такимъ образомъ, мы никогда бы не двигались впередъ въ нашемъ мышленіи. Время при припоминаніи подвергается тому, что Рибо называетъ «укороченіемъ»: укороченіе это обусловлено пропусками огромнаго количества фактовъ, заполнявшихъ данный временной промежутковъ. «Такимъ образомъ, говоритъ Рибо, мы приходимъ къ парадоксальному выводу: заб-

веніе есть одно изъ условій запоминанія. Безъ полнаго забвенія громаднаго количества состояній сознанія и безъ временнаго забвенія весьма значительнаго количества впечатлѣній мы совершенно не могли бы запоминать. Такимъ образомъ, забвеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ его формъ, не есть болѣзнь памяти, но условіе ея здоровья и живости».

Патологическія условія. Лица, подвергнутыя гипнозу, вообще говоря, забываютъ все, что съ ними происходило во время трансa. Но при послѣдующихъ состояніяхъ трансa они нерѣдко помнятъ, что съ ними было въ предшествующемъ состояніи трансa. Здѣсь наблюдается нѣчто подобное «раздвоенію личности», при которомъ связность существуетъ лишь между отдѣльными состояніями каждой изъ личностей, но не между самими личностями. Въ этихъ случаяхъ чувствительность нерѣдко бываетъ у той и другой личности различна: во «вторичномъ» состояніи пациентъ нерѣдко обнаруживаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ анестезію. Пьеръ Жане доказалъ различными путями, что его пациенты припоминали въ состояніи нормальной чувствительности тѣ факты, которые не помнили въ состояніи анестезіи. Такъ, напримѣръ, онъ временно восстанавливалъ ихъ чувство осязанія при помощи электрическаго тока, пассовъ etc. и заставлялъ ихъ брать въ руки различные предметы—ялочи, карандаши etc., или дѣлать извѣстнаго рода движенія, напримѣръ, креститься. При возвращеніи анестезіи они совершенно не помнили объ этомъ. «Мы ничего не брали въ руки, мы ничего не дѣлали»—вотъ ихъ обычный отвѣтъ въ этомъ состояніи. Но на другой день, когда ихъ нормальная чувствительность была уже восстановлена, они отлично помнили, что дѣлали въ состояніи анестезіи, и какія вещи брали въ руки.

Всѣ эти патологическія явленія показываютъ намъ, что сфера возможнаго припоминанія гораздо шире, чѣмъ мы думаемъ, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ кажущееся забвеніе еще не даетъ права думать, что припоминаніе абсолютно невозможно. Отсюда, впрочемъ, еще нѣтъ ровно никакихъ основаній дѣлать парадоксальный выводъ, будто абсолютнаго забвенія впечатлѣній опыта вовсе нѣтъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Воображеніе.

Что такое воображеніе? *Однажды испытанныя ощущенія такъ измѣняютъ нашу нервную организацію, что воспроизведеніе этихъ ощущеній, ихъ копій, возникаютъ въ сознаніи, когда первоначально*

вызывающее из внешнего раздражение уже отсутствует. Впрочем, никакое ощущение не может быть воспроизведено в нашем сознании, если оно первоначально не проникло в наше сознание извне.

Слѣпому могутъ сниться цвѣта, глухому—звуки много лѣтъ спустя послѣ потери зрѣнія или слуха, но глухорожденный никогда не будетъ въ состояніи представить себѣ звукъ, или слѣпорожденный—цвѣтъ. Повторяя уже приведенныя выше слова Локка, мы можемъ сказать, что «умъ не можетъ образовать внутри себя ни одной простой идеи». Оригиналы для простыхъ идей должны быть почерпнуты извне. Фантазія или воображеніе суть названія, данныя способности воспроизводить копія однажды пережитыхъ впечатлѣній. Воображеніе называется «репродуктивнымъ», когда эти копія буквальны, и «продуктивнымъ» (или «конструктивнымъ»), когда элементы различныхъ первоначальныхъ впечатлѣній комбинируются вмѣстѣ и образуютъ новое цѣлое. Репродуктивные образы со всею ихъ конкретной обстановкой, которая даетъ возможность опредѣлить время соответствующаго имъ въ прошедшемъ воспріятія или объекта мысли, оживая передъ сознаніемъ, представляютъ *воспоминанія*. Мы только-что познакомились съ механизмомъ этихъ воспоминаній. Когда наши образы не относятся ни къ какому опредѣленному времени и не представляютъ вполнѣ точной копія какого-либо прежняго воспріятія, то мы имѣемъ дѣло съ продуктами воображенія въ собственномъ смыслѣ слова.

Живость зрительнаго воображенія у различныхъ людей различна. Наши образы мнувшаго опыта могутъ отличаться полнотою и отчетливостію или быть неясны, неточны и неполны. Весьма вѣроятно, что многія философскія разногласія, напримѣръ, разногласіе Локка и Беркли по поводу абстрактныхъ идей, находили себѣ поддержку въ индивидуальныхъ различіяхъ способности воображенія у отдѣльныхъ лицъ, благодаря которымъ у однихъ продукты воображенія бываютъ полнѣе и точнѣе, у другихъ блѣднѣе и туманнѣе. Локкъ утверждалъ, что мы обладаемъ общей идеей трехугольника, которая не должна быть ни прямоугольнымъ, ни равностороннимъ, ни равнобедреннымъ, ни неравностороннимъ трехугольникомъ, но каждымъ изъ нихъ вмѣстѣ и ни однимъ въ частности. Беркли говорилъ по этому поводу слѣдующее: «Если есть на свѣтѣ человѣкъ, который можетъ образовать въ своемъ умѣ такую идею трехугольника, то спорить съ нимъ совершенно бесполезно, и я не намѣренъ этого дѣлать. Я хочу только, чтобы читатель выяснилъ себѣ хорошенько, можетъ ли онъ представить себѣ подобную идею или вѣтъ». До самаго послѣдняго времени, большинство философовъ предполагало, что существуетъ извѣстный прототипъ человѣческаго ума, на который походятъ всѣ индивидуальные умы, и что отно-

нительно способности воображенія можно высказывать положенія, примѣнимыя равно ко всѣмъ людямъ. Но въ настоящее время масса новыхъ психологическихъ данныхъ обнаружила полную несостоятельность этого взгляда. Нѣтъ «воображенія», есть «воображенія», и ихъ особенности необходимо изучить детально.

Въ 1880-мъ году Гальтонъ предпринялъ статистическое собраніе матеріаловъ по этому вопросу, что, можно сказать, составило эру въ области описательной психологій. Онъ обратился къ огромному количеству лицъ съ просьбой описать воспроизведенное представленіе обстановки, окружавшей ихъ во время завтрака въ какое-нибудь утро. Вариации оказались весьма значительными, и, какъ это ни странно, оказалось, что въ среднемъ выдающіеся ученые обладаютъ меньшею силою зрительнаго воспроизведенія, сравнительно съ молодыми, ничѣмъ особенно не выдающимися субъектами.

Подробности по этому вопросу читатель найдетъ въ сочиненіи Гальтона: «Исслѣдованіе человѣческихъ способностей» стр. 83—114. Я самъ въ продолженіе многихъ лѣтъ собиралъ отъ каждаго изъ студентовъ, слушавшихъ мой курсъ психологій, описанія силы ихъ зрительнаго воспроизведенія и нашелъ (наряду съ нѣкоторыми курьезными аномаліями) соответствующіе случаи для всѣхъ, приводимыхъ Гальтономъ. Для примѣра я приведу здѣсь два случая, представляющихъ два крайнихъ типа максимальной и минимальной силы зрительнаго воспроизведенія. Авторы этихъ двухъ сообщеній двоюродные братья, внуки вылающагося ученаго.

Вотъ что пишетъ первый изъ нихъ, обладающій максимальной силою зрительнаго воспроизведенія:

«Картина моего завтрака бываетъ и смутной, и ясной въ моемъ воображеніи. Она смутна и тускла, когда я пытаюсь воспроизвести ее съ открытыми глазами, направленными на какой-нибудь предметъ. Она въ высшей степени отчетлива и ярка, когда я представляю ее себѣ съ закрытыми глазами. Всѣ подробности этой картины для меня одновременно ясны, но, когда я направляю вниманіе на какую-нибудь изъ нихъ, она представляется мнѣ еще отчетливѣй. Всего легче я воспроизвожу въ памяти цвѣта; еслибы, напримѣръ, мнѣ нужно было припомнить блюдо, украшенное цвѣтами, я былъ бы въ состояніи въ точности воспроизвести послѣдніе красками etc. Цвѣтъ всего бывшаго на утреннемъ столѣ представляется мнѣ чрезвычайно живо. Обширность моихъ зрительныхъ воспроизведеній чрезвычайно велика. Я представляю себѣ всѣ четыре стѣны моей комнаты и всѣ четыре стѣны каждой изъ четырехъ остальныхъ комнатъ и даже болѣе того съ такою отчетливостью, что, если бы вы меня спросили, гдѣ лежитъ такая-то вещь или попросили бы меня сосчитать стулья и т. д., я тотчасъ же сдѣлалъ бы это безъ малѣйшаго колебанія. Чѣмъ болѣе я учу наизусть, тѣмъ яснѣе я представляю себѣ образы

читанных мною страницъ. Даже передъ тѣмъ, какъ произносить наизусть одну строчку заученнаго, я вижу ее и слѣдующія за нею строки, такъ что могу цитировать ихъ медленно слово за словомъ, но умъ мой такъ занятъ созерцаніемъ образа печатныхъ строкъ, что я совершенно не сознаю смысла произносимыхъ мною словъ. Когда я впервые замѣтилъ въ себѣ такую особенность, то сначала подумалъ, что это обусловлено несовершеннымъ знаніемъ выученнаго наизусть. Но въ концѣ-концовъ я убѣдился, что дѣйствительно вижу страницу. Сильнѣйшимъ доводомъ въ пользу того, что это такъ, я думаю, можетъ служить слѣдующій фактъ:

Я могу мысленно осматривать страницу и видѣть *начальныя* слова каждой строчки, и отъ любого изъ нихъ я могу читать строчку далѣе. Мнѣ гораздо легче дѣлать это, если эти начальныя слова идутъ одно подъ другимъ по прямой линіи, чѣмъ если они отстаютъ въ сторону. Напримѣръ:

Etant fait . . . . .
Tous . . . . .
A des . . . . .
Que fit . . . . .
Cères . . . . .
Avec . . . . .
Un fleur . . . . .
Comme . . . . .

(La Fontaine, 8. IV).

Вотъ что пишетъ лицо съ минимальной силой зрительнаго воспроизведенія:

«Моя сила зрительнаго воспроизведенія, насколько я могу судить, очень слаба, сравнительно съ окружающими людьми, и представляетъ нѣкоторыя особенности. Я представляю себѣ любое минувшее событіе не въ видѣ ряда отчетливыхъ образовъ, но въ видѣ панорамы, въ которой детали какъ-бы просвѣчиваютъ сквозь густой туманъ. Закрывъ глаза мои, я не могу представить себѣ какую-нибудь изъ этихъ деталей, хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ я еще былъ въ состояніи дѣлать это, послѣ чего способность эта, повидимому, мало по малу совершенно исчезла. При самыхъ живыхъ моихъ сновидѣніяхъ, когда грезы представляются мнѣ вполне реальными фактами, я нерѣдко бываю пораженъ помутнѣніемъ зрѣнія, и образы фантазіи становятся для меня неясными. Попытки представить себѣ обстановку завтрака не привели меня ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Все казалось мнѣ крайне туманнымъ. Я даже не могу сказать, что я видѣлъ. Я не могъ бы сказать, сколько стульевъ въ ком-

натѣ, еслибы не зналъ случайно, что ихъ десять. Я ничего не вижу въ деталяхъ. Всего характернѣе то обстоятельство, что я да-же не могу сказать въ точности, что я вижу. Насколько я припоминаю, окраска предметовъ въ воспроизведеніи бываетъ та-же, что и въ воспріятіи, только представляется сильно полинявшею. Быть можетъ, всего отчетливѣе я вижу цвѣтъ скатерти, лежавшей на столѣ, и, можетъ быть, я былъ бы въ состояніи видѣть цвѣтъ обоей, еслибы я помнилъ его».

Лица, обладающія значительной силой зрительнаго воспроизведенія, съ трудомъ могутъ понять, какъ могутъ думать лица, лишенные этой силы. Нѣтъ сомнѣнія, что *нѣкоторые лица совершенно не имютъ способности зрительнаго воспроизведенія въ сколько-нибудь значительной степени*; они не скажутъ, что видятъ столъ, но что *помнятъ* его и *знаютъ*, что на немъ стояло. Психическій матеріалъ, изъ котораго состоитъ это «знаніе», заключается, повидимому, исключительно въ названіяхъ. Но, если при помощи словъ: «кофе», «ветчина», «булки», «яйца» etc., можно такъ же легко объясняться съ вухаркой, платить по счетамъ и заказывать обѣдъ на завтра, какъ и при помощи зрительной и вкусовой памяти, то нѣтъ основанія, съ практической точки зрѣнія, считать зрительную память особеннымъ преимуществомъ. Въ сущности словесная память для большинства житейскихъ цѣлей даже лучше памяти, богатой яркими образами. Существеннымъ элементомъ въ мышленіи является комбинація терминовъ въ послылкахъ для образованія заключенія, благодаря чему словесное мышленіе всего скорѣе содѣйствуетъ образованію вывода, такъ какъ слова (произнесенныя вслухъ или нѣтъ — это безразлично) наиболѣе сподручный матеріалъ для процессовъ мышленія. Они не только чрезвычайно легко оживаютъ въ памяти, но даже съ большей легкостью, чѣмъ какія-либо другія впечатлѣнія опыта. Если бы это не было такъ, то оставался бы необъяснимымъ тотъ фактъ, что, вообще говоря, чѣмъ старѣе люди, и чѣмъ болѣе они выдаются въ качествѣ мыслителей, тѣмъ болѣе они оказываются утратившими зрительную память, какъ это, напримѣръ, напечелъ Гальтонъ у членовъ Королевскаго Ученаго Общества.

Звуковые образы. Какъ и сила зрительнаго воспроизведенія, сила звукового воспроизведенія у различныхъ лицъ бываетъ весьма различной. Лица съ преобладаніемъ звукового воспроизведенія были названы Гальтономъ *audiles*. По словамъ Бине, *этотъ типъ встрѣчается рѣже лицъ со зрительною памятью*.

Лица слухового типа воспроизводятъ объекты мысли въ звукахъ. Чѣмъ выучить урокъ, они стараются запомнить на страницѣ, на которой онъ написанъ, а звуки голоса, отвѣчающаго его вслухъ; они и мыслятъ, и припоминаютъ ухомъ. Производя въ умѣ сложеніе, они повторяютъ про себя названія чиселъ и, такъ сказать,

производить сложение съ помощью однихъ звуковъ, и не помышляя о цифрахъ. Конструктивное воображеніе у такихъ лицъ также бываетъ слуховое. «Когда я пишу комедію, сказала Легуве Скрибу, вы ее смотрите, но я ее слушаю. Когда я пишу фразу, я слышу голосъ лица, произносящаго ее. «Vous, qui êtes le théâtre même», ваши актеры говорятъ, жестикулируютъ передъ вашими глазами: вы—зритель, а я—слушатель». «Совершенно справедливо,—замѣтилъ Скрибъ,—знаете ли вы, гдѣ я нахожусь, когда пишу пьесу? Въ серединѣ партера». Очевидно, чисто слуховой типъ, развивая лишь одну изъ своихъ способностей, можетъ довести слуховую память до чудовищныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, Моцартъ, прослушавъ всего два раза *Misereere* Свѣстинской Капеллы, запомнилъ его навзустъ; Бетховенъ, будучи глухимъ, сочинялъ и мысленно повторялъ про себя свои огромныя симфоническія произведенія. Съ другой стороны, человѣкъ, принадлежащій къ слуховому типу, такъ же, какъ человѣкъ чисто зрительнаго типа, подверженъ серьезной опасности въ случаѣ потери слуховыхъ образовъ, ибо это для него будетъ почти равносильно потерѣ умственныхъ способностей.

Образы мускульнаго чувства. Вѣнскій проф. Штрикверъ, который, повидимому, принадлежитъ къ «моторному» типу, то есть, обладаетъ ненормально развитою двигательною формою воображенія, далъ тщательное описаніе этого способа воспроизведенія. Его воспоминанія о его собственныхъ движеніяхъ и о движеніяхъ окружающихъ предметовъ всегда сопровождаются опредѣленными мускульными ощущеніями въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя всего естественнѣе было бы примѣнить или для того, чтобы произвести какое-нибудь движеніе, или чтобы слѣдовать за движеніемъ внѣшняго предмета. Напримѣръ, думая о маршированіи солдатъ, онъ чувствовалъ, какъ будто онъ помогаль образу двигаться напряженіемъ мускуловъ собственныхъ ногъ, и, когда онъ пытался подавить симпатическое мускульное напряженіе въ своихъ ногахъ и направлялъ все свое вниманіе на воображаемаго движущагося солдата, послѣдній вдругъ ставовилея какъ-бы парализованнымъ. Вообще, всякое движеніе въ воображаемыхъ имъ предметахъ, немедленно парализуется, какъ только ощущенія движенія въ соответствующихъ членахъ или глазахъ его прекращаются. Главнѣйшая роль въ его душевной жизни принадлежитъ ощущеніямъ движеній, необходимыхъ для членораздѣльной рѣчи. «Когда по окончаніи какого-нибудь эксперимента, говоритъ онъ, я начинаю кому-нибудь словесно описывать его, то обыкновенно мнѣ приходится лишь повторять слова, которыя я уже заранѣе ассоціировалъ съ различными деталями моихъ опытовъ, въ то время, когда я производилъ послѣдніе. Ибо мысленная рѣчь играетъ во всѣхъ моихъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ такую огром-

вую роль, что я, можно сказать, воплощаю ихъ въ слова, едва успѣвъ воспринять извнѣ».

Многія лица, когда ихъ спрашивали, *въ какой формѣ представляютъ они себѣ слова*, отвѣчали: «Въ формѣ звуковыхъ образовъ». Только при большемъ сосредоточеніи вниманія на процессѣ представиванія словъ они замѣтятъ, что имъ довольно трудно опредѣлить, какіе образы преобладаютъ въ ихъ воображеніи при представиваніи словъ, слуховые или моторные, связанные съ движеніями органовъ рѣчи. Для разрѣшенія этого затрудненія Штриккеръ предлагаетъ очень удачный приемъ: «Откройте немного вашъ ротъ и постарайтесь при этомъ представить себѣ слово, въ которомъ были бы губныя или зубныя, напиримѣръ, «папирусъ», «Дидона». Ясно ли при этихъ условіяхъ ваше представленіе? Для большинства людей представленіе это является сначала смутнымъ, подобно тому, какъ произнесеніе этихъ словъ съ раскрытыми губами невнятно. Многіе совершенно не въ состояніи ясно представить себѣ этихъ словъ съ раскрытыми губами, другимъ это удается лишь послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ попытокъ. Опытъ этотъ показываетъ, до какой степени наши словесныя представленія тѣсно связаны съ ощущеніями движеній губъ, языка, гортани etc. «Проф. Бэнъ говоритъ, что *«слабыя движенія въ органахъ рѣчи составляютъ въ сущности матеріалъ для памяти, интеллектуальное проявленіе, идею рѣчи»*. У лицъ со слабою слуховою памятью моторный способъ представиванія составляетъ, повидимому, весь запасъ словеснаго мышленія. Профессоръ Штриккеръ говоритъ, что въ составъ представленій словъ, о которыхъ онъ думалъ, не входили никакіе слуховые образы.

Осязательные образы. У нѣкоторыхъ лицъ осязательный способъ воспроизведенія весьма сильно развитъ. Самые живые осязательные образы возникаютъ въ насъ, когда мы избѣгаемъ какого-нибудь мѣстнаго поврежденія, или когда мы видимъ, какъ оно наносится кому-нибудь другому. Въ такихъ случаяхъ мы можемъ вполне отчетливо испытывать соотвѣтствующія болевья ощущенія, сопровождаемыя фізіологическими явленіями, вродѣ таѣхъ называемой «гусиной кожи», блѣдности, красноты и другихъ результатовъ реального мускульнаго сокращенія въ мнимо-пораженномъ мѣстѣ.

«Одинъ образованный человѣкъ, говоритъ Г. Мейеръ, рассказывалъ мнѣ, какъ однажды онъ былъ напуганъ тѣмъ, что отдалъ дверью палецъ одного изъ своихъ маленькихъ дѣтей. Въ моментъ испуга онъ почувствовалъ сильнѣйшую боль въ соотвѣтствующемъ пальцѣ своего тѣла, и боль эта продолжалась пѣлхъ три дня».

Воображеніе слѣпо-глухо-нѣмой вродѣ Лауры Бриджманъ должно состоять исключительно изъ осязательныхъ и моторныхъ образовъ. *Всѣ слѣпые принадлежатъ къ осязательному и моторному типамъ*. Когда одному молодому человѣку, у котораго д-ръ

Францъ снялъ съ глазъ катарактъ, были послѣ операціи показаны геометрическія фигуры, то онъ не былъ въ состояніи при ихъ помощи составить себѣ идею квадрата и круга, пока не провѣрилъ зрительныхъ впечатлѣній осязательными, проведя концами пальцевъ по линиямъ фигуръ, какъ-бы ощущавъ ихъ, подобно реальнымъ предметамъ.

Патологическія особенности. Изученіе афазіи за послѣдніе годы показало, какъ неожиданно глубока разница въ формахъ воображенія у отдѣльныхъ индивидовъ. У однихъ «матеріалы мысли», если можно такъ выразиться, состоятъ преимущественно изъ зрительныхъ образовъ, у другихъ—изъ слуховыхъ или моторныхъ; у большинства же—изъ равномерной смѣси всякихъ образовъ. Это *индифферентныя* типы, согласно выраженію Шарко. Понятно, что одно и то-же поврежденіе мозга можетъ на практикѣ оказывать весьма различныя дѣйствія на лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ типамъ воспроизведенія. У одного поврежденіе затрогиваетъ весьма важную для него группу нервныхъ путей и парализуетъ ея дѣятельность, для другого поврежденіе тѣхъ же нервныхъ путей несущественно. Особенно интересенъ одинъ относящійся сюда случай, опубликованный Шарко въ 1883-мъ году. Пациентомъ былъ купецъ, прекрасно образованный человекъ, но принадлежащій къ типу съ максимальной силой зрительнаго воспронаведенія. Благодаря какому-то болѣзненному процессу въ мозгу, онъ внезапно совершенно потерялъ зрительную память, вмѣстѣ съ тѣмъ его умственные способности нѣсколько ослабли, оставаясь впрочемъ вполне нормальными. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что можетъ продолжать веденіе дѣлъ, примѣняя память свою совершенно новымъ путемъ, и ясно описалъ различіе своего новаго состоянія отъ прежняго. «Всякій разъ какъ онъ возвращался въ А., куда ему часто приходилось ѣздить по торговымъ дѣламъ, ему казалось, что онъ вѣзжаетъ въ незнакомый городъ. Онъ осматривалъ памятники, дома и улицы съ таямъ же удивленіемъ, съ какимъ бы онъ осматривалъ никогда невиданный прежде городъ. Когда его попросили описать главное общественное мѣсто въ этомъ городѣ, онъ отвѣчалъ: «Я знаю, что такое мѣсто есть въ городѣ, но не могу представить его себѣ и ничего не могу сказать о немъ». Такъ же точно онъ не помнилъ ни лица своей жены, ни лица своихъ дѣтей. Даже послѣ того, какъ онъ пробылъ съ ними въ новомъ состояніи нѣкоторое время, онъ все-таки не могъ къ нимъ привыкнуть. Онъ забывалъ даже свое собственное лицо, и однажды заговорилъ со своимъ собственнымъ отраженіемъ въ зеркалѣ, принявъ его за отраженіе другого лица. Онъ жаловался также на потерю цвѣтовой памяти. «Я знаю, что у моей жены черные волосы, но припомнить этотъ цвѣтъ, а также наружность и черты лица моей жены, я совершенно не въ состояніи». Зрите-

ная амнезия у этого субъекта распространялась и на все объекты прошлого опыта, начиная с детства; так, например, отцовского дома, где он провел юные годы, он не узнавал. Кроме потери зрительной памяти, в нем не замечалось никаких ненормальностей. Отыскивая что-нибудь в своей корреспонденции, он, как и все нормальные люди, перебирает полученные письма, пока не находит то, чего искал. Из Илиады он помнит лишь несколько первых стихов и должен долго рыться в памяти, чтобы цитировать несколько строк из Гомера, Вергилия и Горация. Складывая числа, он должен напечатывать их себе. Он вполне ясно понимает, что должен поддерживать свою память, пользуясь слуховыми образами, которые запоминаются им с трудом. *Слова и фразы, напоминаемая им, звучат, как эхо, в его ушах, что составляет для него совершенно новое ощущение.* Если он хочет выучить что-нибудь наизусть, например, ряд фраз, то он должен несколько раз подряд громко прочитать их вслух, чтобы запечатлеть их в памяти при помощи слуха. Когда он повторяет вслух впоследствии те же фразы, каждое слово его речи предшествуется соответствующим впечатлением внутреннего слуха. Прежде подобное ощущение было совершенно неизвестно ему.

Если бы у того же лица произошло внезапное расстройство не зрительного, а слухового воспроизведения, то это составило бы для него гораздо меньшее несчастье.

Нервные процессы, обуславливающие воображение. Большинство медицинских писателей утверждает, что нервные процессы, обуславливающие воображение, локализируются не в тех частях мозга, которые обуславливают восприятие соответствующих внешних впечатлений. Но можно было бы дать более простое объяснение этим фактам, предположив, что *процессы, обуславливающие и воспроизведение, и восприятие ощущений совершаются в тех же нервных путях.* Наши воспроизведенные образы всегда возникают при помощи ассоциации; они всегда бывают «внушены» нам каким-нибудь воспринятым ранее ощущением.

Ассоциации же (во всяком случае) обусловлены тонами, проходящими от одного центра мозговой коры к другому. Если мы теперь предположим, что эти проходящие внутри коры тоны не могут вызывать в нервных клетках такие сильные разряды, как в них производятся тонами, идущими от внешних органов чувств, то нам не представится никакой надобности приписывать различную локализацию физиологическим центрам восприятия и воспроизведения, чтобы объяснить психологическое различие между теми и другими. Сильному нервному разряду соответствует «живой» характер непосредственного чувственного впечатления; слабому — «блѣдность» воспроизведенного, не имѣющаго объективной реальности образа.

Если мы допустимъ, что ощущение и воображеніе обусловлены активностью тѣхъ же частей мозговой коры, то легко усмотрѣть очень хорошее телеологическое основаніе для обособленности процессовъ воспріятія и воображенія и для того факта, что процессы, указывающіе сознанію на наличность нѣкоторой объективной реальности, при нормальномъ состояніи мозга возникаютъ только при посредствѣ токовъ, идущихъ отъ периферіи, а не при посредствѣ токовъ, идущихъ отъ сосѣднихъ частей мозговой коры. Короче говоря, мы здѣсь можемъ видѣть, почему чувственные процессы должны быть обособлены отъ всѣхъ нормальныхъ процессовъ воспроизведенія, какъ бы послѣдніе ни были интенсивны. Д-ръ Мюнстербергъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Еслибы мы не обладали такимъ специфическимъ распределеніемъ физиологическихъ процессовъ воспріятія и воспроизведенія, то не были бы въ состояніи приспособлять наши дѣйствія къ окружающимъ явленіямъ внѣшняго міра, не имѣя возможности отличать дѣйствительность отъ фантазій: наше поведеніе было бы недѣлесообразнымъ, бессмысленнымъ, и мы не могли бы жить».

Иногда, въ видѣ исключенія, подъ влияніемъ одного только центрального возбужденія происходитъ нервный разрядъ, превышающій своею интенсивностью обычную норму. Въ зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣніяхъ, когда они такъ слабы, что едва замѣтны, воспріятіе и воспроизведеніе съ трудомъ различимы. Ночью, прислушиваясь къ очень слабому бою отдаленныхъ часовъ, мы мысленно воспроизводимъ и звукъ, и ритмъ боя, такъ что иногда бываетъ трудно сказать, былъ ли послѣдній ударъ реальнымъ звукомъ, или онъ есть продуктъ нашего воображенія. Когда ребенокъ кричитъ въ отдаленной части дома, то также часто не знаешь, продолжается ли крикъ, или звуки его находятся только въ нашемъ воображеніи. Нѣкоторые скрипачи пользуются этимъ свойствомъ слабыхъ звуковъ въ пьесахъ, оканчивающихся постепеннымъ замираніемъ звука — *diminuendo*. Достигнувъ *pianissimo* въ послѣдней нотѣ, они, повидимому, продолжаютъ вести смычекъ по струнѣ, какъ-бы продолжая тянуть звукъ, но при этомъ на самомъ дѣлѣ не касаются струны. Слушатель же дополняетъ воображеніемъ послѣдній звукъ, подмѣчая въ немъ отгѣнокъ, болѣе слабый, чѣмъ скрипичное *pianissimo*. Зрительныя и слуховыя галлюцинаціи представляютъ другой образчикъ подобныхъ явленій, который будетъ рассмотрѣнъ нами въ слѣдующей главѣ. Въ заключеніе упомяну объ одномъ, до сихъ поръ еще не объясненномъ фактѣ: многіе наблюдатели (Г. Мейеръ, Ш. Фере, проф. Скоттъ и Т. Шмидтъ, одинъ изъ занимающихся подъ моимъ руководствомъ студентовъ) замѣтили, что созерцаніе воспроизведенныхъ образовъ сопровождается появленіемъ отрипательныхъ зрительныхъ слѣдовъ, какъ будто сама ретина была утомлена зрительнымъ воспроизведеніемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Воспріятіе.

Сравненіе воспріятія съ ощущеніемъ. Мы уже сказали на стр. 11-й, что чистое ощущеніе есть абстракція, для которой въ психической жизни-взрослаго нѣтъ соотвѣтствующей реальности. Все, что воздѣйствуетъ на наши органы чувствъ, вызываетъ въ насъ нѣчто большее, сравнительно съ чистымъ ощущеніемъ: оно возбуждаетъ въ мозговыхъ полушаріяхъ процессы, которые отчасти обусловлены модификаціями въ строеніи нашего мозга, произведенными въ немъ предшествующими впечатлѣніями опыта; въ сознаніи нашемъ эти процессы вызываютъ идеи, которыя такъ или иначе связаны съ даннымъ ощущеніемъ. Первою такою идеей является представленіе того предмета, къ которому относится данное чувственное свойство.

Сознаваніе извѣстныхъ матеріальныхъ объектовъ, находящихся налицо предъ нашими чувствами, и есть то, что въ настоящее время называется въ психологіи воспріятіемъ. Сознаваніе такихъ объектовъ можетъ быть болѣе или менѣе полнымъ: оно можетъ заключаться въ знакомствѣ съ названіемъ объекта и въ знаніи его важнѣйшихъ свойствъ или же во всестороннемъ пониманіи самыхъ отдаленныхъ отношеній даннаго объекта къ другимъ явленіямъ опыта. Провести рѣзкую демаркаціонную черту между скуднымъ и содержательнымъ сознаваніемъ невозможно, потому что все содержаніе нашего сознанія, выходящее за предѣлы грубыхъ первичныхъ ощущеній, обусловлено законами ассоціацій; ассоціаціи же незамѣтно переходятъ одна въ другую, являясь всѣмъ общимъ продуктомъ того же самаго ассоціаціоннаго механизма. Въ актахъ непосредственнаго сознаванія ассоціаціонные процессы играютъ меньшую роль, въ опосредствованныхъ—большую.

Такимъ образомъ, *совмѣстная дѣятельность физиологическихъ процессовъ, обуславливающихъ воспроизведенія и непосредственныя ощущенія, и есть то, что даетъ содержаніе нашимъ воспріятіямъ.* Каждый конкретный матеріальный предметъ представляетъ собою комплексъ чувственныхъ свойствъ, съ которыми намъ случалось впервые знакомиться въ различныя времена. Нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ, именно, тѣ, которыя или отличаются постоянствомъ, или представляютъ для насъ интересъ, или имѣютъ практическое значеніе, мы принимаемъ за существенныя элементы даннаго предмета. Къ

такимъ свойствамъ относятся: внѣшнія очертанія предмета, его размѣры, его масса etc. Другія свойства, болѣе измѣнчивыя, мы считаемъ несущественными, случайными. Мы называемъ первыя свойства реальностью, послѣднія—ея проявленіями. Такъ, напримѣръ, услышавъ звукъ, я говорю: «Экипажъ!» но звукъ не есть экипажъ, а только одинъ изъ самыхъ несущественныхъ признаковъ его появленія. Настоящій экипажъ есть нѣчто вполне видимое и осязаемое, образъ чего былъ вызванъ звукомъ въ моемъ сознаніи. Когда поле моего зрѣнія занято, какъ, напримѣръ, въ данную минуту, образомъ коричневой плоскости съ непараллельными краями и съ неровными углами, и когда я называю этотъ образъ своимъ массивнымъ четырехугольнымъ библиотечнымъ столомъ, то на самомъ дѣлѣ этотъ образъ не есть столъ. Онъ даже не есть столъ, поскольку послѣдній служитъ объектомъ зрѣнія, если на него правильно смотрѣть. Это—искаженный перспективный видъ трехъ сторонъ предмета, который я мысленно воспринимаю до извѣстной степени цѣльно и правильно. Задняя часть стола, его прямые углы, его размѣры и тяжесть суть черты, которыя я сознаю въ немъ такъ же почти, какъ и его названіе. Названіе здѣсь, конечно, есть случайная, установленная обычаемъ ассоціація. «Природа, говоритъ Ридъ, экономна въ своихъ дѣйствіяхъ и не станетъ предназначать особый инстинктъ для того, чтобы сообщить намъ знанія, которыя мы можемъ быстро приобрести съ помощью опыта и привычки». Воспроизведенныя свойства, связанныя съ непосредственно-ощущаемыми въ одинъ комплексъ *вещи*, имѣющей названіе—вотъ матеріалы, изъ которыхъ слагается мое непосредственное воспріятіе стола. Дѣти должны пройти черезъ длинную школу воспитанія глаза и уха, чтобы научиться воспринимать реальные объекты, входящіе въ составъ опыта взрослыхъ. *Всякое воспріятіе есть нѣчто приобретенное.*

Воспріятіе не есть сложное состояніе сознанія. Тѣмъ не менѣе нѣтъ основаній допускать, что процессъ воспріятія предполагаетъ «сліяніе» различныхъ ощущений и идей. Воспринимаемый объектъ есть единичное состояніе сознанія, обусловленное, безъ сомнѣнія, частью периферическими, частью центральными чувствительными токами, но ни въ какомъ случаѣ не заключающее въ себѣ простой совокупности ощущений и идей, которыя были бы немедленно вызваны данными токами, еслибы сознаніе не было дополнено инымъ психологическимъ содержаніемъ. Мы часто можемъ замѣчать существенную разницу между тѣмъ и другимъ случаемъ. Чувственные свойства мѣняются на нашихъ глазахъ. Возьмемъ уже приведенный однажды примѣръ: «Pas de lieu Rhône que nous»; можно перечитывать эту фразу много разъ и не замѣчать ея звукового тождества съ: «Paddle your own canoe». Какъ только въ нашемъ умѣ при чтеніи этой фразы появились ассоціаціи съ англійскими словами, самые звуки

фразы какъ-бы измѣнились. Звуки словъ обыкновенно воспринимаются сразу вмѣстѣ съ ихъ значеніемъ. Иногда, впрочемъ, ассоціаціонные токи бываютъ на нѣсколько мгновений задержаны (когда умъ нашъ занятъ чѣмъ-нибудь постороннимъ); въ такомъ случаѣ слова завязаютъ въ ухѣ, какъ отголоски бессмысленныхъ звуковъ. Затѣмъ обыкновенно вдругъ ихъ смыслъ становится яснымъ. Но въ эту минуту нерѣдко съ удивленіемъ замѣчаешь, что самый характеръ слова какъ-будто измѣнился. Нашъ языкъ сталъ бы звучать для насъ совершенно иначе, еслибы мы слушали его, не понимая, какъ иностранный языкъ, котораго мы не изучали. Повышенія и пониженія интонаціи, странныя стеченія шипящихъ и другихъ согласныхъ производили бы въ этомъ случаѣ на нашъ умъ такое впечатлѣніе, о которомъ мы теперь не можемъ себѣ составить и понятія. Французы говорятъ, что звуки англійскаго языка напоминаютъ имъ щебетанье птицъ—*gazouillement des oiseaux*; на англичанъ ихъ родной языкъ, разумѣется, не производитъ такого впечатлѣнія. На многихъ изъ англичанъ звуки русскаго языка, вѣроятно, произвели бы такое же впечатлѣніе. Всѣмъ намъ хорошо извѣстны рѣзкія перемены интонаціи и своеобразныя стеченія шипящихъ и гортанныхъ въ нѣмецкой рѣчи, которая представляется нѣмцу совершенно иными.

Вѣроятно, благодаря именно этому обстоятельству; мы нерѣдко, долго глядя на отдѣльное нечатное слово и повторяя его про себя, вдругъ замѣчаемъ, что это слово приняло совершенно несвойственный ему характеръ. Пусть читатель попробуетъ наблюдать это явленіе на любомъ словѣ страницы. Онъ скоро станетъ удивляться тому, какъ онъ могъ всю жизнь употреблять такое-то слово въ такомъ-то значеніи. Слово это будетъ глядѣть на него съ страницы, какъ стеклянный глазъ, не одухотворенный мыслию. Его составные элементы—налицо, но смыслъ его улетучился. Взглянувъ на него съ новой точки зрѣнія, мы обнажили въ немъ чисто фонетическую сторону. Раньше мы никогда не направляли на нее исключительнаго вниманія: слово воспринималось нами сразу облеченнымъ въ свой смыслъ, а затѣмъ мы мгновенно переходили къ другому слову фразы. Короче говоря, слово воспринималось нами въ связи съ группами ассоціацій, и въ такомъ видѣ оно являлось для насъ не простымъ комплексомъ звуковъ.

Другую хорошо извѣстную всѣмъ переменъ въ воспріятіи можно наблюдать, глядя на ландшафтъ съ закинутой назадъ головой. Это положеніе наблюдателя вноситъ нѣкоторое нарушеніе въ привычный порядокъ воспріятія; постепенная градація расстояній и другихъ пространственныхъ отношеній становится неопредѣленной; короче говоря, ослабляются репродуктивные или ассоціаціонные процессы, цвѣта становятся болѣе яркими и разнообразными, контрасты свѣта и тѣни болѣе рѣзкими. То-же самое можно

наблюдать, рассматривая картину, повѣшенную вверх ногами. При такомъ рассматриваніи многое изъ содержанія картины остается намъ непонятнымъ, но зато мы живѣе ощущаемъ цвѣта и контрасты свѣта и тѣни, и малѣйшая дисгармонія въ этомъ отношеніи чувствуется нами сильнѣе. Точно также, если мы, лежа на полу, будемъ глядѣть снизу на ротъ человѣка, говорящаго надъ нами, то изображеніе его нижней губы будетъ занимать на нашей ретинѣ всегдашнее мѣсто изображенія верхней и будетъ казаться въ необыкновенномъ движеніи, которое поразитъ насъ благодаря тому, что (за отсутствіемъ обычныхъ ассоціацій, задержанныхъ непривычнымъ положеніемъ зрителя) мы воспримемъ одно грубое ощущеніе, а не часть воспринимаемаго обычнымъ путемъ объекта.

Итакъ, еще разъ повторю: мы должны признать, что, воспринимая свойства объекта, воздѣйствующаго на наши чувства, мы не испытываемъ чистаго ощущенія этихъ свойствъ, которое вошло бы въ воспріятіе и составляло бы его составной элементъ. Чистое ощущеніе—одно, воспріятіе—нѣчто иное: одно не можетъ сосуществовать съ другимъ, потому что ихъ фізіологическія условія различны. Они могутъ походить другъ на друга, но не могутъ составлять одинаго тождественнаго состоянія сознанія.

Воспріятіе бываетъ или вполнѣ опредѣленнымъ, или только вѣроятнымъ. Главнѣйшими фізіологическими условіями воспріятія служатъ образовавшіеся въ мозгу пути ассоціацій, идущіе отъ внѣшнихъ чувственныхъ впечатлѣній. Если извѣстное впечатлѣніе прочно ассоціировалось съ атрибутами какого-нибудь объекта, то, получая это впечатлѣніе, мы почти увѣрены, что оно связано именно съ даннымъ объектомъ. Такъ, напримѣръ, мы съ перваго взгляда узнаемъ и называемъ по имени знакомыхъ лицъ, знакомыя мѣста и т. п. *Но въ такихъ случаяхъ, гдѣ извѣстное впечатлѣніе ассоціировалось съ нѣсколькими реальными объектами, представляющими два или болѣе отдѣльныхъ комплекса однородныхъ свойствъ, воспріятіе даннаго объекта становится неопредѣленнымъ, и о немъ можно только будетъ сказать, что оно есть вѣроятное воспріятіе даннаго объекта,* воспріятіе объекта, который производилъ на насъ такое же впечатлѣніе.

Въ этихъ неопредѣленныхъ случаяхъ характерно то, что воспріятіе рѣдко бываетъ ошибочнымъ: *извѣстное* воспріятіе здѣсь всегда имѣетъ мѣсто. Два отдѣльныхъ комплекса ассоціаціонныхъ элементовъ не нейтрализуютъ одинъ другой, не смѣшиваются и не затемняютъ воспріятія. Всего чаще мы сначала воспринимаемъ одинъ объектъ во всей его цѣльности, затѣмъ другой также вполнѣ цѣльный. Другими словами, *фізіологическіе процессы вызываютъ то, что можетъ быть названо мнимо-сознаваемымъ.* Разъ въ мозгу образовались пути для нервныхъ токовъ, они непременно образовались въ формѣ связанной системы и вызываютъ представ-

ленія опредѣленныхъ объектовъ, а не беспорядочный хаосъ элементовъ. Даже когда функціи мозга на половину выбиты изъ нормальной колеи, на примѣръ, при афазіи, при сонливости, законъ мнимаго сознанія сохраняетъ свое значеніе. Человѣкъ, задремавшій при чтеніи книги вслухъ, будетъ читать невѣрно, но не произнося набора бессмысленныхъ словъ, а дѣлая ошибки, вродѣ: «отрада» вмѣсто «ограда», «перевралъ» вмѣсто «перевалъ» и т. п., или будетъ произносить совершенно вымышленныя фразы, состоящія изъ ряда словъ, которыхъ нѣтъ въ книгѣ. Также и въ афазіи, пока болѣзнь еще не приняла опасныхъ размѣровъ, пациентъ начинаетъ произносить не тѣ слова, какія слѣдуетъ. Только при поврежденіи значительныхъ участковъ мозга рѣчь въ этихъ случаяхъ перестаетъ быть членораздѣльной. Эти факты показываютъ, какъ тонка ассоціаціонная связь; какъ тонко и въ то-же время какъ прочно единеніе, существующее между нервными путями, единеніе въ силу котораго, разъ будучи возбуждены одновременно, они вполнѣ всегда стремятся возбуждаться вмѣстѣ въ видѣ одного систематическаго цѣлага. Небольшая группа элементовъ, «это», общая двумъ системамъ *A* и *B*, можетъ оказать рѣшающее дѣйствіе или въ пользу *A*, или въ пользу *B* въ зависимости отъ случайнаго перевѣса въ ту или другую сторону. (См. рис. 63-й). Если въ какомъ-нибудь пунктѣ путь отъ «этого» къ *B* на мгновеніе оказался немного болѣе доступнымъ для нервнаго тока, чѣмъ путь отъ «этого» къ *A*; то равновѣсіе нарушается въ пользу цѣлой системы *B*. Токи проникнуть черезъ пунктъ наименьшаго сопротивленія и распространятся по всѣмъ путямъ *B*, дѣлая образованіе *A* все болѣе и болѣе невозможнымъ. Въ такомъ случаѣ мысли, соотносительныя съ *A* и съ *B*, будутъ имѣть различные объекты, хотя и сходные между собой. Впрочемъ, сходство будетъ заключаться въ какой-нибудь весьма незначительной чертѣ, если сфера «этого» очень мала. Такимъ образомъ, самыя слабыя ощущенія могутъ повлечь за собою возникновеніе воспріятія вполнѣ опредѣленныхъ объектовъ, если только эти ощущенія сходны именно съ тѣми, въ которыхъ воспріятіе данныхъ объектовъ нуждается для своего возникновенія.

Иллюзіи. Для краткости условимся разсматривать *A* и *B* (рис. 63-й) не какъ мозговые процессы, а какъ соответствующіе имъ объекты воспріятія. Далѣе предположимъ, что и *A*, и *B* суть тѣ объекты, которые съ вѣроятностью могутъ вызвать ощущеніе, обозначенное мною словомъ «это», но что въ данномъ случаѣ послѣднее вызвано не *B*, а *A*. Если здѣсь «это» напоминаетъ объ *A*, мы получаемъ правильное воспріятіе. Но если, наоборотъ, «это» воспріятіе напоминаетъ о *B*, а не объ *A*, то въ результатѣ мы получаемъ ложное воспріятіе, или такъ называемую иллюзію. Но и при нормальномъ воспріятіи, и при иллюзіи самый процессъ тождественъ.

Необходимо замѣтить, что во всякой иллюзіи должно не непосредственное впечатлѣніе, а то сужденіе, которое мы составляемъ о немъ. «Это», еслибы мы могли ощущать его обособленнымъ отъ остального, всегда само по себѣ было-бы истиннымъ впечатлѣніемъ, оно вводитъ насъ въ заблужденіе лишь тѣмъ, что вымываетъ за собою. Если «это» есть зрительное впечатлѣніе, то оно можетъ, напримѣръ, вызвать въ насъ мысль о наличии передъ нами такого объекта осязанія, котораго на самомъ дѣлѣ при повѣркѣ осязаемъ не оказывается въ опытѣ. *Такъ называемыя «обманы чувствъ», которыми давали такъ много толкованій древніе скептики, не суть, собственно говоря, обманы чувствъ — это скорее обманы интеллекта, который ложно истолковываетъ данныя чувства»*).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній присмотримся нѣсколько ближе къ явленіямъ иллюзіи. Онѣ возникаютъ главнымъ образомъ благодаря двумъ причинамъ. *Ложный объектъ воспринимается нами или*

1) *потому что онъ, вообще говоря, является самою привычною, давно знакомою или наиболее върогатною причиною «этого», хотя именно въ данномъ случаѣ реальною причиною «этого» является что-нибудь иное;*

2) *или потому, что умъ нашъ временно занятъ всецѣло мыслию объ этомъ объектѣ, и потому «это» всею больше склонно вызвать именно его въ данную минуту.* Я приведу нѣсколько примѣровъ иллюзій того и другого типа. Иллюзіи перваго типа наиболее важны, потому что сюда относятся группа постоянныхъ иллюзій, которымъ подвержены всѣ люди, и отъ которыхъ можно отдѣлаться только путемъ долгаго опыта.

Иллюзіи перваго типа. Одинъ изъ древнѣйшихъ примѣровъ этой иллюзіи мы находимъ у Аристотеля. Скрестите два пальца и начните катать между ними горошину, вставочку или какой-нибудь другой небольшой предметъ. Онъ покажется двойнымъ. (См. рис. 64-й). Проф. Крумъ Робертсонъ (Croom Robertson) далъ очень удачное объясненіе этого явленія. Онъ замѣтилъ, что въ томъ случаѣ, когда предметъ соприкасается сначала съ указательнымъ, а затѣмъ со среднимъ пальцами, оба соприкосновенія, повидимому, происходятъ въ различныхъ точкахъ пространства. Прикосновеніе къ указательному пальцу кажется выше, хотя палецъ на самомъ дѣлѣ находится ниже; прикосновеніе къ среднему пальцу кажется ниже,

---

*) Въ журналѣ «Mind», IX, 206, Вине выставляется на видъ, что объектъ ложнаго вывода всегда въ этихъ случаяхъ принадлежитъ другому чувству сравнительно съ тѣмъ, къ которому относится «это». «Оптическія иллюзіи», вообще говоря, являются результатами ошибокъ въ сферѣ осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній; и ложно воспринимаемый объектъ, и экспериментъ, исправляющіе ошибку, въ этихъ случаяхъ — тактильнаго характера.

хотя палец на самомъ дѣлѣ находится выше. «Мы воспринимаемъ прикосновенія вдвойнѣ, потому что относимъ ихъ къ двумъ различнымъ частямъ пространства». Тѣ стороны пальцевъ, къ которымъ мы прикасаемся въ данномъ случаѣ, при нормальномъ положеніи пальцевъ не находятся въ пространствѣ рядомъ и обыкновенно не касаются одного предмета; поэтому одинъ предметъ, касаясь ихъ обоихъ въ данномъ случаѣ, кажется находящимся въ двухъ мѣстахъ, т. е. кажется двумя различными предметами. Есть цѣлая группа иллюзій, которыя происходятъ въ зрительныхъ ощущеніяхъ, когда мы ихъ истолковываемъ согласно обычнымъ приемамъ, хотя они бывають вызваны не обычными объектами. Таковы фигуры, видимыя нами въ *стереоскопѣ*. Каждый глазъ видитъ въ немъ по картинѣ, причемъ эти картины несходны между собою въ весьма немногое; находящаяся противъ праваго глаза представляетъ изображеніе предмета немного правѣе, находящаяся противъ лѣваго глаза — изображеніе того же предмета немного лѣвѣе. Изображенія, получаемыя обоими глазами отъ тѣлесныхъ предметовъ, представляютъ несходство именно такого рода, такъ что мы обычнымъ путемъ реагируемъ на полученныя впечатлѣнія, и видимъ одно тѣлесное изображеніе. Если переставить изображенія, то мы получимъ полую форму предмета, ибо полая форма дала бы въ глазу именно такія несходныя изображенія. Съ помощью *псевдоскопа*, прибора, изобрѣтеннаго Уитстономъ, мы имѣемъ возможность глядѣть на тѣлесный предметъ и въ то-же время видѣть каждымъ глазомъ изображеніе, получаемое отъ предмета другимъ глазомъ. При этомъ мы воспринимаемъ тѣлесный объектъ въ видѣ полой формы его, но лишь въ томъ случаѣ, *если есть вѣроятіе, что онъ можетъ быть на самомъ дѣлѣ въ видѣ полой формы*. Такимъ образомъ, процессъ воспріятія остается вѣрнымъ своему закону, заключающемуся въ томъ, что мы *всегда реагируемъ на ощущеніе, если возможно, определеннымъ способомъ, и измѣненіе способа этого настолько вѣроятно, насколько вѣроятна наличность въ данномъ случаѣ соответствующаго объекта*. Такъ, напримеръ, человеческое лицо никогда не представляется въ псевдоскопѣ въ видѣ полой формы своей, такъ какъ совмѣщеніе представленія полой формы и очертаній человеческого лица не входитъ совершенно въ наши привычки. На томъ же основаніи легко превратить *инталью* въ выпуклое изображеніе лица или раскрашенную соответствующимъ образомъ внутренность маски превратить въ выпуклую поверхность.

Своеобразныя иллюзіи движенія предметовъ получаютъ, когда глазныя яблоки двигаются помимо нашей воли. Выше (стр. 54-я) мы видѣли, что зрительное ощущеніе движенія образуется первоначально движеніемъ изображенія по ретинѣ. Впрочемъ, въ началѣ движеніе это не относится ни къ вѣшнему объекту, ни къ гла-

замъ. Такое опредѣленное отношеніе движенія къ тому или другому возникаетъ поздиѣ и подчиняется при своемъ развитіи нѣкоторымъ простымъ законамъ. Мы вѣримъ, что предметъ двигается, а глаза наши неподвижны, всякій разъ какъ испытываемъ на ретинѣ ощущеніе движенія. Благодаря этому мы испытываемъ зрительную иллюзію послѣ быстрого вращенія на одной ногѣ: намъ кажется, что окружающіе предметы продолжаютъ вращаться около насъ въ томъ же направленіи, въ какомъ за мгновеніе передъ тѣмъ вращалось наше тѣло. Это происходитъ вслѣдствіе того, что глаза наши при такихъ условіяхъ бываютъ возбуждены такъ называемымъ *nystagmus*, въ ихъ орбитахъ происходитъ дрожаніе, которое легко можно наблюдать при головокруженіи послѣ вращенія у всякаго человѣка. Такъ какъ эти дрожанія бевосознательны, то ощущенія движенія, вызываемыя ими на ретинѣ, относятся нами обыкновенно ко внѣшнему объекту. Черезъ нѣсколько секундъ явленіе вращенія исчезаетъ. Оно можетъ быть прекращено, если мы произвольно сосредоточимъ глаза на какой-нибудь точкѣ.

Существуютъ иллюзіи движенія противоположнаго характера; ихъ всякому случается наблюдать *на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ*. Обыкновенно, если мы сами двигаемся впередъ, то все наше поле зрѣнія скользитъ по ретинѣ назадъ. Если мы двигаемся, сидя въ экипажѣ съ окномъ, въ повозкѣ или въ лодкѣ, то всѣ неподвижные предметы, видимые нами въ окно, какъ будто скользятъ въ противоположномъ направленіи. Поэтому, всякій разъ какъ мы замѣчаемъ, что всѣ предметы, видимые въ окно, двигаются въ одномъ направленіи, мы реагируемъ на это впечатаніе обычнымъ путемъ, предполагая передъ нами неподвижное поле зрѣнія и приписывая движеніе экипажу, окну въ экипажѣ и самимъ себѣ. Такимъ образомъ, когда мы сидимъ въ вагонѣ на станціи, а передъ нами проходитъ и останавливается другой поѣздъ, причѣмъ его вагоны заслоняютъ собою все поле зрѣнія, послѣ чего поѣздъ этотъ начинаетъ двигаться далѣе, намъ кажется, будто мы начали двигаться, другой же поѣздъ стоитъ неподвижно. Впрочемъ, если при этомъ намъ удалось мелькомъ увидѣть черезъ окна движущихся вагоновъ или черезъ промежутки между вагонами часть станціи, иллюзія нашего собственнаго движенія мгновенно пропадаетъ, и мы тотчасъ же замѣчаемъ движеніе другого поѣзда. Здѣсь опять мы дѣлаемъ только наиболѣе привычный, кажущійся намъ наиболѣе вѣроятнымъ выводъ изъ непосредственныхъ ощущеній.

Другая иллюзія при движеніи объяснена Гельмгольцемъ. Когда мы глядимъ изъ окна быстро мчащагося поѣзда, то большинство попадающихъ на пути предметовъ: дома, деревья etc., кажутся очень малыми. Это происходитъ оттого, что мы въ первое мгновеніе воспринимаемъ ихъ несоответственно близко. А воспринимаемъ мы ихъ несоответственно близко оттого, что ихъ параллак-

тическое движеніе назадъ непривычно быстро для насъ. Выше было сказано, что при нашемъ движеніи впередъ предметы кажутся намъ движущимися назадъ, но при этомъ čímъ они ближе, тѣмъ быстрѣе совершается ихъ кажущееся перемѣщеніе. Такимъ образомъ, относительно большая быстрота движенія назадъ тѣмъ прочно ассоціировалась съ близостью предмета, что, замѣчая ее въ движеніи предмета, мы считаемъ его находящимся близко. Но при данномъ размѣрѣ изображенія предмета на ретинѣ, čímъ ближе предметъ, тѣмъ меньшею намъ кажется его натуральная величина. Такимъ образомъ, čímъ скорѣе мы двигаемся въ поѣздѣ, тѣмъ ближе кажутся намъ дома и деревья, а čímъ ближе они кажутся, тѣмъ меньшими они должны выглядѣть (при той же величинѣ изображенія на ретинѣ). Ощущенія, связанныя съ конвергенціей и аккомодацией нашего глаза и съ перемѣною размѣровъ изображенія на ретинѣ, порождаютъ иллюзіи при однихъ размѣровъ объектовъ и разстояній между ними, принадлежащія также къ первому типу.

Иллюзіи второго типа. Сюда относятся тѣ иллюзіи, при которыхъ мы воспринимаемъ ложный объектъ, потому что наше умъ занято имъ всецѣло въ моментъ воспріятія, и всякое ощущение, которое хоть сколько-нибудь съ нимъ связано, сообщаетъ толчокъ цѣпи ожидаемыхъ образовъ и порождаетъ въ насъ убѣжденіе, что ожидаемый объектъ дѣйствительно находится передъ нами. Вотъ всѣмъ хорошо знакомый примѣръ подобной иллюзіи:

«Охотникъ, подстерегая кулика въ засадѣ, вдругъ замѣчаетъ, что поднялась и мелькаетъ среди листьевъ птица, по размѣру и по оперенію напоминающая кулика; не имѣя времени опредѣлить дальнѣйшее сходство этой птицы съ куликомъ, онъ немедленно умозаключаетъ отъ сходства цвѣта и размѣровъ въ наличности остальныхъ свойствъ кулика, стрѣляетъ и къ величайшей досадѣ своей находитъ убитаго дрозда, а не кулика. Со мною случилась именно такая иллюзія, и я едва вѣрилъ глазамъ своимъ, что убилъ дрозда, такъ убѣдительно сдѣлалось для меня подъ вліяніемъ воображенія ложное воспріятіе *)».

Таковы же иллюзіи въ играхъ, въ ожиданіи враговъ, въ страхѣ передъ мертвецами и т. п. Всякій, ожидающій въ сильномъ страхѣ появленія чего-нибудь въ темномъ мѣстѣ, приметъ любое неожиданное впечатлѣніе за признакъ присутствія ожидаемаго явленія. Дѣти, играющія въ «палочку воровку», преступники, укрывающіеся отъ преслѣдователей, суевѣрные люди, спѣшащіе черезъ лѣсъ или кладбище при лунномъ свѣтѣ, человѣкъ, заблудившійся въ лѣсу, дѣвушка, робко назначившая своему возлюбленному свиданье вечеромъ—всѣ эти лица подвержены звуковымъ или зрительнымъ

*) Romanes. Mental evolution in animals. p. 824.

иллюзіямъ, которыя заставляютъ ихъ сильно волноваться, пока иллюзія не прекратится. Гуляя по улицамъ, влюбленный молодой человѣкъ, погруженный въ любимыя мечты, двадцать разъ на днѣ принимаетъ шляпку проходящей мимо него барышни за головной уборъ своего кумира.

Такъ называемая «корректорскія иллюзіи». Я помню, какъ однажды вечеромъ въ Бостонѣ, поджидая омнибусъ съ надписью: «Mount Auburn», который могъ бы доставить меня въ Кэмбриджъ, я прочиталъ на дощечкѣ пріѣхавшаго омнибуса именно эти два слова, между тѣмъ какъ на ней (какъ я узналъ впоследствии) было написано: «North Avenue». Иллюзія эта была чрезвычайно жива: я едва повѣрилъ, что глаза мои обманули меня. Аналогичную роль иллюзіи играютъ и вообще при чтеніи.

«Лица, постоянно читающія газеты и романы, не могли бы читать такъ быстро, еслибы для воспріятія словъ имъ нужно было воспринимать отчетливо каждое отдѣльное слово и каждую отдѣльную букву. Болѣе половины буквъ они дополняютъ воображеніемъ, и навѣрное менѣе половины воспринимается ими съ напечатанной страницы. Еслибы это не было такъ, еслибы мы воспринимали каждую букву въ отдѣльности, то типографскія ошибки въ хорошо знакомыхъ намъ словахъ никогда бы не пропускались нами незамѣченными. Дѣти, которыя еще не привыкли разомъ охватывать мысленно цѣлыя слова, читаютъ невѣрно то, что невѣрно напечатано, то есть вѣрно воспроизводятъ напечатанное. Напечатанное нашими же буквами, но на иностранномъ языкѣ мы читаемъ настолько медленнѣе, насколько намъ содержаніе книги менѣе понятно, и насколько медленнѣе мы можемъ охватывать мысленно слова. Но тѣмъ скорѣе при этомъ мы замѣчаемъ опечатки. Вотъ почему произведенія, писанныя на латинскомъ, греческомъ и въ особенности еврейскомъ языкахъ, заключаютъ въ себѣ менѣе опечатокъ, такъ какъ послѣднія исправляются нѣмецкими корректорами съ болѣею тщательностью въ иностранныхъ сочиненіяхъ, чѣмъ въ произведеніяхъ, писанныхъ на ихъ родномъ языкѣ. Двое моихъ знакомыхъ знали еврейскій языкъ—одинъ очень основательно, другой—поверхностно; однако послѣдній былъ преподавателемъ еврейскаго языка въ одномъ учебномъ заведеніи и, когда однажды онъ обратился въ своему пріятелю съ просьбой помочь ему исправить упражненія своихъ учениковъ, писанныя на еврейскомъ языкѣ, то оказалось, что преподаватель еврейскаго языка умѣлъ гораздо лучше находить даже самыя мелкія ошибки въ extemporalia своихъ учениковъ, чѣмъ его ученый пріятель, потому что послѣдній привыкъ слишкомъ быстро охватывать смыслъ цѣлаго слова, не разбираясь въ его частяхъ» *).

*) М. Лацарусъ, Das Leben d. Seele (1857). II, p. 32. Въ разговорной рѣчи половина звуковъ, якобы воспринимаемыхъ нами явнѣ, дополняется нашимъ соб-

Въ силу подобныхъ же мотивовъ удостоверяете личную тождества приводитъ изъ баснословнымъ заблужденіямъ. Известный человекъ былъ свидѣтелемъ происшествія или быстро совершеннаго вѣмъ-нибудь преступленія и унесъ съ собою известное зрительное впечатлѣніе видѣннаго. Впослѣдствіи его ставятъ на одну ставку съ подсудимымъ, образъ котораго онъ тотчасъ же мысленно переноситъ въ обстановку видѣннаго происшествія и «отожествляетъ» съ личностью мелкомъ видѣннаго преступника, хотя легко возможно, что подсудимый даже никогда не былъ на мѣстѣ преступленія. То-же наблюдается на такъ называемыхъ «сеансахъ съ матеріализаціей», которыя устраиваются шарлатанами-медіумами: въ темной комнатѣ человекъ видитъ облеченную въ легкое газовое одѣяніе фигуру, которая шепотомъ говоритъ ему, что она покойная его мать, сестра, жена или дочь, и бросается ему на шею. Темнота, раньше видѣнная имъ, матеріализованныя фигуры и ожиданіе, направленное въ известную сторону, дѣлаютъ то, что желанный образъ вполне овладѣваетъ его воображеніемъ, и неудивительно, если онъ вслѣдствіе этого видитъ въ «матеріализованной» фигурѣ внушенное ему лицо умершаго. Эти шарлатанскіе сеансы могли бы доставить драгоценный матеріалъ для психологіи воспріятія, если-бы можно было собрать относительно нихъ по болѣе точныхъ данныхъ. Въ гипнотическомъ трансѣ всякій внушаемый объектъ ясно воспринимается. У нѣкоторыхъ лицъ эта способность воспринимать внушенное болѣе или менѣе сохраняется и послѣ пробужденія отъ трансa. Можно предположить, что при благопріятныхъ условіяхъ подобная воспримчивость ко внушенному можетъ обнаруживаться на лицахъ, вовсе не впадающихъ въ гипнотическій трансъ.

Воспримчивость ко внушенію наблюдается на всѣхъ чувствахъ, хотя нѣкоторые крупные авторитеты въ психологіи выражали сомнѣніе въ томъ, чтобы эта дѣятельность воображенія могла вводить въ заблужденіе наши непосредственныя чувства. Всякому случалось замѣчать, какую роль играетъ внушеніе въ сферѣ обонятельныхъ ощущеній. Когда въ квартирѣ нашей повреждена труба для стока нечистотъ, мы призываемъ водопроводчика, чтобы починкою трубы прекратить распространившееся по квартирѣ зловоніе: нерадивый водопроводчикъ дѣлаетъ видъ, что починилъ трубу, получаетъ деньги и уходитъ, мы же на нѣкоторое время успокаиваемся, воображая, что дурной запахъ уменьшился. Опредѣляя температуру комнаты и чистоту воздуха въ квар-

---

отвеннымъ слуховымъ воображеніемъ. Привычная намъ рѣчь понятна, даже когда произносится тихимъ голосомъ или недалеко. Рѣчь на мало знакомомъ намъ языкѣ при тѣхъ же условіяхъ оказывается непонятной: сиденъ, связаны съ опредѣленными звуками въ послѣднемъ случаѣ не такъ прочно, какъ въ нашемъ родномъ языкѣ, и потому не возникаютъ съ такою быстротой въ нашемъ умѣ по поводу известныхъ звуковыхъ впечатлѣній.

тиръ, мы также принимаемъ нерѣдко то, что, по нашему мнѣнію; должно быть, за то, что есть. Вообразивъ, что вентиляторъ закрытъ, мы начинаемъ жаловаться на духоту. Когда же оказывается, что на самомъ дѣлѣ онъ открытъ, впечатлѣніе духоты пропадаетъ.

То-же замѣчается на чувствѣ осязанія. Всякому случалось наблюдать, какъ, благодаря осязательной иллюзіи, чувственные свойства даннаго предмета кажутся одними и затѣмъ, вдругъ, по исчезновеніи иллюзіи, оказываются совершенно иными: на примѣръ, когда, прикоснувшись рукою въ темнотѣ къ чему-нибудь мокрому или волосатому, мы испытываемъ на мгновенье чувство отвращенія или страха, пока не признаемъ въ осязаемомъ предметѣ хорошо знакомую намъ вещь. Даже подобравъ на столовой скатерти послѣ обѣда такую ничтожную вещь, какова крошка картофеля, которую мы приняли за крошку хлѣба, мы испытываемъ на нѣсколько мгновеній непріятное чувство отвращенія, пока не опредѣлимъ, что такое у насъ въ рукѣ.

Въ слуховыхъ ощущеніяхъ иллюзіи чрезвычайно изобилуютъ. Всякій можетъ привести изъ своей жизни множество примѣровъ тому, какъ какой-нибудь звукъ казался ему совершенно инымъ; благодаря тому, что рассудокъ приписывалъ этому звуку иную внѣшнюю причину. Однажды, когда у меня сидѣлъ одинъ пріятель, въ комнатѣ забили часы съ курантами на очень низкомъ регистрѣ. «Слышишь, говоритъ мнѣ пріятель, шарманка играетъ въ саду!» Узнавъ настоящую причину звука, онъ былъ очень удивленъ. Со мной самими случилась удивительная иллюзія въ такомъ же родѣ. Однажды, поздно ночью, я сидѣлъ и читалъ; вдругъ изъ верхней части дома раздался страшный шумъ, прекратился и затѣмъ черезъ минуту снова возобновился. Я вышелъ въ залъ, чтобы прислушаться къ шуму, но онъ тамъ не повторялся. Какъ только я успѣлъ вернуться къ себѣ въ комнату и сѣсть за книгу, снова поднялся тревожный, сильный шумъ, точно передъ началомъ бури или наводненія. Онъ доносился отовсюду. Крайне встревоженный, я снова вышелъ въ залъ, и снова шумъ прекратился. Вернувшись во второй разъ къ себѣ въ комнату, я вдругъ открылъ, что шумъ производила своимъ храпомъ маленькая собачка, шотландская такса, спавшая на полу. При этомъ достойно вниманія то, что, разъ обнаруживъ истинную причину шума, я уже не могъ несмотря на всѣ усилія, возобновить прежнюю иллюзію.

Чувство зрѣнія изобилуетъ иллюзіями обоого типа. Ни одно чувство не даетъ такихъ измѣнчивыхъ впечатлѣній отъ одного и того же предмета, какъ чувство зрѣнія. Въ зрѣніи болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ чувствѣ, мы склонны принимать непосредственныя ощущенія за показатели извѣстныхъ свойствъ внѣшнихъ объектовъ; никакое другое чувство не вызываетъ въ нашей памяти съ такою непосредственностью представленія извѣстной *вещи* и,

сдѣловательно, воспріятія послѣдней. Воспринимаемая нами «вещь» всегда напоминаетъ (какъ мы увидимъ ниже) объектъ какого-нибудь отсутствующаго въ сознаніи въ данную минуту ощущенія; она напоминаетъ обыкновенно какой-нибудь другой зрительный образъ, который является показателемъ извѣстнаго реальнаго явленія, и это непрестанное сведеніе нашихъ непосредственно данныхъ зрительныхъ образовъ, къ болѣе устойчивымъ соответствующимъ дѣйствительности формамъ, побудило нѣкоторыхъ психологовъ ошибочно полагать, будто нашимъ первоначальнымъ зрительнымъ ощущеніямъ вовсе не присуща никакая прирожденная форма.

Можно привести немало любопытныхъ примѣровъ случайныхъ зрительныхъ иллюзій. Я ограничусь здѣсь двумя. Одинъ—изъ моихъ собственныхъ воспоминаній. Я лежалъ на койкѣ парохода, прислушиваясь къ тому, что дѣлали матросы на верху, на палубѣ, какъ вдругъ, повернувъ глаза къ окну, я совершенно отчетливо увидѣлъ главнаго пароходнаго машиниста: онъ вошелъ въ мою каюту, сталъ у окна и смотритъ черезъ него на часовыхъ. Удивленный его внезапнымъ появленіемъ у себя въ каютѣ я сталъ наблюдать за нимъ и удивился тому, какъ долго онъ остается неподвижнымъ въ одномъ и томъ же положеніи. Наконецъ, я заговорилъ съ нимъ, и, не получивъ никакого отвѣта, приподнялся на койкѣ; тогда только я замѣтилъ, что принималъ за машиниста мою шапку и сюртукъ, повѣшенные на гвоздь около окна. Иллюзія была совершенно полная: машинистъ парохода имѣлъ своеобразную внѣшность, и эта внѣшность сохранилась для меня и въ иллюзіи; но, когда иллюзія была обнаружена мною, то возстановить ее оказалось почти совершенно невозможнымъ.

«Апперцепція». Въ Германіи со времени Гербарта въ психологіи отводится значительное мѣсто процессу, называемому «апперцепціей». Воспринимаемая нами явнѣ идеи или ощущенія «апперципируются» при посредствѣ «массы» идей, уже имѣющихся предварительно въ сознаніи. Очевидно, что съ таковой точки зрѣнія процессъ, описанный нами въ качествѣ воспріятія, есть процессъ апперцептивный. Таково всякое воспрізнаніе, классифицированіе, наименованіе объектовъ опыта; сверхъ непосредственныхъ воспріятій всѣ дальнѣйшіе наши психическіе процессы по поводу воспріятій суть также апперцептивные процессы. Я самъ не пользуюсь словомъ «апперцепція», такъ какъ съ нимъ въ исторіи философіи связаны весьма различныя значенія, и, если нѣсколько расширить Гербартовское значеніе этого слова, то подъ понятіе апперцепціи подойдутъ и «психическая реакція», и «истолкованіе ощущеній», и «концепція» и «ассимиляція», и «переработка психическихъ впечатлѣній», и, наконецъ, просто «мышленіе». Впрочемъ, анализировать такъ называемые апперцептивные процессы, выходящіе изъ

рамовъ непосредственнаго воспріятія, едва-ли стоитъ, такъ какъ такіе процессы встрѣчаются въ нашей психической жизни въ безконечномъ разнообразіи. Слово «апперцепція» можетъ служить названіемъ для совокупности всѣхъ психическихъ факторовъ, названныхъ нами ассоціаціями, и легко видѣть, что данный объектъ опыта вызоветъ въ насъ то или другое представленіе въ зависимости отъ обладаемыхъ нами въ данную минуту *психостатическихъ условий* (выраженіе Льюиса), иначе говоря, отъ нашего характера, привычекъ, памяти, воспитанія, нашихъ предшествующихъ опытовъ и нашего настроенія въ данную минуту; словомъ, отъ всей нашей природы и нашего психическаго склада. Мы ничего не выиграемъ въ полнотѣ нашихъ психологическихъ знаній, если будемъ называть всю совокупность этихъ психическихъ факторовъ апперцепцирующей массой, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ, конечно, такое названіе будетъ представлять нѣкоторые удобства. Я склоненъ думать, что это названіе могло бы лучше быть замѣнено терминомъ Льюиса «ассимиляція», какъ наиболее подходящимъ въ данномъ случаѣ.

«Апперцепцирующая масса» рассматривается нѣмецкими психологами, какъ активный факторъ, апперцепцируемое ощущеніе, какъ пассивный, подвергающийся обыкновенно модификаціи со стороны перваго фактора. Наше познаніе складается изъ взаимодѣйствія того и другаго фактора, но, согласно замѣчанію Штейнтала, апперцепцирующая масса сама нѣрѣдко видоизмѣняется подъ вліяніемъ ощущенія. Вотъ что онъ по этому говоритъ по поводу: «Хотя, вообще говоря, апперцепцирующая масса является болѣе сильнымъ факторомъ въ познаніи, однако можно также встрѣтить и такіе процессы апперцепціи, гдѣ новое впечатлѣніе значительно видоизмѣняетъ или обогащаетъ апперцепцирующую группу идей. Ребенокъ, нѣкогда не выдавшій никакихъ столовъ, кромѣ четырехугольныхъ, видитъ въ первый разъ круглый столъ—и его апперцепцирующая масса («столъ») тотчасъ обогатилась. Къ его прежнимъ свѣдѣніямъ о столѣ присоединяется новая черта: столы не должны быть непременно четырехугольными—они могутъ быть круглыми. Въ исторіи науки нѣрѣдко случалось, что извѣстное открытіе, разъ будучи апперцепцировано, т. е. поставлено въ связь со всею системою нашего знанія, модифицировало всю систему. Впрочемъ, принципиально мы должны придерживаться слѣдующаго правила: хотя оба фактора познанія могутъ быть и активны, и пассивны, преобладающая активная роль принадлежитъ апперцепцирующей массѣ» *).

Геній и рутина привычнаго мышленія. Это замѣчаніе Штейнтала вполне выясняетъ глубокое различіе, существующее между

*) «*Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft*», 1881, p. 171.

психологическими понятиями и темъ, что мы называемъ кон-
цептами въ логикѣ. Въ логикѣ понятие неизмѣнно, но то, что мы
называемъ «понятіями о вещахъ» въ обыденномъ смыслѣ слова,
измѣняется при употребленіи. Наука поставила себѣ цѣлью до-
биться такой адекватности и точности понятій, при которой намъ
не представится болѣе надобности видоизмѣнять ихъ. Въ нашихъ
умахъ происходитъ постоянная борьба между стремленіемъ сохра-
нить наши идеи въ неизмѣнномъ видѣ и стремленіемъ къ ихъ
обновленію. Наше воспитаніе есть непрестанный компромиссъ между
консервативнымъ и прогрессивнымъ факторами. Каждый новый,
неиспытанный ранѣе опытъ долженъ быть отнесенъ нами подъ
извѣстную рубрику, обнимающую нѣкоторую группу впечатлѣній
изъ минувшаго опыта. Вся задача при этомъ заключается въ томъ,
чтобы подыскать такую рубрику, которая нуждалась бы въ наи-
меньшей модификаціи для того, чтобы подъ нее можно было под-
вести новый фактъ. Нѣкоторые жители Полинезіи, увидѣвъ въ
первый разъ лошадей, стали называть ихъ «свиньями», такъ какъ
рубрика «свиньи» была въ ихъ языкѣ наиболѣе подходящей для
никогда невиданнаго животнаго—лошади. Мой двухгодовалый сынъ
игралъ цѣлую недѣлю съ апельсиномъ, который онъ увидѣлъ
въ первый разъ, называя его «мячикомъ». Его кормили яйцами въ
смятку, которыя подавались ему безъ скорлупы въ жидкомъ видѣ,
вылитыя въ стаканъ; когда онъ увидѣлъ впервые цѣльное яйцо,
то назвалъ его «картошкой», такъ какъ раньше ему случалось
видѣть и ѣсть картошки безъ кожуры, и онъ зналъ ихъ назва-
ніе. Складной карманный пробочникъ онъ не колеблясь назвалъ
«дурными ножницами». Немногіе изъ насъ могутъ съ легкостью
образовывать новыя рубрики и подводить подъ нихъ новыя впе-
чатлѣнія опыта. Большинство все болѣе и болѣе поработается при-
вычнымъ запасомъ концептовъ и все болѣе и болѣе теряетъ спо-
собность ассимилировать новыя впечатлѣнія въ новыхъ непривыч-
ныхъ комбинаціяхъ. Короче сказать, рутина привычнаго мышле-
нія составляетъ для каждаго изъ насъ въ извѣстный моментъ жизни
предѣлъ «его же не преjdeши». Явленія, идущія въ разрѣзъ уста-
новившимся, привычнымъ способамъ анперцепціи, просто на просто
не принимаются въ расчетъ—игнорируются нами; или, въ тѣхъ
случаяхъ, когда мы вынуждены въ силу неотразимыхъ доводовъ
признать ихъ существованіе, черезъ сутки признанные нами факты
снова какъ-бы не существуютъ для насъ, и малѣйшіе слѣды не
ассимилированныхъ фактовъ совершенно улетучились изъ нашего
сознанія. Въ сущности гениальность заключается почти только въ
способности воспринимать объекты не совсѣмъ обычнымъ, рутин-
нымъ путемъ.

Съ другой стороны, съ дѣтства до конца жизни ничего не мо-
жетъ быть пріятнѣе умѣнья ассимилировать новое со старымъ,

встрѣчать всякое новое явленіе, дерзко нарушающее установленныя въ нашемъ умѣ группы концептовъ, разоблачать его загадочность и заносить его въ старыя давно установленныя группы, въ область знакомыхъ намъ явленій. Побѣдоносное ассимилированіе новаго со старымъ есть въ сущности типичная черта всякаго интеллектуальнаго удовольствія. Жажда подобнаго ассимилированія составляетъ научную любовательность. Отношеніе новаго къ старому, пока не совершилась ассимиляція, выражается въ удивленіи. Мы не питаемъ любопытства и не испытываемъ удивленія по отношенію къ вещамъ, настолько превышающимъ доступное намъ познаніе, что мы не имѣемъ концептовъ, подъ которые могли бы подвести ихъ, и мѣрокъ, при помощи которыхъ могли бы нагляднымъ образомъ ихъ измѣрить *).

Фиджійцы, какъ рассказываетъ Дарвинъ, удивлялись при видѣ маленькихъ лодокъ, большіе же корабли не вызвали въ нихъ удивленія. Только то, что намъ хоть отчасти знакомо, возбуждаетъ въ насъ жажду дальнѣйшаго знанія. Сложнѣйшія по устройству ткацкія фабрики, обширнѣйшія металлическія сооруженія для большинства изъ насъ такъ же, какъ вода, воздухъ или земля, просто на просто представляютъ собою обыденныя явленія, не вызывающія въ насъ никакихъ идей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что выгравированная на мѣдной пластинкѣ надпись красива. Но если намъ покажутъ рисунокъ *меромъ* такого же достоинства, то это невольно вызываетъ въ насъ удивленіе искусству художника. Одна старая дама, съ удивленіемъ разсматривая одну картину на выставкѣ, спросила: «Неужели, въ самомъ дѣлѣ, это сдѣлано *отъ руки?*»

Физиологическій процессъ, обуславливающий воспріятіе. Мы уже достаточно подробно разсмотрѣли явленія воспріятія и теперь можемъ дать общую формулировку закона воспріятія: *«Въ то время, какъ часть объекта воспріятія проникаетъ въ наше сознаніе черезъ посредство органовъ чувствъ отъ вѣншнаго объекта, другая часть (и*

---

*) Великое педагогическое правило заключается въ слѣдующемъ: всякій новый отрывокъ знаній слѣдуетъ связывать съ какимъ-нибудь образованнымъ въ умѣ ребенка интересомъ, т. е. иначе говоря, какимъ-нибудь путемъ ассимилировать этотъ отрывокъ съ заранее приобретенными свѣдѣніями. Отсюда вытекаетъ преимущество, получаемое изъ сравненія отдаленнаго и чуждаго непосредственному опыту съ близкимъ и знакомымъ и неизвѣстнаго съ извѣстнымъ и изъ связыванія сообщаемыхъ свѣдѣній съ личнымъ опытомъ ученика. Предположимъ, что учитель рассказываетъ ученику о разстояніи земли отъ солнца; въ такомъ случаѣ ему всего лучше сдѣлать ученику слѣдующій вопросъ: «Если бы кто-нибудь съ солнца выдумалъ выстрѣлить прямо въ васъ, и вы бы замѣтили это въ моментъ выстрѣла, что бы вы сдѣлали?» «Я бы отскочилъ въ сторону», отвѣтитъ ученикъ. Тогда учитель можетъ сказать слѣдующее: «Вамъ нѣтъ надобности отскакивать, вы можете спокойно лечь спать у себя въ комнатѣ и снова встать на другой день, прожить спокойно до совершеннолѣтія, выучиться торговлѣ, достигнуть моего возраста—тогда только ядро станетъ къ вамъ приближаться, и вамъ нужно будетъ отскочить. Итакъ, видите, какъ велико разстояніе отъ солнца до земли.»

она может быть наибольшей) проникает внутрь, из-за поря нашего сознания».

Въ сущности—это простое констатированіе того факта, что наши нервные центры суть органы, реагирующіе на чувственные впечатлѣнія, и что въ частности полушарія наши предназначены для того, чтобы воспомнанія о нашемъ минувшемъ опытѣ могли принимать участіе въ этой реакціи. Конечно, такая общія формулировка туманна. Если мы попытаемся придать ей точное значеніе, то всего естественнѣе будетъ предположить, что *мозгъ реагируетъ* по путямъ, которые проложены впечатлѣніями предшествующаго опыта, и при возбужденіи которыхъ мы получаемъ *странныя воспріятіе*, воспріятіе того, что прежде всего чаще вызывало аналогичную реакцію. Реакція полушарій выражается въ возбужденіи нѣкоторыхъ группъ нервныхъ путей токами, вызываемыми впечатлѣніями внѣшняго міра. Психологически этому физиологическому процессу соответствуетъ нѣкоторый своеобразный импульсъ мысли—именно мысли о наиболѣе вѣроятномъ объектѣ воспріятія. Далѣе въ анализѣ этого процесса мы едва-ли можемъ идти.

Галлюцинаціи. Мы видѣли, что между нормальнымъ воспріятіемъ и иллюзіей нѣтъ рѣзкаго различія, такъ какъ психофизиологическіе процессы, связанные съ тѣмъ и другимъ явленіемъ, тождественны. Последніе виды иллюзіей, описанные нами, почти могутъ быть названы галлюцинаціями. Разсмотримъ теперь этотъ видъ ложныхъ воспріятій. Обыкновенно различіе между галлюцинаціей и иллюзіей усматривается въ томъ, что иллюзія порождается нѣкоторымъ внѣшнимъ объектѣмъ, при галлюцинаціи же всякій объективный стимулъ отсутствуетъ. Мы сейчасъ увидимъ, что взглядъ, предполагающій полное отсутствіе объективныхъ стимуловъ при галлюцинаціи, ошибоченъ, и что галлюцинаціи нерѣдко бываютъ только крайнимъ проявленіемъ обыкновеннаго процесса воспріятія, въ которомъ вторичная мозговая реакція ненормально перевѣшиваетъ периферическій стимулъ, вызывающій дѣятельность мозговыхъ центровъ. Галлюцинаціи обыкновенно появляются внезапно и не зависятъ отъ нашего произвола. Онѣ обладаютъ весьма различными степенями объективной реальности. Но въ этомъ отношеніи я долженъ предостеречь читателя отъ слѣдующей весьма распространенной ошибочной точки зрѣнія. Обыкновенно въ галлюцинаціи видятъ образъ, ошибочно проектируемый человекомъ во-внѣ. Но полная галлюцинація есть нѣчто гораздо большее, чѣмъ образъ, проектированный въ пространство. *Съ субъективной точки зрѣнія галлюцинація есть ощущеніе столь-же живое и столь-же реальное, какъ и то ощущеніе, которое мы воспринимаемъ при наличности отвъ насъ реального объекта воспріятія.* Вся разница заключается здѣсь лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ воспрінимаемый объектъ есть лицо, а въ другомъ случаѣ его нѣтъ.

Болѣ слабыя степени галлюцинаціи обозначаются именемъ *псевдогаллюцинацій*. Определенное различіе между галлюцинаціями и псевдогаллюцинаціями было сдѣлано всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Псевдогаллюцинаціи отличаются отъ обычныхъ продуктовъ памяти и воображенія болшею живостью, тонкостью, детальностью, устойчивостью, немотивированностью и самопроизвольностью, въ томъ смыслѣ, что, при всѣхъ усиліяхъ нашей психической активности, мы не въ состояніи вызвать псевдогаллюцинацію по собственному желанію. У д-ра Кандинскаго былъ пациентъ, который послѣ приѣма опиума или гашиша имѣлъ обильныя псевдогаллюцинаціи и галлюцинаціи. Такъ какъ этотъ пациентъ обладалъ въ то-же время большою силой зрительнаго воспроизведенія и былъ образованнымъ врачомъ, то онъ легко могъ сравнивать всѣ три психологическихъ явленія. Псевдогаллюцинаціи, хотя и проектируются во-внѣ (обыкновенно не далѣе предѣльнаго яснаго зрѣнія, на разстояніи около фута отъ глазъ), *не имѣютъ того характера объективной реальности, которымъ обладаютъ галлюцинаціи*, но въ то-же время отличаются отъ образовъ зрительнаго воспроизведенія почти полнѣйшей невозможностью вызывать ихъ по произволу. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ «голоса», слышимыя нѣкоторыми лицами, суть псевдогаллюцинаціи, независимо отъ того, вводятъ ли они въ заблужденіе данное лицо или нѣтъ. Эти звуки описываются лицами, которыя ихъ слышатъ, какъ «внутренній голосъ», хотя этотъ голосъ отличается отъ такъ называемой «мысленной рѣчи» самого субъекта. Я знаю многихъ лицъ, которыя, спокойно и внимательно прислушиваясь ко «внутреннему голосу», слышатъ отъ него совершенно непредвидѣнныя ими замѣчанія. Эти душевныя состоянія представляютъ обычное явленіе при умопомѣшательствѣ и могутъ разростись до живой и вполне объективированной галлюцинаціи; послѣдняя, какъ спорадическое явленіе, сравнительно довольно обыкновенна, а у нѣкоторыхъ индивидовъ она бываетъ часто. Собираніе статистическихъ свѣдѣній о галлюцинаціяхъ, предпринятое Эдмондомъ Гэрней (Gurney), привело къ слѣдующимъ результатамъ: примѣрно, на каждые десять человекъ одинъ хоть разъ въ жизни имѣлъ очень яркую галлюцинацію. Слѣдующій рассказъ здороваго лица можетъ дать понятіе о томъ, что такое галлюцинація:

«Когда я была еще восемнадцатилѣтней дѣвушкой, однажды вечеромъ мнѣ случилось крупно поспорить съ лицомъ значительно старше меня. Въ порывѣ раздраженія я машинально взяла толстую коствяную вазальную иглу, лежавшую на каминѣ, и изломала ее во время разговора на мелкіе кусочки. Въ разгарѣ спора мнѣ очень захотѣлось узнать о немъ мнѣніе моего брата, съ которымъ я была замѣчательно дружна. Я обернулась и увидѣла его сидя-

щимъ у противоположнаго по отношенію ко мнѣ конца стола съ руками, скрещенными на груди (что было мало свойственной ему повой), но къ великому моему смущенію я замѣтила на его губахъ саркастическую усмѣшку, которая свидѣтельствовала о его несочувствіи мнѣ, о томъ, что онъ, какъ я бы сказала тогда, «не за меня». Удивленіе охладило мой пылъ—и споръ прекратился».

«Черезъ нѣсколько минутъ, желая заговорить съ братомъ, я обернулась къ нему, но онъ отсутствовалъ. Я спросила присутствующихъ, когда онъ вышелъ изъ комнаты, но мнѣ сказали, что его вовсе въ ней не было; я этому не повѣрила, думая, что онъ вошелъ въ комнату на минуту и вышелъ изъ нея, не будучи никѣмъ, кромѣ меня, замѣченъ. Часа черезъ полтора онъ вернулся домой и не безъ труда убѣдилъ меня, что цѣлый вечеръ онъ былъ вдали отъ дома. Въ настоящее время онъ еще живъ и здоровъ».

Галлюцинаціи при горячечномъ бредѣ представляютъ смѣсь псевдо-галлюцинацій, настоящихъ галлюцинацій и иллюзій. Въ этомъ отношеніи онѣ сходны съ тѣми галлюцинаціями, которыя вызываются пріемомъ опія, гашиша или белладонны. Самая обыкновенная галлюцинація заключается въ томъ, что вы слышите, какъ васъ кто-то называетъ по имени. Почти половина спорадическихкихъ случаевъ, собранныхъ мною, относятся къ этому типу.

Галлюцинація и иллюзія. Галлюцинаціи легко вызываются словеснымъ внушеніемъ у лицъ, подверженныхъ гипнозу. Покажите такому лицу пятно на листѣ бумаги и скажите, что это—«фотографическій портретъ генерала Гранта», и испытуемый субъектъ увидитъ на мѣстѣ пятна фотографическій портретъ. Пятно придаетъ объективный характеръ образу, а внушенное понятіе о генералѣ придаетъ ему опредѣленную форму. Попробуйте заставить испытуемое лицо разсматривать пятно черезъ увеличительное стекло; удвойте изображение пятна при помощи приамы или посредствомъ надавливанія на глазное яблоко, отразите его въ зеркалѣ, переверните его вверхъ ногами, наконецъ, сотрите его, и пациентъ скажетъ вамъ, что «фотографическій портретъ» увеличился въ размѣрахъ, удвоился, отразился въ зеркалѣ, былъ перевернутъ вверхъ ногами и, наконецъ, исчезъ. Согласно психологической терминологіи Бинэ, пятно на бумагѣ есть виѣшнее *point de repère*, которое необходимо для того, чтобы придать внушенному вамъ образу характеръ объективной реальности, и безъ котораго испытуемый субъектъ получить только мысленный образъ предмета. Бинэ показавъ, что подобныя периферическія *points de repère* играютъ роль въ огромномъ количествѣ не только гипнотическихкихъ галлюцинацій, но и галлюцинацій у душевнобольныхъ. Эти послѣднія бываютъ нерѣдко *односторонними*, то есть пациентъ слышитъ голоса только съ одной стороны или видитъ какую-нибудь фигуру,

только когда одинъ изъ его глазъ открытъ. Въ подобныхъ случаяхъ весьма часто удавалось вполне точно доказать, что болезненный процессъ во внутреннемъ ухѣ или помутнѣніе преломляющихъ свѣтъ жидкостей въ глазу были начальнымъ стимуломъ для того нервнаго тока, который, проникнувъ въ пораженные болезнью слуховые или зрительные центры, вызвалъ специфическія психологическія явленія въ видѣ извѣстныхъ идей. *Галлюцинаціи, полученныя такимъ путемъ, суть иллюзии, и теорія Бинэ, который утверждаетъ, что всякая галлюцинація имѣетъ первоначальнымъ стимуломъ периферическое раздраженіе, можетъ быть названа попыткой свести галлюцинаціи и иллюзии къ одному общему типу*, именно къ тому, къ которому принадлежитъ нормальное воспріятіе. Согласно Бинэ, и въ воспріятіи, и въ галлюцинаціи, и въ иллюзии мы получаемъ отличающееся большою живостью ощущеніе при посредствѣ тока, идущаго отъ периферическихъ нервовъ. Этотъ токъ можетъ быть крайне слабъ, но онъ все-таки можетъ оказаться достаточно сильнымъ, чтобы возбудить максимальный процессъ дезинтеграціи въ нервныхъ вѣткахъ (см. стр.) и придать воспринимаемому объекту характеръ воиѣ существующей реальности. *Природа* воспринимаемаго объекта всецѣло обусловлена тѣмъ, какова будетъ система возбужденныхъ нервныхъ путей. Во всякомъ случаѣ извѣстная сторона объекта создается подъ вліяніемъ органа чувствъ, остальное конструируется возбужденіемъ центральныхъ частей. Но путемъ самонаблюденія мы не можемъ вскрыть, что именно въ воспринимаемомъ объектѣ периферическаго, и что центральнаго происхожденія, и характеризуемъ этотъ объектъ просто, какъ результатъ реакціи мозга на внѣшнее раздраженіе, не разлагая этотъ результатъ на составляющіе элементы.

Теорія Бинэ даетъ объясненіе для огромнаго количества случаевъ, но, конечно, не для всѣхъ. Призма не всегда удваиваетъ призранный образъ, и послѣдній не всегда исчезаетъ при закрытіи глазъ. Съ точки зрѣнія Бинэ, ненормально, исключительно сильно возбужденная часть мозговой коры порождаетъ *природу* возникающаго передъ сознаніемъ объекта, а периферическій органъ чувствъ самъ по себѣ можетъ сообщить образу достаточно сильную *интенсивность*, благодаря которой образъ кажется проецированнымъ въ реальное пространство. Но, вѣдь, интенсивность есть только извѣстная *степень* напряженія ощущенія, почему же, спрашивается, въ исключительныхъ случаяхъ эта степень напряженія не можетъ быть вызвана причинами исключительно центральнаго происхожденія? Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы извѣстныя галлюцинаціи, вызываемыя центральнымъ возбужденіемъ наряду съ галлюцинаціями, получающимися при посредствѣ периферическаго возбужденія, которыя только и допускаются Бинэ со-

гласно его теоріи. Но, вообще говоря, не лишено основанія, что галлюцинаціи чисто центральною происхожденія действительно существуют. Другой вопросъ, какъ часто онѣ встрѣчаются. Существованіе галлюцинацій, поражающихъ сразу нѣсколько органовъ чувствъ, уже служить доводомъ въ пользу нашего соображенія. Ибо, если мы допустимъ, что образъ человѣка, видимый нами въ галлюцинаціи, имѣетъ для себя *point de repère* во внѣшнемъ мірѣ, то голосъ этого человѣка, слышимый нами, долженъ имѣть своимъ источникомъ центральное возбужденіе.

Спорадическіе случаи галлюцинаціи, испытываемой разъ въ жизни (случая, повидимому, весьма обыкновенные), трудно вполне уяснить себѣ при помощи какой бы то ни было изъ существующихъ теорій. Нерѣдко эти галлюцинаціи бывають страшно сложны, и тотъ фактъ, что многія изъ нихъ оправдались въ опытѣ (то есть, что галлюцинаторныя явленія совпали съ реальными событіями, каковы несчастія, смерть etc., которыя постигали лицъ, видѣнныхъ въ галлюцинаціи), представляетъ еще добавочное осложненіе этого явленія. Первое строго научное изслѣдованіе явленій галлюцинаціи во всѣхъ возможныхъ ея видахъ, опирающееся на массу эмпирическихъ данныхъ, было начато Эдмондомъ Гэрней (Gugney) и продолжается другими членами Общества Психологическихъ Изысканій (Society for Psychical Research), и «статистическое собраніе матеріаловъ» производится теперь въ различныхъ странахъ подъ руководствомъ Международнаго Конгресса экспериментальной психологіи. Можно надѣяться, что общія дружныя усилія многихъ научныхъ изслѣдователей приведутъ къ прочнымъ рѣшительнымъ выводамъ. Въ настоящее время собираемые факты пытаются истолковать при помощи моторнаго автоматизма, трансъ etc., но болѣе поучительные результаты получатся лишь при широкомъ сравнительномъ изученіи этихъ явленій *).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Воспріятіе пространства.

Мы, взрослые люди, познаемъ, повидимому, мгновенно и вполне опредѣленно величину и размѣры предметовъ, среди которыхъ мы живемъ и двигаемся, и разстоянія между ними; сверхъ того, мы

*) Авторъ настоящаго труда — членъ «статистическаго бюро» въ Америкѣ — будетъ очень благодаренъ читателю за всякое сообщеніе о зрительныхъ, звуковыхъ галлюцинаціяхъ etc., о какихъ ему случалось слышать.

имѣемъ довольно определенное понятіе о цѣломъ, необъятномъ и непрерывномъ реальномъ пространствѣ, въ которомъ находится нашъ міръ и воѣ познаваемые нами предметы. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что міръ ребенка представляется ему въ этихъ отношеніяхъ очень неяснымъ. Какъ же выросло въ насъ определенное представленіе о пространствѣ? Вотъ одинъ изъ спорныхъ вопросовъ психологій. Настоящая глава по необходимости должна быть коротка, въ виду чего я не буду вдаваться въ полемику по этому вопросу и не представляю здѣсь историческаго обзора учений о происхожденіи идеи пространства, ограничившись просто догматическимъ изложеніемъ тѣхъ выводовъ, которые мнѣ представляются наиболѣе правильными.

Пространственность есть свойство, которымъ обладаютъ наряду съ интенсивностью воѣ ощущенія безъ исключенія. Раскаты грома и шумъ бури мы называемъ болѣе объемистыми, чѣмъ скрипъ грифеля объ асфидную доску; погруженіе нашего тѣла въ теплую ванну даетъ болѣе массивное ощущеніе, чѣмъ уволь булавкой. Слабая невралгическая боль въ лицѣ, легкая, какъ паутина, кажется менѣе массивной, чѣмъ мучительно-тяжкое ощущеніе обжора или сильная боль въ видѣ боли въ или lumbrago на большомъ протяженіи тѣла; одинокая звѣзда кажется меньше полуденнаго неба. Мускульныя ощущенія и ощущенія, связанные съ функциями полукружныхъ каналовъ (см. стр. 57-ю), имѣютъ объемъ; не лишены его вкусы и запахи, а органическія ощущенія обладаютъ имъ въ довольно значительной степени.

Чувства переполненія и пустоты, одышка, тремета, головной боли наряду съ общимъ сознаніемъ протяженности нашего тѣла при тошнотѣ, жарѣ, тяжеломъ чувствѣ сонливости и усталости служатъ образчиками массивныхъ ощущеній. Въ такихъ случаяхъ общій объемъ нашего тѣла начинаетъ сознаться нами значительно яснѣе и сильнѣе, сравнительно съ мѣстными ощущеніями толчковъ, давленія и неудобства. Но во всякомъ случаѣ кожа и ретина суть органы, въ которыхъ пространственные элементы играютъ наиболѣе активную роль. Не только съ помощью ретины мы воспринимаемъ большіе объемы пространства, чѣмъ съ помощью другихъ органовъ чувствъ, но та чрезвычайная тонкость, съ которою наше вниманіе можетъ подраздѣлять весь объемъ зрительныхъ впечатлѣній и сознать въ немъ другъ подлѣ друга сосуществующія части, не имѣетъ себѣ ничего подобнаго. Ухо обладаетъ способностью, воспринимать ощущенія большого объема, сравнительно съ кожей, но зато отличается гораздо меньшей восприимчивостью къ подраздѣленію этихъ объемовъ на части. Сверхъ того, *объемъ ощущеній для уха одинаковъ во всѣхъ направленіяхъ*. Измѣренія пространства въ слуховыхъ ощущеніяхъ сознаются такъ ясно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о противоположеніи

«поверхности» и «глубины»; всего лучше обозначить эти ощущения неопредѣленно «объемными».

Ощущенія различныхъ порядковъ могутъ быть грубо сравниваемы между собою въ отношеніи ихъ «объемности». Слѣдующія прозрѣвъ удивляются величинѣ воспринимаемыхъ предметовъ, которые кажутся имъ, вопреки ожиданію, слишкомъ большими. Французъ рассказываетъ о своемъ пациентѣ, котораго онъ вылѣчилъ отъ катаракта: «Все казалось ему гораздо большимъ, сравнительно съ тѣми понятіями, которыя онъ составилъ о величинѣ предметовъ, руководствуясь однимъ чувствомъ осязанія». Движущіеся предметы, особенно одушевленные существа, казались ему необыкновенно большими. Громкіе звуки вызываютъ въ насъ ощущение чего-то огромнаго. «Блестящія тѣла, говоритъ Герингъ, вызываютъ въ насъ воспріятіе предметовъ съ большимъ объемомъ (*raumbaft*), сравнительно съ тѣлами неблестящей окраски. Расслабленное до красна желѣзо и пламя кажутся насквозь прозрачными». Внутренность полости рта кажется большей при ощупываніи ея языкомъ, чѣмъ на глазъ. Дупло, образовавшееся во рту послѣ вырваннаго зуба, и движенія распатаннаго зуба, кажутся неестественно-значительными. Попавшая въ ухо мошка, жужжа возлѣ барабанной перепонки, можетъ показаться величиною съ бабочку. Давленіе воздуха въ барабанной полости уха на перепонку вызываетъ удивительно сильное впечатлѣніе.

Объемность ощущенія, повидимому, имѣетъ очень мало отношеній къ размѣрамъ органа чувствъ, при посредствѣ котораго оно возникаетъ. Ухо и глазъ—сравнительно очень малые органы, а между тѣмъ они даютъ ощущенія съ наибольшимъ объемомъ. То-же несоотвѣтствіе между объемомъ ощущеній и размѣрами частей органа наблюдается въ границахъ отдѣльныхъ органовъ чувствъ. Предметъ кажется меньше на боковыхъ частяхъ ретины, чѣмъ на желтомъ пятнѣ; это легко можно проверить, держа параллельно указательные пальцы передъ глазомъ на разстояніи двухъ вершковъ и перенося взоръ съ одного на другой; тогда палецъ, видимый боковымъ зрѣніемъ, покажется болѣе тонкимъ. Если мы возьмемъ двѣ точки, напримѣръ, ножки циркуля или острые концы ножницъ и, сохраняя неизмѣннымъ разстояніе между ними, проведемъ ими по кожѣ двѣ параллельныхъ линіи, то въ нѣкоторыхъ частяхъ своего пути эти линіи будутъ казаться отстоящими далѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Если, напримѣръ, мы проведемъ ими по лицу кого-нибудь въ поперечномъ направленіи, то испытуемому субъекту будетъ казаться, что въ среднихъ частяхъ пути онѣ расходятся и описываютъ своимъ движеніемъ правильный незамкнутый эллипсисъ (рис. 65-й).

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ прежде всего слѣдующее: протяженіе, различаемое во всякомъ ощущеніи безъ исключенія, хотя

из однихъ болѣе развитое, чѣмъ изъ другихъ, есть первичное ощущение протяженности, изъ котораго все послѣдующее точное познание пространственныхъ отношеній слагается при помощи процессовъ ассоціаціи, различенія и подбора.

Построеніе реального пространства. Хотя для новорожденного, впервые начинающаго познавать внѣшній міръ при помощи органовъ чувствъ, опытъ обладаетъ характеромъ протяженности, однако все-же пространственныя отношенія познаются имъ безъ отчетливаго различенія отдѣльныхъ частей, направленій, размѣровъ и расстояній. Потенціально комната, въ которой находится новорожденный, можетъ быть подраздѣлена имъ на множество частей, неподвижныхъ и двигающихся, и въ каждый данный моментъ эти части находятся въ извѣстныхъ отношеніяхъ другъ ко другу и въ самомъ ребенку. Потенціально комната эта можетъ помѣщаться ребенкомъ въ пространствѣ большаго объема, путемъ присоединенія къ ея объему частей пространства, составляющихъ остальную внѣшній міръ. Но на самомъ дѣлѣ части пространства, выходящія за предѣлы комнаты, и пространственныя подраздѣленія внутри комнаты не сознаются ребенкомъ, и главный элементъ въ его воспитаніи въ теченіе перваго года состоитъ въ подробномъ ознакомленіи съ пространственными отношеніями, въ распознаваніи въ нихъ различій и отождествленія сходнаго. Этотъ процессъ можетъ быть названъ *построеніемъ реального пространства*, какъ вновь воспринимаемаго объекта, слагающагося изъ первичныхъ хаотическихъ впечатлѣній объемности. Это построеніе (конструированье) включаетъ въ себѣ рядъ подчиненныхъ другъ другу процессовъ:

1) *Цѣльный объектъ зрѣнія и осязанія долженъ быть расчлененъ на меньшіе объекты, различаемые изъ немъ вполне определеннымъ образомъ.*

2) *Видимые или пробуемые на вкусъ объекты должны отождествляться съ объектами осязаемыми, слышимыми etc., и наоборотъ, такъ что та-же «вещь» должна познаваться ребенкомъ, какъ таковая, хотя онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ будетъ познавать ее весьма различными путями.*

3) *Непосредственно познаваемый въ данную минуту объемъ пространства долженъ стать изъ взгляда ребенка определенно локализованной частью внутри окружающаго объема пространства, изъ котораго заключенъ нашъ міръ.*

4) *Всѣ объекты должны для ребенка располагаться въ извѣстномъ порядкѣ по отношенію другъ ко другу по тремъ такъ называемымъ измѣреніямъ и*

5) *Ребенокъ долженъ научиться различать относительные размѣры предметовъ, другими словами, измѣрять ихъ.*

Разсмотримъ эти процессы по порядку одинъ за другимъ:

1) Подраздѣленіе или различеніе. Въ этомъ отношеніи мнѣ остается

немногое прибавить къ тому, что было сказано въ главѣ XIV-й. Движущіяся, острыя, ярко освѣщенные части всего поля нашего воспріятія «привлекаютъ вниманіе» и тогда различаются, какъ особые объекты, окруженные остальной частью зрительнаго или осязательнаго поля. То обстоятельство, что эти объекты, разъ будучи выдѣлены изъ окружающей сферы впечатлѣній, сохраняютъ эту обособленность отъ окружающаго, останется всегда первичнымъ фактомъ нашей чувственной воспримчивости, не поддающимся никакому дальнѣйшему объясненію. Впослѣдствіи, послѣ того, какъ отдѣльные предметы одинъ за другимъ выдѣлялись изъ общаго хаоса впечатлѣній и сдѣлались привычными, вниманіе ребенка можетъ направляться на нѣсколько предметовъ сразу. Онъ можетъ тогда видѣть и осязать сразу нѣсколько предметовъ, находящихся одинъ подлѣ другого среди поля воспріятія. Это сознаніе «сосуществованія предметовъ другъ подлѣ друга» сначала очень неясно, оно можетъ не заключать въ себѣ различенія опредѣленныхъ направленій и разстояній—и его также слѣдуетъ принять за нѣчто первично-данное въ нашей чувственной воспримчивости.

2) Объединеніе различныхъ видовъ ощущеній въ одну «вещь». Когда два ощущенія сознаются нами одновременно, то мы стремимся объединить вызывающія ихъ причины въ понятіе *одной и той же вещи*. Когда индукторъ электрической машины близко поднесенъ къ нашей кожѣ, то искра, которую мы видимъ, трескъ, который мы слышимъ, и уколъ, который осязаемъ, локализируются въ томъ же мѣстѣ и разсматриваются, какъ различныя стороны въ одномъ и томъ же явленіи—электрическомъ разрядѣ. Пространства, занимаемыя видимымъ, слышимымъ и осязаемымъ объектами, сливаются въ нашемъ представленіи, въ одно пространство въ силу основнаго закона нашего сознанія, закона, согласно которому мы упрощаемъ, объединяемъ и отождествляемъ воспринимаемыя впечатлѣнія сколь возможно болѣе. *Всякое чувственное впечатлѣніе, воспринимаемое вмѣстѣ съ другимъ, локализируется нами въ томъ же мѣстѣ. Мѣста, занимаемыя первымъ и вторымъ, сливаются для насъ въ одно мѣсто, занимаемое обоими. Мѣсто, въ которомъ возникаетъ одно, впоследствии кажется въ то-же время и мѣстомъ происхожденія другого.* Таковъ первый чрезвычайно важный актъ, при помощи котораго познаваемыя нами міровыя явленія распределяются въ известномъ пространственномъ порядкѣ.

При этомъ сліяніи разнородныхъ ощущеній въ одинъ образъ «вещи», одно изъ объединяемыхъ ощущеній *принимается* нами за «вещь», остальные же разсматриваются нами, какъ болѣе или менѣе случайныя *свойства* или *способы проявленія*. Обыкновенно за коренное свойство «вещи» принимается то ощущеніе, которое отличается наибольшою устойчивостью и имѣетъ наибольшее правя-

ческое значеніе, сравнительно съ остальными: такимъ бываетъ, по большей части, ощущеніе твердости или тяжести. Но тяжесть и твердость всегда бываютъ связаны съ осязаніемъ нѣкотораго объема; мы, всегда имѣя возможность видѣть осязаемое нашей рукою, сравниваемъ величины осязаемого и видимаго объемовъ, послѣ чего общее образовавшееся въ нашемъ умѣ представленіе объ объемѣ данной вещи можетъ также стать признакомъ, характеризующимъ ея сущность. Нерѣдко такую роль играетъ размѣръ вещи, ея температура, вкусъ, etc., но, по большей части, температура, запахъ, звукъ, цвѣтъ и любое другое впечатлѣніе, сознаваемое нами въ связи съ извѣстнымъ видимымъ или осязаемымъ объемомъ, считается нами въ числѣ атрибутовъ данной вещи. Правда, мы испытываемъ вкусовые и обонятельныя ощущенія, не видя и не осязая никакого предмета, но они проявляются съ особенной силой, когда связаны со зрительными и осязательными впечатлѣніями, въ виду этого мы приписываемъ *источникъ* этихъ свойствъ соотвѣтствующимъ пространственнымъ воспріятіямъ, а самыя свойства разсматриваемъ, какъ-бы нѣчто разсѣянное въ болѣе утонченномъ видѣ въ пространствѣ, занимаемомъ отдѣльными предметами. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ наблюдается тотъ фактъ, что *чувственные впечатлѣнія, мѣста которыхъ въ пространство сливаются въ представленіе одного общаго мѣста, доставляются различными органами чувствъ.* Такія чувственные данныя не стремятся вытѣснить одна другую изъ сферы сознанія, но могутъ сознаться всѣ сразу. Нерѣдко онѣ намѣняются въ интенсивности, достигая сообщая извѣстнаго максимума. Такимъ образомъ, мы смѣло можемъ признать общимъ закономъ нашего сознанія тотъ фактъ, что мы *локализуемъ одно въ другомъ тѣ сосуществующія въ опытѣ впечатлѣнія, воспріятія которыхъ не препятствуютъ взаимно другъ другу.*

3) Сознание окружающаго міра. *Различные впечатлѣнія, воспринимаемая тѣмъ же органомъ чувствъ, взаимно препятствуютъ образованію соотвѣтствующихъ воспріятій и не могутъ быть отчетливо сознаны сразу.* Вслѣдствіе этого, мы *не локализуемъ ихъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но располагаемъ въ извѣстномъ пространственномъ порядкѣ одно подлѣ другого, въ объемѣ болшемъ, сравнительно съ объемомъ, занимаемымъ каждымъ ощущеніемъ въ отдѣльности.* Мы обыкновенно улавливаемъ предметъ, потерянный изъ вида, новорачивая глаза въ томъ направленіи, гдѣ думаемъ его найти, и съ помощью этого-то постоянного передвиженія глазъ мы пріучаемся разсматривать каждое поле зрѣнія, какъ нѣчто связанное съ возможнымъ воспріятіемъ другихъ доступныхъ зрѣнію объектовъ во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Въ то-же время движенія глазъ, въ связи съ которыми соотвѣтственно измѣняется поле зрѣнія, также сознаются и запоминаются; и постепенно такимъ путемъ (въ силу образованія ассоціацій) то или другое движеніе глазъ начинаетъ вызывать въ нашемъ сознаніи то или другое

*

представленіе о новой группѣ предметовъ, вводимыхъ нами въ поле зрѣнія. вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшнія впечатлѣнія представляютъ неопредѣленное множество разнородныхъ качествъ. Отвлекаясь отъ ихъ разнообразія, мы сосредоточиваемъ наше вниманіе на частяхъ пространства, занимаемыхъ ими, и разнородныя движенія становятся для насъ единственными показателями этихъ частей пространства, вступая съ ними въ тѣсныя ассоціаціи. Такимъ образомъ, мы все болѣе и болѣе начинаемъ разсматривать движеніе и видимое протяженіе, какъ два явленія, взаимно обуславливающихъ другъ друга, пока, наконецъ, не станемъ ихъ считать просто синонимами; тогда пустое пространство начинаетъ для насъ означать просто *сферу для движенія*; психологъ, отпавляясь отъ этого факта, можетъ легко дойти до ошибочнаго утвержденія, будто «мускульное чувство» играетъ самую главную роль въ образованіи идеи пространства.

4) Порядокъ въ пространственномъ расположеніи предметовъ. Мускульное чувство играетъ весьма значительную роль при установленіи порядка въ расположеніи видимыхъ, слышимыхъ и осязаемыхъ объектовъ. Я гляжу на точку, въ это время изображеніе другой точки, появившееся на боковой части ретины, привлекаетъ мое вниманіе, я немедленно направляю на это изображеніе желтое пятно и заставляю изображеніе падать послѣдовательно на всѣ промежуточныя точки ретины, описывая на ней линію. Линія, образованная быстрымъ движеніемъ второй точки, представляетъ сама по себѣ зрительный образъ линіи, имѣющей конечными пунктами вторую и первую точки. Она отдѣляетъ эти точки одну отъ другой, онѣ оказываются обѣ *расположенными по ея длинѣ*, такимъ образомъ, между ними устанавливается извѣстное разстояніе. Если третья точка, находящаяся еще ближе къ периферіи, привлечетъ наше вниманіе, то глазъ придетъ въ еще большее движеніе, и въ результатъ на ретинѣ получится продолженіе линіи, вторая точка теперь очутится *между* первой и третьей. Въ каждое мгновенье нашей жизни предметы, лежащіе на периферіи нашего поля зрѣнія, описываютъ на ретинѣ линіи между своими изображениями и изображениями другихъ предметовъ, отъ которыхъ они отвлекаютъ наше вниманіе, вытѣсняя ихъ изъ центра поля зрѣнія. Такимъ путемъ, каждый пунктъ на периферіи ретины *напоминаетъ* о линіи, на концѣ которой онъ лежитъ, и которая можетъ быть проведена движеніемъ глаза; даже неподвижное поле зрѣнія въ концѣ-концовъ начинаетъ означать систему пространственныхъ отношеній, установленныхъ непрерывною возможностью производить движеніе глаза, проводя линіи между центральными и периферическими частями ретины.

Тотъ же процессъ происходитъ на нашей кожѣ и на суставныхъ поверхностяхъ. Двигая рукою по предметамъ, мы проводимъ линіи, соотвѣтствующія направленію нашего движенія, и на кон-

цахъ этихъ линій возникаютъ новыя осязательныя впечатлѣнія. Эти линіи проводятся и на кожѣ, и на суставныхъ поверхностяхъ; въ обоихъ случаяхъ проведеніе ихъ порождаетъ въ насъ сознаніе опредѣленнаго порядка или расположенія въ тѣхъ предметахъ, между которыми онѣ проводятся. То-же слѣдуетъ распространить и на слуховыя, и на обонятельныя ощущенія. При извѣстномъ положеніи нашей головы извѣстные звуки или запахи сознаются наиболѣе явственнымъ образомъ. Иной поворотъ головы дѣлаетъ уже данный звукъ или запахъ слабѣе, но доводитъ до maximum'a другой звукъ или запахъ. Такимъ образомъ, два звука или запаха находятся преимущественно въ крайнихъ точкахъ линіи движенія, причѣмъ самое движеніе представляетъ здѣсь такое перемѣщеніе головы въ пространствѣ, характеръ котораго обусловленъ ощущеніями, связанными частію съ функціями полукружныхъ каналовъ, частію съ движеніями шейныхъ позвонковъ и частію съ впечатлѣніями, получаемыми ретиной.

При помощи такихъ актовъ, всякій объектъ зрѣнія, осязанія, обонанія или слуха, локализируется болѣе или менѣе опредѣленнымъ образомъ по отношенію къ реальнымъ, находящимся по бокамъ предметамъ, или къ объектамъ только возможнаго опыта. Я говорю «къ находящимся по бокамъ», не желая еще пока осложнять дѣла спеціальными соображеніями о такъ называемомъ третьемъ измѣреніи, разстояніи или глубинѣ.

5) Взаимная соизмѣримость объектовъ. Съ перваго же взгляда легко видѣть, что мы не имѣемъ возможности непосредственно сравнивать точнымъ образомъ пространственныя отношенія, связанныя съ различными ощущеніями. Полость рта при ощупываніи ея языкомъ всегда будетъ казаться больше, чѣмъ при осязаніи пальцемъ или при разсматриваніи глазами. Наши губы всегда при осязаніи кажутся больше, чѣмъ равный имъ по величинѣ участокъ кожи на бедрѣ; во всѣхъ этихъ случаяхъ сравненіе производится нами непосредственно, но зато оно не даетъ точныхъ результатовъ; для достиженія послѣднихъ нужно прибѣгнуть къ иному приему.

Главными приемами при сравненіи пространственныхъ отношеній, опредѣляемыхъ съ помощью двухъ чувствительныхъ поверхностей, служатъ наложеніе одной поверхности на другую и наложеніе одного вѣшняго предмета на многія чувствительныя поверхности. Двѣ кожныхъ поверхности, наложенныхъ одна на другую, ощущаются, какъ одно цѣлое, и согласно психологическому закону, установленному на стр. 274-й, считаются занимающими то-же мѣсто въ пространствѣ. Такое же цѣльное и единичное по занимаемому мѣсту впечатлѣніе даетъ намъ видимая и осязаемая нами рука.

При этомъ отождествленіи разнородныхъ ощущеній и сведеніи нѣсколькихъ къ одному общему впечатлѣнію, необходимо имѣть

въ виду, что изъ двухъ постоянныхъ ощущений, по которымъ мы определяемъ размеры двухъ соприкасающихся поверхностей, одно принимается за истинное показаніе, а другое—за иллюзію въ томъ случаѣ, когда показанія того и другого ощущения оказываются противорѣчащими другъ другу. Такъ, напримѣръ, ямка, образовавшаяся на мѣстѣ вырваннаго зуба, по размерамъ своимъ не даетъ возможности просунуть въ нее конецъ пальца, а при ощупываніи языкомъ она кажется такой большой, что конецъ пальца, повидимому, легко можетъ помѣститься въ ней; да и вообще можно сказать, что рука, будучи почти исключительно органомъ осязанія, при соприкосновеніи съ другими частями кожи, имѣетъ рѣшающее значеніе для опредѣленія размеровъ соприкасающихся поверхностей, т. е., размеры опредѣляются согласно ощущеніямъ, испытываемымъ поверхностью руки, а не другою соприкасающейся съ нею кожною поверхностью.

Но даже въ томъ случаѣ, когда ощупываніе одной поверхности другою, оказалось бы невозможнымъ, мы всегда могли бы измѣрять чувствительныя поверхности, налагая тотъ же протяженный объектъ сначала на одну поверхность, потомъ на другую. Мы могли бы сначала, конечно, подумать, что предметъ, съ помощью котораго мы будемъ измѣрять поверхности, во время перенесенія его изъ одного мѣста въ другое увеличился или уменьшился въ размерахъ; но стремленіе къ упрощеніямъ въ истолкованіи мировыхъ явленій вскорѣ вывело бы насъ изъ затрудненія, заставивъ насъ предположить, что, вообще говоря, предметы при перемѣщеніи не измѣняютъ своихъ размеровъ; что огромное большинство и другихъ ощущений не даютъ точныхъ показаній, и что съ этимъ обманомъ чувствъ надо постоянно считаться.

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что размеры двухъ пространственныхъ впечатлѣній (напримѣръ, линій или пятенъ), дающихъ изображенія на двухъ различныхъ частяхъ ретины, сознаются первоначально, какъ пространственные величины, находящіяся между собою въ какомъ-нибудь опредѣленномъ количественномъ отношеніи. Но еслибы впечатлѣнія исходили отъ того же самаго объекта, то мы могли бы считать размеры соответствующихъ имъ изображеній совершенно одинаковыми. Впрочемъ, послѣднее возможно только въ томъ случаѣ, когда взаимныя отношенія въ положеніи глаза и предмета, остались, вообще говоря, неизмѣнными. Когда же предметъ передвигаясь мѣняетъ свои положенія по отношенію къ глазу, то ощущение, вызываемое его изображеніемъ даже на той же части ретины, становится столь измѣнчивымъ, что мы перестаемъ придавать какое-либо постоянное значеніе возникающему при этомъ въ каждый моментъ новому пространственному впечатлѣнію на ретинѣ. Это игнорированіе величины ретинальнаго изображенія стало въ насъ столь велико, что для насъ почти невозможно сравнивать

при помощи зрѣнія размѣры предметовъ, находящихся на различныхъ разстояніяхъ, не прибѣгая къ приему наложенія. Мы не можемъ сказать заранѣе, какую часть далеко отстоящаго дома или дерева закроетъ нашъ палецъ, будучи поставленъ передъ глазомъ. Различіе отвѣтовъ на извѣстный вопросъ, какъ велика луна (согласно наивной точкѣ зрѣнія, она величиной съ каретное колесо или, по мнѣнію другихъ, съ почтовую облатку), подтверждаетъ этотъ фактъ самымъ разительнымъ образомъ. Для начинающаго чертежника самую трудную сторону его обученія составляетъ развитіе въ себѣ способности непосредственно оцѣнивать получаемую на ретивѣ величину изображеній, доставляемыхъ глазу различными объектами въ полѣ зрѣнія. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ долженъ возстановить въ себѣ то, что Рэскинъ (Ruskin) называетъ «невинностью глаза» (innocence of the eye), то есть, нѣчто вродѣ дѣтской способности воспринимать непосредственно цвѣтотвѣтные пятна, какъ таковыя, не сознавая, что именно они означаютъ.

У обыкновеннаго человѣка эта «невинность» утрачена. Изъ всѣхъ возможныхъ зрительныхъ размѣровъ каждаго извѣстнаго намъ предмета мы избрали одинъ, который принимаемъ за истинный, всѣ же остальные рассматриваемъ, лишь какъ указанія на этотъ истинный размѣръ. Эта реальная, истинная величина предмета опредѣляется нашими эстетическими и практическими интересами. Мы считаемъ истинною ту величину, какую данный предметъ имѣетъ на разстояніи, съ котораго всего удобнѣе рассматривать его и различать въ немъ детали. Это — разстояніе, на которомъ мы держимъ все, что хотимъ хорошенъко рассмотреть. На болѣе далекомъ разстояніи предметъ оказывается слишкомъ малымъ для детальнаго разсмотрѣнія, на болѣе близкомъ — слишкомъ великимъ. Оба зрительныхъ впечатлѣнія, слишкомъ большое и слишкомъ малое, игнорируются нами, вызывая въ насъ представленіе соответствующаго имъ наиболѣе важнаго по значенію образа. Смотря вдоль обѣденнаго стола, я игнорирую тотъ фактъ, что тарелки и стаканы на противоположномъ концѣ стола кажутся значительно меньшими находящихся подлѣ меня, потому что я знаю, что всѣ они одинаковы по величинѣ; и непосредственное ощущеніе, воспринимаемое отъ нихъ, ступшевывается, теряетъ свое значеніе передъ тѣмъ знаніемъ, которымъ я обладаю лишь въ воображаемой формѣ. То, что касается величины, распространяется въ данномъ случаѣ и на форму предметовъ. Почти всѣ видимыя формы предметовъ представляютъ то, что мы называемъ перспективнымъ искаженіемъ. Прямоугольныя крышки столовъ обыкновенно представляются намъ имѣющими два тупыхъ и два острыхъ угла; круги, нарисованные на коврахъ, обояхъ и листахъ бумаги, обыкновенно кажутся эллипсисами, параллельныя линіи кажутся сходящимися, человѣческія тѣла — укороченными, и переходы отъ одной изъ этихъ

измѣнчивыхъ формъ къ другой безконечны и непрерывны. Но среди нихъ одной формѣ мы отдаемъ предпочтеніе, какъ выдающейся изъ всѣхъ остальныхъ—это та форма, которую имѣетъ данный предметъ въ положеніи, наиболѣе выгодномъ для детальнаго разсмотрѣнія, т. е., когда наши глаза и предметъ находятся по отношенію другъ ко другу въ такъ называемомъ «нормальномъ положеніи». Въ этомъ положеніи голова наша держится прямо, а зрительныя оси параллельны одна другой или симметрично конвергируютъ; плоскость предмета перпендикулярна плоскости зрѣнія; если на плоскости предмета находится много параллельныхъ линій, то она расположена такъ, чтобы эти линіи были по возможности или параллельны, или перпендикулярны плоскости зрѣнія. Въ этомъ положеніи мы сравниваемъ между собою всѣ формы предметовъ, производимъ надъ ними точныя измѣренія, имѣющія для насъ рѣшающее, окончательное значеніе.

Огромное большинство ощущеній служитъ лишь указаніемъ на наличность другихъ ощущеній, которыя считаются связанными съ болѣе реальными пространственными отношеніями. *Какое бы зрительное впечатленіе мы ни получили отъ предмета, мы всегда думаемъ о немъ такъ, какъ будто онъ находился передъ нашими глазами въ нормальномъ положеніи.* Только представляя предметъ какъ-бы въ нормальномъ положеніи, мы вѣримъ, что видимъ предметъ такимъ, каковыи онъ есть, въ противномъ случаѣ мы говоримъ, что намъ онъ только *кажется* такимъ. Впрочемъ, опытъ и привычка вскорѣ научаютъ насъ, что кажущаяся видимость рядомъ непрерывныхъ градаций переходитъ въ дѣйствительность. Кромѣ того, они убѣждаютъ насъ въ томъ, что кажущееся и дѣйствительное могутъ смѣнять другъ друга самымъ причудливымъ образомъ. То настоящій кругъ можетъ въ извѣстномъ положеніи превратиться въ мнимый эллипсисъ, то настоящій эллипсисъ такимъ же путемъ превратиться въ мнимый кругъ; то прямоугольный крестъ принимаетъ видъ косоугольнаго, то косоугольный—видъ прямоугольнаго.

Почти всякая форма при непрямомъ зрѣніи можетъ такимъ образомъ разсматриваться, какъ производная отъ соответствующей формы при зрѣніи въ нормальномъ положеніи; и мы должны научиться подыскивать для всякой формы перваго класса подходящую форму втораго класса: мы должны опредѣлить, какой оптической реальности соответствуетъ данный оптический знакъ. Научаясь этому, мы только выполняемъ законъ экономіи или упрощенія, законъ, который господствуетъ надъ всею нашей психической жизнью, когда мы думаемъ исключительно объ одной «реальности» и стараемся по возможности игнорировать имѣющійся въ нашемъ сознаніи «знакъ», по которому мы узнаемъ ее. Въ виду того, что «знаки» для каждой вѣроятно-реальной вещи многочисленны, а вещь одна и устойчива, мы, игнорируя первые и со-

средоточивая вниманіе на второй, приобретаемъ ту-же выгоду, какая получается для нашихъ психическихъ актовъ, когда мы игнорируемъ текучіе, измѣнчивые образы, замѣняя ихъ связанными съ ними точными и неизмѣнными *названіями*. Выборъ многочисленныхъ «нормальныхъ видимостей» изъ хаоса нашихъ зрительныхъ впечатлѣній для того, чтобы онѣ служили намъ при нашемъ мышленіи прообразами реальныхъ вещей, представляетъ нѣкоторую аналогію съ привычкою думать словами; аналогія эта заключается въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ мы замѣщаемъ въ мышленіи многочисленные и измѣнчивые термины немногочисленными и неизмѣнными.

Если зрительное ощущеніе можетъ, такимъ образомъ, быть знакомъ, напоминающимъ о другомъ ощущеніи того-же органа чувствъ, то еще съ большимъ правомъ ощущенія, принадлежащія одному органу чувствъ, могутъ быть показателями ощущеній другого. По запаху или вкусу мы увѣрены, что возлѣ насъ находится стѣянка одеволону, блюдо земляники или кусокъ сыру, которые *могутъ быть видимы*. Объекты зрѣнія внушаютъ мысль о наличности объектовъ осязанія и наоборотъ etc. При всѣхъ этихъ напоминаніяхъ одного ощущенія о другомъ и замѣнахъ одного ощущенія другимъ только одинъ законъ неизмѣнно сохраняетъ значеніе, законъ, заключающійся въ томъ, что мы обыкновенно принимаемъ наиболее *интересное* для насъ ощущеніе въ данной «вещи» за наиболее истинное выраженіе ея природы. Здѣсь мы снова встрѣчаемъ одинъ изъ случаевъ избирательной психической активности, о которой намъ приходилось говорить на стр. 129-й.

Третье измѣреніе или разстояніе. Эта роль ощущеній, какъ простыхъ «знаковъ», которые игнорируются нами, когда вызываютъ въ нашемъ сознаніи мысль о наличности «означаемыхъ» ими ощущеній, была впервые подмѣчена Беркли въ его «Опытѣ новой Теоріи Зрѣнія». (1700 г.). Онъ особенно настаивалъ на томъ фактѣ, что «знаки» эти не были *естественными* знаками, но *свойствами* объекта, которыя просто *ассоциировались путемъ опыта* съ другими болѣе постоянными внѣшними свойствами объекта, о которыхъ они намъ напоминаютъ. Осязательное ощущеніе и зрительное впечатлѣніе, получаемыя отъ даннаго объекта, не имѣютъ рѣшительно ничего общаго между собою, и если я думаю о первомъ, воспринимая второе, или о второмъ, воспринимая первое, то это зависитъ только отъ того факта, что мнѣ случалось раньше очень часто испытывать оба ощущенія одновременно. Напримѣръ, когда мы открываемъ глаза, мы видимъ, какъ далеко находится предметъ. Но это чувство разстоянія, согласно Беркли, никоимъ образомъ не можетъ быть ретинальнымъ ощущеніемъ, ибо точка въ пространствѣ запечатлѣвается на ретинѣ только въ видѣ пятна, которое проектируется «на днѣ глаза», и это пятно

одинаково для *всѣхъ* разстояній. Разстояніе отъ глаза, съ точки зрѣнія Беркли, вовсе не зрительное, а осязательное ощущеніе, съ которымъ у насъ связаны различнаго рода зрительные знаки, на-примѣръ, важущаяся величина образа, его «блѣдность» или «неясность», и степень аккомодациі и конвергенціи. Называя разстояніе осязательнымъ ощущеніемъ, Беркли хочеть сказать, что наше понятіе о разстояніи заключается въ представленіи степени мускульнаго напряженія въ рукахъ или ногахъ, необходимаго для того, чтобы мы могли прикоснуться рукою къ данному предмету. Многіе психологи соглашались съ Беркли въ томъ, что существа, неспособныя приводить въ движеніе глаза и конечности, не имѣли бы никакого понятія о разстояніи или третьемъ измѣреніи.

Такой взглядъ мнѣ кажется неосновательнымъ. Ему безусловно противорѣчатъ тотъ неотразимый фактъ, что всѣ наши ощущенія обладаютъ извѣстной *объемностью*, и что первоначальное поле зрѣнія (какъ-бы несовершенно мы ни опредѣляли въ немъ разстоянія между предметами) не можетъ представлять нѣчто *плоское*, какъ единодушно утверждаютъ сторонники берклеевской точки зрѣнія. Взгляду Беркли противорѣчатъ также другой неотразимый фактъ: воспріятіе разстоянія представляетъ собою настоящее *зрительное ощущеніе*, хотя бы я и не былъ въ состояніи указать какой-либо фізіологическій процессъ въ органѣ зрѣнія, различныя степени котораго извѣстнымъ закономернымъ путемъ соотвѣтствовали бы измѣненіямъ въ чувствѣ разстоянія. Послѣднее вывывается въ насъ всѣми зрительными «знаками», о которыхъ говорилъ Беркли, и сверхъ того нѣкоторыми другими, каковы, на-примѣръ, бинокулярное несовпаденіе Уитстона и параллаксъ, образующійся при легкомъ движеніи головы. Явленія эти, возникая въ насъ, важутся зрительными ощущеніями, а не чѣмъ-то специфически отличающимся отъ двухъ другихъ измѣреній зрительнаго поля.

Взаимная равнозначность третьяго измѣренія съ первымъ и вторымъ (верхъ и низъ, правая и лѣвая сторона) въ нашемъ зрительномъ полѣ легко можетъ быть установлена безъ помощи чувства осязанія. Существо, состоящее изъ одного глазнаго яблока и въ то-же время одаренное нашими умственными способностями, созерцало бы такой же точно трехмѣрный міръ, какъ и мы. Ибо *тѣ-же* видимые такимъ существомъ *предметы*, покрывая при своемъ передвиженіи то однѣ, то другія части ретины, установили бы взаимную равнозначность первыхъ двухъ измѣреній въ зрительномъ полѣ, а, вызывая фізіологическіе процессы, обуславливающіе различныя степени чувства глубины, они установили бы скалу соотвѣтствующей равнозначности первыхъ двухъ измѣреній съ третьимъ.

Прежде всего, согласно выше установленнымъ принципамъ, одно изъ зрительныхъ впечатлѣній, получаемыхъ отъ предмета,

принимается за «истинное» изображение размѣровъ и величины. Это ощущение является знакомъ, что данная «вещь» на-лицо, а эта «вещь» уже явится мѣриломъ для всѣхъ остальныхъ впечатлѣній, и зрительныя ощущенія на периферическихъ частяхъ ретины сравниваются по своему объективному значенію съ ощущеніями, получаемыми отъ того же предмета на центральныхъ частяхъ. Этотъ фактъ не требуетъ никакихъ разъясненій въ томъ случаѣ, когда разстояніе предмета отъ глазъ не измѣняется, и передняя часть его остается въ томъ же положеніи. Но можетъ представиться и болѣе сложный случай; напримѣръ, предположимъ, что объектомъ зрѣнія служитъ палка, видимая нами сначала во всю ея длину, а затѣмъ приведенная во вращеніе (перпендикулярно плоскости поля зрѣнія) около одного изъ своихъ концовъ, и что этотъ неподвижный конецъ—ближайшій къ нашему глазу. Тогда при движеніи палки ея изображение станетъ постепенно все болѣе и болѣе укорачиваться, ея дальнѣйшій конецъ будетъ казаться все менѣе и менѣе отдаленнымъ отъ ближайшаго неподвижнаго конца и, наконецъ, появившись съ противоположной стороны, снова начнетъ отдаляться, пока изображение палки не возвратится къ первоначальному размѣру. Предположимъ, что такое движеніе палки стало для насъ привычнымъ опытомъ; въ такомъ случаѣ нашъ умъ будетъ предрасположенъ реагировать на него согласно съ обычнымъ своимъ принципомъ (который заключается въ наивозможно большемъ сведеніи всѣхъ данныхъ опыта къ общему единству), и будетъ усматривать въ данномъ явленіи скорѣе движеніе неизмѣняющагося тѣла, чѣмъ измѣненіе формы, происходящее въ неустойчивой массѣ. Здѣсь *чувство глубины* вызывается въ насъ въ продолженіе опыта скорѣе болѣе далекимъ, чѣмъ болѣе близкимъ концомъ. Но какъ опредѣляется степень этой глубины? что служитъ ея мѣриломъ? Почему въ то мгновеніе, когда дальнѣйшій конецъ почти исчезаетъ изъ нашихъ глазъ, мы приравниваемъ разность между его разстояніемъ отъ глазъ и разстояніемъ отъ глазъ ближайшаго конца длинѣ почти цѣлой палки? Дѣло въ томъ, что эту длину мы уже видѣли и измѣрили съ помощью извѣстнаго зрительнаго ощущенія ширины. *Отсюда мы видимъ, что каждой данной степени чувства глубины соответствуетъ определенное по степени ощущенія ширины, и что, следовательно, измѣренія глубины становятся равнозначными съ измѣреніями ширины. Беркли былъ правъ, утверждая, что способность измѣрять разстоянія представляетъ результатъ наведенія и опыта, но онъ ошибся, полагая, что эта способность не можетъ быть развита путемъ одного только зрительнаго опыта.*

Роль ума при воспріятіи пространственныхъ отношеній. Хотя Беркли былъ неправъ, утверждая, будто изъ однихъ зрительныхъ впечатлѣній не можетъ развиться воспріятіе разстояній, тѣмъ не менѣе

онъ оказалъ большое вліяніе на психологію, показавъ, какъ безсвязны и несоизмѣримы между собою въ отношеніи протяженности различныя первоначальныя наши ощущенія, и заставивъ насъ видѣть въ столь быстрыхъ, почти непосредственныхъ пространственныхъ воспріятіяхъ почти всецѣло результатъ воспитанія. Осязательное пространство—одинъ міръ, зрительное—другой. Эти два міра въ сущности не имѣютъ между собой никакихъ общихъ точекъ соприкосновенія, и только въ силу «ассоціаціи идей» мы знаемъ, что данный объектъ зрѣнія обладаетъ въ качествѣ объекта осязанія такими-то и такими-то свойствами. Лица, которыя отъ рожденія страдали катарактомъ и потому замѣняли отсутствіе зрѣнія осязаніемъ, прозрѣвъ послѣ операціи, оказывались до смѣшного неспособными называть вѣрно предметы, впервые попадавшіеся имъ на глаза. Когда одному изъ такихъ пациентовъ показали послѣ операціи десяти-литровую бутылъ, держа ее на разстояніи фута отъ глазъ, и спросили его, что это такое, онъ отвѣчалъ: «Весьма возможно, что это—лошадь» *). Равнымъ образомъ и объ относительныхъ разстояніяхъ предметовъ отъ глазъ подобные пациенты не имѣютъ никакихъ точныхъ понятій въ моторныхъ терминахъ. Съ практикою всѣ эти неясности въ зрительныхъ впечатлѣніяхъ быстро исчезаютъ, и новыя для пациента зрительныя ощущенія переводятся на привычный для пациента языкъ осязательныхъ ощущеній. Факты отнюдь не доказываютъ, что зрительныя ощущенія не *протяжены*: изъ нихъ мы видимъ только, что необходимо обладать болѣе тонкимъ чувствомъ аналогіи, сравнительно съ большинствомъ людей, чтобы сѣмъ въ зрительныхъ ощущеніяхъ *тѣ-же* внѣшнія пространственныя формы и отношенія, которыя первоначально были доставлены осязательными и моторными впечатлѣніями.

Заключеніе. Резюмируя все вышесказанное, мы видимъ, что исторія возникновенія въ насъ пространственныхъ воспріятій станетъ для насъ понятной, если мы съ одной стороны примемъ за нѣчто первично-данное ощущенія съ извѣстной степенью прирожденной имъ протяженности, а съ другой допустимъ вліяніе обычныхъ факторовъ различенія, подбора и ассоціаціи при возникновеніи этихъ ощущеній въ нашемъ сознаніи. Измѣнчивый характеръ многихъ изъ нашихъ зрительныхъ ощущеній, въ силу котораго то-же ощущеніе можетъ служить показателемъ столь различныхъ размѣровъ, величинъ и положеній предметовъ, и т. п., далъ поводъ многимъ психологамъ утверждать, что пространственныя отношенія вовсе не могутъ быть результатомъ ощущеній, но должны происходить отъ высшей духовной силы интуиціи, синтеза и т. п. Но тотъ фактъ, что каждое непосредственно-данное ощу-

*) *Rachlmann. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinneorgane, II, 79.*

женіе можетъ въ любое время стать знакомъ для другого мысленно воспроизводимого нами, достаточно объясняетъ всё относящіяся сюда явленія, и потому предполагать, что свойство протяженности создается изъ непротяженныхъ элементовъ при помощи сверхчувственной силы ума, не представляется никакой надобности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Мышленіе.

Что такое мышленіе. Мы называемъ человѣка разумнымъ животнымъ, и представители традиціоннаго интеллектуализма всегда съ особеннымъ упорствомъ подчеркивали тотъ фактъ, что животныя совершенно лишены разума. Тѣмъ не менѣе вовсе не такъ легко опредѣлить, что такое разумъ, и чѣмъ отличается своеобразный умственный процессъ, называемый мышленіемъ, отъ ряда мыслей, который можетъ вести къ такимъ же результатамъ, какъ и мышленіе.

Большая часть умственныхъ процессовъ, состоя изъ цѣпи образовъ, вызывающихъ одинъ другой, представляетъ нѣчто аналогичное съ самопроизвольною смѣною образовъ въ грѣзахъ, какою, повидимому, обладаютъ высшія животныя. Но и такой способъ мышленія ведетъ къ разумнымъ выводамъ, какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ. Связь между терминами при такомъ процессѣ мысли выражается или въ «смежности», или въ «сходствѣ», и при соединеніи обоихъ родовъ этой связи наше мышленіе едва ли можетъ быть очень безсвязнымъ. Вообще говоря, при подобномъ непроизвольномъ мышленіи термины, сочетающіеся между собой, представляютъ конкретныя эмпирическія образы, а не абстракціи. Солнечный закатъ можетъ вызвать въ насъ образъ корабельной палубы, съ которой мы видѣли его прошлымъ лѣтомъ, спутниковъ по путешествію, прибытіе въ портъ etc., или тотъ же образъ заката можетъ навести насъ на мысль о солнечныхъ миазахъ, о погребальныхъ кострахъ Геркулеса и Гектора, о Гомерѣ, о томъ, умѣлъ ли онъ писать, о греческой азбуцѣ etc. Если въ нашемъ мышленіи преобладаютъ обыденныя ассоціаціи по смежности, то мы обладаемъ прозаическимъ умомъ; если въ данномъ лицѣ часто непроизвольно возникаютъ необыкновенныя ассоціаціи по сходству и по смежности, мы называемъ его одареннымъ фантазій, поэтическимъ талантомъ, остроуміемъ. Но содержаніе мысли, вообще говоря, обусловлено совокупностью всѣхъ

звеньевъ въ послѣдовательной цѣпи образовъ. Подумавъ о чемъ-нибудь, мы вслѣдъ затѣмъ замѣчаемъ, что думаемъ о другомъ, почти не зная, какимъ путемъ пришли мы къ послѣднему выводу. Если въ этомъ умственномъ процессѣ играетъ роль отвлеченное свойство, то оно лишь на мгновенье привлекаетъ наше вниманіе, а затѣмъ смѣняется чѣмъ-нибудь инымъ и никогда не отличается большою степенью абстракціи. Такъ, напримѣръ, размышляя о солнечныхъ мѣоахъ, мы можемъ мелькомъ съ восторгомъ подумать объ изяществѣ образовъ въ умѣ первобытнаго человѣка или на мгновенье вспомнить съ пренебреженіемъ объ умственной узости современныхъ толкователей этихъ мѣоовъ. Но въ общемъ мы больше думаемъ о непосредственно-воспринимаемыхъ изъ дѣйствительнаго или возможнаго опыта конкретныхъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ объ отвлеченныхъ свойствахъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ наши умственные процессы могутъ быть вполне разумны, но все-же они не представляютъ здѣсь мышленія въ строгомъ смыслѣ слова. Въ мышленіи, хотя выводы могутъ быть конкретными, тѣмъ не менѣе *они не вызываются непосредственно другими конкретными образами*, какъ это бываетъ при цѣпи мыслей, связанныхъ простыми ассоціаціями. Эти конкретные выводы связаны съ предшествующими конкретными образами при посредствѣ промежуточныхъ ступеней, *общихъ, отвлеченныхъ признаковъ*, отчетливо выдѣляемыхъ нами изъ опыта и подвергаемыхъ особому анализу. Объектъ вывода можетъ вовсе не быть элементомъ привычной ассоціаціи по смежности или сходству съ данными вывода, изъ которыхъ мы его получаемъ. Онъ можетъ быть вещью, которой мы вовсе не встрѣчали въ предшествующемъ опытѣ, и которая не могла бы никоимъ образомъ быть вызвана при помощи простой ассоціаціи конкретныхъ образовъ. Великая разница между простыми умственными процессами, заключающимися въ вызваніи одного конкретного образа минувшаго опыта съ помощью другого, и *мышленіемъ* въ строгомъ смыслѣ слова *de facto* заключается въ слѣдующемъ: эмпирическіе умственные процессы только репродуктивны, мышленіе же — продуктивно. Грубый эмпиризмъ ничего не въ состояніи вывести изъ данныхъ, съ которыми у него нѣтъ общихъ элементовъ ассоціаціи, и практическое значеніе которыхъ ему неизвѣстно. Мыслитель же, наоборотъ, придя въ столкновеніе съ конкретными данными, которыхъ онъ никогда раньше не видѣлъ, и о которыхъ ничего не слышалъ, спустя немного времени, если способность мышленія въ немъ дѣйствительно велика, сдумаетъ изъ этихъ данныхъ сдѣлать такіе выводы, которые совершенно загладят его незнакомство съ данной конкретной областью. Мышленіе выручаетъ насъ при непредвидѣнномъ стеченіи обстоятельствъ, при которыхъ вся наша обыденная «ассоціаціонная мудрость» и наше

«воспитаніе», раздѣляемыя нами съ животными, оказываются без-
сильными.

Точное опредѣленіе «мышленія». Условимся считать характер-
стической особенностью мышленія въ тѣсномъ смыслѣ слова спо-
собность ориентироваться въ новыхъ для насъ данныхъ опыта. Эта
особенность въ достаточной степени выдѣляетъ «мышленіе» изъ
сферы обыденныхъ ассоціаціонныхъ умственныхъ процессовъ и
прямо указываетъ намъ на его отличительную черту.

Мышленіе заключаетъ въ себѣ анализъ и отвлеченіе. Въ то время,
какъ грубый эмпирикъ созерцаетъ фактъ во всей его цѣльности,
оставаясь передъ нимъ безпомощнымъ и сбитымъ съ толку, если
этотъ фактъ не вызываетъ въ его умѣ ничего сходнаго или смеж-
наго, мыслитель расчленяетъ данное явленіе и отличаетъ въ немъ
какой-нибудь опредѣленный атрибутъ. Этотъ атрибутъ онъ при-
нимаетъ за существенную сторону цѣлаго даннаго явленія, усма-
триваетъ въ немъ свойства и выводитъ изъ него слѣдствія, съ ко-
торыми дотолѣ въ его глазахъ данный фактъ не находился ни въ
какой связи, но которыя теперь, разъ будучи въ немъ усмотрѣны,
должны быть съ нимъ связаны.

Назовемъ фактъ или конкретную данную опыта <i>S</i>	
существенный атрибутъ	<i>M</i>
свойство атрибута	<i>P</i>

Тогда умозаключеніе отъ *S* къ *P* можетъ быть сдѣлано только
при посредствѣ *M*. Такимъ образомъ, «сущность» *M* заключается
въ томъ, что онъ является среднимъ или третьимъ терминомъ, ко-
торый мы выше назвали существеннымъ атрибутомъ. Мыслитель
замыкаетъ здѣсь первоначальную конкретную данную *S* ея отвле-
ченнымъ свойствомъ *M*. Что справедливо относительно *M*, что
связано съ *M*, то справедливо и относительно *S*, то связано и съ
S. Такъ какъ *M*, собственно говоря, есть одна изъ частей цѣлаго
S, то мышленіе можно очень хорошо опредѣлить, какъ замыценіе
цѣлаго его частями и связанными съ ними свойствами и слѣд-
ствіями. Тогда искусство мышленія можно охарактеризовать двумя
чертами:

1) *Проницательностью* или умѣнемъ вскрыть въ находя-
щемся передъ нами цѣломъ фактъ *S* его существенный атрибутъ *M*.

2) *Запасомъ знаній* или умѣнемъ быстро поставить *M* въ связь
съ заключающимися въ немъ, связанными съ нимъ и вытекающими
изъ него данными. Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на обычный
силлогизмъ:

<i>M</i> есть <i>P</i>
<i>S</i> есть <i>M</i>
<i>S</i> есть <i>P</i>

то увидимъ, что вторая или меньшая посылка требуетъ про-
ницательности, первая или большая — полноты и обилія знаний.
Обыкновенно чаще встрѣчается обиліе знаний, чѣмъ проницатель-
ность, такъ какъ способность разсматривать конкретныя данныя
подъ различными углами зрѣнія менѣе обыкновенна, чѣмъ умѣнье
заучивать давно извѣстныя положенія, такъ что при наиболѣе обы-
денномъ употребленіи силлогизмовъ новымъ шагомъ мысли является
меньшая посылка, выражающая нашу точку зрѣнія на данный
объектъ, но, конечно, не всегда, ибо тотъ фактъ, что *M* связано
съ *P*, также можетъ быть дотолѣ неизвѣстенъ и нынѣ впервые
нами формулированъ. Воспріятіе того факта, что *S* есть *M*, есть
точка зрѣнія на S. Утвержденіе, что *M* есть *P*, есть *общее или*
абстрактное сужденіе.

Скажемъ два слова о томъ и другомъ.

Что такое точка зрѣнія на данный предметъ. Когда мы рассматри-
ваемъ *S*, просто какъ *M* (напримѣръ, виноваръ, просто какъ
ртутное соединеніе), то сосредоточиваемъ все наше вниманіе на
этомъ атрибутивѣ *M*, игнорируя всѣ остальные атрибуты. Мы
лишаемъ реальное явленіе *S* его полноты. Во всякой реальности
можно найти безчисленное множество различныхъ сторонъ и
свойствъ. Даже такое простое явленіе, какъ линію, проводимую
нами по воздуху, можно разсматривать въ отношеніи ея положе-
нія, формы, длины и направленія. При анализѣ болѣе сложныхъ
фактовъ точки зрѣнія, съ которыхъ ихъ можно разсматривать,
становятся буквально безчисленными. Киноварь не только ртут-
ное соединеніе, она сверхъ того окрашена въ ярко - красный
цвѣтъ, обладаетъ значительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, привозится
въ Европу изъ Китая и т. д. ad infinitum. Всѣ предметы суть
источники свойствъ, которыя познаются нами лишь мало по малу,
и справедливо говорятъ, что познать исчерпывающимъ образомъ
одну какую-нибудь вещь значило бы познать всю вселенную. Или
непосредственно, или посредствующимъ образомъ эта вещь ока-
жется въ соотношеніи со всякой другой, и для всесторонняго изу-
ченія ея необходимо будетъ познать всѣ эти отношенія. Но каждое
отношеніе представляетъ одинъ изъ атрибутовъ вещи, одинъ изъ
угловъ, подъ которымъ мы можемъ ее разсматривать, игнорируя
остальныя ея свойства. Человѣкъ представляетъ собою весьма
сложное явленіе; но изъ этого безконечно - сложнаго комплекса
свойствъ провіантмейстеръ въ арміи извлекаетъ для своихъ цѣ-
лей только одно, именно — потребленіе столько-то фунтовъ пици
въ день; генералъ — способность проходить въ день столько-то
верстъ; столяръ, изготовляющій стулья — такіе-то размѣры тѣла;
ораторъ — отзывчивость на такія-то и такія-то чувства; наконецъ,
театральный антрепренеръ — готовность платить ровно столько-то
за одинъ вечеръ развлеченія. Каждое изъ этихъ лицъ выдѣляетъ

въ цѣломъ человѣкѣ, извѣстную сторону, имѣющую отношеніе къ его точкѣ зрѣнія, и практическіе выводы не могутъ быть сдѣланы *этимъ мыслителемъ* до тѣхъ поръ, пока ему не удастся ясно и отчетливо выдѣлить въ человѣкѣ искомую сторону, а разъ онъ выдѣлилъ послѣднюю, онъ можетъ игнорировать всѣ остальные атрибуты человѣка.

Всѣ остальные точки зрѣнія на конкретный фактъ равно истинны. *Нѣтъ ни одного свойства, которое можно было бы признать абсолютно присущимъ чему-нибудь.* Свойство, которое въ одномъ случаѣ является существеннымъ для данной вещи, становится для нея въ другомъ случаѣ совершенно неважною чертою. Теперь, пока я пишу, самымъ существеннымъ въ бумагѣ для меня является то обстоятельство, что она представляетъ поверхность, на которой можно писать. Еслибы я не имѣлъ этого въ виду, то долженъ былъ бы приостановить свою работу. Но еслибы я захотѣлъ зажечь огонь, и подъ рукой не было бы никакого иного горючаго матеріала, кромѣ бумаги, то самымъ существеннымъ свойствомъ бумаги была бы ея способность къ горѣнію, и я могъ бы совершенно игнорировать инныя назначенія бумаги. Она, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ всѣ свойства, какія ей можно приписать: она—поверхность для письма, горючая тонкая вещь, органическое соединеніе, предметъ длиною въ десять и шириною въ восемь вершковъ, отстоящій ровно на осьмую часть англійской мили отъ извѣстнаго камня въ полѣ моего сосѣда, сдѣланный на американской фабрикѣ и т. д. *ad infinitum.* Становясь временно на любую изъ этихъ точекъ зрѣнія, я начинаю несправедливо игнорировать другія точки зрѣнія. Но такъ какъ я могу квалифицировать бумагу каждый разъ только однимъ опредѣленнымъ образомъ, то каждая моя точка зрѣнія неизбежно окажется ошибочной, узкой, односторонней. Природная необходимость, заставляющая меня по неволѣ быть ограниченнымъ и въ мышленіи, и въ дѣятельности, дѣлаетъ для меня извинительной эту неизбежную односторонность. Мое мышленіе всегда связано съ дѣятельностью, а дѣйствовать я могу лишь въ одномъ направленіи заразъ. Бога, котораго мы представляемъ правящимъ заразъ цѣлою вселенною, мы можемъ также представить безъ всякаго ушерба его дѣятельности созерцающимъ разомъ безъ различія всѣ части вселенной. Но еслибы наше вниманіе могло быть въ такой степени равномерно распределено по различнымъ частямъ созерцаемаго міра, то мы оказались бы пассивно созерцающими явленія и лишили бы себя возможности совершить какое-бы то ни было опредѣленное дѣйствіе. Г-нъ Уорнеръ (Warner) въ одномъ изъ своихъ произведеній «Adirondac story» рассказываетъ, что онъ застрѣлилъ медвѣдя, не цѣлясь въ какую-нибудь опредѣленную часть тѣла—въ глазъ или сердце, а «въ медвѣдя вообще», но мы не можемъ подоб-

нымъ же образомъ направлять наше вниманіе «на вселенную вообще»; всякія попытки въ этомъ направленіи должны для насъ окончиться неудачно. Сфера дѣйствій для насъ ограничена, мы должны изслѣдовать явленія по частямъ, не пытаясь охватить грандіозную совокупность всѣхъ элементовъ природы, связывая въ ряды отдѣльные факты и преслѣдуя свои мелкіе ежечасно измѣняющіеся интересы. При этомъ односторонность нашего міросозерцанія въ каждый данный моментъ уравнивается отчасти односторонностью иного характера, въ которую мы впадаемъ въ слѣдующій моментъ. Въ данную минуту для меня, пока я пишу эту главу, способность подбора фактовъ и умѣнье сосредоточивать вниманіе на извѣстныхъ сторонахъ явленія представляется способностью человѣческаго ума. Въ другихъ главахъ иные свойства казались и будутъ еще казаться мнѣ наиболѣе существенными сторонами человѣческаго духа.

Односторонность въ міровоззрѣніи до того глубоко вкоренилась въ людей, что для поклонниковъ здраваго смысла и схоластики (схоластика, вѣдь, та-же точка зрѣнія здраваго смысла, только приведенная въ систему) мысль, будто нѣтъ ни одного качества, которое было бы на самомъ дѣлѣ абсолютно, всецѣло присуще чему-нибудь, представляется почти логически невозможной. «Сущность всегда дѣлаетъ вещь *тѣмъ*, чѣмъ она есть. Безъ сущности, принадлежащей абсолютно только ей, она не была бы ничѣмъ въ частности, ее бы никакъ нельзя было назвать, мы не могли бы указать основаній, почему она должна быть именно тѣмъ, а не этимъ. Напримѣръ, къ чему вы говорите о матеріалѣ, на которомъ пишете, что это—горючее вещество, четырехугольный предметъ и т. д., когда вы знаете, что все это—случайныя свойства, а то, что онъ есть на само мѣ дѣлѣ и чѣмъ долженъ быть, есть *бумага* и больше ничего?» Весьма возможно, что читатель сдѣлаетъ мнѣ подобное возраженіе. Но, вѣдь, и самъ онъ подчеркиваетъ лишь одну сторону въ данномъ явленіи, соответствующую той незначительной цѣли, которую онъ себѣ намѣтилъ—именно, цѣли *дать* данному предмету извѣстное *названіе*; для фабриканта бумаги важна иная цѣль: *производство товара, на который есть всеобщій спросъ*. Между тѣмъ реальность остается явленіемъ совершенно безразличнымъ по отношенію къ тѣмъ цѣлямъ, которыя мы съ нею связываемъ. Ея наиболѣе обыденное житейское назначеніе, ея наиболѣе привычное для насъ названіе и ея свойства, ассоциировавшіяся съ послѣднимъ въ нашемъ умѣ, не представляютъ въ сущности ничего неприкосновеннаго. Они болѣе характеризуютъ *насъ*, чѣмъ самую вещь. Но мы до того скованы предразсудками, нашъ умъ до того окончѣлъ, что наиболѣе привычнымъ для насъ названіямъ вещей и связаннымъ съ ними представленіямъ мы приписываемъ значеніе чего-то вѣч-

наго, абсолютнаго. Сущность вещи должна характеризоваться наиболѣе привычными для насъ названіями; то, что означается въ ней менѣе привычными для насъ названіями, можетъ имѣть для насъ значеніе случайнаго и, относительно говоря, несущественнаго свойства. [Натуралисты могутъ подумать, что молекулярное строеніе вещества составляетъ сущность мировыхъ явленій въ абсолютномъ смыслѣ слова, и что H_2O есть болѣе точное выраженіе сущности воды, чѣмъ указаніе на ея свойство растворять сахаръ или утолять жажду. Нимало! *Всѣ* эти свойства равно характеризуютъ воду, какъ нѣкоторую реальность, и для *химика* сущность воды прежде всего опредѣляется формулой H_2O и затѣмъ уже другими свойствами только потому, что *для ея цѣлей* лабораторнаго синтеза и анализа веществъ вода, какъ предметъ науки, изучающей соединенія и разложенія веществъ, есть прежде всего H_2O].

Локкъ первый подмѣтилъ это заблужденіе. Но ни одинъ изъ его послѣдователей, насколько мнѣ извѣстно, не избѣгъ этого заблужденія вполнѣ, не обратилъ вниманія на тотъ фактъ, что «сущность» есть понятіе телеологическое, и что образованіе концептовъ и классификація суть чисто телеологическія средства, которыми пользуется нашъ умъ. Сущность вещи есть свойство ея, которое столь важно для преслѣдуемыхъ мною интересовъ, что я могу совершенно игнорировать остальные. Я классифицирую данную вещь среди тѣхъ, которыя обладаютъ интереснымъ для меня свойствомъ; я даю ей сообразное съ нимъ названіе; я представляю ее себѣ, какъ нѣчто, обладающее этимъ свойствомъ; и въ то время, какъ я ее такъ классифицирую, называю и представляю, всѣ остальные истины, относящіяся къ этой вещи, не имѣютъ для меня ровно никакого значенія. Для разныхъ людей, въ различное время весьма различныя свойства кажутся наиболѣе важными. Благодаря этому обстоятельству, для той же вещи у насъ имѣются различныя названія и концепты. Но многіе предметы, входящіе въ составъ нашего домашняго обихода (напримѣръ, бумага, чернила, масло, сюртукъ), обладаютъ свойствами столь постоянной для насъ важности и названіями столь для насъ привычными, что мы въ концѣ-концовъ начинаемъ думать, будто есть только одинъ истинный способъ представлять себѣ эти вещи—именно тотъ, къ которому мы привыкли; на самомъ же дѣлѣ этотъ способъ не истиннѣе другихъ, а только наиболѣе часто примѣнялся нами къ дѣлу.

Мышленіе всегда связано съ личнымъ интересомъ. Обратимся опять къ символическому изображенію умственнаго процесса:

$$\begin{array}{l} M \text{ есть } P \\ S \text{ есть } M \\ \hline S \text{ есть } P \end{array}$$

Мы различаемъ и выдѣляемъ M , такъ какъ оно въ данную

минуту является для насъ сущностью конкретнаго факта, явленія или реальности *S*. Но въ нашемъ мірѣ *M* стоитъ въ необходимой связи съ *P*, такъ что *P* есть второе явленіе, которое мы можемъ найти связаннымъ съ фактомъ *S*. Мы можемъ заключать къ *P* черезъ посредство *M*, которое мы съ помощью нашей проницательности выдѣлили, какъ сущность, изъ первоначально воспринятаго нами факта *S*.

Замѣьте теперь, что *M* было только въ томъ случаѣ хорошимъ показателемъ для нашей проницательности, давшимъ намъ возможность выдѣлить *P* и отвлечь его отъ остальныхъ свойствъ *S*, если *P* имѣетъ для насъ какое-нибудь значеніе, какую-нибудь цѣнность. Если, наоборотъ, *P* не имѣло для насъ никакого значенія, то лучшимъ показателемъ сущности *S* было бы не *M*, а что-нибудь иное. Съ психологической точки зрѣнія, вообще говоря, съ самаго начала умственнаго процесса *S* является преобладающимъ по значенію элементомъ. Мы *ищемъ* *P* или чего-нибудь похожего на *P*. Но въ цѣломъ конкретномъ фактѣ *S* оно скрыто отъ нашего взора; ища въ *S* опорнаго пункта, при помощи котораго мы могли бы добраться до *P*, мы, благодаря нашей проницательности, нападаемъ на *M*, которое оказывается какъ разъ свойствомъ, стоящимъ въ связи съ *P*. Еслибы мы желали найти *Q*, а не *P*, и еслибы *N* было свойствомъ *S*, стоящимъ въ связи съ *Q*, то мы должны были бы игнорировать *M*, сосредоточить вниманіе на *N*, и разсматривать *S* исключительно, какъ явленіе, обладающее свойствомъ *N*.

Мы мыслимъ всегда, имѣя въ виду какіе-нибудь частные выводы или желая въ какомъ-нибудь отношеніи удовлетворить свое любопытство. Мыслитель расчленяетъ конкретный фактъ и разсматриваетъ его съ отвлеченной точки зрѣнія, но онъ долженъ сверхъ того, разсматривать его *надлежащимъ образомъ*, то есть, вскрывая въ немъ свойство, ведущее прямо къ тому выводу, который представляетъ для него въ данную минуту наибольшій интересъ.

Результаты нашего мышленія могутъ быть нами получены иногда совершенно случайно. Стереоскопъ былъ открытъ путемъ предварительныхъ теоретическихъ соображеній, но на это открытіе человѣкъ могъ бы натолкнуться и совершенно случайно, играя съ рисунками и зеркалами. Извѣстно, что иногда кошки умѣютъ отворять дверь, двигая ручку, но еслибы ручка попортившись стала не поддаваться прежнимъ толчкамъ, то ни одна кошка въ мірѣ не была бы въ состояніи догадаться, какъ открьть дверь, пока какая-нибудь новая случайность не натолкнула бы животное на новый способъ движенія, который ассоціировался бы въ его умѣ съ цѣлымъ образомъ запертой двери. Мыслящій же человѣкъ съумѣетъ открьть дверь, выяснивъ, гдѣ находится препятствіе. Для этого о

опредѣляетъ, что именно въ двери повреждено. Если, напримѣръ, рычагъ не приподнимаетъ въ достаточной степени запора надъ поперечной перекладной—значить, дверь недостаточно высоко подвѣшена на петляхъ—и ее необходимо всю приподнять. Если дверь пристаётъ снизу къ порогу вслѣдствіе тренія—ее также необходимо приподнять. Очевидно, малый ребенокъ или идиотъ могутъ быть научены, какъ отпирать ту или другую дверь, не прибѣгая къ этимъ разсужденіямъ. Я помню, какъ моя горничная открыла, что стѣнные часы мои могутъ правильно идти, только будучи наклонены немного впередъ. Она напала на этотъ способъ случайно, послѣ многихъ недѣль тщетныхъ попытокъ заставить часы идти, какъ слѣдуетъ. Причиною постоянной остановки часовъ было треніе чечевицы маятника о заднюю стѣнку часового ящика; развитой человекъ обнаружилъ бы эту причину въ пять минутъ. У меня есть лампа, пламя которой мигаетъ самымъ неприятнымъ образомъ, если не приподнять стекла примѣрно на $\frac{1}{16}$ -ю часть вершка. Я открылъ это случайно, немало передъ этимъ промучившись съ лампой, и теперь всегда держу стекло слегка приподнятымъ надъ основаніемъ горѣлки при помощи маленькой подпорки. Но все это открытіе представляетъ простую ассоціацію двухъ конкретныхъ фактовъ: доставляющаго неудобство предмета и средства, устраняющаго неудобство. Человекъ, хорошо знакомый съ пневматикой, вскрылъ бы путемъ абстракціи причину миганія и тотчасъ же указалъ бы средство устранить его. При помощи измѣренія множества треугольниковъ, можно было бы найти ихъ площадь всегда равною произведенію высоты на половину основанія и формулировать это свойство, какъ эмпирическій законъ. Но мыслитель избавляетъ себя отъ труда безчисленныхъ измѣреній, вида, что сущность треугольника заключается въ томъ, что онъ есть половина параллелограмма съ тѣмъ же основаніемъ и высотой, площадь котораго—произведенію всей высоты на основаніе. Чтобы уяснить себѣ это, надо провести дополнительныя линіи, и геометръ часто долженъ проводить такія линіи, чтобы съ помощью ихъ вскрыть нужное ему существенное свойство фигуры. Сущность фигуры заключается въ иѣвторомъ отношеніи фигуры къ новымъ линіямъ, отношеніи, которое не можетъ быть яснымъ для насъ, пока эти линіи не проведены. Геній геометра заключается въ умѣннѣ вообразить себѣ новыя линіи, а пронизательность его въ усмотрѣніи этого отношенія къ нимъ данной фигуры.

Итакъ, въ мышленіи есть двѣ весьма важныя стороны:

- 1) *Свойство, извлеченное нами изъ конкретнаго факта, признается нами равнозначнымъ всему факту, изъ котораго выдѣлено.*
- 2) *Выдѣленное такимъ образомъ свойство, наталкиваетъ насъ а извѣстный выводъ и сообщаетъ этому выводу такую очевидность, какой мы не могли бы извлечь непосредственно изъ даннаго конкретнаго факта.*

1) Предположимъ, что мнѣ предлагаютъ въ магазинѣ кусокъ сукна. «Я не возьму его, оно на видъ какъ будто линюче», говорю я, желая этимъ сказать только то, что видъ его напоминаетъ мнѣ что-то линючее; мое сужденіе, въ этомъ случаѣ, можетъ быть, и вѣрное, не есть процессъ мышленія въ строгомъ смыслѣ слова, а чисто эмпирическій выводъ, но, если я могу сказать, что въ составъ окраски даннаго сукна входитъ красящее вещество, быстро выцвѣтающее, и *потому* сукно скоро выцвѣтаетъ—мое сужденіе есть строго логическій выводъ. Понятіе окраски, которая входитъ въ составъ сукна, есть посредствующее звено между понятіями сукна и линючести. Необразованный человѣкъ будетъ путемъ эмпирическаго вывода ожидать, что ледъ при приближеніи къ огню будетъ таять, а палецъ, разглядываемый въ увеличительное стекло, будетъ казаться шероховатымъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ результатъ явленія предваряется безъ полнаго предварительнаго знакомства съ даннымъ явленіемъ. Здѣсь нѣтъ никакого акта *мышленія* въ строгомъ смыслѣ слова.

Но человѣкъ, рассматривающій тепло, какъ родъ движенія, превращеніе твердаго тѣла въ жидкое состояніе, какъ нѣчто тождественное съ возрастаніемъ молекулярнаго движенія, знающій, что кривыя поверхности преломляютъ извѣстнымъ образомъ свѣтовые лучи, и что кажущаяся величина всякаго предмета находится въ зависимости отъ степени преломленія свѣтовыхъ лучей, входящихъ въ глазъ—такой человѣкъ дѣлалъ бы по поводу всѣхъ этихъ явленій правильные выводы даже въ томъ случаѣ, еслибы онъ никогда въ жизни не имѣлъ случая наблюдать ихъ въ дѣйствительности; и онъ поступалъ бы такъ потому, что, согласно сдѣланному нами предположенію, онъ обладалъ бы тѣми идеями, которыя являлись посредствующимъ звеномъ между явленіями, служившими для него исходнымъ пунктомъ и выводами, которые онъ изъ нихъ дѣлалъ. Но эти идеи суть лишь элементы, извлеченные изъ даннаго явленія, или связанныя съ нимъ обстоятельства. Правда, движеніе, порождающее теплоту, и преломленіе свѣтовыхъ лучей представляютъ глубоко скрытые ингредиенты, гораздо менѣе скрытымъ ингредиентомъ являлось треніе чечевицы маятника объ стѣнку въ стѣнныхъ часахъ, о которыхъ я говорилъ выше, а приставаніе двери къ полу почти и вовсе не можетъ считаться скрытымъ отъ насъ ингредиентомъ. Но во всѣхъ этихъ примѣрахъ есть та общая черта, что они устанавливаютъ болѣе очевидное отношеніе даннаго явленія въ воду, который не можетъ быть полученъ изъ него непосредственно съ такою же очевидностью.

2) Обратимся теперь къ второму пункту: почему слѣдствія, выводы и комбинаціи, дѣлаемые изъ составныхъ элементовъ даннаго явленія, болѣе очевидны, чѣмъ выводы, дѣлаемые прямо изъ плана конкретнаго явленія? По двумъ причинамъ. Во-первыхъ, отвѣ-

ченныя свойства болѣе общи, чѣмъ непосредственныя, конкретныя данныя, вслѣдствіе этого они могутъ вступать въ связь съ фактами болѣе знакомыми для насъ, болѣе часто встрѣчаемыми нами въ опытѣ. Предположите, что теплота—движеніе, и все, что справедливо относительно движенія, окажется справедливымъ и относительно теплоты, но въ опытѣ намъ приходится наблюдать въ сто разъ болѣе явленій движенія, чѣмъ теплоты. Начните разсматривать лучи, проходящіе черезъ призму, какъ линіи, наклоненныя къ перпендикуляру, и вы замѣстите сравнительно мало знакомое понятіе призмы весьма привычнымъ понятіемъ перемѣны въ направленіи линіи, понятіемъ, для котораго мы ежедневно имѣемъ массу примѣровъ передъ глазами.

Другая причина, почему отношенія между свойствами, выдѣленными нами изъ даннаго предмета, такъ очевидны, заключается въ томъ, что эти свойства *значительно малочисленные* совокупности всѣхъ свойствъ цѣлаго, изъ котораго мы выдѣляемъ ихъ. Въ каждомъ конкретномъ фактѣ свойства и вытекающія изъ нихъ слѣдствія такъ многочисленны, что мы можемъ среди нихъ совершенно потеряться, не сдѣлавъ изъ нихъ того вывода, который намъ надлежитъ сдѣлать. Если же намъ посчастливилось выдѣлить надлежащее свойство, то мы разомъ можемъ какъ-бы охватить мысленно всѣ вытекающія изъ него слѣдствія. Такъ, напримѣръ, то обстоятельство, что дверь пристаётъ къ порогу, связано въ нашемъ умѣ съ весьма немногими слѣдствіями, между которыми выдѣляется то соображеніе, что, приподнявъ дверь, мы уничтожимъ ея треніе о порогъ, между тѣмъ какъ цѣлый образъ плохо отпирающейся двери можетъ вызвать въ нашемъ умѣ огромное количество понятій. Подобные примѣры могутъ показаться банальными, но они заключаютъ въ себѣ сущность самаго утонченнаго отвлеченнаго мышленія. Физика становится все болѣе и болѣе дедуктивной наукой, придавая математическую формулировку законамъ, управляющимъ основными свойствами матеріи (каковы молекулярныя массы или эфирныя волны различной длины), именно потому, что непосредственные выводы изъ такихъ понятій столь малочисленны, что мы можемъ разомъ охватить всѣ ихъ мысленно и извлечь изъ нихъ тѣ, въ которыхъ имѣемъ надобность.

Проницательность. Итакъ, для того, чтобы мыслить, мы должны умѣть извлекать изъ даннаго конкретнаго факта свойства и не какія-нибудь вообще, а тѣ свойства, которыя соотвѣтствуютъ правильному выводу. Извлекая несоотвѣтствующія свойства, мы получимъ неправильный выводъ. Отсюда возникаютъ слѣдующія недоумѣнія: *Какъ извлекаемъ мы извѣстныя свойства изъ конкретныхъ данныхъ, и почему во многихъ случаяхъ они могутъ быть открыты только гениемъ?* Почему всѣ люди не могутъ мыслить одинаково успѣшно? Почему лишь одному Ньютону удалось от-

крыть законъ тяготѣнія, одному Дарвину—принципъ выживанія существъ наиболѣе приспособленныхъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, намъ необходимо произвести новое изслѣдованіе, посмотрѣвъ, какъ въ насъ естественнымъ путемъ развивается проникновеніе въ явленія дѣйствительности.

Первоначально все наше знаніе смутно. Мы хотимъ этимъ сказать, что въ немъ первоначально нѣтъ внутреннихъ подраздѣленій (*ab intra*) и точныхъ внѣшнихъ разграниченій (*ab extra*); но все-же къ нему примѣнимы всѣ формы мысли. Въ немъ можетъ быть единство, реальность, внѣшность, объемъ и т. д., словомъ, оно есть *познаніе объекта, вещи*, но познаніе вещи, какъ нераздѣльнаго цѣлаго. При этомъ неясномъ способѣ познванія ребенку, впервые начинающему сознавать комнату, она, вѣроятно, представляется чѣмъ-то отличающимся отъ находящейся въ движеніи кормилицы. Въ его сознаніи еще нѣтъ подраздѣленій, одно окно комнаты, быть можетъ, особенно привлекаетъ его вниманіе. Такое же смутное впечатлѣніе производитъ каждая совершенно новая сфера опыта и на взрослога. Библіотека, археологическій музей, магазинъ машинъ представляютъ собою какія-то неясныя цѣлыя для новичка, но для машиниста, антикварія, библіофила цѣлое почти совершенно ускользаетъ отъ вниманія, до того стремительно они набрасываются на изслѣдованіе деталей. Знакомство съ предметомъ породило въ нихъ способность различенія. Неопредѣленные термины, вродѣ: «трава», «плѣсень», «мясо», для ботаника и зоолога не существуютъ, до того они углубились въ изученіе различныхъ видовъ травъ, плѣсени и мускуловъ. Когда Чарльзъ Кингслей показалъ одному господину анатомированіе гусеницы, тотъ, увидѣвъ тонкое строеніе ея внутренностей, замѣтилъ: «Право, я думалъ, что она состоитъ только изъ внѣшней оболочки и мякоти». Мирный обыватель, присутствуя при кораблекрушеніи, сраженіи или пожарѣ совершенно беспомощенъ. Опытъ такъ мало пробуждалъ въ немъ способность къ различенію, что его вниманіе не можетъ сосредоточиться на какой-нибудь сторонѣ сложнаго, исключительнаго событія, которое требуетъ отъ него немедленной дѣятельности. Морякъ же, пожарный и полководецъ умѣютъ сразу приняться за дѣло. Они мигомъ умѣютъ разобраться въ данномъ положеніи и проанализировать его. Оно включаетъ въ себѣ массу почти неуловимыхъ деталей, которыя замѣчаются ими, благодаря постепенному развитію ихъ сознанія въ извѣстномъ направленіи, но которыя не различаются достаточно отчетливо неопытнымъ въ данной области лицомъ.

Какимъ путемъ развивается въ насъ эта способность къ анализу, мы выяснили себѣ въ главахъ: «*О различеніи*», и: «*О вниманіи*». Разумѣется, мы диссоціируемъ элементы смутно воспринимаемыхъ нами цѣльныхъ впечатлѣній, направляя наше вниманіе то на

одну, то на другую часть цѣлаго. Но въ силу чего мы сосредоточиваемъ наше вниманіе сначала на томъ, а потомъ на другомъ элементѣ? На это можно тотчасъ же дать два ясныхъ отвѣта: 1) въ силу нашихъ практическихъ, или инстинктивныхъ интересовъ и 2) въ силу нашихъ эстетическихъ интересовъ. Собака, гдѣ угодно, умѣетъ отличить запахъ себѣ подобныхъ, лошадь чрезвычайно чутка къ ржанію другихъ лошадей, потому что эти факты имѣютъ для нихъ практическое значеніе и вызываютъ въ этихъ животныхъ инстинктивное возбужденіе. Ребенокъ, замѣчая пламя свѣчки или окно, оставляетъ безъ вниманія остальные части комнаты, потому что послѣднія не доставляютъ ему столь живого удовольствія. Деревенскій мальчишка умѣетъ находить чернику, орѣхи, и т. п. въ виду ихъ практической пользы, выдѣляя ихъ изъ массы кустарниковъ и деревьевъ; дикарю доставляютъ немало удовольствія бусы и кусочки зеркалъ привозимыя на торговыхъ корабляхъ, видъ же самага корабля не представляетъ для него никакого интереса, такъ какъ корабельное устройство недоступно по своей сложности его пониманію. Такимъ образомъ, эти практическіе и эстетическіе интересы суть наиболѣе важные факторы, способствующіе яркому выдѣленію частныхъ изъ цѣльнаго конкретнаго явленія. На что они направляютъ наше вниманіе, то и служатъ объектомъ послѣдняго, но, что такое они сами—этого мы не можемъ сказать. Мы должны въ данномъ случаѣ ограничиться признаніемъ ихъ неразложимыми далѣе, первичными факторами, опредѣляющими то направленіе, въ которомъ будетъ совершаться ростъ нашего знанія.

Существо, руководимое въ своей дѣятельности немногочисленными инстинктивными импульсами или немногочисленными практическими и эстетическими интересами, будетъ обладать способностью диссоціировать весьма немногія свойства и въ лучшемъ случаѣ будетъ одарено ограниченными умственными способностями; существо же, одаренное большимъ разнообразіемъ интересовъ, будетъ обладать высшими умственными способностями. Человѣкъ, какъ существо, одаренное безконечнымъ разнообразіемъ инстинктовъ, практическихъ стремленій и эстетическихъ чувствъ, доставляемыхъ каждымъ органомъ чувствъ, въ силу одного этого долженъ обладать способностью диссоціировать свойства въ гораздо большей степени, чѣмъ животныя, и согласно этому мы находимъ, что дикари, стоящіе на самой низкой ступени развитія, мыслятъ неизмѣримо болѣе совершеннымъ образомъ, чѣмъ самыя высокія животныя породы. Разнообразіе интересовъ ведетъ, сверхъ того, къ варіированью опытовъ, накопленіе которыхъ становится почвою для дѣятельности закона *диссоціаціи при измѣненіи окружающей обстановки*, о которомъ мы говорили на стр.

Помощь, которую оказываютъ намъ при мышленіи ассоціаціи по сходству.

Нелишено также вѣроятія, что *высшія ассоціаціи у челоуька*, ассоціаціи по сходству, играютъ важную роль при различеніи свойствъ, связанныхъ съ процессами мышленія наивысшаго порядка. Значеніе этихъ ассоціацій настолько важно для мышленія, и мы говорили о нихъ такъ мало въ главѣ: «*О различеніи*», что теперь необходимо остановиться на нихъ нѣсколько подробѣе.

Что вы дѣлаете, читатель, когда хотите въ точности опредѣлить сходство или различіе двухъ объектовъ? Вы съ наивозможно большей быстротой переносите ваше вниманіе то на одинъ, то на другой предметъ. Быстрая поочередная смѣна впечатлѣній въ сознаніи, такъ сказать, выдвигаетъ на первый планъ сходства и различія объектовъ, которыя навсегда ускользнули бы отъ нашего вниманія, если бы поочередное воспріятіе впечатлѣній отъ обоихъ объектовъ отдѣлялось большими промежутками времени. Что дѣлаетъ ученый, отыскивающій скрытый въ данномъ явленіи принципъ или законъ? Онъ предумышленно перебираетъ въ умѣ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ можно найти аналогію съ даннымъ явленіемъ, и, заполняя одновременно всѣми этими аналогіями свой умъ, онъ обыкновенно оказывается въ состояніи выдѣлать въ одной изъ группы этихъ аналогій ту особенность, которую онъ не могъ опредѣлить, анализируя каждую изъ нихъ въ отдѣльности, не смотря даже на то, что въ его минувшемъ опытѣ этой аналогіи предшествовали всѣ остальные, съ которыми она теперь одновременно сопоставляется. Эти примѣры показываютъ, что для диссоціаціи свойствъ простая повторяемость даннаго явленія въ опытѣ при различной окружающей обстановкѣ еще не представляетъ достаточнаго основанія. Намъ нужно нѣчто большее, именно, необходимо, чтобы все разнообразіе окружающихъ обстановокъ возникло передъ сознаніемъ сразу. Только тогда искомое свойство выдѣлится изъ среды другихъ и займетъ отдѣльное положеніе. Съ этимъ немедленно согласятся всѣ, читавшіе логику Милля и познакомившіеся съ практическимъ примѣненіемъ наведенія, съ «четырьмя методами экспериментальнаго изслѣдованія», методомъ согласія, различія, остатковъ и сопутствующихъ измѣненій. Въ каждомъ изъ нихъ мы имѣемъ рядъ аналогичныхъ случаевъ, среди которыхъ искомое свойство можетъ намъ попасться и сосредоточить на себѣ наше вниманіе.

Изъ сказаннаго ясно, что всякій умъ, въ которомъ способность образовывать ассоціаціи по сходству сильно развита, есть умъ, самопроизвольно образующій ряды подобныхъ аналогій. Пусть *A* есть данный конкретный фактъ, въ которомъ заключается свойство *m*. Умъ можетъ въ началѣ вовсе не замѣчать этого свойства *m*. Но если *A* вызываетъ въ сознаніи *C*, *D*, *E* и *F*—явленія, сходныя съ *A* въ обладаніи свойствомъ *m*, но не попадавшіяся по цѣлымъ мѣсяцамъ въ опытѣ животному, воспринима-

ощему явленіе *A*—то, очевидно, эта ассоціація сыграетъ въ умѣ животнаго такую же роль, какую играло въ умѣ читателя преду-мысленное быстрое сопоставленіе впечатлѣній, о которомъ мы говорили выше, или въ умѣ ученаго изслѣдователя—систематическій анализъ аналогичныхъ случаевъ, и можетъ повести къ выдѣленію *m* путемъ абстракціи. Это само собою ясно и неизбежно приводитъ къ тому выводу, что послѣ немногочисленныхъ сильнѣйшихъ влеченій, связанныхъ съ практическими и эстетическими интересами, ассоціація по сходству преимущественно пособляетъ намъ вскрывать въ данномъ явленіи тѣ специфическія свойства, которыя, разъ будучи подмѣчены и названы нами, разсматриваются нами, какъ основанія, сущности, названія классовъ и средніе термины въ логическомъ выводѣ. Безъ помощи ассоціацій по сходству предумышленныя умственные операціи ученаго изслѣдователя были бы невозможны, такъ какъ онъ былъ бы лишенъ возможности группировать во-едино аналогичные случаи. Но въ высокоодаренныхъ умахъ эти процессы совершаются непредумысленно: аналогичные случаи самопроизвольно группируются въ головѣ, явленія, отдѣленные въ дѣйствительности другъ отъ друга огромными пространственными и временными промежутками, объединяются въ такихъ умахъ мгновенно, и, такимъ образомъ, среди различія окружающихъ обстановокъ обнаруживаются общія всѣмъ даннымъ явленіямъ свойства, которыя для ума, руководимаго одними ассоціаціями по смежности, остались бы навсегда недоступными.

Описанный нами процессъ изображенъ схематически на рис. 66-омъ. Если *m* въ данномъ представленіи *A* вызываетъ въ нашемъ умѣ *B*, *C*, *D* и *E*, которыя сходны съ *A* въ томъ, что обладаютъ всѣмъ свойствомъ *m*, и притомъ вызываетъ ихъ въ быстрой послѣдовательности одно за другимъ, то *m*, ассоциируясь почти одновременно со столь различными окружающими обстановками, выдѣлится изъ ихъ среды, и обратитъ на себя наше особое вниманіе.

Если читатель вполне уяснилъ себѣ мою мысль, то онъ навѣрное будетъ склоненъ думать, что умы, въ которыхъ преобладаетъ ассоціація по сходству, наиболѣе благопріятствующая выдѣленію общихъ свойствъ, наиболѣе способны къ мышленію въ строгомъ смыслѣ слова, умы же, не проявляющіе наклонности къ такому мышленію, по всей вѣроятности, располагаютъ почти исключительно ассоціаціями по смежности.

Всѣ согласны въ томъ, что гении отличаются отъ обыкновенныхъ умовъ необычайнымъ развитіемъ способности къ ассоціаціямъ по сходству. Установленіе этого факта составляетъ одну изъ крупнѣйшихъ психологическихъ заслугъ Бана. Указанное свойство наблюдается у гениевъ не только въ области мышленія, но и въ другихъ областяхъ психической дѣятельности.

Умственные способности животных. Умъ генія находится въ такомъ же отношеніи къ уму простаго смертнаго, въ какомъ умъ послѣдняго—къ умственнымъ способностямъ животныхъ. Не лишено вѣроятія, что животныя, въ противоположность людямъ, не возвышаются до образованія общихъ концептовъ и почти не имѣютъ ассоціацій по сходству. Ихъ мысль, вѣроятно, переходитъ отъ одного конкретнаго объекта къ другому, обычно слѣдующему въ опытѣ за первымъ, съ гораздо большимъ однообразіемъ, чѣмъ у насъ. Другими словами, въ ихъ умѣ преобладаютъ почти исключительно ассоціаціи идей по смежности. Но поскольку можно было бы допустить, что животное мыслить не ассоціаціями конкретныхъ образовъ, а путемъ отвлеченія общихъ признаковъ, постольку пришлось бы признать животное мыслящимъ существомъ, употребляя это выраженіе совершенно въ томъ же смыслѣ слова, въ какомъ мы примѣняемъ его къ людямъ. Въ какой мѣрѣ такое допущеніе возможно—трудно сказать. Известно только, что животныя, наиболѣе одаренныя умомъ, *поневолю руководствуются* отвлеченными признаками; выдѣляютъ ли они сознательно эти признаки изъ конкретныхъ образовъ, или нѣтъ—это другой вопросъ. Они относятся къ объектамъ такъ или иначе, соображаясь съ тѣмъ, *къ какому классу* послѣдніе принадлежатъ. Для этого необходимо, чтобы въ умѣ животнаго было обращено вниманіе на сущность *класса*, хотя бы послѣдняя и не была выработана въ отвлеченное понятіе. Одна вещь—конкретный индивидуальный фактъ, въ которомъ вниманіе не направлено особенно ни на какую сторону, другая вещь—отчетливо понятое свойство, выдѣленное особымъ названіемъ изъ совокупности остальныхъ атрибутовъ даннаго предмета; но между совершенно непроанализированнымъ конкретнымъ фактомъ и полнымъ его анализомъ, между полнымъ отсутствіемъ отвлеченія признаковъ, заключенныхъ въ данномъ объектѣ, и полною абстракціей лежитъ безчисленное множество переходныхъ ступеней. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ ступеней должны быть особыя названія, такъ какъ отгѣнки въ известныхъ ступеняхъ абстракціи замѣтны для нашего сознанія. Для идеи смутно отвлеченнаго понятія класса объектовъ д-ръ Роменсъ (Romanes) предложилъ терминъ *рецептъ* (*receptum*), а проф. Ллойдъ Морганъ—терминъ *конструктъ* (*constructum*). Послѣдній вполне опредѣленную абстракцію называетъ *изолатъ* (*isolatum*). Ни терминъ *конструктъ*, ни терминъ *рецептъ* я не нахожу удачными; не смотря на это, они вносятся въ сферу психологическихъ понятій нѣкоторый новый отгѣнокъ, и потому я отмѣчаю ихъ здѣсь. Въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ изъ книги Роменса (*Mental Evolution in Man*, p. 74) я предлагаю замѣнить терминъ *рецептъ* болѣе подходящимъ словомъ *инфлуэнтъ* (*influens*).

«Водяныя куры имѣютъ привычку нѣсколько иначе опускаться на землю и даже на ледъ, чѣмъ на воду; а тѣ породы, которыя

ныряютъ съ высоты (какъ, напримѣръ, чагравы и бакланы) никогда не опускаются на сушу и на ледъ такъ же, какъ на воду. Подобные факты показываютъ, что въ умѣ этихъ птицъ существуетъ одинъ *рецептъ*, соответствующій твердой поверхности и другой, соответствующій жидкой поверхности. Подобнымъ же образомъ человекъ никогда не попробуетъ нырнуть съ высоты надъ землею или ледяною поверхностью, и въ воду всегда прыгнетъ иначе, чѣмъ на сушу. Другими словами, подобно водяной курицѣ, онъ обладаетъ двумя различными *рецептами*, изъ которыхъ одинъ соответствуетъ сушѣ, а другой — водѣ. Но въ противоположность водяной курицѣ человекъ можетъ дать каждому изъ этихъ *рецептовъ* особое названіе и возвести ихъ на степень концепта. Поскольку дѣло касается чисто практическаго вопроса о передвиженіи нашего тѣла, постольку, разумѣется, неважно, превратили мы данный *рецептъ* въ *концептъ* или нѣтъ, но во многихъ другихъ случаяхъ способность превратить *рецептъ* въ концептъ имѣетъ огромное значеніе¹⁾.

Я знаю одну лягавую собаку, которая не кусала приносимыхъ ею въ зубахъ птицъ. Но однажды ей нужно было принести двухъ птицъ разазъ, которыя еще были живы и бились, хотя уже не могли летать; послѣ нѣкотораго колебанья она одну изъ нихъ удавила, взяла въ зубы другую и принесла живьемъ къ хозяину, потомъ вернулась за первой, убитой, и принесла также и ее. Нельзя не признать, что въ головѣ собаки быстро промелькнулъ при этомъ рядъ отвлеченныхъ мыслей вродѣ: «она жива еще», «а надо уйти», «необходимо убить ее»... етс., съ какими бы конкретными образами этотъ рядъ мыслей ни былъ связанъ. Такое практическое руководство особенными соображеніями, которыя могутъ при случаѣ быть важными, заставляетъ предполагать въ животномъ наличность основной черты мышленія. Но свойства объектовъ, обращающія на себя вниманіе животныхъ, весьма малочисленны, будучи всегда непосредственно связаны съ самыми инстинктивными стремленіями. Животныя въ противоположность людямъ никогда не отвлекаютъ свойствъ отъ конкретныхъ данныхъ ради забавы. Это можно попытаться объяснить, какъ результатъ того факта, что у нихъ почти совершенно отсутствуютъ характеристическія для человѣческаго ума ассоціаціи по сходству. Предметъ напоминаетъ животному другой совершенно сходный предметъ, но не предметъ, сходный съ первымъ лишь отчасти, и диссоціація при различіи окружающей обстановки, которая въ человекѣ опирается въ такой значительной степени на ассоціацію по сходству, въ животномъ мірѣ, повидимому, почти вовсе не имѣетъ мѣста. Одинъ конкретный фактъ во всей своей цѣльности напоминаетъ животному другой, а низшія млекопитаю-

¹⁾ «Умственное развитіе человека», стр. 74-я.

щія различаютъ свойства объектовъ невѣдомымъ для нихъ самимъ путемъ; основнымъ, капитальнымъ несовершенствомъ ихъ ума является ихъ неспособность постоянно расчленять, комбинировать группы идей въ новомъ непривычномъ порядкѣ. Они навѣкъ порабощены рутиной, мышленіемъ, почти не возвышающимся надъ конкретными фактами. Еслибы самое прозаическое человѣческое существо могло переселиться въ душу собаки, то оно пришло бы въ ужасъ отъ царящаго тамъ полного отсутствія воображенія. Мысли стали бы вызывать въ его умѣ не сходныя, а смежныя съ ними привычныя мысли. Закатъ солнца напоминалъ бы ему не о смерти героевъ, а о томъ, что пора ужинать. Вотъ почему человѣкъ есть единственное, способное къ метафизическимъ умозрѣніямъ животное. Для того, чтобы удивляться, почему вселенная такова, какова она есть, нужно имѣть понятіе о томъ, что она могла бы быть иною, чѣмъ она есть; животное, для котораго немислимо свести дѣйствительное къ возможному, отвлекши въ воображеніи отъ дѣйствительнаго факта его обычныя реальныя слѣдствія, никогда не можетъ образовать въ своемъ умѣ это понятіе. Оно принимаетъ міръ просто за нѣчто данное и никогда не относится къ нему съ удивленіемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Сознаніе и движеніе.

Всякое состояніе сознанія связано съ двигательными процессами. Предъидущая глава была посвящена анализу весьма сложныхъ внутреннихъ, чисто психическихъ процессовъ и ихъ продуктовъ; слѣдя за нашимъ анализомъ этихъ психическихъ процессовъ, читатель долженъ былъ постоянно помнить, что конечнымъ обнаруженіемъ каждаго изъ нихъ всегда должна быть извѣстная активность тѣла, обусловленная передачей центральнаго возбужденія идущимъ къ периферіи двигательнымъ нервамъ. Не надо забывать, что вся нервная система, съ физиологической точки зрѣнія, есть простая машина, превращающая извѣстные стимулы въ реакціи, интеллектуальная же сторона нашей жизни связана только съ центральными или промежуточными моментами въ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ этою машиною. Теперь мы рассмотримъ конечные, выражающіеся внѣшнимъ образомъ моменты этихъ операцій, тѣлесную активность и связанная съ нею психическія явленія.

Всякое раздраженіе, падающее на центrostремительный нервъ, вызываетъ пробѣгающій по центробѣжному нерву къ периферіи обратный токъ, съ которымъ могутъ и быть, и не быть связаны сознательные психическіе процессы. Оставляя въ сторонѣ нѣко-

торыя исключенія, можно вообще сказать, что *всякое ощущение влечетъ за собою движеніе, и что каждое движеніе въ отдельной части организма есть въ то-же время движеніе цѣлаго организма, вслѣдъ его частей*. Движеніе, явно совершающееся въ нашемъ организмѣ при взрывѣ, блескѣ молніи или щекотаніи, происходитъ скрытно при всякомъ испытываемомъ нами ощущеніи. При слабыхъ ощущеніяхъ мы не содрогаемся и не испытываемъ щекотки только вслѣдствіе весьма значительной слабости и неясности ощущенія. Много лѣтъ тому назадъ проф. Бэнъ далъ явленію общаго разряда названіе закона диффузіи (разсѣянія) и формулировалъ его слѣдующимъ образомъ: «Вслѣдъ за нервнымъ токомъ, сопровождающимъ данное ощущеніе, возникаютъ токи, разсѣивающіеся по всему мозгу, приводя въ возбужденіе органы движенія и интентности».

Вѣроятно, возбужденія, проходящія черезъ *нервные центры*, всѣ безъ исключенія подчинены закону разсѣянія. Впрочемъ, дѣйствіе, производимое пробѣгающимъ черезъ нервные центры токомъ, можетъ нерѣдко прийти въ столкновеніе съ токомъ, уже находящимся тамъ, и слѣдствіе такого столкновенія двухъ процессовъ можетъ выразиться наружнымъ образомъ въ пріостановкѣ тѣлесной активности. Такая компенсація процессовъ, вѣроятно, аналогична съ заполненіемъ трубки жидкостью, пробѣгающей по другой трубкѣ; такъ бываетъ, когда мы, наприкладъ, гуляя внезапно останавливаемся, какъ вкопанные, если наше вниманіе привлечено звукомъ, запахомъ, видомъ или внезапной мыслью. Но бываютъ также случаи остановки периферической нервной активности, остановки, зависящей не отъ задерживающаго вліянія центровъ, а отъ возбужденія центровъ, которые освобождаютъ центробѣжные токи задерживающаго свойства. Наприкладъ, въ моментъ испуга, наше сердце мгновенно перестаетъ биться или его біеніе замедляется, а затѣмъ снова возобновляется съ еще большей скоростью. Эта мгновенная задержка въ сердцебіеніи вызывается периферическимъ токомъ, пробѣгающимъ по пневмогастрическому нерву. Этотъ нервъ возбуждаясь замедляетъ или останавливаетъ сердцебіеніе; въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ бываетъ перерѣзанъ, въ сердцебіеніи при испугѣ не замѣчается никакихъ перемѣнъ.

Впрочемъ, вообще говоря, возбуждающія дѣйствія чувственныхъ впечатлѣній преобладаютъ надъ задерживающими дѣйствіями, такъ что высказанное нами выше положеніе о разсѣяннѣ по всѣмъ частямъ нервной системы можно оставить безъ оправокъ. Физиологамъ до сихъ поръ еще не удавалось прослѣдить *всѣ* дѣйствія, вызываемыя даннымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ въ нервной системѣ. Въ послѣднее время, впрочемъ, наши знанія въ этой сферѣ стали гораздо обширнѣе, и мы имѣемъ

теперь экспериментальныя доказательства тому, что даже самыя незначительныя чувственныя стимулы измѣняютъ тонъ и степень сокращенія въ біеніи сердца, артеріальномъ давленіи, въ дыханіи, въ зрачкахъ, въ мочевомъ пузырьѣ, во внутренностяхъ, въ маткѣ и въ мускулахъ произвольнаго движенія. Короче говоря, *процессъ, возбужденный въ центральныхъ частяхъ нервной системы, отражается повсюду въ организмъ, распространяясь такъ или иначе по всемъ его частямъ и увеличивая или ослабляя ихъ активность.* Масса центральной нервной ткани по отношенію ко всей нервной системѣ какъ-бы играетъ роль кондуктора, заряженнаго электричествомъ, напряженность котораго на кондукторѣ не можетъ быть измѣнена безъ измѣненія степени напряженности на остальныхъ частяхъ электрической машины. Шнейдеръ при помощи остроумнаго зоологическаго изысканія пытался показать, что всѣ *спеціальныя* движенія, производимыя высшими породами животныхъ, представляютъ дифференціацію двухъ первоначальныхъ движеній, въ которыхъ у низшихъ организмѣвъ принимаетъ участіе все тѣло. Стремленіе къ сокращенію служитъ источникомъ всѣхъ развивающихся впослѣдствіи стремленій къ самозащитѣ и къ реакціи на вѣншній стимулъ, включая сюда стремленіе къ бѣгству. Стремленіе къ расширенію, наоборотъ, вырабатывается въ импульсы и инстинкты агрессивнаго характера—питанія, борьбы, половыхъ сношеній etc. Я привожу эти соображенія, такъ какъ въ нихъ, повидимому, заключаются основанія, приводимыя сторонниками эволюціонизма и дополняющія *априорныя* механическія основанія, въ силу которыхъ должно существовать разсѣяніе нервныхъ токовъ, существованіе же этихъ послѣднихъ было доказано апостеріорнымъ путемъ.

Теперь я перейду къ подробному анализу наиболѣе важныхъ классовъ движеній, являющихся результатомъ центральныхъ мозговыхъ процессовъ, и связанныхъ съ ними психическихъ актовъ. Для каждаго изъ трехъ важнѣйшихъ классовъ этихъ движеній:

- 1) Проявленія эмоцій,
- 2) Инстинктивные акты,
- 3) Волевые акты,

я предназначаю по особой главѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Эмоція.

Сравненіе эмоцій съ инстинктами. Специфическое различіе между эмоціями и инстинктами заключается въ томъ, что эмоція есть стремленіе къ чувствованіямъ, а инстинктъ—стремленіе къ дѣй-

ствіямъ при наличности извѣстнаго объекта въ окружающей обстановкѣ. Но и эмоціи имѣютъ для себя соотвѣтствующія тѣлесныя проявленія, которыя заключаются иногда въ сильномъ сокращеніи мускуловъ (напримѣръ, въ моментъ испуга или гнѣва); и во многихъ случаяхъ можетъ обаяться нѣсколько затруднительнымъ провести рѣзкую грань между описаніемъ эмоціональнаго процесса и инстинктивной реакціи, которые могутъ быть вызваны тѣмъ же объектомъ. Къ какой главѣ слѣдуетъ отнести явленіе *страха*—къ главѣ объ инстинктахъ или къ главѣ объ эмоціяхъ? Куда также слѣдуетъ отнести описанія *любовьтства, соревнованія* etc.? Съ научной точки зрѣнія это безразлично, слѣдовательно, мы должны для рѣшенія этого вопроса руководствоваться одними практическими соображеніями. Какъ чисто-внутреннія психическія состоянія, эмоціи совершенно не поддаются описанію. Кромѣ того, такого рода описаніе было-бы излишнимъ, такъ какъ читателю эмоціи, какъ чисто душевныя состоянія, и безъ того хорошо извѣстны. Мы можемъ только описать ихъ отношеніе къ объектамъ, вызывающимъ ихъ, и реакціи, сопровождающія ихъ. Каждый объектъ, воздѣйствующій на какой-нибудь инстинктъ, способенъ вызвать въ насъ и эмоцію. Вся разница заключается здѣсь въ томъ, что такъ называемая эмоціональная реакція не выходитъ изъ предѣловъ тѣла испытываемаго субъекта, а такъ называемая инстинктивная реакція можетъ идти дальше и вступать на практикѣ во взаимныя отношенія съ вызывающимъ ее объектомъ. И въ инстинктивныхъ, и въ эмоціональныхъ процессахъ простое воспоминаніе о данномъ объектѣ или образъ его могутъ быть достаточными для возникновенія реакціи. Человѣкъ можетъ даже приходить въ большую ярость, думая о нанесенномъ ему оскорбленіи, чѣмъ непосредственно испытывая его на себѣ, и послѣ смерти матери можетъ питать къ ней больше нѣжности, чѣмъ во время ея жизни. Во всей этой главѣ я буду пользоваться выраженіемъ *объектъ эмоціи*, безразлично примѣняя его, какъ въ тому случаю, когда этимъ объектомъ служить имѣющійся на лицѣ реальный предметъ, такъ и въ тому, когда такимъ объектомъ служить просто воспроизведенное представленіе.

Разнообразіе эмоцій безконечно велико. *Гнѣвъ, страхъ, любовь, ненависть, радость, печаль, стыдъ, гордость* и различныя отгѣнки этихъ эмоцій могутъ быть названы наиболее *грубыми* формами эмоцій, будучи тѣсно связаны съ относительно сильнымъ тѣлеснымъ возбужденіемъ. Болѣе *утонченными* эмоціями являются моральныя, интеллектуальныя и эстетическія чувствованія, съ которыми обыкновенно бывають связаны значительно менѣе сильныя тѣлесныя возбужденія. Объекты эмоцій, обстоятельства, связанныя съ ними, и разнообразныя виды эмоцій можно описывать безъ конца. Безчисленныя отгѣнки каждой изъ нихъ незамѣтно переходятъ

одинъ въ другой и отчасти отмѣчаются въ языкѣ синонимами, какъ, на примѣръ, ненависть, антипатія, вражда, злоба, нерасположеніе, отвращеніе, мстительность, неприязнь, омерзеніе etc. Различіе между ними установлено въ словаряхъ синонимовъ и въ курсахъ психологівъ; во многихъ нѣмецкихъ руководствахъ по психологіи главы объ эмоціяхъ представляютъ просто словари синонимовъ. Но для плодотворной разработки того, что уже само по себѣ очевидно, есть извѣстныя границы, и результатомъ множества работъ въ такомъ направленіи явилось то, что чисто описательная литература по этому вопросу, начиная отъ Декарта и до нашихъ дней, представляетъ самый скучный отдѣлъ психологівъ. Мало того, вы чувствуете, изучая его, что подраздѣленія эмоцій, предлагаемыя психологами, въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются простыми фикціями или весьма несущественны, и что претензіи ихъ на точность терминологіи совершенно неосновательны. Но, къ несчастію, огромное большинство психологическихъ изслѣдованій эмоцій—чисто описательнаго характера. Въ романахъ мы съ интересомъ читаемъ описаніе эмоцій, будучи созданы для того, чтобы переживать ихъ на себѣ. Въ нихъ мы знакомимся съ объектами и обстоятельствами, вызывающими эмоціи, а потому всякая тонкая черта самонаблюденія, украшающая ту или другую страницу романа, немедленно находитъ въ насъ отголосокъ чувства. Классическія литературно-философскія произведенія, написанныя въ видѣ ряда афоризмовъ, также проливаютъ свѣтъ на нашу эмоціональную жизнь и, волнуя наши чувства, доставляютъ намъ наслажденіе. Что-же касается «научной психологіи» чувствованій, то, должно быть, я испортилъ себѣ вкусъ, читая въ слишкомъ большомъ количествѣ классическія произведенія по этому вопросу, но только я предпочелъ-бы читать словесныя описанія размѣровъ скалъ въ Нью-Гэмпширѣ, чѣмъ снова перечитывать эти психологическія произведенія. Въ нихъ нѣтъ никакого плодотворнаго руководящаго начала, никакой основной точки зрѣнія. Эмоціи различаются и отгѣняются въ нихъ до безконечности, но вы не найдете въ нихъ никакихъ логическихъ обобщеній. А между тѣмъ вся прелесть истинно научнаго труда заключается въ постоянномъ углубленіи логическаго анализа. Неужели-же при анализѣ эмоцій невозможно подняться надъ уровнемъ конкретныхъ описаній? Я думаю, что есть выходъ изъ сферы такихъ конкретныхъ описаній, стоитъ только сдѣлать усилія, чтобы найти его.

Причина разнообразія эмоцій. Затрудненія, возникающія въ психологіи при анализѣ эмоцій, происходятъ, мнѣ кажется, оттого, что ихъ слишкомъ привыкли разсматривать, какъ абсолютно обособленныя другъ отъ друга явленія. Пока мы будемъ разсматривать каждую изъ нихъ, какъ какую-то вѣчную, неприкосновенную психическую сущность, на подобіе видовъ, считавшихся когда-то въ біологіи

неизмѣнными сущностями, до тѣхъ поръ мы можемъ только почти-тельно составлять каталоги различныхъ особенностей эмоцій, ихъ степеней и дѣйствій, вызываемыхъ ими. Но, если мы станемъ ихъ разсматривать, какъ продукты болѣе общихъ причинъ (какъ, на примѣръ, въ биологій различіе видовъ разсматривается, какъ продуктъ измѣнчивости подъ вліяніемъ окружающихъ условій и передачи приобрѣтенныхъ измѣненій по наслѣдству), то установленіе различій и классификація приобрѣтутъ значеніе простыхъ вспомогательныхъ средствъ. Если у насъ уже есть гусыня, несущая золотыя яйца, то описывать въ отдѣльности каждое снесенное яйцо — дѣло второстепенной важности. На немногихъ послѣдующихъ страницахъ я, ограничиваясь на первыхъ порахъ такъ называемыми грубыми формами эмоцій, укажу на одну причину эмоцій; причину весьма общаго свойства.

Чувствованіе въ грубыхъ формахъ эмоціи есть результатъ ея тѣлесныхъ проявленій. Обыкновенно принято думать, что въ грубыхъ формахъ эмоціи психическое впечатлѣніе, воспринятое отъ даннаго объекта, вызываетъ въ насъ психическое состояніе, называемое эмоціей, а послѣдняя влечетъ за собой извѣстное тѣлесное проявленіе. Согласно моей теоріи, наоборотъ, *тѣлесное возбужденіе слѣдуетъ непосредственно за воспріятіемъ вызвавшаго его факта и сознаніемъ нами этого возбужденія въ то время, какъ оно совершается, и есть эмоція*. Обыкновенно принято выражаться слѣдующимъ образомъ: мы потеряли состояніе, огорчены и плачемъ, мы повстрѣчались съ медвѣдемъ, испуганы и обращаемся въ бѣгство, мы оскорблены врагомъ, приведены въ ярость и наносимъ ему ударъ. Согласно защищаемой мною гипотезѣ, порядокъ этихъ событій долженъ быть нѣсколько инымъ; именно, первое психическое состояніе не смѣняется немедленно вторымъ: между ними должны находиться тѣлесныя проявленія, и потому наиболѣе раціонально выражаться слѣдующимъ образомъ: мы опечалены, потому что плачемъ, приведены въ ярость, потому что бьемъ другого, боимся, потому что дрожимъ, а не говорить: мы плачемъ, бьемъ, дрожимъ, потому что опечалены, приведены въ ярость, испуганы. Еслибы тѣлесныя проявленія не слѣдовали немедленно за воспріятіемъ, то послѣднее было-бы по формѣ своей чисто познавательнымъ актомъ, блѣднымъ, лишеннымъ колорита и эмоціональной «теплоты». Мы въ такомъ случаѣ могли-бы видѣть медвѣдя и рѣшить, что всего лучше обратиться въ бѣгство, могли бы понести оскорбленіе и найти справедливымъ парировать ударъ, но мы не *ощущали-бы* при этомъ страха или негодованія.

Высказанная въ столь грубой формѣ гипотеза можетъ немедленно дать поводъ къ сомнѣніямъ. А между тѣмъ, для того, чтобы умалить ея, повидимому, парадоксальный характеръ и, быть можетъ, даже убѣдиться въ ея истинности, нѣтъ надобности прибѣгать къ многочисленнымъ и отдаленнымъ соображеніямъ. *

Прежде всего, обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что *каждое воспріятіе путемъ извѣстнаго рода физическаго воздѣйствія оказываетъ на нашъ организмъ широко распространяющееся дѣйствіе, предшествующее возникновенію въ насъ эмоціи или эмоциональнаго образа.* Слушая стихотвореніе, драму, героическую повѣсть, мы нерѣдко съ удивленіемъ замѣчаемъ, что по нашему тѣлу пробѣгаетъ неожиданно, какъ волна, дрожь, или что сердце наше стало сильнѣе биться, а изъ глазъ внезапно полились слезы. То-же самое въ еще болѣе осязательной формѣ наблюдается при слушаніи музыки. Если мы, гуляя въ лѣсу, вдругъ замѣчаемъ что-то темное, двигающееся, наше сердце перестаетъ биться, и мы задерживаемъ дыханье мгновенно, не успѣвъ еще образовать въ головѣ своей никакой опредѣленной идеи объ опасности. Если нашъ добрый знакомый подходитъ близко къ краю пропасти, мы начинаемъ испытывать хорошо знакомое чувство безпокойства и отступаемъ назадъ, хотя хорошо знаемъ, что онъ внѣ опасности, и не имѣемъ никакого отчетливаго представленія о его паденіи. Авторъ живо помнитъ свое удивленіе, когда онъ 7—8-лѣтнимъ мальчикомъ упалъ однажды въ обморокъ при видѣ крови, которая послѣ кровоизливанія, произведеннаго надъ лошадыю, находилась въ ведрѣ; въ этомъ ведрѣ была палка, онъ началъ размѣшивать этою палкой жидкость, которая капала съ палки въ ведро, не испытывая при этомъ ничего, кромѣ дѣтскаго любопытства. Вдругъ свѣтъ померкъ въ его глазахъ, въ ушахъ поднялся шумъ, и онъ потерялъ сознаніе. Онъ раньше никогда не слышалъ о томъ, что видъ крови можетъ вызывать въ людяхъ тошноту и обморокъ, и питалъ къ ней такъ мало отвращенія и такъ мало усматривалъ въ ней опаснаго, что даже въ столь нѣжномъ возрастѣ не могъ не удивляться тому, какъ простое присутствіе ведра красной жидкости можетъ вызвать такое потрясающее дѣйствіе въ организмѣ.

Лучшее доказательство тому, что непосредственною причиною эмоцій является физическое воздѣйствіе внѣшнихъ раздраженій на нервы, представляютъ тѣ *патологическіе случаи, когда для эмоціи нѣтъ соответствующаго объекта.* Однимъ изъ главныхъ преимуществъ моей точки зрѣнія на эмоціи является то обстоятельство, что при помощи ея мы можемъ подвести и патологическіе, и нормальные случаи эмоцій подъ одну общую схему. Во всякомъ домѣ сумасшедшихъ мы встрѣчаемъ образчики ничѣмъ не мотивированнаго гнѣва, страха, меланхоліи или мечтательности, а также образчики ровно ничѣмъ не мотивированной апатіи, которая упорно продолжается, не смотря на рѣшительное отсутствіе какихъ бы то ни было побудительныхъ внѣшнихъ причинъ. Въ первомъ случаѣ мы должны предположить, что нервный механизмъ сдѣлался столь воспримчивымъ по отношенію къ извѣстнымъ эмоціямъ, что почти всякій стимулъ, даже самый неподходящій, является

достаточной причиной для того, чтобы вызвать въ немъ возбужденіе въ этомъ направленіи и тѣмъ породить своеобразный комплексъ чувствованій, составляющій данную эмоцію. Такъ, напримеръ, если извѣстное лицо испытываетъ одновременно неспособность глубоко дышать, біеніе сердца, своеобразную перемену въ функціяхъ пневмогастрическаго нерва, называемую «сердечною тоскою», стремленіе принять неподвижное распростертое положеніе и сверхъ того еще другіе неизслѣдованные процессы во внутренностяхъ, то общая комбинація этихъ явленій порождаетъ въ немъ чувство страха, и онъ становится жертвою хорошо знакомаго нѣкоторымъ смертельнаго испуга. Мой знакомый, которому случалось испытывать припадки этой ужаснѣйшей болѣзни, рассказывалъ мнѣ, что у него центромъ душевныхъ страданій были сердечная область и дыхательный аппаратъ; что главное усиліе его побороть припадки заключалось въ контролированіи дыханія и замедленіи сердцебиенія; и что страхъ его исчезалъ, какъ только ему удавалось начать глубоко вздыхать и выпрямиться.

Здѣсь эмоція есть простое ощущеніе тѣлеснаго состоянія и причиною своею имѣетъ чисто физиологическій процессъ.

Далѣе, обратимъ вниманіе на то, что *всякая тѣлесная перемѣна, какова бы она ни была, отчетливо или смутно ощущается нами въ моментъ своего появленія*. Если читателю не случалось до сихъ поръ обращать вниманіе на это обстоятельство, то онъ можетъ съ интересомъ и съ удивленіемъ замѣтить, какъ много ощущеній въ различныхъ частяхъ тѣла являются характеристическими признаками, сопровождающими тѣ или другія эмоціональныя состоянія его духа. Нѣтъ основаній ожидать, что читатель ради столь курьезнаго психологическаго анализа будетъ задерживать въ себѣ самонаблюденіемъ порывы увлекательной страсти, но онъ можетъ наблюдать эмоціи, происходящія въ немъ при болѣе спокойныхъ состояніяхъ духа, и выводы, которые будутъ справедливы относительно слабыхъ степеней эмоціи, могутъ быть распространены на тѣ-же эмоціи при большей интенсивности. Во всемъ объемѣ, занимаемомъ нашимъ тѣломъ, мы при эмоціи испытываемъ очень живо разнородныя ощущенія, отъ каждой части его въ сознаніе проникаютъ различныя чувственныя впечатлѣнія, слабыя, сильныя, непріятныя, неопредѣленныя, впечатлѣнія, изъ которыхъ слагается чувство личности, постоянно сознаваемое каждымъ человѣкомъ. Удивительно, какіе незначительные поводы вызываютъ нерѣдко въ нашемъ сознаніи эти комплексы чувствованій. Будучи хотя бы въ самой слабой степени огорчены чѣмъ-нибудь, мы можемъ замѣтить, что наше душевное состояніе физиологически всегда выражается главнымъ образомъ сокращеніемъ глазъ и мускуловъ бровей. При неожиданномъ затрудненіи мы начинаемъ испытывать какую-то неловкость въ горлѣ, которая заставляетъ

насъ сдѣлать глотокъ, прочистить горло или кашлянуть слегка; аналогичныя явленія наблюдаются во множествѣ другихъ случаевъ. Благодаря разнообразію комбинацій, въ которыхъ встрѣчаются эти органическія измѣненія, сопровождающія эмоціи, можно сказать, исходя изъ отвлеченныхъ соображеній, что всякій отдѣльный эмоціи въ его дѣломъ имѣетъ для себя особое физиологическое проявленіе, которое представляетъ такое же unicum, какъ самый отдѣльный эмоціи. Огромное число отдѣльныхъ частей тѣла, подвергающихся модификаціи при данной эмоціи, дѣлаетъ столь затруднительнымъ для человѣка въ спокойномъ состояніи воспроизведеніе внѣшнихъ проявленій любой эмоціи. Мы можемъ воспроизвести игру мускуловъ произвольнаго движенія, соответствующую данной эмоціи, но не можемъ произвольно вызвать надлежащее возбужденіе въ кожѣ, въ железахъ, сердцѣ и внутренностяхъ. Подобно тому, какъ въ искусственномъ чиханіи недостаетъ чего-то, сравнительно съ настоящимъ, такъ точно не производитъ полной иллюзіи искусственное воспроизведеніе печали или энтузіазма при отсутствіи надлежащихъ поводовъ для возникновенія соответствующихъ настроеній.

Теперь я хочу приступить къ изложенію самаго важнаго пункта моей теоріи, который заключается въ слѣдующемъ: *Если мы представимъ себѣ какую-нибудь сильную эмоцію и попытаемся мысленно вычитать изъ этого состоянія нашего сознанія одно за другимъ все ощущенія связанныхъ съ нею тѣлесныхъ симптомовъ, то въ концѣ-концовъ отъ данной эмоціи ничего не останется, никакого «психическаго матеріала», изъ котораго могла бы образоваться данная эмоція, въ результатѣ же получится холодное, безразличное состояніе чисто интеллектуальнаго воспріятія.* Большинство лицъ, которыхъ я просилъ провѣрить мое положеніе путемъ самонаблюденія, вполне соглашались со мной, но нѣкоторые упорно продолжали утверждать, что ихъ самонаблюденіе не оправдываетъ моей гипотезы. Многие не могутъ толкомъ понять самаго вопроса. Напримѣръ, просишь ихъ устранить изъ сознанія всякое чувство смѣха и всякую наклонность къ смѣху при видѣ смѣшного предмета и затѣмъ сказать, въ чемъ будетъ тогда заключаться смѣшная сторона даннаго предмета, не останется ли тогда въ сознаніи простое воспріятіе предмета, принадлежащаго къ классу «смѣшныхъ» на это они упорно отвѣчаютъ, что это физически невозможно, и что они всегда *вынуждены* смѣяться, видя смѣшной предметъ. Между тѣмъ задача, которую я предлагалъ имъ, заключалась не въ томъ, чтобы, глядя на смѣшной предметъ, на самомъ дѣлѣ уничтожить въ себѣ всякое стремленіе къ смѣху. Это—задача чисто спекулятивнаго характера, и заключается она въ мысленномъ устраненіи нѣкоторыхъ чувственныхъ элементовъ изъ эмоціональнаго состоянія, взятаго въ

его цѣломъ и опредѣленіи того, каковы бы были въ такомъ случаѣ остаточные элементы. Я не могу отрѣшиться отъ мысли, что всякій, кто ясно понялъ поставленный мною вопросъ, согласится съ высказаннымъ мною выше положеніемъ. Я совершенно не могу представить себѣ, что за эмоція страха останется въ нашемъ сознаниі, если устранить изъ него чувства, связанныя съ усиленнымъ сердцебіеніемъ, съ короткимъ дыханіемъ, дрожаніемъ губъ, съ расслабленіемъ членовъ, съ «гусиной» кожей и съ бурчаніемъ въ животъ. Можетъ ли кто-нибудь представить себѣ состояніе гнѣва и вообразить при этомъ тотчасъ же не волненіе въ груди, приливъ крови къ лицу, расширеніе поздравей, стискиваніе зубовъ и стремленіе къ энергичнымъ поступкамъ, а, наоборотъ, мускулы въ напряженномъ состояніи, ровное дыханіе и спокойное лицо. Авторъ, по крайней мѣрѣ, безусловно не можетъ этого сдѣлать. Въ данномъ случаѣ, по его мнѣнію, гнѣвъ долженъ совершенно отсутствовать, какъ чувство, связанное съ извѣстными наружными проявленіями, и можно предположить, что въ остаткѣ получится только спокойное, безстрастное сужденіе, всецѣло принадлежащее интеллектуальной сферѣ, именно, мысль о томъ, что извѣстное лицо или лица заслуживаютъ наказанія за свои грѣхи. То-же сужденіе примѣнимо и къ эмоціи печали: что такое была бы печаль безъ слезъ, рыданій, задержки сердцебіенія, тоски подъ ложечкой? Лишенное чувственного тона признаніе того факта, что извѣстныя обстоятельства весьма печальны—и больше ничего. То-же самое обнаруживается на анализѣ всякой другой страсти. Человѣческая эмоція, лишенная всякой тѣлесной подкладки, есть одинъ пустой звукъ. Я не утверждаю, что такая эмоція есть нѣчто, противорѣчащее природѣ вещей, или что чистые духи осуждены на безстрастное интеллектуальное бытіе; я хочу только сказать, что *для насъ* эмоція, отрѣшенная отъ всякихъ тѣлесныхъ чувствованій, есть нѣчто непредставимое. Чѣмъ болѣе я анализирую мои психическія состоянія, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что «грубая» страсти и увлеченія, испытываемыя мною, въ сущности создаются и вызываются тѣми тѣлесными перемѣнами, которыя мы обыкновенно называемъ ихъ проявленіями или результатами; и тѣмъ болѣе мнѣ начинаетъ казаться вѣроятнымъ, что, сдѣлайся мой организмъ анестетичнымъ (нечувствительнымъ), жизнь аффектовъ, какъ пріятныхъ, такъ и непріятныхъ, станетъ для меня совершенно чуждой, и мнѣ придется влечить существованіе чисто познавательнаго или интеллектуальнаго характера. Хотя такое существованіе и казалось идеаломъ для древнихъ мудрецовъ, но для насъ, отстоящихъ всего на нѣсколько поколѣній отъ философской эпохи, выдвинувшей на первый планъ чувственность, оно должно казаться слишкомъ апатичнымъ, безжизненнымъ, чтобы къ нему стоило такъ упорно стремиться.

Моя точка зрѣнія не можетъ быть названа материалистической. Въ ней не больше и не меньше материализма, чѣмъ во всякомъ взглядѣ, согласно которому наши эмоціи обусловлены нервными процессами. Ни одинъ изъ читателей моей книги не возмутится противъ этого положенія, пока оно остается высказаннымъ въ общей формѣ, и если въ этомъ положеніи кто-нибудь всетаки усмотритъ материализмъ, то только имѣя въ виду тѣ или другія частныя виды эмоціи. Эмоціи суть *чувственные* процессы, которые обусловлены внутренними нервными токами, возникающими подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій. Такіе процессы, правда, всегда разсматривались платонизирующими психологами, какъ явленія, связанныя съ чѣмъ-то чрезвычайно неизменнымъ. Но каковы бы ни были *физиологическія* условія образованія нашихъ эмоцій, сами по себѣ, какъ психическое явленіе, онѣ все равно должны остаться тѣмъ, чѣмъ онѣ суть. Если онѣ представляютъ собою глубокіе, чистые, цѣнные по значенію психическіе факты, то, съ точки зрѣнія любой физиологической теоріи ихъ происхожденія, онѣ останутся все тѣми же глубокими, чистыми, цѣнными для насъ по значенію, какими онѣ являются и съ точки зрѣнія нашей теоріи; онѣ заключаютъ въ самихъ себѣ внутреннюю мѣру своего значенія, и доказывать при помощи предлагаемой теоріи эмоцій, что чувственные процессы не должны непременно отличаться неизменнымъ, материальнымъ характеромъ, такъ же логически несообразно, какъ опровергать предлагаемую теорію, ссылаясь на то, что она ведетъ къ неизменному материалистическому истолкованію явленій эмоціи.

Предлагаемая точка зрѣнія объясняетъ удивительное разнообразіе эмоцій. Если предлагаемая мною теорія вѣрна, то въ такомъ случаѣ каждая эмоція есть результатъ соединенія въ одинъ комплексъ психическихъ элементовъ, изъ которыхъ каждый обусловленъ опредѣленнымъ физиологическимъ процессомъ. Составные элементы, изъ которыхъ слагается всякая переменна въ организмѣ, есть результатъ рефлекса, вызваннаго внѣшнимъ раздражителемъ. Отсюда немедленно возникаетъ рядъ вполне опредѣленныхъ вопросовъ, которые рѣзко отличаются отъ всякихъ вопросовъ, предлагаемыхъ представителями другихъ теорій эмоцій. Съ ихъ точки зрѣнія, единственно возможными задачами при анализѣ эмоцій были классифицированіе: «Къ какому роду или виду принадлежитъ данная эмоція?» или описаніе: «Какими внѣшними проявленіями характеризуется данная эмоція?» Теперь же дѣло идетъ о выясненіи *причинъ* эмоцій: «Какія именно модификаціи вызываютъ въ насъ тотъ или другой объектъ?» и: «Почему онъ вызываетъ въ насъ именно тѣ, а не другія модификаціи?» Отъ поверхностнаго анализа эмоцій мы переходимъ, такимъ образомъ, къ болѣе глубокому изслѣдованію, къ изслѣдованію высшаго порядка. Классификація и описа-

ніе суть низшія стадіи въ развитіи науки. Какъ только выступаетъ на сцену вопросъ о причинной связи въ данной научной сферѣ изслѣдованія, классификація и описаніе отступаютъ на второй планъ и сохраняютъ свое значеніе лишь настолько, насколько облегчаютъ намъ изслѣдованіе причинной связи. Разъ мы выяснили, что причиною эмоцій являются безчисленные рефлекторные акты, возникающіе подъ вліяніемъ внѣшнихъ объектовъ и немедленно сознаваемые нами, то намъ тотчасъ же становится понятнымъ, *почему можетъ существовать безчисленное множество эмоцій, и почему у отдѣльныхъ индивидовъ онѣ могутъ неопредѣленно варіировать и по ихъ составу, и по мотивамъ, вызывающимъ ихъ.* Дѣло въ томъ, что въ рефлекторномъ актѣ нѣтъ ничего навѣки неизмѣннаго, абсолютнаго. Возможны весьма различныя дѣйствія рефлекса, и эти дѣйствія, какъ извѣстно, варіируютъ обыкновенно до безконечности.

Короче говоря, *любая классификація эмоцій можетъ считаться «истинной» или «естественной»,* коль скоро она удовлетворяетъ своему назначенію, и вопросы вродѣ: «Каково истинное или «типичное» выраженіе гнѣва или страха?» не имѣютъ никакого объективнаго значенія. Вмѣсто рѣшенія подобныхъ вопросовъ мы должны заняться выясненіемъ того, какъ могла произойти та или другая «экспрессія» страха или гнѣва—и это составляетъ съ одной стороны задачу физиологической механики, съ другой—задачу исторіи развитія человѣческой психики, задачу, которая, какъ и всѣ реальныя научныя задачи, по существу разрѣшима, хотя и трудно, быть можетъ, найти ея рѣшеніе. Немного ниже я приведу попытки, которыя дѣлались для ея рѣшенія.

Дополнительное доказательство въ пользу моей теоріи. Если моя теорія справедлива, то она должна подтвердиться слѣдующимъ косвеннымъ доказательствомъ: согласно ей, вызывая въ себѣ произвольно при спокойномъ состояніи духа такъ называемыя внѣшнія проявленія той или другой эмоціи, мы должны испытывать и самую эмоцію. Предположеніе это, насколько его можно было провѣрить опытомъ, скорѣе подтверждается, чѣмъ опровергается послѣднимъ. Всякій знаетъ, до какой степени бѣгство усиливаетъ въ насъ паническое чувство страха, и какъ можно усилить въ себѣ чувства гнѣва или печали, давъ волю ихъ внѣшнимъ проявленіямъ. Возобновляя рыданія, мы усиливаемъ въ себѣ чувство горя, и каждый новый припадокъ плача еще болѣе усиливаетъ горечь, пока не наступаетъ, наконецъ, успокоеніе, обусловленное утомленіемъ и видимымъ ослабленіемъ физическаго возбужденія. Всякій знаетъ, какъ въ гнѣвѣ мы доводимъ себя до высшей точки возбужденія, воспроизводя нѣсколько разъ подрядъ внѣшнія проявленія гнѣва. Подавите въ себѣ внѣшнее проявленіе страсти, и она замретъ въ васъ. Прежде чѣмъ отдаться вспышкѣ

гнѣва, попробуйте сосчитать до десяти—и поводъ къ гнѣву покажется вамъ до смѣшного ничтожнымъ. Чтобы придать себѣ храбрости, мы свистимъ и тѣмъ дѣйствительно придаемъ себѣ увѣренность. Съ другой стороны, попробуйте просидѣть цѣлый день въ задумчивой позѣ, поминутно вздыхая и отвѣчая упавшимъ голосомъ на вопросы окружающихъ, и вы тѣмъ еще усилите ваше меланхолическое настроеніе. Въ моральномъ воспитаніи всѣ опытные люди признали чрезвычайно важнымъ слѣдующее правило: если мы хотимъ подавить въ себѣ нежелательное эмоціональное влеченіе, мы должны терпѣливо и сначала хладнокровно воспроизводить на себѣ внѣшнія движенія, соотвѣтствующія противоположнымъ желательнымъ для насъ душевнымъ настроеніямъ. Результатомъ нашихъ упорныхъ усилій въ этомъ направленіи будетъ то, что злобное, подавленное состояніе духа исчезнетъ и замѣнится радостнымъ и вѣтхимъ настроеніемъ. Расправьте морщины на челѣ, проясните свой взоръ, выпрямите корпусъ, заговорите въ мажорномъ тонѣ, весело привѣтствуя знакомыхъ и, если въ васъ не каменное сердце, то вы невольно поддадитесь мало по малу благодушному настроенію.

Противъ сказаннаго можно привести тотъ фактъ, что, по словамъ многихъ актеровъ, превосходно воспроизводящихъ голосомъ, мимикой лица и тѣлодвиженіями внѣшнія проявленія эмоцій, они при этомъ не испытываютъ ровно никакихъ эмоцій. Другіе, впрочемъ, согласно свидѣтельству д-ра Арчера (Archer), который собралъ по этому вопросу среди актеровъ любопытныя статистическія свѣдѣнія, утверждаютъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ удавалось хорошо сыграть роль, они переживали всѣ эмоціи, соотвѣтствующія послѣдней. Можно указать весьма простое объясненіе для этого разногласія между артистами. Въ экспрессіи каждой эмоціи *внутреннее органическое* возбужденіе можетъ быть у нѣкоторыхъ лицъ совершенно подавлено, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени и самая эмоція, другія же лица не обладаютъ этой способностью. Актеры, испытывающіе во время игры эмоціи, неспособны, не испытывающіе эмоцій — способны совершенно диссоціировать эмоціи и ихъ экспрессію.

Отвѣтъ на возможное возраженіе. Мнѣ могутъ возразить на мою теорію, что иногда, задерживая проявленіе эмоціи, мы ее усиливаемъ. Мучительно то состояніе духа, которое испытываешь, когда обстоятельства заставляютъ удерживаться отъ смѣха; гнѣвъ, подавленный страхомъ, превращается въ сильнѣйшую ненависть. Наоборотъ, свободное проявленіе эмоцій даетъ облегченіе.

Возраженіе это—спорѣ кажущееся, чѣмъ реально обоснованное. *Во время* экспрессіи эмоція всегда чувствуется. *Послѣ* экспрессіи, когда въ нервныхъ центрахъ совершился нормальный разрядъ, мы болѣе не испытываемъ эмоціи. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда

экспрессія въ мимикѣ лица подавлена нами, внутреннее возбужденіе въ груди и въ животѣ можетъ проявляться съ тѣмъ болѣею силой, какъ, напримѣръ, при подавленномъ смѣхѣ; или эмоція вслѣдствіе комбинаціи вызывающаго ее объекта съ задерживающимъ ее вліяніемъ можетъ переродиться въ *совершенно другую эмоцію*, которая, быть можетъ, сопровождается инымъ и болѣе сильнымъ органическимъ возбужденіемъ. Еслибы я имѣлъ желаніе убить моего врага, но не осмѣливался бы сдѣлать это, то моя эмоція была бы совершенно иною, сравнительно съ тою, которая овладѣла бы мною въ томъ случаѣ, когда бы я осуществилъ мое желаніе. Въ общемъ это возраженіе несостоятельно.

Болѣе тонкія эмоціи. Въ эстетическихъ эмоціяхъ тѣлесное возбужденіе и интенсивность ощущенія могутъ быть слабы. Эстетикъ можетъ спокойно, безъ всякаго тѣлеснаго возбужденія, чисто интеллектуальнымъ путемъ, оцѣнить художественное произведеніе. Съ другой стороны, произведенія искусства могутъ вызывать чрезвычайно сильныя эмоціи, и въ этихъ случаяхъ опытъ вполне гармонируетъ съ выставленными нами теоретическими положеніями. Согласно нашей теоріи, основными источниками эмоцій являются *центростремительные токи*. Въ эстетическихъ воспріятіяхъ (напримѣръ, музыкальныхъ) главную роль играютъ центростремительныя токи, независимо отъ того, возникаютъ ли на-ряду съ ними внутреннія органическія возбужденія, или нѣтъ. Самое эстетическое произведеніе представляетъ объектъ ощущенія, и, поскольку эстетическое воспріятіе есть объектъ непосредственнаго, «грубаго», живо испытываемаго ощущенія, постольку и связанное съ нимъ эстетическое наслажденіе «грубо» и ярко. Я не отрицаю того факта, что могутъ быть тонкія наслажденія, иначе говоря, могутъ быть эмоціи, обусловленныя исключительно возбужденіемъ центровъ совершенно независимо отъ центростремительныхъ токовъ. Къ такимъ чувствованіямъ можно отнести чувство нравственнаго удовлетворенія, благодарности, любопытства, облегченія послѣ разрѣшенія задачи. Но слабость и блѣдность этихъ чувствованій, когда они не связаны съ тѣлесными возбужденіями, представляетъ весьма рѣзкій контрастъ съ болѣе грубыми эмоціями. У всѣхъ лицъ, одаренныхъ чувствительностью и впечатлительностью, тонкія эмоціи всегда бывають связаны съ тѣлеснымъ возбужденіемъ: моральная справедливость, отражается въ звукахъ голоса или въ выраженіи глазъ и т. п. То, что мы называють *восхищеніемъ*, всегда бываетъ связано съ тѣлеснымъ возбужденіемъ, хотя бы мотивы, вызвавшіе его, были чисто интеллектуальнаго характера. Если ловкое доказательство или блестящая острота не вызываютъ въ насъ настоящаго смѣха, если мы не испытываемъ тѣлеснаго возбужденія при видѣ справедливаго или великодушнаго поступка, то наше душевное состояніе едвали можетъ быть названо эмоціей. De facto

здѣсь происходитъ просто интеллектуальное воспріятіе явленій, которыя относятся нами къ группѣ ловкихъ, остроумныхъ или справедливыхъ, великодушныхъ и т. п. Подобныя состоянія сознанія, заключающія въ себѣ простое сужденіе, слѣдуетъ отнести скорѣе къ познавательнымъ, чѣмъ къ эмоціональнымъ психическимъ процессамъ.

Описаніе страха. На основаніи соображеній, высказанныхъ мною на стр. 306-й, я не стану приводить здѣсь никакого инвентаря эмоцій, никакой классификаціи ихъ и никакого описанія ихъ симптомовъ. Почти все это читатель можетъ вывести самъ изъ самонаблюденія и наблюденія окружающихъ. Впрочемъ, какъ различіе лучшаго описанія симптомовъ эмоціи, я приведу здѣсь дарвиновское описаніе симптомовъ страха:

«Страху нерѣдко предшествуетъ изумленіе и такъ тѣсно бываетъ съ нимъ связано, что оба они немедленно оказываютъ дѣйствіе на чувства зрѣнія и слуха. Въ обоихъ случаяхъ глаза и ротъ широко раскрываются, брови приподнимаются. Испуганный человѣкъ въ первую минуту останавливается, какъ вкопанный, задерживая дыханіе и оставаясь неподвижнымъ, или пригибается къ землѣ, какъ-бы стараясь инстинктивно остаться незамѣченнымъ. Сердце бьется быстро, съ силою ударяясь въ ребра, хотя крайне сомнительно, чтобы оно при этомъ работало болѣе усиленно, чѣмъ обыкновенно, посылая болѣе притокъ крови ко всѣмъ частямъ тѣла, такъ какъ кожа при этомъ мгновенно блѣднѣетъ, какъ передъ наступленіемъ обморока. Мы можемъ убѣдиться въ томъ, что чувство сильнаго страха оказываетъ значительное вліяніе на кожу, обративъ вниманіе на удивительное мгновенно наступающее при этомъ выдѣленіе пота. Это потоотдѣленіе тѣмъ замѣчательнѣе, что поверхность кожи при этомъ холодна, (откуда возникло и выраженіе: *холодный потъ*), между тѣмъ какъ при нормальномъ выдѣленіи пота изъ потовыхъ желѣзъ поверхность кожи бываетъ горяча. Волосы на кожѣ становятся при этомъ дыбомъ, и поверхностныя мускулы начинаютъ дрожать. Въ связи съ нарушеніемъ нормальнаго порядка въ дѣятельности сердца, дыханіе становится учащеннымъ. Слюнныя желѣзы перестаютъ правильно дѣйствовать, ротъ высыхаетъ и часто то открывается, то снова закрывается. Я замѣтилъ также, что при легкомъ испугѣ является сильное желаніе звать. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ симптомовъ страха является дрожаніе всѣхъ мускуловъ тѣла, нерѣдко оно прежде всего замѣчается на губахъ. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе сухости рта, голосъ становится сиплымъ, глухимъ, а иногда и совершенно пропадаетъ. *«Obstupui steteruntque comae et vox faucibus haesit»...* Когда страхъ возрастаетъ до агоніи ужаса, мы получаемъ новую картину эмоціональныхъ реакцій. Сердце бьется совершенно беспорядочно, останавливается и наступаетъ обморокъ; лицо покрыто

мертвенной блѣдностью; дыханіе затруднено, крылья ноздрей широко раздвинуты, губы конвульсивно двигаются, какъ у человѣка, который задыхается, впалыя щеки дрожать, въ горлѣ происходятъ глотаніе и вдыханіе, выпученные, почти не покрытые вѣками глаза устремлены на объектъ страха или безостановочно вращаются изъ стороны въ сторону. «*Hinc illuc volvens oculos totumque pererrat*». Говорятъ, что зрачки при этомъ бывають непомѣрно расширены. Всѣ мускулы коченѣють или приходятъ въ конвульсивныя движенія, кулаки попеременно то сжимаются, то разжимаются, нерѣдко эти движенія бывають судорожными. Руки бывають или простерты впередъ, или могутъ беспорядочно охватывать голову. Г-нъ Гоге-науеръ видѣлъ этотъ послѣдній жестъ у испуганнаго австралійца. Въ другихъ случаяхъ появляется внезапное неудержимое стремленіе обратиться въ бѣгство, это стремленіе бываетъ столь сильно, что самые храбрые солдаты могутъ быть охвачены внезапной паникой *).

Происхожденіе эмоціональныхъ реакцій. Какимъ путемъ различные объекты, вызывающіе эмоцію, порождать въ насъ такіе-то опредѣленные виды тѣлеснаго возбужденія? Этотъ вопросъ былъ поднятъ только весьма недавно, но были уже сдѣланы съ тѣхъ поръ интересныя попытки дать на него отвѣтъ.

Нѣкоторые изъ видовъ экспрессіи можно разсматривать, какъ повтореніе въ слабой формѣ движеній, которыя прежде (когда еще они выражались въ болѣе рѣзкой формѣ) были полезны для индивида. Другіе виды экспрессіи подобнымъ же образомъ можно считать воспроизведеніемъ въ слабой формѣ движеній, которыя при другихъ условіяхъ являлись необходимыми физиологическими дополненіями полезныхъ движеній. Примѣромъ подобныхъ эмоціональныхъ реакцій можетъ служить прерывистость дыханія при гнѣвѣ или страхѣ, которая представляетъ, такъ сказать, органической отголосокъ, неполное воспроизведеніе того состоянія, когда человѣку приходилось, дѣйствительно, тяжело дышать въ борьбѣ съ врагомъ или въ стремительномъ бѣгствѣ. Таковы, по крайней мѣрѣ, догадки Спенсера по этому вопросу, догадки, нашедшія подтвержденіе со стороны другихъ ученыхъ. Онъ былъ также извѣстно, первымъ ученымъ, насколько мнѣ высказавшимъ предположеніе, что другія движенія при страхѣ и гнѣвѣ можно разсматривать въ качествѣ рудиментарныхъ остатковъ движеній, которыя первоначально были полезными.

«Испытывать въ слабой степени, говорить онъ, психическія состоянія, сопровождающія полученіе ранъ или обращеніе въ бѣгство, значитъ чувствовать то, что мы называемъ страхомъ. Испы-

---

* Origin of the Emotions (N. J. ed.) p. 292. Русскій переводъ: «О выраженіи ощущеній у животныхъ и человѣка», подъ редакціей Ковалевскаго.

тивать въ слабой степени психическія состоянія, связанныя со схватываніемъ добычи, убиваніемъ и съѣденіемъ ея, все равно, что желать схватить добычу, убить и съѣсть. Естественный языкъ нашихъ склонностей служитъ доказательствомъ тому, что склонности къ извѣстнымъ дѣйствіямъ суть не что иное, какъ зарождающіяся психическія возбужденія, связанныя съ давними дѣйствіями. Сильный страхъ выражается крикомъ, стремленіемъ къ бѣгству, сердечнымъ трепетомъ, дрожью—словомъ, симптомами, сопровождающими дѣйствительныя страданія, испытываемыя отъ объекта, который внушаетъ намъ страхъ. Страсти, связанныя съ разрушеніемъ, уничтоженіемъ чего-нибудь, выражаются въ общемъ напряженіи мускульной системы, въ сжатіи зубовъ, выпусканіи когтей, расширеніи глазъ и фырканіи—все это слабыя проявленія тѣхъ дѣйствій, которыми сопровождается убіеніе добычи. Къ этимъ объективнымъ даннымъ всякій можетъ прибавить изъ личнаго опыта немало фактовъ, значеніе которыхъ такъ же понятно. Каждый можетъ на самомъ себѣ убѣдиться, что психическое состояніе, называемое страхомъ, заключается въ представленіи нѣкоторыхъ непріятныхъ явленій, ожидающихъ насъ впереди; и что психическое состояніе, называемое гнѣвомъ, заключается въ представленіи дѣйствій, связанныхъ съ причиненіемъ кому-нибудь страданія».

Принципъ переживанія въ слабой формѣ реакцій, полезныхъ для насъ при болѣе рѣзкомъ столкновеніи съ объектомъ данной эмоціи, нашелъ себѣ немало приложений въ опытѣ. Такая мелкая черта, какъ оскаливанье зубовъ, обнаженіе верхнихъ зубовъ скашиваньемъ рта на сторону, рассматриваются Дарвиномъ, какъ нѣчто унаслѣдованное нами отъ нашихъ предковъ, которые имѣли большіе глазные зубы (клыки) и при нападеніи на врага оскаливали ихъ (какъ это дѣлаютъ теперь собаки). Подобнымъ же образомъ, согласно Дарвину, подниманіе бровей при направленіи вниманія на что-нибудь виѣшнее, раскрываніе рта при изумленіи обусловлены полезностью этихъ движеній въ крайнихъ случаяхъ. Подниманіе бровей связано съ открываніемъ глазъ, чтобы лучше видѣть, раскрываніе рта—съ напряженнѣйшимъ слушаніемъ и съ быстрымъ вдыханіемъ воздуха, обыкновенно предшествующимъ мускульнымъ напряженіямъ. По Спенсеру расширеніе ноздрей при гнѣвѣ есть остатокъ тѣхъ дѣйствій, къ которымъ прибѣгали наши предки, вдыхая носомъ воздухъ во время борьбы, когда «ротъ ихъ былъ заполненъ частью тѣла противника, которую они захватили зубами».(!) Дрожь во время страха, по мнѣнію Мантегацца, имѣетъ своимъ назначеніемъ разогрѣваніе крови (!). Вундтъ полагаетъ, что краснѣніе лица и шеи есть процессъ, имѣющій цѣлью компенсировать давленіе на мозгъ крови, приливающей къ головѣ вслѣдствіе внезапнаго возбужденія сердца. Вундтъ и Дарвинъ утвержда-

даютъ, что то-же назначеніе имѣеть изліяніе слезъ: вызывая приливъ крови къ лицу, онѣ отвлекають ее отъ мозга. Сокращеніе мускуловъ около глазъ, которое въ дѣтствѣ имѣеть назначеніемъ предохраненіе глазъ отъ чрезмѣрнаго прилива крови во время припадковъ крика у ребенка, сохраняется у взрослыхъ въ видѣ нахмуриванья бровей, которое всегда немедленно происходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ставимся въ мышленіи или дѣятельности съ чѣмъ-нибудь непріятнымъ или труднымъ. «Такъ какъ привычка хмуриться передъ каждымъ припадкомъ крика или плача поддерживалась у дѣтей въ теченіе безчисленнаго ряда поколѣній, говоритъ Дарвинъ, то она прочно ассоціировалась съ чувствомъ наступленія чего-то бѣдственнаго или непріятнаго. Затѣмъ при аналогичныхъ условіяхъ она возникала и въ зрѣломъ возрастѣ, хотя никогда не доходила до припадка плача. Крикъ и плачь мы начинаемъ произвольно подавлять въ ранній періодъ жизни, отъ наклонности же хмуриться едва-ли можно когда-либо отучиться». Другой принципъ, которому Дарвинъ, можетъ быть, не отдастъ полной справедливости, можетъ быть названъ *принципомъ аналогичнаго реагированья на аналогичные чувственные стимулы*. Есть цѣлый рядъ прилагательныхъ, которыя мы метафорически примѣняемъ ко впечатлѣніямъ, принадлежащимъ различнымъ чувственнымъ сферамъ—опытныя впечатлѣнія всевозможныхъ классовъ могутъ быть *сладки*, *богаты* или *прочны*, ощущенія всѣхъ классовъ могутъ быть *остры*. Согласно съ этимъ, Вундтъ и Пидеритъ рассматриваютъ многія изъ наиболѣе выразительныхъ реакцій на моральные мотивы, какъ символически употребляемыя выраженія вкусовыхъ впечатлѣній. Наше отношеніе къ опытнымъ впечатлѣніямъ, имѣющимъ аналогію съ ощущеніями сладкаго, горькаго, кислаго, выражается въ движеніяхъ сходныхъ, съ тѣми, которыми мы передаемъ соотвѣтствующія вкусовые впечатлѣнія. «Всѣ душевныя состоянія, которыя языкъ метафорически обозначаетъ горькими, терпкими, сладкими, характеризуются мимическими движеніями рта, представляющими аналогію съ выраженіемъ соотвѣтствующихъ вкусовыхъ впечатлѣній. Та-же аналогичная мимика наблюдается въ выраженіяхъ отвращенія и довольства. Выраженіе отвращенія есть начальное движеніе для изверженія рвоты; выраженіе довольство аналогично съ улыбкой человѣка, сосущаго что-нибудь сладкое или пробующаго что-нибудь губами. Обычный между нами жестъ отрицанія—вращеніе головы изъ стороны въ сторону около ея оси—есть остатокъ того движенія, которое обыкновенно производится дѣтьми, для того чтобы воспрепятствовать чему-нибудь непріятному прогнать имъ въ ротъ, и которое можно постоянно наблюдать въ дѣтской. Оно возникаетъ у насъ въ томъ случаѣ, когда стимуломъ является уже простая идея о чемъ-нибудь неблагопріятномъ. Подобнымъ же образомъ утвердительное киваніе головы представ-

ляетъ аналогію съ нагибаниемъ головы для принятія пищи. У женщинъ аналогія между движеніями, связанными вполне опредѣленно первоначально съ обоняніемъ, и выраженіемъ моральнаго и соціальнаго презрѣнія и антипатіи настолько очевидна, что не требуетъ поясненій. При удивленіи и испугѣ мы мигаемъ, хотя бы для глазъ нашихъ не представлялось никакой опасности; отворачиваніе глазъ на мгновенье можетъ служить вполне надежнымъ симптомомъ того, что ваше предложеніе пришлось не по вкусу данному лицу, и васъ ожидаетъ отказъ. Этихъ примѣровъ будетъ достаточно для того, чтобы показать, что такіа движенія экспрессивны по аналогіи.

Но если нѣкоторые изъ нашихъ эмоціональныхъ реакцій могутъ быть объяснены при помощи двухъ указанныхъ нами принциповъ (а читатель навѣрное уже имѣлъ случай убѣдиться, какъ проблематично и искусственно при этомъ объясненіе весьма многихъ случаевъ), то всетаки остается много эмоціональныхъ реакцій, которыя вовсе не могутъ быть объяснены и должны разсматриваться нами въ настоящее время, какъ чисто идиопатическія реакціи на внѣшнія раздраженія. Сюда относятся: своеобразныя явленія, происходящія во внутренностяхъ и внутреннихъ железахъ, сухость рта, поносъ и рвота при сильномъ страхѣ, обильное выдѣленіе мочи при возбужденіи крови и сокращеніе мочевого пузыря при испугѣ, зѣваніе при ожиданіи, ощущеніе «куска въ горлѣ» при сильной печали, щекотаніе въ горлѣ и усиленное глотаніе въ затруднительномъ положеніи, «сердечная тоска» при боязни, холодное и горячее мѣстное и общее выпотѣніе кожи, краснота кожи, а также нѣкоторые другіе симптомы, которые, хотя и существуютъ, вѣроятно, но еще не достаточно отчетливо выдѣлены изъ среды другихъ и не получили еще особаго названія. По мнѣнію Спенсера и Мантегацца, дрожь, наблюдаемая не только при страхѣ, но и при многихъ другихъ возбужденіяхъ, есть явленіе чисто патологическое. Таковы и другіе сильные симптомы ужаса—они вредны для существа, испытывающаго ихъ. Въ такомъ сложномъ организмѣ, какимъ является нервная система, должно существовать много *случайныхъ* реакцій, эти реакціи не могли бы развиваться совершенно самостоятельно въ силу одной лишь полезности, которую онѣ могли представлять для организма. Морская болѣзнь, щекотливость, застѣнчивость, любовь къ музыкѣ, склонность къ различнымъ опьяняющимъ напиткамъ, должны были возникнуть случайнымъ путемъ. Было бы нелѣпо утверждать, что ни одна изъ эмоціональныхъ реакцій не могла бы возникнуть такимъ мнимо-случайнымъ путемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

ИСТИНКТЬ.

Что такое инстинктъ. *Обыкновенно инстинктъ опредѣляется, какъ способность дѣйствовать целесообразно, но безъ сознательнаго предвидѣнія цѣли и безъ предварительной выучки производитъ данное целесообразное дѣйствіе.* Инстинкты находятся въ функциональной связи съ нашей организаціей. Можно сказать, что каждый органъ связанъ съ извѣстнымъ прирожденнымъ приспособленіемъ, необходимымъ для его примѣненія къ дѣлу.

Всѣ дѣйствія, называемыя нами инстинктивными, можно подвести подъ общій типъ рефлекса; всѣ они вызываются введѣніемъ чувственнаго стимула на тѣло животнаго на разстояніи или черезъ непосредственное прикосновеніе. Кошка бѣжитъ за мышью, обращается въ бѣгство или принимаетъ оборонительное положеніе при видѣ собаки, остерегается падать со стѣны или съ деревьевъ, избѣгаетъ огня и воды etc., не потому, чтобы она имѣла какія-либо понятія о жизни и смерти, о личности и самосохраненіи. По всей вѣроятности, въ ея умѣ не настолько выработались эти понятія, чтобы быть извѣстными руководящими принципами. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ она руководствуется лишь непосредственными впечатлѣніями, и руководствуется совершенно непроизвольно: она ужъ такъ организована, что чуть завидитъ нѣчто бѣгущее, называемое мышью, такъ сейчасъ же *должна* броситься за этимъ существомъ; чуть встрѣтится со страшнымъ лающимъ животнымъ, называемымъ собакой, такъ сейчасъ же *должна* обратиться въ бѣгство, если собака находится въ нѣкоторомъ отдаленіи, или оцѣтиниться и выпустить когти, если собака находится въ нѣсколькихъ шагахъ; она *должна* остерегаться попасть лапой въ воду или мордой въ огонь. Ея нервная система представляетъ предъорганизованный комплексъ реакцій—эти реакціи такъ же механически предопредѣлены, какъ чиханіе, и находятся совершенно въ такомъ же отношеніи къ вызывающимъ ихъ раздраженіямъ, какъ и это послѣднее. Хотя физиологъ и имѣетъ право разсматривать эти реакціи, какъ частный случай простыхъ рефлексовъ, однако онъ не долженъ забывать, что въ животномъ онѣ вызываются опредѣленнымъ чувственнымъ впечатлѣніемъ, воспріятіемъ или образомъ.

На первый взгляд такая точка зрѣнія должна показаться странной, такъ какъ она предполагаетъ заранѣе заложеннымъ въ организацию животнаго множество приспособленій къ тѣмъ объектамъ, среди которыхъ ему предстоитъ жить. Можетъ ли идти такъ далеко и быть столь сложнымъ взаимное приспособленіе организациі животнаго и окружающей обстановки? Неужели каждое существо рождается приспособленнымъ къ опредѣленнымъ объектамъ подобно тому, какъ ключи бывають припоровлены къ замкамъ? Все это, безъ сомнѣнія, необходимо допустить. Каждый уголокъ вселенной, даже наша кожа и внутренности заполнены живыми существами, органы которыхъ приспособлены къ окружающимъ условіямъ, къ поглощенію и перевариванью находящейся тамъ пищи и къ самозащитѣ въ случаѣ опасности, какаа тамъ можетъ встрѣтиться, и миниатюрность приспособленія въ отношеніи *строенія* животнаго оказывается безпредѣльной. Такъ же безпредѣльна миниатюрность приспособленія во взаимныхъ отношеніяхъ живыхъ существъ.

Старинныя сочиненія объ инстинктѣ представляютъ безсодержательный наборъ словъ, потому что ихъ авторы никогда не доходили до этой простой и опредѣленной точки зрѣнія на данный предметъ, высказывая въ туманныхъ выраженіяхъ свое изумленіе предъ способностями животныхъ къ ясновидѣнію и пророческимъ предчувствіямъ, далеко превосходящимъ умственные силы человека, и прославляли благодѣяніе Бога, сообщившаго имъ такой даръ. Но первое благодѣяніе Бога по отношенію къ животнымъ заключается въ томъ, что онъ ихъ одарилъ нервной системой, и если мы обратимъ наше вниманіе на это обстоятельство, то тотчасъ же окажется, что инстинктъ—явленіе удивительное ровно настолько, насколько удивительны всѣ вообще явленія жизни.

Всякій инстинктъ есть импульсъ. Спорить о томъ, слѣдуетъ ли называть инстинктами такіе импульсы, какъ краснота, чиханіе, кашель, улыбка, ритмичность въ музыкѣ и т. п., значило бы спорить о словахъ. И тамъ, и тутъ—психологическій процессъ совершенно тождественный. Г-нъ *Шнейдеръ*, въ своей въ высшей степени живо и интересно написанной книгѣ: «*Der Thierische Wille*» подраздѣляетъ импульсы (*Triebe*) на чувственные, предметные и идейные. Наклонность ежиться отъ холода есть чувственный импульсъ; стремленіе повернуться при видѣ бѣгущихъ и бѣжать за ними—предметный импульсъ, то есть, импульсъ, связанный съ воспріятіемъ внѣшнихъ объектовъ; стремленіе искать крова во время вѣтра и дождя—идейный импульсъ. Отдѣльное сложное инстинктивное дѣйствіе можетъ заключать въ себѣ послѣдовательное пробужденіе всѣхъ импульсовъ. Такъ, напримѣръ, голодный левъ принимается *искать* добычу, вслѣдствіе возникновенія въ немъ образа добычи въ связи съ желаніемъ овладѣть ею; онъ начинаетъ *выслѣживать* ее, когда

до его носа, уха или глаза доходить чувственное впечатлѣніе, указывающее на то, что она находится на нѣкоторомъ разстояніи; онъ *набрасывается* на нее, или если она въ испугѣ обращается въ бѣгство, или если разстояніе отъ нея очень невелико; онъ принимается разрывать и пожирать ее, когда зубы и когти его приходятъ въ соприкосновеніе съ нею. Высыиваніе, выслѣживаніе, нападеніе и пожираніе соотвѣтствуютъ четыремъ различнаго рода комплексамъ мускульныхъ сокращеній, и каждый изъ этихъ комплексовъ мускульныхъ сокращеній вызывается особыми, только ему одному соотвѣтствующими стимулами.

Почему же различныя животныя производятъ дѣйствія, которыя кажутся намъ столь странными и возникаютъ, повидимому, подъ вліяніемъ столь несоотвѣтствующихъ стимуловъ? Почему, напримѣръ, курица обрекаетъ себя на скуку, принимаясь высиживать, повидимому, до крайности непривлекательное для нея гнѣздо съ яицами? Неужели потому, что она обладаетъ пророческимъ предвидѣніемъ результатовъ высиживанія? Мы можемъ дать на это отвѣтъ лишь *ad hominem*—сообразуясь съ нашей собственной психикой. Почему мы предпочитаемъ обыкновенно ложиться на мягкія постели, а не на голый полъ? Почему, находясь въ комнатѣ, мы изъ сотни разъ 99 разъ норовимъ быть лицомъ къ серединѣ комнаты, а не къ стѣнѣ? Почему мы предпочитаемъ порцію баранины съ бутылкой шампанскаго куску твердаго сахара съ грязною водою? Почему извѣстная барышня такъ увлекаетъ собой молодого человѣка, что для него все, относящееся къ ней, становится дороже всего на свѣтѣ? На это можно только сказать, что таковы человѣческія влеченія, и что каждое существо имѣетъ свои влеченія и безъ всякихъ разсужденій руководствуется ими въ своихъ поступкахъ. Можно анализировать эти влеченія съ научной точки зрѣнія и найти, что почти всѣ они полезны для даннаго существа. Но мы слѣдуемъ имъ, не имѣя въ виду ихъ полезности, но чувствуя, что это — единственный отъ природы присущій намъ образъ дѣйствія. Изъ билліона людей не найдется и одного, второй, садясь за обѣдъ, принимался бы размышлять о пользѣ кушаній. Люди ѣдятъ, потому что пища пріятна на вкусъ и вызываетъ въ нихъ желаніе продолжать ѣсть. Если вы кого-нибудь спросите, почему онъ ѣстъ то, что имѣетъ такой именно вкусъ, а не иной, то онъ не отнесется къ вамъ, какъ къ мудрецу, заслуживающему уваженія, а осмѣетъ васъ, какъ глупца. Связь между опредѣленными вкусовыми ощущеніями и вызываемыми ими дѣйствіями представляетъ нѣчто само собой понятное, *selbstverständlich*, какъ-бы апіорный синтезъ, не нуждающійся ни въ какомъ дальнѣйшемъ объясненіи. Надо, чтобы у человѣка, по выраженію Беркли, зашелъ умъ за разумъ отъ излишней учености, для того чтобы онъ усмотрѣлъ

въ естественнѣйшихъ процессахъ нѣчто странное и сталъ задаваться вопросомъ, *почему* люди производятъ такія, а не инныя инстинктивныя дѣйствія. Одинъ метафизикъ способенъ задаваться вопросами вродѣ слѣдующихъ: «Почему мы улыбаемся, а не хмуримся, когда веселы? Почему мы не можемъ съ толпой говорить такъ спокойно, какъ со своимъ пріателемъ? Почему именно та, а не другая барышня сводитъ насъ съ ума»? Простой смертный можетъ одно только отвѣчать метафизику: *«Само собою понятно, отчего мы улыбаемся, отчего наше сердце начинаетъ биться, когда мы обращаемся къ толпѣ, отчего каждый изъ насъ увлекается тою, а не другою барышней и видитъ въ ней чудную душу въ прелестной тѣлесной оболочкѣ, существо, которое самую природою очевиднѣйшимъ образомъ предназначено быть предметомъ вѣчной любви!»*

Для животнаго, производящаго извѣстныя дѣйствія въ присутствіи извѣстнаго объекта, инстинкты, по всей вѣроятности, являются также чѣмъ-то непосредственно даннымъ. Для нихъ значеніе инстинкта такъ же самоочевидно, какъ и для насъ. Для льва предметомъ любви служитъ львица, для медвѣдя—медвѣдица. Для насѣдки, должна представляться чудовищной мысль, что есть существа, для которыхъ гнѣздо куриныхъ яицъ не представляетъ такого драгоценнаго удобнаго для сидѣнія предмета, какимъ оно представляется ей.

Итакъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что какъ ни странно для насъ иногда кажутся инстинкты животныхъ, наши инстинкты должны казаться имъ не менѣе странными. А отсюда мы можемъ заключить, что для животнаго, руководствующагося инстинктомъ, каждое детальное дѣйствіе въ данномъ инстинктѣ понятно само собою и кажется иногда единственнымъ правильнымъ и разумнымъ способомъ дѣйствія. Данный инстинктъ мотивируется исключительно самимъ собою. Что можетъ удержать муху отъ чувственнаго возбужденія, связаннаго съ выдѣленіемъ яицъ, когда она, наконецъ, нашла подходящій листокъ, падаля или кусокъ навоза, на которомъ ей кажется всего удобнѣе положить яйца? Развѣ процессъ владѣнія яицъ не представляется для нея самъ по себѣ въ эту минуту необходимымъ? Развѣ она думаетъ при этомъ о будущемъ своемъ потомствѣ и его процитаніи?

Инстинкты не всегда бываютъ слѣпы и неизмѣнны. Весьма часто высказывается мысль, будто человѣкъ отличается отъ низшихъ животныхъ почти полнымъ отсутствіемъ инстинктовъ, мѣсто которыхъ въ немъ занимаетъ «разумъ». Два теоретика, неяснивше себѣ толкомъ основныхъ понятій объ инстинктѣ, могли бы поднять по этому поводу совершенно бесплодный споръ, мы же, разумѣется, не будемъ спорить о словахъ тамъ, гдѣ факты сами по себѣ достаточно ясны.

Человѣкъ обладаетъ гораздо большимъ числомъ *импульсовъ*, чѣмъ какое-либо другое низшее животное, и каждый изъ этихъ импульсовъ взятый самъ по себѣ такъ же «слѣпо», какъ любой низшей инстинктъ, но благодаря развитію способностей памяти, рефлексіи и наведенія, человѣкъ оказывается въ состояніи сознавать каждый изъ нихъ въ отдѣльности, послѣ того какъ онъ однажды испыталъ ихъ, узналъ ихъ результаты и можетъ *предвидѣть* послѣдніе. При этомъ условіи можно сказать, что импульсъ совершается нами отчасти, по крайней мѣрѣ, *въ виду* его результатовъ. Ясно, что всякое инстинктивное дѣйствіе, разъ будучи повторено животнымъ, обладающимъ памятью, должно перестать быть «слѣпымъ», и должно ровно постольку сопровождаться предвидѣніемъ цѣли, въ которой оно ведетъ, поскольку животное ранѣе могло узнать эту цѣль. Насѣкомое, кладущее яйца въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно никогда не наблюдаетъ вылушенія изъ нихъ потомства, должно всегда «слѣпо» класть яйца, но курица, выведшая однажды цыплятъ, едвали будетъ высидывать второе гнѣздо яицъ, совершенно «слѣпо», не предвидя появленія на свѣтъ цыплятъ. Во всякомъ другомъ случаѣ, аналогичномъ съ даннымъ, у животного должна быть извѣстная степень предвидѣнія результатовъ, и поскольку это предвидѣніе касается желательнаго или нежелательнаго результата, постольку оно можетъ способствовать импульсу или задерживать его. Мысль о цыплятахъ, быть можетъ, побуждаетъ курицу терпѣливѣе высидывать яйца; съ другой стороны, воспоминаніе о благополучномъ бѣгствѣ изъ мышеловки, возникши въ умѣ крысы, должно удерживать ее отъ импульса взять приманку, лежащую въ чемъ-нибудь похожемъ на мышеловку. Если мальчикъ видитъ толстую жабу, въ немъ (особливо въ присутствіи компаніи пріятелей) легко можетъ возникнуть неудержимый импульсъ раздавить ее камнемъ, причемъ можно предположить, что онъ совершенно слѣпо повинуется этому импульсу. Но видъ умирающей жабы со сложенными лапами можетъ вызвать въ немъ мысль о жестокости его поступка или напомнить ему о томъ, какъ ему раньше говорили, что страданія животныхъ сходны съ его собственными; въ силу этого, когда при видѣ другой жабы онъ снова почувствуетъ соблазнъ раздавить ее, въ его головѣ возникнетъ мысль, которая не только удержитъ его самого отъ жестокости, но даже можетъ вызвать въ немъ добрыя чувства и сдѣлать его защитникомъ жабы передъ его не столь умудренными опытомъ пріятелями.

Итакъ, ясно, что какъ-бы животное ни было богато одарено отъ природы инстинктами, конечные результаты его дѣйствій могутъ значительно измѣняться, если инстинкты комбинируются съ личнымъ опытомъ, если къ импульсамъ примѣшивается въ значительной степени вліяніе памяти, ассоціаціи идей, наведенія, ожиданія. Объектъ *O*, вызывающій въ животномъ инстинктивную

реакцію *A*, самъ по себѣ долженъ имѣть результатомъ именно эту реакцію, но для животнаго *O* стало съ теченіемъ времени *знакомъ*, указывающимъ на близость *P*, которое вызываетъ въ животномъ импульсъ *B*, равный *A* по силѣ, но совершенно несходный съ нимъ. Такимъ образомъ, при встрѣчѣ животнаго съ *O*, въ немъ происходитъ борьба за преобладаніе между непосредственнымъ импульсомъ *A* и болѣе отдаленнымъ *B*. При этомъ единообразіе и роковой характеръ инстинкта могутъ быть для наблюдателя столь мало очевидны, что можетъ показаться, будто объектъ *O* вовсе не вызываетъ въ данномъ животномъ какой-либо инстинктивной реакціи. А между тѣмъ думать такъ было бы величайшей ошибкой! Инстинктъ, связанный съ объектомъ *O*, въ данномъ случаѣ налицо, только онъ въ силу осложняющаго вліянія ассоціаціоннаго механизма пришелъ въ столкновение съ инстинктомъ, который связанъ съ объектомъ *P*.

Теперь мы можемъ убѣдиться, къ какимъ плодотворнымъ выводамъ ведетъ наша простая физиологическая точка зрѣнія на природу инстинкта. Если инстинктъ есть простой двигательный импульсъ, возникающій подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія и обусловленный нѣкоторой предсуществовавшей въ нервныхъ центрахъ животнаго рефлекторной дугой, то онъ, конечно, долженъ подчиняться тѣмъ общимъ законамъ, каковымъ слѣдуютъ эти дуги. Одною изъ особенностей ихъ возбужденія является то, что оно подвергается вліянію другихъ процессовъ, происходящихъ въ то-же время въ организмѣ. Безразлично, прирождены ли эти дуги организму образовались ли онѣ самопроизвольно впоследствии или выработались въ силу привычки—во всѣхъ этихъ случаяхъ онѣ вступаютъ во взаимодействіе съ другими дугами, то одерживая перевѣсъ надъ ихъ вліяніемъ, то уступая послѣднему и пропуская черезъ себя посторонніе токи. Съ мистической точки зрѣнія на инстинктъ его слѣдовало бы считать чѣмъ-то неизмѣннымъ. Съ физиологической точки зрѣнія слѣдуетъ ожидать, что въ инстинктахъ должны обнаруживаться случайныя уклоненія у всякаго животнаго, въ которомъ число отдѣльныхъ инстинктовъ велико, и многіе изъ нихъ могутъ возникать подъ вліяніемъ того же внѣшняго стимула. Въ инстинктахъ каждаго высшаго животнаго такія уклоненія въ дѣятельности инстинктовъ наблюдаются во множествѣ. Мы имѣемъ передъ собою элементарную форму инстинктивной жизни въ замаскированномъ видѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ умѣ животнаго значительно развита способность къ различенію; гдѣ разрядъ возбужденія происходитъ въ рефлекторной дугѣ подъ одновременнымъ вліяніемъ нѣсколькихъ раздѣльныхъ чувственныхъ стимуловъ; гдѣ животное не поддается импульсу непосредственно, ограничившись опредѣленіемъ *рода* стимула, и не разбирая, къ какому *виду* относится онъ и при какихъ *обстоятельствахъ* появился; гдѣ, наконецъ, различныя индивиды и различныя обстоятельства, могутъ

влиять на животных различнымъ образомъ. Вся исторія взаимныхъ отношеній между людьми и низшими дикими животными заключается въ томъ, что мы умѣемъ судить о вещахъ не по одной ихъ внѣшности, животные же, отдаваясь непосредственному впечатлѣнiю, идутъ на приманки и дѣлаются нашими жертвами. Природа сообщила имъ менѣе совершенную, сравнительно съ нами, организацію, заставляя ихъ дѣлать *всегда* то, что лишь *въ большинствѣ случаевъ* цѣлесообразно. Въ природѣ гораздо болѣе червей, свободно ползающихъ, чѣмъ червей, надѣтыхъ на крючки удочекъ; поэтому природа внушила рыбамъ: «Хватайте *всякаю* червяка, какой только попадется на глаза, рискуя попасться на крючекъ». Но чѣмъ выше животный типъ, чѣмъ цѣннѣе его жизнь, тѣмъ менѣе природа заставляетъ его рисковать. Гдѣ тотъ же предметъ начинаетъ казаться то пищей, то опасной приманкой; гдѣ общительный характеръ животного заставляетъ его различать въ отдѣльныхъ индивидахъ друзей или соперниковъ, смотря по обстоятельствамъ; гдѣ каждый впервые видимый объектъ разсматривается сразу, какъ нѣчто вредное или полезное, тамъ *Природа влагаетъ въ животное стремленіе реагировать на многіе классы объектовъ прямо противоположнымъ образомъ* и предоставляетъ рѣшающее вліяніе въ пользу того или другого импульса мелкимъ частнымъ особенностямъ отдѣльныхъ случаевъ. Такъ, напримѣръ, и въ человѣкѣ, и въ другихъ млекопитающихъ, и въ высшихъ породахъ птицъ, жадность и подозрительность, застѣнчивость и похоть, скромность и тщеславіе, общительность и угрюмость равнымъ образомъ быстро приходятъ во взаимное столкновение и равнымъ образомъ находятся въ неустойчивомъ равновѣсіи. Все это — природные импульсы, первоначально совершенно «слѣпые», порождающіе двигательныя реакціи строго опредѣленнаго типа. Слѣдовательно, *каждый изъ нихъ есть инстинктъ*, т. е. подходитъ подъ обычное опредѣленіе инстинкта, но *всѣ они противоположны другъ другу*, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ихъ приложенія тотъ или другой частный «опытъ» дѣлаетъ между ними выборъ. *Проявляя ихъ, животное перестаетъ дѣйствовать «инстинктивно» и является, повидимому, существомъ, ведущимъ интеллектуальную жизнь, колеблющимся между различными альтернативами и дѣлающимъ между ними выборъ, не потому, чтобы оно не имѣло вовсе инстинктовъ, но скорее потому, что оно обладаетъ такимъ множественнымъ инстинктовъ, что они, приходя во взаимное столкновение, модифицируютъ конечный результатъ.*

Итакъ, мы смѣло можемъ сказать слѣдующее: сколь ни кажутся иногда неопредѣленными реакціи человѣка на окружающія условія, сравнительно съ реакціями низшихъ животныхъ, неопредѣленность эта, по всей вѣроятности, происходитъ не оттого, что послѣднія располагаютъ такими импульсами въ дѣятельности, которыхъ нѣтъ у че-

ловѣка. Наоборотъ, человекъ располагаетъ всеми импульсами къ дѣйствию, какія имѣются у животныхъ, и сверхъ того еще множествомъ друмихъ. Другими словами, съ физиологической точки зрѣнія между инстинктивными и разумными дѣйствіями нѣтъ никакого антагонизма. Самъ по себѣ разумъ не можетъ задерживать импульсы; единственная вещь, могущая нейтрализовать данный импульсъ, есть импульсъ въ противоположномъ направленіи. Впрочемъ, разумъ можетъ сдѣлать выводъ, который, подѣйствовавъ на воображеніе, можетъ измѣнить направленіе импульса, и, такимъ образомъ, хотя наиболѣе разумное животное есть въ то-же время наиболѣе одаренное инстинктивными импульсами, однако оно никогда не кажется автоматомъ, дѣйствующимъ ровнымъ образомъ, какимъ должно казаться животное, руководимое только инстинктомъ.

Два фактора, нарушающихъ единообразіе инстинктовъ. Въ жизни взрослого животнаго инстинкты могутъ быть замаскированы двумя другими факторами:

- 1) задерживающимъ вліяніемъ привычекъ.
- 2) своимъ преходящимъ характеромъ.

1) Законъ задерживающаго вліянія привычекъ заключается въ слѣдующемъ: *когда объектъ, принадлежащій извѣстному классу, вызываетъ въ животномъ извѣстнаго рода реакцію, то нерѣдко случается, что животное начинаетъ оказывать предпочтеніе первому экземпляру изъ даннаго класса, на который оно реагировало, и впоследствии перестаетъ реагировать на другіе экземпляры даннаго класса.*

Между животными, даже низшими видами животныхъ, широко распространено стремленіе оказывать предпочтеніе опредѣленному углу для житя, опредѣленной самкѣ, опредѣленному пастбищу, опредѣленному виду пищи, вообще, опредѣленнымъ объектамъ среди множества другихъ имъ подобныхъ. Блюдечко имѣетъ обновленіе привѣряться постоянно къ одной и той же части скалы, а морской ракъ постоянно возвращается въ тотъ же облюбованный имъ уголокъ на днѣ моря. Зайцы испражняются всегда въ одномъ и томъ же углу, птица норовитъ свить гнѣздо каждый годъ на томъ же суевѣ дерева. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ животное, предпочитая извѣстный объектъ, относится индифферентно ко всѣмъ другимъ подобнымъ объектамъ, что физиологически можно объяснить только задерживающимъ вліяніемъ прежнихъ импульсовъ, вошедшихъ въ привычку, на новые аналогичные импульсы. Обладая своимъ домомъ, своей женою, мы становимся удивительно индифферентны къ домамъ и женамъ другимъ, какъ бы они ни были привлекательны. Немногіе изъ насъ

настолько отважны, чтобы относиться въ любой пищѣ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ: для большинства изъ насъ непривычное мѣню обѣда представляетъ нѣчто противное. Мы склонны думать, что незнакомыя намъ лица, особенно пріѣхавшія изъ дальнихъ городовъ, не представляютъ никакого интереса для знакомства. Тотъ первоначальный импульсъ, который побудилъ насъ къ пріобрѣтенію дома, заключенію брака, установленію дружескихъ отношеній, опредѣленнаго образа питанія, въ самомъ началѣ своихъ вѣдѣній на насъ заставилъ насъ истратить весь запасъ энергіи, такъ что новыя, аналогичныя впечатлѣнія не вызываютъ въ насъ никакой реакціи. Наблюдая эту невоспримчивость человека ко множеству впечатлѣній, иной психологъ способенъ прійти къ заключенію, что въ людяхъ не существуетъ никакой инстинктивной вѣклонности къ извѣстнымъ объектамъ. На самомъ дѣлѣ наклонности эти существовали, но въ *смѣшанномъ* видѣ, или существовали даже въ видѣ простого, чистаго инстинкта, пока не образовалась привычка. Овладевъ какимъ-нибудь инстинктивнымъ стремленіемъ, привычка суживаетъ его сферу, заставляя насъ реагировать только на привычный объектъ, хотя и другіе объекты могли бы такъ же легко стать для насъ привычными, если бы они попались намъ на глаза первыми.

Другой примѣръ задерживающаго вліянія привычки на инстинктъ мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда тотъ же классъ объектовъ вызываетъ прямо противоположныя инстинктивные импульсы. При этомъ импульсъ, которому мы первоначально слѣдуемъ, будучи направленъ на одинъ изъ объектовъ даннаго класса, можетъ сдѣлать навсегда невозможнымъ возникновеніе въ насъ противоположнаго импульса по отношенію къ любому изъ объектовъ даннаго класса. Опредѣленное отношеніе наше къ извѣстному экзemplару даннаго класса можетъ сдѣлать, дѣйствительно, невозможнымъ для насъ противоположное отношеніе къ цѣлому классу. Животное, напримѣръ, можетъ вызывать въ ребенкѣ два прямо противоположныхъ импульса — или стремленіе приласкать его, или стремленіе бѣжать отъ него въ страхѣ. Но если, напримѣръ, собака, при первой попыткѣ ребенка погладить ее, оскалить зубы или укусить его и тѣмъ сильно испугаетъ его, то можетъ случиться, что цѣлые годы пройдутъ, прежде чѣмъ ребенокъ снова почувствуетъ импульсъ приласкать собаку. Съ другой стороны, величайшіе враги по своей природѣ, если ихъ воспитывать съ раннаго дѣтства вмѣстѣ и держать въ строгой дисциплинѣ, въ результатѣ образуютъ тѣ «счастливыя семейства» друзей — животныхъ, которыхъ показываютъ въ нашихъ звѣринцахъ. Новорожденныя животныя, не имѣютъ инстинкта страха и явно выказываютъ свою беспомощность, легко даваясь въ руки. Съ возрастомъ, правда, они дичаютъ и, если ихъ оставить на волѣ, вскорѣ уже не подпускаютъ

въ себѣ человѣка на близкое разстояніе. Фермеры, обитатели дикой мѣстности въ Адирондакѣ, говорили мнѣ, что для нихъ составляетъ очень большую непріятность, когда корова, заблудившись въ лѣсу, телится, и ее съ новорожденнымъ находятъ тамъ черезъ недѣлю и больше. Такія телята совершенно дикі, бѣгаютъ такъ же быстро, какъ лани, и нужно употребить надъ ними насиліе, чтобы овладѣть ими. Телята же, при которыхъ люди находились въ первые дни ихъ жизни, когда инстинктъ привязанности проявляется съ особенной силой, рѣдко обнаруживаютъ дикость, и не боятся постороннихъ, какъ выросшіе въ дикомъ состояніи.

То-же явленіе въ очень характерной формѣ наблюдается на курахъ. Описаніе относящихся сюда фактовъ мы находимъ въ удивительной статьѣ объ инстинктѣ д-ра Спальдинга *). Тотъ же объектъ, напримѣръ, человѣкъ, можетъ вызывать въ цыплятахъ противоположныя инстинкты привязанности и страха. Если цыпленокъ родился въ отсутствіе курицы, то онъ «имѣетъ обыкновеніе слѣдовать за любымъ движущимся предметомъ, руководствуясь однимъ чувствомъ зрѣнія: онъ безразлично слѣдуетъ за уткою, курицей и человѣкомъ. Недогадливые зрители, видя, какъ однодневныя цыплята бѣгали за мною и отзывались на мой свистокъ, въ то время какъ старшіе цыплята слѣдовали за мною лишь издали, полагали, что я обладаю надъ этими существами какою-то таинственной властью, между тѣмъ какъ я просто приучилъ ихъ раньше всего къ себѣ; слѣдуя за мною, они руководились природнымъ, предшествующимъ опыту инстинктомъ, направляясь къ предмету сообразно съ издаваемымъ имъ звукомъ».

Но, если цыпленокъ видитъ человѣка впервые въ тотъ моментъ, когда испытываетъ сильный страхъ, то получаютъ въ послѣдствіи прямо противоположныя явленія. Спальдингъ держалъ въ продолженіе четырехъ дней новорожденныхъ цыплятъ съ завязанными глазами и слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ послѣдующее поведеніе:

«Каждый изъ нихъ, когда я развязалъ имъ глаза, обнаруживалъ ко мнѣ величайшій страхъ и бросался въ сторону отъ меня, всякій разъ какъ я пытался къ нему подойти. Столъ, на которомъ я снялъ съ ихъ глазъ повязки, находился возлѣ окна, и всѣ они, какъ только я снялъ повязки, принялись одинъ за другимъ биться въ стекла, какъ дикія птицы. Одинъ изъ нихъ запрятался между енигъ, забился въ уголъ и долгое время дрожалъ тамъ всѣмъ тѣломъ. Можно догадываться о причинѣ страннаго, совершенно исключительнаго одичанія птицъ, но пока я ограничусь простымъ указаніемъ на это своеобразное явленіе. Каково бы ни было значеніе той рѣзкой перемѣны, которая произошла въ ихъ психиче-

*) Spalding, Macmillans Magazine, Febr., 1873, p. 287 and 289.

скомъ складѣ (развѣжи я имъ глаза днемъ раньше—они бѣжали бы не отъ меня, а ко мнѣ); во всякомъ случаѣ эта перемѣна не могла быть результатомъ тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ организациі цыплятъ». Описанное Спальдингомъ явленіе вполнѣ аналогично съ приведеннымъ мною выше наблюденіемъ фермеровъ въ Адирондакѣ надъ одичалыми телятами. Два противоположныхъ инстинкта, относящихся къ тому же объекту, созрѣваютъ послѣдовательно одинъ за другимъ. Если первый изъ нихъ порождаетъ привычку, привычка эта будетъ вліять задерживающимъ образомъ на развитіе второго инстинкта по отношенію къ данному объекту. Всѣ животныя въ самую раннюю пору младенчества—ручныя. Привычки, образующіяся у нихъ въ эту пору, ограничиваютъ проявленіе дивныхъ инстинктовъ, которые впослѣдствіи достигаютъ полнаго развитія.

II) Теперь посмотримъ, въ чемъ заключается законъ измѣчивости инстинктовъ. Этотъ законъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: *Многіе инстинкты созрѣваютъ въ известномъ возрастѣ и затѣмъ мало по малу исчезаютъ.* Результатомъ этого закона является то, что, сталкиваясь въ періодъ наибольшей способности къ развитію данного инстинкта съ соотвѣтствующими этому инстинкту объектами, мы приобретаемъ привычку реагировать на эти объекты опредѣленнымъ образомъ, привычку, которая сохраняется въ насъ и тогда, когда первоначальный инстинктъ уже исчезъ; если же намъ не случается прійти въ столкновение съ соотвѣтствующими данному инстинкту объектами, то въ насъ не образуется никакой привычки; и впослѣдствіи, сталкиваясь въ жизни съ этими объектами, и животныя, и люди не реагируютъ на нихъ такъ, какъ они инстинктивно реагировали бы въ болѣе раннюю пору жизни.

Безъ сомнѣнія, дѣятельность этого закона имѣетъ ограниченную сферу. Нѣкоторые инстинкты гораздо менѣе преходящи, сравнительно съ другими (инстинкты, связанные съ питаніемъ и само-сохраненіемъ, почти совершенно неизмѣнны); другіе, періодически то пропадаютъ, то возвращаются съ новою силою, на примѣръ, инстинкты слуха и выведенія дѣтенышей. Впрочемъ, законъ измѣчивости инстинктовъ, хотя и не имѣетъ абсолютнаго значенія, широко распространенъ въ животномъ мірѣ; на частныхъ примѣрахъ всего лучше можно выяснитъ его значеніе. Въ приведенныхъ нами выше фактахъ отношеніе куръ и телятъ къ человѣку было обусловлено образованіемъ или необразованіемъ въ нихъ привычки въ теченіе первыхъ дней жизни, и потому понятно, отчего инстинктъ слѣдованія за кѣмъ-нибудь и привязанности черезъ нѣсколько дней исчезалъ и замѣнялся инстинктомъ бѣгства прочь отъ опасности. Преходящій характеръ инстинкта привязанности у цыплятъ можно наблюдать по ихъ отношенію къ насѣдкѣ. Спальдингъ

держалъ нѣсколькихъ цыплятъ, пока они не подросли, въ сторонѣ отъ матери, и вотъ что онъ объ нихъ рассказываетъ: «Цыпленокъ, не слышавшій въ теченіе первыхъ восьми дней жизни призывнаго крика матери, начинаетъ относиться къ нему совершенно индифферентно, какъ къ постороннему звуку. Я жалѣю, что мои замѣтки по этому вопросу не отличаются желательной и возможной полнотой. Впрочемъ, про одного изъ цыплятъ я навѣрное знаю, что, будучи продержанъ первые десять дней жизни въ сторонѣ отъ матери, онъ началъ дичиться ея. Насѣдка гонялась за нимъ, всячески стараясь приманить его; но онъ упорно уклонялся отъ нея, вбѣгая въ домъ или бросаясь въ первому встрѣчному человѣку. Цыпленокъ упорно продолжалъ это дѣлать, даже когда его не однократно стегали за это прутикомъ и вообще жестоко обращались съ нимъ. Его посадили на ночь подъ насѣдку, но утромъ онъ опять покинулъ ее».

Инстинктъ сосанія является у всѣхъ млекопитающихъ зрѣлымъ уже въ моментъ рожденія и ведетъ къ привычкѣ брать грудь, привычкѣ, которая у людей можетъ быть продолжена ежедневнымъ упражненіемъ гораздо долѣе обычнаго срока 12—18 мѣсяцевъ. Но самъ по себѣ инстинктъ этотъ преходящъ, въ томъ смыслѣ, что не легко заставить взять грудь ребенка, котораго въ самые первые дни жизни почему-нибудь кормили съ ложки, не давая ему вовсе груди. То-же наблюдалось и на телятахъ. Если корова омолола, или не имѣетъ молока, или не даетъ теленку сосать первыхъ дня два, и приходится кормить его изъ руки, то трудно заставить его сосать молоко, когда къ нему приставить новую кормилицу. Та легкость, съ какою можно путемъ искусственнаго кормленія отучить животное брать грудь, показываетъ, что инстинктъ сосанія, какъ таковой, долженъ вполнѣ въ концѣ концовъ совершенно исчезать.

Тотъ простой фактъ, что инстинкты отличаются преходящимъ характеромъ, и что проявленія позднѣйшихъ инстинктовъ могутъ модифицироваться вліяніемъ привычекъ, сложившихся отъ дѣйствія болѣе раннихъ инстинктовъ, представляетъ гораздо болѣе философское объясненіе природы инстинкта, чѣмъ предположеніе объ «искаженіи» инстинктовъ или «о выходѣ ихъ изъ границъ обычной нормы».

Я имѣлъ случай наблюдать шотландскаго такса, который родился въ декабрѣ на земляномъ полу конюшни и черезъ шесть недѣль былъ перенесенъ въ домъ, гдѣ полъ былъ покрытъ коврами; тамъ, будучи четырехъ мѣсяцевъ отъ роду, онъ нерѣдко необыкновенно старательно пытался закапывать на коврѣ разные предметы (напр., перчатки), съ которыми игралъ и возился до полного изнеможенія силъ. Онъ начиналъ царапать коверъ передними лапами, бросалъ изо рта предметъ въ якобы вырытую на коврѣ

яму, засыпалъ его кругомъ воображаемой землею и уходилъ прочь, преспокойно оставивъ предметъ лежать на коврѣ. Разумѣется, всѣ старанія такса были тщетны... Въ этомъ возрастѣ мнѣ случилось наблюдать за нимъ подобныя штуки разъ пять—шесть, впослѣдствіи же онѣ никогда не повторялись. Въ данномъ случаѣ первоначальный инстинктъ исчезъ, такъ какъ отсутствовали условія, которыя могли бы превратить его въ постоянную привычку. Но предположимъ, что въ распоряженіи такса имѣется кусокъ говядины, вмѣсто перчатки; что онъ находится не на коврѣ, а на рыхлой землѣ; что для него не обезпечено постоянное пропитаніе, и тогда, по всей вѣроятности, у собаки сдѣлалось бы обыкновеніемъ на всю жизнь зарывать излишекъ пищи въ землю. Кто можетъ поручиться, что чисто инстинктивная сторона въ стремленіи зарывать въ землю пищу у дикой собаки не отличается столь же преходящимъ характеромъ, какъ и у описаннаго нами такса?

Оставляя въ сторонѣ низшихъ животныхъ и обращаясь къ разсмотрѣнію однихъ человѣческихъ инстинктовъ, мы видимъ, что законъ измѣнчивости инстинктовъ подтверждается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ на измѣнчивости интересовъ и страстей въ теченіе жизни человѣка.

У ребенка вся жизнь заполнена играми, сказками и ознакомленіемъ съ внѣшними свойствами вещей; у юноши — на первомъ планѣ систематическій рядъ тѣлесныхъ упражненій, чтеніе романовъ изъ дѣйствительной жизни, товарищество, пѣніе, любовь и дружба, природа, путешествія и приключенія, наука и философія; у взрослого человѣка — политика, самолюбивые планы, стремленіе къ наживѣ, отвѣтственность передъ другими и эгоистическія поповзновенія въ житейской борьбѣ за существованіе. Если ребенокъ растетъ одинокимъ въ ту пору, когда потребность къ играмъ и спорту бываетъ очень велика, не учится играть въ мячъ, грести, править парусами, кататься на конькахъ, ловить рыбу, стрѣлять, то весьма возможно, что и во всю остальную свою жизнь онъ не почувствуетъ желанія приняться за эти развлеченія; можетъ быть, ему впослѣдствіи представится немало удобныхъ случаевъ выучиться всему этому; но $\frac{99}{100}$ вѣроятности, что онъ останется ко всему этому равнодушенъ и отступится передъ необходимостью сдѣлать первые шаги по новому пути, а между тѣмъ въ болѣе раннемъ возрастѣ одна перспектива этой необходимости привела бы его въ дикій восторгъ. Половое влеченіе ослабѣваетъ отъ чрезмѣрнаго воздержанія; но хорошо извѣстенъ тотъ фактъ, что въ каждомъ индивидѣ его своеобразныя проявленія обусловлены почти всецѣло тѣмъ образомъ жизни, какой ведется имъ въ ранній періодъ полового созрѣванія. Вліяніе дурной среды въ этотъ періодъ жизни

дѣлаетъ чловѣка на всю жизнь никуда негоднымъ существомъ; цѣломудріе въ юности благопріятно отражается на половыхъ отношеніяхъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Главнымъ правиломъ педагогіи должно быть: куй желѣзо, пока горячо; нужно сообщать ребенку знанія и развивать въ немъ способности къ различнымъ искусствамъ, предупредивъ заранее тотъ моментъ, когда интересъ къ изучаемому начнетъ въ немъ ослабѣвать, отъвычивость на различныя проявленія жизни и интересъ къ различнымъ предметамъ будутъ имѣть важное значеніе для ребенка въ теченіе всей послѣдующей его жизни. Въ жизни ребенка можно встрѣтить моменты, благопріятные для развитія въ немъ тѣхъ или другихъ наклонностей—умѣнья рисовать, собирать зоологическія и ботаническія коллекціи и т. п.; затѣмъ наступаетъ пора, когда для ребенка является своевременнымъ знакомство съ гармоніей механическихъ отношеній, съ удивительными законами физики и химіи; позднѣе въ юности возникаетъ интересъ къ психологическому самонаблюденію, къ таинственнымъ проблемамъ метафизики и религіи; и, наконецъ, чловѣкъ знакомится съ міровою мудростью въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, становясь дѣятельнымъ участникомъ въ житейской борьбѣ. Въ каждой сферѣ перечисленныхъ нами родовъ дѣятельности мы быстро достигаемъ пресыщенія, чисто познавательный интересъ къ изучаемому предмету ослабѣваетъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда изучаемый предметъ не связанъ съ какимъ-нибудь исключительнымъ личнымъ интересомъ, въ нашихъ духовныхъ силахъ устанавливается равновѣсіе, и мы продолжаемъ жить, не расширяя сферы нашихъ интересовъ и пользуясь запасомъ знаній, приобретенныхъ въ болѣе раннюю пору, когда потребность къ приобретенію знаній и привычекъ отличается особенной живостью и инстинктивностью. На практикѣ у большинства людей запасъ идей, приобретенный до двадцати пяти лѣтъ, составляетъ весь ихъ умственный багажъ на остальное время жизни, если не считать той сферы дѣятельности, которую они избрали своей специальностью. Они *не могутъ* приобретать новые запасы идей. Если намъ случится въ зрѣломъ возрастѣ приняться за изученіе какой-нибудь совершенно незнакомой области знанія, то мы всегда испытываемъ при этомъ какое-то странное чувство неувѣренности въ себѣ и не рѣшаемся составлять опредѣленныхъ мнѣній относительно мало знакомаго намъ предмета. Наоборотъ, то, чему мы выучились въ годы живой воспримчивости и инстинктивной любознательности, всегда остается для насъ привычнымъ явленіемъ. По отношенію къ привычнымъ объектамъ мысли въ насъ постоянно сохраняется чувство близкаго знакомства, благодаря которому даже въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ не вопліть удастся овладѣть изучаемымъ предметомъ, въ насъ сохраняется сознаніе нашей власти надъ нимъ, и потому въ хорошо знакомой намъ области мы никогда не чувствуемъ себя сбитыми съ толку.

Исключенія являются здѣсь только подтверждающими общее правило.

Такимъ образомъ, важнѣйшая задача для всякаго воспитателя должна заключаться въ умѣньи подмѣтить при образованіи инстинктовъ ребенка тотъ моментъ, когда данный инстинтъ наиболѣе подготовленъ предшествующимъ развитіемъ. Что же касается воспитанниковъ, то высказываемыя выше соображенія, можетъ быть, поколеблютъ въ нихъ вѣру въ неограниченность ихъ умственныхъ способностей и вызвать большую сосредоточенность характера; прочитавъ эти строки, учащаяся молодежь пойметъ, быть можетъ, что каковы бы ни были тѣ свѣдѣнія по физикѣ, политической экономіи или философіи, какія она приобретаетъ въ данную минуту, они останутся для нея единственными свѣдѣніями по этимъ наукамъ на всю остальную жизнь.

Перечисленіе человѣческихъ инстинктовъ. Вотъ что говоритъ проф. Прейеръ въ своемъ небольшомъ талантливомъ трудѣ: «Душа ребенка»: «Человѣкъ одаренъ немногочисленными инстинктивными актами, да и они, за исключеніемъ инстинктовъ, связанныхъ съ половымъ влеченіемъ, съ трудомъ подмѣчаются по минованіи ранняго дѣтства». «Въ виду этого, прибавляетъ онъ, намъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на инстинктивные движенія новорожденныхъ, грудныхъ младенцевъ и малолѣтнихъ дѣтей». То обстоятельство, что инстинктивные акты всего легче *распознаются* въ раннемъ дѣтствѣ, является вполнѣ естественнымъ результатомъ установленныхъ нами принциповъ измѣнчивости инстинктовъ и задерживающаго вліянія приобретенныхъ привычекъ; но едвали можно сказать, что «инстинкты немногочисленны у человѣка». Прейеръ подраздѣляетъ движенія дѣтей на *импульсивныя, рефлекторныя и инстинктивныя*. Къ импульсивнымъ онъ относитъ *случайныя, безцѣльныя движенія конечностей, туловища и органовъ рѣчи, предшествующія образованію воспріятія*. Къ числу первоначальныхъ рефлекторныхъ движеній принадлежатъ: *крикъ при соприкосновеніи съ воздухомъ, чиханіе, сопленіе, кашель, вздыханіе, движенія при рвотѣ, иканіе, вздрамиваніе, движенія членами при прикосновеніи къ нимъ и сосаніе*. Къ этимъ движеніямъ можно еще прибавить наклонность *втыкаться на рукахъ* (объ этомъ см. Nineteenth Century, Nov. 1891). Позже возникаютъ другіе рефлексы: *кусаніе, хватаніе предметовъ руками и поднесеніе ихъ ко рту, умѣнье сидѣть, стоять, ползати и ходити*. Не лишено вѣроятія, что мозговые центры, предназначенные для выполненія трехъ послѣднихъ движеній, созрѣваютъ самопроизвольно, такъ же, какъ это уже было доказано относительно центровъ для летанія у птицъ; и что дѣти, только *повидимому обучаются* держаться на ногахъ и ходити, путемъ ряда неудачныхъ и удачныхъ попытокъ, такъ какъ большинство дѣтей начинаетъ производить эти движенія, въ то

время, когда соотвѣтствующіе центры еще не успѣли окончательно созрѣть. Дѣти чрезвычайно различаются въ способахъ, съ помощью которыхъ они научаются ходить. Наряду съ первыми стремленіями къ *подражанію* у дѣтей зарождается наклонность *придавать осмысленность звукамъ голоса*. Далѣе немедленно возникаетъ *соревнованіе* и наряду съ нимъ *драчливость*. *Страхъ* къ опредѣленнымъ объектамъ дѣти начинаютъ испытывать очень рано, *чувство симпатіи*—гораздо позже, хотя инстинктъ симпатіи (быть можетъ, эмоція симпатіи? см. стр. 305-ю) и играетъ такую важную роль въ жизни человѣка. *Застѣнчивость, общительность, наклонность къ забавамъ, любознательность, наклонность къ приобритенію* развиваются очень рано. *Охотническій инстинктъ, скромность, любовь, инстинктивная привязанность къ родителямъ* etc. являются позднѣе. Къ 15—16 годамъ всѣ человѣческіе инстинкты уже достигаютъ полного развитія. Слѣдуетъ замѣтить, что *ни одно млекопитающее, даже обезьяна, не имѣютъ такую большаго количества инстинктовъ, какъ человекъ*. При вполне законченномъ развитіи каждый изъ этихъ инстинктовъ породилъ бы привычку по отношенію къ извѣстной группѣ объектовъ и задержалъ бы образованіе привычки по отношенію къ какой-нибудь другой группѣ объектовъ.

При нормальномъ развитіи ребенка такъ и бываетъ на самомъ дѣлѣ, но въ цивилизованномъ обществѣ при Одностороннемъ развитіи нерѣдко случается, что во время, благоприятное для развитія того или другого инстинкта, ребенокъ не находитъ подъ рукой соотвѣтствующихъ объектовъ, и въ его психическомъ складѣ возникаютъ, такимъ образомъ, пробѣлы, заполнить которые послѣдующій опытъ никогда не будетъ въ состояніи. Сравните безукоризненно воспитаннаго джентльмена съ бѣднымъ живущимъ въ городѣ ремесленникомъ или торговцемъ; первый въ юности, по мѣрѣ развитія своихъ физическихъ и духовныхъ инстинктовъ, находилъ всегда подъ рукой соотвѣтствующіе имъ объекты, и въ результатѣ онъ вступаетъ на арену житейской борьбы вооруженнымъ съ ногъ до головы. Въ томъ, для чего окружающая обстановка не могла дать ему соотвѣтствующихъ объектовъ, для него явился поддержкой спортъ, который и далъ ему возможность пополнить пробѣлы воспитанія. Онъ познакомился со всѣми сторонами человѣческой жизни, будучи зараза морякомъ, охотникомъ, атлетомъ, борцомъ, швельникомъ, ораторомъ, свѣтскимъ человѣкомъ, дѣльцомъ etc. Юность бѣднаго мальчика, живущаго въ городѣ, не протекаетъ такъ счастливо, и въ зрѣломъ возрастѣ въ немъ не пробуждаются даже желанія испытать все это. Онъ уже долженъ считать себя счастливымъ, если пробѣлы въ развитіи инстинктовъ составляютъ единственную аномалію въ его жизни, такъ какъ результатомъ неестественнаго воспитанія является нерѣдко извращеніе природныхъ инстинктовъ.

Описаніе страха. Чтобы познакомиться нѣсколько ближе хотя бы съ однимъ какимъ-нибудь инстинктомъ, я рассмотрю нѣсколько подробнѣе инстинктъ страха. Страхъ представляетъ реакцію, вызываемую тѣми же объектами, которые возбуждаютъ ярость. Антагонизмъ этихъ двухъ душевныхъ состояній представляетъ въ динамикѣ инстинктовъ явленіе, заслуживающее особаго вниманія. Мы одновременно и боимся того существа, которое хочетъ насъ убить, и желаемъ сами убить его, и вопросъ о томъ, которое изъ этихъ двухъ стремленій должно возобладать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшается въ зависимости отъ другихъ побочныхъ обстоятельствъ, которыми обыкновенно руководствуются только существа, одаренныя высшими умственными способностями. Разумѣется, это обстоятельство вноситъ въ реакцію неопредѣленность; но эта неопредѣленность дѣйствія наблюдается въ высшихъ животныхъ, такъ же какъ и въ человѣкѣ, и потому вовсе не доказываетъ, будто мы дѣйствуемъ менѣе инстинктивно, чѣмъ они. Тѣлесныя проявленія страха чрезвычайно энергичны: наряду съ радостью и гнѣвомъ это—одна изъ трехъ сильнѣйшихъ эмоцій, какія только способенъ испытывать человѣкъ. Прогрессъ, наблюдаемый въ постепенномъ развитіи животнаго царства вплоть до человѣка, характеризуется главнымъ образомъ уменьшеніемъ числа случаевъ, въ которыхъ представляются истинныя поводы для страха. Въ частности, въ жизни цивилизованныхъ народовъ стало, наконецъ, возможнымъ для большого числа людей отъ колыбели до могилы ни разу не испытывать чувства очень сильнаго страха. Многие изъ насъ въ началѣ душевной болѣзни впервые узнаютъ, что значить испытывать страхъ. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ слѣпой оптимизмъ, который такъ распространенъ въ сферѣ философскихъ и религіозныхъ ученій. Ужасы земнаго существованія могутъ стать для насъ «надписью на непонятномъ языкѣ»; мы готовы даже усомниться, можетъ ли существо, *подобное* намъ, быть въ пасти тигра: такіе ужасы рисуются передъ нашими глазами въ видѣ картины, которая могла бы украсить коверъ на полу той комнаты, гдѣ мы такъ уютно расположились, и отсюда благодушно смотримъ на окружающій міръ.

Какъ бы тамъ ни было, но страхъ во всякомъ случаѣ есть неподдѣльный инстинктъ; у человѣка онъ—одинъ изъ самыхъ раннихъ. *Шумы*, повидимому, являются главными стимулами страха. Для ребенка, воспитаннаго внутри дома, большинство шумовъ внѣ дома не имѣютъ никакого опредѣленнаго значенія. Они просто вызываютъ въ немъ испугъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ опытный психологъ Пере (Perez).

«Дѣти отъ трехъ до десяти мѣсяцевъ пугаются гораздо рѣже подъ влияніемъ зрительныхъ, чѣмъ подъ влияніемъ слуховыхъ впечатлѣній. У котятъ (не моложе двухъ недѣль) наблюдается обратное явленіе»

ніе. Ребенокъ трехъ съ половиною мѣсяцевъ среди пожарной суетоки, при видѣ яркаго пламени, отъ котораго разрушались стѣны, не обнаружилъ никакихъ признаковъ удивленія или страха, улыбаясь той женщиной, которая держала его на рукахъ, пока его родители выносили имущество. Но звуки рожка при приближеніи пожарныхъ и шумъ отъ колесъ ихъ машинъ испугали его, и онъ заплакалъ... Я никогда не видалъ, чтобы ребенокъ этого возраста пугался при видѣ даже очень яркой молніи, но мнѣ не разъ случалось замѣчать, что даже самыя маленькія дѣти боятся звуковъ грома. Такимъ образомъ, у дѣтей, мало знакомыхъ съ окружающимъ міромъ, страхъ развивается скорѣе при посредствѣ слуховыхъ, чѣмъ при посредствѣ зрительныхъ впечатлѣній» *).

У взрослыхъ лицъ шумъ усиливаетъ чувство страха весьма замѣтнымъ образомъ. Вой бури— вотъ что вызываетъ главнымъ образомъ то чувство тревоги, которое мы испытываемъ во время бури въ открытомъ морѣ или на морскомъ берегу. Лежа въ постели во время сильнаго вѣтра, который своимъ шумомъ мѣшалъ мнѣ спать, я замѣчалъ, что каждый сильный порывъ вѣтра внѣ дома на мгновеніе останавливалъ біеніе моего сердца. Собака, бросаясь съ лаемъ на насъ, кажется особенно страшной благодаря шуму, производимому ею.

Въ насъ вызываютъ тревогу *странные на видъ люди и странныя животныя*, какъ большія, такъ и маленькія, но особенно пугаютъ насъ люди или животныя, приближающіеся къ намъ съ угрожающимъ видомъ. Чувство страха, вызываемое ими, вполне инстинктивно и предшествуетъ всякому опыту. Нѣкоторые дѣти, увидѣвъ въ первый разъ собаку или кошку, начинаютъ реветъ благимъ матомъ, послѣ чего иногда въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не удается уговорить ихъ, чтобы они погладили этихъ животныхъ; нѣкоторые гады и насѣкомыя, въ особенности змѣи и пауки, вызываютъ страхъ, преодолимый съ особеннымъ трудомъ. Невозможно въ точности опредѣлить, въ какой мѣрѣ страхъ именно къ этимъ животнымъ инстинктивенъ, и въ какой мѣрѣ онъ развился въ насъ подъ вліяніемъ слышанныхъ объ нихъ разсказовъ. Я убѣдился на собственномъ ребенкѣ въ томъ, что страхъ къ гадамъ развивается въ насъ постепенно. Я далъ въ руки моему сыну живую лягушку, когда ему было 6—8 мѣсяцевъ, а въ другой разъ, когда ему было полтора года. Въ первый разъ онъ быстро схватилъ ее руками, несмотря на ея оборонительныя движенія, и въ концѣ-концовъ забралъ ее голову себѣ въ ротъ. Затѣмъ онъ выпустилъ ее изъ рукъ, предоставивъ ей полную свободу разгуливать по его груди и лицу

*) Psychologie de l'Enfant, p. 72.

и не обнаруживая при этомъ никакого испуга. Но во второй разъ, хотя въ промежуточный періодъ ему не случилось слышать никакихъ страшныхъ разсказовъ о лягушкѣ, его почти невозможно было убѣдить потрогать ее. Другой мальчикъ, когда ему былъ годъ, охотно взялъ въ руки очень большого паука, а теперь онъ боится пауковъ, но въ промежуточный періодъ нянька успѣла напугать его страшными разсказами объ этихъ насѣкомыхъ. Моя маленькая дочь со дня рожденія постоянно видѣла въ домѣ мопсика, общаго любимца нашей семьи, до тѣхъ поръ, пока ей не исполнилось (если не ошибаюсь) восемь мѣсяцевъ. Тогда инстинктъ страха къ собакѣ внезапно развился, и притомъ съ такою силою, что дѣвочка, несмотря на то, что постоянно видѣла собаку, не могла къ ней привыкнуть. Она вскрикивала, всякій разъ какъ собака вбѣгала въ комнату, и много мѣсяцевъ спустя еще не рѣшалась ее погладить. Нечего и говорить, что эта внезапная перемена въ отношеніяхъ ребенка къ собакѣ не была вызвана проявленіями злости со стороны послѣдней, такъ какъ собака по прежнему оставалась чрезвычайно ласковой. Двое другихъ моихъ дѣтей боялись въ дѣтствѣ *мыши*. Подобное же наблюденіе приводитъ Риппе.

Прейеръ разсказываетъ о маленькомъ ребенкѣ, который начиналъ кричать отъ страха, всякій разъ какъ его приносили на берегъ *моря*. Одиночество въ дѣтствѣ служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ страха. Само собою понятно телеологическое значеніе, какъ этого факта, такъ и того, что дѣти, проснувшись и не найдя около себя никого, проявляютъ свой страхъ непрерывнымъ крикомъ.

Черные предметы и въ особенности *темныя мѣста*, ямы, пещеры, etc. вызываютъ особенно сильное чувство страха. Какъ этотъ видъ страха, такъ и боязнь одиночества, боязнь быть «потеряннымъ», объясняются въ настоящее время, согласно модной гипотезѣ, вліяніемъ опыта, унаслѣдованнаго отъ предковъ. Вотъ что говорить по этому поводу Шнейдеръ: «Всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что люди, въ особенности въ дѣтствѣ, боятся входить въ темную пещеру или въ тѣнистый лѣсъ. Чувство страха при этомъ несомнѣнно возникаетъ, отчасти вслѣдствіе того, что мы, согласно читанному и слышанному нами отъ другихъ, думаемъ, что въ такихъ мѣстахъ могутъ скрываться опасныя звѣри. Но, съ другой стороны, необходимо предположить, что этотъ страхъ, вызываемый извѣстнымъ воспріятіемъ, до нѣкоторой степени прямо унаслѣдованъ нами. Дѣти, которыхъ никто никогда не запугивалъ страшными сказками, тѣмъ не менѣе, очутившись въ темномъ мѣстѣ, пугаются и начинаютъ кричать, въ особенности если при этомъ въ темнотѣ начинаютъ раздаваться звуки. Даже взрослый человѣкъ, находясь одинъ въ лѣсу ночью, можетъ легко подмѣтить въ себѣ неприятное чув-

ство робости, которое неизбежно будет овлаждать имъ, хотя бы онъ былъ вполне увѣренъ, что кругомъ нѣтъ никакой опасности.

Этотъ страхъ темноты многія лица испытываютъ даже у себя дома, хотя въ темной пещерѣ или въ лѣсу онъ гораздо сильнѣе. Подобный инстинктивный страхъ станетъ намъ вполне понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что нашимъ дикимъ предкамъ въ теченіе безчисленнаго множества поколѣній приходилось встрѣчать въ пещерахъ опасныхъ звѣрей, въ особенности медвѣдей; что медвѣди нападали на людей преимущественно въ лѣсу ночью, и что, такимъ образомъ, между воспріятіями темноты, пещеръ и лѣсовъ и чувствомъ страха образовалась неразрывная ассоціація, которая сдѣлалась наследственной*)).

Высокія мѣста вызываютъ своеобразное болѣзненное чувство страха; впрочемъ, здѣсь весьма многое зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей отдѣльныхъ лицъ. Совершенно слѣпой инстинктивный характеръ движеній, сопровождающихъ это чувство страха, обнаруживается тѣмъ, что они, по большей части, бывають совершенно безцѣльны, но разсудокъ не въ состояніи подавить ихъ. Очень возможно, что эти движенія представляютъ случайную особенность въ организациі нервной системы и, подобно морской болѣзни или любви къ музыкѣ, не имѣютъ никакого телеологическаго значенія. Этотъ родъ страха проявляется у различныхъ лицъ столь различнымъ образомъ, и его вредныя послѣдствія представляютъ такой очевидный перевѣсъ передъ его полезностью, что трудно понять, какъ могъ возникнуть такой инстинктъ путемъ естественнаго подбора. Въ анатомическомъ отношеніи человекъ—одно изъ животныхъ, наиболѣе приспособленныхъ къ лазанію по высокимъ мѣстамъ. Поэтому лучшимъ психическимъ дополненіемъ къ такой организациі должна была бы быть способность сохранять присутствіе духа на высокихъ мѣстахъ, а не страхъ въ нихъ. Вообще, далѣе извѣстныхъ предѣловъ телеологическое значеніе страха является крайне сомнительнымъ. Нѣкоторая доля робости, несомнѣнно, приспособляетъ насъ къ условіямъ того міра, въ которомъ мы живемъ, но *пароксизмъ страха*, овлаждая человекомъ, безспорно не доставляетъ ему ничего, кромѣ вреда.

Боязнь *сверхъестественнаго* представляетъ одинъ изъ видовъ страха. Трудно подыскать для этого чувства соотвѣтствующій реальный объектъ, если только не допускать вѣры въ привидѣнія. Но, не взирая на дѣятельность «обществъ для психическихъ изслѣдованій», наука еще не увѣровала въ реальность выходцевъ съ того свѣта; въ виду этого обстоятельства мы можемъ только сказать, что извѣстныя *идеи* о сверхъестественныхъ силахъ, ассоціируясь съ извѣстной реальной обстановкой, производятъ это своеобразное

*) Der Menschliche Wille, 224.

чувство страха. Можетъ быть, оно представляетъ собою сочетание нѣсколькихъ простѣйшихъ видовъ страха. Для получения сильнѣйшаго мистическаго страха нужна комбинація многихъ обычныхъ элементовъ ужаснаго, таковы: одиночество, темнота, странные звуки, въ особенности неприятнаго характера, неясныя очертанія какихъ-то фигуръ (или ясно очерченные страшные образы) и связанное съ головокруженіемъ тревожное состояніе ожиданія. Этотъ послѣдній элементъ интеллектуальнаго характера особенно важенъ. При видѣ того, какъ привычное для насъ явленіе вдругъ начинаетъ совершаться совершенно непредвидѣннымъ нами образомъ, мы чувствуемъ, что кровь какъ-бы застыла на мгновеніе въ нашихъ жилахъ. У всякаго изъ насъ сердце перестало бы биться отъ страха, еслибы стулъ въ нашей комнатѣ вдругъ началъ самъ по себѣ двигаться по полу. На низшихъ животныхъ, какъ и на насъ, таинственныя, необычайныя явленія производятъ сильное впечатлѣніе. Мой другъ проф. Бруксъ (W. K. Brooks) рассказывалъ мнѣ, что съ его большимъ породистымъ псомъ сдѣлалось нѣчто въ родѣ эпилептическаго припадка, когда этотъ песъ увидѣлъ кость, двигающуюся по полу, не замѣчая при этомъ нитки, при помощи которой ее двигали.

Подобныя же факты приводятъ Дарвинъ и Ромэнсъ. Съ идеей сверхъестественнаго связана мысль, что обычный порядокъ вещей совершенно нарушенъ. Со сверхъестественными образами вѣдмъ и домовыхъ связываютъ другіе элементы страха: пещеры, болота, гадовъ, насѣкомыхъ, трупы etc. Мертвецъ самъ по себѣ вызываетъ инстинктивное чувство страха, которое, безъ сомнѣнія, обусловлено таинственностью смерти, и которое при болѣе близкомъ знакомствѣ съ трупомъ, быстро разсѣвается. Но въ виду того, что страхъ, связанный съ образами мертвецовъ, пещеръ и гадовъ, постоянно играетъ своеобразную роль во многихъ случаяхъ помѣшательства и при кошмарѣ, можно не безъ основанія предположить, не составляла ли эта ужасная обстановка, рисующаяся передъ ненормально возбужденнымъ воображеніемъ, когда-нибудь въ ранній періодъ существованія человѣка, обычныхъ условій его жизни. Ученый, принадлежащій къ обыкновенному типу эволюціониста, слѣпо увѣровавшаго въ гипотезу развитія, безъ труда объяснитъ такое явленіе: ему стоитъ только предположить, что мы при извѣстномъ болѣзненномъ возбужденіи мозга способны впадать въ душевное состояніе пещернаго человѣка, которое въ насъ при нормальныхъ условіяхъ подавлено впечатлѣніями, унаслѣдованными отъ позднѣйшихъ поколѣній.

Извѣстны еще нѣкоторыя патологическія проявленія страха и нѣкоторыя особенности въ обнаруженіи обыкновеннаго страха, которыя могли бы, пожалуй, быть объяснены съ помощью унаслѣдованныхъ воспоминаній объ условіяхъ жизни нашихъ предковъ—

людей, даже животныхъ предковъ. При обыкновенномъ испугѣ мы или обращаемся въ бѣгство, или какъ-бы на половину парализованные замираемъ на мѣстѣ. Это послѣднее явленіе напоминаетъ такъ называемый инстинктъ притворной смерти, проявляемый многими животными. Д-ръ Линдсей (Lindsay) въ своей книгѣ: «Умъ животныхъ» замѣчаетъ, что этотъ инстинктъ требуетъ большого самообладанія со стороны тѣхъ животныхъ, которыя проявляютъ его. Но на самомъ дѣлѣ въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой притворной смерти, и потому въ самообладаніи не представляется никакой надобности. Это—просто временный параличъ отъ страха, параличъ, который въ силу своей полезности сдѣлался наследственнымъ. Хищное животное вовсе не думаетъ, что неподвижно лежащая птица, насекомое или ракообразное мертвы: оно просто не замѣчаетъ ихъ, такъ какъ его чувства, подобно нашимъ, гораздо скорѣе воспринимаютъ движущійся, чѣмъ неподвижный предметъ. Тотъ же самый инстинктъ побуждаетъ спрятавшагося мальчика во время игры въ прятки зайти дыханье, когда ищущій его близко подходитъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ скрывается. Тотъ же инстинктъ проявляетъ нерѣдко и хищное животное, когда тихонько придвигается къ своей жертвѣ, отъ времени до времени приостанавливаясь и оставаясь неподвижнымъ. Противоположный инстинктъ побуждаетъ насъ подпрыгивать и махать руками, когда мы хотимъ привлечь чье-нибудь вниманіе; руководясь этимъ противоположнымъ инстинктомъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе морякъ при видѣ дальняго паруса начинаетъ неистово махать одеждой съ того плота, который носитъ его по волнамъ. Не представляетъ ли въ некоторой связи съ описаннымъ нами инстинктомъ и то неподвижное пребываніе въ скорченной позѣ, которое наблюдается у помѣшанныхъ и меланхоликовъ и сопровождается общимъ безпокойствомъ и страхомъ рѣшительно передъ всѣмъ на свѣтѣ. Они не могутъ *объяснить*, отчего они боятся пошевелиться, но въ неподвижномъ состояніи они какъ-то чувствуютъ себя удобнѣе и безопаснѣе. Развѣ это явленіе не представляетъ большого сходства съ состояніемъ «притворной смерти» животныхъ?

А вотъ другое странное болѣзненное явленіе, окрещенное недавно довольно нелѣпнымъ именемъ *агорафобіи*. Человѣкъ, страдающій агорафобіей, начинаетъ дрожать отъ страха, всякій разъ когда ему необходимо перейти одному черезъ какое-нибудь открытое мѣсто или черезъ широкую улицу. Когда у него еще хватаетъ присутствія духа, то подъ прикрытіемъ экипажа, медленно переѣзжающаго черезъ улицу, или какого-нибудь прохожаго, ему удается перелазить на другую сторону. Но обыкновенно онъ не рѣшается дѣлать это и обходить площадь кругомъ, держась какъ можно ближе домовъ. Для цивилизованнаго человѣка эта эмоція совершенно бесполезна, но обратимъ вниманіе на постоянно наблюдаемую аго-

рафобію нашихъ домашнихъ кошекъ; также вспомнимъ, что многія дикія животныя, въ особенности грызуны, стремятся всегда найдитися подъ какимъ-нибудь прикрытіемъ и рѣшаются на стремительное бѣгство по открытому мѣсту только въ самомъ крайнемъ случаѣ (да и при этомъ они норовятъ укрыться хоть на нѣсколько мгновеній за первый попавшійся по дорогѣ камень или кустикъ); принявъ въ соображеніе эти факты, мы готовы будемъ неволью задаться вопросомъ, не представляетъ ли агорафобія снова ожившаго подъ вліяніемъ болѣзни инстинкта, который былъ постояннымъ у нашихъ отдаленныхъ предковъ и въ общемъ былъ для нихъ полезенъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

В о л я.

Волевые акты. Желаніе, хотѣніе, воля суть состоянія сознанія, хорошо знакомыя всякому, но не поддающіяся какому-либо опредѣленію. Мы желаемъ испытывать, имѣть, дѣлать всевозможныя вещи, которыхъ въ данную минуту мы не испытываемъ, не имѣемъ, не дѣлаемъ. Если съ желаніемъ чего-нибудь у насъ связано сознаніе того, что объектъ нашихъ желаній недостижимъ, то мы просто *желаемъ*; если же мы увѣрены, что цѣль нашихъ желаній достижима, то мы *хотимъ*, чтобы она осуществилась, и она осуществляется или немедленно, или послѣ того, какъ мы совершимъ нѣкоторыя предварительныя дѣйствія.

Единственныя цѣли нашихъ хотѣній, которыя мы осуществляемъ тотчасъ же, *непосредственно*, это—движенія нашего тѣла. Какія бы *ощущенія* мы ни желали испытать, въ какиѣ бы *обладаніямъ* мы ни стремились, мы можемъ достигнуть ихъ не иначе, какъ совершивъ для нашей цѣли нѣсколько предварительныхъ движеній. Этотъ фактъ слишкомъ очевиденъ и потому не нуждается въ примѣрахъ; въ виду этого мы можемъ принять за исходный пунктъ нашего изслѣдованія воли то положеніе, что единственными *непосредственными* внѣшними проявленіями нашей воли являются тѣлесныя движенія. Намъ предстоитъ теперь рассмотретьъ тотъ механизмъ, съ помощью котораго совершаются эти волевые движенія.

Волевые акты суть производныя функціи нашего организма. Движенія, которыя мы до сихъ поръ рассматривали, принадлежали къ типу автоматическихъ или рефлекторныхъ актовъ, и притомъ актовъ, значеніе которыхъ не предвидится выполняющимъ ихъ лицомъ (по крайней мѣрѣ, лицомъ, выполняющимъ ихъ въ первый разъ въ жизни). Движенія, къ изученію которыхъ мы теперь приступаемъ, будучи

преднамеренны и составляя завѣдомо объектъ желаній, конечно, совершаются съ полнымъ сознаниемъ того, каковы они должны быть. Отсюда слѣдуетъ, что *волевая движенія представляютъ производную, а не первичную функцию организма*. Это—первое положеніе, которое слѣдуетъ имѣть въ виду для пониманія психологіи воли. И рефлексъ, и инстинктивное движеніе, и эмоціональное движеніе суть первичныя функціи. Нервные центры такъ устроены, что опредѣленные стимулы вызываютъ въ извѣстныхъ частяхъ ихъ разрядъ, и существо, впервые испытывающее въ себѣ подобный разрядъ, переживаетъ совершенно новое явленіе опыта. Какъ-то разъ я стоялъ на платформѣ вокзала съ моимъ маленькимъ сыномъ въ ту минуту, когда къ станціи съ грохотомъ подъѣхалъ курьерскій поѣздъ. Мальчикъ мой, стоявшій недалеко отъ края платформы, при шумномъ появленіи поѣзда испугался, задрожалъ, сталъ прерывисто дышать, побѣднѣлъ, заплакалъ, наконецъ, бросился со всѣхъ ногъ ко мнѣ и спряталъ свое лицо. Я не сомнѣваюсь, что ребенокъ былъ почти столь же удивленъ своимъ собственнымъ поведеніемъ, какъ и движеніемъ поѣзда, и во всякомъ случаѣ былъ болѣе удивленъ своимъ поведеніемъ, чѣмъ я, стоявшій тутъ же возлѣ него. Разумѣется, послѣ того, какъ намъ случится испытать на себѣ нѣсколько разъ подобную реакцію, мы сами научаемся ожидать ея результатовъ и начинаемъ предвидѣть свое поведеніе въ такихъ случаяхъ, даже если дѣйствія остаются при этомъ столь же произвольными, непреодолимыми, какъ и прежде. Но если въ волевомъ актѣ въ собственномъ смыслѣ слова, мы должны предвидѣть дѣйствіе, то отсюда слѣдуетъ, что только существо, одаренное даромъ предвидѣнія, можетъ совершить сразу волевой актъ, никогда не сдѣлавъ рефлекторныхъ или инстинктивныхъ движеній. Но мы не обладаемъ пророческимъ даромъ предвидѣть, какія движенія мы можемъ произвести, точно такъ же, какъ мы не можемъ предугадать ощущенія, которыя намъ предстоитъ испытать. Мы должны ждать, чтобы намъ были даны извѣстныя ощущенія; точно также мы должны совершить рядъ произвольныхъ движеній, чтобы выяснитъ себѣ, въ чемъ должны заключаться движенія нашего тѣла. Возможности познаются нами при посредствѣ дѣйствительнаго опыта. Послѣ того, какъ мы произвели извѣстное движеніе случайнымъ, рефлекторнымъ или инстинктивнымъ путемъ, и оно оставило по себѣ слѣдъ въ нашей памяти, мы можемъ пожелать вновь произвести это движеніе и тогда произведемъ его преднамеренно. Но невозможно понять, какимъ образомъ могли бы мы желать произвести извѣстное движеніе, никогда передъ тѣмъ не дѣлавъ его.

Первымъ условіемъ для возникновенія волевыхъ, произвольныхъ движеній является, такимъ образомъ, предварительное накопленіе идей о различныхъ возможныхъ движеніяхъ, идей, которыя

остаются въ нашей памяти, послѣ того какъ мы неоднократно произведемъ соотвѣтствующія имъ движенія произвольнымъ образомъ.

Два различныхъ рода идей о движеніяхъ. Идей о движеніяхъ бываютъ двоякаго рода: *непосредственныя и опосредствованныя*. Иначе говоря, въ насъ можетъ возникать или идея о движеніи въ самыхъ двигающихся частяхъ нашего тѣла, сознаваемая нами въ моментъ движенія, или идея о движеніи нашего тѣла, поскольку это движеніе видимо, слышимо нами, или поскольку оно оказываетъ извѣстное дѣйствіе (ударъ, давленіе, царапанье) на какою-нибудь другую часть нашего тѣла. Непосредственныя ощущенія движенія въ двигающихся частяхъ называются *кинѣстетическими*, воспоминанія о нихъ—кинѣстетическими идеями. При помощи кинѣстетическихъ идей мы сознаемъ *пассивныя движенія*, которыя сообщаютъ члены нашего тѣла другъ другу. Если вы лежите съ закрытыми глазами, а кто-нибудь другой тихонько измѣняетъ по собственному произволу положеніе вашей руки или ноги, то вы при этомъ сознаете, какое положеніе придано вашей конечности, и можете затѣмъ другою рукою или ногою воспроизвести сдѣланное движеніе. Подобнымъ же образомъ, человекъ, проснувшійся внезапно ночью, лежа въ темнотѣ, сознаетъ, въ какомъ положеніи находится его тѣло. Такъ бываетъ, по крайней мѣрѣ, въ нормальныхъ случаяхъ. Но, когда ощущенія пассивныхъ движеній и всѣ другія ощущенія въ членахъ нашего тѣла утрачены, то въ результатъ получается такое патологическое явленіе, какъ удивительный мальчикъ, описанный проф. А. Штрюмпелемъ (Strümpell), мальчикъ, у котораго сохранились только зрительныя ощущенія въ правомъ глазу и слуховыя въ лѣвомъ ухѣ *):

«Конечностями пациента можно было двигать самымъ энергичнымъ образомъ, не привлекая его вниманія. Только при исключительно сильномъ ненормальномъ растяженіи сочлененій, въ особенности колѣнъ, у пациента возникало неясное тупое чувство напряженія, но и оно рѣдко локализовалось точнымъ образомъ. Нерѣдко, завязавъ глаза пациента, мы носили его по комнатѣ, клали на столъ, придавали его рукамъ и ногамъ самыя фантастическія и, повидимому, крайне неудобныя позы, но пациентъ ничего этого даже не подозрѣвалъ. Трудно описать выраженіе изумленія на его лицѣ, которое получалось, когда, снявъ съ его глазъ платокъ, мы обнаруживали передъ нимъ ту позу, въ которую было приведено его тѣло. Только когда голова его во время опыта свѣшивалась внизъ, онъ тотчасъ же начиналъ жаловаться на головокруженіе, но не могъ объяснить его причину. Впослѣдствіи по звукамъ, связаннымъ съ нѣкоторыми нашими манипуляціями,

*) Deutsches Archiv f. Klin. Medicin. XXII, 321.

онъ иногда начиналъ догадываться, что мы надъ нимъ продѣлываемъ что-то особенное... Чувство утомленія мускуловъ было совершенно неизвѣстно ему. Когда мы, завязавъ ему глаза, попросили его поднять вверхъ руку и держать ее въ такомъ положеніи, онъ безъ труда выполнилъ это. Но черезъ минуту или черезъ двѣ его руки начали дрожать и незамѣтно для него самого опустились, при чемъ онъ продолжалъ утверждать, что держать ее все въ томъ же положеніи. Находятся ли пальцы его въ пассивно-неподвижномъ состояніи или нѣтъ—этого онъ не могъ замѣтить. Онъ постоянно воображалъ, что сжимаетъ и разжимаетъ руку, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она была совершенно неподвижна».

Нѣтъ основаній предполагать существованіе какаго-либо третьяго рода моторныхъ идей. Итакъ, чтобы совершить произвольное движеніе, намъ нужно вызвать въ сознаніи или непосредственную (кин-эстетическую), или опосредствованную идею, соответствующую предстоящему движенію. Нѣкоторые психологи предполагали, что сверхъ того въ данномъ случаѣ необходима *идея о степени иннервации*, необходимой для сокращенія мускуловъ. По ихъ мнѣнію, нервный токъ, идущій при разрядѣ изъ двигательнаго центра въ двигательный нервъ, порождаетъ ощущение *sui generis*, отличающееся отъ всѣхъ другихъ ощущений. Последнія связаны съ движеніями центростремительныхъ токовъ, между тѣмъ какъ съ центробѣжными токами связано чувство иннервации, и ни одно движеніе не предваряется нами мысленно безъ того, чтобы это чувство не предшествовало ему. Иннервационное чувство указываетъ будто бы на степень силы, съ какою должно быть произведено данное движеніе, и на то усиліе, при помощи котораго оно всего удобнѣе выполнимо. Но многіе психологи отвергаютъ существованіе иннервационнаго чувства, и, конечно, они правы, такъ какъ нельзя привести прочныхъ доводовъ въ пользу его существованія.

Различныя степени «усилія», дѣйствительно испытываемыя нами, когда мы производимъ то-же движеніе, но по отношенію къ предметамъ, представляющимъ различную силу сопротивленія, всѣ обусловлены центростремительными токами, идущими отъ нашей груди, челюстей, брюшной полости и другихъ частей тѣла, въ которыхъ происходятъ симпатическія сокращенія мускуловъ, когда прилагаемое нами усиліе велико. При этомъ нѣтъ никакой надобности созывать степень иннервации центробѣжнаго тока. Путемъ самонаблюденія мы убѣждаемся только въ томъ, что въ данномъ случаѣ степень потребнаго напряженія всецѣло опредѣляется нами при помощи центростремительныхъ токовъ, идущихъ отъ самыхъ мускуловъ, отъ ихъ прикрѣпленій, отъ сосѣднихъ суставовъ и отъ общаго напряженія глотки, лица, груди и всего тѣла. Когда мы представляемъ себѣ извѣстную степень напряженія, то этотъ сложный агрегатъ ощущений, связанныхъ съ центро-

стремительными тонами, составляя объект нашего сознания, точным и отчетливым образом указывает намъ, съ какою именно силой мы должны произвести данное движеніе, и какъ велика сила сопротивленія, которую намъ нужно преодолѣть.

Пусть читатель попробуетъ направить свою волю на определенное движеніе и постарается подмѣтить, въ чемъ *состояло* направление его воли. Входило ли въ него что-либо, кромѣ представленія тѣхъ ощущеній, которыя онъ испытаетъ, когда произведетъ данное движеніе. Если мы мысленно выдѣлимъ эти ощущенія изъ сферы нашего сознания, то останется ли въ нашемъ распоряженіи какой-нибудь чувственный знакъ, пріемъ или руководящее средство, при помощи которыхъ воля могла бы съ надлежащей степенью интенсивности иннервировать надлежащія мускулы, не направляя тога беспорядочно въ какіе попало мускулы. Выдѣлите эти ощущенія, предваряющія конечный результатъ движенія, и вмѣсто того, чтобы получить рядъ идей о тѣхъ направленіяхъ, по которымъ ваша воля можетъ направить тога, вы получите въ сознаніи абсолютную пустоту, оно окажется не выполненнымъ никакимъ содержаніемъ. Если я хочу написать *Петръ*, а не *Павелъ*, то движеніямъ моего пера предшествуютъ мысли о нѣкоторыхъ ощущеніяхъ въ пальцахъ, о звукахъ нѣкоторыхъ буквъ азбуки, о нѣкоторыхъ значкахъ на бумагѣ—и больше ничего. Если я хочу произнести *Павелъ*, а не *Петръ*, то произнесенію предшествуютъ мысли о слышимыхъ мною звукахъ моего голоса и о нѣкоторыхъ мускульныхъ ощущеніяхъ въ языкѣ, губахъ и глоткѣ. Всѣ эти ощущенія связаны съ центростремительными тонами; между мыслию объ этихъ ощущеніяхъ, которая сообщаетъ волевому акту возможную определенность и законченность, и самымъ актомъ нѣтъ мѣста для какого-нибудь третьяго рода психическихъ явленій.

Въ составъ волевого акта входитъ нѣкоторый элементъ согласія на то, чтобы актъ совершился—рѣшеніе: «да будетъ!» И для меня, и для читателя, безъ сомнѣнія, именно этотъ элементъ и характеризуетъ произвольность акта. Ниже мы рассмотримъ въ подробности, въ чемъ заключается это рѣшеніе: «да будетъ!» Въ данную минуту мы можемъ оставить его въ сторонѣ, такъ какъ оно входитъ въ составъ рѣшительно всѣхъ волевыхъ актовъ и потому не даетъ указаній на различія, которыя можно установить между ними. Нѣкто не станетъ утверждать, что при движеніи, напримѣръ, правой рукой или лѣвой оно качественно различно. *Итакъ, путемъ самонаблюденія мы нашли, что предшествующее волевому акту психическое состояніе заключается только въ предваряющахъ движеніе идеяхъ о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя оно повлечетъ за собой, (+ въ нѣкоторыхъ случаяхъ) повелѣніе воли, согласно которому движеніе и связанныя съ нимъ ощущенія должны осуществиться;* предполагать же существованіе осо-

букъ ощущеній, связанныхъ съ центробѣжными нервными токами, нѣтъ никакихъ основаній.

Такимъ образомъ, все содержаніе нашего сознанія, весь составляющій его матеріалъ—ощущенія движенія, равно какъ и всѣ другія ощущенія—имѣютъ, повидимому, периферическое происхожденіе и проникаютъ въ сферу нашего сознанія прежде всего черезъ периферическіе нервы.

Конечный поводъ къ движенію. Назовемъ конечнымъ поводомъ къ движенію ту идею въ нашемъ сознаніи, которая непосредственно предшествуетъ двигательному разряду. Спрашивается, служатъ ли поводами къ движенію только «непосредственныя» моторныя идеи, или ими могутъ быть также и «опосредствованныя» моторныя идеи?

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что конечнымъ поводомъ къ движенію могутъ быть равнымъ образомъ и непосредственныя, и опосредствованныя моторныя идеи.

Хотя въ началѣ нашего знакомства съ извѣстнымъ движеніемъ, когда мы еще учимся производить его, непосредственныя моторныя идеи и выступаютъ на первый планъ въ нашемъ сознаніи, но впоследствии это бываетъ не такъ.

Вообще говоря, можно считать за правило, что съ теченіемъ времени онѣ все болѣе и болѣе отступаютъ въ сознаніи на задній планъ, и чѣмъ болѣе мы научаемся производить извѣстное движеніе, тѣмъ чаще конечнымъ поводомъ къ движенію являются «опосредствованныя» моторныя идеи. Въ сферѣ нашего сознанія господствующую роль играютъ наиболѣе интересующія насъ идеи, отъ всего остального мы норовимъ отдѣлаться какъ можно скорѣе. Но, вообще говоря, «непосредственныя» моторныя идеи не представляютъ для насъ никакого существеннаго интереса. Насъ интересуютъ главнымъ образомъ тѣ цѣли, на которыя направлено наше движеніе. Эти цѣли, по большей части, суть опосредствованныя ощущенія, связанные съ тѣми впечатлѣніями, которыя данное движеніе вызываетъ въ глазу, въ ухѣ, иногда на кожѣ, въ носу, въ нѣбѣ. Если мы теперь предположимъ, что представленіе одной изъ такихъ цѣлей прочно ассоціировалось съ соотвѣтствующимъ ей нервнымъ разрядомъ, то окажется, что мысль о *непосредственныхъ* дѣйствіяхъ иннервации явится элементомъ, такъ же задерживающимъ выполненіе волевого акта, какъ и то чувство иннервации, о которомъ мы говорили выше. Наше сознаніе не нуждается въ этой мысли, для него достаточно представленія конечной цѣли движенія.

Такимъ образомъ, идея цѣли стремится все болѣе и болѣе завладѣть сферою сознанія. Во всякомъ случаѣ, если кинѣстическія идеи и возникаютъ при этомъ, то онѣ настолько поглощены живыми кинѣстетическими ощущеніями, которыя ихъ немедленно настигаютъ, что мы не сознаемъ ихъ самостоятельнаго существованія. Когда я пишу, я не сознаю предварительно вида буквъ и мускульнаго напряженія

въ пальцахъ, какъ чего-то обособленнаго отъ ощущеній движенія моего пера. Прежде чѣмъ написать слово, я слышу, какъ оно какъ-бы звучитъ въ моихъ ухахъ, но при этомъ не возникаетъ никакого соответствующаго воспроизведеннаго зрительнаго или моторнаго образа. Происходитъ это вслѣдствіе быстроты, съ которою движенія слѣдуютъ за ихъ психическими мотивами. Признавъ извѣстную цѣль подлежащей достиженію, мы тотчасъ же иннервируемъ центръ, связанный съ первымъ движеніемъ, необходимымъ для ея осуществленія, и затѣмъ вся остальная цѣпь движеній совершается какъ-бы рефлекторно (см. стр. 102-ю).

Читатель, конечно, согласится, что эти соображенія вполне справедливы относительно быстрыхъ и рѣшительныхъ волевыхъ актовъ. Въ нихъ только въ самомъ началѣ дѣйствія мы прибѣгаемъ къ особому рѣшенію воли. Человѣкъ говоритъ самъ себѣ: «Надо переодѣться», и тотчасъ же непроизвольно снимаетъ сюртукъ, пальцы его привычнымъ образомъ начинаютъ разстегивать пуговицы жилета и т. д.; или, напримѣръ, мы говоримъ себѣ: «Надо спуститься внизъ,» и тотчасъ же мы встаемъ, идемъ, беремъ за ручку двери и т. д., руководствуясь исключительно идеей цѣли, связанной съ рядомъ послѣдовательно возникающихъ ощущеній, и ведущихъ прямо къ ней. Повидимому, нужно предположить, что мы, стремясь къ извѣстной цѣли, вносимъ неточность и неопредѣленность въ наши движенія, когда сосредоточиваемъ вниманіе на связанныхъ съ ними ощущеніяхъ. Мы тѣмъ лучше можемъ, напримѣръ, ходить по бревну, чѣмъ меньше обращаемъ вниманіе на положеніе нашихъ ногъ. Мы мѣтче кидаемъ, ловимъ, стрѣляемъ и рубимъ, когда въ нашемъ сознаніи преобладаютъ зрительныя (опосредствованныя), а не осязательныя и моторныя (непосредственныя) ощущенія. Направьте на цѣль ваши глаза, и рука сама доставитъ къ цѣли кидаемый вами предметъ, сосредоточьте вниманіе на движеніяхъ руки—и вы не попадете въ цѣль. Д-ръ Саутгардъ (Southgard) нашель, что онъ могъ болѣе точнымъ образомъ опредѣлять на ощупь кончикомъ карандаша положеніе небольшого предмета при посредствѣ зрительныхъ, чѣмъ при посредствѣ осязательныхъ мотивовъ къ движенію. Въ первомъ случаѣ онъ взглядывалъ на небольшой предметъ и передъ тѣмъ, какъ дотронуться до него карандашомъ, закрывалъ глаза. Въ послѣднемъ, онъ *клян* предметъ на столъ съ закрытыми глазами и затѣмъ, отведя отъ него руку, старался снова прикоснуться къ нему. Средняя ошибка (если считать только опыты съ наиболѣе благопріятными результатами) равнялась 17, 13 мм. во второмъ случаѣ и только 12, 37 мм. въ первомъ (при зрѣніи). Выводы эти получены путемъ простаго самонаблюденія. При помощи какого фізіологическаго механизма совершаются описанныя дѣйствія—неизвѣстно.

Въ девятнадцатой главѣ мы видѣли, какъ велико разнообразіе

въ способахъ воспроизведенія у различныхъ индивидовъ. У лицъ, принадлежащихъ въ «тактильному» (согласно выраженію французскихъ психологовъ) типу воспроизведенія, кинестетическія идеи, вѣроятно, играютъ болѣе выдающуюся роль, сравнительно съ тою, какая указана мной. Мы вообще не должны ожидать слишкомъ большого однообразія въ этомъ отношеніи у различныхъ индивидовъ и спорить о томъ, который изъ нихъ является типичнымъ представителемъ даннаго психическаго явленія.

Надѣюсь, я выяснилъ теперь, въ чемъ заключается та «моторная идея», которая должна предшествовать движенію и обуславливать его произвольный характеръ. Она не есть мысль объ иннервации, необходимой для того, чтобы произвести данное движеніе. Она есть мысленное предвареніе чувственныхъ впечатлѣній (непосредственныхъ или опосредствованныхъ, иногда опосредствованныхъ длиннымъ рядомъ дѣйствій), которыя явятся результатомъ даннаго движенія. Это мысленное предвареніе движеній опредѣляетъ, по крайней мѣрѣ, *каковы* они будутъ. До сихъ поръ я рассуждалъ, какъ будто оно опредѣляло также, *что* данное движеніе будетъ сдѣлано. Безъ сомнѣнія, многіе читатели не согласятся съ этимъ, ибо во многихъ волевыхъ актахъ, повидимому, необходимо еще въ мысленному предваренію движенія присоединить особое рѣшеніе воли, согласіе ея на то, чтобы движеніе было сдѣлано; это рѣшеніе воли я до сихъ поръ оставлялъ въ сторонѣ; анализъ его составитъ второй важный пунктъ нашего изслѣдованія.

Идео-моторный актъ. Намъ предстоитъ отвѣтить на слѣдующій вопросъ: *Можетъ ли до наступленія движенія идея о чувственныхъ его результатахъ сама по себѣ служить достаточнымъ къ нему поводомъ или движенію долженъ еще предшествовать нѣкоторый добавочный психическій элементъ въ видѣ рѣшенія, согласія, приказанія воли или другого аналогичнаго состоянія сознанія?*

Я даю на это слѣдующій отвѣтъ. Иногда такой идеи бываетъ достаточно, иногда же необходимо вмѣшательство добавочнаго психическаго элемента въ видѣ особаго рѣшенія или повелѣнія воли, предваряющаго движеніе. Въ большинствѣ случаевъ, въ простѣйшихъ волевыхъ актахъ, это рѣшеніе воли отсутствуетъ. Другіе случаи болѣе сложнаго характера будутъ обстоятельно рассмотрѣны нами въ своемъ мѣстѣ. Теперь же обратимся къ типичному образчику волевого дѣйствія, такъ называемому *идео-моторному акту*, въ которомъ мысль о движеніи вызываетъ послѣднее *непосредственно* безъ особаго рѣшенія воли. Всякій разъ, какъ мы при мысли о движеніи *немедленно, не колеблясь*, производимъ его, мы совершаемъ идео-моторный актъ. Въ этомъ случаѣ между мыслию о движеніи и ея осуществленіемъ мы не сознаемъ ничего промежуточнаго. Разумѣется, на самомъ дѣлѣ въ этотъ промежутокъ времени происходятъ различные физиологическіе процессы въ нервахъ и му-

скулахъ, но мы не сознаемъ ихъ абсолютно. Только что мы успѣли подумать о дѣйствіи, какъ оно уже совершено нами—вотъ все, что даетъ намъ здѣсь самонаблюденіе. Д-ръ Карпентеръ, впервые употребившій (насколько мнѣ извѣстно) выраженіе «идео-моторный актъ», относилъ его, если я не ошибаюсь, къ числу рѣдкихъ психическихъ явленій. На самомъ же дѣлѣ это—просто нормальный психическій процессъ, не замаскированный никакими посторонними явленіями. Во время разговора я замѣчаю булавку на полу или пыль у себя на рукавѣ. Не прерывая разговора, я поднимаю булавку или стираю пыль. Во мнѣ не возникаетъ никакихъ рѣшеній по поводу этихъ дѣйствій, они совершаются просто подъ впечатлѣніемъ извѣстнаго воспріятія и проносающейся въ сознаниі моторной идеи. Подобнымъ же образомъ я поступаю, когда, сидя за столомъ я замѣчаю, что отъ времени до времени протягиваю руку къ стоящей передо мной тарелкѣ, беру орѣхъ или кисточку винограда и ѣмъ. Съ обѣдомъ я уже повончилъ, и въ пылу послѣобѣденной бесѣды, собственно говоря, не сознаю того, что дѣлаю, но видъ орѣховъ или ягодъ и мимолетная мысль о возможности взять ихъ, повидимому, ровнымъ образомъ вызываютъ во мнѣ извѣстныя дѣйствія. Въ этомъ случаѣ, конечно, дѣйствіемъ не предшествуетъ никакого особаго рѣшенія воли такъ же, какъ и во всѣхъ привычныхъ дѣйствіяхъ, которыми полонъ каждый часъ нашей жизни, и которыя вызываются въ насъ притекающими извнѣ впечатлѣніями съ такой быстротой, что нерѣдко намъ трудно бываетъ рѣшить—отнести ли то или другое подобное дѣйствіе къ числу рефлекторныхъ или произвольныхъ актовъ. Вотъ что Лотце говоритъ по этому поводу:

Мы видимъ, «когда пишемъ или играемъ на рояли, что множество весьма сложныхъ движеній быстро смѣняются одно другое; каждый изъ мотивовъ, вызывающихъ въ насъ эти движенія, сознается нами не долѣе секунды; этотъ промежутокъ времени во всякомъ случаѣ слишкомъ малъ для того, чтобы вызвать въ насъ какіе-либо волевые акты, кромѣ общаго стремленія производить послѣдовательно одно за другимъ движенія, соответствующія тѣмъ психическимъ поводамъ для нихъ, которые такъ быстро смѣняютъ другъ друга въ нашемъ сознаниі. Такимъ путемъ мы производимъ всѣ наши ежедневныя дѣйствія. Когда мы стоимъ, ходимъ, разговариваемъ, намъ не требуется никакого особаго рѣшенія воли для каждаго отдѣльнаго дѣйствія: мы совершаемъ ихъ, руководствуясь однимъ только теченіемъ нашихъ мыслей». *)

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, мы, повидимому, дѣйствуемъ безостановочно, не колеблясь, *при отсутствіи въ нашемъ сознаниі противодѣйствующаго представленія*. Въ нашемъ сознаниі или

*) Medicinische Psychologie, 293.

нѣтъ ничего, кромѣ конечнаго повода къ движенію, или есть что-нибудь, не препятствующее нашимъ дѣйствіямъ. Мы знаемъ, что значить встать съ постели въ морозное утро въ нетопленной комнатѣ: сама натура наша протестуетъ противъ такого мучительнаго испытанія. Многіе, вѣроятно, лежатъ каждое утро цѣлый часъ въ постели, прежде чѣмъ заставитъ себя подняться. Мы думаемъ лежа, какъ мы поздно встанемъ, какъ отъ этого пострадаютъ обязанности, которыя мы должны выполнить въ теченіе дня; мы говоримъ себѣ: «Это—чортъ знаетъ, что такое! *Долженъ* же я, наконецъ, встать!» etc; но теплая постель слишкомъ привлекаетъ насъ къ себѣ, температура комнаты кажется страшно холодной, и въ тотъ моментъ, когда мы совсѣмъ уже готовы подняться, рѣшимость наша пропадаетъ, и мы снова и снова оттягиваемъ наступленіе неприятнаго мгновенья. *Какъ же* мы встаемъ при такихъ условіяхъ? Если мнѣ будетъ позволено судить о другихъ по моему личному опыту, то я скажу, что, по большей части, мы поднимаемся въ такихъ случаяхъ безъ всякой внутренней борьбы, не прибѣгая ни къ какимъ рѣшеніямъ воли. Мы вдругъ находимъ, что мы поднялись съ постели; забывъ о теплѣ и холодѣ, мы въ полудремотѣ вызываемъ въ своемъ воображеніи различныя представленія, имѣющія какое-нибудь отношеніе къ наступающему дню, вдругъ среди нихъ мелькнула мысль: «Баста! довольно лежать!» никакого противодѣйствующаго соображенія при этомъ не возникло — и тотчасъ же мы совершаемъ соответствующія нашей мысли движенія. Живо сознавая противоположность ощущеній тепла и холода, мы тѣмъ самымъ вызывали въ себѣ нерѣшительность, которая парализовала наши дѣйствія, и стремленіе подняться съ постели оставалось въ насъ простымъ *желаніемъ*, не переходя въ *хотѣніе*. Какъ только задерживающая дѣйствіе идея была устранена, первоначальная идея (о необходимости вставать) тотчасъ же вызвала соответствующія движенія. Этотъ случай, мнѣ кажется, заключаетъ въ себѣ въ миниатюрѣ всѣ основныя элементы психологіи хотѣнія. Вѣдь, все ученіе о волѣ, развиваемое мною въ настоящемъ сочиненіи, въ сущности, обосновано мною на обсужденіи фактовъ, почерпнутыхъ изъ личнаго самонаблюденія: эти факты убѣдили меня въ истинности моихъ выводовъ, и потому иллюстрировать вышеприведенныя положенія какими-либо другими примѣрами я считаю излишнимъ. Очевидность моихъ выводовъ подрывается, повидимому, только тѣмъ обстоятельствомъ, что многія моторныя идеи *не сопровождаются* соответствующими дѣйствіями. Но, какъ мы увидимъ ниже, во всѣхъ безъ исключенія подобныхъ случаяхъ одновременно съ данной моторной идеей въ нашемъ сознаніи имѣется какая-нибудь другая идея, которая парализуетъ активность первой. Но даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, когда извѣстное дѣйствіе вслѣдствіе задержки не совершается *воплотить*,

оно всетаки совершается *отчасти*. Вот что говорит Лотце по этому поводу:

«Слѣдя за играющими на биллиардѣ или глядя на фехтующихся, мы производимъ руками слабыя аналогичныя движенія; люди, мало воспитанныя, рассказывая о чемъ-нибудь, непрерывно жестикулируютъ; читая съ интересомъ живое описаніе какого-нибудь сраженія, мы чувствуемъ легкую дрожь во всей мускульной системѣ, какъ будто мы присутствовали при описываемыхъ событіяхъ. Чѣмъ живѣе мы начинаемъ представлять себѣ движенія, тѣмъ замѣтнѣе начинаетъ обнаруживаться вліяніе моторныхъ идей на нашу мускульную систему; оно ослабѣваетъ, по мѣрѣ того какъ сложный комплексъ постороннихъ представленийъ, заполняя сферу нашего сознанія, вытѣсняетъ изъ него тѣ моторныя образы, которые начинали переходить во внѣшніе акты». «Чтеніе мыслей», такъ вошедшее въ моду въ послѣднее время, есть въ сущности отгадываніе мыслей по мускульнымъ сокращеніямъ: подъ вліяніемъ моторныхъ идей мы производимъ иногда даже противъ нашей воли соотвѣтствующія мускульныя сокращенія».

Итакъ, мы можемъ считать вполне достовѣрнымъ слѣдующее положеніе: *Всякое представленіе движенія вызываетъ въ известной степени соотвѣтствующее движеніе, которое всею рѣзче проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда его не задерживаетъ никакое другое представленіе, находящееся одновременно съ первымъ въ сферѣ нашего сознанія.*

Особое рѣшеніе воли, ея согласіе на то, чтобы движеніе было произведено, является въ томъ случаѣ, когда необходимо устранить задерживающее вліяніе этого послѣдняго представленія. Но читатель можетъ теперь убѣдиться, что во всѣхъ болѣе простыхъ случаяхъ въ этомъ рѣшеніи не представляется никакой надобности. Впрочемъ, я сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній по этому поводу, если читатель продолжаетъ раздѣлять общераспространенный предразсудокъ, будто волевой актъ безъ «проявленія силы воли» есть *contradictio in adjecto*. Прежде всего, чтобы понять, что такое волевой актъ, и при какихъ условіяхъ онъ возможенъ безъ особаго рѣшенія воли, надо обратить вниманіе на тотъ фактъ, что *процессъ сознанія по самой природѣ своей импульсивенъ*. Движеніе не есть нѣкоторый особый динамическій элементъ, который долженъ быть *прибавленъ* къ возникшему въ нашемъ сознаніи ощущенію или мысли. Каждое воспринимаемое нами чувственное впечатлѣніе связано съ нѣкоторымъ возбужденіемъ нервной дѣятельности, за которымъ неизменно должно послѣдовать известное движеніе. Наши ощущенія и мысли представляютъ собою, если такъ можно выразиться, пункты пересѣченія нервныхъ токовъ, конечнымъ результатомъ которыхъ является движеніе, и которые, едва успѣвъ возникнуть въ одномъ нервѣ, уже перебѣгаютъ въ другой.

Ходячее мнѣніе, будто сознание не есть по существу своему предварение дѣйствія, но будто послѣднее должно быть результатомъ нашей «силы воли», представляетъ собою естественную характеристику того частнаго случая, когда мы думаемъ объ извѣстномъ актѣ неопредѣленно долгой промежуткомъ времени, не приводя его въ исполненіе. Но этотъ частный случай волевого акта не представляетъ общей нормы; здѣсь мы имѣемъ задержаніе волевого акта противодѣйствующимъ теченіемъ мыслей.

Когда задержка устранена, мы чувствуемъ какое-то внутреннее облегченіе—это и есть тотъ добавочный импульсъ, то рѣшеніе воли, благодаря которому и совершается волевой актъ. Мы сейчас увидимъ, въ чемъ заключается это устраненіе задержки. Въ нашемъ мышленіи высшаго порядка подобные процессы совершаются постоянно. Гдѣ нѣтъ этого процесса, тамъ обыкновенно мысль и двигательный разрядъ непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, безъ всякаго промежуточнаго психическаго акта. *Движеніе есть естественный результатъ чувственнаго процесса, независимо отъ качественнаго содержанія этого процесса и при рефлексѣ, и при отпущеніи проявленіи эмоціи, и при волевой дѣятельности.*

Такимъ образомъ, идео-моторный актъ не исключительное явленіе, значеніе котораго приходилось бы умалять, и для котораго надо подыскивать особое объясненіе. Онъ подходитъ подъ общій типъ сознательныхъ дѣйствій; и мы должны принимать его за исходный пунктъ для объясненія тѣхъ дѣйствій, которымъ предшествуетъ особое рѣшеніе воли.

Замѣчу мимоходомъ, что, вообще говоря, задержаніе движенія, такъ же, какъ и выполненіе, не требуетъ особаго усилія или повелѣнія воли. Но въ частности и для задержанія, и для выполненія дѣйствія можетъ оказаться необходимымъ особое волевое усиліе. Въ простѣйшихъ обыденныхъ случаяхъ наличность въ сознаніи извѣстной идеи можетъ вызвать движеніе, наличность другой идеи—задержать его. Выпрямите палецъ и въ то-же время старайтесь думать, будто вы сгибаете его. Черезъ минуту вамъ почувдится, будто онъ чуть-чуть согнулся, хотя въ немъ и не обнаружилось замѣтнымъ образомъ никакого движенія, такъ какъ мысль о томъ, что *онъ на самомъ дѣлѣ неподвиженъ*, также входила при этомъ въ составъ вашего сознанія. Вывиньте ее изъ головы, подумайте просто только о движеніи пальца—и мгновенно безъ всякаго усилія оно уже сдѣлано вами.

Такимъ образомъ, поведеніе человѣка во время бодрствованія является результатомъ двухъ противоположныхъ нервныхъ силъ. Одни невообразимо тонкіе нервные токи, пробѣгая по мозговымъ клеткамъ и волокнамъ, возбуждаютъ его двигательные центры, другіе столь же невообразимо тонкіе токи вмѣшиваются въ дѣятельность первыхъ, то задерживаютъ, то усиливаютъ ихъ, измѣ-

няя ихъ скорость и направленіе. Въ концѣ-концовъ всѣ эти токи рано или поздно должны быть выпущены черезъ *известные* двигательные центры, и весь вопросъ въ томъ, черезъ какіе именно: въ одномъ случаѣ они проходятъ черезъ одни, въ другомъ— черезъ другіе двигательные центры, въ третьемъ они такъ долго уравниваютъ другъ друга, что постороннему наблюдателю кажется, будто они вовсе не проходятъ черезъ двигательные центры. Такой наблюдатель долженъ однако не забывать, что съ физиологической точки зрѣнія жестъ, сдвиганіе бровей, вздохъ— такія же движенія, какъ и перемѣщеніе тѣла. Перемѣна въ выраженіи лица короля можетъ производить иногда на подданнаго такое же потрясающее дѣйствіе, какъ смертельный ударъ; и наружныя наши движенія, являющіяся результатомъ нервныхъ токовъ, которые сопровождаютъ удивительный невѣсомый потокъ нашихъ идей, не должны непременно быть рѣзки и порывисты, не должны бросаться въ глаза своимъ грубымъ характеромъ.

Обдуманная дѣйствія. Теперь мы можемъ приступить къ выясненію того, что происходитъ въ насъ, *когда мы дѣйствуемъ обдуманно*, или когда передъ нашимъ сознаниемъ находятся нѣсколько объектовъ въ видѣ противодѣйствующихъ одна другой или равно благоприятныхъ альтернативъ. Одинъ изъ этихъ объектовъ мысли можетъ быть моторною идеей. Самъ по себѣ онъ вызвалъ бы движеніе, но нѣкоторые объекты мысли въ данную минуту задерживаютъ его, а другіе, наоборотъ, содѣйствуютъ его выполненію. Въ результатъ получается своеобразное внутреннее чувство безпокойства, известное подъ именемъ *нервнотности*.

Къ счастью, оно слишкомъ хорошо знакомо всякому, описать же его было бы совершенно невозможно.

Пока оно продолжается, и вниманіе наше колеблется между нѣсколькими объектами мысли, мы, какъ говорится, *обдумываемъ*; когда же, наконецъ, первоначальное стремленіе къ движенію одерживаетъ верхъ или окончательно подавлено противодѣйствующими элементами мысли, то мы, какъ говорится, *рѣшаемъ*, предпринимаемъ то или другое волевое рѣшеніе. Объекты мысли, задерживающіе окончательное дѣйствіе или благоприятствующіе ему, называются основаніями или мотивами для даннаго рѣшенія.

Процессъ обдумыванія представляетъ безконечныя степени осложненія. Въ каждое его мгновенье наше сознаніе является чрезвычайно сложнымъ комплексомъ взаимодействующихъ между собою мотивовъ. Вся совокупность этого сложнаго объекта сознается нами нѣсколько смутно, на первый планъ выступаютъ передъ нами то однѣ, то другія его части въ зависимости отъ перемѣнъ въ направленіи нашего вниманія и отъ «ассоціаціоннаго потока» нашихъ идей. Но какъ-бы рѣзко ни выступали передъ нами господствующіе мотивы и какъ-бы ни было близко наступленіе мотор-

*

наго разряда подъ ихъ вліяніемъ, смутно сознаваемые объекты мысли, находящіеся на заднемъ планѣ и образующіе то, что мы назвали выше «психическими обертонами» (см. стр. 124-ю) задерживаютъ дѣйствіе все время, пока длится наша нерѣшительность. Она можетъ тянуться цѣлыя недѣли, даже мѣсяцы, по временамъ овладевая нашимъ умомъ. Мотивы къ дѣйствию, еще вчера казавшіеся столь яркими, столь убѣдительными, сегодня уже представляются блѣдными, лишенными живости. Но ни сегодня, ни завтра дѣйствіе не совершается нами. Что-то подсказываетъ намъ, что все это не имѣетъ рѣшающаго значенія; что мотивы, казавшіеся слабыми, усилятся, а мнимо-сильные потеряютъ всякое значеніе; что мы еще не достигли окончательно равновѣсія между мотивами, что мы въ настоящее время должны ихъ взвѣшивать, не отдавая предпочтенія которому-либо изъ нихъ, и, по возможности, терпѣливо ждать, пока не созрѣетъ въ нашемъ умѣ окончательное рѣшеніе. Это колебаніе между двумя возможными въ будущемъ альтернативами напоминаетъ колебаніе матеріальнаго тѣла въ предѣлахъ его упругости. Въ этомъ случаѣ въ тѣлѣ есть внутреннее напряженіе, но нѣтъ наружнаго разрыва. Подобное состояніе можетъ продолжаться неопредѣленно долго и въ физическомъ тѣлѣ, и въ нашемъ сознаніи. Если дѣйствіе упругости прекратилось, если «плотина прорвана», и нервные токи быстро пронизываютъ мозговую кору, колебанія прекращаются, и наступаетъ неизмѣнное рѣшеніе.

Рѣшимость можетъ проявляться различнымъ образомъ. Я попытаюсь здѣсь дать сжатую характеристику наиболѣе типичныхъ видовъ рѣшимости, предупреждая читателя, что я буду описывать душевныя явленія, почерпнутыя только изъ личнаго самонаблюденія; и что вопросъ о томъ, какая причинность, духовная или матеріальная, управляетъ этими явленіями, будетъ разсмотрѣнъ мною ниже.

Пять главныхъ типовъ рѣшимости. Можно указать пять главныхъ типовъ рѣшимости: *первый можетъ быть названъ типомъ разумной рѣшимости*. Мы проявляемъ ее въ тѣхъ случаяхъ, когда противодѣйствующіе мотивы начинаютъ понемногу ступевываться, оставляя мѣсто одной какой-нибудь альтернативѣ, которую мы принимаемъ безъ всякаго усилія и принужденія. До наступленія того момента, когда раціональная оцѣнка произведена, мы спокойно сознаемъ, что необходимость дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи еще не стала очевидной, и это удерживаетъ насъ отъ дѣйствія. Но въ одинъ прекрасный день мы вдругъ начинаемъ сознавать, что мотивы для дѣйствія основательны; что никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій по этому вопросу нечего ожидать, и что *теперь* именно пора дѣйствовать. Въ этихъ случаяхъ переходъ отъ сомнѣнія къ увѣренности переживается нами совершенно пассивнымъ образомъ; намъ кажется, что «разумныя основанія» для дѣйствія вытекаютъ какъ-то сами собой изъ сути дѣла, совершен-

но независимо от нашей воли. Впрочем, мы при этом не испытываем никакого чувства принуждения, сознавая все время себя совершенно *свободными*. Разумное основание, находимое нами для известного действия, большею частью, заключается в томъ, что мы подыскиваемъ для настоящаго случая подходящій классъ случаевъ, при которыхъ мы привыкли уже действовать не колеблясь по известному шаблону. Можно сказать вообще, что обсужденіе мотивовъ, по большей части, заключается въ перебираниі всѣхъ возможныхъ альтернативъ, съ цѣлью отыскать такую, подъ которую можно было бы подвести нашъ образъ действия въ данномъ случаѣ. Наши сомнѣнія относительно образа действия разсѣиваются въ ту минуту, когда намъ удается отыскать такую альтернативу, которая связана съ привычными для насъ способами действовать. Люди съ большимъ запасомъ опыта, которымъ приходится ежедневно предпринимать множество рѣшеній, постоянно имѣютъ въ головѣ множество рубрикъ, изъ которыхъ каждая связана съ известными волевыми актами, и каждый новый поводъ къ определенному рѣшенію они стараются, по возможности, подвести подъ хорошо знакомую схему. Если данный случай не подходитъ ни подъ одинъ изъ прежнихъ, если къ нему не приложимы старыя рутинныя приемы, то мы терзаясь и недоумѣваемъ, не зная, какъ взяться за дѣло. Какъ только намъ удалось квалифицировать данный случай, рѣшимость снова возвращается къ намъ. *Такимъ образомъ, въ дѣятельности, какъ и въ мышленіи, важно подыскать соответствующій данному случаю концептъ.* Конкретныя дилеммы, съ которыми намъ въ жизни приходится сталкиваться, не имѣютъ на себѣ готовыхъ ярлыковъ съ соответствующими названіями, и мы можемъ называть ихъ весьма различно. Умный человекъ—тотъ, кто умѣетъ подыскать для каждаго отдѣльнаго случая наиболѣе соответствующее названіе. Мы называемъ «разсудительнымъ» такого человека, который, твердо намѣтивъ себѣ достойныя цѣли въ жизни, не предпринимаетъ на одного действия безъ того, чтобы предварительно не опредѣлить, благопріятствуетъ ли оно достиженію этихъ цѣлей или нѣтъ.

Въ слѣдующихъ двухъ типахъ рѣшимости конечное рѣшеніе воли возникаетъ до появленія увѣренности въ томъ, что оно разумно. Нерѣдко случается, что ни для одной изъ данныхъ альтернативъ намъ не удается подыскать разумнаго основанія, сообщающаго ей преимущество передъ другими. Всѣ альтернативы кажутся хороши, и мы совершенно лишены возможности разсудить, которая изъ нихъ наиболѣе благопріятна. Колебаніе и нерѣшительность утомляютъ насъ, и можетъ, наконецъ, наступить такой моментъ, когда мы рѣшимъ, что лучше ужъ предпринять неудачное рѣшеніе, чѣмъ не предпринимать никакого. При такихъ условіяхъ нерѣдко бываетъ такъ, что какое-нибудь случайное обстоятельство, появив-

пись передъ нами въ моментъ нерѣшительности, нарушаетъ равновѣсіе, сообщивъ одной изъ альтернативъ перевѣсъ надъ другими, и мы начинаемъ склоняться въ ея сторону, хотя, подвергшись намъ на глаза въ эту минуту другое случайное обстоятельство—и конечный результатъ былъ бы совершенно иной.

Второй типъ рѣшимости представляютъ тѣ случаи, въ которыхъ мы какъ-бы преднамѣренно отдаемся на произволъ судьбы, поддаваясь влиянію *внѣшнихъ* случайныхъ обстоятельствъ и думая, что, какое бы рѣшеніе мы ни предприняли, конечный результатъ во всякомъ случаѣ будетъ довольно благопріятный. *Въ третьемъ типѣ* рѣшеніе наше также является результатомъ случайности, но случайности, дѣйствующей не извнѣ, а *въ насъ самихъ*. Нерѣдко при отсутствіи побудительныхъ причинъ дѣйствовать въ томъ или другомъ направленіи, мы, чтобы избѣжать непріятнаго чувства смущенія и нерѣшительности, начинаемъ дѣйствовать автоматически, какъ будто въ нашихъ нервахъ разряды совершались самопроизвольно, побуждая насъ дѣйствовать въ направленіи одной изъ представлявшихся намъ альтернативъ. Послѣ томительнаго бездѣйствія стремленіе къ движенію привлекаетъ насъ; мы говоримъ мысленно: «Впередъ! а тамъ будь, что будетъ!» и живо принимаемъ дѣйствовать. Это—безпечное, веселое проявленіе энергіи, до того непредумышленное, что мы въ такихъ случаяхъ являемъ скорѣе пассивными зрителями, забавляющимися созерцаніемъ случайно дѣйствующихъ на насъ внѣшнихъ силъ, чѣмъ лицами, дѣйствующими по собственному произволу. Такое мятежное, порывистое проявленіе энергіи у лицъ вялыхъ и хладнокровныхъ рѣдко наблюдается. Наоборотъ, у лицъ съ сильнымъ эмоціональнымъ темпераментомъ и въ то-же время нерѣшительнаго характера оно, быть можетъ, представляетъ весьма частое явленіе. У міровыхъ гениевъ (вродъ Наполеона, Лютера и т. п.), въ которыхъ упорная страсть сочетается съ кипучимъ стремленіемъ къ дѣятельности, въ тѣхъ случаяхъ, когда колебанія и предварительныя соображенія задерживаютъ свободное проявленіе страсти, окончательная рѣшимость дѣйствовать, вѣроятно, прорывается именно такимъ стихійнымъ образомъ; такъ струя воды совершенно неожиданно прорываетъ плотину. Что у подобныхъ личностей часто наблюдается именно такой образъ дѣйствія, это служить уже достаточнымъ указаніемъ на ихъ фаталистическій образъ мыслей. А такой образъ мыслей сообщаетъ особенную силу начинающемуся въ моторныхъ центрахъ нервному разряду.

Есть еще *четвертый типъ рѣшимости*, который такъ же неожиданно полагаетъ конецъ всякимъ колебаніямъ, какъ и третій. Къ нему относятся тѣ случаи, когда подъ влияніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ или какой-то необъяснимой внутренней перемены въ образѣ мыслей мы внезапно *изъ легкомысленнаго и беззаботнаго состоянія духа переходимъ въ серьезное, сосре-*

допущенное. Въ такихъ случаяхъ значеніе всей сѣлы цѣнностей нашихъ мотивовъ и стремленій подвергается перемѣнѣ, аналогичной съ тою перемѣною, которая происходитъ въ нашемъ кругозорѣ, когда мы измѣняемъ наше положеніе по отношенію къ плоскости горизонта.

Объекты страха и печали дѣйствуютъ особенно отрезвляющимъ образомъ. Проникая въ сферу нашего сознанія, они парализуютъ вліяніе легкомысленной фантазіи и сообщаютъ особенную силу серьезнымъ мотивамъ. Въ результатѣ мы покидаемъ разные пошлые планы на будущее, которыми тѣшили до сихъ поръ наше воображеніе, и немедленно проникаемся болѣе серьезными и важными стремленіями, которые до той поры не привлекали насъ къ себѣ. Къ этому типу рѣшимости слѣдуетъ отнести всѣ случаи такъ называемаго «нравственнаго перерожденія» и «пробужденія совѣсти» и т. п., благодаря которымъ происходитъ духовное обновленіе многихъ изъ насъ. Въ личности вдругъ происходитъ «измѣненіе уровня», и сразу появляется рѣшимость дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи.

Въ *пятомъ* и *последнемъ* типѣ рѣшимости для насъ можетъ вазаться наиболѣе рациональнымъ извѣстный образъ дѣйствія, но мы можемъ и не имѣть въ пользу него разумныхъ основаній. Въ обоихъ случаяхъ, рѣшаясь дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ, мы чувствуемъ, что окончательное совершеніе дѣйствія обусловлено произвольнымъ актомъ нашей воли; въ первомъ случаѣ мы импульсомъ нашей воли сообщаемъ силу извѣстному разумному мотиву, который самъ по себѣ былъ бы не въ состояніи произвести нервный разрядъ; въ последнемъ случаѣ мы усилиемъ воли, замѣняющимъ здѣсь санцію разума, придаемъ извѣстному мотиву преобладающее значеніе. Ощущаемое при этомъ глухое напряженіе воли, составляетъ характеристическую черту этого типа рѣшимости, отличающую его отъ остальныхъ четырехъ типовъ. Мы еще не будемъ здѣсь оцѣнивать значенія этого напряженія воли съ метафизической точки зрѣнія и не будемъ обсуждать вопроса, слѣдуетъ ли обособлять эти напряженія воли отъ тѣхъ мотивовъ, которыми мы руководствуемся въ нашихъ дѣйствіяхъ. Съ субъективной и феноменальной точки зрѣнія здѣсь имѣется на-лицо *чувство усилія*, котораго не было въ предшествующихъ типахъ рѣшимости. Это усиліе представляетъ всегда непріятный актъ, связанный съ какимъ-то сознаніемъ нравственнаго одиночества; такъ бываетъ и въ томъ случаѣ, когда во имя чистаго священнаго долга мы сурово отрѣкаемся отъ всѣхъ земныхъ благъ, и въ томъ случаѣ, когда мы твердо рѣшаемся считать одну изъ представляющихся альтернативъ невозможной для насъ на будущее время, а другую—подлежащей осуществленію, хотя бы каждая изъ нихъ была равно привлекательна, и хотя бы никакое внѣшнее обстоятельство не побуждало

насъ отдать которой-нибудь изъ нихъ предпочтеніе. При болѣе внимательномъ анализѣ этого типа рѣшимости оказывается, что онъ отличается отъ предъидущихъ типовъ слѣдующею чертою: въ остальныхъ видахъ рѣшимости въ моментъ выбора одной альтернативы мы упускаемъ или почти упускаемъ изъ виду другую, здѣсь же мы все время не теряемъ изъ виду ни одной изъ представляющихся альтернативъ; отвергая одну изъ альтернативъ, мы тѣмъ самымъ дѣлаемъ для себя яснымъ, что именно въ эту минуту мы теряемъ. При этомъ мы, такъ сказать, преднамѣренно возаемъ иглу въ свое тѣло, и чувство *внутренняго усилія*, сопровождающее этотъ актъ, представляетъ въ этомъ типѣ рѣшимости такой своеобразный элементъ, который рѣзко отдѣляетъ его отъ всѣхъ остальныхъ типовъ и дѣлаетъ его психическимъ явленіемъ *sui generis*. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ наша рѣшимость не сопровождается чувствомъ усилія. Я думаю, мы бываемъ склонны считать чувство усилія болѣе частымъ психическимъ явленіемъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе того, что *во время обдумыванія* рѣшенія мы нерѣдко сознаемъ, какъ велико должно бы было быть усиліе для насъ *теперь*, если бы мы захотѣли реализовать извѣстное рѣшеніе. Позднѣе, когда дѣйствіе совершено нами безъ всякаго усилія, мы вспоминаемъ о приведенномъ выше соображеніи и ошибочно заключаемъ, что усиліе было дѣйствительно сдѣлано нами.

Существованіе такого психическаго явленія, какъ чувство усилія, ни въ какомъ случаѣ нельзя отвергать или подвергать сомнѣнію. Но относительно его значенія господствуетъ большое разногласіе во взглядахъ. Съ уясненіемъ его значенія связано рѣшеніе такихъ важныхъ вопросовъ, какъ самое существованіе духовной причинности, какъ проблема свободы воли и всеобщаго детерминизма. Въ виду этого, намъ необходимо обслѣдовать съ особенной тщательностью тѣ условія, при которыхъ мы испытываемъ чувство волевого усилія.

Чувство усилія. Когда я немного выше утверждалъ, что *сознаніе* (или связанное съ нимъ нервныя процессы) *по самой природѣ своей импульсивно*, мнѣ слѣдовало бы добавить *при достаточной степени интенсивности*. Состоянія сознанія весьма различаются по способности вызывать движеніе. Интенсивность нѣкоторыхъ ощущеній на практикѣ бываетъ бессильною вызвать замѣтныя движенія, интенсивность другихъ ощущеній влечетъ за собою видимыя движенія. Говоря «на практикѣ», я хочу сказать «при обыкновенныхъ условіяхъ». Такими условіями могутъ быть привычныя остановки въ дѣятельности, каково, напримѣръ, пріятное чувство *dolce far niente*, вызывающее въ каждомъ изъ насъ извѣстную степень лѣни, которую можно преодолѣть только при помощи энергичнаго усилія воли; таково чувство прирожденной инертности, чувство внутренняго сопротивленія, оказываемаго самыми нервными цент-

рами, сопротивленія, которое дѣлаетъ разрядъ невозможнымъ, пока дѣйствующая сила не достигла известной степени напряженія и не перешла за ея границу. Условія эти бываютъ различны у различныхъ лицъ и у того же лица въ различное время. Инертность нервныхъ центровъ можетъ то увеличиваться, то уменьшаться, и соотвѣтственно этому привычныя задержанія дѣйствія то возрастать, то ослабѣвать. Наряду съ этимъ должна измѣняться интенсивность известныхъ процессовъ мысли и стимуловъ, и известные ассоціаціонныя пути становятся то болѣе, то менѣе проходимыми. Отсюда становится понятнымъ, отчего такъ измѣнчива способность вызывать импульсъ къ дѣйствию у однихъ мотивовъ, сравнительно съ другими. Когда слабѣе дѣйствующіе при нормальныхъ условіяхъ мотивы становятся сильнѣе дѣйствующими, а сильнѣе дѣйствующіе при нормальныхъ условіяхъ мотивы начинаютъ слабѣе дѣйствовать, то дѣйствія, совершаемыя обыкновенно безъ усилія, воздержаніе отъ дѣйствія, обыкновенно не сопряженное съ трудомъ, становятся или невозможными, или совершаются только при затратѣ усилія (если вообще совершаются въ такомъ случаѣ). Это выяснится намъ при болѣе подробномъ анализѣ чувства усилія.

Здоровая воля. Есть известная нормальная степень импульсивной силы въ различныхъ психическихъ мотивахъ, которая характеризуетъ здоровое состояніе человеческой воли, а отклоненія отъ этой степени возможны только въ исключительныхъ случаяхъ у ненормальныхъ индивидовъ. Душевные состоянія, связанные обыкновенно съ наибольшей степенью импульсивной силы, суть: во первыхъ, объекты страстей, влеченій и эмоцій—короче сказать, объекты инстинктивной реакціи, во-вторыхъ, пріятныя или непріятныя чувства и идеи, въ третьихъ, идеи, которымъ мы въ силу какого-нибудь основанія привыкли повиноваться, такъ что въ насъ укоренилась привычка руководствоваться ими въ дѣйствіяхъ, наконецъ, въ четвертыхъ, это—впечатлѣнія, непосредственно воспринимаемыя отъ даннаго объекта или близкія по пространству и времени. Сравнительно съ этими разнородными побужденіями къ дѣятельности, всѣ отдаленныя соображенія, крайне отвлеченные концепты, непривычные доводы и мотивы, не соотвѣтствующіе состоянію развитія нашихъ инстинктовъ въ данную минуту, лишены импульсивной силы или обладаютъ ею въ крайне слабой степени. Въ тѣхъ случаяхъ, когда они одерживаютъ верхъ, то непременно сопровождаются усиліемъ, и, такимъ образомъ, нормальное состояніе воли въ отличіе отъ патологическаго характеризуется тѣмъ, что применение усилія ограничивается сферою неинстинктивныхъ мотивовъ, всякій разъ когда послѣдніе нужно сдѣлать руководящими нашимъ поведеніемъ.

Здоровье воли обусловлено известной степенью осложненія въ тѣхъ психическихъ процессахъ, которые предшествуютъ волевому

рѣшенію или дѣйствию. Каждый стимулъ, каждая идея, порождающая известныя импульсы, должна наряду съ этими вызвать другія идеи и *связанныя съ ними* характеристическія импульсы, и затѣмъ уже только должно наступить самое дѣйствіе ни слишкомъ поздно, ни слишкомъ преждевременно, являясь конечнымъ результатомъ цѣлаго ряда взаимодействующихъ силъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе наступило быстро, при нормальномъ порядкѣ вещей необходимо еще предварительный обзоръ поля дѣйствія и окончательный выборъ пути до наступленія реакціи. Когда воля здорова, эта *окончательная оцѣнка мотивовъ бываетъ верной* (т. е. мотивы находятся въ нормальномъ, привычномъ отношеніи другъ къ другу), и *дѣйствіе совершается въ надлежащемъ направленіи*.

Такимъ образомъ, болѣзни воли возникаютъ весьма различными путемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе наступаетъ слишкомъ быстро вслѣдъ за вызывающимъ его мотивомъ, не давая времени развиться задерживающимъ ассоціаціямъ,—мы имѣемъ *стремительную волю*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ассоціаціи появляются, но нормальное отношеніе между импульсивными и задерживающими факторами нарушено—мы имѣемъ *извращеніе воли*. Извращеніе воли можетъ быть въ свою очередь обусловлено весьма различными причинами: избыткомъ или недостаткомъ интенсивности въ томъ или другомъ психическомъ процессѣ, избыткомъ или недостаткомъ инертности различныхъ нервныхъ центровъ, наконецъ, избыткомъ или недостаткомъ задерживающей силы. *Сравнивая между собою эти два вида проявленія извращенія воли, мы можемъ раздѣлить его на два вида; въ одномъ изъ нихъ нормальные акты воли невозможны, въ другомъ неудержимо совершаются ненормальные акты. Короче сказать, мы можемъ назвать первый видъ извращенія воли пониженной активностью воли, второй—повышенной активностью воли.*

Впрочемъ, зная, что конечный результатъ зависитъ отъ *отношенія*, существующаго въ данную минуту между задерживающими и вызывающими его силами, мы поймемъ, что невозможно по однимъ внѣшнимъ проявленіямъ опредѣлить, какова *элементарная* причина извращенія воли у даннаго лица, обусловлено ли извращеніе воли недостаточностью или чрезмѣрностью какого-нибудь изъ факторовъ, въ совокупности порождающихъ данное дѣйствіе. Повышенная активность воли можетъ быть результатомъ, какъ потери способности дѣйствовать импульсивнымъ путемъ въ известномъ направленіи, такъ и результатомъ приобрѣтенія способностей дѣйствовать импульсивнымъ путемъ въ новыхъ направленіяхъ; равнымъ образомъ, можно утратить способность къ известнымъ импульсамъ вслѣдствіе ослабленія первоначальныхъ стремленій или вслѣдствіе образованія новыхъ стремленій и новыхъ путей нервного разряда. Д-ръ Клоустонъ (Clouston) говоритъ: «Или ѣздокъ можетъ быть такъ слабъ, что не будетъ въ состояніи править хо-

рошо объѣзженной лошадыю, или лошадь такъ тогоузда, что никакой ѣздокъ съ нею не справится».

Повышенная активность воли. 1) Отъ недостаточнаго задержанія движеній. Повышенная активность воли наблюдается у лицъ вполне нормальныхъ, у которыхъ импульсы къ движенію вызываютъ нервный разрядъ такъ быстро, что задерживающіе движеніе токи не успѣваютъ возникнуть. Сюда относятся люди съ крайне подвижнымъ и горячимъ темпераментомъ, вѣчно оживленные и разговорчивые, люди, которыми изобилуютъ славянская и кельтская расы, и съ которыми представляютъ столь рѣзкій контрастъ хладнокровные, тяжелые на подъемъ англичане. Эти люди кажутся намъ похожими на вѣчно прыгающихъ обезьянъ, а мы имъ представляемъ неповоротливыми земноводными. Если взять двухъ индивидовъ, одного—съ повышенной, другого—съ пониженной активностью воли, то никакъ нельзя рѣшить, который изъ нихъ располагаетъ большимъ количествомъ жизненной энергіи. Подвижный итальянецъ, одаренный живою восприимчивостью и впечатлительнымъ умомъ; способенъ произвести своими талантами необычайный эффектъ на окружающихъ, «показать товаръ лицомъ», между тѣмъ какъ сдержанный янки, не уступая, быть можетъ, въ талантахъ итальянцу, будетъ скрывать ихъ въ глубинѣ души, и вы едва съумѣете ихъ обнаружить. Такой итальянецъ будетъ душою общества: онъ поетъ, произноситъ рѣчи, руководитъ общественными увеселеніями, охотно готовъ подшутить надъ кѣмъ-нибудь, приволонуться, принять участіе въ дуэли, а въ случаѣ несчастія, въ случаѣ разрушенія надеждъ и плановъ такъ ведетъ себя, что постороннему наблюдатель кажется, будто энергіи у этого человѣка неизмѣримо больше, сравнительно съ какимъ-нибудь благоразумнымъ и сдержаннымъ юношей. Но послѣдній можетъ обладать совершенно такими-же способностями и быть готовымъ каждую минуту проявить ихъ, если-бы задерживающіе центры не препятствовали этому. Отсутствіе предварительныхъ соображеній, колебаній, проявленіе въ каждую данную минуту удивительно упрощеннаго душевнаго склада: сообщаютъ этому типу людей съ повышенной активностью воли необыкновенную энергію и непринужденность въ дѣйствіи; ихъ страсти, мотивы и стремленія не должны достигать особенно большой интенсивности, чтобы вызвать моторный разрядъ. Съ постепеннымъ ходомъ умственнаго развитія человѣчества сложность душевнаго склада возрастаетъ все болѣе и болѣе, и на-ряду съ нею возрастаетъ и число мотивовъ, задерживающихъ тотъ или другой импульсъ.

Какъ много мы—англичане—теряемъ въ непринужденности нашей рѣчи только потому, что привыкли всегда говорить правду: Преобладаніе задержанія дѣйствій имѣетъ свою хорошую и дурную стороны; если человѣкъ выполняетъ дѣйствія въ общемъ и

хорошо, и быстро; если онъ при этомъ мужественно принимаетъ въ соображеніе всѣ слѣдствія своихъ поступковъ и обладаетъ достаточнымъ умомъ, чтобы съ успѣхомъ достигнуть цѣли, то ему остается только благодарить судьбу за подвижный характеръ, побуждающій его дѣйствовать, недолго думая. Въ исторіи можно встрѣтить немало полководцевъ и революціонеровъ, принадлежавшихъ къ этому подвижному и немногосложному импульсивному типу людей. Трудныя и сложныя проблемы преимущественно бывають по плечу лишь лицамъ рефлексивнаго, сдержаннаго типа. Лица же импульсивнаго типа способны иногда осуществлять болѣе широкіе замыслы и избѣгать многихъ ошибокъ, совершаемыхъ обыкновенно лицами рефлексивнаго типа. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда они дѣйствуютъ безошибочно, или когда они умѣютъ постоянно поправлять свои ошибки, они являются одними изъ самыхъ цѣнныхъ и необходимыхъ дѣятелей на пользу человѣчества.

У дѣтей при истощеніи и въ нѣкоторыхъ другихъ патологическихкихъ случаяхъ дѣятельность задерживающихъ центровъ можетъ оказаться слишкомъ слабой, чтобы предупреждать наступленіе импульсивнаго разряда. При такихъ условіяхъ лицо съ пониженной активностью воли можетъ на время оказаться принадлежащимъ къ провотиволожному типу волевой активности. У другихъ лицъ (сюда принадлежатъ страдающіе истеріей, эпилептиками, преступники, относящіеся къ классу душевно-больныхъ, которыхъ французскіе психологи называютъ: *Dégénérés*) наблюдается въ нервномъ механизмѣ недостатокъ, заключающійся въ томъ, что моторныя идеи въ нихъ вызываютъ активность воли прежде, чѣмъ задерживающіе центры успѣютъ проявить свою дѣятельность. У лицъ съ нормальною волей отъ рожденія дурныя привычки могутъ создать для этого благоприятныя условія въ особенности въ сферѣ импульсовъ извѣстнаго характера. Переспросите половину знакомыхъ вамъ пьяницъ, что побуждаетъ ихъ такъ часто отдаваться соблазну, и большинство изъ нихъ скажетъ вамъ, что они сами этого не знаютъ. Для нихъ запой—родъ припада.

Нервные центры пьяницы пріобрѣли способность расслабляться извѣстнымъ образомъ, всякій разъ какъ ему попадаетъ на глаза бутылка водки. Не вкусъ водки привлекаетъ его, она можетъ даже казаться ему сама по себѣ отвратительной; неприятная перспектива похмѣлья на другой день представляется ему въ моментъ выпивки очень живо. Но, видя водку, пьяница уже чувствуетъ, что онъ противъ своей воли принимается пить ее; больше этого никто изъ пьяницъ не можетъ сказать. Подобнымъ же образомъ, человѣкъ можетъ всю жизнь предаваться половымъ излишествамъ, причемъ стимуломъ для этого, повидимому, нерѣдко бываетъ не сила чувственныхъ побужденій, а скорѣе просто мысль о возможности удовлетворять имъ. Такое лицо можетъ быть даже совершеннымъ импотен-

томъ въ физическомъ отношеніи. У лицъ съ подобнымъ складомъ характера нервные пути, проводящіе естественные (или противоестественные) импульсы, такъ ослаблены, что самая слабая степень нервного возбужденія вызываетъ уже окончательную реакцію. Явленіе это называется въ патологіи: «ослабленная раздражимость». Періодъ скрытаго внутренняго возбужденія при раздраженіи нервныхъ центровъ въ данномъ случаѣ такъ коротокъ, что интенсивность напряженія въ нихъ не успѣваетъ возрасти до надлежащей степени, вслѣдствіе чего, не смотря на значительное наружное проявленіе активности, чувственное возбужденіе при этомъ можетъ быть очень мало. Подобное нарушеніе внутренняго равновѣсія между нервными центрами особенно часто развивается у лицъ съ истерическимъ темпераментомъ. Эти лица могутъ, повидимому, проявлять самое искреннее и глубокое отвращеніе къ поведенію извѣстнаго рода, но минутою спустя подъ вліяніемъ соблазна всецѣло отдаются овладавшей ими страсти.

2) Отъ чрезмѣрной силы импульса. Но, съ другой стороны, безпорядочный импульсивный образъ дѣйствія можно наблюдать и въ тѣхъ случаяхъ, когда нервныя ткани сохранили нормальную степень внутренняго напряженія, а задерживающіе центры дѣйствуютъ правильно или даже съ чрезмѣрной силой. Въ такихъ случаяхъ *сила импульсивной идеи ненормально велика*, благодаря чему, то, что при другихъ обстоятельствахъ промелькнуло бы въ качествѣ простой возможности дѣйствія, вызываетъ страстное неудержимое стремленіе къ дѣйствию. Въ сочиненіяхъ по психіатріи можно найти многочисленныя примѣры подобныхъ неотвязчивыхъ идей, въ страстной борьбѣ съ которыми больной нерѣдко изнемогаетъ до самой смерти своей.

Нормальные люди не могутъ составить себѣ понятія о той неудержимой силѣ, съ какою дипсоманъ или опіоманъ стремятся удовлетворить своей страсти. «Поставьте въ одномъ углу комнаты меня, въ другомъ—бутылку рому, а въ промежуткѣ между нами стрѣляйте непрерывно изъ пушекъ—и все-таки я перебѣгу черезъ комнату, чтобы достать бутылку». «Если бы съ одной стороны около меня стояла бутылка водки, а съ другой были бы открыты врата ада, и если бы я зналъ, что, выпивъ одинъ стаканъ, я немедленно попаду въ адъ, то и тогда я не отказался бы выпить»,—вотъ что говорятъ очень многіе дипсоманы. Д-ръ Муссей (въ Цвинциннати) сообщаетъ слѣдующій случай:

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одинъ изъ домовъ призрѣнія въ Цвинциннати былъ помѣщенъ горькій пьяница. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ всячески пытался раздобыть рому, но безуспѣшно. Наконецъ, онъ придумалъ для этого способъ, который оказался удачнымъ. При богадѣльнѣ находился деревяной дворъ; прійдя на этотъ дворъ, пьяница, взявъ въ одну руку топоръ, а

другую положилъ на деревянную колоду и единымъ взмахомъ топора отрубилъ себѣ кисть руки. Приподнявъверху обрубокъ руки, изъ котораго лилась потокомъ кровь, онъ вбѣжалъ въ домъ съ крикомъ: «Рому! скорѣе рому! Я отрубилъ себѣ руку!» Поднялась суматоха, тотчасъ принесли чашку рому; пьяница погрузилъ въ нее окровавленный обрубокъ руки, а затѣмъ быстро подналъ чашку ко рту, выпилъ залпомъ ея содержимое и радостно закричалъ: «Ну, теперь я доволенъ!» Д-ръ рассказываетъ о другомъ пьяницѣ, который, когда его лечили отъ запоя, въ теченіе мѣсяца тихонько попивалъ алкоголь изъ шести банокъ со спиртными препаратами. Когда докторъ спросилъ его, что побудило его къ такому омерзительному поступку, онъ отвѣчалъ: «Сэръ, я также не властенъ обуздать мою болѣзненную страсть къ вину, какъ не властенъ остановить біенія моего сердца».

Нерѣдко неотвязчивая идея можетъ быть весьма невиннаго свойства, но тѣмъ не менѣе, овладѣвъ извѣстнымъ человѣкомъ, она можетъ буквально извести его. Напримѣръ, человѣкъ чувствуетъ, что руки у него грязны, что ихъ надо вымыть. Онъ знаетъ, что онѣ чисты, но, чтобы отвязаться отъ несносной мысли, онъ моетъ ихъ. Однако черезъ минуту та-же мысль снова возвращается, и несчастный больной, не страдающій нисколько умопомраченіемъ, по невогѣ долженъ проводить цѣлые дни у умывальника. Другому человѣку кажется, что онъ надѣлъ платье «не такъ, какъ слѣдуетъ»; чтобы отдѣлаться отъ этой мысли, онъ раздѣвается и снова одѣвается, и въ концѣ-концовъ тратитъ на свой туалетъ два—три часа. У большинства нормальныхъ людей имѣются болѣзненные предрасположенія, аналогичныя приведеннымъ случаямъ. Кто изъ насъ иногда, легши вечеромъ въ постель, не начиналъ думать: «Заперъ я наружную дверь или нѣтъ? Загасилъ ли я лампу въ прихожей?» И большинство изъ насъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно встаетъ, не столько для того, чтобы провѣрить, сдѣлано ли все, что нужно, сколько для того, чтобы избавиться отъ закраивающагося въ душу сомнѣнія и спокойно заснуть.

Пониженная активность воли. Описанные нами случаи, въ которыхъ импульсъ къ дѣйствию слишкомъ силенъ или задержаніе дѣйствія недостаточно велико, представляютъ рѣзкій контрастъ съ тѣми случаями, когда импульсъ къ дѣйствию слишкомъ слабъ или задержаніе его слишкомъ велико. На стр. 169-й мы описали то душевное состояніе, при которомъ мы на нѣсколько минутъ теряемъ способность сосредоточиться на чемъ-нибудь, и наше вниманіе разсѣивается.

Въ такихъ случаяхъ мы сидимъ, безцѣльно уставивъ глаза въ пространство, и ничего не дѣлаемъ. Ничто не задерживаетъ насъ за живое, вышнія впечатлѣнія не привлекаютъ нашего вниманія. Они воспринимаются нами, но не настолько живо, чтобы вызы-

вать въ насъ какой-либо интересъ. Это индифферентное отношеніе къ *нѣкоторой части* объектовъ, входящихъ въ данную минуту въ сферу нашего сознанія, представляетъ нормальное явленіе у всѣхъ насъ. Сильное утомленіе или истощеніе можетъ вызвать у насъ такое же отношеніе почти во всему содержанію нашего сознанія; апатія, сходная съ этимъ послѣднимъ состояніемъ духа, называется психіатрами *абумія* и считается душевною болѣзью. Для нормальнаго состоянія воли, какъ я замѣтилъ выше, необходимо, чтобы мы отчетливо сознавали сферу каждаго нашего дѣйствія и, руководствуясь ею, выполняли послѣднее. Но при душевной болѣзни сфера нашего дѣйствія можетъ оказаться совершенно оставленной безъ вниманія, въ такихъ случаяхъ, несмотря на неповрежденность умственныхъ способностей, дѣйствіе или вовсе не выполняется, или выполняется ненадлежащимъ образомъ. «*Video meliora proboque, deteriora sequor*» — вотъ классическая характеристика такого душевнаго состоянія.

Въ нашей нравственной жизни трагическое обусловлено главнымъ образомъ тѣмъ, что нормальная связь между сознаніемъ истиннаго плана дѣйствія и его осуществленіемъ порвалась, и тѣмъ, что извѣстныя идеи никакъ не могутъ возбудить въ насъ живого стремленія къ ихъ реализаціи. Люди не такъ различаются между собою по складу чувствъ и мыслей, какъ по образу дѣйствія. Ихъ идеалы, мотивы ихъ дѣйствій далеко не такъ различаются между собой, какъ это можно было бы подумать при видѣ того, какъ различна бываетъ ихъ судьба. Никто не чувствуетъ такъ живо разницы между благородными и низкими путями въ жизни, какъ разные горькіе неудачники, мечтатели, составители неосуществимыхъ проектовъ, спившіеся съ круга таланты etc., жизнь которыхъ вся представляетъ одно сплошное противорѣчіе между знаніемъ и дѣйствіемъ, и которые при всѣхъ своихъ познаніяхъ оказываются безсильными исправить свой жадкій характеръ. Иные изъ нихъ обладаютъ чрезвычайно большими познаніями; въ тонкости нравственнаго чувства они далеко превосходятъ добропорядочнаго, довольнаго судьбой буржуа, который такъ возмущается ихъ недостойнымъ поведеніемъ. И тѣмъ не менѣе это — существа, вѣчно недовольныя, вѣчно жалующіяся на свою горькую участь; они постоянно высказываютъ свои догадки, соображенія, протестуютъ противъ чего-нибудь, вѣчно колеблются, никогда не предпринимаютъ окончательныхъ рѣшеній, обо всемъ разсуждаютъ въ минорномъ тонѣ, ограничиваясь выраженіемъ своихъ желаній и требованій; страхнуть съ себя апатію и бодро приняться за работу такіе люди совершенно неспособны. Можно предположить, что въ такихъ характерахъ, какъ Руссо и Рестифъ, низменные импульсы къ дѣятельности были преобладающими въ жизни. Эти импульсы для подобныхъ людей какъ будто исключаютъ всякую возможность

болѣе благороднаго склада жизни. Наряду съ низменными импульсами у нихъ имѣются въ изобиліи болѣе благородные мотивы къ дѣятельности, но эти мотивы являются совершенно безсильными и не оказываютъ никакого вліянія на ихъ поведеніе, какъ не оказываютъ никакого вліянія на быстро мчащійся поѣздъ крики стоящаго у полотна дороги пѣшехода, который проситъ посадить его. До конца жизни такіе мотивы являются бесполезнымъ балластомъ; и то чувство душевной пустоты, которое начинаешь все чаще и чаще испытывать, видя постоянно, какъ люди съ благороднѣйшими чертами характера совершаютъ наихудшіе поступки, это чувство—одно изъ самыхъ тягостныхъ чувствъ, какое можетъ испытывать человекъ въ нашемъ печальномъ мірѣ.

Усиліе сознается нами, какъ нѣкоторый первичный факторъ. Теперь намъ легко видѣть, когда въ составъ волевого акта входитъ чувство усилія. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мотивы, болѣе рѣдкіе, болѣе идеальнаго характера, должны одержать перевѣсъ надъ мотивами болѣе привычнаго, импульсивнаго характера, когда нужно подавить порывистыя стремленія, или преодолѣть значительныя препятствія къ дѣйствию. «Une âme bien née», счастливое дитя, которому судьба покровительствуетъ отъ самаго рожденія, щедро одаривъ его всякими благами, рѣдко прибѣгаетъ въ жизни къ усиліямъ воли. Но герои постоянно ими пользуются, а съ другой стороны также и нервные люди часто нуждаются въ усиліяхъ воли. При всѣхъ этихъ условіяхъ мы представляемъ себѣ произвольное усиліе воли въ видѣ активнаго напряженія, сообщающаго свою силу тѣмъ мотивамъ, которые въ концѣ-концовъ одерживаютъ верхъ. Когда на наше тѣло дѣйствуютъ внѣшнія силы, мы говоримъ, что въ результатъ получается движеніе по линіи наибольшаго давленія или наименьшаго сопротивленія. Но любопытно, что, съ обыденной точки зрѣнія, усиліе при волевоомъ актѣ ведетъ къ иному результату. Разумѣется, если мы условимся съ самаго начала называть линіей наименьшаго сопротивленія ту, по которой совершается конечное движеніе, то общій физическій законъ придется распространить и на область волевыхъ актовъ. Но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ напряженіе воли бываетъ велико, и гдѣ одерживаютъ верхъ болѣе рѣдкіе идеальные мотивы, намъ кажется, будто дѣйствіе совершается по линіи наибольшаго сопротивленія, и будто намъ представлялась возможность въ моментъ совершенія дѣйствія направить его по линіи наименьшаго сопротивленія, но мы предпочли болѣе трудный путь. Тотъ, кто удерживается отъ криковъ подъ ножомъ оператора, или кто выноситъ общественный позоръ во имя долга, думаетъ, что въ моментъ совершенія дѣйствія онъ выполняетъ его по линіи наибольшаго сопротивленія. Онъ говоритъ, что побѣдилъ, преодолѣлъ извѣстные соблазны и побужденія.

Лѣнтяи же, подлецы и трусы не выражаются такимъ образомъ

о своемъ поведеніи, лѣтяти не говорятъ, что противоудѣйствовали своему трудолюбію, пьяницы—что боролись съ трезвостью, трусы—что подавили въ себѣ храбрость. Всѣ вообще мотивы къ дѣйствію можно раздѣлять на два класса, изъ которыхъ первый образуютъ природныя склонности, а второй—идеальныя стремленія; человѣкъ, отдавшійся чувственнымъ наслажденіямъ, никогда не говоритъ, что онъ побѣдилъ въ себѣ идеальныя стремленія, но строго нравственные люди всегда толкуютъ о побѣдѣ надъ природными склонностями. Человѣкъ, привывшій наслаждаться чувственнымъ образомъ, иногда говоритъ, что въ немъ мало нравственной энергіи, что онъ утратилъ вѣру въ идеаль, что онъ глухъ къ голосу совѣсти и т. п.; смыслъ всѣхъ этихъ выраженій, повидимому, тотъ, что идеальныя мотивы могутъ быть *сами по себѣ* подавлены безъ всякихъ особенныхъ усилій, склонности же можно подавить только дѣйствіями, совершаемыми по линіи наибольшаго давленія. Въ сравненіи со склонностями идеальныя мотивы кажутся столь слабыми, что, повидимому, только искусственнымъ путемъ можно сообщить имъ преобладающее значеніе. Усиліе увеличиваетъ интенсивность идеальныхъ мотивовъ, заставляя насъ думать, будто, въ то время какъ сила склонности остается по существу всегда одной и той же величины, сила идеальныхъ мотивовъ можетъ быть различныхъ степеней. Но чѣмъ же бываетъ обусловлена эта степень усилія, когда съ ея помощью идеальныя мотивы начинаютъ одерживать верхъ надъ грубыми чувственными побужденіями? Самою величиною сопротивленія. Если слабо чувственное побужденіе, то и усиліе для подавленія его должно быть слабо. Чѣмъ больше препятствіе, *тѣмъ большимъ оно дѣлаетъ* усиліе, необходимое для того, чтобы одолѣть его. Поэтому наиболѣе сжатымъ и соответствующимъ кажущемуся порядку вещей опредѣленіемъ идеальнаго или моральнаго дѣйствія можетъ быть слѣдующее: *Оно есть дѣйствіе по линіи наибольшаго сопротивленія.*

Символически это можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: пусть P = склонность, I = идеальный импульсъ, E = усиліе:

$$\begin{array}{l} I \text{ само по себѣ} < P \\ I + E > P \end{array}$$

Иначе говоря, какъ только E присоединилось къ I , P тотчасъ же начинаетъ представлять наименьшее сопротивленіе, и, такимъ образомъ, движеніе совершается, не смотря на присутствіе P .

Но E , повидимому, не составляетъ части I , неотдѣлимой отъ послѣдняго. Присутствіе E , повидимому, случайно, и величина его не можетъ быть опредѣлена заранее. Мы можемъ его то увеличивать, то уменьшать, и *въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ удается* сообщить ему достаточную силу, мы можемъ превратить наибольшее сопротивленіе волевому акту въ наименьшее. Таково, по крайней

мѣрѣ, впечатлѣніе, непосредственно почерпаемое нами изъ фактовъ самонаблюденія. Мы не будемъ разбирать здѣсь, вѣрно или ложно такое впечатлѣніе, а продолжимъ далѣе детальное описаніе волевыхъ актовъ.

Страданіе и наслажденіе, какъ источники дѣятельности. Предметы и мысли о предметахъ служатъ стимулами для нашихъ дѣйствій, но наслажденія и страданія, сопровождающія наши дѣйствія, видоизмѣняютъ характеръ послѣднихъ, регулируя ихъ; подобно мысли о наслажденіяхъ и страданіяхъ въ свою очередь пріобрѣтаютъ силу двигательныхъ импульсовъ и задерживающихъ дѣйствія мотивовъ. Для этого не нужно, чтобы съ мыслями о наслажденіи было непрѣменно связано чувство наслажденія: обыкновенно мы замѣчаемъ обратное. «*Nessun maggior dolore...*» — говоритъ Данте. Равнымъ образомъ, съ мыслями о страданіи можетъ быть связано чувство удовольствія. Воспоминанія о минувшемъ горѣ, по словамъ Гомера, доставляютъ удовольствія. Но, такъ какъ наслажденія весьма усиливаютъ, а страданія задерживаютъ вызывающія ихъ дѣйствія, то мысли о страданіяхъ и наслажденіяхъ принадлежатъ къ мыслямъ, связаннымъ съ наибольшою импульсивною и задерживающею силой. Въ виду этого намъ необходимо разсмотрѣть ихъ нѣсколько подробнѣе, чтобы точно выяснитъ отношеніе этихъ мыслей къ другимъ.

Если извѣстное движеніе пріятно, то мы повторяемъ его до тѣхъ поръ, пока продолжается связанное съ нимъ пріятное ощущеніе. Какъ только движеніе вызвало въ насъ боль, мускульныя сокращенія мгновенно прекращаются. Задержаніе движенія въ этомъ случаѣ производится нами съ такой силой, что человѣку почти совершенно невозможно преднамѣренно не торопясь изуродовать или изрѣзать себя: рука наша невольно отказывается причинять намъ боль. Есть немало пріятныхъ ощущенийъ, которыя, какъ только мы начали испытывать ихъ, съ неудержимой силой побуждаютъ насъ поддерживать въ себѣ ту дѣятельность, которая вызываетъ ихъ. Вліяніе наслажденій и страданій на наши движенія такъ сильно и глубоко, что нѣкоторые философы поспѣшили сдѣлать скороспѣлое заключеніе, будто пріятныя и непріятныя ощущенія суть единственные стимулы къ дѣятельности, и будто эти ощущенія кажутся иногда отсутствующими во время дѣйствія только потому, что представленія, съ которыми они тогда связаны, не играютъ первенствующей роли въ сферѣ нашего сознанія и вслѣдствіе этого остаются незамѣченными нами.

Такая точка зрѣнія глубоко ошибочна. Какъ ни важно вліяніе наслажденій и страданій на нашу дѣятельность, они все-таки далеко не единственные стимулы къ движенію, на примѣръ, въ проявленіяхъ инстинктовъ и эмоцій они не играютъ ровно никакой роли. Кто улыбается ради удовольствія улыбаться или хмурится ради удовольствія хмуриться? Развѣ мы краснѣемъ, чтобы избѣжать

неприятныхъ ощущеній, которыя намъ придется испытать, если мы не поврасяѣмъ? Развѣ мы проявляемъ нашъ гнѣвъ, печаль или страхъ движеніями ради какого-нибудь удовольствія? Во всѣхъ этихъ случаяхъ опредѣленные движенія совершаются роковымъ образомъ силою внутренняго импульса, возникающаго въ нашей нервной системѣ подъ вліяніемъ внѣшняго стимула. Объекты нашего гнѣва, нашей любви, нашего страха, поводы къ слезамъ или улыбкамъ, какъ въ видѣ непосредственныхъ впечатлѣній, такъ и въ видѣ воспроизведенныхъ образовъ, обладаютъ этою своеобразною импульсивною силой. Почему извѣстное психическое состояніе обладаетъ этимъ *импульсивнымъ качествомъ*, это остается для насъ недоступнымъ. Различныя психическія состоянія обладаютъ этимъ качествомъ въ различной степени и проявляютъ его весьма различными путями. Оно бываетъ связано и съ чувствами наслажденія и страданія, и съ воспріятіями, и съ воспроизведенными представленіями, но ни одно изъ этихъ душевныхъ явленій не обладаетъ имъ по преимуществу. Всѣ состоянія сознанія (или связанные съ ними нервныя процессы) по самому существу своему являются источниками извѣстныхъ движеній. Объяснить все разнообразіе этихъ движеній у различныхъ живыхъ существъ и при различныхъ внѣшнихъ стимулахъ—это составляетъ проблему исторіи развитія. Но, каковъ бы ни былъ историческій генезисъ наблюдаемыхъ у насъ импульсовъ, мы должны описывать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они проявляются у человѣка въ настоящее время; и психологи, которые считаютъ себя обязанными усматривать въ наслажденіи и страданіи единственныя сознательныя или полусознательныя мотивы для импульсовъ къ движенію и для задержанія движеній, эти психологи являются сторонниками узкой и ложной телеологіи, которая представляетъ научный предрасудокъ. Если мысль о наслажденіи можетъ быть стимуломъ къ движенію, то, конечно, такимъ стимуломъ могутъ быть также и другія мысли. Каковы эти послѣднія мысли—это можно опредѣлить только при помощи опыта. Въ главахъ: «*Объ инстинктѣ*» и: «*Объ эмоціи*» мы видѣли, что имя имъ—легіонъ; въ виду этого намъ придется или отвергнуть чуть не половину извѣстныхъ намъ фактовъ, или отказаться отъ мнимо-научныхъ упрощеній.

Если въ этихъ *первичныхъ* актахъ человѣка ощущенія наслажденій и страданій не играютъ никакой роли, то въ производныхъ дѣйствіяхъ, въ искусственно приобрѣтенныхъ актахъ, сдѣлавшихся привычными, они имѣютъ также мало значенія. Наши ежедневныя дѣйствія—одѣванье, раздѣванье, различные акты при началѣ работы, во время ея и по окончаніи ея, за рѣдкими исключеніями, не связаны ни съ какими чувствами наслажденія или страданія. Это—идео-моторныя акты. Какъ я дышу не ради удовольствія дышать, а просто *сознаю*, что я дышу, такъ и пишу я не ради удовольствія писанія, а просто потому, что, разъ принявшись пи-

сать и чувствуя, что голова хорошо работает, и дѣло подвигается впередъ, я *вижу*, что продолжаю еще писать. Кто станетъ утверждать, что, разсѣянно играя ручкою ножа за столомъ, онъ этимъ доставляетъ себѣ извѣстное удовольствіе или избѣгаетъ такимъ образомъ неприятныхъ ощущений? Всѣ подобныя дѣйствія мы совершаемъ потому, что не можемъ въ данную минуту удержаться отъ нихъ; наша нервная система такъ именно сложилась, что эти дѣйствія такимъ путемъ проявляются у насъ, и для многихъ безцѣльныхъ или прямо «нервическихъ» движеній мы не можемъ привести ровно никакихъ основаній.

Или представьте себѣ застѣнчиваго и мало общительнаго чловека, который самымъ неожиданнымъ образомъ получаетъ отъ васъ приглашеніе на семейный вечеръ? Бывать на такихъ вечерахъ для него—сущая пытка, но въ вашемъ присутствіи онъ не рѣшается отказаться на-отрѣзъ и общается пріѣхать, проклиная себя въ душѣ въ то-же время. Подобныя вещи случаются постоянно съ каждымъ изъ насъ, и только люди съ необыкновеннымъ самообладаніемъ рѣдко испытываютъ такіа состоянія. «*Voluntas invita*», проявляемая нами въ подобныхъ случаяхъ, не только показываетъ, что наши дѣйствія вовсе не должны быть связаны съ представленіемъ будущаго наслажденія, но что здѣсь можетъ даже не быть никакого представленія будущаго блага. Съ понятіемъ «блага» связано гораздо больше мотивовъ еѣ дѣятельности, чѣмъ съ понятіемъ «наслажденія». Но наши дѣйствія бываютъ столь же часто не связаны съ идеей блага, какъ и съ идеей наслажденія. Всѣ болѣзненные импульсы, всѣ патологическія *idées fixes* могутъ служить примѣрами этому. Иногда именно дурныя послѣдствія сообщаютъ извѣстному запретному акту всю его заманчивость. Снимите запретъ съ поступка, имѣющаго дурныя послѣдствія, и онъ утратитъ всю привлекательность. Въ бытность мою студентомъ одинъ мой товарищъ выбросился изъ верхняго окна одного изъ зданій нашего коллѣджа и расшибся почти до смерти. Другой студентъ, мой хорошій знакомый, ежедневно долженъ былъ проходить изъ своей комнаты мимо этого окна и всегда испытывалъ при этомъ сильнѣйшій соблазнъ послѣдовать примѣру своего злополучнаго коллеги. Будучи католикомъ, онъ счелъ нужнымъ сообщить духовнику о мучившемъ его соблазнѣ. Выслушавъ его, духовникъ сказалъ: «Вы говорите, что должны такъ поступать. Что-же, если должны, то ступайте сейчасъ же и осуществите ваше намѣреніе». Выслушавъ такой совѣтъ, мой коллега тотчасъ же образумился. Духовникъ зналъ, какъ подѣйствовать на болѣзненно-настроеннаго юношу. Но и въ нормальномъ состояніи мы нерѣдко находимъ соблазнительнымъ дѣлать что-нибудь, завѣдомо влекущее за собою неприятныя послѣдствія. Всякій у кого есть какаа-нибудь рана, царапина или просто больной зубъ, будетъ по временамъ

трогать, давить больное мѣсто, именно такъ, чтобы вызвать боль. Если мы чувствуемъ около себя противный запахъ, мы непременно еще разъ понюхаемъ воздухъ, дабы окончательно убѣдиться, что вонь, дѣйствительно, отвратительна. Не дальше, какъ сегодня, я повторялъ про себя безчисленное множество разъ какой-то дурацкѣй куплетъ, привлекательность котораго заключалась именно въ его чудовищной безсмысленности. Я всячески пытался отъ него отдѣлаться, но никакъ не могъ выкинуть его изъ головы.

Наши дѣйствія опредѣляются объектомъ, на который направлено наше вниманіе. *Интересъ* объекта — вотъ главное условіе, отъ котораго зависитъ его способность вызывать или задерживать наши дѣйствія. Въ составъ понятія «интересное» входитъ не только пріятное и непріятное, но и болѣзненно-привлекательное, и неотвязчиво преслѣдующее, и даже просто привычное, поскольку различныя стороны послѣдняго составляютъ попеременно объектъ нашего вниманія: «то, что интересуеъ насъ», и «то, на что направлено наше вниманіе», въ сущности синонимы. Импульсивность идеи, повидимому, заключается не въ извѣстнаго рода связи ея съ путями моторнаго разряда (ибо *всѣ* идеи находятся въ томъ или другомъ отношеніи къ нѣкоторымъ путямъ моторнаго разряда), но скорѣе въ нѣкоторомъ явленіи, предваряющемъ дѣйствіе, именно, въ *стремительности, съ которою она способна привлечь наше вниманіе и сдѣлаться господствующей въ сферѣ нашего сознанія*. Какъ только она сдѣлалась господствующей, какъ только другія идеи оказались не въ состояніи занять ея мѣсто, связанные съ нею по природѣ движенія немедленно выполняются, иначе говоря, двигательный импульсъ необходимо слѣдуетъ за нею. Какъ мы видѣли, и въ инстинктѣ, и въ эмоціи, и въ обыкновенномъ идеомоторномъ актѣ, и при гипнотическомъ внушеніи, и при болѣзненныхъ импульсахъ, и при *voluntas invita*, импульсъ къ движенію сообщаетъ просто та идея, которая въ данную минуту овладѣла нашимъ вниманіемъ. То-же самое наблюдается и въ томъ случаѣ, когда стимулами къ дѣйствію являются наслажденіе и страданіе; вызывая свойственныя имъ «волевые дѣйствія», они въ то-же время вытѣсняють изъ сферы сознанія другіе объекты мысли. То-же бываетъ и при возникновеніи въ нашемъ сознаніи окончательнаго рѣшенія во всѣхъ пяти описанныхъ нами случаяхъ рѣшимости. Короче сказать, нельзя указать такого случая, гдѣ господствующій въ нашемъ сознаніи элементъ мысли не являлся бы въ то-же время главнымъ условіемъ, отъ котораго зависитъ проявленіе импульсивной силы. Еще очевиднѣе, что онъ является главнымъ условіемъ и для проявленія задерживающей силы. Простое представленіе мотивовъ, не благопріятствующихъ данному импульсу, уже задерживаетъ послѣдній; они налагають на извѣстныя поступки свое *veto* и тѣмъ дѣлають невозможными дѣйствія, весьма

привлекательныя при другихъ условіяхъ. Какую бодрость и энергію почувствовали бы мы, еслибы могли выкинуть изъ головы на нѣкоторое время наши колебанія, сомнѣнія и опасенія!

Воля есть отношеніе между умомъ и «идеями». Заванчивая послѣ длиннаго ряда предварительныхъ соображеній анализъ *внутренней* природы волевого процесса въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, мы подходимъ все ближе и ближе къ разсмотрѣнію почти исключительно тѣхъ условій, при которыхъ извѣстныя идеи достигаютъ преобладанія въ нашемъ сознаниі. Этимъ простымъ констатированіемъ наличности въ сознаниі моторной идеи психологія воли, собственно говоря, должна ограничиться. Сопровождающія моторную идею движенія представляютъ собою чисто физиологическое явленіе, обусловленное согласно физиологическимъ законамъ нервными процессами, соответствующими данной идеѣ. Съ появленіемъ идеи воленіе заканчивается, и для самаго психическаго акта воленія несущественно, совершилось или нѣтъ желанное движеніе. Я хочу писать—и пишу. Я желаю чихнуть—и не могу. Я желаю, чтобы столъ, находящійся на другомъ концѣ комнаты, самопроизвольно придвинулся ко мнѣ—онъ остается неподвижнымъ. Мое желаніе такъ же мало можетъ побудить меня чихнуть, какъ и побудить этотъ столъ придвинуться ко мнѣ. Но здѣсь въ обоихъ случаяхъ происходитъ воленіе такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда я захотѣлъ писать. Словомъ, воленіе есть чисто психическое явленіе, которое всегда на-лицо тамъ, гдѣ есть извѣстное устойчивое состояніе сознаниія въ видѣ моторной идеи. Вмѣшательство въ волевой процессъ движеній есть уже добавочное явленіе, обусловленное активностью нервныхъ центровъ, функція которыхъ лежатъ внѣ сознательной сферы. Если нервные центры дѣйствуютъ правильно, то движеніе точно выполняется. Въ противномъ случаѣ получаютъ явленія, вродѣ пласки св. Витта, двигательной атаксин, двигательной афазіи, или менѣе значительныя ненормальности въ движеніяхъ. Если двигательные центры совсѣмъ не дѣйствуютъ, то не получается никакого движенія, и мы говоримъ, что человекъ разбитъ параличемъ. Онъ можетъ дѣлать невозможныя усилія, собирая здоровыя мускулы тѣла, и тѣмъ не менѣе парализованный членъ будетъ по прежнему оставаться неподвижнымъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ воленіе, какъ психическій процессъ, остается вполнѣ неприкосновеннымъ.

Волевое усиліе есть усиліе вниманія. Итакъ, мы подошли къ *центральному пункту ученія о волѣ, заключающемуся въ выясненіи вопроса, въ силу какого процесса мысль объ извѣстномъ дѣйствіи становится устойчивой въ нашемъ сознаниі.* Въ главахъ объ ощущеніяхъ, ассоціаціи и вниманіи мы достаточно подробно разсмотрѣли, при какихъ условіяхъ проникаютъ въ сознаніе и дѣлаются въ немъ устойчивыми мысли, не связанныя съ усиліемъ.

Чтобы не повторяться, мы ограничимся здѣсь слѣдующимъ замѣчаніемъ: каково бы ни было значеніе закона ассоціацій и связанныхъ съ ними интересовъ, во всякомъ случаѣ этотъ законъ остается главнымъ руководящимъ принципомъ нашихъ объясненій. Что же касается тѣхъ случаевъ, когда наличность мысли сопровождается психическимъ явленіемъ усилія, то здѣсь требуется гораздо болѣе разъясненій. Въ главѣ: «*О вниманіи*» мы высказали намѣреніе рассмотреть ниже случай произвольнаго вниманія, сопряженнаго съ усиліемъ. Теперь для насъ должно быть яснымъ, что для произвольнаго волевого акта не требуется ничего иного, кромѣ вниманія, сопряженнаго съ усиліемъ. *Короче сказать, въ случаяхъ наиболее «произвольныхъ» воленія главныйиий подвигъ воли заключается въ направленіи сознанія на непривлекательный объектъ и въ сосредоточеніи на немъ всего вниманія.* Въ этомъ-то и заключается рѣшимость воли; произойдутъ-ли при этомъ ожидаемыя движенія или нѣтъ—это уже зависитъ отъ простой фیزیологической случайности.

Такимъ образомъ, усиліе вниманія составляетъ существенную черту волевого акта *). Читатель могъ убѣдиться въ справедливости этого положенія изъ личнаго опыта, ибо ему навѣрное случалось когда-нибудь быть охваченнымъ порывомъ бурной страсти. Почему для человѣка, который пытается отдѣлаться отъ охватившей его безумной страсти, трудно поступать такъ, какъ будто страсть его была благоразумна? Разумѣется, не вслѣдствіе какихъ-нибудь физическихъ причинъ. Физически одинаково легко избѣжать драки или завязать ее, приварманить чужія деньги, или растратить свои на чужія прихоти, пойти или не пойти на любовное свиданіе. Трудность здѣсь заключается въ психическомъ напряженіи, въ умѣньи найти соответствующую случаю благоразумную идею и на ней сосредоточить все свое вниманіе. При сильномъ эмоціональномъ возбужденіи мы бываемъ склонны вызывать въ себѣ только тѣ

*) Необходимо строго различать *волевое* усиліе въ собственномъ смыслѣ слова отъ *мускульнаго* усилія, съ которымъ его обыкновенно смѣшиваютъ. Последнее представляетъ собою совокупность всѣхъ периферическихъ ощущеній, вызываемыхъ «примѣненіемъ» мускуловъ. Ощущенія эти въ тѣхъ случаяхъ, когда они массивны, а мускулы нѣсколько утомлены, скорѣе неприятны, чѣмъ пріятны, въ особенности если сопровождаются одышкой, приливомъ крови къ головѣ, грубымъ треніемъ по кожѣ пальцевъ на рукахъ и на ногахъ или плечъ и напряженіемъ связокъ. И только въ второй *неприятности напряженія* волевое усиліе, будучи направлено на осуществленіе нѣвѣстнаго мало привлекательнаго акта, сходно съ мускульнымъ. Что волевое усиліе нерѣдко бываетъ связано съ мускульнымъ—это составляетъ простую случайность. Иногда бываетъ такъ, что требуется большое усиліе воли при незначительномъ примѣненіи мускульной силы, напримѣръ, когда намъ нужно утромъ встать съ постели или мыться въ холодной водѣ. Съ другой стороны, солдатъ, стоя неподвижно подъ градомъ пуль, долженъ испытывать неприятное чувство отъ бездѣятельности мускуловъ. Волевоі актъ, который ему приходится въ такомъ случаѣ выполнять тотъ-же, дакой необходимъ для мускульнаго усилія, сопряженнаго съ болію. Въ обоихъ случаяхъ тяжела *непосредственная реализція идеи.*

представленія, которыя благопріятствуютъ нашей страсти. Если при этомъ намъ приходятъ въ голову иныя представленія, то мы тотчасъ-же отвергаемъ ихъ и вытѣсняемъ изъ сферы сознанія. Если насъ охватило радостное настроеніе, то мы бываемъ крайне нерасположены думать о непредвидѣнныхъ случайностяхъ, которыя могутъ насъ постигнуть на нашемъ будущемъ жизненномъ пути; если мы чувствуемъ дурное расположеніе духа, мысли о торжествѣ, пріятныхъ путешествіяхъ, счастливыхъ любовныхъ приключеніяхъ и другихъ радостяхъ жизни не идутъ намъ на умъ; если мы хотимъ отомстить кому-нибудь, то не чувствуемъ ни малѣйшаго желанія сравнить врага съ собою и находить у обоихъ сходныя черты. Ничто на свѣтѣ не способно такъ раздражить и разбѣсить насъ, какъ хладнокровные совѣты, даваемые намъ въ моментъ сильнѣйшаго порыва страсти. Не будучи въ состояніи ничего возразить на нихъ, мы начинаемъ сердиться, ибо съ нашей страстью бываетъ связанъ какой-то инстинктъ самосохраненія; она какъ будто чувствуетъ, что холодныя соображенія, разъ забравшись въ нашу голову, постепенно ослабятъ пылъ нашихъ восторговъ и разрушатъ до основанія тѣ воздушные замки, которыми заполнено наше воображеніе. Таково неизбежное вліяніе благоразумныхъ соображеній на неблагоразумныя въ тѣхъ случаяхъ, когда мы даемъ себѣ трудъ спокойно выслушать приводимыя намъ резоны; въ виду этого страсть стремится окончателно заглушить ихъ слабый голосъ. «Ахъ, лучше не думать объ этомъ!» «Не говорите вы мнѣ объ этомъ!» Вотъ обычныя восклицанія ослѣпленныя страстью людей, которымъ кто-нибудь приводитъ разумные доводы, идущіе въ разрѣзъ съ ихъ стремленіями. Есть что-то холодное, мертвящее, глубоко враждебное нашимъ жизненнымъ стремленіямъ въ голосѣ разума, говорящаго намъ: «Стой! Удержись! Отступи! Оставайся на мѣстѣ!» Въ виду этого немудрено, что большинство людей въ минуту увлеченія боятся увѣщанія разума, какъ призрава смерти.

Впрочемъ, человѣкомъ съ сильной волей можетъ быть названъ только тотъ, кто неуклонно выслушиваетъ слабый голосъ разума, не старается выкинуть изъ головы страшныя мысли о будущемъ, наоборотъ, сосредоточиваетъ на неблагопріятныхъ соображеніяхъ все свое вниманіе, соглашается съ ними и пытается проникнуть въ нихъ какъ можно глубже, не взирая на то, что множество иныхъ идей возмущаются противъ этихъ соображеній и стремятся вытѣснить ихъ изъ сферы сознанія. Соображенія эти, удерживаясь энергичными усиліями вниманія въ нашемъ сознаніи, влекутъ за собою сходныя съ ними мысли и элементы ассоціацій и въ концѣ-концовъ вызываютъ въ человѣкѣ полную перемену настроенія. А съ переменною взгляда на дѣло и образъ дѣйствія человѣка мѣняется, направляется на новый объектъ мысли, который становится господ-

ствующимъ въ сферѣ его сознанія и неизбежно влечетъ за собою извѣстныя дѣйствія. Вся трудность заключается въ томъ, чтобы сдѣлать извѣстный объектъ мысли господствующимъ въ сферѣ сознанія. Въ этомъ случаѣ мы должны, не смотря на то, что произвольное теченіе мысли направлено на посторонніе предметы, упорно сосредоточивать вниманіе на одномъ этомъ объектѣ, пока онъ не начнетъ *разростаться* такъ, чтобы безъ труда овладѣть сферою сознанія и стать въ ней господствующимъ. Такимъ образомъ, напряженіе вниманія представляетъ основной волевой актъ. И въ большинствѣ случаевъ активность воли въ сущности заканчивается въ тотъ моментъ, когда она оказала достаточную поддержку объекту мысли, которая обыкновенно сама по себѣ неохотно удерживается нами въ сферѣ сознанія. Только вслѣдъ за этимъ устанавливается таинственная связь между мыслию и двигательными центрами, а затѣмъ уже (невозможно даже догадываться, какимъ именно путемъ) наступаютъ, какъ необходимый конечный результатъ, послушныя нашей волѣ движенія тѣлесныхъ органовъ.

Изъ всего сказаннаго легко видѣть, что непосредственное примѣненіе волевого усилія есть фактъ чисто психическаго порядка; вся внутренняя борьба, переживаемая нами при этомъ, есть чисто психическое явленіе; вся трудность, которую намъ приходится преодолевать при волевои актѣ, заключается въ стремленіи сдѣлать извѣстный психическій элементъ господствующимъ въ сферѣ сознанія; короче сказать, все дѣло заключается въ *идей*, на которую направлена наша воля, и которую мы удерживаемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ она ускользнетъ отъ насъ. *Весь подвигъ волевого усилія заключается въ томъ, чтобы вынудить у насъ согласіе на господство извѣстной идеи въ сферѣ нашего сознанія.* Единственное назначеніе усилія заключается въ достиженіи этого согласія. Достигнуть же его можно только однимъ путемъ: надо задержать въ сферѣ сознанія то соображеніе, которое должно вызвать въ насъ согласіе, и не давать этому соображенію ускользнуть, пока оно не заполнитъ всю сферу сознанія; въ этомъ заполненіи сознанія извѣстнымъ соображеніемъ и связанными съ нимъ элементами ассоціацій и *заключается* согласіе съ даннымъ соображеніемъ и съ вытекающими изъ него фактами. Если данное представленіе или соображеніе такъ или иначе связано съ извѣстными движеніями нашего тѣла, то, допуская послѣ извѣстныхъ усилій его присутствіе въ сферѣ сознанія, мы тѣмъ самымъ и совершаемъ то, что называется произвольнымъ движеніемъ. Въ этомъ случаѣ природа «слѣдуетъ по пятамъ» за нашимъ внутреннимъ левымъ процессомъ, немедленно воплощая наши помыслы въ движенія нашего тѣла. Какъ жаль, что она не оказалась еще великодушнѣй, не подчинила непосредственно нашей волѣ и перемѣнъ въ остальномъ внѣшнемъ мірѣ!

На стр. 356-й, описывая разумный типъ рѣшимости, мы замѣтили, что къ нему относятся обыкновенно тѣ случаи, въ которыхъ мы подыскиваемъ для предстоящаго дѣйствія аналогичный поступокъ въ нашемъ прошломъ. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы должны бы были на основаніи прежнихъ опытовъ задержать дѣйствіе, вся изворотливость нашего ума обыкновенно тратится нами на то, чтобы подыскать въ прежнихъ опытахъ благопріятный случай, якобы аналогичный съ даннымъ, въ которомъ дѣйствіе не задерживалось, и такимъ путемъ, потворствуя нашимъ страстямъ, мы санкціонуемъ предосудительное дѣйствіе. Какъ много оправданій находитъ пьяница для выпивки въ минуты соблазна! То передъ нимъ въ бутылкѣ новый необыкновенный родъ вина, который необходимо попробовать, какъ иѣкоторое явленіе, знаменующее шагъ впередъ по пути *умственного* прогресса; тѣмъ болѣе, что оно уже розлито по рюмкамъ — не за окно-же, въ самомъ дѣлѣ, выливать его! Да, наконецъ, и кругомъ всѣ пьютъ — не пить въ ихъ присутствіи прямо невѣжливо! Или оказывается, что вино *хорошо* отъ бессонницы; что оно сообщаетъ бодрости, какъ разъ настолько, чтобы окончить къ сроку работу; что на дворѣ очень холодно, а потому необходимо выпить; что нынче праздникъ — Рождество Христово; что вино подбодряетъ, и потому выпивши можно съ гораздо болѣею рѣшимостью дать зарокъ больше не пить; что одну, единственную рюмочку въ послѣдній разъ можно выпить; что одна не считается и т. д., *ad libitum*. Одно только представленіе оставляется безъ вниманія — «*пьяница*». Поклонникъ Бахуса старается какъ можно скорѣе выкинуть изъ головы это представленіе, если оно случайно придетъ ему на умъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда оно поражаетъ его воображеніе, когда пріятные доводы въ пользу выпивки ступеньваются передъ страшною перспективою стать пьяницей, тогда не рѣдко въ человѣкѣ наклонность къ вину быстро пропадаетъ. Усиліе, съ помощью котораго ему удается постоянно удерживать передъ собою страшное *представленіе* «пьяница» — именно это усиліе и избавляетъ его отъ нравственнаго паденія.

Итакъ, роль усилія вездѣ та-же: оно задерживаетъ и дѣлаетъ господствующей въ нашемъ умѣ то представленіе, которое, будучи предоставлено самому себѣ, непременно ускользнуло бы изъ сферы сознанія. Это усиліе бываетъ слабымъ и вялымъ, когда произвольное теченіе мыслей клонится къ подъему, или велико и стремительно, когда произвольное теченіе мыслей клонится къ упадку. Въ первомъ случаѣ усиліе должно задерживать повышенную активность воли, во второмъ — возбуждать пониженную активность воли. У истомленнаго моряка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе и плывущаго на обломкахъ судна, активность воли понижена. Ссадины на рукахъ его болятъ, весь организмъ его истощенъ до послѣдней

степени, онъ съ наслажденіемъ легъ бы и заснулъ, а между тѣмъ надо править парусами, чтобы плыть впередъ. Страшный видъ моря, готоваго каждую минуту поглотить его, удерживаетъ его отъ соблазна соснуть. «Лучше ужъ пострадать еще немного, говорить онъ себѣ, чѣмъ гибнуть въ морѣ!» И это послѣднее соображеніе одерживаетъ верхъ надъ соблазнительнымъ желаніемъ отдохнуть. Иногда бываетъ наоборотъ, мысль о снѣ не идетъ на умъ, и только при помощи большихъ усилій удается вызвать наклонность ко сну. Если человѣкъ, страдающій бессонницей, начнетъ безучастно созерцать беспорядочную смѣну идей въ своемъ сознаніи, стараясь *ровно ни о чемъ не думать* (что возможно), или начнетъ про себя медленно и монотонно произносить одну букву за другой изъ ка-кого-нибудь текста Св. Писанія, то почти всегда это оказываетъ надлежащее физиологическое дѣйствіе, и сонъ наступаетъ. Только трудно сосредоточивать вниманіе на смѣнѣ впечатлѣній, не представляющихъ ровно никакого интереса. *Мышленіе, сосредоточеніе вниманія на опредѣленныхъ представленіяхъ* — вотъ единственный связанный съ моральнымъ усиліемъ актъ, общій и для здоровыхъ лицъ, и для сумасшедшихъ, и для людей съ повышенной, и для людей съ пониженной активностью воли. Большинство маниаковъ сознаютъ нелѣпость своихъ мыслей, но не могутъ отъ нихъ отдѣлаться вслѣдствіе ихъ неотразимости. Разумный образъ мыслей по сравненіи съ дикими фантазіями представляется имъ такимъ безцвѣтнымъ, прозаически-трезвымъ взглядомъ на вещи, что у нихъ не хватаетъ духу сказать себѣ: «Пусть этотъ взглядъ на вещи сдѣлается моимъ постояннымъ міросоверщаніемъ». «Но при достаточномъ усиліи воли, говоритъ д-ръ Виганъ (Wigan), такимъ людямъ удается на время *взвинтить себя* и внушить себѣ, что нелѣпныя фантазіи, связанныя съ разстройствомъ мозга, не должны больше приходить на умъ. Я могъ-бы указать немало примѣровъ аналогичныхъ со случаемъ, приводимымъ Пинелемъ, гдѣ душевно-больной, выдержавъ по выздоровленіи продолжительное провѣрочное испытаніе и обнаруживъ при этомъ полное восстановленіе нормальныхъ умственныхъ способностей, вдругъ при выпискѣ изъ госпиталя написалъ на одной бумагѣ вмѣсто своего имени: «Исусъ Христосъ» и затѣмъ рядомъ нелѣпныхъ поступковъ обнаружилъ снова полное душевное разстройство. Въ этомъ случаѣ, уже описанномъ мною въ другомъ мѣстѣ въ началѣ настоящаго сочиненія, пациентъ, согласно его выраженію, «держалъ себя въ рукахъ» во все время испытанія, стараясь благополучно выдержать его; а какъ только оно кончилось, онъ снова «выпустилъ себя изъ рукъ» и, даже *сознавая* разстройство своихъ умственныхъ способностей, былъ не въ силахъ болѣе съ нимъ бороться. Я замѣчалъ, что такимъ душевно-больнымъ нужно немало времени, чтобы «взвинтить себя» и довести до нормы контроль надъ своими поступками; и что они

достигаютъ этого путемъ мучительнаго умственнаго напряженія... Въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ выбило изъ новой колеи какое-нибудь случайное обстоятельство, или когда срокъ испытанія показался имъ слишкомъ продолжительнымъ, они «выпускаютъ себя изъ рукъ», послѣ чего только путемъ новой продолжительной душевной борьбы имъ удается опять «взвинтить себя».

Подводя итоги сказанному, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: *Въ волевомъ процессѣ опорнымъ пунктомъ, на который воля непосредственно направлена, всегда бываетъ извѣстная идея.* Существуетъ постоянно извѣстная группа идей, которыхъ мы смертельно боимся, и потому не даемъ имъ переходить выше порога сознанія. *Единственное сопротивленіе, какое можетъ испытывать наша воля, это—сопротивленіе, оказываемое подобными идеями, когда мы хотимъ насильно вовлечь ихъ въ сферу нашего сознанія.* Стремленіе удерживать въ сферѣ сознанія подобныя идеи и только оно одно и составляетъ внутреннюю сторону всякаго волевого акта.

Вопросъ о «свободѣ воли». На стр. 368-й мы замѣтили, что при волевомъ усиліи намъ кажется, будто въ каждую минуту мы могли бы сдѣлать усиліе большимъ или меньшимъ, сравнительно со сдѣланнымъ нами въ дѣйствительности.

Другими словами, намъ кажется, будто усиліе не находится въ постоянной зависимости отъ величины сопротивленія, которое оказываетъ извѣстный объектъ нашей воли; будто по отношенію къ окружающимъ обстоятельствамъ (къ нашимъ мотивамъ, къ складу нашего характера etc.) оно представляетъ то, что на математическомъ языкѣ называется «независимою переменною». Если степень нашего усилія представляетъ на самомъ дѣлѣ независимую переменную въ отношеніи къ окружающимъ условіямъ, то *наша воля, какъ говорится, свободна.* Если-же, наоборотъ, степень усилія есть вполне опредѣленная функція, если мотивы, которые должны вліять опредѣленнымъ, вполне точнымъ образомъ на наше усиліе, оказывающее имъ равное противодѣйствіе, если эти мотивы были предопредѣлены отъ вѣчности, то воля наша несвободна, и всѣ наши дѣйствія обусловлены предшествующими дѣйствіями. *Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ воли чрезвычайно простъ. Все дѣло здѣсь сводится къ опредѣленію степени усилія вниманія, которымъ мы можемъ располагать въ данную минуту.* Находятся ли продолжительность и интенсивность усилія въ постоянной зависимости отъ окружающихъ условій или нѣтъ? Немного выше я замѣтилъ, что намъ *кажется*, будто въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы можемъ по произволу проявить большую или меньшую степень усилія. Если человѣкъ въ теченіе цѣлыхъ дней и даже недѣль предоставлялъ полную свободу теченію своихъ мыслей, и вдругъ завершаетъ его какимъ-нибудь особенно подлымъ, грѣвнымъ или жестокимъ поступ-

комъ, то послѣ, въ минуту раскаянія трудно убѣдить его, что онъ не могъ не совершить этого поступка, обусловленнаго роковымъ образомъ всѣмъ предшествующимъ ходомъ мысли; трудно заставить его повѣрить, что поступокъ былъ подготовленъ вліяніемъ окружающаго внѣшняго міра и предопредѣленъ отъ вѣчности. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что всѣ акты его воли, *не связанные съ чувствомъ усилія*, представляютъ необходимый результатъ тѣхъ интересныхъ для него идей и ассоціацій между ними, интенсивность и послѣдовательность которыхъ были въ свою очередь обусловлены стробеніемъ физическаго тѣла—его мозга; мысль объ общей связи мировыхъ явленій и потребность въ единствѣ мировоззрѣнія также по необходимости заставляютъ его предполагать, что и столь незначительное явленіе, какъ степень усилія, не можетъ не быть подчиненнымъ всеобщему господству закона причинности. И при отсутствіи усилія въ волевомъ актѣ мы представляемъ себѣ возможность иной альтернативы, иного образа дѣйствія. Здѣсь эта возможность есть на самомъ дѣлѣ самообманъ; почему же не быть ей самообманомъ и при всякомъ вообще волевомъ актѣ?

На самомъ дѣлѣ *вопросъ о свободѣ воли на почвѣ чисто психологической неразрѣшимъ*. Послѣ того, какъ вниманіе съ известной степенью усилія направлено на данную идею, мы, очевидно, не въ состояніи рѣшить, *можно ли было бы сдѣлать степень усилія большей или меньшей, или нѣтъ*. Чтобы рѣшить это, мы должны были бы выяснитъ, какіе мотивы предшествовали волевому рѣшенію, опредѣлитъ съ математической точностью степень интенсивности каждаго изъ нихъ и показать на основаніи законовъ, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ въ настоящее время ни малѣйшаго понятія, что степень сдѣланнаго въ данномъ случаѣ усилія воли *не могла быть* ни большей, ни меньшей, что данная степень усилія была единственно возможной. Разумѣется, такое математически точное измѣреніе интенсивности психическихъ или физиологическихъ силъ навсегда останется недоступнымъ человѣческому уму. Ни одинъ психологъ или физиологъ не станетъ въ серьезъ даже высказывать догадокъ о томъ, какимъ путемъ можно было бы добиться такой точности измѣренія на практикѣ. Не имѣя другихъ основаній для составленія окончательнаго сужденія объ этомъ вопросѣ, мы могли бы оставить его нерѣшеннымъ. Но психологъ не можетъ поступить такимъ образомъ, онъ можетъ привести важныя соображенія въ пользу детерминизма. Онъ принимаетъ участіе въ построеніи *науки*, наука же есть система опредѣленныхъ отношеній. Гдѣ мы сталкиваемся съ «независимой переменною», тамъ для науки нѣтъ мѣста. Такимъ образомъ, научная психологія должна постольку игнорировать произвольность нашихъ дѣйствій, поскольку они представляютъ «независимую переменную», и разсматривать въ нихъ лишь

ту сторону, которая строго предопредѣлена предшествующими явлениями. Другими словами, она должна имѣть дѣло исключительно съ *общими законами* волевыхъ дѣйствій, съ нашими идеями, поскольку онѣ служатъ импульсами для нашихъ дѣйствій или задерживаютъ послѣднія, съ тою ролью, которую играетъ по отношенію къ нимъ наше вниманіе, съ тѣми условіями, при которыхъ можетъ возникнуть усиліе, но она не должна пытаться опредѣлять точную степень нашихъ волевыхъ усилій, ибо послѣднія въ томъ случаѣ, если воля свободна, не поддаются точному вычисленію. Такимъ образомъ, психологія оставляетъ безъ вниманія проявленія свободы воли, не отрицая безусловно ихъ возможности. На практикѣ, конечно, это сводится къ отрицанію свободы воли, и большинство современныхъ психологовъ, дѣйствительно, не колеблясь отвергаютъ существованіе свободы воли.

Что касается насъ, то мы предоставимъ метафизикамъ рѣшать вопросъ о томъ, свободна воля или нѣтъ. Безъ сомнѣнія, психологія никогда не дойдетъ до такого совершенства, чтобы быть въ состояніи примѣнять математически-точные измѣренія къ индивидуальнымъ волевымъ актамъ. Она никогда не будетъ имѣть возможности сказать заранѣе, до совершенія дѣйствія (какъ въ томъ случаѣ, когда усиліе, вызвавшее его, было вполнѣ предопредѣлено предшествующими явлениями, такъ и въ случаѣ, когда оно было отчасти произвольно), какимъ путемъ былъ совершенъ данный поступокъ. Свободна ли воля или нѣтъ, но психологія всегда останется психологіей, а наука—наукой.

Итакъ, вопросъ о свободѣ воли можетъ быть въ психологіи оставленъ безъ вниманія. Какъ мы замѣтили на стр. 377-й, свобода воли, если только она существуетъ, всецѣло сводится къ болѣе или менѣе продолжительному, болѣе или менѣе интенсивному созерцанію извѣстнаго представленія или извѣстной части представленія. Этотъ перевѣсъ въ продолжительности или интенсивности одного изъ мотивовъ, представляющихся *равно возможными* для осуществленія, и придаетъ этому мотиву рѣшающее значеніе, реализируя связанный съ нимъ актъ воли. Такое усиленіе или ускореніе извѣстнаго мотива можетъ имѣть огромное значеніе для моралиста или историка, но для психолога, рассматривающаго явленія съ точки зрѣнія строго детерминистической, эти проявленія свободы воли могутъ быть отнесены къ числу безконечно-малыхъ факторовъ, которые современная наука можетъ совершенно оставить безъ вниманія.

Важное этическое значеніе волевого усилія. Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ опредѣленіи степени нашего волевого усилія, какъ вопросъ, который въ сферѣ психологіи никогда не представится надобности рѣшать въ ту или другую сторону, я долженъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о томъ, какое важное значеніе имѣетъ чувство

усилія въ нашихъ глазахъ при оцѣнѣй человеческой личности. Разумѣется, мы можемъ оцѣнивать ее съ различныхъ точекъ зрѣнія. Физическая сила, умъ, здоровье и счастливая судьба дороги для насъ: они сообщаютъ намъ достаточный запасъ силъ для житейской борьбы. Но сознаніе той степени усилія, которую мы способны проявлять, составляетъ внутреннюю сущность нашей личности, оно одно помимо всего остального способно доставлять намъ въ жизни полное удовлетвореніе. Другія достоинства наши такъ или иначе представляютъ результатъ воздѣйствій вѣйнаго міра на нашу личность, развиваются всецѣло подъ вліяніемъ окружающихъ условій, чувство же усилія, повидимому, относится къ совершенно иному міру, оно какъ будто составляетъ нашу внутреннюю сущность, *насъ самихъ*, все же остальное *принадлежитъ намъ*. Если цѣль житейской борьбы заключается въ томъ, чтобы мы постигли въ ней внутреннюю сущность нашей духовной природы, то мы должны видѣть эту сущность именно въ чувствѣй усилія, какое мы способны проявлять. Кто неспособенъ къ проявленію усилій воли—тотъ не заслуживаетъ имени человека; кто способенъ проявлять громадныя усилія воли—того мы называемъ героемъ.

Необязанный окружающій міръ предлагаетъ намъ на разрѣшеніе всевозможные вопросы, подвергаетъ насъ всевозможнымъ испытаніямъ. На иные вопросы намъ удается найти отвѣты, изъ нѣкоторыхъ испытаній мы безъ труда выходимъ побѣдителями. Но на важнѣйшій вопросъ жизни у насъ нѣтъ отвѣта: въ минуту нравственной борьбы мы безмолвно напрягаемъ нашу волю въ невѣстномъ направленіи, какъ-бы желая сказать: «А все-таки я поставлю на своемъ». Когда мы встрѣчаемся съ чѣмъ-нибудь трагическимъ въ жизни, когда она раскрываетъ передъ нами свои мрачныя бездны, то слабѣйшіе изъ насъ теряютъ голову, спѣшатъ отвлечь вниманіе отъ страшнаго зрѣлища, если же это не удается, то впадаютъ въ полное отчаяніе. Они не въ состояніи сдѣлать надъ собой усиліе и сохранить достаточно присутствія духа, чтобы смѣло взглянуть въ лицо ужасной дѣйствительности. Иначе поступаетъ въ такомъ случаѣ героическая натура. На нее созерцаніе ужаснаго производитъ не менѣе потрясающее впечатлѣніе, но она въ случаѣ необходимости сохраняетъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы примириться съ ужаснымъ, найдя себѣ опору въ другихъ сторонахъ жизни. Для такой героической личности міръ является достойной ареной дѣятельности, а ея роль въ житейской борьбѣ измѣняется непосредственно степенью усилія, при помощи котораго она сообщаетъ себѣ бодрость и мужество. Подобная личность въ состояніи вынести бремя жизни, сохраняя вѣру въ нее при такихъ обстоятельствахъ, когда слабѣйшіе гибнутъ. Она умѣетъ найти въ жизни нравственное удовлетвореніе, не закрывая

глазъ передъ опасностью, но силою одной своей воли заставляя себя идти ей на встрѣчу. Подобные люди всегда являются въ жизни господами положенія, съ ними приходится считаться, такъ какъ они играютъ видную роль въ исторіи человѣчества. Ни въ области умозрѣнія, ни въ практической жизни намъ нечего безпокоиться о тѣхъ, которые ничего не боятся, которымъ незнакомо чувство страха. Въ настоящее время въ практической жизни чувство страха намъ приходится рѣже испытывать, чѣмъ прежде, въ религиозной сферѣ, наоборотъ, страшныя мысли чаще приходятъ въ голову, чѣмъ въ былое время. Но, подобно тому, какъ наша храбрость нерѣдко бываетъ отголоскомъ чужой храбрости, наша вѣра можетъ быть отголоскомъ вѣры другого человѣка. Героническій поступокъ служить намъ примѣромъ для подражанія. Религиозный проповѣдникъ гораздо болѣе насъ извѣдалъ горечь жизни, но бодрый видъ его и восторженная рѣчь неволью вызываютъ въ насъ аналогичныя чувства, мы покоряемся его волѣ и слѣдуемъ за нимъ.

Итакъ и въ нравственномъ, и въ религиозномъ чувствѣ (въ послѣднемъ постольку, поскольку оно зависитъ отъ нашей воли) волевое усиліе играетъ первостепенную роль. «*Хочешь ли ты, чтобы это было такъ или иначе?*»— вотъ вопросъ, который мы ежечасно предлагаемъ себѣ и въ теоріи, и на практикѣ, и въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни, и по поводу самыхъ ничтожныхъ житейскихъ мелочей. Отвѣчаемъ на этотъ вопросъ мы не словами, а поступками, *совершая или не совершая* извѣстныхъ дѣйствій. Вотъ почему усиліе воли составляетъ сокровенную сущность нашей духовной природы, мѣрило, при помощи котораго мы оцѣниваемъ достоинство человѣка; вотъ почему проявленіе этого усилія есть та единственная присущая нашему духу особенность, которая не зависитъ отъ окружающаго міра.

Э П И Л О Г Ъ.

Психологія и философія.

Значеніе слова: «метафизика». Въ послѣдней главѣ я замѣтилъ, что вопросъ о свободѣ воли долженъ быть отнесенъ въ область «метафизики». Рѣшать его окончательно на чисто психологической почвѣ было бы преждевременно. Пусть психологъ открыто станетъ въ этомъ вопросѣ на сторону детерминизма *ради специально-научныхъ психологическихъ цѣлей*, и никто не въ правѣ будетъ упрекнуть его. Если впоследствии окажется, что детерминизмъ имѣетъ

лишь относительное значеніе; что ему можетъ быть противопоставлено иное воззрѣніе на человѣческую волю, то возможно будетъ найти такую точку зрѣнія, которая примиритъ противорѣчащія взгляды. Съ этической точки зрѣнія, детерминизмъ долженъ быть ограниченъ, и авторъ не колеблясь становится на эту послѣднюю точку зрѣнія, признавая волю «свободной». Детерминистическая точка зрѣнія въ психологіи имѣетъ для него лишь условное, методологическое значеніе. Здѣсь не мѣсто приводить доводы въ пользу свободы воли, и я отмѣчаю только это столкновение двухъ точекъ зрѣнія на тотъ же вопросъ въ двухъ различныхъ наукахъ, обособленныхъ одна отъ другой ради практическихъ цѣлей научнаго изслѣдованія, для того, чтобы показать, что принципы, принимаемые на вѣру отдѣльными науками, требуютъ взаимной повѣрки. Та область знанія, гдѣ производится эта повѣрка, и называется метафизикой. Метафизика—это необычайно упорное стремленіе къ ясности и послѣдовательности въ мышленіи. Отдѣльныя науки руководствуются принципами, крайне неясными и полными противорѣчій, но это несовершенство принциповъ можетъ быть оставлено ими безъ вниманія для ихъ специальныхъ цѣлей. Этимъ объясняется то презрительное отношеніе къ метафизикѣ, которое такъ часто можно наблюдать. Для человѣка, преслѣдующаго извѣстную ограниченную цѣль, слишкомъ утонченное обсужденіе принциповъ, не имѣющее значенія для его цѣли, представляется «метафизикой». Вопросъ о томъ, что такое *время*, какова его сущность, не имѣетъ для геолога никакого значенія и выходитъ изъ предѣловъ его изслѣдованій. Механику нѣтъ надобности знать, какъ возможны дѣйствіе и противодѣйствіе. Психологу нѣтъ времени задаваться вопросомъ, какимъ образомъ онъ и умъ, объектъ его изслѣдованія, познаютъ тотъ же внѣшній міръ. Но, безъ сомнѣнія, проблемы, не имѣющія никакого значенія съ одной точки зрѣнія, могутъ быть очень важны съ другой точки зрѣнія. Для того же, кто задается цѣлью уяснить наивозможно глубже значеніе міра, какъ цѣлаго, проблемы метафизики должны стать важнѣйшимъ объектомъ изслѣдованія. Психологія предоставляет на усмотрѣніе метафизики цѣлый рядъ такихъ проблемъ, и я намѣренъ теперь указать вкратцѣ важнѣйшія изъ нихъ. Первою изъ нихъ является выясненіе

Отношенія сознанія къ мозгу. Въ психологіи, поскольку мы будемъ разрабатывать ее, какъ естественную науку (а такой точки зрѣнія мы придерживались во всемъ предшествующемъ изложеніи), «состоянія сознанія» принимаются за непосредственныя данныя опыта; причемъ регулятивная гипотеза, которою мы руководствовались все время, заключалась въ предположеніи, что въ каждую данную минуту каждому общему состоянію нашего мозга «соотвѣтствуетъ» только одно опредѣленное состояніе сознанія. Та-

кая гипотеза остается вполне ясной до тех поръ, пока мы, вдаваясь въ область метафизики, не зададимся вопросомъ, что означаетъ слово: «соотвѣтствуетъ». Если мы хотимъ этимъ словомъ выразить не простое параллельное измѣненіе состояній мозга и состояній сознанія, а нечто большее, то понятіе, связанное съ этимъ словомъ, окажется крайне неяснымъ. Нѣкоторые думаютъ, что это понятіе можно сдѣлать болѣе яснымъ, предположивъ, что *состоянія мозга и состоянія сознанія* суть *внѣшняя и внутренняя* «стороны» одной и той-же «реальности». Другіе видятъ въ состояніяхъ сознанія реакцію нѣкоторой единой сущности, «души», на множество воздѣйствій на нее со стороны мозга. Третьи полагаютъ, что тайну взаимодействія души и тѣла можно разгадать, если предположить, что каждая мозговая клѣточка одарена особымъ сознаніемъ, и что эмпирически данное состояніе нашего сознанія есть результатъ сліянія множества отдѣльныхъ сознаній въ одно, такъ же какъ, съ другой стороны, нашъ мозгъ представляетъ собою совокупность множества нервныхъ клѣтокъ.

Первую изъ этихъ точекъ зрѣнія мы можемъ назвать *монистической*, вторую *спиритуалистической*, третью *атомистической*. Каждая изъ нихъ связана съ весьма значительными трудностями; наиболѣе состоятельной въ *логическомъ* отношеніи я считаю спиритуалистическую теорію. Но она не даетъ никакого объясненія такимъ психическимъ явленіямъ, какъ раздвоеніе личности, періодическая смѣна одной личности другою etc. (см. стр. 163-ю). Эти факты можно съ болѣшимъ удобствомъ объяснить при помощи атомистической теоріи, такъ какъ гипотеза сліянія множества подчиненныхъ сознаній въ одно общее и распаденія общаго сознанія на множество мелкихъ, подчиненныхъ, представляется болѣе мыслимой, чѣмъ гипотеза активности единого духа, то распадающагося на множество одновременно дѣйствующихъ независимо другъ отъ друга сознаній, то снова возвращающагося къ нераздѣльному единству. Локалізація психическихъ функцій въ различныхъ частяхъ мозга также представляетъ фактъ, благопріятствующій атомистической точкѣ зрѣнія. Предположимъ, что передо мною находится колокольчикъ; если я вижу его при посредствѣ затылочныхъ долей мозга, а слышу его звонъ при посредствѣ височныхъ долей, то весьма естественно можно будетъ сказать, что затылочная доля мозга *видитъ* колокольчикъ, височная *слышитъ* его звонъ, а затѣмъ зрительное и слуховое впечатлѣнія «сливаются» въ одно цѣльное воспріятіе. Такимъ образомъ, фактъ совмѣстнаго дѣйствія различныхъ частей мозга при воспріятіи даннаго объекта различными органами чувствъ объясняется, повидимому, настолько просто, что сторонникъ психическаго атомизма признаетъ не идущими къ дѣлу, «метафизическими» всѣ возраженія, приводившіяся нами (см. стр. 19, 42 и др.) противъ мысли о возможности «слия-

нія» отдѣльныхъ «частей» сознанія. Онъ пользуется гипотезой атомизма, находя ее простымъ и удобнымъ приѣмомъ для подведенія различныхъ психическихъ явленій подъ одну общую формулу.

Вопросъ о «соотвѣтствіи» между состояніями мозга и души не только представляетъ трудности для окончательнаго рѣшенія, но и въ самой постановкѣ его уже есть нѣкоторая неясность:

«L'ombre en ce lieu s'amasse, et la nuit est là toute.»

Прежде чѣмъ задаваться вопросомъ, въ чемъ заключается перемѣна психическихъ и соотвѣтствующихъ имъ фізіологическихъ процессовъ, надо найти *носителей* этихъ перемѣнъ. Надо опредѣлить, какого рода психическое явленіе и какого рода фізіологическій процессъ, такъ сказать, непосредственно противостоятъ другъ другу; мы должны отыскать такое элементарное психическое состояніе, которому бы прямо соотвѣтствовало извѣстное состояніе мозга, и, наоборотъ, опредѣлить, какому элементарному фізіологическому процессу соотвѣтствуетъ элементарное душевное явленіе. Опредѣливъ такимъ путемъ элементарный психическій и фізіологическій факты, мы могли бы установить непосредственно между ними извѣстное отношеніе въ видѣ элементарнаго психофизическаго закона.

Метѣмпирическая гипотеза существованія психическихъ атомовъ была обойдена нами, *такъ какъ мы все время принимали душевное состояніе человека во всей его цѣльности и сложности за элементарный психическій фактъ, а весь мозгъ—за элементарный физическій фактъ.* Но «весь мозгъ» вовсе не есть физическій фактъ! Это—просто названіе, которое мы придаемъ воздѣйствію на наши чувства билліоновъ молекулъ, сгруппированныхъ извѣстнымъ образомъ. Съ механической точки зрѣнія, отдѣльныя молекулы или самое большое образованныя изъ нихъ клѣточки представляютъ единственный реальный субстратъ того объекта, который въ просторѣчи называется «мозгомъ». Эту фикцію мы не можемъ противопоставлять душевнымъ состояніямъ, какъ нѣчто объективно-реальное. Объективно-реальны только физическія молекулы; онѣто и представляютъ элементарное физическое явленіе. Отсюда ясно, что элементарный психофизическій законъ мы могли бы получить, лишь ставъ на точку зрѣнія психическаго атомизма, ибо, приравнявъ молекулу за элементъ «мозга», мы, по необходимости, должны противопоставить ей, какъ простѣйшее душевное состояніе, не сознаніе во всей его цѣльности, а только элементъ сознанія. Такимъ образомъ, оказывается, что реальное въ сферѣ психической соотвѣтствуетъ нереальному въ сферѣ физической и наоборотъ, и вопросъ объ отношеніи душевныхъ явленій къ тѣлеснымъ становится еще болѣе запутаннымъ.

Отношеніе состояній сознанія къ «объектамъ». Эта запутанность вопроса о взаимодѣйствіи души и тѣла нисколько не выяснится для

насть, если мы примемъ въ соображеніе тотъ фактъ, что состоянія сознанія могутъ *познавать* (стр. 2—11). Съ точки зрѣнія здраваго смысла (а натуралисты, по большей части, придерживаются этой точки зрѣнія), познание сводится всегда къ отношенію между двумя обособленными одна отъ другой сущностями: познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ. Внѣшній міръ есть нѣчто хронологически предшествующее состояніямъ сознанія; послѣднія постепенно знакомятъ съ внѣшнимъ міромъ, причемъ ихъ познание становится все болѣе и болѣе сложнымъ. Но такое дуалистическое противоположеніе духа и матеріи не выдерживаетъ идеалистической критики. Предположимъ, что мы испытываемъ то состояніе сознанія, которое называется чистымъ ощущеніемъ (поскольку таковыя состоянія существуютъ), напримѣръ, ощущеніе *голубого цвѣта* при взглядѣ на безоблачное небо въ ясный день. Составляетъ ли этотъ голубой цвѣтъ наше ощущеніе или принадлежать «объекту» нашего ощущенія? Скажемъ ли мы, что голубой цвѣтъ въ данномъ случаѣ есть нѣкоторое свойство нашего ощущенія или есть ощущеніе нѣкотораго объективнаго свойства? Въ просторѣчьи мы выражаемся то такъ, то иначе; чтобы избѣгнуть опредѣленности выраженія, въ послѣднее время нерѣдко говорятъ «содержаніе» представленія вмѣсто «объектъ» представленія, ибо слово «содержаніе» заключаетъ въ себѣ не то нѣчто, безъ остатка разлагающееся на чисто субъективные элементы—ощущенія, не то нѣчто, приводящее въ составъ ощущенія извнѣ, со стороны, причемъ послѣднее является какъ-бы пріемникомъ, вмѣстилищемъ для внѣшняго объекта. Но «ощущенія», помимо заключеннаго въ нихъ чувственнаго содержанія, не означаютъ ровно ничего опредѣленнаго, и выраженія: «вмѣстилище», «пріемникъ» внѣшняго объекта въ примѣненіи къ нимъ не имѣютъ никакого смысла. Непосредственно испытываемое нами *ощущеніе голубого цвѣта* всего лучше обозначать неопредѣленнымъ терминомъ *явленіе, феноменъ*. Вѣдь, это ощущеніе не сознается нами *непосредственно*, какъ отношеніе между двумя реальностями, психической и физической. Только сознавая, что мы думаемъ непрерывно о *томъ же* голубомъ цвѣтѣ, мы устанавливаемъ извѣстныя отношенія между нимъ и другими объектами, причемъ онъ какъ-бы раздвоится въ нашихъ глазахъ, являясь въ связи съ одними элементами ассоціаціи нѣкоторымъ физическимъ свойствомъ, въ связи съ другими—нѣкоторымъ душевнымъ состояніемъ.

Въ противоположность непосредственнымъ ощущеніямъ наши концепты, повидимому, подчинены иному закону. Каждый концептъ является непосредственно въ качествѣ представителя чего-то выходящаго изъ его сферы. Хотя онъ и бываетъ связанъ съ извѣстнымъ непосредственно даннымъ «содержаніемъ», но это содержаніе сопровождается «психическими оборотами», которые

даютъ намъ знать, что оно «служить представителемъ» чего-то выходящаго изъ его предѣловъ. Такъ, напримѣръ, «голубой цвѣтъ», о которомъ мы только-что говорили, представляетъ собою въ сущности *два слова*, но эти два слова имѣютъ извѣстное *значеніе*. *Содержаніемъ* мысли въ данномъ случаѣ были слова, а *объектомъ*— качество голубого цвѣта. Короче сказать, въ данномъ случаѣ испытываемое нами душевное состояніе не обособлено отъ всего остального, какъ простѣйшія ощущенія, но служить указаніемъ на нѣчто, находящееся внѣ его предѣловъ и означаемое имъ.

Но какъ только мы допустимъ, что всякій объектъ и всякое душевное состояніе, подобно простѣйшимъ ощущеніямъ, представляютъ собою только двѣ различныхъ точки зрѣнія на одинъ и тотъ же фактъ, то невольно возникаетъ вопросъ, по какому праву мы считали невозможной дѣлимость душевныхъ состояній на части. Вѣдь, съ физической точки зрѣнія, голубое небо представляетъ собою совокупность находящихся рядомъ другъ съ другомъ протяженныхъ частицъ, почему же не считать его и съ психологической точки зрѣнія такою же совокупностью элементовъ?

Изъ всего сказаннаго мы можемъ только заключить, что отношенія между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ объектомъ безконечно сложны, и что общепринятый, усвоенный натуралистами взглядъ на эти отношенія не выдерживаетъ критики. Эти отношенія могутъ быть окончательно выяснены только путемъ тонкаго метафизическаго анализа; только съ помощью философскихъ умозрѣній идеалистическаго характера и изслѣдованій въ области такъ называемой «теоріи знанія» (*Erkenntnisstheorie*) для насъ станетъ вполне яснымъ принимаемое натуралистами на вѣру утвержденіе, будто наши мысли «познаютъ» внѣшніе объекты.

Не менѣе трудную метафизическую проблему представляетъ выясненіе измѣнчиваго характера нашего сознанія. Сначала мы принимали «состоянія» сознанія за тѣ психическія единицы, съ которыми имѣетъ дѣло психологія, затѣмъ мы добавили, что эти состоянія непрерывно измѣняются. Но каждое состояніе сознанія, чтобы *дѣйствительно* быть таковымъ, должно обладать извѣстной продолжительностью (вѣдь, боль, продолжающаяся менѣе 0,01 секунды, въ сущности не можетъ быть названа болью), вслѣдствіе чего возникаетъ вопросъ, какою продолжительностью должно обладать состояніе сознанія, чтобы его можно было считать *однимъ, отдельнымъ* состояніемъ. Такъ, напримѣръ, если въ воспріятіи времени непосредственно «познаваемое» настоящее («приблизительное» настоящее, какъ мы условились называть его) равно двѣнадцати секундамъ, то какъ велико должно быть непосредственное настоящее для «познающаго» субъекта? То есть, каковъ долженъ быть для нашего сознанія *минимумъ* длительности, при которомъ эти двѣнадцать секундъ могутъ считаться только-что истекшими, ми-

пшшш, который могъ бы въ силу этого быть названъ отдѣльнымъ «состояніемъ» сознанія? Сознание, какъ процессъ, протекающій во времени, даетъ поводъ ко всѣмъ тѣмъ парадоксамъ, въ какихъ вообще приводитъ понятіе непрерывной переменны. Въ такомъ процессѣ нѣтъ отдѣльныхъ состояній, такъ же, какъ нѣтъ граней въ кругѣ, и нѣтъ въ траекторіи летящей стрѣлы такихъ мѣстъ, гдѣ бы послѣдняя «покоилась». Перпендикуляръ, который мы опустили на линію времени (см. стр. 266-ю), желая этимъ обозначить проэкцію явленій минувшаго опыта въ нашей памяти, представляетъ просто фивцію воображенія. Тѣмъ не менѣе этотъ перпендикуляръ непременно долженъ быть математической линіей, не имѣющей толщины, такъ какъ *дѣйствительное* настоящее представляетъ простую пограничную линію между настоящимъ и прошедшимъ, которая не должна обладать толщиной. Въ такомъ случаѣ можемъ ли мы говорить о «состояніяхъ» тамъ, гдѣ имѣемъ дѣло съ непрерывнымъ—измѣняющимся процессомъ? Но, съ другой стороны, можемъ ли мы обойтись безъ «состояній» сознанія, описывая тѣ явленія, въ которыхъ заключается все наше познаніе?

Существованіе состояній сознанія, какъ таковыхъ, не есть вполнѣ доказанный фактъ. Но «худшее ожидаетъ насъ впереди». Ни съ точки зрѣнія здраваго смысла, ни съ точки зрѣнія психологіи (поскольку такая наука существуетъ), никто еще не сомнѣвался въ томъ, что состоянія сознанія, изучаемыя этой наукой, суть непосредственныя данныя опыта. Высказывались сомнѣнія въ существованіи «объектовъ» нашихъ ощущеній, но никто не сомнѣвался въ существованіи самыхъ мыслей и чувствъ. Были мыслители, отрицавшіе существованіе внѣшняго міра, но въ существованіи внутренняго міра никто не сомнѣвался. Всякій утверждаетъ, что самонаблюденіе непосредственно раскрываетъ передъ нами смѣну душевныхъ состояній, познаваемыхъ нами въ качествѣ внутренняго душевнаго процесса, противопологаемаго тѣмъ внѣшнимъ объектамъ, которые мы съ помощью его познаемъ. Что же касается меня, то я долженъ сознаться, что не вполнѣ увѣренъ въ существованіи этого внутренняго процесса. Всякій разъ, какъ я дѣлаю попытку подмѣтить въ себѣ какой-нибудь душевный процессъ, я наталкиваюсь непременно на чисто физическій фактъ, на какое-нибудь впечатлѣніе, идущее отъ головы, бровей, горла или носа. Мнѣ кажется при этомъ, что душевная активность является скорѣе *постулируемымъ*, чѣмъ непосредственно-даннымъ чувственнымъ фактомъ; что личность познающаго субъекта, воспринимающаго всю совокупность познаваемого, постулируется мною, а не дана прямо въ опытѣ; и что лучше ее было бы обозначать словомъ «познаваемость». Но допускать «познаваемость» явленій опыта въ качествѣ гипотезы и принимать состоянія сознанія за аподиктически достовѣрный фактъ, непосредственно данный намъ внутреннимъ чувствомъ—далеко не одно и

то-же. Въ силу этого соображенія мы должны оставить открытымъ вопросъ о томъ, *кто истинный субъектъ познанія*, а отвѣтъ на него, данный нами въ концѣ XII-й главы, считать условнымъ рѣшеніемъ вопроса съ точки зрѣнія здраваго смысла, рѣшеніемъ, которое требуетъ критической провѣрки.

Заключеніе. Итакъ, толкуя все время о «психологіи, какъ естественной наукѣ», мы не должны думать, что у насъ рѣчь идетъ о наукѣ, установленной на прочномъ, неизблемомъ основаніи. Наоборотъ, называя психологію естественной наукой, мы хотимъ сказать, что она въ настоящее время представляетъ простую совокупность отрывочныхъ эмпирическихъ данныхъ; что въ ея предѣлы отовсюду неудержимо вторгается философскій критицизмъ; и что коренныя основы этой психологіи, ея первичныя данныя, должны быть обследованы съ болѣе широкой точки зрѣнія и представлены въ совершенно новомъ свѣтѣ. Короче сказать, названіе естественной науки указываетъ на то, что психологія обладаетъ всѣми несовершенствами чисто эмпирической науки и не должно вызывать въ психологахъ наивной увѣренности въ цвѣтущемъ состояніи изучаемой ими научной области. Довольно странно слушать, когда начинаютъ толковать о «новѣйшей психологіи» и ищутъ «исторіи психологіи», забывая, что даже основные элементы и факторы въ сферѣ психическихъ явленій не установлены съ надлежащей точностью. Что представляетъ собою психологія въ данную минуту?—Кучу сырого фактическаго матеріала, порядочную разногласицу во мнѣніяхъ, рядъ слабыхъ попытокъ классификацій и эмпирическихъ обобщеній чисто описательнаго характера, глубоко укоренившійся предразсудокъ, будто мы *обладаемъ* состояніями сознанія, а мозгъ нашъ обуславливаетъ ихъ существованіе, но ни одного закона въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ это слово въ области физическихъ явленій, ни одного положенія, изъ котораго могли бы быть выведены слѣдствія дедуктивнымъ путемъ. Намъ неизвѣстны даже тѣ факторы, между которыми могли бы быть установлены отношенія въ видѣ элементарныхъ психическихъ законовъ (см. стр. 388-ю). Короче, психологія еще не наука, это—нѣчто, обѣщающее въ будущемъ стать наукой. Ея матеріалъ находится въ нашемъ распоряженіи. Мы знаемъ, что въ соотношеніяхъ между извѣстными мозговыми процессами и извѣстною «познаваемостью» существуетъ какая-то закономерность. Мы можемъ составить себѣ слабое представленіе о томъ, чѣмъ бы могла стать въ концѣ-концовъ психологія, и знаемъ, что по сравненіи съ такимъ состояніемъ этой науки современное положеніе ея является до крайности несовершеннымъ. Можно сказать, что въ настоящее время психологія находится приблизительно въ томъ фазисѣ развитія, въ какомъ была физика и ученіе о законахъ движенія до Галилея, или химія и мысль о постоянствѣ массъ при превращеніяхъ веществъ до Лавуазье. Когда

въ области психологiи явится свой Галилей или Лавуазье, то это, навѣрное, будетъ величайшiй генiй; можно надѣяться, что наступитъ время, когда такой генiй явится и въ психологiи, если только на основанiи прошлаго въ исторiи науки можно дѣлать догадки о ея будущемъ. Такой генiй по необходимости будетъ «метафизикомъ». А для того, чтобы ускорить его появленiе, мы должны сознавать, какой мракъ облекаетъ сферу психическихъ явленiй, и никогда не забывать, что принятыя нами на вѣру положенiя, на которыя опирается все естественно-историческое изслѣдованiе психическихъ явленiй, имѣютъ временное, условное значенiе и требуютъ критической провѣрки.

Index nominum.

Аврелій, Маркъ 144, 148.
Агассисъ 96.
Азамъ 163.
Алленъ, Грантъ 77.
Амидовъ 95.
Аристотель 255.
Арчеръ 314.

Вайярдъ 208.
Банвенъ 108.
Бетховенъ 245.
Веркли 124, 241, 281—3.
Винъ 244, 255, 268—9.
Вирдъ, Гольденъ 27, 61.
Вликсъ 48, 51.
Бриджманъ, Лаура 199.
Бродгэнъ 36.
Брожа 80, 82—3.
Бруксъ 341.
Брессъ, Юлія 199.
Брюкке 93.
Бэнъ 106, 107, 246, 299, 303.
Бэнъ-Ломондъ 212.

Вандербильдъ 144.
Веберъ 14, 21, 36, 44.
Веллингтонъ 104.
Вернике 82—3.
Весли 174.
Виганъ 239, 79.
Виргилій 248.
Вольтеръ 13.
Вундтъ 9, 14 20, 88 — 91, 171, 183,
222—3, 318—9.

Гагенауэръ 317.
Галлей 391—2.
Гальтонъ 91, 124, 210, 242, 244.
Гамильтонъ 212.
Ганкель 89.
Гарфильдъ 140.
Гёксли 104, 124.
Гельмгольдъ 21—2, 32, 33, 41—44, 86,
115, 176, 181—3, 257.
Гербартъ 117, 173, 185, 262.
Герингъ 22, 32, 35, 275.
Гертли 201—2.
Герценъ 89.
Гёте 107.

Гиппъ 87.
Гиршъ 89.
Гито 140.
Гоббесъ 20.
Гогенцоллерны 144.
Годжсонъ 209, 221, 224.
Гольцъ 71, 74.
Голль 174.
Гольбрукъ 236.
Гольдшейдеръ 9, 48, 51, 56.
Гомеръ 195, 248, 285.
Горацій 248.
Горвицъ 145.
Горслей 79, 85.
Грантъ 268.
Гэрней 267, 270.

Данте 195, 370.
Дарвинъ 234, 265, 296, 316, 318, 319,
341.

Декартъ 306.
Делажъ 58—9.
Джонсенъ 206.
Джэксонъ 78, 84.
Джефферсонъ 111.
Дональдсонъ 48.
Дюма 211.
Дюмонъ 98.

Жане, Пьеръ 163, 240.

Ювъ 148.

Кандинскій 267.
Кантъ 158.
Карлейль 143.
Карлъ Великій 233.
Карпентеръ 174, 351.
Каттель 90, 91, 170.
Кёнигъ 36.
Кинглей 296.
Клоустонъ 362.
Крисхаберъ 161.

Лавуазье 391—2.
Ланге 88.
Ладдъ 1.
Ладарусъ 239, 259.
Лавгяе 61.

Легуве 245.
Лейбницъ 233.
Леонія 164.
Линдсей 342.
Локкъ 117, 191, 201, 241.
Ломбардъ 95.
Лотце 132, 351.
Луазеттъ 238.
Льюисъ 9, 182, 263.
Людвигъ 94.
Лютеръ 233, 358.
Мантегацца 316, 320.
Марикъ 85.
Мартино 198.
Мартинъ 30, 49, 52.
Маттейчи 86.
Маудсли 100.
Махъ 57.
Мейеръ 240, 249.
Мейнертъ 78, 84.
Мервель 44, 50.
Мишль, Джэмсъ 151, 229.
Мишль, Джонъ 109, 117, 219, 298.
Морганъ, Ллойдъ 300.
Морель 61.
Моссо 94.
Моцартъ 241.
Мункъ 80.
Муссей 365.
Мюнстербергъ 19, 249.
Ноннъ 83.
Наполеонъ 189, 210.
Ньютонъ 295.
Озу 36, 59.
Остенъ 206.
Панеть 85.
Паскаль 174.
Пере 337.
Пидеритъ 319.
Пинель 379.
Платонъ 188.
Поланъ 170—1.
Прейеръ 335, 339.
Пуркинье 57.
Рестифъ 367.
Рибо 160, 239.
Ридъ 251.
Робертсонъ 255.
Ровенталь 9.

Романсъ 92, 258, 300.
Росси 84.
Руссо 109, 367.
Рескинъ 279.
Рельманъ 284.
Саутгардъ 349.
Скоттъ 249.
Скоттъ, Вальтеръ 233.
Скрибъ 245.
Смитъ, Адамъ 189.
Сократъ 190.
Спальдингъ 330.
Спенсеръ 234, 317, 318, 320.
Старръ 79, 82—4.

Тенниссонъ 208.
Томсонъ 93.
Тэккерей 140.
Тэвъ 161.

Уитстонъ 282.
Уорнеръ 289.
Урбанчикъ 21.

Фелида 163.
Фере 249.
Феррье 95.
Фехнеръ 17—19, 150, 179.
Фирордтъ 54.
Фолькманнъ 226
Фостеръ 61.
Франклинъ 87.
Францъ 247.

Цигенъ 20.

Чермакъ 53—4.

Шарко 82—3, 247.
Шекспиръ 210.
Шиффъ 95.
Шмидтъ 249.
Шнейдеръ 55, 322, 339, 103—4.
Шопенгауеръ 131.
Штейнталь 263.
Штриккеръ 245—6.
Штрюмпелль 345.
Шэферъ 79, 80, 85.

Экснеръ 86, 89.
Элиотъ 206.
Эникетъ 143.
Юмъ 124, 191.

Index rerum

- Абстрактныя идеи 189.
Автоматизмъ, теорія автоматизма 75.
Агорафобія 342.
Аккомодация 24; акк. въ ухѣ 37.
Алексія 81.
Анализъ психическихъ явленій 111.
Апперцепція 262.
Ассоциация, гл. XVI, 199.
Атомистическая теорія сознания 386.
Афазія 81.
- Бараній мозгъ, разсѣченіе 6. мозга 61.
Биноклярное зрѣніе 25.
Боль, гл. V, 45.
Ворьба между отдѣльными сторонами личности 141.
Бугры зрительные 60.
- Вкусъ 52.
Вниманіе, гл. XIII, 168.
Внѣшній міръ 3.
Воля, гл. XXVI, 343.
Воображеніе, гл. XIX, 240.
Восприимчивость 238.
Восприимчивость памяти 235.
Восприятіе, гл. XX, 250.
Воспроизведеніе полное 205; неполное 207.
Восприятіе пространства, гл. XXI, 270.
Вращеніе 57.
Время, чувство времени, гл. XVII, 221.
Выборъ 128.
Высота звука 40.
Вѣроятное восприятіе 253.
- Галлюцинація 266.
Гармонія 44.
Геній и вниманіе 177.
Гипнозъ, его вліяніе на память 240.
Глазъ, анатомія глаза 22.
Гнѣвъ 305.
Голодь 52.
Голубь, его низшіе центры 71.
- Давленіе, чувство давленія, 45.
Движеніе, ощущенія движенія, гл. VI, 53.
- Детерминизмъ и психологія, 381.
Диссонансъ 44.
Диффузія движеній 303.
Длительность 222.
Драчливость 336.
Духовная субстанція 150.
Духовная личность 137.
Душа, какъ психологическій принципъ 157.
Душевная слѣбота 81.
- Единство въ невѣдчивости сознания 150.
Естественныя науки и психологія 1.
- Желтое пятно 24.
Желудочки мозговые 60.
Живость зрительнаго воображенія 241.
Животныя, ихъ мышленіе 300.
- Забвеніе 239.
Запахъ 52.
Запоминаніе 229.
Задерживающее вліяніе привычекъ на инстинкты 328.
Законъ Вебера 14; в. Фехнера 17; з. относительности 20.
Застѣчивость 336.
Затылочные доли 80.
Звукъ 40.
Знаніе, теорія знанія 369.
Зона моторная 79.
Зрительныя слѣды 33.
- Идеализмъ 1, 388.
«Идеационное» возбужденіе центра 181.
Идеомоторный актъ 350.
Измѣненіе личности 159.
Измѣнчивыя состоянія сознания 119.
Измѣненіе ощущеній 14; изм. температуры мозга 95.
Измѣненіе третье 281.
Изоляція 300.
Иллюзія 254.
Иннервация, чувство иннервации 346.

Инстинктъ, гл. XXV, 321.
 Интенсивность ощущеній 13.
 Интересъ 267.
 Инфлуэнтъ 300.
 Качество звука 40.
 Кашель 335.
 Кинестетическія ощущенія 345.
 Кожныя ощущенія 45.
 Коммиссуры 65.
 Конечный поводъ къ движенію 348.
 Конвергенція 25.
 Контрастъ 21.
 Концепты 187.
 Бора мозговая 79.
 Лабиринтъ 38.
 Личное тожество 154.
 Личность, гл. XII, 132.
 Личный интересъ въ мышленія 291.
 Локализація ощущеній 46.
 Любовь 305.
 Любопытство 336.
 Лагушка, ея нервныя центры 67.
 Материализмъ 6.
 Медумивмъ 165.
 Метафизика 384.
 Мозгъ, его строеніе, гл. VII, 59; его
 функція, гл. VIII, 66.
 Мозжечекъ 59.
 Монистическая теорія сознания 386.
 Морская болѣзнь 320.
 Мускульное чувство 45.
 Мысль и фосфоръ 95.
 Мышленіе, гл. XXII, 285.
 Наклонность къ приобрѣтенію 150.
 Наслажденіе и страданіе 370.
 Настоящее, приближительное н. 222.
 Невнимательность 185.
 Недавность, какъ одно изъ условій вос-
 произведенія 210.
 Недостаточное задержаніе движеній 363
 Непроизвольное теченіе мыслей 203.
 Нервный разрядъ 86.
 Нервные центры 67.
 Обдуманныя дѣйствія 355
 Обертонъ 41.
 Обонятельныя доли 62.
 Образы звуковыя, 244; образы мускуль-
 наго чувства, 245; осязательныя обра-
 зы 246.
 Общительность 336.
 Общіе концепты 188.
 Объединеніе различныхъ видовъ ощу-
 щеній въ одну «вещь» 274.
 Объективность предметовъ ощущенія
 12.

Объемность ощущеній 272.
 Объемъ сознания 170.
 Ограниченность сознания 168.
 Окружающая обстановка, ея вспомо-
 ное способствуетъ различенію 197.
 Осязаніе, гл. V, 45.
 Отношенія между мыслями 126.
 Ощущеніе, гл. II, 7.
 Память, гл. XVIII, 227.
 Паутинная оболочка 62.
 Педагогическія замѣчанія о вниманіи
 185.
 Первичная сила—усиліе 368.
 Перемиженіе 58.
 Пластичность мозга 98.
 Плетизмографъ 94.
 Подражаніе 336.
 Полуокружные каналы 38.
 Полушарія, общія понятія о полуша-
 рьяхъ 72.
 Послѣдовательность ощущеній 226.
 Подраздѣленія пространства 273.
 Потокъ сознания, гл. XI, 111.
 Повышенная и пониженная актив-
 ность воли 363, 366.
 Преходящій характеръ инстинктовъ
 329.
 Привычка, гл. X, 97.
 Припомнаніе 229.
 Приспособленіе органа чувствъ при
 вниманіи 179.
 Притокъ крови къ мозгу 94.
 Проблематическіе объекты мысли 188.
 Проблемы, ихъ разрѣшеніе 215—6.
 Произвольные акты 355; произвольное
 вниманіе 174.
 Проницательность 295.
 Протяженность 271.
 Проекція ощущеній 12.
 Психическіе обертонъ 122.
 Психологія, опредѣленіе психологіи 1.
 Псевдогаллюцинація 267.
 Психофизическій законъ 16.
 Равноеніе личности 159.
 Различеніе, гл. XV, 191.
 Различія, виды различій 192.
 Разрядъ, первый 86.
 Разсѣненіе бараньяго мозга 61.
 Размѣръ 30.
 Разстояніе, воспріятіе разстоянія 29.
 Разсѣяніе вниманія 169.
 Реакція простая 87; сложныя р. 89.
 Реальная величина 280.
 Реальное пространство 273.
 Редупликація 206.
 Ретина 23.
 Рецептъ 300.
 Рефлексъ, рефлекторныя акты 67.

Рѣчь 82.

Рѣшимость, пять видовъ ея 356.

Самонаблюденіе 111.

Самооцѣнка 138.

Самосохраненіе 139.

Свобода воли и вниманіе 186, 380.

Сильвиевъ водопроводъ 59.

Скромность 336.

Сліяніе психическихъ состояній 152.

Слѣпое пятно 23.

Слѣпота душевная 81.

Сложное стимуловъ 93; сложное ощущеній 32.

Слуховой центръ въ мозгу 82; слуховой типъ воображенія 244.

Согласіе въ воленіи 353.

Сознаніе, потокъ сознанія, гл. XI, 111.

Сознаніе и движеніе, гл. XXIII, 302.

Соревнованіе 336.

Соціальная личность 135.

Специфическія энергіи 9.

Спиритуалистическая теорія сознанія 386.

Страхъ, описаніе страха 316.

Стыдъ 305.

Сфигмографъ 94.

Сходство, ассоціаціи по сходству 212.

Тактильный центръ 84.

Телеологическій характеръ развитія душевной жизни 4.

Термическія ощущенія, гл. V, 45.

Типы рѣшимости 356.

Тождество личности 156.

Трансцендентальное «я» 167.

Тѣлесность образовъ 28.

Тѣлесныя проявленія эмоцій 307.

Тѣмбръ 41.

Тяжесть, ощущенія тяжести 50.

Упомянутельство 160.

Умъ, его роль при воспріятіи пространственныхъ отношеній 283.

Упражненіе, его значеніе въ развитіи различенія 198.

Усиліе 360.

Устойчивыя состоянія сознанія 119.

Ухо 37.

Физическая личность 134.

Философія и психологія 384.

Фосфоръ и мысль 95.

Функции мозга, гл. VIII, 66.

Холодъ, ощущеніе холода 48.

Хроноскопическіе часы 87.

Цвѣтковыя ощущенія 31.

Чиханіе 335.

Чрезмѣрная сила импульса 365.

Чувствительность въ сочлененіяхъ 56.

Чувство усилія 360.

Чиханіе 335.

Шумы, какъ стимулы страха, 337.

Щекотливость 320.

Эмбриологическій очеркъ развитія мозга 59.

Эмпирическое «я» 133.

Эмоція, гл. XXIV, 304.

Эмоціональный тонъ 211.

Этическое значеніе усилія 382.

«Я» эмпирическое, «я» трансцендентальное 133.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе автора .

Предисловіе переводчика.

Статья переводчика: «*Философское значеніе психологических воззрній Джемса*» .

ГЛАВА I.

Введеніе.

Опредѣленіе психологіи	1
Психологія должна излагаться, какъ естественная наука.	1
Психологическія явленія не могутъ изучаться надлежащимъ образомъ независимо отъ физическихъ условій познаваемого міра	3
Развитіе душевно й жизни есть явленіе по преимуществу телеологическаго характера	4
Всѣ душевныя явленія сопровождаются извѣстнаго рода тѣлесными процессами	4
Непосредственнымъ условіемъ, опредѣляющимъ состояніе сознанія, служатъ извѣстные процессы въ мозговыхъ полушаріяхъ	4
Это соображеніе служитъ руководящей гипотезой всей физиологической психологіи послѣднихъ лѣтъ	5
Подраздѣленіе психологіи	6

ГЛАВА II.

Объ ощущеніи вообще.

Центростремительные токи суть единственные нормальные агенты, дѣйствующие на мозгъ	7
Каждый приносящій нервъ идетъ отъ опредѣленной части периферіи и возбуждается ко внутренней дѣятельности особою внѣшнею силой	8
«Специфическія энергія» различныхъ частей мозга	9
Отличіе ощущенія отъ воспріятія	10
Въ ощущеніяхъ есть способность къ познаванію	11
Познаваніе чего-нибудь и познаніе о чемъ-нибудь	11
Отличіе ощущеній отъ воспроявленныхъ представленій	12
Объективность предметовъ ощущенія	12
Интенсивность ощущеній	13

Законъ Вебера	14
Законъ Фехнера	17
Ощущенія не суть нѣчто сложное	19
Такъ называемый «законъ относительности»	20
Эффекты контраста	21

ГЛАВА III.

Зрѣніе.

Описаніе строенія глаза	22
Слѣпое пятно	23
Желтое пятно	24
Аккомодация	24
Аккомодация сопровождается конвергенціей	25
Полученіе одного изображенія при бинокулярномъ зрѣніи	25
Двойныя изображенія	27
Тѣлесность образовъ	28
Воспріятіе разстоянія	29
Воспріятіе размѣра	30
Ощущенія цвѣта	31
Смѣшеніе цвѣтовъ	31
Продолжительность свѣтовыхъ ощущеній	33
Отрицательные зрительные слѣды	33
Интенсивность свѣта въ свѣтащихся предметахъ	35

ГЛАВА IV.

Слухъ.

Ухо	36
Аккомодация въ ухѣ	37
Внутреннее ухо	38
Костный лабиринтъ	38
Перепончатый лабиринтъ	38
Концевые органы	39
Различныя качества звука	40
Высота	40
Тѣмбръ	41
Разложеніе сложныхъ формъ звуковыхъ волнъ	41
Такъ называемое смѣшеніе слуховыхъ ощущеній	42
Гармонія и диссонансъ	44
Чувствительность уха къ различенію	44

ГЛАВА V.

Осязаніе, термическое чувство, мускульное чувство и боль.

Окончанія нервовъ въ кожѣ	45
Осязаніе или чувство давленія	45
Способность кожи къ локализациі ощущеній	46
Термическое чувство. Его концевые органы	49
Термическое чувство зависитъ отъ состоянія кожи	48
Мускульное чувство	49
Ощущеніе тяжести	50
Боль	50
Вкуса, запаха, ощущеній голода, жажды, тошноты и другихъ органическихъ ощущеній мы не будемъ разбирать въ настоящемъ сочиненіи	52

ГЛАВА VI.

Ощущенія движенія.

Ощущенія двигающихся по поверхности тѣла предметовъ	53
Ощущенія движенія въ пространствѣ	57

ГЛАВА VII.

Строеніе мозга.

Эмбриологическій очеркъ	59
Разсѣченіе бараньяго мозга.	61

ГЛАВА VIII.

Функціи мозга.

Общее понятіе о нервныхъ функціяхъ	66
Нервные центры лягушки	67
Низшіе центры голуба	71
Общее понятіе о полушаріяхъ	72
Теорія автоматизма	75
Локализациа функцій въ полушаріяхъ	78

Психическіе и физиологическіе элементы	78
Область двигательныхъ центровъ.	79
Зрительный центръ.	80
Душевная слѣпота.	81
Центръ слуха.	82
Обонятельный, вкусовой и осязательный центры	84
Заключеніе.	84

ГЛАВА IX.

Нѣкоторыя общія условія нервной дѣятельности.

Нервный разрядъ	86
Время реакціи.	86
Простыя реакціи	87
Сложныя реакціи	89
Сложеніе стимуловъ.	93
Притокъ крови къ мозгу	94
Измѣреніе температуры мозга	95
Фосфоръ и мысль.	95

ГЛАВА X.

Привычка.

Важное ея значеніе въ психологіи	97
Въ основаніи привычки лежитъ физическій законъ	97
Привычки обусловлены образованіемъ путей черезъ нервныя центры.	99
Практическое значеніе привычки	100
Привычка обусловлена рядомъ ощущеній, конечное назначеніе коихъ не предвидится нами	103
Важность принципа приученія въ этикѣ и въ педагогикѣ	104

ГЛАВА XI.

Потокъ сознанія.

Порядокъ нашего изслѣдованія долженъ быть аналитическимъ	111
Основной фактъ психологіи.	112
Четыре свойства сознанія	113
Всякое «душевное состояніе или мысль» есть часть личнаго сознанія	113
Въ сознаніи происходятъ непрерывныя перемѣны.	114
Въ каждомъ личномъ сознаніи процессъ мышленія представляетъ сплошной рядъ ощущеній.	117

Устойчивыя и измѣнчивыя состоянія сознанія	119
Объектъ сознанія всегда связанъ съ психическими обортонами	122
Физиологическія условія психическихъ оборотовъ	124
Содержаніе мысли	125
Между мыслями всегда существуетъ какое-нибудь рациональное отношеніе.	126
Сознаніе всегда бываетъ болѣе заинтересовано въ одной сторонѣ объекта мысли, чѣмъ въ другой, производя во все время процесса мышленія навѣстный выборъ между его элементами, отвергая одни изъ нихъ и симпатизируя другимъ	128

ГЛАВА XII.

Личность.

«Личность» и «Я»	132
А) Познаваемый элементъ въ сознаніи	133
Эмпирическое «я» или «личность».	133
Физическая личность	134
Соціальная личность	135
Духовная личность	137
Самооцѣнка	138
Заботы о физической личности	139
Заботы о соціальной личности	140
Заботы о духовной личности	141
Соперничество и столкновенія между отдѣльными сторонами личности	141
Иерархія личностей	144
Телеологическое значеніе заботъ о своей личности	148
Итогъ	149
В) Познающій элементъ въ сознаніи	150
Единство въ измѣнчивости сознанія	150
Раздѣльныя состоянія сознанія не могутъ смѣшиваться	152
Душа, какъ комбинирующая среда	154
Чувство личнаго тождества	154
Тождество въ личности, какъ познаваемомъ элементѣ	155
Тождество въ личности, какъ познающемъ элементѣ	156
Какъ наше «Я» присваиваетъ себѣ содержаніе личности	157
Измѣненія и раздвоенія личности	159
Итогъ главы и психологическое заключеніе	167

ГЛАВА XIII.

Вниманіе.

Ограниченность сознанія	168
Ея физиологическая подкладка	168

Рассѣяніе вниманія	169
Объемъ сознанія	170
Различныя виды вниманія	171
Произвольное вниманіе всегда бываетъ апперцептивнымъ	172
Произвольное вниманіе	174
Геній и вниманіе	177
Физиологическія условія вниманія	178
Приспособленіе органа чувствъ	179
«Идеационное» возбужденіе центра	181
Педагогическія замѣчанія	185
Вниманіе и свобода воли	186

ГЛАВА XIV.

Образованіе концептовъ.

Различныя состоянія сознанія могутъ означать одно и то-же	187
Концепты абстрактныхъ или общихъ и проблематическихъ объектовъ мысли	188
То, что мы познаемъ, какъ тождественное, всегда познается нами въ новомъ состояніи сознанія	190

ГЛАВА XV.

Различеніе.

Различеніе и ассоціація	191
Что такое различеніе?	192
Условія, благопріятствующія акту различенія	192
Непосредственно ощущаемыя различія	192
Различія, о которыхъ мы заключаемъ	195
«Выдѣленіе» элементовъ изъ сложныхъ комплексовъ	195
Элементы, которыхъ нельзя изолировать другъ отъ друга, могутъ различаться нами, если при этомъ измѣняется окружающая обстановка	197
Способность различенія развивается при упражненіи	198

ГЛАВА XVI.

Ассоціація.

Порядокъ нашихъ идей	199
Опредѣляется ли чередованіе нашихъ идей какими-нибудь законами?	200
Эти законы суть законы мозговыхъ процессовъ	201
Не идеи ассоціируются между собою, а объекты	202

Основной принцип	202
Непроизвольное течение мыслей	203
Полное воспроизведение	205
Неполное воспроизведение	207
Какой элемент ассоциация должен выступать на первый планъ при не- полномъ воспроизведеніи?	209
Ассоциация по сходству	212
Общій взглядъ на непроизвольное течение мыслей	214
Произвольное течение мыслей	214
Проблемы	215
Разрѣшеніе проблемъ	216
Сходство не есть элементарный законъ	219
Заключеніе	220

ГЛАВА XVII.

Чувство времени.

Настоящее ощущеніе имѣетъ извѣстную продолжительность	221
Мы не обладаемъ чувствомъ пустого времени	222
Оцѣнка болѣе длинныхъ промежутковъ времени	223
Ощущеніе прошедшаго времени есть настоящее	226

ГЛАВА XVIII.

Память.

Анализъ явленія памяти	227
Запоминаніе и припоминаніе	229
Припоминаніе объясняется при помощи ассоциация	229
Ассоциация объясняетъ также и запоминаніе	231
Физиологическая схема	231
Условія хорошей памяти	232
Почему зубреніе представляетъ такой дурной способъ ученья?	235
Прирожденная восприимчивость памяти человѣка неизмѣнна	235
Усовершенствованіе памяти	237
Восприизнаніе	238
Забвеніе	239
Патологическія условія	240

ГЛАВА XIX.

Воображеніе.

Что такое воображеніе	240
Живость зрительнаго воображенія у различныхъ людей различна	240
Звуковые образы	244

Образы мускульнаго чувства	245
Осязательные образы	246
Патологическія особенности	247
Нервные процессы, обуславливающіе воображеніе	248

ГЛАВА XX.

Воспріятіе.

Сравненіе воспріятія съ ощущеніемъ	250
Воспріятіе не есть сложное состояніе сознанія	251
Воспріятіе бываетъ или вполне определеннымъ, или только въроатнымъ	253
Иллюзія	254
Иллюзія перваго типа	255
Своеобразныя иллюзіи движенія	256
Иллюзія втораго типа	258
Апперцепція	262
Геній и рутина привычнаго мышленія	263
Физиологическій процессъ, обуславлиющій воспріятіе	266
Галлюцинаціи	266
Галлюцинація и иллюзія	268

ГЛАВА XXI.

Воспріятіе пространства.

Протяженность, какъ свойство, общее всѣмъ ощущеніямъ	271
Построеніе реальнаго пространства	273
1) Подраздѣленіе и различеніе	273
2) Объединеніе различныхъ видовъ ощущеній въ одну «вещь»	274
3) Совнаваніе окружающаго міра	275
4) Порядокъ въ пространственномъ расположеніи предметовъ	276
5) Взаимная связѣмость объектовъ	277
Огромное большинство ощущеній служатъ лишь указаніемъ на наличность другихъ ощущеній, которыя считаются связанными съ болѣе реальными пространственными отношеніями	280
Третье измѣреніе или разстояніе	281
Роль ума при воспріятіи пространственныхъ отношеній	283
Заключеніе	284

ГЛАВА XXII.

Мышленіе.

Точное определеніе «мышленія»	287
Что такое точка зрѣнія на данный предметъ	288

Мышление всегда связано съ личнымъ интересомъ	291
Въ мышленіи есть двѣ весьма важныхъ стороны	293
Проницательность	295
Помощь, которую намъ оказываютъ при мышленіи ассоціаціи по сходству	297
Умственные способности животныхъ	300

ГЛАВА XXIII.

Сознаніе и движеніе.

Всякое состояніе сознанія связано съ двигательными процессами	302
---	-----

ГЛАВА XXIV.

Эмоція.

Сравненіе эмоцій съ инстинктами	304
Разнообразіе эмоцій безконечно велико	305
Причина разнообразія эмоцій	306
Чувствованіе въ грубыхъ формахъ эмоціи есть результатъ ея тѣлеснаго проявленія	307
Моя точка зрѣнія не можетъ быть названа материалистической	312
Предлагаемая точка зрѣнія объясняетъ удивительное разнообразіе эмоцій	312
Дополнительное доказательство въ пользу моей теоріи	313
Отвѣтъ на возможное возраженіе	314
Болѣе тонкія эмоціи	315
Описаніе страха	316
Происхожденіе эмоциональныхъ реакцій	317

ГЛАВА XXV.

Инстинктъ.

Что такое инстинктъ	321
Всякій инстинктъ есть импульсъ	322
Инстинкты не всегда бываютъ слѣпы и неизмѣнны	324
Два фактора, нарушающихъ единообразіе инстинктовъ	328
Законъ задерживающаго вліянія привычекъ	328
Законъ измѣнчивости инстинктовъ	331
Перечисленіе человѣческихъ инстинктовъ	335
Описаніе страха	337

ГЛАВА XXVI.

Воля.

Волевые акты.	343
Волевые акты суть производныя функціи нашего организма.	343
Два различныхъ рода идей о движеніяхъ.	345
Нѣтъ основанія предполагать существованіе какого-либо третьяго рода моторныхъ идей.	346
Конечный поводъ къ движенію.	348
Идео-моторный актъ	350
Обдуманныя дѣйствія.	355
Пять главныхъ типовъ рѣшимости	356
Чувство усилія	360
Здоровая воля	361
Повышенная активность воли: 1) Отъ недостаточнаго задержанія движенія.	363
2) Отъ чрезмѣрной силы импульса	365
Пониженная активность воли	366
Усиліе совнается нами, какъ нѣкоторый первичный факторъ.	368
Страданіе и наслажденіе, какъ источники дѣятельности	370
Наши дѣйствія опредѣляются объектомъ, на который направлено наше вниманіе	373
Воля есть отношеніе между умомъ и «идеями».	374
Волевое усиліе есть усиліе вниманія	374
Вопросъ о свободѣ воли	381
Важное этическое значеніе волевого усилія	382

Э П И Л О Г Ъ.

Психологія и философія.

Значеніе слова «метафизика».	384
Отношеніе сознанія къ мозгу	385
Отношеніе состояній сознанія къ объектамъ.	387
Выясненіе измѣнчиваго характера нашего сознанія	389
Существованіе состояній сознанія, какъ таковыхъ, не есть вполне доказанный фактъ	390
Заключеніе	391
Index nominum	393
Index rerum	395

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>		<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
Въ предисловіи автора:				
—	4	снизу	«Объ удовольствіи и боли»	«О наслажденіи и страданіи»
Въ статьѣ переводчика:				
7	13	снизу	1886	1883
13	16	сверху	1893	1890
— — —				
8	10	снизу	непосредственно	не непосредственно.
29	21	сверху	нашо	наши
—	22	»	несовпаденіе	несовпаденіе
38	14	»	perilympha	perilympha
43	18	снизу	tetanus	tetanus
69	5	сверху	для неопытнаго	на неопытнаго
72	2	снизу	тока	тона
87	1	»	онъ	оно
93	10	»	яиць	яиць
94	17	сверху	сморщеніемъ рукъ	сморщеніемъ рукъ у испытываемаго субъекта.
107	1	снизу	опія	опіума
109	15	»	отвлеченной абстракціи	абстракціи
114	10	сверху	«личнаго сознанія»	«личное сознаніе»
127	19	»	этомъ	иномъ
129	7	»	но другія, міръ	но другія, создали міръ
138	14	»	Ассоціонисты	Ассоціаціонисты
140	15	снизу	хроникку	хронику
150	20	»	представляетъ изъ себя	такое
152	23	сверху	качественно	качественно
157	13	»	трошедшее	прошедшее
—	15	»	накомъ	такомъ
164	6	»	я	ея
167	9	снизу	трансцедентальное	трансцендентальное

Страница: Строчка:			Напечатано:	Следует читать:
169	11	снизу	de rigèrè	de rigèrè
171	12	»	быстр-	быстро
—	11	»	раз,	раз-
186	—	»	роже	поле
—	22	»	противоположенныхъ	противоположенныхъ
219	15	сверху	въ въ потемкахъ	въ потемкахъ
228	10	снизу	интуитивное	интуитивное
229	13	сверху	имени	именно
230	11	»	выносить	въ жизни испытать
231	9	»	есть	служить
233	7	снизу	М—	М—N
235	10	»	памяти	памяти
239	21	сверху	представляет изъ себя	представляет
242	7	»	эру	эпоху
251	20	»	обычаемъ	привычкой
254	19	снизу	болѣе и болѣе нево- можнымъ	менѣе и менѣе вѣроят- нымъ
254	6	сверху	словъ	слоговъ
268	19	»	опія	опіума
269	19	»	см. стр.	см. стр. 248-ю.
274	23	»	индукторъ	кондукторъ
290	24	снизу	тѣмъ, чѣмъ она есть	тѣмъ, что она есть
296	1	сверху	выживанія	переживанія
297	2	снизу	стр.	стр. 198-й
301	14	сверху	превратили мы	превратили ли мы
308	16	снизу	въ организмъ	на организмъ
312	15	сверху	тѣмъ, чѣмъ онѣ суть,	тѣмъ, что онѣ суть
317	9	снизу	навѣстно первымъ уче- нымъ насколько миѣ	насколько миѣ навѣстно первымъ ученымъ
318	3	»	красивіе	красота
324	21	»	странны	странными
332	12	сверху	дѣлать	дѣлать
334	14	»	является	становится
337	9	»	возобладать	одержать верхъ
357	14	снизу	на	ни
365	16	сверху	овладавшей	овладѣвшей

РИСУНКИ.

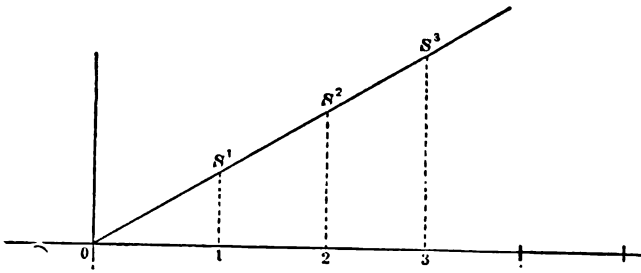

Рис. 1-й. (См. стр. 14-ю).

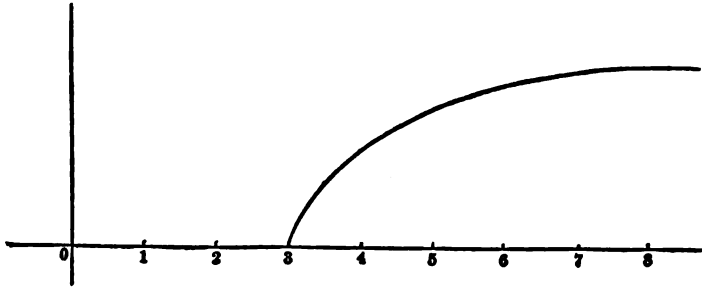

Рис. 2-й. (См. стр. 14-ю).

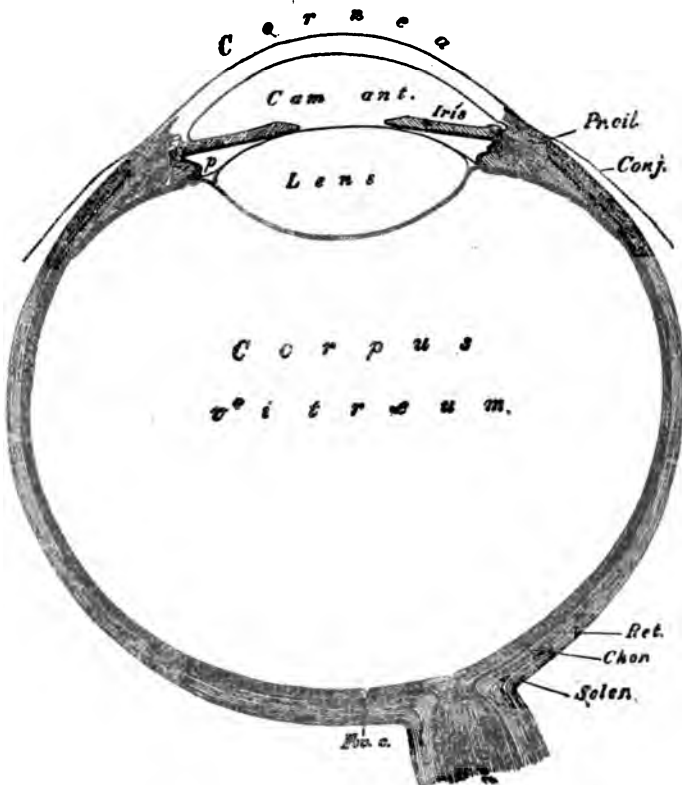

Рис. 3-й. (См. стр. 23-ю).

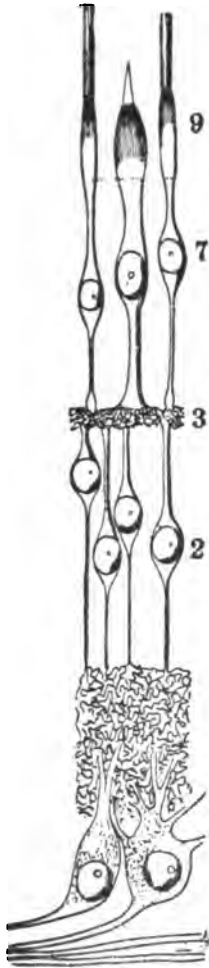

Рис. 4-й. (См. стр. 23-ю).

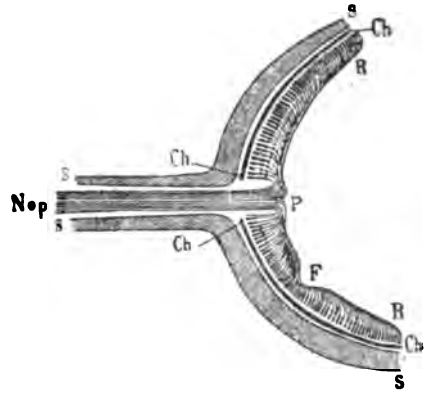

Рис. 5-й. Разрывъ ретиальныхъ волоконъ по Кюссу (Küss); Nor = зрительный нерв; S = твердая об.; Ch. = сосудистая об.; R = ретина; P = слѣзное пятно; F = желтое пятно. (См. стр. 23-ю).

+

Рис. 6-й. (См. стр. 24-ю).

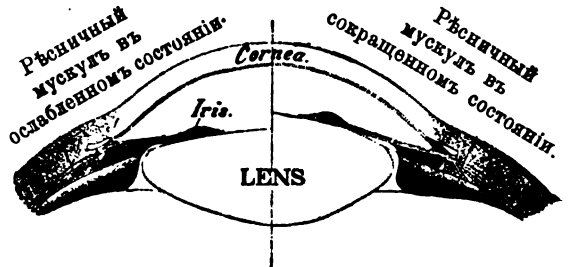

Рис. 7-й. (См. стр. 23-ю).

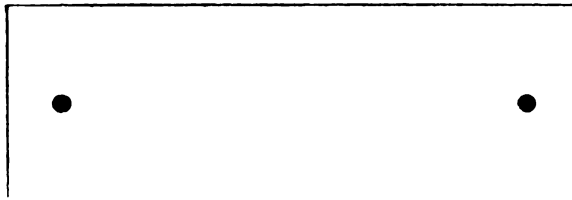

Рис. 8-й. (См. стр. 27-ю).

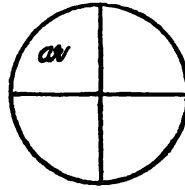
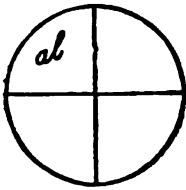

Рис. 9-й. (См. стр. 26-ю).

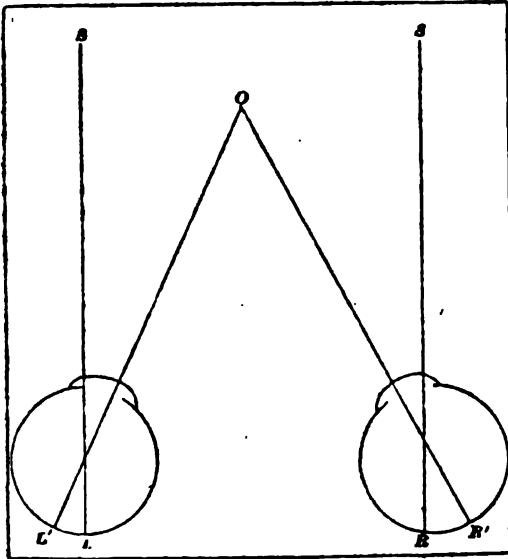

Рис. 10-й. (См. стр. 27-ю).

Рис. 11-й. (См. стр. 28-ю).

Рис. 12-й. (См. стр. 29-ю).

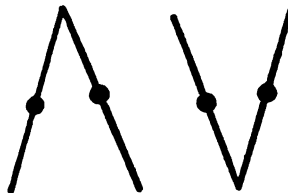

Рис. 13-й. (См. стр. 29-ю). Рис. 14-й. (См. стр. 29-ю).

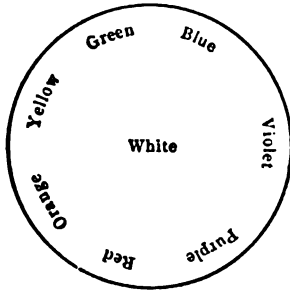
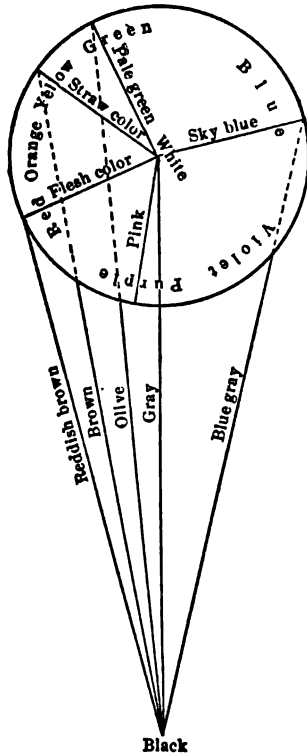

Рис. 15-й. (См. стр. 31-ю).
 green—зеленый
 blue—голубой
 violet—фиолетовый
 purple—пурпуровый
 red—красный
 orange—оранжевый
 yellow—желтый
 white—бѣлый

green—зеленый
 blue—голубой
 yellow—желтый
 orange—оранжевый
 red—красный
 purple—пурпуровый
 violet—фиолетовый
 white—бѣлый
 brown—коричневый
 olive—оливковый
 gray—сѣрый
 blue gray—синий
 pink—малиновый
 flesh color—розовый
 straw color—желтоватый
 pale green—зеленоватый
 sky blue—небесно-голубой
 black—черный
 reddish brown—красно-
 вато-коричневый.

Рис. 16-й. (См. стр. 31-ю).

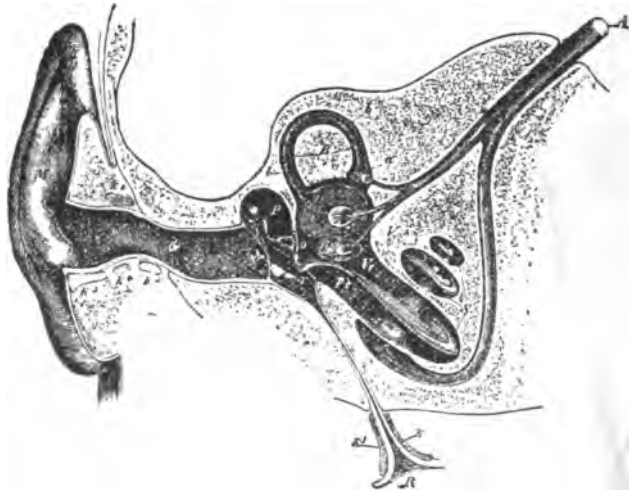

Рис. 17-й. Полудиаграмматический разръзъ праваго уха (по Чермаку). М = concha; g = внѣшнй слуховой meatus; Т = membrana tympani; Р = sacum tympani; О = овальное отверстие; г = круглое отверстие; R = сообщенiе Евстахiевой трубы съ гортанью; V = vestibulum; В = полукружный каналъ; S = cochlea; Vt = scala vestibuli; Pt = scala tympani; А = слуховой нервъ. (См. стр. 36-ю).

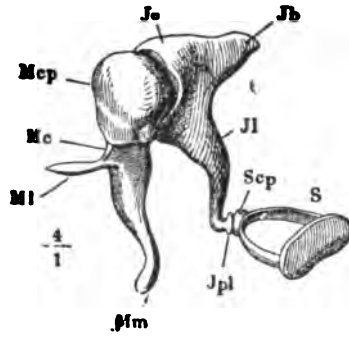

Рис. 18-й. Мср, Мс, Мl и Мтг—различныя части молоточка Іс, Jb, Jl. Jpl—различныя части наковальни. S = стремя. (См. стр. 37-ю).

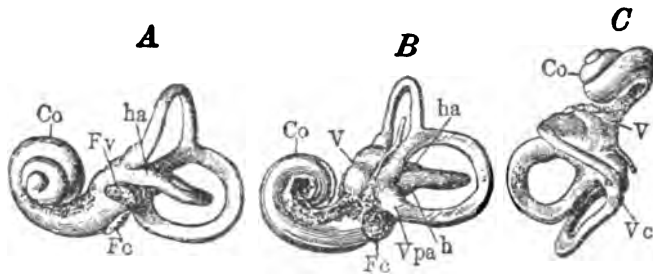

Рис. 19-й. Внѣшній видъ костнаго лабиринта. А = лѣвый лабиринтъ, видимый съ наружной стороны. В = правый лабиринтъ, видимый съ внутренней стороны. С = лѣвый лабиринтъ, видимый сверху; Со = cochlea. V = vestibulum. Fc = круглое отверстие. Fv = овальное отверстие. h = горизонтальный полукружный каналъ. ha = его ампула. vpa = ампула передняго вертикальнаго полукружнаго канала. vpa = ампула задняго вертикальнаго полукружнаго канала. vc = смежныя части двухъ вертикальныхъ каналовъ. (См. стр. 38-ю).

Рис. 20-й. Сѣченіе черезъ cochlea по линіи ея оси. (См. стр. 38-ю).

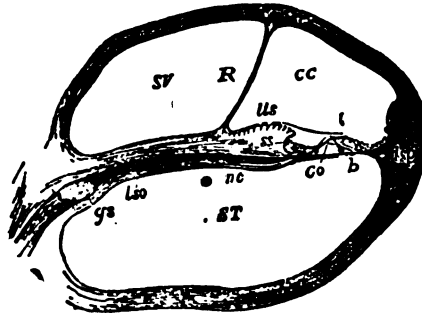

Рис. 21-й. Сѣченіе одной изъ частей cochlea въ увеличенномъ размѣрѣ. SV = scala vestibuli. R = Рейсснера перепонка. CC = scala media. lls = limbus laminae spiralis. t = membrana tectoria. ST = scala tympani. lso = lamina spiralis. Co = Кортиевы столбы. b = основная перепонка. (См. стр. 38-ю).

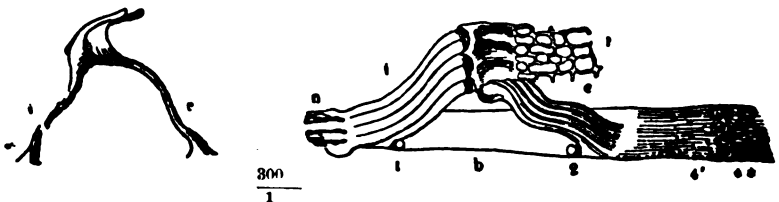

Рис. 22-й. Кортиевы столбы. А = пара столбовъ, отдѣленная отъ остальныхъ; В = часть основной перепонки съ нѣсколькими столбами на ней, образующими закрытый проходъ; i = внутренніе, e = внѣшніе столбы; b = основная перепонка; r = membrana reticularis. (См. стр. 39-ю).

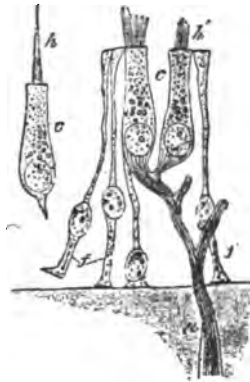

Рис. 23-й. Чувствительный эпителий изъ ампуллы или полукружнаго канала и sacculus. Въ n нервное волокно пронизываетъ стѣнку и развѣтвляясь входитъ въ двѣ рѣсничныхъ клѣтки v. Въ h мы видимъ «столбообразную» клѣтку съ длиннымъ волоскомъ, отъ основанія которой оторвано нервное волокно. Тонкія клѣтки въ f кажутся не связанными съ нервными волокнами. (См. стр. 40-ю).

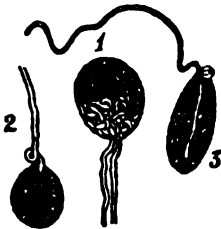

Рис. 24-й. Концевыя колбочки отъ конъюнктивы челоуѣческаго глаза въ увеличенномъ видѣ. (См. стр. 45-ю).

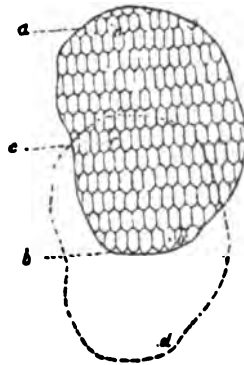

Рис. 25-й. (См. стр. 47-ю).

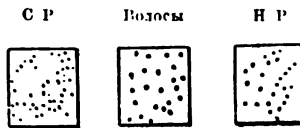

Рис. 26-й. Въ четырёхугольникѣ СР обозначено расположеніе точекъ холода, въ четырёхугольникѣ НР обозначено расположеніе точекъ тепла; въ среднемъ четырёхугольникѣ обозначено расположеніе волосъ на части одного пальца Гольдшейдера. (См. стр. 48-ю).

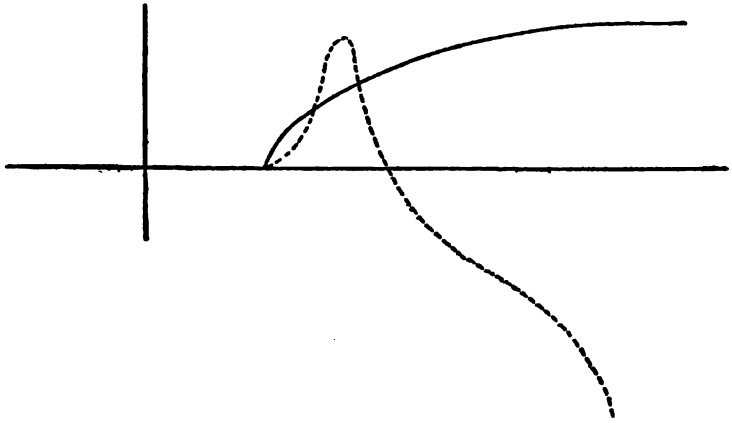

Рис. 27-й. (См. стр. 51-ю).

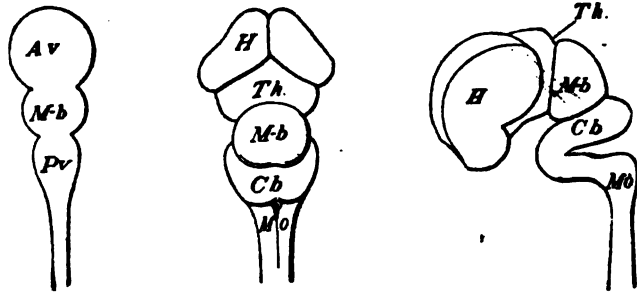

Рис. 28-й. (См. стр. 59-ю). Рис. 29-й. (См. стр. 59-ю). Рис. 30-й. (См. стр. 59-ю).
По Huguenin.

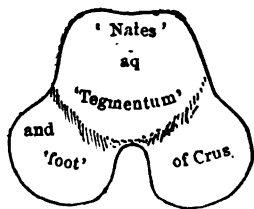

Рис. 31-й. Nates суть переднія согрора quadrigemina; aq представляет сечение Сильвиева водопровода; tegmentum и двѣ «ножки» образуютъ вмѣстѣ сгуга. Они отмѣнены буквами СС, а + (крестъ) на рис. 32-мъ означаетъ Сильвиевъ водопроводъ. (См. стр. 59-ю).

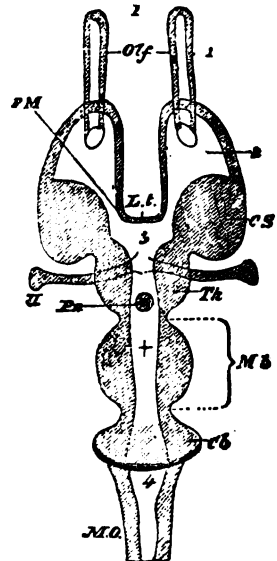

Рис. 32. (По Гёксли). (См. стр. 60-ю).

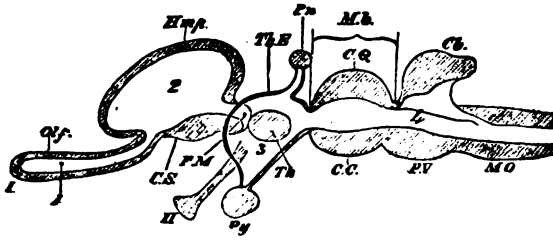

Рис. 33. (По Гёксли). (См. стр. 60-ю).

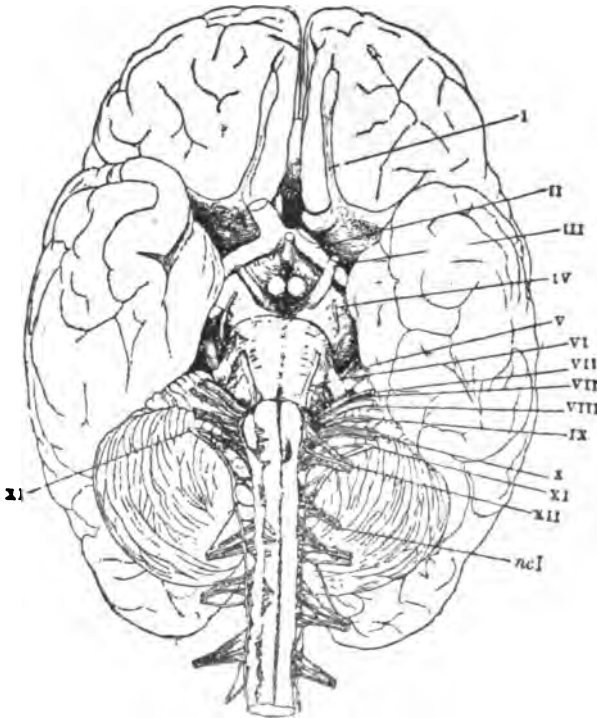

Рис. 34. Человѣчскій мозгъ снизу съ обозначеніемъ нервовъ (Генле): I обонятельный, II зрительный, III окуломоторный, IV trochlearis, V trigeminus, VI abducens oculi, VII facialis, VIII слуховой, IX glosso-pharyngeus, X pneumogastricus, XI accessorius Willisii, XII hypoglossus, nc I cervicalis primus etc. (См. стр. 62-ю).

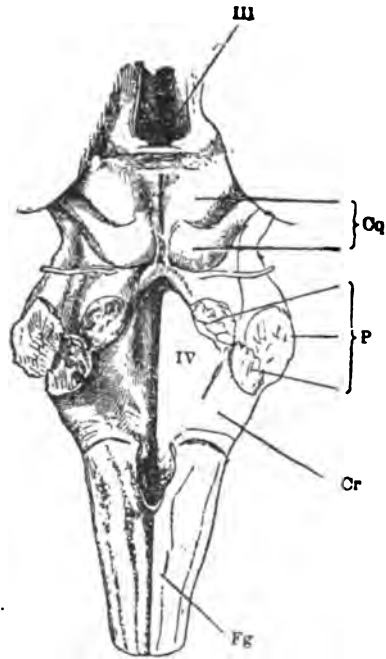

Рис. 35. Четвертый желудочек etc. (по Генле). Ш = третий желудочек. IV = четвертый желудочек. P. = передняя, средняя и задняя pedunculi cerebelli въ разрѣзѣ. Cr. = corpus restiforme. F. g. = funiculus gracilis, Cq = corpora quadrigemina. (См. стр. 61-ю).

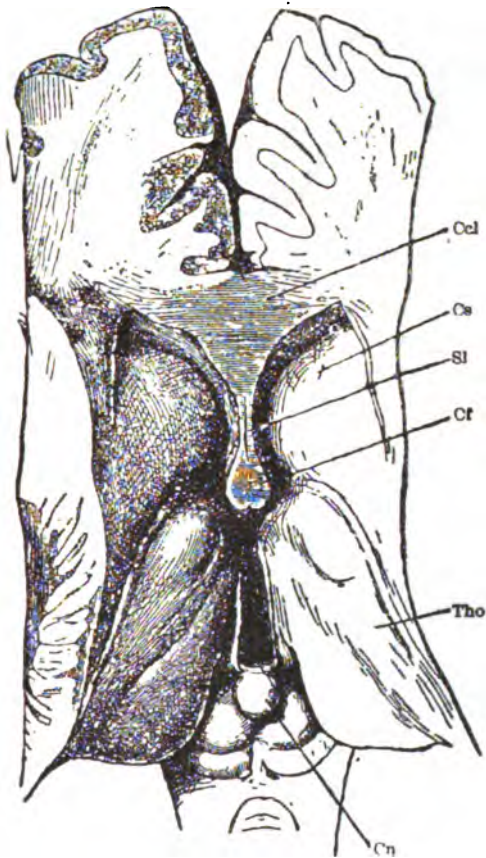

Рис. 36-й. (См. стр. 61-ю). Горизонтальное сечение человеческого мозга какъ разъ надъ зрительными буграми: Ccl = corpus callosum; Cs = corpus striatum; ls = septum lucidum; Cf = столбы свода; Tho = зрительные бугры; Cn = glandula pinealis (По Гейле).

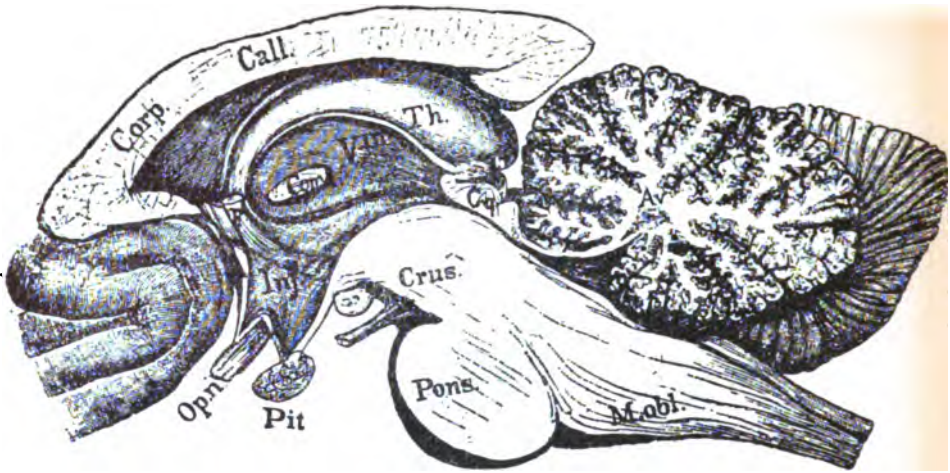

Рис. 37. Медиальное сечение человеческого мозга книзу от полушарий: Th = thalamus. Corp. = corpora quadrigemina. V. III. = третий желудочекъ. Com. = средняя комиссура. F. = столбы свода. Inf. = infundibulum. Op. п. = зрительный нервъ. S. A. = Питуитарное гъбло А. v. = arbor vitae. (По Оберштейну). (См. стр. 61-ю).

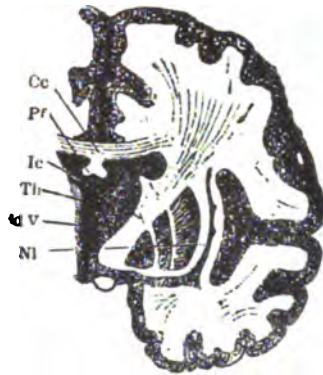

Рис. 38-й. (См. стр. 61-ю).

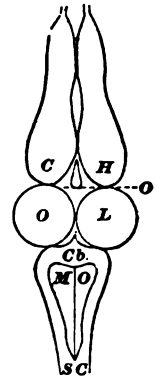

Рис. 39. С. Н. = мозговая полушария; О. Th. = зрительные бугры; О. L. = зрительная доля; Сb. = мозжечекъ; М. О. = medulla oblongata S.; С. = спинной мозгъ (См. стр. 67-ю).

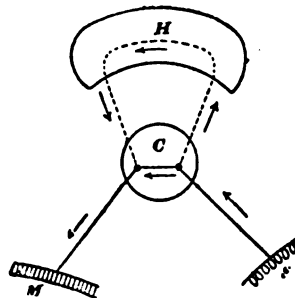

Рис. 40-й. (См. стр. 72-ю).

Рис. 41. Head=голова; arm=рука; leg=нога; face=лице; trunk=туловище; movements of foot and toes=движения ступни и пальцев на ногах; flexion of thigh and leg=сгибъ коленобедренный и тазобедренный; protraction = разгибание; retraction = сгибание; wrist and fingers=кисть и пальцы на руках; upper face muscles = верхние лицевые мускулы; mouth and larynx=ротъ и гортань; fissure of Sylvius = Сильвиева бороздка; parallel f. = параллельная б; ext. parieto-occipit.=внѣшняя затылочно-темянная б.; presentr. = прецентральная б.; f. of Rolando = Роландова б. (См. стр. 79-ю).

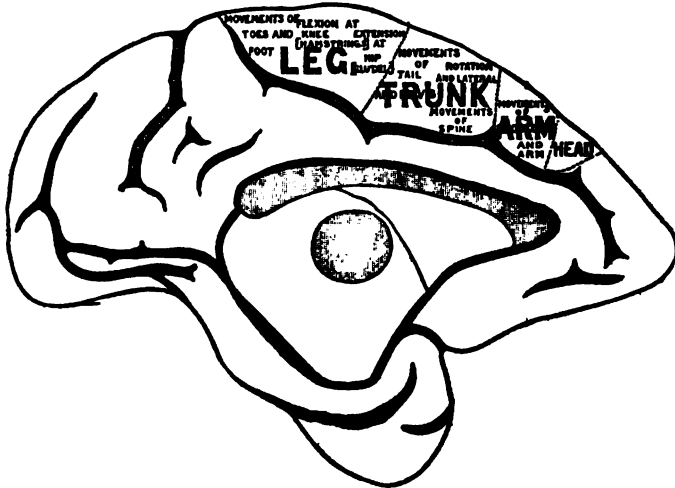

Рис. 42. leg=нога, trunk=туловище, arm=рука, head=голова, movements of toes and foot=движения ступни и пальцев на ногах, flexion at knee=коленный сгибъ, rotation and lateral movements of spine=вращательныя и боковыя движения спины, movements of tail and pelvis=движения хвоста и таза, movements of shoulder and arm=движения плеча и руки, extension at hip=разгибание въ тазобедренномъ сочленении, callosomarginalis=мозолисто-краевая б., parieto-occipitalis = затылочно-темянная б. (См. стр. 79-ю).

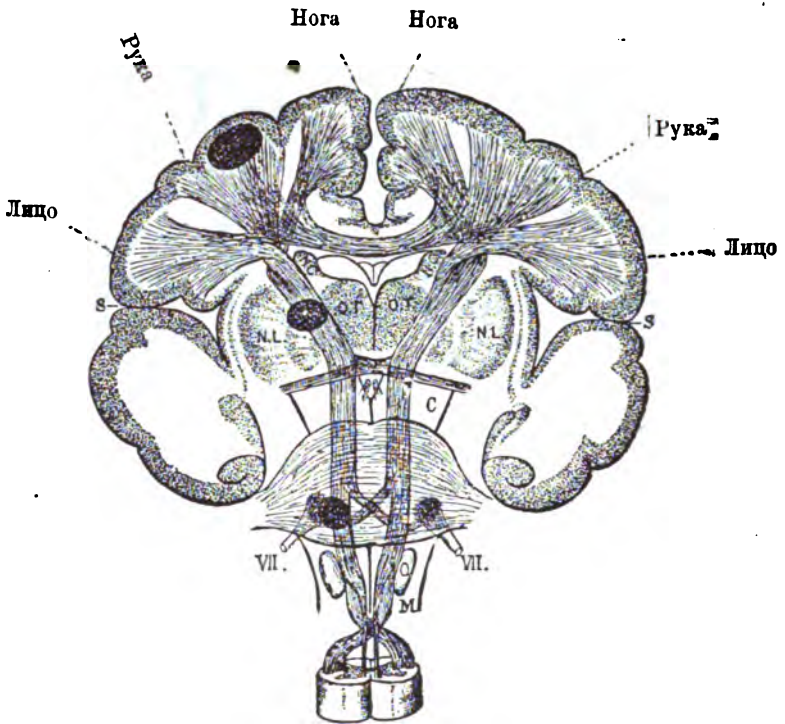

Рис. 43. (См. стр. 79-ю).

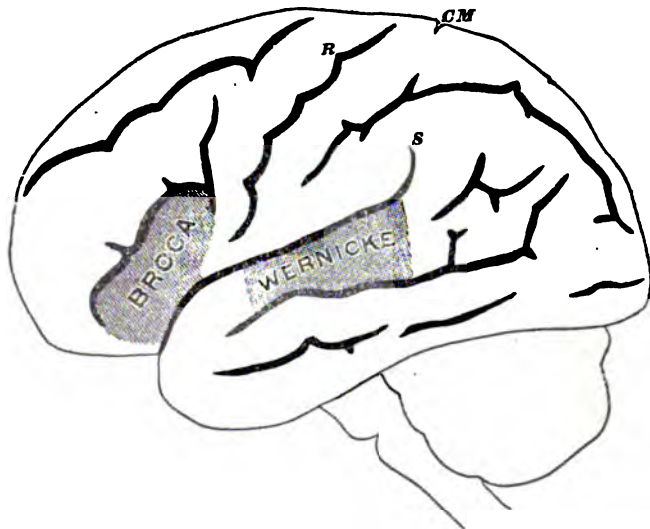
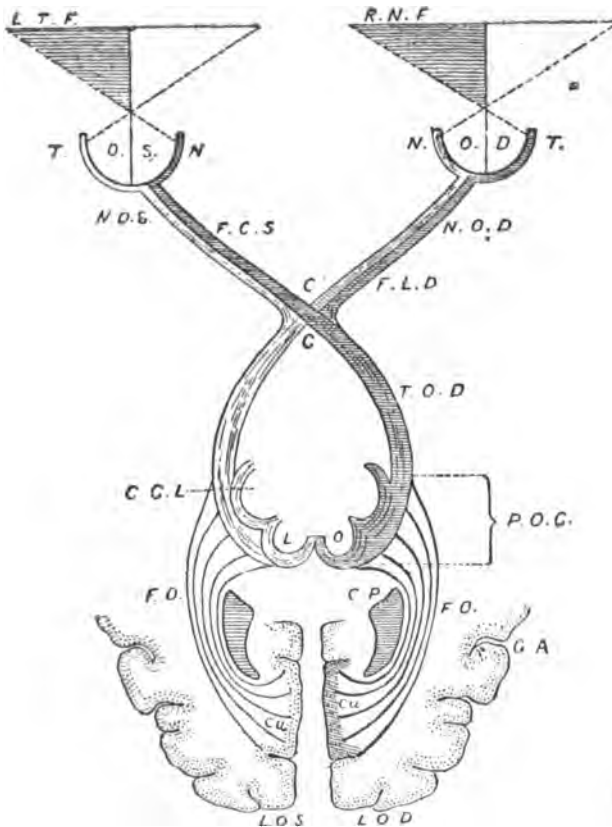

Рис. 44. Схематический профиль лѣваго полушарія, затѣнены тѣ части, разрушеніе коихъ влечетъ за собою двигательную («Broca») и чувственную («Wernicke») афазію. (См. стр. 82-ю).

Рис. 45-й. Схема зрительного механизма по Сегэну; предполагается, что повреждена извилина синая в правой затылочной доле, и всё ведущая к ней части затѣнены, чтобы показать, что онѣ лишены способности отправлять свойственныя имъ функціи. F. O. = находящаяся внутри полушарій зрительная волокна; P. O. C. = область нижнихъ зрительныхъ центровъ (corpora geniculata и quadrigemina); T. O. D. = правый зрительный путь; C = chiasma. F. L. D. = зрительныя волокна, ведущія къ латеральной или височной половинкѣ Т правой ретины; F. C. S. = волокна, идущія къ медиальной половинкѣ лѣвой ретины; O. D. = правое, O. S. = лѣвое глазное яблоко. Такимъ образомъ, правая половинка каждого глазного яблока слѣпа, другими словами, правое медиальное (ближайшее къ носу) поле зрѣнія R. N. F. и лѣвое латеральное поле зрѣнія L. T. F. становятся невидимыми для лица, имѣющаго поврежденіе въ Ск. (См. стр. 80-ю).

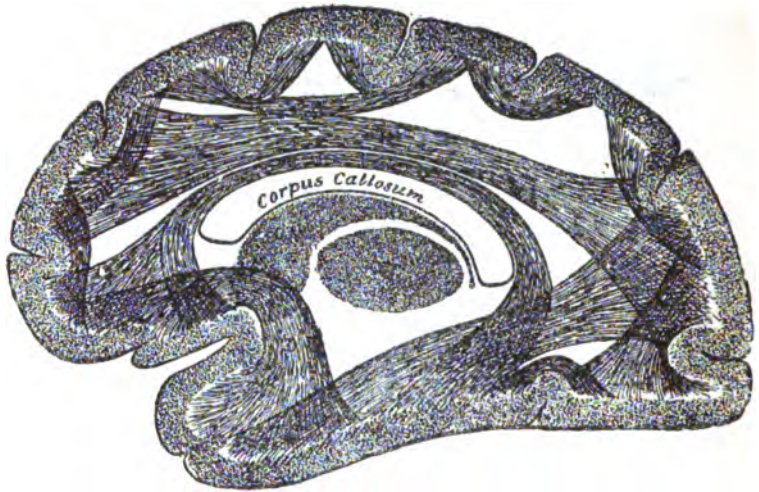

Рис. 46. Волокна, связующия между собою кортикальные центры. (Схема по Старру). (См. стр. 83-ю).

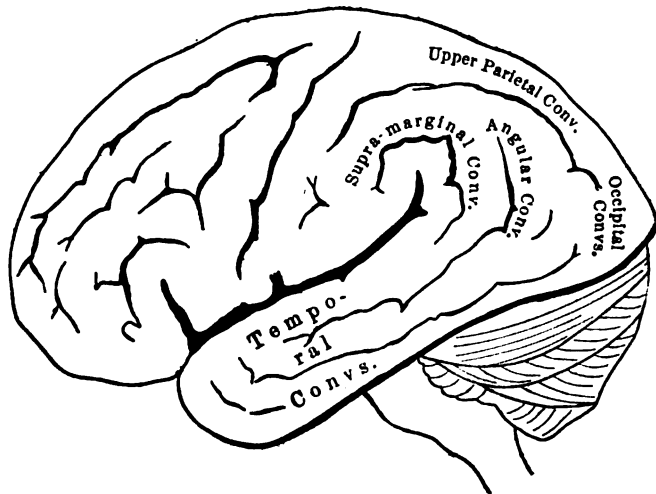

Рис. 47-й. (См. стр. 84-ю).

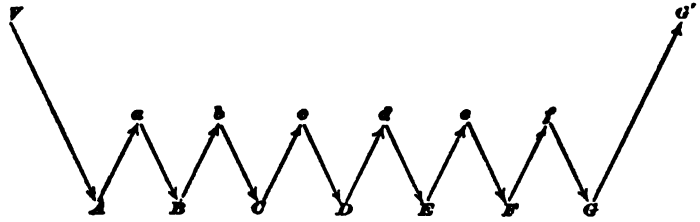

Рис. 51-й. (См. стр. 102-ю).

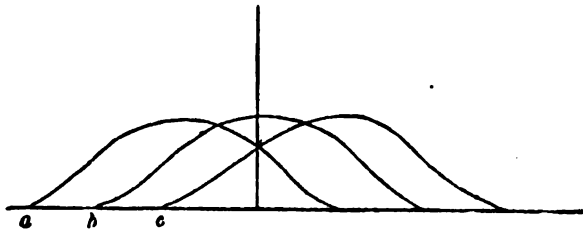

Рис. 52-й. (См. стр. 125-ю).

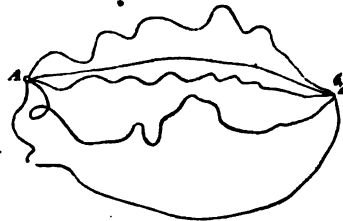

Рис. 53-й. (См. стр. 127-ю).

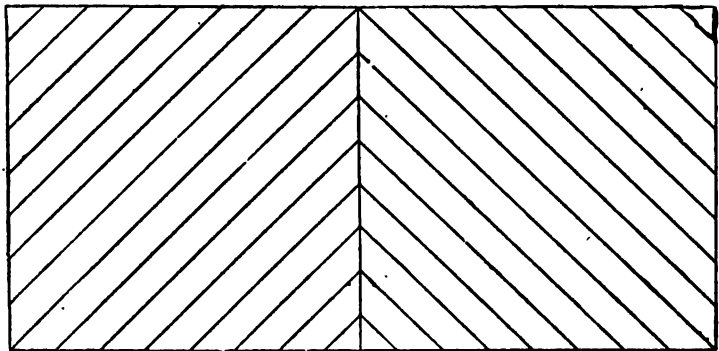

Рис. 54-й. (См. стр. 177-ю).

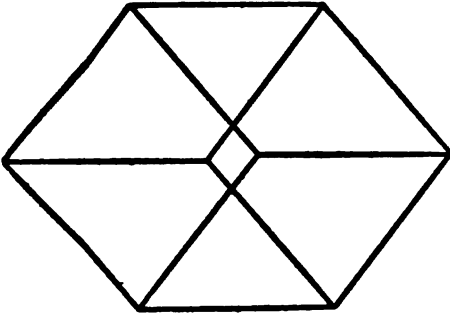

Рис. 55-й. (См. стр. 184-ю).

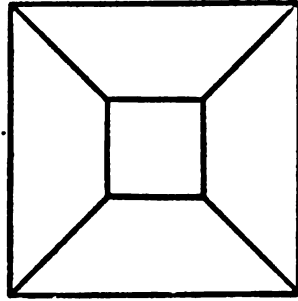

Рис. 56-й. (См. стр. 184-ю).

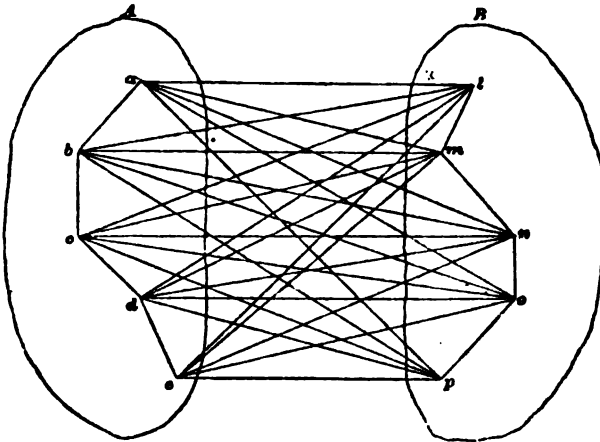

Рис. 57-й. (См. стр. 205-ю).

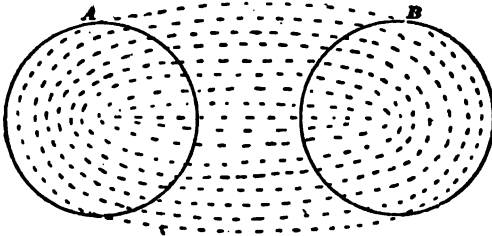

Рис. 58-й. (См. стр. 213-ю).

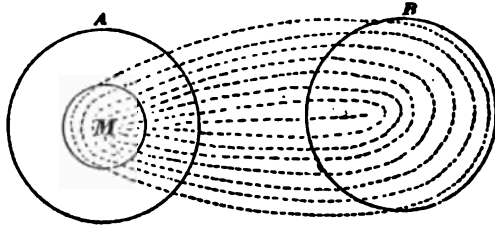

Рис. 59-й. (См. стр. 213-ю).

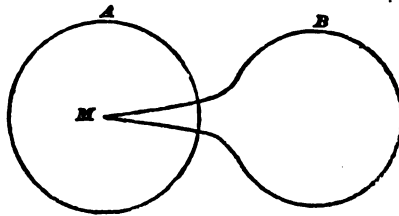

Рис. 60-й. (См. стр. 213-ю).

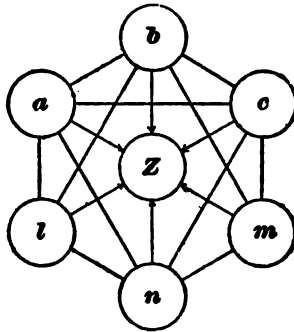

Рис. 61-й. (См. стр. 217-ю).

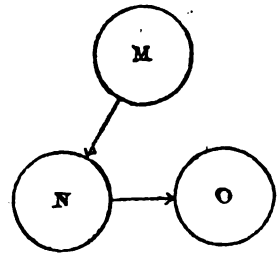

Рис. 62-й. (См. стр. 231-ю).

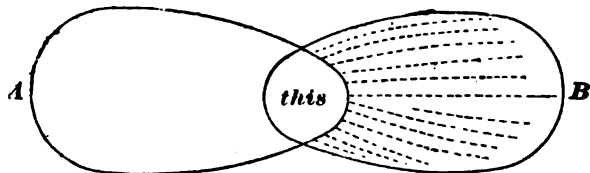

Рис. 63-й. This=«это». (См. стр. 254-ю).

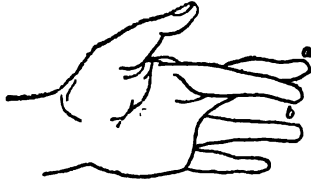

Рис. 64-й. (См. стр. 255-ю).

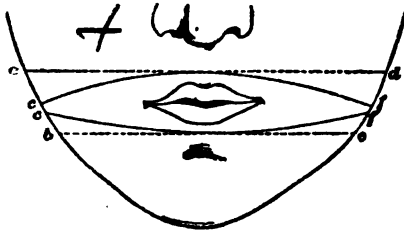

Рис. 65-й. (По Веберу) Пунктирные линии означают действительный путь, сплошные—кажущийся. (См. стр. 272-ю).

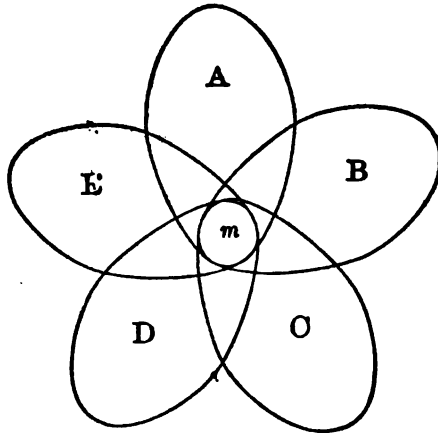

Рис. 66-й. (См. стр. 299-ю).

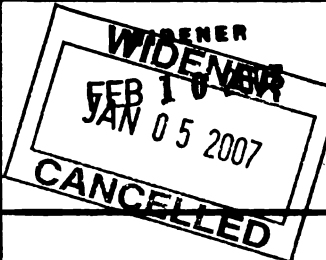

WIDENER LIBRARY

Harvard College, Cambridge, MA 02138: (617) 495-2413

If the item is recalled, the borrower will be notified of the need for an earlier return. (Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.)

Thank you for helping us to preserve our collection!